

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФГБОУ ВО «ДОНЕЦКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ISSN 2664-7362 (Print)
ISSN 2664-7370 (Online)

МАТЕРИАЛЫ
IX Международной научной конференции
Донецкие чтения 2024:
образование, наука, инновации,
культура и вызовы современности

Том 4

Филологические науки.
Часть 1

Уважаемые коллеги! Дорогие друзья!

От имени ректората, Ученого совета Донецкого государственного университета, всего академического сообщества Донецкой Народной Республики приветствую наших друзей из различных регионов Российской Федерации и зарубежных стран, принимающих участие в традиционной, теперь уже IX Международной научной

конференции **«Донецкие чтения 2024: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности»**.

Минуло девять лет с тех пор, как в нашем университете прошла **первая конференция**, которая за прошедшие годы приобрела широкую известность, стала авторитетным научным собранием, привлекла внимание большого числа ученых. Расширился спектр рассматриваемых научных направлений и вовлеченность в научные дискуссии известных ученых и специалистов-практиков, возросли актуальность и практическая значимость представляемых научных результатов.

Международную многопрофильную научную конференцию «Донецкие чтения» мы проводим уже **третий раз в составе Российской Федерации**. Эпохальное событие – приём Донецкой Народной Республики в состав Российской Федерации – дало могучий толчок развитию и углублению наших научных исследований, благодаря России мы получили достойное финансирование, новейшее оборудование, новые перспективные научные направления и наша общая цель – приложить все усилия к решению задач, которые ставит перед нами Родина.

2022–2031 годы объявлены Президентом России Владимиром Владимировичем Путиным как **Десятилетие науки и технологий**. Полагаю, что наша многопрофильная конференция вносит достойный вклад в решение задач, поставленных Президентом, в том числе и по привлечению талантливой молодежи в науку – анализ поступивших тезисов показал, что три четверти докладов подготовлены молодыми учёными!

На Конференции будут представлены почти **1 900 научных докладов в четырнадцать профильных секциях**. Будут работать **семьдесят девять подсекций и одиннадцать круглых столов**.

Труды конференции уже сейчас доступны в электронной форме, составляют **десять томов в шестнадцати книгах** общим объемом **5 650 страниц** и будут размещены в наукометрической базе РИНЦ.

В ходе конференции приглашаю вас к обстоятельному разговору о способах и механизмах скорейшего внедрения новых, прорывных научных разработок, с тем чтобы наши достижения способствовали укреплению суверенитета и безопасности нашей и дружественных стран, росту качества жизни россиян.

Желаю успехов всем участникам конференции, а всем нам – новых научных достижений во благо России!

С наилучшими пожеланиями, ректор Донецкого государственного университета, доктор физико-математических наук, профессор
Светлана Владимировна Беспалова

Министерство науки и высшего образования
Российской Федерации

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Донецкий государственный университет»

IX Международная научная конференция

Материалы
конференции

Том 4
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ
НАУКИ

Часть 1

Донецкие чтения 2024: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности

г. Донецк
15–17 октября 2024 г.

Донецк
Издательство ДонГУ
2024

ББК Ш.я431+Ш4я431+Ч612я431
УДК 811+82+070(043.2)
Д672

Редакционная коллегия:

С. В. Беспалова (гл. ред.), А. В. Белый (зам. гл. ред.),
М. В. Фоменко, Н. А. Ярошенко, В. И. Теркулов,
А. А. Кораблёв, И. М. Артамонова, М. Н. Панчехина,
Д. И. Борозенец, К. В. Першина, Н. Е. Каика,
А. С. Бурляй (отв. секр. секции).

Д672 Донецкие чтения 2024: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: Материалы IX Международной научной конференции (Донецк, 15–17 октября 2024 г.). – *Том 4: Филологические науки. Часть 1* / под общей редакцией проф. С.В. Беспаловой. – Донецк: Изд-во ДонГУ, 2024. – 429 с.

Ответственность за содержание материалов, аутентичность цитат, правильность фактов и ссылок несут авторы.

В первую часть четвертого тома материалов IX Международной научной конференции «Донецкие чтения 2024: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности» вошли исследования по актуальным проблемам филологических наук. Рассматриваются вопросы грамматики и словообразования русского языка, актуальные проблемы лингворусистики и регионалистики, лингвистики войны, общего, славянского и прикладного языкознания, истории русской литературы и теории словесности, журналистики и медиакommunikаций.

Освещенные в сборнике проблемы и направления их решения будут полезны научным работникам, преподавателям, студентам, аспирантам и докторантам, проводящим научные исследования в области филологических наук.

ББК Ш.я431+Ш4я431+Ч612я431
УДК 811+82+070(043.2)

© Коллектив авторов, 2024

© Донецкий государственный университет, 2024

ПРОГРАММНЫЙ КОМИТЕТ КОНФЕРЕНЦИИ

Председатель:

Беспалова С.В., д-р физ.-мат. наук, профессор, ректор Донецкого государственного университета (г. Донецк).

Заместитель председателя:

Бабурин С.Н., д-р юрид. наук, профессор, главный научный сотрудник Института государства и права РАН, Президент Международной славянской академии наук, образования, искусств и культуры, Президент Ассоциации юридических вузов (г. Москва).

Члены программного комитета:

Андреев Д.А., д-р ист. наук, доцент, заместитель декана по научной работе исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (г. Москва).

Аноприенко А.Я., канд. техн. наук, профессор, ректор Донецкого национального технического университета (г. Донецк).

Белый А.В., канд. хим. наук, доцент, проректор Донецкого государственного университета (г. Донецк).

Вартанова Е.Л., д-р филол. наук, академик РАО, декан факультета журналистики Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (г. Москва).

Воронова О.Е., д-р филол. наук, профессор, профессор кафедры литературы и журналистики Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина, руководитель Есенинского научного центра РГУ имени С.А. Есенина, член Общественной палаты Российской Федерации, член Союза писателей и Союза журналистов России, руководитель Центра региональных проектов и межрегиональных связей РГУ имени С.А. Есенина (г. Рязань).

Глухов А.З., д-р биол. наук, профессор, главный научный сотрудник Донецкого ботанического сада, профессор кафедры ботаники и экологии Донецкого государственного университета (г. Донецк).

Данилюк Д.А., канд. физ.-мат. наук, ст. науч. сотр., и.о. директора ФГБНУ «Институт прикладной математики и механики» (г. Донецк).

Зайченко Н.М., д-р техн. наук, профессор, ректор Донбасской национальной академии строительства и архитектуры (г. Макеевка).

Зинченко Ю.П., д-р психол. наук, профессор, академик РАО, декан факультета психологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (г. Москва).

Кирпичников М.П., д-р биол. наук, профессор, академик РАН, декан биологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (г. Москва).

Кишкань Р.В., директор филиала «Южный» ФГБУ «Всероссийский научно-исследовательский институт охраны окружающей среды – единый научный центр Минприроды России» (ВНИИ «Экология») (г. Донецк).

Лингарт А.А., д-р филол. наук, профессор, декан филологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (г. Москва).

Лубков А.В., д-р ист. наук, профессор, академик РАО, ректор Московского педагогического государственного университета (г. Москва).

Некипелов А.Д., д-р экон. наук, профессор, академик РАН, директор Московской школы экономики Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (г. Москва).

Половян А.В., д-р экон. наук, доцент, директор ГБУ «Институт экономических исследований» (г. Донецк).

Приходько С.А., канд. биол. наук, ст. науч. сотр., директор ФГБНУ «Донецкий ботанический сад» (г. Донецк).

Решидова И.Ю., канд. физ.-мат. наук, ст. науч. сотр., и.о. директора ФГБНУ «Донецкий физико-технический институт им. А.А. Галкина» (г. Донецк).

Рябичев В.Д., д-р техн. наук, профессор, ректор Луганского государственного университета имени Владимира Даля (г. Луганск).

Соболев В.И., д-р биол. наук, профессор кафедры здоровья и реабилитации Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского (г. Ялта).

Соколов И.А., д-р техн. наук, профессор, академик РАН, декан факультета вычислительной математики и кибернетики, зав. кафедрой информационной безопасности Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (г. Москва).

Тедеев В.Б., канд. техн. наук, профессор, ректор Юго-Осетинского государственного университета имени А.А. Тибилова (г. Цхинвал).

Третьяков В.Т., профессор, декан Высшей школы телевидения Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (г. Москва).

Удодов И.А., канд. хим. наук, доцент, и.о. директора ФГБНУ «Научно-исследовательский институт «Реактивэлектрон» (г. Донецк).

Хомутова Е.В. – канд. биол. наук, и.о. директора ФГБНУ «Институт физико-органической химии и углехимии им. Л.М. Литвиненко» (г. Донецк).

Русский язык.

Грамматика и словообразование

УДК 81'373.611

СЛОЖНОСОКРАЩЁННЫЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ КАК РАЗНОВИДНОСТЬ АББРЕВИАТУР

Агаркова М. Д., ORCID 0009-0002-1818-0540,

Теркулов В. И., д-р филол. наук, проф., ORCID 0000-0002-0418-4260

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ

agarkova03@mail.ru, v.terkulov@donnu.ru

Введение. По мнению большинства исследователей, аббревиатура — это «существительное (выделено нами — М.А.), состоящее из усечённых слов, входящих в исходное словосочетание» [2, с. 121], а «процесс сложения усечённых основ или усечённых и полных основ, действующий только относительно словообразования имён существительных (выделено нами — М. А.)» [1, с. 17]. Однако наше исследование показало, что все признаки аббревиатур и квазиаббревиатур есть и у прилагательных, содержащих абброконструкт.

Цель работы состоит в определении особенностей аббревиатурных и квазиаббревиатурных прилагательных. Для достижения цели необходимо решение следующих **задач**:

- дать определение аббревиатурному и квазиаббревиатурному прилагательному;

- описать функциональные типы аббревиатурных и квазиаббревиатурных прилагательных;

- описать особенности дешифровки аббревиатурных прилагательных.

Основная часть. Под **сложносокращённым словом** (далее — ССС) мы понимаем, «с точки зрения диахронии, единицы, возникшие в результате универбализации и противопоставляющиеся квазиаббревиатурам как единицам, возникшим в результате прямого абброморфемного словообразования, а с точки зрения синхронии — как единицы, имеющие актуальные текстовые эквиваленты» [4, с. 105].

В связи с вышесказанным термин «аббревиатура» имеет разное значение на разных срезах языка. Так, **диахронные аббревиатуры** — «сложносокращённые слова, реально возникшие на базе словосочетаний и противопоставляющиеся квазиаббревиатурам» [3, с. 86]. На диахронном срезе ССС должно содержать абброконструкт и быть произведено от словосочетания в результате его универбализации (*борткомпьютер*>

бортовой компьютер). Квазиабревиатуры же характеризуются отсутствием словосочетания-источника (*автомобильный*).

Синхронные аббревиатуры — единицы, связанные мотивационными отношениями со словосочетанием и содержащие эквиваленты не менее двух компонентов этого словосочетания. В результате псевдоунивербализации, то есть развёртывания вторичного словосочетания, ССС, которые на диахронном срезе являются квазиабревиатурами, на синхронном могут восприниматься как аббревиатуры. Так, если в диахронном аспекте ССС *алкозависимый* относится к квазиабревиатурам за неимением словосочетания-источника, то в синхронном — входит в состав аббревиатур, так как для него обнаруживаются псевдоунивербаты — развёрнутые вторичные словосочетания: *алкозависимый* = *алкогольный зависимый, зависимый от алкоголя*. **Псевдоунивербализация** обусловлена действием стереотипа в сознании носителей языка: если в состав слова входит аббревиатурный конструкт, этому слову должно соответствовать словосочетание, в котором присутствует словесный эквивалент этого аббревиатурного конструкта.

ССС-прилагательные могут выделяться как в диахронии, так и в синхронии. В диахронии мы понимаем под **адъективными аббревиатурами** ССС, обладающие формальными признаками прилагательного и возникшие на базе словосочетаний или композитов: *культмассовый* > *культурно-массовый*.

На **синхронном срезе** ССС — это сложнопроизводные слова, обладающие формальными признаками прилагательного, включающие в свой состав аббревиатурный конструкт и получившие в результате псевдоунивербализации в текстах дескриптивные эквиваленты, а потому трактуемые на синхронном срезе языка как аббревиатуры (*виброшлифовальная* > *вибрационная шлифовальная*)

Диахронные прилагательные-аббревиатуры противопоставляются квазиабревиатурам: отаббревиатурным прилагательным (*автомобильный*) и аббревиатурным прилагательным (*бакисследовательский*). К синхронным прилагательным-аббревиатурам относятся те, которые имеют текстовые эквиваленты, например, *политрепрессивный* > *политический репрессивный, жизнестойкий* > *жизненно-стойкий*.

Квазиабревиатурные синхронные прилагательные отличаются отсутствием в текстах дескриптивных эквивалентов и невозможностью разворачиваться в синтаксические эквиваленты. Например, слово *автомобильной* (*перелом*), является квазиабревиатурой, поскольку эквивалент *автомобильной заводской* не находит подтверждения в текстах.

Можно выделить следующие типы адъективных аббревиатур:

1. Являющиеся аббревиатурами и на диахронном, и на синхронном срезе: *электрорыбной* > *электрический бытовой*;

2. Являющиеся аббревиатурами на синхронном срезе, но квазиаббревиатурами — на диахронном: *автогоночный* > *автомобильный гоночный*.

3. Являющиеся квазиаббревиатурами и на синхронном, и на диахронном срезе: *бензонасосный*, *дымозащитный*, *миросозерцательный* и др.

Неспособность ССС-прилагательного развертываться в синтаксические эквиваленты объясняется следующими факторами: 1) ССС было образовано при помощи корневых компонентов типа *аква-*, *мини-*, *квази-*, *ретро-*, которые не разворачиваются в эквивалентное слово: *ретроспективный*, *квазиаббревиатурный*; 2) при развёртывании ССС меняется исходная семантика аббревиатуры: *бензонасосная (станция)* («станция, которая выкачивает бензин с помощью встроенного насоса», но при попытке развернуть ССС (*бензиновый насосный*) оно получает значение «насосная станция, работающая на бензине»).

Большинство адъективных аббревиатур образуются на базе имён существительных суффиксальным способом: *автодилер* > *автодилер*-[*ский*], *гидропосев* > *гидропосев* [-*очный*] и др. и могут иметь до двух эквивалентов, что даёт нам возможность разделить их на следующие типы:

- Имеющие одну дешифровку, например *телеаналитический* > *телевизионный аналитический* и др.;

- Имеющие несколько дешифровок: *информполитический* > *информационный политический*, *информационно-политический* и др.

Заключение. В результате исследования нами было дано определение аббревиатурного прилагательного; выделены типы адъективных аббревиатур: 1) ССС, которые образованы от словосочетаний и имеют синтаксические эквиваленты, подтверждаемые текстами, 2) ССС, имеющие эквиваленты, но образованные на базе уже имеющих сложносокращённых слов, и 3) адъективные квазиаббревиатуры, не имеющие ни словосочетания-источника, ни возможности разворачиваться в эквиваленты. Было произведено разделение адъективных аббревиатур, образованных на базе имён существительных суффиксальным способом на имеющие несколько и одну дешифровку. В дальнейшем мы предполагаем рассмотреть случаи эквивалентности абброприлагательного субстантивным словосочетаниям.

Информация о финансовой поддержке: *Исследование проводилось по теме государственного задания «Структурно-функциональные параметры существования и развития русского языка XX-XXI столетий в его региолектном и общезыковом аспектах» (№ госрегистрации НИОКТР 124051400024-1).*

Список литературы

1. Возбранная Т. В. Сложносокращённые слова с иноязычным компонентом в современном русском языке: дис. канд. фил. наук: 10.02.01 / Т. В. Возбранная. — Хабаровск, 2008. — 229 с.

2. Лингвистический энциклопедический словарь: под ред. В.Н. Ярцевой. — М.: Советская энциклопедия, 1984. — 688 с.
3. Теркулов В.И. Сложносокращённые слова: синхронный и диахронный аспекты описания / В.И. Теркулов // Вестник Московского университета. — Серия 9: Филология. — 2017. — № 6. — С. 73–97. — EDN: YWQZRA.
4. Теркулов В.И. Сложносокращённые аппеллятивы как автономная разновидность аббревиатур / В. И. Теркулов // Русистика. — 2020. — Т. 18. — № 1. — С. 97–112. — <http://dx.doi.org/10.22363/2618-8163-2020-18-1-97-112>, EDN: CAKFZG.

УДК 81'367.626

РОЛЬ МЕСТОИМЕНИЙ В КОГЕРЕНТНОСТИ ТЕКСТА В ТЕОРИИ А. В. БОНДАРКО

Белых А. В., ORCID 0009-0008-9202-6692

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ

a.belyih@list.ru

Введение. Местоимения представляют собой сложный для описания класс лексических единиц, чье семантическое своеобразие привлекает внимание лингвистов на протяжении длительного времени. Ещё Л. Блумфилд отмечал многослойность значения местоимений, что нашло отражение в различных научных подходах. Особое внимание трактовке местоимений как указательных слов уделено в работах К. Бругмана, К. Бюлера, У. Вайнрайха, А. А. Потевни и других исследователей, что привело к введению термина «дейксис». Дейктические элементы, или индексальные выражения в терминологии Ч. С. Пирса, начиная с 50-х годов XX века, стали центральным объектом изучения прагматики. [4, с. 75].

Когерентность текста — это способность представлять информацию в логической и связной форме, что критично для понимания и интерпретации текста читателем. Местоимения играют важную роль в создании когерентных высказываний, заменяя повторяющиеся существительные и поддерживая текстовую связность. А. В. Бондарко в своих исследованиях подчеркивает, что местоимения не только облегчают восприятие информации, но и помогают формировать структурированное и последовательное изложение. [3, с. 150]

Местоимения представляют собой сложный объект для описания, поскольку отличаются от других частей речи своим уникальным функциональным качеством. Их особенность заключается в том, что они не могут функционировать самостоятельно: в коммуникации местоимения часто сопровождаются указательными жестами, а для полного использования в тексте им необходимы слова-корреляты, которые дополняют местоимения необходимыми значениями.

Работа посвящена рассмотрению теории А. В. Бондарко, которая анализирует функциональную роль местоимений в обеспечении когерентности текста. Исследование фокусируется на выявлении механизмов, посредством которых местоимения способствуют связности и логической последовательности текста, а также на оценке вклада Бондарко в развитие дискурс-анализа и функциональной грамматики.

Цель исследования: определить, каким образом местоимения способствуют когерентности текста, исходя из теории А. В. Бондарко, а также проанализировать их роль в поддержании связности и логической последовательности в различных текстовых жанрах.

Основная часть. Для анализа роли местоимений в когерентности текста применяются методы дискурс-анализа и функциональной грамматики. До сих пор не изменено мнение А. М. Пешковского о том, что «местоимения из-за своей отвлеченности везде являются «нарушителями порядка», везде создают особые подрубрики, особые комбинации, особые случаи» [б. с. 341]

А. В. Бондарко выделяет несколько функций местоимений, способствующих когерентности текста.

1) Упрощает восприятие: Местоимения сокращают необходимость повторения и облегчают понимание текста, так как читателю не нужно постоянно встречать одно и то же слово. *«Вера Николаевна открыла коробочку и, взяв браслет, стала рассматривать его. Она удивилась, как браслет блестел на свету.» «Вера Николаевна открыла коробочку и, взяв браслет, стала рассматривать его. Она удивилась, как тот блестел на свету.»* В этом примере замена второго упоминания слова «браслет» на местоимение «*тот*» помогает избежать тавтологии, делая текст более плавным и естественным.

2) Поддерживает текстовую структуру: Замещение помогает поддерживать логическую структуру и последовательность текста, связывая различные части и предотвращая путаницу. *«Андрей остановился у края леса. Он почувствовал холодный ветер и оглянулся назад».* Далее в тексте используется местоимение «*он*», чтобы обозначить Андрея, что помогает связать повествование, избегая повторения имени героя и поддерживая логическую структуру.

3) Упрощает лексическую нагрузку: Использование местоимений снижает лексическую нагрузку на текст, позволяя сосредоточиться на передаче информации и аргументации. *«Там служил один чиновник. Этот чиновник был скромн, тих и даже немного застенчив. Он носил старую шинель, которая уже давно прохудилась».* *«Там служил один чиновник. Он был скромн, тих и даже немного застенчив. Чиновник носил старую шинель, которая уже давно прохудилась».* Местоимение «*он*» заменяет повторное упоминание слова «*чиновник*», связывая предложения между собой и поддерживая текстовую связность.

4) Создание связей между частями текста: Местоимения создают логические связи между различными частями текста, поддерживая его связность. Например, в деловом отчете: *«Компания представила новый продукт. Этот продукт быстро завоевал популярность на рынке»* местоимение «этот» ссылается на «новый продукт», упомянутый ранее, что обеспечивает связность между предложениями и укрепляет аргументацию.

А. В. Бондарко также исследует использование местоимений в сложных текстовых структурах. В научных и технических текстах местоимения помогают структурировать информацию и поддерживать логическую последовательность. Например, в научной статье: *«Результаты эксперимента подтвердили гипотезу. Эти данные свидетельствуют о необходимости дальнейших исследований»* местоимение «эти» ссылается на «результаты эксперимента», что поддерживает логическую преемственность и способствует ясности изложения.

Важным аспектом теории А. В. Бондарко является учет контекстуальных и прагматических факторов, влияющих на использование местоимений. Он демонстрирует, что успешное построение когерентного текста требует не только грамматического согласования, но и учета контекста. Например, в диалоге: *«Вы слышали о новом фильме? Он получил отличные отзывы»* местоимение «он» относится к фильму, упомянутому в предыдущем предложении, что поддерживает связность беседы и позволяет участникам диалога легко следить за темой обсуждения.

В дополнение к анализу, следует рассмотреть работы других исследователей, поддерживающих и дополняющих его теории. М. М. Бахтин исследует диалогические структуры и прагматические функции языка, включая местоимения. Он подчеркивает ключевую роль местоимений в установлении связей между участниками дискурса и создании текстовой когерентности [1, с. 56]. Эдвард Сапир акцентирует внимание на том, как местоимения и другие элементы грамматической структуры способствуют связности и понятности текста. Его работа по теории и практике грамматики расширяет и дополняет взгляды Бондарко. Тереза Лангер анализирует, как местоимения способствуют текстовой связности и логической последовательности, что перекликается с теоретическими подходами Бондарко [5, с. 78].

Заключение. Исследования А. В. Бондарко подчеркивают значимость местоимений в обеспечении когерентности текста. Его работа демонстрирует, как местоимения способствуют связности и логической последовательности, что имеет важное значение для функционирования текста и его восприятия. Теория А. В. Бондарко предоставляет ценные инсайты для анализа текстовой связности и разработки методов улучшения когерентности в различных текстовых жанрах.

Список литературы

1. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества. — М. : Искусство, 1979. — 423 с.
2. Бондарко А. В. Основы функциональной грамматики. — СПб.: Изд-во СПбГУ, 2001. — 260 с.
3. Бондарко А.В. Теория значения в системе функциональной грамматики: На материале русского языка / Рос. академия наук. Ин-т лингвистических исследований. М.: Языки славянской культуры, 2002. 736 с 56. Гл. VIII. С. 153–164; 4-е изд. — М. : Едиториал УРСС, 2002. — 511 с
4. Вольф, Е.М. Грамматика и семантика местоимений / Е.М. Вольф. — М.: Наука, 1974. — 224 с.
5. Морозова, И. С. Некоторые спорные вопросы в классификации частей речи // Лингвист. чтения — 7. — Цикл 3. —Пермь : Перм. гос. ун-т, 2007. —С. 77–82.
6. Пешковский А.М. Русский синтаксис с научным освещением. — М.: Государственное учебно-педагогическое издательство, 1938. — 450 с.

УДК 81'37 + 81'367.62

ПОСТРОЕНИЕ СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ КОГНИЦИИ В ПАНХРОНИИ: ОСОБЕННОСТИ ОБЪЕДИНЕНИЯ ЛЕКСИКИ

Борозенец Д. И., ORCID 0009-0008-5480-5556

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ

borozenets.dasha@mail.ru

Введение. Полевой подход, впервые нашедший отражение в работах Й. Трира и Г. Ипсена, за последние десятилетия, несмотря на неоднозначность трактовок, получил популярность в отечественной и мировой лингвистике. Существует значительное количество дефиниций семантического поля как языковой категории [напр., 2; 3; 4], однако ни одна из них не кажется нам достаточной и полной. Наиболее удачным, на наш взгляд, является объединение всех дефиниций, в результате которого семантическое поле определяется как упорядоченное множество разноуровневых языковых единиц, объединённых единством значения и словообразовательными связями (как на синхронном этапе, так и в диахронии).

Целью работы является описание принципов построения панхроничного семантического поля когнициии.

Основная часть. Нами формулируются три принципа включения лексики в семантическое поле:

1) семантический (объединение слов на основании их синонимической, антонимической и гипо-гиперонимической связи);

2) словообразовательный (учёт словообразовательной связи между лексемами на синхронном срезе) и этимологический (учёт словообразовательной связи между лексемами с исторической точки зрения) как его разновидность;

3) эволюционный (констатация особенностей развития семантики каждого конкретного слова).

Исходя из вышеперечисленных принципов, определяем следующие этапы моделирования семантического поля:

а) отбор слов соответствующей семантики и анализ их лексико-семантических вариантов;

б) объединение слов на основании близости значений их лексико-семантических вариантов;

в) объединение слов на основании наличия у них словообразовательных связей;

г) последовательная корректировка поля с добавлением слов и лексико-семантических вариантов на каждом отдельно взятом синхронном срезе.

Наиболее удобным представляется включение в семантическое поле не только отдельных слов, но и словообразовательных гнёзд, вершины которых являются частью семантического поля, поскольку «матрица¹, построенная на основании словообразовательных гнёзд, является удобным инструментом, который позволяет определить связь между разными группами слов в поле, а также более точно установить, какие слова входят в состав поля, а какие уже утратили когнитивное значение, из-за чего не могут относиться к полю» [1, с. 107].

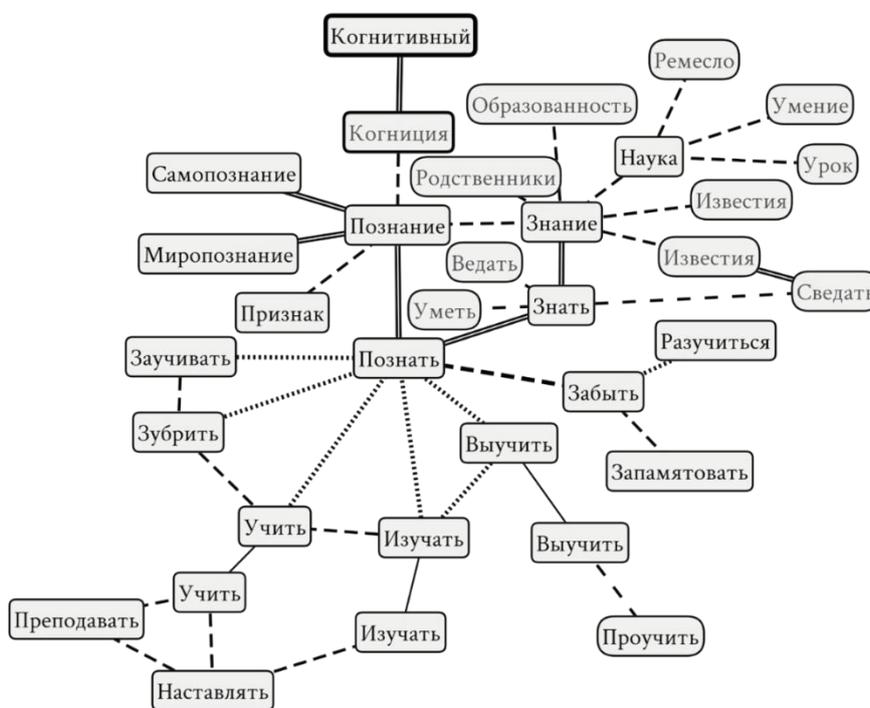

Рис. 1. Фрагмент семантического поля когниции в панхронии

¹ Под матрицей семантического поля мы понимаем его максимально абстрактную модель, включающую в качестве единиц обобщённые значения категорий (например, «лицо – исполнитель действия»).

Так, в ходе создания схемы семантического поля когнициии нами были отобраны (этап а) такие слова, как *когнициия* (как ядерная лексема поля), *познание* (как один из лексико-семантических вариантов ядерной лексемы), *знать* (как глагол, обозначающий само состояние когнициии) и ряд других. В ходе дальнейшей работы были добавлены слова *ведать*, *разуметь*, *разбираться* и т. д. (как синонимы слова *знать* — этап б); *знание*, *незнание*, *когнитивный*, *умение*, *неведение* и т. д. (на основании их словообразовательных связей — этап в); наконец, итогом процесса построения (этап г) стало семантическое поле (рис. 1), на разных синхронных этапах характеризующееся разным количественным составом и семантическими особенностями: от изменений в ядре (само ядерное слово *когнициия* существует в русском языке с 70-х гг. XX в.) до связей с другими семантическими полями русского языка (на основании этимологического родства между словами *ведать* и *ведьма*, *ведун* на этапе древнерусского языка (XI–XIV вв.) анализируемое поле сближается с семантическим полем мифической интерпретации реальности; на основании словообразовательной связи глагола *ведать* с глаголом *поведать* можно говорить о связи полей когнициии и коммуникации в течение всего периода существования анализируемой лексики).

Выводы. Построение семантического поля является многоэтапным процессом, в ходе которого лексика включается в состав поля последовательно на основании семантического и словообразовательного критериев, а также с учетом исторического развития (появления или исчезновения разных лексико-семантических вариантов). Такой принцип построения поля позволяет отметить наиболее общие закономерности, которые можно экстраполировать и на другие группы лексики, а также определить тенденции, которые могут возникнуть в рамках этого и других полей в будущем.

Информация о финансовой поддержке: *Исследование проводилось по теме государственного задания «Структурно-функциональные параметры существования и развития русского языка XX–XXI столетий в его региолектном и общезыковом аспектах» (№ госрегистрации НИОКТР 124051400024-1).*

Список литературы

1. Борозенец Д.И. Сравнение деривационного потенциала словообразовательных гнезд с синонимичными вершинами как элементов семантического поля когнициии (на примере словообразовательных гнезд *учить* и *преподавать* / Д.И. Борозенец, А.А. Алтухова // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. — 2024. — № 2. — С. 101–110. — <https://doi.org/10.5281/zenodo.11425254>.
2. Розенталь Д.Э. Словарь-справочник лингвистических терминов: Пособие для учителя / Д.Э. Розенталь, М.А. Теленкова. — 3-е изд., испр. и доп. — М.: Просвещение, 1985. — 399 с.

3. Русский язык : Энциклопедический словарь-справочник лингвистических терминов и понятий : [в 2 т.] / А.Н. Тихонов [и др.] ; под общ. ред. А.Н. Тихонова, Р.И. Хашимова. — Москва : Флинта : Наука, 2008.
4. Щур Г.С. Теории поля в лингвистике / Г.С. Щур. — М : Изд-во «Наука», 1974. — 254 с.

УДК 81`22+ 81`373.611

ДЕШИФРОВКА СЛОЖНОСОКРАЩЕННОГО СЛОВА КАК СИНХРОННЫЙ ПРОЦЕСС

Бровец А. И., ORCID 0000-0001-8451-2844

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
a.brovets@mail.ru

Введение. Аббревиатура при синхронном рассмотрении обычно имеет не одно эквивалентное словосочетание, формирующее аббревиатурную пару, а несколько таких словосочетаний, формирующих гнездо эквивалентности аббревиатуры. Словосочетания одного гнезда эквивалентности связаны с аббревиатурой мотивационными отношениями и функционально-семантическим тождеством, что позволяет им употребляться в качестве абсолютных синонимов аббревиатуры в текстах.

Цель исследования — продемонстрировать синхронный процесс дешифровки аббревиатуры посредством актуализации в тексте т. н. дешифровальных стимулов (расшифровок) их сокращенных компонентов.

Основная часть. Формирование эквивалентных отношений аббревиатуры в гнезде эквивалентности определяется синхронным действием дешифровальных стимулов — стереотипных расшифровок сокращенного компонента аббревиатуры, т. е. слов или словосочетаний, используемых для его замены в эквивалентном словосочетании. Наличие нескольких эквивалентных словосочетаний у одной аббревиатуры объясняется именно существованием нескольких дешифровальных стимулов у одного сокращенного компонента.

В текстах используются эквивалентные аббревиатурам словосочетания с дешифровальными стимулами разных структурных типов. Наиболее универсальным является прилагательное с обобщенной семантикой, которое мы называем презентативом. Формы с относительным прилагательным являются семантически универсальными, не актуализирующими систему значений, которая представлена в интерпретативных дешифровальных стимулах. Среди последних мы выделяем релятивы, которые представлены субстантивными предложно-падежными формами, и модификативы, отличающиеся дополнительным

словом, отсутствующим в структуре как сложносокращённого слова, так и презентативных и релятивных дешифровальных стимулов.

В семантическом отношении релятивы имеют разветвлённую систему значений, среди которых нами отмечаются медиативное, комитативное, дестинативное, локативное, посессивное, дистрибутивное, каузативное, делиберативное, аллативное.

Некоторые сложносокращённые слова вступают в т. н. симультанные эквивалентные отношения, когда их сокращённый компонент может дешифроваться неоднозначно. Например, конструкт *электро* имеет дешифровальные стимулы *электрический* и *электронный*. Нами отмечаются случаи, когда симультанная эквивалентность: а) обусловлена внеязыковой двойственностью и отражает её по принципу омонимии; б) не обусловлена внеязыковой двойственностью и реализует принцип паронимии.

Модификативные дешифровальные стимулы используются в текстах по двум тактикам: одни за счёт дополнительной лексемы актуализируют значение аббревиатуры, семантически усложняют его, другие представляют собой плеоназм.

Заключение. Наиболее прогнозируемое эквивалентное словосочетание, в котором сокращённому компоненту аббревиатуры соответствует относительное прилагательное, малоинформативно и не всегда может использоваться для семантизации аббревиатуры.

Информация о финансовой поддержке: *Исследование проводилось по теме государственного задания «Структурно-функциональные параметры существования и развития русского языка XX-XXI столетий в его региолектном и общезыковом аспектах» (№ госрегистрации НИОКТР 124051400024-1).*

Список литературы

1. Бровец, А. И. Дешифровальный стимул сложносокращённого слова: к проблеме определения и описания / А.И. Бровец // Русистика. — 2019. — Т. 17. — № 4. — С. 487–501.
2. Теркулов В. И. Сложносокращённые слова: синхронный и диахронный аспекты описания // Вестник Моск. ун-та, Сер. 9. Филология. — 2017. — №. 6. — С. 73–96.
3. Толковый словарь сложносокращённых слов русского языка / Под ред. В. И. Теркулова. — Донецк, 2018. — Т. 1. А–Ж.

ДИНАМИКА ФОРМИРОВАНИЯ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ТИПОВ В ХОДЕ НЕОЛОГИЗАЦИИ РУССКОЙ ГЛАГОЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ

Дмитриева О. И., д-р филол. наук, доц., ORCID 0000-0003-3849-7502,

Орлова Д. Г., ORCID 0000-0001-7771-0068

ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный
университет имени Н.Г. Чернышевского», г. Саратов, РФ
oidmitrieva55@yandex.ru, dasha.g.orlova@mail.ru

Неологизация языка, то есть пополнение его лексической системы новыми словами, — это непрерывный процесс, обусловленный как экстралингвистическими причинами, так и самим фактом языковой динамики. На рубеже тысячелетий процесс образования новых слов становится столь активным, что делается заметным даже обычному носителю языка, а не только языковеду.

Современные неологические явления, широко исследуются, как правило, чаще применительно к подсистеме имен, чем глаголов, отражаются в специальных лексикографических источниках. Вместе с тем процесс неологизации не связан только с состоянием языка новейшего времени, он относится к постоянным проявлениям языковой динамики, хотя в разные периоды языковой истории проходил с различной интенсивностью.

В поле нашего внимания находится период формирования русского национального литературного языка (XVIII в.) как время интенсивного пополнения словарного состава новой лексикой. Динамический подход к исследованию неологизации позволяет выявить тенденции данного процесса как в этот отдельный период формирования и развития русского литературного языка, так в перспективе и в языковой диахронии в целом.

Объект нашего исследования — новая лексика, осваиваемая глагольной лексико-семантической подсистемой русского литературного языка в обозначенный исторический период.

Предмет исследования — динамика формирования подсистемы глагольных неологизмов в период формирования национального литературного языка.

В качестве материала исследования использованы выпуски Словаря русского языка XVIII века [Словарь русского языка XVIII в.], а также материалы Национального корпуса русского языка [НКРЯ]. Методом сплошной выборки из лексикографических источников были отобраны суффиксальные глагольные неологизмы (около 410 языковых единиц), а также все новообразования с приставкой *за-*, которая в интересующий нас период обнаруживает высокую словообразовательную активность. Важно,

что Словарь русского языка XVIII века является не только историческим, но и динамическим, поскольку содержит специальные пометы для фиксации новообразований, что позволяет определить время появления того или иного неологизма.

Основная наша *задача* — обозначить ведущие тенденции формирования глагольных словообразовательных типов в ходе процесса глагольной неологизации.

Наибольшую активность в пополнение словаря обнаруживают глаголы, образованные от русских основ с помощью собственно русскоязычных словообразовательных средств.

Группа объектных глаголы с общей семантикой физического действия: *бурав-и-ть* ‘делать отверстие, скважину буравом’, *вакс-и-ть* ‘натирать обувь ваксой’ — оказывается немногочисленной.

Именно в XVIII веке образуется большое количество глагольных новообразований от именных основ с объектными эволютивными значениями становления, приобретения признака (*глуп-ть-ть* от глупый — ‘становиться глупым, глупее’) и изменения качества объекта (*багров-и-ть* ‘делать багровым, обагрять (кровью)’)

Наибольшую активность проявляют словообразовательные типы с общей семантикой деятельности и поведения субъекта: башмачнич-*а-ть* ‘шить башмаки; заниматься ремеслом башмачника’ с суффиксальными формантами *-и-, -а-, -ова-, -ствова-, -нича-*.

Для суффиксальных глагольных неологизмов с семантикой деятельности было характерно словообразовательное варьирование, то есть «передача одинаковых или максимально близких словообразовательных значений разными формальными способами» [Дмитриева 2014: 8], которое было обусловлено конкуренцией словообразовательных моделей. Поскольку формирование словообразовательного типа глаголов с семантикой деятельности и поведения с суффиксом *-нича-* приходится на вторую половину XVIII в., что подтверждается данными Национального корпуса русского языка, можно утверждать, что такие вариативные глагольные пары, как (*буянить* — *буяничать*, *вертопрашить* — *вертопрашничать*) появились в русском языке одновременно, и один из вариантов глагольной пары создавался по традиционной словообразовательной модели (*буян-и-ть*, *враждеб-ствова-ть*), второй вариант — по формирующейся модели с суффиксом *-нича-* (*буян-нича-ть*, *враждеб-нича-ть*).

Словообразовательное варьирование по мере развития языка либо утрачивается совсем (остается один из глаголов вариативной пары), либо вариативные глаголы вступают в отношения словообразовательной синонимии, то есть перестают быть собственно словообразовательными вариантами (дублетами), приобретая новые значения или стилистическую маркированность.

Приставочные новообразования — это часто новые модификации беспрефиксных глаголов. Так, в период формирования национального русского литературного языка наблюдается активизация начинательного способа глагольного действия за счет производных с формантом *за-*. Приставка *за-* становится маркированным формальным средством обозначения начала действия, вступая в словообразовательные отношения при образовании новых глаголов разных словообразовательных типов с семантикой движения (*заплясать* — `начать плясать`; *зачастить* — `начать часто ходить куда-л.`; *запрыгать* — `начать прыгать`; *зарыскать* — `начать рыскать, искать`; *заплескаться* — `начать плескаться`; *зашевелить* — `начать шевелить`, *зашатать* — `начать шатать`), производства звуков, эмоционального и физического состояния субъекта (*заохать* — `начать охать`; *затосковать* — `начать тосковать`, *зароптать* — `начать роптать`; *зарыдать* — `начать рыдать`, *заспорить* — `начать спорить`, *захохотать* — `начать хохотать`, *зачавкать* — `начать чавкать`; *защелкать* — `начать щелкать`).

Таким образом, в период развития единого национального русского литературного языка подсистема русских суффиксальных глагольных неологизмов динамично развивалась. В XVIII веке формировались новые словообразовательные модели (например, с суффиксом *-нича-*), активно было словообразовательное варьирование, обусловленное конкуренцией словообразовательных моделей. Динамика развития словообразовательных типов приставочных глагольных новообразований определялась динамикой формирования способов глагольного действия и вследствие этого появлением новых модификаций.

Список литературы

1. Дмитриева, О. И. Динамика глагольной семантико-словообразовательной подсистемы в русском языке XVIII века. О.И. Дмитриева // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. — 2014. № 1(20). — С. 6–12.
2. Молотков, А. И. Новообразования в кругу отыменных глаголов // Мальцева И. М., Молотков И. А., Петрова З. М. Лексические новообразования в русском языке XVIII в. — Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1975. — С. 247–298.
3. Словарь русского языка XVIII века. — Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1984.
4. Национальный корпус русского языка. — URL: <http://www.ruscorpora.ru/> (дата обращения: 10.09.2024).

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ РАЗНОВИДНОСТИ АББРОКОНСТРУКТА ВЕЛО-

Емельянова К. Ю., ORCID 0000-0002-3247-4724

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ

kemelanova966@gmail.com

Введение. В теории Экспериментальной лаборатории исследований тенденций аббревиации (далее — Лаборатория) одним из базовых понятий является **абброконструкт**, под которым понимается «часть аббревиатуры, сокращённый эквивалент какого-либо слова» [1, с. 16].

Цель данного исследования — определить, в каких функциональных вариантах может выступать абброконструкт *VELO-*.

Основная часть. Объединение единиц, имеющих тождественный препозитивный компонент, называется **аббревиатурной группой**. В составленном Лабораторией Толковым словаре сложносокращённых слов русского языка содержится около 600 аббревиатурных групп. Одной из них является группа *VELO-*. Она включает 199 сложносокращённых слов, таких, например, как *VELOавтомобус*, *VELOаксессуары*, *VELOбагажник*, *VELOбаза*, *VELOгараж*, *VELOгонка*, *VELOдиск*, *VELOдорога*, *VELOзавод*, *VELOзнак* и др. Данные лексемы имеют тождественный препозитивный абброконструкт *VELO-*, который может по-разному интерпретировать действительность и иметь разный деривационный статус: абброэквивалент, абброморфема, абброаффиксоид.

Абброэквивалент — сокращённый элемент аббревиатуры, который замещает какое-либо слово производящего словосочетания. Слова с абброэквивалентами называются **абброэквивалентными аббревиатурами**. Они появляются в результате **универбализации** («процесс трансформации словосочетания в функционально-семантически эквивалентное ему слово» [1, с. 21]). Схема образования абброэквивалентных единиц: «первичное словосочетание > аббревиатура». Например, к абброэквивалентным аббревиатурам относятся лексемы *VELOаксессуары* (*велосипедные аксессуары > велоаксессуары*), *VELOаллея* (*велосипедная аллея > велоаллея*), *VELOбаза* (*велосипедная база > велобаза*), *VELOбизнес* (*велосипедный бизнес > велобизнес*), *VELOгонка* (*велосипедная гонка > велогонка*), *VELOгудок* (*велосипедный гудок > велогудок*), *VELOдорога* (*велосипедная дорога > велодорога*), *VELOзавод* (*велосипедный завод > велозавод*), *VELOигра* (*велосипедная игра > велоигра*), *VELOкарта* (*велосипедная карта > велокарта*) и т. д.

Абброморфема — морфематизированный абброконструкт, который используется вне связи с каким-либо словосочетанием, а по аналогии.

Сокращения с абброконструктом данного типа называются **абброморфемными квазиаббревиатурами**, которые возникают в результате **квазиунивербализации** («образование единиц, имитирующих структуру универбатов» [1, с. 18]). Схема образования абброморфемных квазиаббревиатур: «абброконструкт + слово > квазиаббревиатура».

Первичная квазиаббревиатура в результате **псевдоунивербализации** (развёртывание аббревиатурного слова в словосочетание с тождественным значением) может продуцировать вторичное словосочетание: «абброконструкт + слово > квазиаббревиатура > вторичное словосочетание». Например, абброморфемными квазиаббревиатурами являются лексемы *велоавтобус* (*VELO-* + *АВТОБУС* > *ВЕЛОАВТОБУС* > *ВЕЛОСИПЕДНЫЙ АВТОБУС*), *велоавтомобиль* (*VELO-* + *АВТОМОБИЛЬ* > *ВЕЛОАВТОМОБИЛЬ* > *ВЕЛОСИПЕДНЫЙ АВТОМОБИЛЬ*), *велобагажник* (*VELO-* + *БАГАЖНИК* > *ВЕЛОБАГАЖНИК* > *БАГАЖНИК ДЛЯ ВЕЛОСИПЕДА*), *велобазар* (*VELO-* + *БАЗАР* > *ВЕЛОБАЗАР* > *ВЕЛОСИПЕДНЫЙ БАЗАР*), *велогараж* (*VELO-* + *ГАРАЖ* > *ВЕЛОГАРАЖ* > *ГАРАЖ ДЛЯ ВЕЛОСИПЕДОВ*), *велодиск* (*VELO-* + *ДИСК* > *ВЕЛОДИСК* > *ДИСК ДЛЯ ВЕЛОСИПЕДА*), *веложилет* (*VELO-* + *ЖИЛЕТ* > *ВЕЛОЖИЛЕТ* > *ВЕЛОСИПЕДНЫЙ ЖИЛЕТ*) и т. д.

Абброаффиксоид — «упрощённый» вариант абброморфемы, практически не способный разворачиваться в слова и не имеющий текстовых эквивалентов. Сокращённые лексемы с данным типом абброконструктов называются **абброаффиксоидными квазиаббревиатурами**. Связь между абброаффиксоидными квазиаббревиатурами и абброморфемными квазиаббревиатурами обнаруживается при диахронном анализе, который определяет отношения производности: оба эти типа квазиаббревиатур появляются в результате квазиунивербализации. Различия между ними осознаются при синхронном анализе, который сводится к описанию отношений эквивалентности: абброаффиксоид в абброаффиксоидной квазиаббревиатуре не разворачивается во вторичный атрибут (в отличие от абброморфемы в абброморфемной квазиаббревиатуре). Это значит, что процесс псевдоунивербализации не распространяется на абброаффиксоидные квазиаббревиатуры, поэтому сокращённый компонент этих слов и считается «упрощённым» вариантом абброморфемы.

«Абсолютных» абброаффиксоидных квазиаббревиатур в аббревиатурной группе *ВЕЛО* обнаружено не было. Однако найдены лексемы, которые можно обозначить как **сложнопроизводные квазиаббревиатуры абброаффиксоидного типа**. В теории Лаборатории сложнопроизводными квазиаббревиатурами считаются единицы, образованные от аббревиатур морфологическим способом без использования абброконструкта. Например, *веломарафонец* является производным от *веломарафон* (модель образования: основа существительного + суффикс *-ец*), *велопрокатчик* — от *велопрокат* (модель

образования: основа существительного + суффикс *-чик*), *велотрюкач* — от слова *велотрюк* (модель образования: основа существительного + суффикс *-ач*). Как видно из данных примеров, абброконструкт здесь не участвует в образовании слов, поэтому перечисленные лексемы нельзя считать «абсолютными» абброаффиксоидными квазиаббревиатурами. Однако их можно причислить к квазиаббревиатурам абброаффиксоидного типа, поскольку они не разворачиваются во вторичные текстовые эквиваленты. Например, в аббревиатурной группе *VELO* к таким единицам относятся слова *велогонщица* (*велогонщик* > *велогонщица* > словосочетание *велосипедная гонщица* насчитывает 3 употребления в номинативе), *велодорожник* (*велодорога* > *велодорожник* > *велосипедный дорожник* — 2 употребления в номинативе), *веломарафонец* (*веломарафон* > *веломарафонец* > *велосипедный марафонец* — 7 употреблений в номинативе), *VELO* *походник* (*VELO* *поход* > *VELO* *походник* > *велосипедный походник* — 3 употребления в номинативе), *VELO* *прокатчик* (*VELO* *прокат* > *VELO* *прокатчик* > *велосипедный прокатчик* — 2 употребления в номинативе), *VELO* *трюкач* (*VELO* *трюк* > *VELO* *трюкач* > *велосипедный трюкач* — 10 употреблений в номинативе).

Заключение. Результатом данного исследования стало определение функциональных типов абброконструкта в аббревиатурной группе *VELO*. В данной абброгруппе были обнаружены слова с абброэквивалентом и абброморфемой. Также выделяется особая разновидность слов — сложнопроизводные квазиаббревиатуры абброаффиксоидного типа.

Информация о финансовой поддержке: Исследование проводилось по теме государственного задания «Структурно-функциональные параметры существования и развития русского языка XX-XXI столетий в его региолектном и общезыковом аспектах» (№ госрегистрации НИОКТР 124051400024-1).

Список литературы

1. Теркулов В. И. Материалы к словарю терминов Экспериментальной лаборатории исследования тенденций аббревиации / В. И. Теркулов // Восточнославянская филология. — 2016. — №3. — С. 13–25. — EDN: DMPPWT.

АББРОКОНСТРУКТ СЛОЖНОСОКРАЩЁННЫХ ОНИМОВ В ФОРМАЛЬНОМ И СЕМАНТИЧЕСКОМ АСПЕКТАХ

Кириченко Т. А., ORCID 0000-0002-5166-4427,

Теркулов В. И., д-р филол. наук, проф., ORCID 0000-0002-0418-4260

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ

t_a_kirichenko@mail.ru, v.terkulov@donnu.ru

Большинство лингвистов (Т. С. Сергеева, Г. П. Улуханов, Д. И. Алексеев и мн. др.) при анализе разных структурных классов аббревиатур используют тождественные принципы описания, поскольку относят их к единой деривационной группе. У нас вызывает возражения такой подход к рассмотрению разных классов аббревиатур, поскольку сложносокращенные онимы представляют собой автономный ономаσιологический тип аббревиатур наряду со сложносокращенными апеллятивами и инициальными аббревиатурами.

Сложносокращенными онимами (далее — ССО) мы называем слоговые (реже — смешанные) аббревиатуры, которые характеризуются связанными мотивационными отношениями со словосочетаниями-эргонимами и используются для обозначения единичных объектов, включая в свой состав эквиваленты не менее двух компонентов этих словосочетаний, как минимум один из которых является аббревиационным конструктом (абброконструктом). Например, *Донгорбанк*, *Востсибрайком*, *Минэкономки* и т. д.

Цель исследования — обоснование определения ССО как автономного ономаσιологического типа аббревиатур.

Основная часть. Нами выделяется два типа мотивационных отношений в системе абброэргонимов. Необходимо отличать эргонимы с несвязанными мотивационными отношениями (например, супермаркет «МОЛОКО», торговый центр «Галактика», парикмахерская «Престиж» и т. д.) от эргонимов со связанными мотивационными отношениями, указывающими на характер деятельности предприятия и выпускаемой им продукции или на место расположения организации (например, *Россельхозбанк*, *Минцифры*, *Мосгортранс* и проч.). Повторим вслед за А. В. Суперанской, что в эргонимах со связанными мотивационными отношениями обязательно присутствует некоторая географическая привязка (*российский*, *всемирный* и т. д.), а также слово-классификатор (*комитет*, *завод* и т. д.) [Суперанская: 1973, с. 195].

Обычно констатируется, что аббревиация — это произвольный процесс сокращения. По нашему же мнению, образование ССО — абсолютно закономерный и не произвольный, а стандартизированный

процесс. Конструирование ССО, в результате которого происходит затемнение внутренней формы наименования, реализуется, по нашему мнению, по законам делопроизводства. Установление данного положения стало результатом выведения формальных моделей, по которым официальные эквиваленты благодаря абброконструктам «сворачиваются» в аббревиатуры.

Абброконструкт ССО (далее — АК) — это сокращенный вариант слова, который изымается из официального полного наименования того или иного делового учреждения или, обобщая основные компоненты официального полного наименования, мотивируется его семантикой. Например, официальному наименованию *Белорусский республиканский союз потребительских обществ соответствует ССО Белкоопсоюз*, для образования которого необходимо было не только изъять некоторые компоненты из полного официального наименования (*Белорусский* = АК *Бел-*, *союз* = *-союз*), но и обобщить семантику словосочетания *потребительское общество* в одном АК *-кооп-* (предположительно — *кооператив* или *кооперативный*). Так, АК *-кооп-* содержит в себе семантику «объединение граждан или организаций на основе членства с целью достигнуть общих социальных, экономических и других целей», что соответствует семантике словосочетания *потребительское общество* — «добровольное объединение граждан и (или) юридических лиц, созданное на основе членства путем объединения его членами имущественных паевых взносов для торговой, заготовительной, производственной и другой деятельности в целях удовлетворения материальных и иных потребностей его членов». Таким образом, АК ССО выполняет генерализующую функцию.

Семантика препозитивных АК ССО бывает двух типов: общая и локативная. Общую семантику передают те препозитивные АК, которые называют статус учреждения или само деловое объединение: *Мин-*, *Гос-*, *Союз-*, *Гор-* и т. д., к примеру, *Минприроды*, *Госкомзем*, *Союзмаш*, *Горхлебторг* и т. д. Данные препозитивные АК могут использоваться в аббревиатурах деловых объединений разных стран, (иногда) могут даже (встречаться) идентичные ССО (с отличающимися официальными эквивалентами): ср. *Госкомзем (России) — Государственный комитет (Российской Федерации) по земельной политике* и *Госкомзем (Украины) — Государственное агентство земельных ресурсов (Украины)*. Локативную семантику передают те препозитивные АК, которые называют месторасположение делового объединения или его отнесенность к определенному городу, району или стране: *Питер-*, *Донецк-*, *Сиб-*, *Мос-*, *Томск-* и мн. др., например, *Питергорпроект*, *Донецкуголь*, *Сибнефтебанк*, *Томскнедра* и т. д.

Образование ССО при помощи абброконструктов является результатом не стереотипизированной, как у сложносокращенных

апеллятивов, а стандартизированной универбализации, т.е. доведенной до официальных стандартных моделей образования аббревиатур. Синхронный анализ показал, что структура ССО имеет множество формальных вариантов, но все они типичны и сводятся нами к двум мотивационным типам формирования: универбализационному и конструктивному.

Анализ текстов современных масс-медиа позволил нам выявить некоторые тенденции в использовании сложносокращенных онимов. Зачастую они употребляются в текстах без сопровождения производящих словосочетаний и при этом репрезентируют компрессированное знание о номинируемой реалии. По нашему мнению, генерализирующая функция абброконструкта ССО является главным условием для реализации псевдоунивербализации, т.е. ситуации, когда на базе сложносокращенного слова разворачивается вторичное словосочетание.

Синхронный анализ дал нам возможность установить три типа мотивационных (синхронных) отношений между ССО и текстовыми синтаксическими эквивалентами: первый тип вторичных словосочетаний называет спецподразделения, группы (собрания) людей и т. п.: второй — процесс, а не учреждение, вследствие чего наблюдается искажение семантики в силу подмены денотата; третий тип вторичного эквивалента называет объект, семантика которого не соотносится с семантикой ССО.

Заключение. Образование ССО — стандартизированный процесс, который состоит в регулярном «свертывании» аббревиатуры методом генерализации абброконструкта. Процесс псевдоунивербализации, реализующий три типа мотивационных отношений между ССО и эквивалентными сочетаниями, часто представляет референты как названия объектов, процессов или групп людей, в то время как ССО являются названиями учреждений, регулирующих работу завода, предприятия и т. п. Данное положение позволяет говорить нам об ином, дифференцированном, подходе к исследованию ССО как автономного класса аббревиатур.

Информация о финансовой поддержке: *Исследование проводилось по теме государственного задания «Структурно-функциональные параметры существования и развития русского языка XX-XXI столетий в его региолектном и общезыковом аспектах» (№ госрегистрации НИОКТР 124051400024-1).*

Список литературы

1. Суперанская А. В. Общая теория имени собственного / А.В. Суперанская. — М.: Наука, 1973. — 336 с.
2. Теркулов В. И. Сложносокращенные апеллятивы как автономная разновидность аббревиатур / В. И. Теркулов // Русистика. — 2020. — Т. 18, № 1. — с. 97–112.
3. Уханов Г. П. Об отношении сложносокращенных слов к словосочетаниям с той же предметной отнесенностью / Г.П. Уханов // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. — 1961. — № 1. — с. 187–196.

СЕМАНТИКА АББРОКОНСТРУКТА «БЕНЗО» И ПРЕЗЕНТАТИВА «БЕНЗИНОВЫЙ»

Лашко А. А., ORCID 0000-0003-0852-6755,

Теркулов В. И., д-р филол. наук, проф., ORCID 0000-0002-0418-4260

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ

alinalashko2506@gmail.com, v.terkulov@donnu.ru

Введение. Целью исследования является определение принципов трактовки значений абброконструкта *БЕНЗО*- и адъектива *бензиновый*. Актуальность исследования определяется необходимостью составления словарной статьи «БЕНЗО» для «Толкового словаря сложносокращённых слов русского языка». Объектом исследования является абброконструкт сложносокращённого слова, под которым мы понимаем «конструкт аббревиатуры, сокращённый эквивалент какого-либо слова коррелирующего с ней словосочетания» [2, с. 16]. Семантика абброконструкта, определяемая при помощи сопоставления презентативов и интерпретативов, составляет предмет исследования.

Основная часть. Под презентативами и интерпретативами мы понимаем формально-семантические разновидности дешифровального стимула абброконструкта. В.А. Рязанова определяет дешифровальный стимул (далее — ДС) как «имплицитные знания носителя языка, которые стимулируют возможность разного дешифрования сложного слова» [1; с. 34].

В. И. Теркулов под ДС понимает «стереотип расшифровки абброконструкта» [2; с. 19].

ДС замещает абброконструкт в тексте без изменения его смысла, то есть является его эквивалентом в пределах эквивалентного словосочетания. Эквивалентным аббревиатуре мы считаем «словосочетание, совпадающее по значению и функциям с аббревиатурным словом и употребляющееся с ним в эквивалентном тексте» [2, с. 22], например *бензозаправка* — *бензиновая заправка*, *бензобак* — *бензиновый бак*, *бензобур* — *бур с бензиновым двигателем*, *бензокосилка* — *косилка на бензине* и др. Из приведённых выше примеров мы видим, что дешифровки достаточно неоднородны, т. к. реализуются разными единицами — словами, сочетаниями слов, словосочетаниями.

Нами выделяются два формально-ономасиологических типа дешифровальных стимулов: презентативные ДС и интерпретативные ДС.

Презентативные дешифровальные стимулы осуществляют основную/общую трактовку абброконструкта, указывающую на наличие у объекта определённого признака, например *бензокран* — *бензиновый кран*,

бензонасос — бензиновый насос, бензомотор — бензиновый мотор, бензосклад — бензиновый склад, бензопылесос — бензиновый пылесос, бензофильтр — бензиновый фильтр.

Презентативные ДС представляют собой относительные прилагательные. Н. Ю. Шведова определяет значение относительного прилагательного следующим образом: «Общее значение относительного прилагательного может быть сформулировано как “относящийся к предмету”, “свойственный предмету”, “характерный для предмета”» [3, с. 153].

Для рассматриваемой абброгруппы отмечаются следующие презентативные расшифровки: 1) *бензиновый (бензиновый бур — бензобур, бензиновый инструмент — бензоинструмент)*; 2) *бензиновый отбойный (бензомолот — бензиновый отбойный молот)*.

Интерпретативные ДС (в отличие от презентативных ДС) уточняют семантику абброконструкта и являются маркированными компонентами в оппозиции к презентативному ДС. Интерпретативные ДС делятся на релятивы и модфикативы.

Релятивный ДС использует семантику презентатива с добавлением актантной семантики существительного, т.е. представляет регулярные стереотипные модели расшифровок, реализующиеся в актантной и актантно-числовой семантике эквивалентных словосочетаний. Например, для слов *бензобак — бак для бензина* и *бензофильтр — фильтр* для ДС отмечается значение «назначение объекта» (дестинатив) и т. д.

Нами была отмечена одна лемма релятивного ДС: *бензин*, представленная следующими токенами:

- 1) *бензина (бензодатчик — датчик бензина)*;
- 2) *бензином (бензозаправщик — заправщик бензином)*;
- 3) *для бензина (бензобак — бак для бензина)*;
- 4) *на бензине (бензосамокат — самокат на бензине)*;
- 5) *с бензином (бензосклад — склад с бензином)*.

Модификационный ДС содержит дополнительный ономаσιологический признак, который отсутствует в структуре сложносокращённого слова, например *бензопомпа — помпа с бензиновым двигателем*; *бензопистолет — пистолет бензоколонки*; *бензоцепь — цепь бензопилы* и др.

Были зафиксированы следующие модификативные ДС: 1. *бензобак (бензодатчик — датчик бензобака)*; 2. *бензоколонка (бензопистолет — пистолет бензоколонки)*; 3. *бензомотор (бензокультиватор — культиватор с бензиновым мотором)*; 4. *бензопила (бензоцепь — цепь в бензопиле)*; 5. *бензоп привод (бензолебедка — лебедка с бензиновым приводом)*; 6. *бензотехника (бензозапчасти — запчасти бензотехники)*;

Для определения значения абброконструктов и презентативов нами была разработана специальная методика, основывающаяся на сопоставлении презентативного и интерпретативного ДС и позволяющая на

основе этого сопоставления выделять оттеночные значения абброконструктов и прилагательных.

Были зафиксированы следующие релятивные трактовки презентатива:

1) *бензопылесос* — *бензиновый пылесос* — *пылесос на бензине* (*бензиновый* = работающий на бензине);

2) *бензоколонка* — *бензиновая колонка* — *колонка для бензина* (*бензиновый* = предназначенный для бензина, предназначенный для хранения бензина);

3) *бензофильтр* — *бензиновый фильтр* — *фильтр для бензина* (*бензиновый* = предназначенный для очистки бензина);

4) *бензодатчик датчик* — *бензиновый датчик* — *датчик бензина* (*бензиновый* = контролирующий расход бензина);

5) *бензозаправщик* — *бензиновый заправщик* — *заправщик бензином* — (*бензиновый* = поставляющий бензин).

Конструкция с модификативом также может использоваться для интерпретации абброконструкта и презентатива — прилагательного:

1) *бензопомпа* — *бензиновая помпа* — *помпа с бензиновым двигателем* (*бензиновый* = работающий с бензиновым двигателем/мотором, работающий при помощи бензинового двигателя, мотора);

2) *бензопистолет* — *бензиновый пистолет* — *пистолет для бензоколонки* (*бензиновый* = предназначенный для бензоколонки);

3) *бензозапчасти* — *бензиновые запчасти* — *запчасти к бензотехнике* (*бензиновый* = предназначенный для бензотехники).

Лексикографическая интерпретация приведенных выше эквивалентов позволяет составить словарную статью адъектива *бензиновый* и абброконструкта *БЕНЗО-*: **Бензо-, бензиновый, -ая, -ое.** работающий на бензине, предназначенный для бензина, предназначенный для хранения бензина, предназначенный для очистки бензина, контролирующий расход бензина, поставляющий бензин, работающий с бензиновым двигателем/мотором, работающий при помощи бензинового двигателя, мотора, предназначенный для бензоколонки, предназначенный для бензотехники.

Заключение. Значение абброконструктов определяется в процессе сопоставления дешифровальных стимулов: презентативных, релятивных и модификативных ДС, являющихся эквивалентами абброконструкта сложносокращённого слова. В ходе исследования было отмечено, что абброконструктам свойственна полисемия. Подробное изучение данного явления планируется осуществиться в дальнейших исследованиях.

Информация о финансовой поддержке: Исследование проводилось по теме государственного задания «Структурно-функциональные параметры существования и развития русского языка XX-XXI столетий в

его региолектном и общезыковом аспектах» (№ госрегистрации НИОКТР 124051400024-1).

Список литературы

1. Рязанова В.А. Дешифровальный стимул как фактор образования мутантной группы / В.А. Рязанова // Новые горизонты русистики: научный журнал. — Донецк, 2017. — С. 33–37.
2. Теркулов В.И. Материалы к словарю терминов Экспериментальной лаборатории исследования тенденций аббревиации / В.И. Теркулов // Восточнославянская филология: сб. науч. тр. — Вып. 3(29). Языкознание. — Горловка: Изд-во ГИИЯ, 2016. — С. 13–24.
3. Шведова Н. Ю. Имя прилагательное // Современный русский язык: морфология / под ред. В. В. Виноградова. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1952.

УДК 81'373.611

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРЕСКРИПТИВНОГО И ДЕСКРИПТИВНОГО ПОДХОДОВ В «ТОЛКОВОМ СЛОВАРЕ СЛОЖНОСОКРАЩЕННЫХ СЛОВ РУССКОГО ЯЗЫКА»

Рязанова В. А., канд. филол. наук, ORCID 0000-0002-7517-8589
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
ryazanova.v.a@mail.ru

Традиция деления толковых словарей на прескриптивные и дескриптивные, представленная как в русской, так и в зарубежной лексикографии, обусловлена существованием различных подходов к отбору языкового материала и методам его дальнейшего лексикографического описания.

Прескриптивные словари — нормативные лексикографические источники, выполняющие нормализаторскую функцию (т.е. являющиеся инструментом регламентирования культуры речи) или фиксирующие лексико-стилистические нормы, выработанные среди носителей языка. Дескриптивные словари — это регистрирующие словари, стремящиеся описать все языковые явления, в том числе выходящие за пределы литературного языка.

При этом в реальной лексикографической практике обнаруживается тенденция контаминации двух методологических принципов в одном лексикографическом труде.

«Толковый словарь сложносокращенных слов русского языка» (далее — «Словарь»), работа над которым ведётся при кафедре русского языка Донецкого государственного университета, по утверждению

составителей, является словарем нового типа. Новизна «Словаря» определяется несколькими положениями.

1. «Словарь» базируется на теории синхронно-эквивалентностного подхода к универбализации, разработанного Экспериментальной лабораторией исследования тенденций аббревиации (далее — Лаборатория). В отличие от традиционного диахронного подхода к аббревиации, который определяет деривационные отношения между словосочетанием и сокращением, синхронно-эквивалентностный подход специализируется на обнаружении актуальных тексто-эквивалентностных отношений между сокращением и всеми его потенциальными синтаксическими расшифровками.

Например, для сложного слова *телеконтракт* на актуальном срезе языка обнаруживается 5 частотных эквивалентов: *контракт с телеканалом*, *контракт с телекомпанией*, *телевизионный контракт*, *контракт с телевизионной компанией*, *контракт с телевизионным каналом*. Вокабулы представлены в «Словаре» в совокупности со всеми расшифровками, которые формируют т.н. гнездо эквивалентности сокращения.

2. Впервые специальным объектом словарного описания стали сложносокращенные апеллятивы. В «Словаре» не представлены инициальные аббревиатуры и сокращенные онимы всех структурных типов, поскольку они достаточно широко представлены в частных словарях сокращений и в общих толковых словарях; кроме того, такие лексемы не формируют отношения множественной эквивалентности с синтаксическими расшифровками.

При образовании же сложносокращенных апеллятивов реализуется наиболее естественный, «стихийный» тип универбализации: такие единицы создаются путем стереотипного замещения элементов словосочетания абброконструкциями и в дальнейшем легко интерпретируются носителями языка в синтаксические расшифровки.

3. Лабораторией разработан комплекс методов сбора языкового материала и прогнозирования отношений эквивалентности с помощью информационно-поисковых систем. Совокупность используемых методик позволяет составителям «Словаря» учесть все частотные сокращения и синтаксические эквиваленты, зафиксированные в электронных текстах. Таким образом, составители руководствуются принципом всеобъемлющего охвата языкового материала, характерного для дескриптивного подхода к составлению толковых словарей.

4. Словарные статьи разрабатываемого «Словаря» построены с учетом многоаспектного описания отобранного материала.

Словообразовательный аспект реализуется в блоке текстовых эквивалентов. В словарных статьях даются все частотные расшифровки аббревиатур, при этом косвенно устанавливается очередность появления компонентов гнезда эквивалентности в языке. Лексико-стилистический

аспект представлен в блоке толкования аббревиатур, в который кроме собственно лексических толкований значений вокабул включены также ударение, грамматические и стилистические пометы.

Для вошедших в словник сокращений, а также для лексем из блока синонимов разработана система стилистических помет, которые используется для обозначения историзмов, архаизмов, просторечия, книжных и разговорных слов. В блоке синтаксических эквивалентов с помощью астериска маркируются расшифровки, которые составлены с нарушением общепринятых языковых норм.

Таким образом, в рассмотренном лексикографическом проекте эффективно объединены методы, используемые при составлении дескриптивных и дескриптивных словарей.

Информация о финансовой поддержке: *Исследование проводилось по теме государственного задания «Структурно-функциональные параметры существования и развития русского языка XX-XXI столетий в его региолектном и общезыковом аспектах» (№ госрегистрации НИОКТР 124051400024-1).*

УДК 81'373.611

СЕМАНТИКО-ОНОМАСИОЛОГИЧЕСКАЯ ТИПОЛОГИЯ НЕИНИЦИАЛЬНЫХ АББРОКОНСТРУКТОВ

Смирнова И. Р., ORCID 0000-0002-5021-9372

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ

smirinaa15@gmail.com

Введение. В исследовании применяется термин «сложносокращенное слово» (далее — ССС), который используется в «узком» его понимании для обозначения единицы, связанной мотивационными отношениями со словосочетанием и содержащей эквиваленты не менее двух компонентов этого словосочетания, как минимум один из которых является неинициальным абброконструктом. Неинициальный абброконструкт (далее — АК) определяется как «часть аббревиатуры, представляющая собой сокращённый эквивалент (дублет) какого-либо слова» [2, с. 74] и состоящая не менее чем из двух фонем, например АК *мор-*: *морвокзал* — *морской вокзал*.

Объектом исследования являются неинициальные абброконструкты русского языка. Рассматриваемые единицы могут получать различные трактовки на основании своих структурных, формальных, функциональных, семантических и проч. особенностей. **Целью** данного исследования

является представлением и описанием разновидностей неинициальных абброконструктов в рамках семантико-ономасиологической типологии.

Основная часть. В основе предлагаемой типологии лежит установление особенностей семантической репрезентации неинициальными абброконструктами эквивалентных им компонентов словосочетаний.

1. Неинициальные АК могут соответствовать двум ономасиологически определенным компонентам эквивалентных словосочетаний: базисному и признаковому, которые соотносятся с главным и зависимым компонентами словосочетания соответственно, однако нами в большей мере учитывается их семантическая роль в словосочетании как номинативной единице с цельной семантикой, но формально расчлененным планом выражения.

По типу соответствия компонентам словосочетания выделяются:

1) АК, эквивалентные базисному компоненту (*завотделом — заведующий отделом, заведующая отделом; комдивизией — командующий дивизией; жилком — жилищный комитет*);

2) АК, эквивалентные признаковому компоненту (*авианалёт — авиационный налёт, налёт авиации; автокредит — кредит на авто, кредит на автомобиль, автомобильный кредит; генмор — морской генеральный штаб*).

В составе частично сокращенных слов, которыми представлено большинство ССС, составляющих материал исследования, абброконструкт соответствует либо признаковому (X), либо базисному (Y) компоненту словосочетания, что отражено в двух формально-ономасиологических моделях:

1. $X + Y > (X)Y$, где (X) — абброконструкт, соответствующий признаковому компоненту словосочетания, а Y — базисный компонент, представленный в составе ССС целым словом. В данном случае именно базис выступает основой для лексической интерпретации аббревиатуры, так как обладает конкретным, а не ассоциативным, как у АК, лексическим значением. Например, *абонентский номер — абонномер*.

2. $Y + X > (Y)X$, где (Y) — абброконструкт, соответствующий базисному компоненту словосочетания, а X — признаковый компонент, представленный в составе ССС целым словом, чаще всего существительным в косвенном падеже. Базисный компонент, заменяемый абброконструктом, очень часто принадлежит к ономасиологическому классу «лицо». Признаковый компонент относительно своей семантической функции нередко выступает каузативом — причиной состояния объекта: *командир роты — комроты; заместитель директора — замдиректора*. Нами обнаруживаются целые абброгруппы с «базисным» типом АК: *зав- (завбазой — заведующий, заведующая базой, завкафедрой — заведующий, заведующая кафедрой, т. д.); нач- (начштаба — начальник штаба,*

начотдела — *начальник отдела, т. д.*); зам- (*замдекана* — *заместитель декана, т. д.*) и др.

2. АК является не только формальным, но и особым семантическим компонентом, посредством которого осуществляется лексическая интерпретация аббревиатуры. Например, в зависимости от способа дешифровки АК *авто* в ССС *автокража* это слово может обозначать как похищение из автомобиля каких-либо личных вещей владельца, так и кражу самого автомобиля, то есть *автоугон*.

По типу семантической интерпретации при дешифровании АК подразделяются на:

1) Однозначные, обнаруживающие стереотипные варианты дешифровки, семантически относящиеся к одному классу, например *дым(о)-* — *дым, дымовой, дымообразующий* (*дымаппаратура* — *дымовая / дымообразующая аппаратура; дымоанализатор* — *анализатор дыма*).

2) Симультанные, для которых свойственна множественность семантической трактовки, так как в языке для них отмечается нескольких актуальных синтаксических коррелятов, например *ветро-* — *ветровой, ветряной* (*ветробарьер* — *ветровой барьер; ветроэлектростанция* — *ветряная электростанция*).

Существование симультанных АК объясняется формальным подобием или частичным совпадением слов с тождественной начальной частью, выступающих эквивалентами таких единиц, например *арт-* (*артезианский* — *артиллерийский* — *артистический*), *гео-* (*географический* — *геологический*), *арх-* (*архитектурный, архитекторский* — *археологический* — *архивный*) и др. При универбализации такие слова могут связываться с одним формальным выражением, что обуславливает возникновение омонимичных абброконструктов, совпадающих формально, но обладающих различной семантикой.

Симультанты выделяются А.И. Бровцом (см. [1]), который отмечает следующие подтипы таких АК:

1) Абсолютный симультант — «омонимичный АК, двоякая интерпретация которого параллельна ... денотативной двойственности объекта» [1, с. 48] Такие единицы связаны с разными референтами. Например, для АК *авто* существует два класса семантических эквивалентов: *автомобиль* (*автокресло* — *автомобильное кресло*) — *автомат* (*автокормушка* — *автоматическая кормушка*).

2) Включенный симультант, который «отражает взаимопроникновение признаков двух эквивалентов АК ... и их смешение в пределах трактовки одного референта» [1, с. 49]. Этот подтип симультанных АК связан с одним референтом, для которого имитируется множественность семантики: *электро* — *электрический и электронный* (*электрогитара* — *электрическая гитара, электронная гитара*), *вибро* —

вибрационный и вибрирующий (виброгантель — вибрационная гантель, вибрирующая гантель), др.

Заключение. В рамках семантико-ономасиологической типологии неинициальные абброконструкты разграничиваются по типу соответствия компонентам словосочетания на единицы, эквивалентные базисному компоненту, и единицы, эквивалентные признаковому компоненту, а по способу семантической интерпретации при дешифровании — на однозначные и симультанные единицы. Последние, в свою очередь, подразделяются на абсолютные и включённые симультанты.

Информация о финансовой поддержке: *Исследование проводилось по теме государственного задания «Структурно-функциональные параметры существования и развития русского языка XX-XXI столетий в его региолектном и общезыковом аспектах» (№ госрегистрации НИОКТР 124051400024-1).*

Список литературы

1. Теркулов, В. И. Сложносокращенные слова: синхронный и диахронный аспекты описания / В. И. Теркулов // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. — 2017. — № 6. — С. 73–97. — EDN YWQZRA.
2. Бровец, А. И. О симультанных абброконструктах (на материале аббревиационной группы электро) / А. И. Бровец // Русский язык в поликультурном мире: X Международная научно-практическая конференция (8–11 июня 2016 г.): сб. науч. статей. В 2-х т. / отв. ред. Е. Я. Титаренко. — Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2016. — Т.1. — С. 41–52. — EDN WDSWFT.

УДК 81'373.611

ОСОЗНАННОСТЬ РЕЛЯТИВНЫХ МОДЕЛЕЙ ДЕШИФРОВКИ АББРЕВИАТУР В ПОВСЕДНЕВНОМ ОБЩЕНИИ

Станкус Е. Н., ORCID 0000-0002-0271-9698

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ

e.n.stankus@mail.ru

Настоящее исследование является частью программы по составлению «Толкового словаря сложносокращённых слов русского языка» (далее — Словарь), осуществляемого Экспериментальной лабораторией исследования тенденций аббревиации при кафедре русского языка ДонГУ.

Актуальность определяется интересом к тому, как разные слои населения осуществляют дешифровку сложносокращённых слов (далее — ССС). **Целью** работы является определение степени понимания школьниками среднего звена связи между сложносокращёнными словами и

их эквивалентами. Поставленная цель определила перед нами следующие **задачи**:

1. Определить понятие «эквивалентное словосочетание для сложносокращённого слова»;
2. Описать особенности использования дешифровальных стимулах;
3. Провести анонимный опрос учащихся 9–10 классов для определения осознанности в дешифровании ССС.
4. Произвести анализ полученных результатов.

Материалом для исследования послужили 30 ССС, взятых из Словаря и относящихся к разным аббревиационным группам (далее — АГ), под которыми понимаются группы «аббревиатурных слов, имеющих тождественный абброконструкт» [2, с. 15].

Во время работы нами использовались следующие **методы**: анонимный опрос, квантитативный анализ, компаративный анализ полученных результатов и материалов Словаря. **Общий охват** учащихся составляет 60 человек.

ССС могут трактоваться и пониматься на основе двух подходов: диахронного и синхронного. При первом под аббревиацией понимается «процесс преобразования словосочетания в эквивалентную аббревиатуру путём замены его компонентов (компонента) абброэквивалентами» [2, с. 18]. Диахронные аббревиатуры — результат компрессии словосочетания, а их определение основывается на установлении отношений между аббревиатурой и производящей единицы.

В своём исследовании мы обращаемся к синхронной аббревиации, которая допускает существование на актуальном срезе языка синтаксических эквивалентов, объединённых в **гнездо эквивалентности** (далее — ГЭ), т.е. в систему, где сосуществующие единицы связаны между собой и аббревиатурой мотивационными отношениями. Каждое ССС формирует ГЭ с неодинаковым количеством эквивалентов и набором дешифровальных стимулов (ДС), т.е. стереотипных ономаσιологических моделей формирования эквивалентных словосочетаний.

Самой регулярной моделью образования эквивалентных словосочетаний является **презентативный ДС (ПДС)**, реализующий эквивалентные словосочетания с обобщённым и квалификативным значением аббревиатуры. Используется в любой ситуации номинации в качестве абсолютного эквивалента ССС, например: *бухотдел* — *бухгалтерский отдел*, *бурвышка* — *буровая вышка*.

Реляционный ДС при дешифровании аббревиатуры реализует актантную и актантно-числовую семантику как презентативных, так и модификативных ДС. Например, слову *автоприцеп* эквивалентно словосочетание *прицеп для автомобиля*, где зависимое слово выражает назначение предмета (дестинатив).

Под **модификативным ДС (МДС)** понимается такой ДС, который распространяет и уточняет презентативную семантику аббревиатуры. Например, в ГЭ ССС *автобат* входят такие эквивалентные словосочетания как *автомобильный батальон* и *автотранспортный батальон*. Первое словосочетание образовано по модели ПДС, второе, уточняя значение первого, по модели МДС. Главное отличие МДС от ПДС — возможность создавать привативные отношения с немаркированным компонентом, т.е. ПДС [1, с. 14–15].

Работа с обучающимися проходила в два этапа: сбор информации и обработка полученных материалов. На первом этапе использовался метод анонимного опроса, в котором каждому ССС необходимо было привести такой эквивалент аббревиатуры, чтобы аббреконструкт был выражен именем существительным, а не прилагательным, т.е. релятивное эквивалентное словосочетание. Для определения уровня осознанного восприятия ССС учащиеся были распределены на 2 группы: контрольную и экспериментальную.

Первая группа задание получила без разъяснений различий между видами ДС, второй же перед началом опроса в упрощённом варианте была дана информация о видах ДС. На втором этапе используются как компаративный анализ полученных результатов и материалов Словаря, так и квантитативный анализ. Последний используется для установления баланса индексов (далее — БИ), частного от деления индекса употребления аббревиатурного слова на индекс употребления словосочетания, так как наличие у аббревиатуры эквивалента признается только в том случае, когда БИ его общего употребления (частное от деления количества употреблений аббревиатуры на количество употреблений словосочетания) не превышает 500 (при минимальном количестве употреблений — 100). Анализ полученных материалов показал, что некоторые учащиеся в своих работах давали эквиваленты ССС, не встречающиеся в словаре, а благодаря квантитативному анализу нам удалось установить, что некоторые словосочетания действительно являются эквивалентами ССС.

В результате исследования нами были сделаны следующие выводы:

1. Многие эквивалентные словосочетания выступают в сознании школьников в качестве толкования, а не его эквивалента. Это заметно при анализе результатов первой (контрольной) группы, где учащиеся наряду с релятивами давали упрощённые толкования. Например, *автоприцеп* — *прицеп для автомобиля, автомобиль, использующий прицеп; бурустановка* — *установка по бурению твёрдых поверхностей*.

2. Работы школьников можно использовать для прогнозирования синтаксических эквивалентов, т. к. нами были обнаружены эквиваленты, не попавшие в Словарь: *авиадвигатель* — *двигатель в авиации*; *военформа* — *форма для военного*; *авиаангар* — *ангар с авиацией, ангар для авиации, авиаоборудование* — *оборудование для авиации*.

3. Не все учащиеся различают презентативный и реляционный ДС, например, *автоприцеп* — *автомобильный прицеп*, *прицеп* для автомобиля.

Таким образом, анкетный опрос разных слоёв населения может помочь при дальнейшем составлении «Толкового словаря сложносокращённых слов русского языка», а полученный эмпирический материал можно использовать для прогнозирования реляционных моделей дешифрования ССС.

Информация о финансовой поддержке: *Исследование проводилось по теме государственного задания «Структурно-функциональные параметры существования и развития русского языка XX-XXI столетий в его региолектном и общезыковом аспектах» (№ госрегистрации НИОКТР 124051400024-1).*

Список литературы

1. Бровец А. И. Интерпретативный дешифровальный стимул аббревиатуры: источники, псевдоунивербализационная синекдоха, внутриранговая альтернатива / А. И. Бровец // Русский язык в поликультурном мире: I Международный симпозиум / отв. ред. Е. Я. Титаренко : Сб. науч. статей. В 2-х т. Том 2. — Симферополь : ИТ «АРИАЛ», 2017. — С. 166–172
2. Теркулов В. И. Материалы к словарю терминов Экспериментальной лаборатории исследования тенденций аббревиации / В. И. Теркулов // Восточнославянская филология: сб. науч. тр. — Вып. 3 (29). Языкознание. — Горловка : Изд-во ОО ВПО «ГИИЯ», 2016. — С. 13-25

УДК 81'373.611

НОРМАТИВНЫЙ СЛОВАРЬ СОКРАЩЕНИЙ И АББРЕВИАТУР КАК ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЙ ЖАНР

Теркулов В. И., д-р филол. наук, проф., ORCID 0000-0002-0418-4260
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
terkulov@rambler.ru

Введение. Правительством Российской Федерации 1 июля 2023 г. было принято Постановление № 1092 «О порядке формирования и утверждения списка нормативных словарей, справочников и грамматик, фиксирующих нормы современного русского литературного языка при его использовании в качестве государственного языка Российской Федерации», которое определяет работу ряда научных коллективов по созданию общегосударственной линейки нормативных словарей русского языка. Одним из таких словарей является Словарь сокращений и аббревиатур (Словарь), создание которого поручено кафедре русского языка ДонГУ.

Целью доклада является описание структуры Словаря и демонстрация на примере инициальных аббревиатур принципов его составления.

Основная часть. Появление большого количества словарей сокращений стало отражением тенденции к пополнению русского языка в XX–XXI веках в первую очередь именно аббревиатурной лексикой. На эту связь указывал уже В.В. Борисов: «Объективным доказательством повышения роли и удельного веса сокращений в современных языках является появление в последние десятилетия большого количества общих и специализированных словарей сокращений, причём число таких словарей в последние годы резко возрастает: из зарегистрированных нами более 100 словарей сокращений для различных языков более трех четвертей было издано в период после 1950 года» [1, с. 11]. Наиболее авторитетными для русского языка считаются «Словарь сокращений русского языка» под редакцией Д. И. Алексеева (1977), «Новый словарь сокращений русского языка» под ред. Е.Г. Коваленко (1995), «Новые сокращения в русском языке» И. В. Фаградянца (1999), и др. Добавим сюда ещё самую, пожалуй, большую базу данных аббревиатур — интернет-проект А. Лебедева Sokr.ru (более 160 тысяч сокращений). Правда, ни один из указанных словарей не является нормативным. В них даётся общая информация об употреблении сокращений — указание на то, как они могут быть дешифрованы. В некоторых из них приводятся особенности произношения и написания аббревиатур иногда с указанием на их стилевые характеристики, но делается это не системно (см. обзор особенностей словарей в [2; 3]).

Для нормативного Словаря необходимо создать новую, прескриптивную модель представления вокабул, определяющую состав его словника и особенности отражения в нем нормативных характеристик описываемых единиц.

1. Состав словника. В словаре, на наш взгляд, должны быть описаны все частотные единицы, которые могут трактоваться как сокращения или аббревиатуры. Используя терминологический аппарат Донецкой дериватологической школы, выделяем **усечения**, например *проф.*, **графические сокращения**, например *и т. п.*, **инициальные аббревиатуры** — акронимы (звуковые аббревиатуры), например *вуз*, и алфавитизмы (буквенные аббревиатуры), например *ФГБОУ* [эф-гэ-бэ-о-у], **сложносокращённые апеллятивы** — частично сокращённые слова (*автодорога*) и слоговые аббревиатуры (*комбат*), **сложносокращённые онимы**, например *Рособрнадзор*, **комбинированные аббревиатуры**: акронимно-алфавитные (*ЦСКА* [цэ-эс-ка]), инициально-сложносокращённые (*агитАБ*), **абброконструкты** *авто-*, *авиа-*.

2. Нормативность. В словаре каждая описываемая единица должна быть определена с точки зрения её отношения к норме. В нем отражаются все прескриптивные зоны: графическая, фонетическая, грамматическая, лексическая.

Покажем работу над словарём на примере инициальных аббревиатур.

Состав словника. В словаре даётся описание не всех инициальных аббревиатур, а только тех, которые могут встретиться любому пользователю словаря в повседневной жизни. Например, вполне возможно появление в нейтральных текстах в поле обыденного бытия индивида аббревиатуры *ДМШ* — *детская музыкальная школа* (более 300 тыс. включений в эквивалентные тексты по данным Google.ru), но трудно предположить использование в них слова *ССПЦ* — *сульфатостойкий портландцемент*, отмечающейся только в специальных источниках. Кроме того, оптимизация словника обеспечивается тем, что в некоторых случаях нами используется «модель комбинирования» для локальных названий. Например, в словаре даётся аббревиатура *ГУ* — *государственный университет* (с комментарием: с уточнением локализации в добавляемом в начало эквиваленте названия населённого пункта, например *ДонГУ*, *МГУ*). Далее даются локализаторы — астионимы и отастионимные прилагательные (*Дон* — *Донецк*, *донецкий*, *М.* — *Москва*, *московский* и т. д.), которые и используются для создания или дешифровки инициальных аббревиатур — наименований университетов, а также других учреждений (*Донуголь*, *Донгорбанк*, *ДонУГИ* и т. д.).

Отмечаются следующие **прескриптивные зоны** для инициальных аббревиатур.

а. **Графика:** главная проблема — определение нормативного написания аббревиатуры. Как правильно: *смс*, *СМС* или *эсэмэс*?

б. **Произношение.** В словаре указывается, какое звучание аббревиатуры является нормативным — алфавитное или акронимное. Например, как правильно произносится *СНО* — [снó] или [эс-эн-ó]? Отмечаются также ситуации, когда у алфавитизмов возникает несколько вариантов «озвучивания» входящих в них букв. Как правильно для *ФРГ* — [эф-эр-гэ] или [фэ-эр-гэ]?

в. **Ударение:** обычно ударение в инициальных аббревиатурах ставится на последнем слоге, например *ДонГУ* [дон-гú], но иногда в иноязычных аббревиатурах, не имеющих русской дешифровки, оно перемещается к началу слова, например *ЮНÉСКО*, *НА́ТО*.

г. **Родовая характеристика.** В ряде случаев уточнения требует род инициальной аббревиатуры: определяется ли он по финали или по главному слову эквивалентного словосочетания. Например, к какому роду относится слово *МКАД*? К женскому по слову *дорога* (*на нашей МКАД*) или к мужскому по финали (*на нашем МКАДе*)?

д. **Склонение:** прескриптивным в ряде случаев становится и склонение аббревиатуры. Например, склоняется ли слово *МХАТ*? Как правильно: *она актриса МХАТ* или *МХАТа*?

е. **Стилистические и стилевые и др. пометы:** в словаре указывается на сферу преимущественного употребления аббревиатуры, например *АА* [а-

á], с., нескл., ед. **Мед.** *Апластическая анемия*; на отношение к активному запасу словаря, например **КГБ** [ка-гэ-бэ], м., нескл., ед. **Ист.** *Комитет государственной безопасности*, и т. д.

ж. Семантика: в словаре даются все обнаруженные дешифровки аббревиатуры. Например, в существующих словарях для слова **ААА** [а-а-á] обычно даётся один эквивалент — *атомно-абсорбционный анализ*, но нами отмечается частотный и допустимый вариант *атомный абсорбционный анализ*, который также приводится в словарной статье.

Заключение. Словарная статья для инициальной аббревиатуры имеет следующий вид: **АА**¹ [а-á], нескл., мн. и с., нескл. *Анонимные алкоголики*, «*Анонимные Алкоголики*», *содружество (общество) анонимных алкоголиков*. В последующих работах мы предполагаем описать структуры словарных статей для остальных типов сокращений и аббревиатур.

Информация о финансовой поддержке: *Исследование проводилось по теме государственного задания «Структурно-функциональные параметры существования и развития русского языка XX-XXI столетий в его региолектном и общезыковом аспектах» (№ госрегистрации НИОКТР 124051400024-1).*

Список литературы

1. Борисов, В.В. Аббревиация и акронимия. Военные и научно-технические сокращения в иностранных языках / В. В. Борисов. — М. : Воениздат, 1972.— 320 с.
2. Рязанова, В.А. История словарей сокращений / В. А. Рязанова, А. И. Бровец // Международный аспирантский вестник. Русский язык за рубежом. — 2021. — № 3. — С. 70-76. — EDN DCDDDF.
3. Рязанова, В. А. Специфика словарного описания сокращённых апеллятивов и онимов / В. А. Рязанова // Мир русского слова. — 2023. — № 2. — С. 21-31. — DOI 10.21638/spbu30.2023.203. — EDN DSWCFV.

УДК 81'373.611

ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ МОДЕЛИРОВАНИЯ ФОРМАЛЬНОЙ ЭКВИВАЛЕНТНОСТИ АББРЕВИАТУРЫ

Халабузарь А. О., ORCID 0009-0005-2228-0781

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ

stebuki@yandex.ru

Введение. Новый подход Донецкой дериватологической школы к описанию формальной структуры сложносокращённых слов (ССС) на синхронном срезе языка устанавливает, как соотносятся на уровне формы данные единицы с мотивационно связанными с ними словосочетаниями.

Целью работы является показ работы методик формального описания ССС на примере лексем, входящих в аббревиатурную группу «авиа».

Основная часть. Дешифровальные стимулы (ДС) сложносокращённого слова представляют определённые регулярные модели дешифровки ССС. Различаются модель ДС и модель формальной эквивалентности.

Для моделей ДС используются следующие символы: **x** — слово, являющееся формальным эквивалентом абброконструкта в составе дешифровального стимула, например слово *авиационный* в паре *авиагорючее — авиационное горючее*, являющееся формальным эквивалентом абброконструкта *авиа*; **x2** — эквивалент второго (не препозитивного) абброконструкта в структуре составных абброконструктов, например в паре *авиаспортклуб — авиационно-спортивный клуб*, где символом **x2** обозначено слово *спортивный* (абброконструкт *спорт*); **a** — конструкт эквивалентного сложного слова, не представленный в аббревиатуре, например *технический* в паре *авиабатальон — авиатехнический батальон*; **z** — слово, представленное в сложном эквивалентном словосочетании, но не имеющее эквивалентов в структуре сложносокращённого слова, например *перевозки*, не имеющее эквивалентов в слове *авиатариф* в паре *авиатариф — тариф на авиационные перевозки*.

Кроме того, в схеме даётся указание на частеречную принадлежность компонента ДС: если в скобках рядом с основным символом нет оператора, перед нами существительное, например в схеме **z+x** для пары *авиафорум — форум любителей авиации*, где **z** связывается с токеном-существительным *любителей*, а **x** — с токеном-существительным *авиации*; если в скобках с основным символом приводится оператор «ад», ДС является адъективным токеном, например **x(ад)** для обозначения токена *авиационная* пары *авиакатастрофа — авиационная катастрофа*; оператор «предл» указывает на то, что в состав ДС входит предлог, например в паре *авиаинспектор — инспектор по авиационной безопасности*, реализующей модель *инспектор по авиационной безопасности*; оператор «союз» указывает на союз, например в модели **(предл)+z+ (союз)+z+x+a**: *авиаагент — агент по бронированию и продаже авиабилетов*).

На основе схемы ДС формируется дешифровальная модель, включающая в себя в качестве дополнительного компонента схему единицы, не являющейся формальным эквивалентом абброконструкта, имеющего в качестве основного символа символ **y** — знак элемента, представленного в структуре сложносокращённого слова: **y** — простое слово, например *выставка* в паре *авиавыставка — авиационная выставка*; **(x²y)** — сложное слово, абброконструкт которого сохраняется в аббревиатуре, например *запчасти* в паре *авиазапчасти — запчасти для авиации*; общая схема **x²y-(предл)x1; x2(ад)-y** — словосочетание, один из компонентов которого

представлен вторым аббреконтруктом, например *метеорологический центр* в паре *авиаметцентр* — *авиационный метеорологический центр*. Дешифровальная модель *авиадетали* = *детали для авиационной техники*: $y+(\text{предл})+x(\text{ад})+z$.

В модели формальной эквивалентности осуществляется детализация модели ДС, имеющая своей целью описание формального соответствия между сложносокращённым словом и его эквивалентом

Модель включает два блока — словосочетания и ССС.

Блок словосочетания включает следующие характеристики.

1. Количество компонентов эквивалентного словосочетания.

Наименьшее количество компонентов, обнаруживаемых в нашей картотеке — два, например *авиадивизия* — *авиационная дивизия*, наибольшее — шесть, например *авиаинспектор* — *инспектор по досмотру службы авиационной безопасности*.

2. Структурный тип слова, входящего в словосочетания. Если компонентом эквивалентного словосочетания является сложное слово, (аббревиатура, сложнопроизводное слово и т. д.), после символа частеречной принадлежности используется оператор «(комп)». Например, для *авиапромышленный* эквивалента *авиапромышленный гигант* (*авиагигант*) — «Прил(комп)»

3. Грамматическое описание компонентов словосочетания.

Включает следующие маркеры:

а) **Частеречная принадлежность** компонента: существительное (**Сущ**), например все слова в *музей авиации* (*авиамузей*), прилагательное (**Прил**), например слово *авиационный* в *авиационная индустрия* (*авиаиндустрия*), предлоги (**предл**), например, *за* в *надзор за авиакомпаниями* (*авианадзор*), союзы (**союз**), например, *и* в *колледж авиационного приборостроения и автоматики* (*авиаколледж*).

б) **Падежная форма (для изменяемых слов)**. Для изменяемых имён в схеме словосочетания рядом с символом части речи указывается падежный номер глоссы (1 — именительный, 2 — родительный и т. д.), например **Сущ3** в *руководство по авиации* ($\text{Сущ1ед}+\text{предл}+\text{Сущ3}$) (*авиаруководство*). На несклоняемость существительного указывает оператор **Нескл**, например, в *авиационное шоу* компонент *шоу* (*авиашоу*) обозначается как **СущНескл**.

4. **Парадигматическая активность**. На парадигматическую активность указывает комбинация номера падежа и оператора числа (**ед** — единственное, **мн** — множественное).

Номер именительного падежа (1) + «ед» может указывать на две модели парадигматической активности:

1) **Слово в словосочетании и аббревиатура имеют полные падежно-числовые парадигмы**. Например, в *ярмарка авиации* (*авиаярмарка*) (схема $\text{Сущ1ед}+\text{Сущ2ед}$) таковым является слово *ярмарка*:

ярмарка авиации (именительный единственного), ярмарки авиации (родительный единственного и именительный множественного), ярмаркой авиации (творительный единственного) и т. д.

2) Слово в словосочетании и аббревиатура относятся к разряду **Singularia tantum**. Например, в *авиационная инженерия (авиаинженерия)* таковым является слово *инженерия*.

Номер именительного падежа (1) + **мн** с указывают на то, что словосочетание и аббревиатура имеют парадигму *Pluralia tantum*. Например, словосочетание *авиационные власти* (схема **Прил2мн+Сущ1мн**) только в формах множественного числа имеет соответственно изменяемый эквивалент *авиавласти*: *авиационные власти* — *авиавласти*; *авиационных властей* — *авиавластей* и т. д. Номер косвенного падежа + символ числа указывают на то, что в эквивалентной паре используется только данная словоформа. Например, в словосочетании *гарнизон авиаторов (авиагарнизон)* используется только токен *авиаторов* (**Сущ2мн**) слова *авиатор*.

Объединение указанных операторов формирует общую схему эквивалентного словосочетания, например *а̀виагига́нт — гига́нт авиастроения*: $y+x+a$ — **Сущ1ед+Сущ(комп)2ед**.

В блоке сложносокращённого слова приводится порядок следования и способ представленности эквивалентов компонентов исходного словосочетания в сложносокращённом слове. **Способ представления компонентов словосочетания в сложносокращённом слове** указывает, каким образом формально представлен в аббревиатуре компонент эквивалентного способа представленности: конструкт аббревиатуры равен слову эквивалентного словосочетания, что отмечается в базисе частично сокращённых слов, например конструкт *пассажир* в аббревиатуре *авиапассажир* = *пассажир авиации* (в схеме — без дополнительных помет — **Сущ1ед**); конструкт аббревиатуры равен части основы эквивалентного слова, то есть является абброконструктом (оператор — **АК**);

Совмещения блоков словосочетания и сложносокращённого слова формируют модель формальной эквивалентности. Например, для пары *авиаконцерн — авиапромышленный концерн*, реализующей общую модель дешифровального стимула $x(ad)+a+y$, модель формальной эквивалентности имеет следующий вид: **Прил(комп)1ед+Сущ1ед — АКПрил(комп)1ед+Сущ1ед**.

Информация о финансовой поддержке: *Исследование проводилось по теме государственного задания «Структурно-функциональные параметры существования и развития русского языка XX-XXI столетий в его региолектном и общезыковом аспектах» (№ госрегистрации НИОКТР 124051400024-1).*

МОРФЕМНЫЙ АНАЛИЗ И СЕМАНТИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ: РОЛЬ ПРЕФИКСАЛЬНОГО СЛОВООБРАЗОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Шевчик А. С., ORCID 0009-0003-5911-6761

ФГБОУ ВО «Мелитопольский государственный университет»,

г. Мелитополь, Запорожская обл., РФ

Sevcika07@gmail.com

Введение. В современной лингвистике морфемный анализ и исследование семантических изменений играют ключевую роль в понимании динамики развития языка. Особое место в этом контексте занимает префиксальное словообразование, которое не только обогащает лексический состав языка, но и влияет на его грамматическую структуру. В данной работе мы рассмотрим роль префиксального словообразования в современном русском языке, опираясь на труды российских ученых последних пяти лет.

Цель нашей работы — определить роль префиксального словообразования в современном русском языке. Выявить влияние на лексические и стилистический аспекты.

Основная часть. Одним из ключевых аспектов изучения префиксального словообразования является анализ семантических полей, формирующихся вокруг определенных префиксов. В. В. Виноградов в своей посмертно изданной работе «Очерки по исторической семантике русского языка» [2] (под редакцией Н. Ю. Шведовой) подчеркивал важность изучения семантических полей для понимания системных отношений в лексике. Развивая эту идею, современные исследователи, такие как О. П. Ермакова в монографии «Семантические процессы в лексике» [4], анализируют, как префиксы формируют семантические поля и влияют на развитие новых значений слов.

Особый интерес представляет исследование префиксального словообразования в контексте языковой экономии. Л. В. Щерба еще в середине XX века отмечал тенденцию к экономии языковых средств, и эта идея получила дальнейшее развитие в работах современных лингвистов. Так, Н. С. Валгина в своей книге «Активные процессы в современном русском языке» [1] указывает на то, что префиксальное словообразование часто служит средством компрессии смысла, позволяя выразить сложное понятие одним словом вместо развернутого словосочетания.

В контексте изучения семантических изменений, связанных с префиксальным словообразованием, важно отметить работу Е. А. Земской «Современный русский язык. Словообразование» [5]. Автор подчеркивает, что префиксы не только модифицируют лексическое значение слова, но и

могут влиять на его стилистическую окраску. Например, префикс «сверх-» часто придает слову оттенок преувеличения или интенсивности и может использоваться как в научном, так и в разговорном стиле (сверхпроводимость, сверхспособности).

Исследование префиксального словообразования тесно связано с вопросами языковой нормы и культуры речи. В. Г. Костомаров в книге «Язык текущего момента: понятие правильности» [6] обращает внимание на то, что активные процессы префиксального словообразования иногда приводят к появлению окказионализмов, которые могут вызывать споры о их нормативности. Автор подчеркивает необходимость внимательного отношения к новообразованиям и их оценки с точки зрения языковой нормы и коммуникативной целесообразности.

Отдельного внимания заслуживает роль префиксального словообразования в обогащении терминологических систем различных научных и профессиональных областей. С. В. Гринев-Гриневиц в монографии «Терминоведение» [3] отмечает, что префиксация является одним из основных способов образования новых терминов в русском языке. Особенно продуктивными в этом отношении являются префиксы иноязычного происхождения, такие как «анти-», «квази-», «псевдо-», «ультра-», которые активно используются для создания научных и технических терминов.

Интересные наблюдения в области взаимодействия префиксального словообразования и заимствований представлены в работе Л. П. Крысина «Современный русский язык. Лексическая семантика. Лексикология. Фразеология. Лексикография» [7]. Автор отмечает, что в последние годы наблюдается тенденция к активному использованию русских префиксов с заимствованными основами, что приводит к образованию гибридных слов. Данный процесс отражает адаптацию иноязычной лексики к системе русского языка и демонстрирует гибкость словообразовательной системы.

В заключение следует отметить, что префиксальное словообразование в современном русском языке представляет собой динамичный и многогранный процесс, играющий ключевую роль в обогащении лексического состава языка и формировании новых семантических оттенков. Исследования последних лет демонстрируют, что префиксация не только служит средством создания новых слов, но и отражает глубинные процессы языковой концептуализации действительности, способствует развитию экспрессивных ресурсов языка и играет важную роль в формировании терминологических систем.

Работы современных российских лингвистов в области морфемного анализа и изучения семантических изменений, связанных с префиксальным словообразованием не только развивают традиции отечественного языкознания, но и открывают новые перспективы для дальнейших исследований в сфере словообразования и семантики.

Заключение. Влияние наблюдаемых изменений на дальнейшее развитие русского языка остается предметом дискуссий среди лингвистов. Однако большинство исследователей сходятся во мнении, что эти изменения отражают объективные процессы языковой эволюции и требуют дальнейшего тщательного изучения. Таким образом, роль префиксального словообразования в современном русском языке многогранна и значима. Оно не только обогащает лексический состав языка, но и влияет на его грамматическую структуру, отражает особенности национального мировосприятия, способствует развитию выразительных средств языка и играет важную роль в процессах языковой адаптации к меняющимся условиям коммуникации. Дальнейшее изучение этой области лингвистики несомненно будет способствовать более глубокому пониманию динамики развития русского языка и его роли в современном мире.

Список литературы

1. Активные процессы в русском языке новейшего периода : учеб. пособие / Т.Б. Радбиля, Л.В. Рацибурская, Е.В. Щеникова, Н.А. Самыличева, В.А. Куликова, И.В. Палоши, Л. Ясаи, И. Хегедюш; под ред. Т.Б. Радбиля. — Москва :ФЛИНТА, 2022. — 232 с.
2. Виноградов, В. В. Очерки по исторической семантике русского языка / В. В. Виноградов ; под редакцией Н. Ю. Шведовой. — Москва: Наука, 2019. —431 с.
3. Гринев-Гриневиц С.В., Сорокина Э.А., Молчанова М.А. Терминоведение. — Изд. 3, испр. и доп. URSS. — 2023. — 500 с.
4. Ермакова, О. П. Семантические процессы в лексике: монография / О. П. Ермакова. — Москва: Флинта, 2023. — 313 с.
5. Земская, Е. А. Современный русский язык. Словообразование / Е. А. Земская. — Москва: Флинта, 2021. — 324 с.
6. Костомаров, В. Г. Язык текущего момента: понятие правильности / В. Г. Костомаров. — Москва: Златоуст, 2015. — 330 с.
7. Крысин, Л. П. Современный русский язык. Лексическая семантика. Лексикология. Фразеология. Лексикография / Л. П. Крысин. — Москва: Юрайт, 2022. — 240 с.

Русский язык.
Актуальные проблемы лингворусистики

Подсекция 1

УДК [811.161.1'373'42:2]:821.161.1-1

**САКРАЛЬНАЯ ЛЕКСИКА СОВРЕМЕННОГО ПОЭТИЧЕСКОГО
СУБПРОСТРАНСТВА В КОНТЕКСТЕ ДИСКУРСИВНОГО
ПОДХОДА (НА МАТЕРИАЛЕ СОВРЕМЕННОЙ ПОЭЗИИ О ВОЙНЕ
НА ДОНБАССЕ)**

Авдийчук Е. Н., ORCID 0009-0002-4585-0001

ФГБОУ ВО «Луганский государственный педагогический университет»,

г. Луганск, РФ

katerina.ism@yandex.ru

Введение. В последнее время интерес исследователей к современной поэзии упорно растет.

По мнению В. И. Карасика «С позиций дискурсивного осмысления поэзия представляет собой общение особого рода, насыщенное глубинными эмоциональными переживаниями и выражаемое в эстетически маркированных языковых знаках» [2, с. 326]. Н. В. Монгилёва в своих работах говорит о том, что поэтический дискурс — это взаимодействие составляющих «автор – текст» и «читатель – текст», в котором текст является звеном, соединяющим эстетическую деятельность продуциента и реципиента в гетерогенное целое поэтического дискурса [5, с. 56]. Г. В. Кучумова также акцентирует внимание на диалогическом измерении поэтического текста: диалог с самим собой «Я – Я другой», «диалог с ближним собеседником» (Я – Ты), «диалог с дальним собеседником» (Я–Другой, в структуре текста — это взаимодействие своего и чужого высказывания, интертекстуальные или интермедиальные включения) [3, с.101]. В терминологии Ролана Барта: текст — это диалог в аспекте диалогических внутритекстовых и диалогических внетекстовых отношений [4, с. 38]. Ю. С. Степанов утверждает, что дискурс существует в текстах, за которыми встает «определенная грамматика, особый лексикон, особые правила словоупотребления и синтаксиса, особая семантика — в конечном счете — особый мир. В мире всякого дискурса действуют свои правила синонимичных замен, свои правила истинности, свой этикет. Это — «возможный (альтернативный) мир» [7, с. 37].

Цель нашей работы — описание некоторых типологических особенностей современного поэтического дискурса, в частности библейского дискурса в современной поэзии.

Проанализировав мнения как отечественных, так и зарубежных учёных, мы приходим к выводу, что современная поэзия с позиции дискурсивного осмысления диалогична с позиции «поэт – другой человек», «поэт – эпоха», «поэт – взгляд на мир», «поэт – религия».

Основная часть. В современном поэтическом пространстве России отражены события, происходящие сегодня на Донбассе с 2014 года. Эта борьба приняла всенародный характер, что нашло отражение в поэтических контекстах и широкое распространение в поэтических текстах получило использование сакральных понятий, связанных с религией и Библией в целом.

Использование сакральной лексики позволяет поэту задействовать мощную символику и архетипы, которые проникают в глубину сознания читателя и вызывают отклик через религию. В поэтическом тексте, насыщенном сакральными образами и лексикой, возникает своего рода ритуал, которому подвергается не только сам поэт, но и его читатели и даже другие поэты. Ведь справедливо отмечает В. А. Абросимова: «Поэтический дискурс традиционно рассматривается исследователями как особый диалог, включающий так или иначе взаимодействие на различных уровнях: текст – читатель, поэт – текст, текст – другой текст, поэт – читатель, поэт – другой поэт» [1, с.100].

Так, в современных поэтических произведениях о войне на Донбассе часто встречается **упоминание о Боге**, употребление различных его наименований: «Бог», «Христос», «Господи», «Всевышний», а также иных святых, таких как Богородица, Вера, Надежда и Любовь и **обращение к ним с просьбой о помощи и спасении, а также раскаянии в грехах**. Одним из ярких примеров является стихотворение Андрея Соболева «Бога просят о многом», в котором автор от лица школьника размышляет, о чем же просят Всевышнего, перечисляет различные блага: «любовь», «дети», «еда», а далее обращается со своей просьбой о скорейшем наступлении мира, и чтобы «мама была жива»: *«Бога просят о многом, / На каждом грехов не счесть. / Прощение просят у Бога, / Иные просто поесть... / Только бы не стреляли, / И мама была жива!»* (А. Соболев) *«Прости нас, Господи, мы серы... / Спаси нас господи, мы слабы... / Мы сами не спасем себя... / Спасибо, Господи, мы живы...»* (Людмила Гонтарева)

Популярной является и женская поэзия, которая пестрит **молитвой за мужчин**, которые находятся на передовой, и просьб уберечь их от пули и смерти. Своим словам в такие моменты русская женщина придаёт сакральное, магическое значения, верит в то, что её слова станут «бронёй» для солдата. В творчестве Анаит Агабекян находим такой пример: *«Звук артиллерийской канонады / в тылу неведом, но поверь, / что за тебя стократно на день / мы молим Господа теперь. / Твоей бронёй незримой к бою / пусть будет пламень наших слов, / а синь небес над головою — / как Богородицы покров»* (Анаит Агабекян). Приметным оказывается такая

тенденция, что молятся наши женщины обо всех воинах «на той и этой стороне», что позволяет говорить о благородстве, сопереживании чужому горю, что является характерной чертой русской души. Здесь мы четко прослеживаем мотив единения братских народов ради мира на Земле: «*В братоубийственной войне / За всех солдат молиться будем, / На той и этой стороне*» (Людмила Гонтарева)

Нередким в современной поэзии о войне на Донбассе является ***и призыв к борьбе с молитвой на устах или характеристика народа*** через концепт «мольба», предикат «молитесь»: «*О, если мысль, ты все ж материальна, / Мольбой о мире прекрати войну!*» (С. Тишкина). «От сна и ужаса очнитесь, / Молитесь, русские, молитесь. / И вновь — доспехи надевайте. / Вставайте, русские, вставайте!» (Людмила Щипахина)

Заключение. Таким образом проведенный анализ даёт основание утверждать, что в современной поэзии о войне на Донбассе мы можем наблюдать реализацию «фронтирного модуса в интерпретации художественных текстов, сюжет, стиль и образы которых проектируются на национальную историю, культуру, ментальность в их порубежных характеристиках» [6, с. 468].

Сакральные понятия, такие как «молитва», «победа», «дружба» «свет», «совесть», а также различные наименования Бога и святых, придают поэтическому тексту дополнительное значение. Они наполняют его смыслом и открывают новые грани и интерпретации.

Сакральная лексика в современном поэтическом дискурсе не только обогащает текст, но и помогает открыть новые пути восприятия и понимания мира. Она позволяет создать мост между религиозными и духовными сферами жизни и современностью, позволяя поэту и читателю находить смысл и гармонию в быстро меняющемся мире.

Список литературы

1. Абросимова, Е. А. Интермедиаальное измерение современного поэтического дискурса: теоретический обзор / Е. А. Абросимова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2020. — Т. 13, № 4. — С. 100–104. — DOI 10.30853/filnauki.2020.4.21. — EDN QSSAVB.
2. Карасик, В. И. Языковые ключи / В. И. Карасик. — М. : Гнозис, 2009. — 406 с. — ISBN 5942440301, 9785942440305.
3. Кучумова, Г. В. Современный поэтический дискурс: языковая природа герметизма / Г. В. Кучумова // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. — 2021. — Т. 13, № 1. — С. 99–108. — DOI 10.17072/2073-6681-2021-1-99-108. — EDN EENPSD.
4. Минаева, Э. В. Современный поэтический дискурс: Коды визуальной поэзии / Э. В. Минаева, Т. А. Пономарева // Современный дискурс-анализ. — 2013. — № 2(9). — С. 37–49. — EDN XVCFGH.
5. Монгилёва, Н. В. Семантическое пространство поэтического дискурса : дис. на соискание учен. степени канд. филол. наук : 10.02.19 / Монгилёва Наталья Викторовна. — Челябинск, 2004. — 168 с.

6. Синельникова, Л. Н. Концептуальная среда фронтального дискурса в гуманитарных науках / Л. Н. Синельникова // Russian Journal of Linguistics. — 2020. — Т. 24, № 2. — С. 467–492. — DOI 10.22363/2687-0088-2020-24-2-467-492. — EDN BTSMZH.
7. Язык и наука конца 20 века : [Сб. ст.] / Рос. АН, Ин-т языкознания РАН, Рос. гос. гуманитар. ун-т ; [под ред. Ю. С. Степанова]. — Москва : Изд. центр РГГУ, 1995. — 420 с.

УДК 811.161.1+811.161.2+82-3

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ НАЦИОНАЛЬНО-ОРИЕНТИРОВАННОЙ ЛЕКСИКИ В ПРОЗЕ Н. В. ГОГОЛЯ

Ван Цзиньшунь, ORCID 0009-0008-7812-1175

ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»,
г. Санкт-Петербург, РФ
st059366@student.spbu.ru

Введение. Язык любого народа — своеобразное мировидение этого народа. В. фон Гумбольдт подчеркивал, что в каждом языке существует такие свойственные данному языку национальные элементы, которые не повторяются в других языках [3, с. 17]. Лексика, окрашенная семами с национальными компонентами, в современной лингвистике может называться национально-ориентированной. Семантические особенности таких лексем проявляются при помощи сравнения с соотносимыми единицами в другом языке.

Национально-ориентированные слова часто встречаются в произведениях Н. В. Гоголя, особенно в его ранней прозе, например, в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» [2]. Данное произведение написано Н. В. Гоголем на русском языке со словами украинского происхождения в начале XIX в. В то время украинский язык «с точки зрения великодержавных позиций высшего общества, великодержавного самосознания», был «лишь провинциальным ответвлением русской “природы”». Он мог восприниматься как язык местного обихода. «И только в этой функции он и мог попасть в русскую литературу XIX в. как выражение и отражение народных украинских типов» [1, с. 380]. В таком случае национально-ориентированную лексику в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» можно условно рассматривать как украинизмы.

Целью данного исследования является систематический анализ семантики украинизмов и им соответствующих русских слов (при наличии) в контекстах, чтобы выявить причину использования украинизмов Н. В. Гоголем в своем тексте.

Основная часть. В соответствии с семантическими различиями между украинизмами и их русскими соответствиями исследуемые единицы могут быть разделены на следующие группы:

1. Семантика украинизма полностью отсутствует в русском языке.

В качестве примера можно проводить украинизм *гопак*, который в одиннадцатитомном «Словнику української мови» (СУМ), созданном коллективом работников Института языкознания АН УССР под руководством академика І. К. Білодіда, толкуется как ‘Український народний швидкий танець, одиночний, парний або груповий’ [4, с. 124], т.е. это украинский народный быстрый танец, который имеет разные виды: одиночный, парный или групповой.

Так как данное понятие отсутствует в русском языке, писатель вместо него не может использовать какое-нибудь русское слово. Рассмотрим его употребления в контексте: — *За то и ты делай, как нужно: свадьбу! — да и попируем так, чтобы целый год болели ноги от гопака* («Сорочинска ярмарка»).

2. Семантика украинизма частично совпадает с его русским соответствием.

Например, украинизм *дижа* и его русское соответствие *кадка*. Слово *дижа* (укр. *діжа*) обозначает низкий широкий деревянный сосуд (кадка) для приготовления теста на хлеб, а также разговорное название теста, приготовленного в этом сосуде [4, с. 301]. В контексте: *только что начала она замешивать тесто в огромной диже, вдруг дижа выпрыгнула* («Вечер накануне Ивана Купала») данный украинизм был использован в его первом значении, а именно сосуд для приготовления теста для хлеба.

В качестве синонима данного украинизма Н. В. Гоголь предложил русское слово *кадка*, которое, согласно «Толковому словарю русского языка» Д. Н. Ушакова, обозначает «Деревянную цилиндрическую посудину, прямую бочку, сделанную из досок, стянутых обручами» [5, с. 1278]. Однако главная функция *дижи* отсутствует в значении кадки.

Среди всех использованных в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» украинизмов, особое внимание следует уделять тем лексемам, которые совпадают в написании с русскими словами. Сравнивая значения украинизмов со значениями их русских омонимов в словарях русского и украинского языков, мы обнаружили, что их можно классифицировать по следующим разрядам:

1. Значения украинизмов, используемых в контекстах, полностью расходятся со значениями их русских омонимов. Притом возможны варианты.

А) значения сопоставляемых украинизмов отсутствуют в русском языке.

Например, украинизм *кораблик*, который Н. В. Гоголь специально включал в список слов, нуждающихся в объяснении. Слово *кораблик* в русском языке имеет значения: «1. уменш.-ласк. к слову корабль, 2. самодельная детская игрушка из бумаги, щепки в виде лодочки, корабля»

[5, с. 1461]. В украинском языке *кораблик* объясняется: 1. уменш.-ласк. к кораблю, 2. старинный женский головной убор [4, с. 285].

В контексте многозначные слова использованы писателем лишь в одном из своих значений, поэтому мы сравниваем только употребленное в контексте значение украинизмов со значениями их русских омонимов в словарях русского языка. Рассмотрим украинский *кораблик* в контексте.

Н. В. Гоголь использует данное слово в своем тексте именно в его втором значении, как он пишет в повести «Страшная месть»: *Развевается зеленый кунтуш... горит на голове золотой **кораблик**... Это она!*

Как было показано, значение женского головного убора отсутствует в русском слове *кораблик*. Итак, в данном случае можно сказать, что украинский *кораблик* и русский *кораблик* полностью отличаются друг от друга.

Б) значение данного украинизма частично совпадает с другим русским словом.

Например, украинизм *бато́г* (от укр. *бати́г*). Несмотря на то, что в русском языке также существует слово *бато́г*, но при объяснении значения украинизма *бато́г* Н. В. Гоголь выбрал русское слово *кну́т* в качестве синонима украинского *бато́га*, ввиду этого, стоит рассматривать значения украинизма *бато́г* и русских слов *бато́г* и *кну́т*.

Украинское слово *бати́г* является многозначным, которое объясняется как: 1. Прикрепленная к черенку веревка или ремешок, которым погоняют животных. 2. Стебель вьющегося или стелющегося растения [4, с. 111]. В повести «Ночь перед Рождеством» слово *бато́г* употребляется в своем первом значении: *Кум, не вырази́в на лице своем ни малейшего движения досады, как человек, которому решительно все равно, сидеть ли дома или тащиться из дому, обсмотрелся, почесал палочкой **бато́га** свои плечи, и два кума отправились в дорогу.*

Русское слово *кну́т* также является многозначным, которое обозначает: «1. Прикрепленная к палке веревка или круглый кожаный ремень, служащие орудием понукания животных и наказания людей. 2. только ед. Самое наказание кнутом (разг. устар.). 3. только ед., перен. Правительственная система гнета, насилий (ритор.)» [5, с. 1385].

Русское слово *бато́г* обозначает «1. Трость, посох. 2. Палка или прут, служившие для телесного наказания» [5, с. 95].

При сравнении значений этих трех лексем было выявлено, что значения украинского *бато́га* и русского *бато́га* полностью расходятся. Украинизм *бато́г* и русское слово *кну́т* можно условно рассматривать как синонимы, когда оба они используются в своих первых значениях. При этом русское слово *кну́т* является гиперонимом украинизма *бато́г*, т. к. *кну́т* обозначает не только сельскохозяйственное орудие для понукания животных, но и оружие для телесных наказаний.

Поскольку в русском языке отсутствует отдельное слово, которое обозначает сельскохозяйственное орудие для понукания животных, а важно

писателю при описании жизни народа Малороссии не как столько оружие для телесных наказаний, сколько как крестьянская утварь, Н. В. Гоголь использует украинизм *батог*, а не его русский синоним в своих ранних повестях.

2) Значения украинизмов, используемых в контекстах, частично совпадают со значениями их русских омонимов, однако, главная сема данного украинизма не была отражена в соответствующем русском омониме.

Например, украинизм *тройчатка* (от укр. *трийчатка*), который обозначает плетень, сплетенную в три ремня, или имеющую три конца [4, с. 271]. В русском языке слово *тройчатка* толкуется как: «1. Предмет, состоящий из трех частей или трех однородных вещей, соединенных или сросшихся вместе. 2. То же, что трешница, трешка» [5, с. 806].

Украинское слово *тройчатка* частично совпадает с русским словом *тройчатка* в его первом значении. Притом сема плетени не была четко выражена в значении русской *тройчатки*, а именно данная сема значима писателем, как в произведении «Сорочинская ярмарка» пишет: *Жид обмер; однако ж свиньи, на ногах, длинных, как ходули, повлезали в окна и мигом оживили жида плетеными тройчатками, заставя его плясать повыше вот этого сволока.*

Заключение. Таким образом, семантическое сопоставление украинизмов с их русскими соответствиями позволяет сделать вывод о том, что Н. В. Гоголь ввел украинизмы в свои художественные тексты не потому, что плохо знал русский язык, как утверждали многие литературные критики, а потому, что эти украинизмы несут в себе важные семы, которые не могут быть выражены русскими словами. Одновременно заметим, что анализ национально-ориентированной лексики в художественных произведениях помогает не носителям русского языка, а также читателям, которые не могут расшифровать лексику, заимствованную из близкородственных русскому языку языков, более правильно понять содержание текста и приблизиться к мировоззрению автора.

Список литературы

1. Виноградов В. В. Очерки по истории русского литературного языка XVII-XIX веков: учебник для студентов филол. факультетов ун-тов / В. В. Виноградов. — 3-е изд. — Москва: Высшая школа, 1982. — 529 с.
2. Гоголь Н. В. Вечера на хуторе близ Диканьки / Н.В. Гоголь. — Москва: Издательство АСТ, 2023. — 320 с.
3. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию / Вильгельм фон Гумбольдт; Пер. с нем. яз. под ред. и с предисл. Г.В. Рамишвили. — 2. изд. — Москва: Прогресс, 2000. — 396 с.
4. Словник української мови: в 11 т. — Київ: Наукова думка, 1970 — 1980.
5. Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. — Москва: Советская энциклопедия: ОГИЗ, 1935 — 1940.

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ ОБРАЗА ВИНОГРАДА В ТВОРЧЕСТВЕ О. Э. МАНДЕЛЬШТАМА

Голубева А. А., ORCID 0009-0000-7024-333X

ФГБОУ ВО «Вологодский государственный университет», г. Вологда, РФ
nastyagolubeva.1999@mail.ru

Введение. Интеллектуальная поэзия О. Э. Мандельштама, отличающаяся семантической сгущенностью и повышенной интертекстуальностью, требует от современного исследователя поиска новых методов её анализа. Одной из важных составляющих поэтического мира О. Э. Мандельштама является гастрономическая образность. Она органично встраивается в поэтику быта, получившую всестороннее развитие в лирике акмеистов, провозгласивших культ максимальной конкретности, «вещественности» образов. «Гастрономические» образы в поэзии О. Мандельштама отличаются глубиной и оригинальностью и часто связаны с темой творчества, чем обусловлено особое внимание исследователей к ним.

В авторской «гастрономии» О. Мандельштама выделяются как оригинальные поэтические образы «еды и питья» (бисквит, вафли, оладьи, кисель), так и имеющие богатую литературную историю (хлеб, мед, молоко, вино). Настоящая работа посвящена рассмотрению особенностей речевой реализации образа винограда в творчестве Мандельштама. Данный образ является одним из традиционных гастрономических образов в мировой поэзии. Некоторые исследователи (Г. Киршбаум [2, с. 165], И. З. Сураг [6, с. 231], Ю. М. Лотман [4, с. 206], В. П. Казарин [1], Ю. И. Левин [3, с. 81]) обращали внимание на его значимость в творческом сознании Мандельштама, однако комплексных исследований особенностей вербализации образа винограда и его эволюции в творчестве поэта пока не проводилось. Заполнение этой лакуны является **целью** настоящего исследования.

Основная часть. Часто связь гастрономической и поэтической темы в творчестве Мандельштама задается на нематериальном уровне. Рассуждая о родстве Пушкина с итальянцами в черновых записях к эссе «Разговор о Данте», поэт замечает: *«В понимании Пушкина <...> поэзия есть роскошь, но роскошь насущно необходимая и подчас горькая, как хлеб...»* («хлебная» метафора — одна из наиболее значимых для Мандельштама — как правило, связана с темой творчества и религиозными мотивами). Сближение гастрономии и поэзии на конкретно-вещественном уровне также нашло отражение в творчестве поэта. В «Разговоре о Данте» Мандельштам, характеризуя особенности итальянской фонетики и идиостиль Данте, связывает еду и поэзию через орган рта, функционально связанный и с воспроизводством речи, и с поглощением пищи: *«Артикуляция еды и речи почти совпадают...»*.

Образ винограда встречается и в раннем, и в зрелом творчестве О. Мандельштама, и в лирике, и в прозе. Впервые образ винограда появляется у Мандельштама в стихотворении «Золотистого меда струя из бутылки стекла...» (1917), которое дважды публиковалось под заглавием «Виноград». В тексте стихотворения нашли отражение впечатления поэта от пребывания в Крыму (в 1915 и 1917 г.). Хронотоп текста существенно расширяется, как это часто бывает у Мандельштама, за счет включения реминисценций, отсылающих к античной Греции. Поэт тонко чувствовал ландшафт Крыма и постоянно подчеркивал культурно-историческую связь полуострова с Закавказьем и Средиземноморьем: *«Убеждение, что культура преемственна, как благодать, и что без нее вообще нет истории, привело к тому, что у О. М. была своя святая земля: Средиземноморье <...> В сферу Средиземноморья он включал Крым и Закавказье...»* [5, т. 1, с. 340], *«Его тянуло только в Крым и на Кавказ. Древние связи Крыма и Закавказья, особенно Армении, с Грецией и Римом казались ему залогом общности с мировой, вернее, европейской культурой...»* [Там же].

В центре стихотворения — описание *«служб Бахуса»* — алуштинской виноградной страды. Приметы сбора, транспортировки и переработки урожая воплощены в конкретно-вещественных образах: сторожа, бочки, грядки, подвалы. Виноград в стихотворении сравнивается с битвой: *«Я сказал: виноград, как старинная битва, живет,/ Где курчавые всадники бьются в кудрявом порядке»*. Генезис этого сравнения связан у Мандельштама не только со зрительными впечатлениями от произрастания винограда (подобные ассоциации находим у А. Белого, очеркиста Е. Л. Маркова и др.).

Индивидуальный характер данному сравнению придает комментарий Мандельштама из автобиографической повести «Шум времени» (1925). Анализируя литературные предпочтения отца, поэт прибегает к описанию собственных детских впечатлений от гравюр и виньеток, размещенных на страницах немецких книг: *«То были немцы: Шиллер, Гёте, Кёрнер — и Шекспир по-немецки — старые лейпцигско-тюрингенские издания <...> с мягкими гравюрами немного на античный лад <...> всадники с высокими лбами и на виньетках виноградные кисти»*. Для поэта также важно имплицитно выраженное этимологическое родство слов «виноград» и «виньетка». Детские впечатления Мандельштама от «виноградных» виньеток найдут отражение в творчестве поэта еще не раз: «К немецкой речи» (*«Я буквой был, был виноградной строчкой...»*), «Египетская марка» (*«Каждый такт — это лодочка, груженная изюмом и черным виноградом...»*), «Еще он помнит башмаков износ...» (*«И букв кудрявых женственная цепь/ Хмельна для глаза в оболочке света...»*).

Первое сопряжение «виноградных» мотивов и темы поэтического творчества находим у Мандельштама в одном из самых сложных стихотворений о творческом процессе — «Грифельной оде» (1923). Труд поэта в нем сопоставляется с трудом виноградаря и дополняется

религиозными коннотациями: «Плод нарывал. Зрел виноград...». В дальнейшем виноград поэзии встречается в стихотворении «Батюшков». Метафора «виноградное мясо стихов» символизирует в нем живительную и опьяняющую свежесть настоящей поэзии. Она получит развитие в армянском цикле, созданном после многолетнего поэтического молчания, и будет вписана в «пушкинский» контекст: «эрзерумская кисть винограду».

Апогей сплетения винограда поэзии и визуальных впечатлений от виньеток на страницах книг — стихотворение «К немецкой речи», еще один поэтический «манифест» Мандельштама. «Виноградная» образность в нем объединяет и анакреонтические мотивы творчества немецкого поэта Х. Клейста, и религиозные мотивы: «Я буквой был, был виноградной строчкой, / Я книгой был, которая вам снится...». Мотив битвы в нем также актуализируется: «Слагались гимны, кони гарцевали / И, словно буквы, прыгали на месте...».

Заключение. Подводя итог, можно выделить три семантических составляющих образа винограда у Мандельштама: религиозно-культурная (библейская), историко-литературная (связь с мировой и русской литературной традицией — Батюшков, Пушкин, Клейст) и реальная (связь с крымско-эллинским и армянским топосом). Образ винограда у Мандельштама полифункционален, имеет многоуровневую структуру, широкий круг ассоциаций и тесно связан с темой творчества.

Список литературы

1. Казарин, В.П. Стихотворение О. Э. Мандельштама "Золотистого меда струя из бутылки текла...": (опыты реального комментария) / В.П. Казарин, М.А. Новикова, Е.Г. Криштоф // Знамя. — 2012. — № 5. — С. 203-212.
2. Киршбаум, Г. «Валгаллы белое вино...»: Немецкая тема в поэзии О. Мандельштама / Г. Киршбаум. — Москва: Новое литературное обозрение, 2010. — 392 с.
3. Левин, Ю.И. Заметки о «крымско-эллинских» стихах О. Мандельштама / Ю.И. Левин // Мандельштам и античность. — Москва: Радикс, 1995. — С. 77–103.
4. Лотман, Ю.М. Поэтика воплощенного слова / Ю.М. Лотман // Классицизм и модернизм. — Тарту: Tartu Ülikooli Kirjastus, 1994. — С. 195–217.
5. Мандельштам, Н.Я. Собрание сочинений в двух томах / Н.Я. Мандельштам / сост.: С.В. Василенко, П.М. Нерлер, Ю.Л. Фрейдин. — Екатеринбург, 2014.— Т. 1. — 864 с.; Т. 2. — 1008 с.
6. Сурат, И.З. Мандельштам и Пушкин / И.З. Сурат. — Москва: ИМЛИ РАН, 2009. — 384 с.

ОБРЯДОВЫЙ КОНТЕКСТ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Н. В. ГОГОЛЯ

Калмыкова Д. А., ORCID 0000-0003-1553-1712

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
darya-kalmikova@mail.ru

Введение. Литературное наследие писателя Н. В. Гоголя занимает особое место в русской культуре, где важными аспектами являются семантика и символика элементов русских праздников и обрядов посредством употребления гастрономической лексики. Гоголь, будучи человеком, глубоко связанным с народными традициями и обычаями, виртуозно использует традиции застолья и образы пищи и связанные с ними обряды в своих произведениях. Одной из ключевых тем, которую Гоголь раскрывает в своих произведениях, является тема обрядов застолья посредством применения гастрономической лексики. Стоит отметить, что «обрядовый контекст гастрономической лексики играет значительную роль в раскрытии глубинных смыслов и культурных кодов, заложенных в его произведениях» [4, с. 93].

Цель работы — исследовать обрядовый контекст гастрономической лексики в произведениях Гоголя и его роль в создании уникального художественного мира писателя.

Основная часть. Обрядовый контекст лексики произведений Н. В. Гоголя неразрывно связан с культурными и социальными реалиями его времени. Гоголь, как мастер тонкого психологического анализа и сатиры, умело использует обрядовую лексику для создания глубинной атмосферы традиции и культуры. В повестях, рассказах и пьесах, таких как «Ревизор», «Шинель», «Записки сумасшедшего», «Вий», «Мёртвые души» и других произведениях автора, обряды представляют собой не только культурные элементы, но и символизируют внутренние конфликты персонажей [5, с. 11]. Народно-обрядовый контекст гастрономической лексики в произведениях Н. В. Гоголя представляет собой богатую и многообразную область исследования, в которой пересекаются темы национальной идентичности, культурных традиций и социальной иерархии. Писатель часто использует сцены застолья для передачи сакрального смысла, который заключён в традиционных обрядах. В «украинской и русской культурах трапезничество часто связано с религиозными праздниками и ритуалами, что находит отражение в творчестве писателя. Еда и напитки, подаваемые на таких застольях, приобретают ритуальное значение и становятся средством общения с божественным» [1, с. 224].

В текстах произведений Н. В. Гоголь мастерски использует кулинарные образы и ритуалы, чтобы обозначить характеры своих героев и особенности их быта, что делает гастрономическую лексику «не просто фоновой, а центральной в построении сюжета и характера» [2, с. 112].

Типичный для Гоголя подход заключается в том, что обрядовая лексика в его произведениях не просто служит декорацией, а становится важным элементом, позволяющим глубже понять особенности социальных отношений и индивидуальных переживаний персонажей. Возвращение к традициям, обсуждение норм и ритуалов подчёркивает общечеловеческие темы отчуждения и поиска идентичности. Пища, описанная Гоголем, не просто элемент быта, а символ, способный передавать значения, связанные с этноидентичностью, социальным статусом и религиозными верованиями. Важное место в этом контексте занимает лексика, «описывающая продукты питания, блюда и процессы их приготовления» [2, с. 114].

Примером может служить знаменитая сцена из «Сорочинской ярмарки», где подробно описывается разнообразие блюд на ярмарке. В этом описании, казалось бы, бытовая сцена обретает символическое значение, раскрывая богатство украинской культуры и щедрость народных традиций. Пища здесь выступает не просто как «средство насыщения, но как важный элемент социального взаимодействия и выражения коллективной идентичности» [3, с. 46].

В цикле произведений «Миргород» еда и застолья играют важную роль в создании атмосферы сельской жизни. В «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем», входящей в сборник, Гоголь мастерски использует еду как элемент, отражающий народный быт и символизирующий единение, а также показывающий социальные и культурные особенности украинского крестьянского уклада жизни.

В повести «Старосветские помещики» Н. В. Гоголь уделяет особое внимание описанию пищи и трапез как символам традиционного, патриархального уклада жизни «отживающего общества». Главные герои, Афанасий Иванович и Пульхерия Ивановна, живут в мире, где пища является важнейшим элементом их быта и обрядовой жизни. Гоголь описывает пищу в их доме с подробностями, которые подчёркивают стабильность, уют и традиционность их существования. Блины, пироги, варенье — все эти блюда символизируют семейное тепло, постоянство и привязанность к родной земле. Обычные, на первый взгляд, блюда обретают в контексте произведения символическое значение, отражая приверженность героев народным обычаям и их гармонию с окружающим миром [7]. Обряды трапезы у старосветских помещиков становятся своеобразным сакральным ритуалом, который отражает их внутренний мир и жизненные ценности. Гоголь использует гастрономическую лексику для создания образа идиллической жизни, где пища играет центральную роль как символ достатка, традиции и семейного счастья [9].

В произведении Н. В. Гоголя «Записки сумасшедшего» описания приёма пищи играют важную роль в раскрытии внутреннего мира главного героя — мелкого чиновника Поприщина, который постепенно сходит с ума. В данном случае автор посредством гастрономических наименований выражает

психологическое состояние человека. Хотя гастрономические детали не занимают центральное место в повести, они помогают передать деградацию личности героя и его отчуждение от реальности. В повести «Записки сумасшедшего» авторский слог раскрывает таинство приёма пищи через повседневные, на первый взгляд, действия, которые символизируют «неустойчивость внутреннего мира» [8] героев произведения.

В рассказе «Ночь перед Рождеством» особое внимание уделяется кулинарным деталям, связанным с празднованием Рождества. Праздничные блюда, такие как кутья, блины и вареники, не просто украшают стол, но и являются важными элементами обряда. К примеру, кутья — это традиционное рождественское блюдо, связанное с поминовением усопших, символизирующее плодородие и благополучие. В данном контексте описания пищи вплетены в ткань повествования, что выводит религиозный и культурный код бытовых сцен застолья на передний план повествования.

В повести «Вий» гастрономическая лексика также играет значительную роль, вплетаясь в магический контекст произведения. Пища и связанные с ней обряды оказываются частью нарочито напряженного фольклорного повествования, где границы между реальным и потусторонним миром размыты. Например, сцена поминального обеда в доме покойной панночки представляет собой не просто трапезу, а своеобразный ритуал, соединяющий мир живых и мёртвых. Важно отметить, что в данной сцене описания пищи сопровождаются элементами мистики и ужаса, подчёркивая связь между материальным и духовным мирами. Автор мастерски использует гастрономическую лексику для создания атмосферы страха и загадочности. Продукты питания, такие как хлеб и вино, традиционно ассоциируемые с жизнью и благополучием, в контексте «Вия» приобретают мистические зловещие мотивы повествования [6, с. 232].

Заключение. Таким образом, исследование обрядового контекста гастрономической лексики в произведениях Гоголя, позволяет лучше понять многослойность его прозы. Гастрономическая лексика в произведениях Н. В. Гоголя тесно переплетается с обрядовой символикой, создавая многослойные и глубоко символические образы.

Информация о финансовой поддержке: *Исследование проводилось по теме государственного задания «Структурно-функциональные параметры существования и развития русского языка XX-XXI столетий в его региолектном и общезыковом аспектах» (№ госрегистрации НИОКТР 124051400024-1).*

Список литературы

1. Борисова, Л.В. Концепт «пища» в культурологическом пространстве русского языка / Л.В. Борисова // Вестник Чувашского университета им. И.Н. Ульянова. — 2013. — № 4. — С. 224-230. — ISSN: 1810-1909. — EDN: RSXSTJ.
2. Калмыкова, Д.А. К вопросу об изучении глоттонического дискурса / Д.А. Калмыкова // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д: Филология и

- психология. — 2024. — № 2. — С. 111–120. — <https://doi.org/10.5281/zenodo.11429215>. — ISSN 2616-8162. — DOI: 10.5281/zenodo.11429215.
3. Калмыкова, Д.А. Структура лексико-семантического поля «застолье» в произведениях Н.В. Гоголя / Д.А. Калмыкова // Новые горизонты русистики. — 2023. — № 3(21). — С. 46-51. — EDN EQNDJT. — DOI: 10.5281/zenodo.11429215.
 4. Калмыкова, Д.А. Лексические единицы со значением "Еда / Напитки" в Гоголевском дискурсе / Д.А. Калмыкова // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д: Филология и психология. — 2021. — № 4. — С. 93-97. — EDN: OJRRXK.
 5. Куренкова, Т.Н. Лексико-семантическое поле «Еда» в произведениях Н.В. Гоголя, А.П. Чехова, М.А. Булгакова: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Т.Н. Куренкова. — Кемерово, 2008. — 18 с. — <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01003449258>. — EDN: NKLCHV.
 6. Левкиевская, Е.Е. К вопросу об одной мистификации, или Гоголевский Вий при свете украинской мифологии / Е.Е. Левкиевская // Категории и концепты славянской культуры: Труды отдела истории культуры / Институт славяноведения РАН; Отдел истории культуры славянских народов. — Москва: Институт славяноведения РАН, 2007. — С. 232-242. — DOI:10.14712/9788076032088.11 — EDN: TAMBRH.
 7. Николаева Е. С., Барабанова И.Г. Гастрономический дискурс романа Р.Т. Стаута «Все началось с Омахи» в аспекте перевода (на материале русск. и английск. языков) / Е.С. Николаева, И.Г. Барабанова // Ростовский государственный экономический университет, Ростов-на-Дону, Российская Федерация. — 2023. — № 4 (40). — С. 1-2. — <https://doi.org/10.18454/RULB.2023.40.41>.
 8. Иванова, Л.И. Лингвокультурологические особенности русских и английских фразеологизмов с "гастрономическим" компонентом / Л.И. Иванова, Ю.Е. Сорокина // Теория и практика иностранного языка в высшей школе. — 2016. — № 12. — С. 50-60. — EDN: VZAITV.
 9. Юрина, Е.А. Лексико-фразеологическое поле кулинарных образов в русском и итальянском языках / Е.А. Юрина // Язык и культура. — 2008. — № 3. — С. 83-93. — EDN KGCYUH.

УДК 81'42

ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ КАРТОЧНОГО ИГРОКА В КОНТЕКСТЕ А. С. ПУШКИНА

Карпенко А. В., ORCID 0009-0005-0913-2709

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
anna.karpenko2505@yandex.ru

Введение. Понимание особенностей функционирования языка возможно через анализ речевого поведения, которое осуществляется в контексте социальной и культурной среды. Вступая в общественные взаимодействия, человек включается в коммуникацию, реализуя накопленный духовный, нравственный и социальный опыт через речь. Таким образом, личность является связующим звеном между языком и культурой.

Целью исследования является определение понятия языковая личность игрока и его основных компонентов на примере произведений А. С. Пушкина.

Актуальность данного исследования обусловлена недостаточной изученностью языковой личности карточного игрока, хотя карточная субкультура представляла неотъемлемую часть жизни дворянского общества XIX века и отражала не только индивидуальные качества индивидов, но и контекст эпохи.

Основная часть. Формирование понятия «языковая личность» связано с обращением к анализу языковых структур в философии и языкознании Западной Европы в конце XVIII века. Основные параметры этого понятия были заданы зарубежными исследователями И. Г. Гердером, В. фон Гумбольдтом, Ф. де Соссюром, М. Хайдеггером и другими. В. Фон Гумбольдт предложил концепцию триединой структуры языка, подчеркивая его связь с «духом народа» и исключая возможность трактовки языка только как инструмента. Й. Л. Вайсгербер поднимает вопрос о потенциале, который несет в себе знание языка, а также о том, как язык влияет на жизнь человека. В этом контексте он затрагивает актуальную тему языковой идентичности [1, с. 49].

Среди отечественных лингвистов, ориентированных на антропоцентрический подход в определении языковой личности, следует отметить Ю. Н. Караулова, Ю. Д. Апресяна, С. В. Леорда, В. В. Красных, В. И. Карасика, В. Г. Гака и др.

Создание теории языковой личности в русской лингвистике осуществил Ю. Н. Караулов, определивший её как «форму полноценного изображения личности, которая включает в себя психологические, социальные и иные аспекты, но интерпретируемые через её язык и дискурс» [3, с. 7]. Отмечается, что «функциональная модель языковой личности (ее речевой портрет)» включает три уровня:

- вербально-семантический, отражающий знание лексико-грамматической стороны языка (лексикон);
- лингво-когнитивный, представляющий картину мира (тезаурус);
- прагматикон, представляющий собой систему коммуникационных ролей, мотивов и целей, определяющих поведение личности в общении [4, с. 4].

С. В. Леорда указывает на то, что проявлением языковой личности в речи является речевой портрет, который может относиться как к языковой личности отдельного человека, так и к языковой личности определенной социальной группы [5].

Концептный подход, представленный В. И. Карасиком, сместил изучение речевых характеристик личности на второй план. Ученый рассматривает субъекта личности в целом, определяя лингвокультурный

характер коммуникативного поведения, наличествующий в коллективном сознании представителей той или иной социальной группы или этноса [2].

Изучение собранного речевого материала дает возможность создать речевой профиль *игрока в карты*, принимая во внимание психологические и социальные аспекты, влияющие на его речь и манеру общения. Это, по сути, формирует его социопсихолингвистический образ.

Для создания полного речевого портрета игрока, основанного на анализе лексики, используемой А.С. Пушкиным, следует учитывать следующие особенности языковой личности:

- *возрастные и половые характеристики;*
- *социальное положение;*
- *наличие в её речи специальной лексики, включая сленг, жаргон, и которые игроки применяют в рамках игрового общения.*

Большинством игроков являются мужчины. Однако женщины также были среди игроков в фараон: «*В то время дамы играли в фараон*» [«Пиковая дама»].

Карточная игра не имела возрастных ограничений. Она влекла и молодых офицеров, и людей старшего поколения: «*Столы зеленые раскрыты//Зовут задорных игроков//Бостон и ломбер стариков*» [«Евгений Онегин»]; «*Жизнь армейского офицера известна. Утром ученье, манеж <....> вечером пуни и карты*» [«Выстрел»].

Право играть в карточные игры было закреплено только за потомственным дворянством. Остальным сословиям было строго запрещено: «*...жил в своем поместье Ненарадове добрый Гаврила Гаврилович Р **<...> соседи поминутно ездили к нему поесть, попить, поиграть по пяти копеек в бостон...*» [«Метель»].

Согласно проведённому анализу, наибольшее количество единиц собрали такие тематические группы:

- **названия действий участников** — *гнули, отписывали, выигрывали, проиграл, понтировать, понтировать; распечатал колоду карт, стасовал;*
- **сочетания карт в игре:** *все три [карты] выиграли соника;*
- **термины карточных приемов** — *играю мирандомом, поставит на руте, загнуть паролы, паролы-не, талья, метал банк, атанде;*
- **обозначения мастей:** *тройка червонная, пиковая дама;*
- **именования фигур** — *тройка, семёрка, туз, дама, девятка, валет.*

А. С. Пушкин часто применяет игровую терминологию. Проигравшая карта определяется как «убитая»: «*Дама ваша убита, — сказал ласково Чекалинский*» [«П.д.»]; удвоение ставки интерпретируется через оборот «загнуть угол»: «*Он, играя тут же, в рассеянности загнул лишний угол*» [П.д.].

Говоря о психологическом компоненте языкового портрета игрока, следует отметить, что тот, кто «мечет банк» (принимает ставки), ведёт себя сдержанно, невзирая на положительный результат сыгранной партии: «*Сильвио имел обыкновение за игрою хранить совершенное молчание,*

никогда не спорил и не объяснялся» [«Выстрел»], «Чекалинский поклонился с видом того же смиренного согласия» // «Германн стоял у стола, готовясь один понтировать противу бледного, но все улыбающегося Чекалинского» [П.д]. В то же время понтирующий игрок, охваченный страстным желанием выиграть, ошибочно загибая лишний угол, экспрессивно реагирует на действия банкoméта: «...в бешенстве схватив со стола медный шандал, пустил его в Сильвио, который едва успел отклониться от удара» [«Выстрел»]. Проигрыш партии для Германна-понтёра оказался роковым: «Германн сошёл с ума».

Изучение социальных и психофизиологических характеристик игроков через призму произведений А. С. Пушкина дает возможность создать точное социокультурное изображение типичного игрока.

Информация о финансовой поддержке: Исследование проводилось по теме государственного задания «Структурно-функциональные параметры существования и развития русского языка XX-XXI столетий в его региолектном и общезыковом аспектах» (№ госрегистрации НИОКТР 124051400024-1).

Список литературы

1. Вайсгербер Й. Л. Родной язык и формирование духа : пер. с нем. / Й.Л. Вайсгербер. — Москва : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. — 232 с.
2. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. — Волгоград: Перемена, 2002. — 477 с.
3. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. — М.: Едиториал УРСС, 2010. — 264 с.
4. Китайгородская М.В. Фонохрестоматия / М.В. Китайгородская, Н.Н. Розанова. — М., 1995 — 128 с.
5. Леорда С.В. Речевой портрет современного студента: автореф. дис. ... канд. филол. наук / С.В. Леорда. — Саратов, 2006. — 19 с.

УДК 81-119

КОЛОРАТИВНОЕ ПРОСТРАНСТВО ЛЮБОВНОЙ ЛИРИКИ И. А. ЧЕРНУХИНА

Малышева М. С., канд. филол. наук, доц., ORCID 0000-0003-2958-8170
ФГБОУ ВО «Белгородский государственный институт искусств и культуры»,
г. Белгород, РФ
mergen1616@mail.ru

Введение. На протяжении столетий истории развития отечественного филологического знания любовная лирика считается самым проникновенным, искренним и личным видом лирических произведений.

Отсюда и особенный, тщательный выбор языковых средств для создания образа возлюбленной поэта, передачи его переживаний, страданий или же, напротив, самых счастливых моментов.

Любовная лирика белгородского поэта И. А. Чернухина (1930–2017) — это отражение светлой грусти лирического героя по утраченным чувствам, боль от расставания с любимой девушкой, светлые воспоминания о былой любви. Стихотворения данного пласта творчества белгородского поэта написаны в лучших традициях поэтов-шестидесятников [1], что позволяет рассматривать творчество И. А. Чернухина не как регионального поэта, а в контексте развития отечественной литературы второй половины XX века.

Основная часть. Одной из ярких иллюстраций обозначенного тезиса является стихотворение «И вся ты ушла из меня, убежала...» (1965). Поэтически текст представляет собой многогранное полотно, состоящее из метафор, олицетворений, сравнений, включающее символику цвета. При весьма абстрактном изображении образа возлюбленной лирического героя поэт прорисовывает вполне конкретные черты девушки:

*«И вся ты ушла из меня, убежала...
Но что-то осталось,
Усталость —
От рук твоих тонких,
От глаз твоих тёмных,
От губ твоих тёплых?..»* [2, с. 264].

По представленному поэтом портрету можно вполне конкретно увидеть хрупкую, темноглазую, скорее всего, темноволосую девушку с утончёнными губами. Хотя детально портрет не прорисовывается, образ в воображении возникает вполне конкретный благодаря использованным в тексте эпитетам — *тонкие руки, тёмные глаза, тёплые руки*.

Созданный И. А. Чернухиным утончённый, несколько призрачный образ возлюбленной словно намекает, что финал этих отношений не будет счастливым. Развитие эта мысль получает во втором четверостишье:

*«Я — лес...
Загляни в меня как-то под вечер.
Я грустною песней, как светом, просвечен.
Слова мои — листья, тихи и печальны,
И всё о тебе, как о давнем и дальнем»* [2, с. 264].

Причём, образ безответной любви подчёркивает метафоризация поэтического текста. Неслучайно у И. А. Чернухина лирический герой олицетворяет себя с лесом, очевидно, осенним, уже обречённым на холодный зимний сон, а для отдельных его уголков — и на смерть. Отсюда и *грустная песня* о потерянной любви, сравниваемая автором со *светом*, потому что любовь, даже если и безответная, есть, по мысли поэта, самое прекрасное чувство на свете. Особого внимания заслуживает сравнение

слов любви с листьями, которые опадают с деревьев осенью и уже не возрождаются в новой жизни. Это символ безвозвратности потерянного времени и ушедших чувств, пожалуй, самый сильный и центральный образ анализируемого поэтического текста.

Интерес представляет цветовая символика поэтического текста И. А. Чернухина. Описание чувств наполнено цветами — символами:

*«Мне оставило красное лето
Побеги зелёные тоненьких веток,
Глаза на озёрной осенней волне
И тёплую землю у красных корней...»* [2, с. 264],

где *красное лето* — это время расцвета чувств лирического героя (красный цвет традиционно символизирует любовь, страсть, опасность), *зелёные побеги* — хрупкое и нежное, требующее охраны и заботы чувство любви (зелёный цвет трактуется как цвет свободы, обновления, новой жизни), *красные корни* — это истоки чувства лирического героя, светлого, но трагического, страстного, но опасного.

Цветосимволизм получает масштабное развитие в поэтическом тексте И. А. Чернухина. Далее так или иначе все чувства лирического героя неразрывно связано с обозначенными колоративами — красным и зелёным, к которым примыкает также жёлтый цвет:

*«Оставило лето ещё для потехи
Зелёное, жёлтое, красное эхо.
Зелёное — к горю,
А жёлтое, если
Грущу я о чём-то...
А красное — к песне...»* [2, с. 264].

Символика цветовосприятия в тексте белгородского поэта несколько трансформируется. Так, *зелёный цвет* трактуется как символ перемен к худшему, для поэта это обновление, но несущее печаль. *Жёлтый цвет*, в отличие традиционного понимания безумия, безнадежности, становится отражение грусти лирического героя по утраченной любви. И только *красный цвет* по-прежнему символизирует утраченную любовь.

Общий контекст поэтического текста не позволяет автору сделать финал истории счастливым. Такое завершение зарисовки чувств лирического героя было бы нелогичным, не вписывающимся в концепцию традиционной любовной лирики, поэтому И. А. Чернухин, образно говоря, доигрывает партию цветами:

*«Зелёное сброшу,
А жёлтое спрячу.
Покатится красное, будто бы мячик.
Ты тихо уходишь. Хрустят мои ветки.
По красному эху уходишь...
По ветру»* [2, с. 264].

Лирический герой оставляет печаль по утраченной любви, горькое обновление души в прошлом (*зелёное сбросу*), не позволяет грусти завладеть душой и сердцем, перерасти в отчаяние (*жёлтое спрячу*), а безответная горькая любовь сама уходит из его жизни (*покатится красное, будто бы мячик*). В его жизни больше нет той самой призрачной возлюбленной, которая предстаёт в первых строках поэтического текста: она уходит *по красному эху*, то есть по волне любви, *по ветру*, уносящему опавшие листья — слова любви лирического героя — прочь. Такой финал символизирует освобождение героя, образно говоря, выздоровления от болезни любви и, возможно, теперь героя ждёт умиротворение и покой.

Заключение. Символика цвета играет огромную роль в раскрытии образов лирических героев и авторского замысла любовной лирики И. А. Чернухина. Колоративы выступают в качестве важнейшего инструмента создания не только образной системы поэтического текста, но и передачи его настроения. Именно цветообозначения помогают в полной мере понять авторскую позицию, а потому их можно назвать ключевыми языковыми маркерами любовной лирики белгородского поэта.

Список литературы

1. Малышева, М. С. Дискурсивное пространство автобиографической лирики И. А. Чернухина / М. С. Малышева // Наука. Культура. Искусство: Актуальные проблемы теории и практики: сборник материалов Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции (Белгород, 02 февраля 2024 года). В 5 т. Т. 4 / отв. ред. Н. В. Посохова, В. В. Кистенев, С. А. Енина, Т. В. Шутченко, О. Г. Еремина. — Белгород : БГИИК, 2024. — 351 с. — С. 296–300.
2. Чернухин, И. А. Стихотворения. Баллады. Поэмы / И. А. Чернухин. — Белгород : Отчий дом, 2003. — 444 с.

УДК 81.373

СТРУКТУРИРОВАНИЕ ЖАНРА КАК СТИЛЕОБРАЗУЮЩЕГО ЭЛЕМЕНТА

Стаценко А. С., канд. филол. наук, доц., ORCID 0000-0003-4675-7968,
Пешева Н. В.

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный технологический университет»,
г. Краснодар, РФ

annaphil@mail.ru, pesheva@mail.ru

Жанр является одним из основополагающих признаков (наряду с такими, как, например, сфера деятельности, целеустановка, языковые особенности), при помощи которых дифференцируются функциональные стили [3].

Итоговый текст, в котором реализуется стиль, воспринимается адресатом как законченное послание, как некая «манера исполнения речевых актов» [6; 494-495], ради чего и создается текст. Существует огромное количество разнообразных трактовок термина «жанр», мы ориентируемся на следующую: жанр — устойчивый, тематический, композиционный и стилистический тип текста [2; 2].

Изучение функционального стиля приводит к изучению его конечных текстов — жанровому своеобразие. Мы считаем, что разграничение жанров каждого функционального стиля позволяет увидеть как его специфические, неповторимые черты (что позволит достичь четкой структурированности), так и определить общие, схожие с другим функциональными стилями характеристики, которые позволят увидеть точки соприкосновения стилей [1].

Попробуем отвесить на вопрос: какие элементы являются жанрообразующими и как жанроспецифические черты проявляются в текстах функциональных стилей.

Для понимания того, какие же жанры присущи стилю, мы должны определить его конкретную речевую деятельность. Какие бы итоговые формы мы не рассматривали функция является отправной точкой.

Если рассматривать функцию стиля более детально, разделив ее на более мелкие элементы, то в ее структуре можно выделить точный способ реализации: определить, какими конкретно приемами пользуется говорящий (пишущий) для достижения поставленной цели (функции): логическим (аргументацией), эмоциональным или психологическим, включающим манипулятивный и этический элемент.

Дифференциация жанра также должна опираться на определение авторской интенции, или намерения. Функциональные стили могут обращаться к шести видам конечных интенций, например:

- репрезентативные (интенция утверждение);
- комиссивные (интенция заявление о намерении);
- этикетные (интенция благодарность);
- декларативные (интенция заявление);
- директивные (интенция просьба);
- квеситивные (интенция апелляция) [4].

Реализация конкретного жанра напрямую связана с формой итогового текста. Традиционно все тексты делятся на прозаические и поэтические.

Первый вид напрямую связан со строгой фиксированной формой. Особенности этой формы состоит в строго закрепленной матрице, где не только внешняя сторона (линейные знаки, символы, графические объекты, и так далее), но и внутренняя часть не может быть изменена.

Оговоримся, что такие четко прослеживаемые внешние особенности не всегда присутствуют в тексте, что затрудняет жанровую дифференциацию. Например, чтобы отличить один жанр от другого часто недостаточно только внешних маркеров, требуется более тщательный внутренний анализ,

который предполагает и более тщательное изучение функции, проблематики, типологии, содержания, объекта текста, языковых маркеров.

С точки зрения структуры текста, то есть его композиции, жанр представляет собой сложное структурное образование, поскольку находится как бы на грани текста и речевого акта, то есть при определении формы необходимо опираться как на внешние признаки, так и на внутренние, в число которых включают:

- 1) наличие / отсутствие заголовка;
- 2) наличие / отсутствие дополнительной предтекстовой информации (например, аннотации);
- 3) наличие / отсутствие преамбулы, введения;
- 4) наличие / отсутствие послетекстовой информации (например, постскриптума).

Рассмотрение этих признаков должно происходить в совокупности с анализом языковых особенностей, так как один и тот же компонент, например, заголовок, в разных жанрах может реализовываться по-разному.

В рамках дифференциации жанров функциональных стиля необходимо учитывать и тематику текста, его объем, количество затрагиваемых проблем, способ передачи информации, внеязыковые факторы. Все эти элементы позволяют четко разграничить один жанр от другого, при этом анализ должен проводиться комплексно, с учетом всех описанных выше характеристик.

Как показывают исследования, тематика часто ограничена самим стилем, то есть он как бы очерчивает круг вопросов, которые могут быть затронуты в его контексте. При этом нужно понимать, что тематика может быть ясной и четкой, а может касаться некоторых вопросов опосредованно. При этом тематика должна соответствовать ситуации общения, стилю языка, цели общения. Тематика, количество затрагиваемых проблем, внеязыковые факторы и способ передачи информации в конечном счете отражаются в итоговом объеме текста.

Определение четких критериев в отделении одного типа текста от другого, одного жанра от другого является актуальным, поскольку позволяет не только структурировать тексты внутри одного функционального стиля, но и выявить отличительные особенности каждого отдельного жанра. Изучение жанра как многофункционального, сложноструктурированного, полиаспектного типа текста даст возможность выявить ряд его внутренних и внешних факторов, которые, в свою очередь, позволят проводить глубокий лингвистический анализ текстов [5].

Список литературы

1. Анисов А.М. Формы текстов как формы обоснования идей / А.М. Анисов // Журнальный клуб Интелпрос "Credo New". — № 3. — 2011. www.intelros.ru (дата обращения 06.08.2024).

2. Бахтин М.М. Проблема речевых жанров // Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества / Сост. С.Г. Бочаров; Текст подгот. Г.С. Бернштейн и Л.В. Дерюгина; Примеч. С.С. Аверинцева и С.Г. Бочарова. — 2-е изд. М.: Искусство, 1986. — 445 с.
3. Кожина М.Н. Классификация и внутренняя дифференциация функциональных стилей / М.Н. Кожина // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под ред. М.Н. Кожин. — 2-е изд., испр. и доп. — М., 2006. — С. 146-153.
4. Стаценко А.С. Прагматика как один из способов дифференциации функциональных стилей А.С. Стаценко // Актуальные вопросы филологических исследований. Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 75-летию Победы в Великой Отечественной войне. — Краснодар: ООО «Издательский Дом — Юг», 2020. — С. 23-25.
5. Стаценко А.С., Холодионова С.И. Языковые особенности интернет-дискурса религиозного стиля (на материале инстаграм аккаунтов) / А.С. Стаценко, С.И. Холодионова // Гуманитарные и социальные науки. — № 2. — Ростов-на-Дону, 2019. — С. 220-229.
6. Степанов Ю.С. Стиль / Ю.С. Степанов // Лингвистический энциклопедический словарь. — М., 1998. — С. 494-495.

Русский язык.
Актуальные проблемы лингворусистики

Подсекция 2

УДК 372.881.161.1

**ПРИМЕНЕНИЕ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ОБУЧЕНИИ
ПРОФЕССИОНАЛЬНОМУ РУССКОМУ ЯЗЫКУ**

Адигинеева А. Б., ORCID 0000-0001-6467-4205,

Боколова С. Д., ORCID 0009-0006-5423-6061

Кыргызский национальный университет им. Ж. Баласагына,

г. Бишкек, Кыргызская Республика

nrectorat@knu.kg

Основные цифровые технологии в обучении. Цифровые технологии предлагают широкий спектр инструментов и ресурсов, которые могут использоваться для обучения профессиональному русскому языку. Это включает в себя интерактивные учебники, онлайн-словари, онлайн-курсы, мобильные приложения и данное время стало популярным использование в обучении искусственного интеллекта, а также другие средства, которые помогают учащимся развивать навыки чтения, письма, говорения и слушания на русском языке.

Важным инструментом являются мобильные приложения. Приложения, такие как Duolingo и Memrise, позволяют практиковать русский язык в удобное время, создавая условия для постоянного обучения. Они помогают улучшить словарный запас, грамматику и навыки аудирования, что особенно важно для специалистов, работающих в многоязычной среде.

Кроме того, интерактивные обучающие программы, такие как симуляции и виртуальные классы, предоставляют возможность учиться в реальных условиях, что способствует лучшему пониманию профессиональной лексики и терминологии. Эти программы создают иммерсивную среду, где студенты могут взаимодействовать с коллегами и клиентами, моделируя рабочие ситуации.

Другим важным инструментом являются мобильные приложения. Существует ряд мобильных приложений, которые помогают в обучении профессиональному русскому языку. Эти приложения предназначены для развития навыков чтения, письма, грамматики, а также совершенствования словарного запаса и разговорной речи. Некоторые из них включают интерактивные упражнения, тесты, игры и другие методы, чтобы сделать процесс обучения более интересным и эффективным.

Вот несколько примеров таких приложений:

Babbel — это мобильное приложение, разработанное для изучения и совершенствования русского языка на профессиональном уровне. Оно предлагает широкий набор уроков и заданий, которые помогут развить навыки чтения, письма, говорения и понимания на русском языке.

Одна из главных особенностей **Babbel** — это его интерактивный подход к обучению. Приложение предлагает реалистичные диалоги, аудио-произношение и голосовые упражнения, которые помогут улучшить произношение и понимание разговорной речи. Также можно практиковать грамматику и лексику через различные игры и упражнения.

Babbel также предоставляет персонализированный подход к обучению. При регистрации надо выбрать уровень владения языком, а затем приложение автоматически создаст индивидуальную программу обучения, основанную на потребностях и целях. Это позволяет прогрессировать в обучении в соответствии с собственным темпом.

Приложение также предлагает полезные функции, такие как встроенный словарь, произношение слов и фраз, а также возможность заносить слова в личный словарь для повторения. Можно использовать **Babbel** в автономном режиме, что делает его удобным для практики в любое время и в любом месте.

Rocket Russian — это мобильное приложение, разработанное для обучения русскому языку. Оно предоставляет удобный и эффективный способ изучения русского языка, особенно для тех, кто желает достичь высокого уровня владения им.

Приложение **Rocket Russian** включает в себя различные функции и материалы, которые помогают развивать навыки говорения, понимания, чтения и письма. Одна из ключевых особенностей приложения - это уникальные аудио-уроки, созданные носителями языка, чтобы помочь пользователю освоить русскую произношение и интонацию.

Пользователи могут ознакомиться с различными темами, которые покрывают широкий спектр ситуаций из реальной жизни. Это позволяет развивать словарный запас, грамматику и уверенность в использовании русского языка в различных ситуациях.

Rocket Russian также предлагает интерактивные упражнения и тесты, чтобы пользователи могли проверить свои знания, отслеживать свой прогресс и узнавать свои слабые места. Это помогает создать более персонализированный подход к обучению, учитывая индивидуальные потребности каждого пользователя.

В целом, **Rocket Russian** — это эффективный инструмент для обучения профессиональному русскому языку, который помогает пользователю развить все аспекты коммуникации и сделать значительный прогресс в овладении русским языком.

Это только несколько видов мобильных приложений, которые помогают в обучении русскому языку.

Преимущества цифровых технологий. Применение цифровых технологий в обучении профессиональному русскому языку имеет множество преимуществ. Одним из них является персонализация процесса обучения. Используя цифровые платформы, преподаватели могут создавать индивидуальные программы для студентов, учитывая их уровень знаний и профессиональные потребности. Это помогает достичь более высоких результатов за короткое время [4, с. 33].

Еще одним значительным преимуществом является доступность учебных материалов. Студенты могут получать знания в любое время и в любом месте, что особенно важно для занятых специалистов. Онлайн-курсы и мобильные приложения позволяют учиться в удобном для каждого ритме.

Также стоит отметить, что цифровые технологии обеспечивают возможность постоянной практики. Благодаря различным интерактивным заданиям и тестам, студенты могут регулярно закреплять полученные знания, что способствует их лучшему усвоению.

Вызовы и ограничения. Несмотря на очевидные преимущества, внедрение цифровых технологий в обучение профессиональному русскому языку сталкивается с рядом вызовов. Одним из них является необходимость в технической грамотности как у преподавателей, так и у студентов. Для успешного использования цифровых инструментов требуется определенный уровень подготовки, что может стать препятствием для некоторых пользователей.

Еще одной проблемой является отсутствие личного взаимодействия между преподавателем и студентом, что иногда может снижать эффективность обучения. Кроме того, не все цифровые ресурсы обеспечивают необходимый уровень качества и точности информации.

Заключение. Цифровые технологии открывают новые возможности в обучении профессиональному русскому языку, делая его более доступным и эффективным. Однако для полного использования их потенциала важно учитывать как преимущества, так и вызовы, связанные с их внедрением. В будущем можно ожидать дальнейшего развития цифровых инструментов, которые будут способствовать более качественному обучению специалистов в различных областях.

Список литературы

1. Селюнин С. В. Интеграция информационных и коммуникационных технологий в образовательный процесс / С. В. Селюнин. – Москва: Просвещение, 2017. – С. 3-5.
2. Скляр В. Г. Информационные технологии в образовании / В. Г. Скляр. – Москва: Академия, 2018. – С.13.
3. Биболетова М. З. Применение информационно-коммуникационных технологий на уроках русского языка / М. З. Биболетова. – Москва: Просвещение, 2018. – С. 12.
4. Глущенко О. М. Интеграция информационных технологий в учебно-воспитательный процесс [Текст] / О. М. Глущенко. – Москва: Книга по Требованию, 2017. – С. 33.
5. Можаяев В. Г. Информационные технологии в системе образования: учебное пособие / В. Г. Можаяев, Ю. Н. Кудинов. – Москва: Дрофа, 2016. – С.10-12.

6. Воронин А.С. Использование технологий в образовании: вызовы и возможности в цифровой эпохе // Всероссийское педагогическое издание «Учительский журнал». – 2023 – С. 20-26.
7. Козловцева Н.А. Искусственный интеллект в обучении русскому языку как иностранному: опыт финансового университета // Мир науки. Культуры. Образования. – № 6 (103). – 2023. – С. 56-61.

УДК 378.1

К ПРОБЛЕМЕ ФОРМИРОВАНИЯ РЕЧЕВОЙ КОМПЕТЕНЦИИ УЧАЩИХСЯ ВУЗА

Алексеенко О. Н., ORCID 0009-0006-8403-9771

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ

ol.alekseenko@list.ru

Введение. Формирование речевой компетенции студентов высшего учебного заведения является одной из ключевых задач современной образовательной системы, поскольку уровень владения речью напрямую влияет на успешность профессиональной деятельности выпускников.

Цель исследования — рассмотреть проблемы формирования речевой компетенции, проанализировать способность студентов адаптировать свою речь в зависимости от конкретной коммуникативной ситуации.

Основная часть. В условиях глобализации и постоянного развития информационных технологий требования к речевой компетенции возрастают, делая её необходимым элементом как профессиональной, так и личной успешности.

Особенно актуальным становится развитие таких аспектов, как владение научным стилем, умение четко и логично излагать свои мысли в устной и письменной форме.

В процессе обучения в вузе студенты сталкиваются с необходимостью освоения большого количества новой информации, которая должна быть не только воспринята, но и активно использована в их профессиональной деятельности. Здесь особую роль играет речевая компетенция, так как именно через речь осуществляется передача знаний, обсуждение научных и профессиональных проблем, выработка и презентация новых идей. Поэтому овладение речевыми навыками становится основой для успешного освоения дисциплин, интеграции в профессиональное сообщество и дальнейшего карьерного роста [2].

Однако процесс формирования речевой компетенции студентов вузов сталкивается с рядом проблем. Среди них можно выделить как недостаточное внимание к развитию коммуникативных навыков в школьном обучении, так и особенности методик преподавания на уровне

высшего образования, которые зачастую ориентированы преимущественно на передачу теоретических знаний.

В результате, многие студенты не обладают достаточным уровнем речевых навыков, что отрицательно сказывается на их академической и профессиональной успешности. Важным аспектом является также нехватка специализированных курсов, направленных на развитие навыков эффективного общения в академической и профессиональной среде, что приводит к пробелам в их речевой подготовке [1].

Формирование речевой компетенции студентов высших учебных заведений представляет собой сложный и многоаспектный процесс, который требует от педагогов использования разнообразных методик и подходов. Речевая компетенция является важнейшей составляющей общей коммуникативной компетентности и предполагает не только овладение нормами языка, но и способность эффективно использовать его в различных коммуникативных ситуациях. Включая в себя лингвистические, коммуникативные, социолингвистические, дискурсивные и социокультурные компоненты, речевая компетенция становится базисом для успешного обучения и последующей профессиональной деятельности студентов.

Одним из ключевых аспектов формирования речевой компетенции является развитие лингвистической составляющей, которая обеспечивает владение нормами языка на уровне грамматики, синтаксиса и лексики.

Для успешной коммуникации в вузе студентам необходимо не только знать правила языка, но и уметь применять их на практике, что требует систематической работы как в аудитории, так и за её пределами. Лингвистическая грамотность создает базу для дальнейшего развития коммуникативных навыков, которые позволяют адаптировать речевые средства в зависимости от контекста общения, целей коммуникации и особенностей аудитории. Особенно важно учитывать, что в процессе обучения в вузе студенты сталкиваются с разнообразными видами речевой деятельности — от написания научных статей до публичных выступлений, требующих владения разными стилями и жанрами речи [4].

Социолингвистический и социокультурный аспекты речевой компетенции также играют значительную роль в её формировании. В условиях глобализации, когда профессиональная деятельность всё чаще требует взаимодействия с представителями различных культур, студенты должны уметь учитывать культурные и социальные особенности собеседников. Это включает не только знание норм вежливости и этикета, но и способность адаптировать свою речь к культурным и социальным контекстам.

Важной частью процесса формирования речевой компетенции является роль преподавателя, который выступает не только в качестве источника знаний, но и в роли наставника, способного корректировать речевую деятельность студентов и направлять её в нужное русло [3].

Преподаватель должен создавать благоприятную коммуникативную среду, где студенты будут иметь возможность активно развивать свои речевые навыки. Одним из эффективных методов, способствующих этому, является организация диалогов, дебатов и дискуссий, в ходе которых учащиеся могут не только применять свои знания на практике, но и учиться аргументировать свою позицию, логически выстраивать высказывания и адаптировать речь под конкретную ситуацию.

Студенты могут иметь разные уровни исходной подготовки, мотивации и когнитивных способностей, что требует от преподавателя гибкости в выборе методов и приёмов обучения. Особое внимание необходимо уделять тем студентам, у которых возникают трудности в овладении речевыми навыками, предоставляя им дополнительные возможности для практики, такие как индивидуальные консультации, тренинги и письменные задания, направленные на устранение конкретных речевых недостатков.

В заключение следует отметить, что формирование речевой компетенции студентов высших учебных заведений является важным элементом профессиональной подготовки будущих специалистов, играя ключевую роль в успешности их академической и профессиональной деятельности. В условиях современных требований к коммуникационным навыкам, которые усложняются глобализацией, развитием технологий и усложнением профессиональных задач, речевая компетенция становится неотъемлемым элементом профессиональной и личностной компетентности. На основе проведённого анализа можно утверждать, что процесс формирования речевой компетенции требует комплексного подхода, включающего активное использование традиционных и инновационных методов обучения, уделение внимания как лингвистической грамотности, так и коммуникативной гибкости, а также учёт индивидуальных особенностей каждого студента.

Список литературы

1. Абрамов А. В., Артемьева Г. Н., Махутов Б. Н. Система педагогического оценивания формирования компетенций у студентов высших учебных заведений. – Нижневартовск: НВГУ, 2019.
2. Волченкова К. Н.. Технология формирования речевой компетентности студентов педагогических специальностей в вузе. Автореф. дис. ... канд. пед. наук. – Челябинск, 2019.
3. Инновационные процессы в профессиональном образовании в условиях реализации ФГОС ВПО: Коллективная монография / Ибрагимова Л. А. (Отв. ред.). – Нижневартовск: НГГУ, 2022.
4. Иванчикова Т. В. Комплекс подходов к формированию речевой компетентности студентов неязыкового вуза // Педагогическое образование и наука. – 2020. – № 4. – С. 28-32.
5. Косянова О. М.. Коммуникативная компетентность как одна из основ качественного профессионального образования студентов правовых специальностей // Наука и школа. – 2018. – № 1. – С. 8-12.

ОБУЧЕНИЕ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ УПОТРЕБЛЕНИЮ ДЕЕПРИЧАСТИЙ В НАУЧНОМ ДИСКУРСЕ

Би Нань, ORCID 0000-0002-7167-6847

ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский политехнический университет
Петра Великого», г. Санкт-Петербург, РФ
binan8670@gmail.com

Вопрос об отнесении деепричастия к частям речи всегда был спорным в грамматических кругах, и в целом существует три точки зрения. Во-первых, деепричастие выделяют как отдельную часть речи, «деепричастие — знаменательное слово, которое выражает дополнительное действие и связано с главным действием глагола-сказуемого» [1]; во-вторых, оно рассматривается как синкретичная часть речи [2]; в-третьих, его делят на глагольную систему, и эта точка зрения признается большинством лингвистов.

Цель исследования — выявить трудности, с которыми иностранные студенты сталкиваются в процессе изучения деепричастий и их употребления в научном дискурсе.

В рамках эксперимента было проведено тестирование для иностранных студентов — магистрантов первого курса направления «Лингвистика» СПбПУ. Выделим основные трудности респондентов при выполнении тестовых заданий:

1. отличие деепричастий от других частей речи;
2. образование деепричастий НСВ и СВ;
3. выбор и употребление форм несовершенного и совершенного вида деепричастий в научном дискурсе;
4. употребление формы совершенного вида вместо формы несовершенного вида (и наоборот) при неверной оценке одновременности-последовательности действий.

Представим результаты по трем заданиям по теме «Деепричастия: общие понятия».

Задание 1. Образуйте деепричастия от следующих глаголов.

иметь, принимать, обратиться, рассказывать, изменить, изучить, ответить, обладать, изучать, сохранять, объединить, столкнуться, выражать, отличаться, встретиться

Результат: никто из студентов не выполнил это задание абсолютно правильно, 83.3 % дали частично правильные ответы, 16.7% иностранных студентов путали суффиксы деепричастий и причастий.

Задание 2. Прочитайте предложения. Определите вид основного глагола и деепричастия.

1) Преподаватели могут обновлять учебные материалы в любое время, добавляя ресурсы.

2) Изучив исследовательскую литературу по теме, мы можем выделить следующие преимущества их использования.

3) Проанализировав существующий опыт, мы пришли к выводу, что данная система упражнений должна отвечать следующим требованиям.

4) Подводя итоги, перечислим выводы данного исследования.

Результат выполнения: 83,3 % иностранных студентов правильно определили вид основного глагола и деепричастия.

Задание 3. Заполните пропуски, образуя деепричастия от указанных глаголов. Слова для справок: выполнять, выполнить, проанализировать, основываться.

1) ... на результатах изучения, мы можем сделать вывод.

2) ... ответы аудиторов, была составлена общая статистика результатов.

3) Лексика заимствовалась в разные периоды и с определёнными целями, ... соответствующие функции.

4) Таким образом, ... поставленные задачи, мы выделили наиболее эффективные инструменты стратегирования и продвижения.

Результат: Правильно ответили только 25%, 75% либо выбрали неправильный глагол, либо неправильно образовали деепричастия.

Таким образом, результаты выполнения заданий показали, что иностранные студенты испытывают трудности при применении деепричастных оборотов непосредственно в предложениях, в текстах.

Анализируя типичные ошибки иностранных студентов, был разработан комплекс упражнений по деепричастиям в научном дискурсе. В качестве материала для анализа научных текстов были использованы сборники конференций гуманитарного института СПбПУ.

Характерными чертами научного дискурса являются точность, логичность, аргументированность и другие [3, с. 25]. С помощью использования деепричастий предложения можно сделать более лаконичными. Отметим, что в научных статьях чаще всего употребляются деепричастия несовершенного вида. Приведем примеры наиболее частотных деепричастий:

несовершенный вид (НСВ): *анализируя, используя, учитывая, обобщая, рассматривая, определяя, опираясь, основываясь;*

совершенный вид (СВ): *изучив, проанализировав, обозначив, рассмотрев.*

Изучение особенностей употребления деепричастий в научном дискурсе позволило выделить речевые клише. Приведем наиболее частотные:

Анализируя (различные подходы, концепции и др.), можно сделать вывод о том, что....

Сравнивая (переводы, тексты и др.), можем сделать вывод, что...

Обобщая всё вышесказанное, мы можем предположить, что...

Подводя итоги, можем сделать следующие выводы...

Опираясь на анализ (научных источников, публикаций и др.), представляется важным отметить, что ...

Проанализировав такие понятия как ..., установили, что...

Возвращаясь к вопросу о возможностях (чего?) стоит обсудить проблему ...

В заключение следует подчеркнуть, что исследования обучения употреблению дееспричастий в научном дискурсе по-прежнему актуальны, и в будущем необходимы дальнейшие исследования.

Список литературы

1. Бабайцева В.В. Русский язык: учебник, 5-9 классы [Текст] : теория : углублённое изучение : учебник для общеобразовательных учреждений / В. В. Бабайцева. – 3-е изд., стер. – М.: Дрофа, 2014. – 415 с.
2. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. – 8-е изд., доп. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 544 с.
3. Гребенюк Н.И., Гусаренко С.В. Стилистика русского научного дискурса: учеб. метод. пособие для иностранных учащихся / И.Г. Наталья, В.Г. Сергей. – Мн.: Белгосуниверситет, – 2017. – 140 с.

УДК 811.161. 1*27

ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ В ВИРТУАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ СОЦИАЛЬНЫХ МЕДИА

Бурляй А. С., ORCID 0000-0003-4689-0275

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ

anna.burlyai@mail.ru

Традиционное представление о языковой личности предполагает, что предметом изучения является реальное лицо или группа реальных людей, объединённых по дифференцирующему признаку. При этом выделение особенностей языковой личности производится на основе достаточного количества созданных ею текстов. Структура языковой личности, включающая вербально-семантический (особенности использования конкретным индивидом или группой лиц, объединённых общими признаками, конкретных языковых средств), лингвокогнитивный (характер формирования картины мира и специфика использования необходимых для этого элементов: идей, понятий, концептов) и мотивационный

(прагматические установки, обусловленные целями, стоящими перед языковой личностью) уровни, определяется через совокупность текстов, созданных в объективной реальности.

Так, при изучении языковой личности следует учитывать тексты, созданные ими для любых медиа (сценарии авторских документальных фильмов, видеосюжетов, подкасты, колонки, статьи и т. д.), с которыми они работают, а также доступную широкой общественности совокупность высказываний, не имеющих отношения к авторским медиапродуктам, но связанных с профессиональной деятельностью (экспертные комментарии, интервью и т. д.). Однако в условиях активного развития интернет-коммуникации и виртуализации коммуникативных процессов необходимо учитывать характер виртуального пространства, в котором любая языковая личность может являться искусственно сконструированной языковой личностью, не тождественной реальной языковой личности.

Для определения особенностей языковой личности в социальных медиа следует выделить ключевые характеристики виртуального пространства, определяющие характер коммуникации.

1. Анонимность. Тексты, созданные в реальной действительности и распространяемые традиционными медиа, имеют установленного автора. Даже если автор конкретного текста не указан, его можно установить в порядке обращения к медиа, которое распространяло его тексты. В виртуальном пространстве социальных медиа автор может быть установлен только в том случае, если он предварительно указал информацию о себе. В противном случае верификация личности существенно затруднена и фактически недоступна рядовым пользователям. При этом анонимность не позволяет соотнести языковую личность автора совокупности текстов с конкретным человеком, что существенно ограничивает получаемые выводы.

2. Особый правовой режим. Любая деятельность в реальной действительности урегулирована нормативно-правовыми актами, несоблюдение которых влечёт за собой ряд последствий. При этом нормативная база деятельности субъектов в виртуальной среде ещё окончательно не сформирована, что предоставляет авторам контента большую свободу в построении коммуникативных процессов. Данный параметр позволяет предположить, что один и тот же человек может сформировать как минимум две языковые личности: одну в реальном и минимум одну в виртуальном пространстве, что также следует учитывать при анализе.

3. Гипертекстуальность. Традиционные медиа имеют слабые связи между различными единицами контента, что не позволяет потребителям информации активно взаимодействовать с единицами контента. В виртуальном пространстве социальных медиа автор контента может не только создать переходы-ссылки между своими текстами, но и включать

отсылки к полным текстам других авторов, что выходит за рамки традиционного цитирования и позволяет создавать гипертекст, имеющий по факту группового автора. Это во многом может затруднять описание конкретной языковой личности.

4. Креолизованность. Текстовое сообщение в традиционных медиа может быть воплощено в письменной или устной форме, но вербальной форме. Коммуникация в виртуальном пространстве социальных медиа дополняется невербальными элементами, не свойственными реальной коммуникации: эмодзи, стикеры, мемы и т. д. Таким образом, языковая личность в виртуальном пространстве может быть охарактеризована через большее количество элементов коммуникации.

5. Вторичность. Объективность виртуальной среды обусловлена деятельностью человека в реальной действительности. Однако для функционирования в виртуальном пространстве пользователь создаёт аккаунт-аватар, наделяемый избранными свойствами, не всегда отражающими его реальную личность. Таким образом, создаваемые в виртуальном пространстве тексты транслируются не на прямую от реальной языковой личности, а опосредованно через виртуальную языковую личность, которая может быть не тождественна реальной.

6. Непрерывность. Тексты, создаваемые для традиционных медиа, распространяются дискретно в соответствии с принятым редакцией порядком и графиком. В виртуальной среде коммуникация может осуществляться мгновенно и континуально (через стримы, видеоконференции и т. д.), что сокращает до нуля дистанцию между описываемым событием и публикацией информации о событии, исключая возможность редакторской правки и предварительной подготовки текста. Это также существенно расширяет число текстов, которые необходимо учитывать при анализе виртуальной языковой личности.

Таким образом, языковая личность в реальном и виртуальном пространстве могут отличаться. Для определения особенностей языковой личности, функционирующей в виртуальном пространстве, необходимо учитывать его характеристики: анонимность, особый правовой режим, гипертекстуальность, креолизованность, вторичность и непрерывность.

Информация о финансовой поддержке: *Исследование проводилось по теме государственного задания «Структурно-функциональные параметры существования и развития русского языка XX-XXI столетий в его региолектном и общезыковом аспектах» (№ государственной регистрации НИОКТР 124051400024-1).*

ВЛИЯНИЕ СЛЕНГА КАК СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ФАКТОРА НА ЯЗЫКОВЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ

Виноградова В. А., ORCID 0009-0006-1848-1641,
Стебунова А. Н., канд. филол. наук, доц., ORCID 0009-0005-9194-6831
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
vinogradovaviktoriya1@mail.ru, an.stebunova@mail.ru

Введение. Рассматривая язык не только с лингвистической, но и с социальной точки зрения, необходимо отметить, что он не является закрытой системой, а открыт для воздействия извне. То есть язык изменяется, эволюционирует. Но эта эволюция — не простой процесс. Прежде всего, потому что влияние со стороны общества не всегда одинаково или однородно. Язык — это общественное явление, и он не в состоянии существовать автономно. Фердинанд де Соссюр писал, что «язык никогда не существует вне общества, ибо язык — это семиологическое явление. Его социальная природа — одно из его внутренних свойств» [1, с.34]

Цель исследования — проследить, как общество и язык связаны между собой, и какие социальные факторы влияют на изменения в языке, какое место здесь занимают заимствования, жаргон, сленг, а также их роль в формировании новых лексических единиц и стилистических особенностей. Особое внимание будет уделено социальным и культурным условиям, способствующим этим изменениям.

Основная часть. Говоря о насущных задачах исследования современной языковой ситуации, Ю. Н. Караулов отмечает: «Мы всегда изучали лучшие образцы речи, мы привыкли ориентироваться на мэтров языка, на авторитеты, и старались избегать “отрицательного” языкового материала. Ставя сегодня вопрос о состоянии русского языка, о состоянии текущей языковой жизни общества мы должны прежде всего думать и говорить о среднем носителе русского языка, который является средоточием всех его нынешних плюсов и минусов» [2].

Нами было проведено анкетирование трех групп носителей русского языка в возрасте от 13–17 лет (подростки), от 18 до 25 лет (молодежь) и от 35 до 50 лет (люди среднего возраста) для определения их отношения к изменениям в современном русском языке и выявление знаний норм современного русского язык.

Молодежь более склонна к использованию жаргона и заимствований, особенно это касается подросткового возраста, в то время как люди среднего возраста отдают предпочтение литературной норме и профессиональному сленгу. Иногда молодежный сленг абсолютно непонятен людям среднего возраста. Например: *трабл* — проблема, сложность или неприятное

обстоятельство; *фултайм* — полная занятость, полный рабочий день; *краш* — человек, который стал объектом безответной влюбленности; *хайп* — это бурное обсуждение или ажиотаж вокруг чего-либо и т. п.).

В основном, новые слова и фразы в молодёжном сленге часто заимствуются из английского языка и рождаются внутри субкультур (геймеров, косплееров, К-рор и др.) Иногда источником сленговых выражений становятся кино и сериалы. Как, например, случилось после сериала «Слово пацана» — кругом было слышно «чушпан». На популярность тех или иных слов влияют блогеры. Блогеры имеют большую лояльность аудитории, которая подражает им во всём, не исключая слова, используемые в речи. К сожалению, тексты СМИ, речь дикторов телевидения не являются эталоном и неблагоприятно влияют на развитие русского языка. Сегодня в средствах массовой информации преобладает речь, богатая на всевозможные вульгаризмы, стилистические погрешности или просто ляпы.

Основные причины использования сленга: сленг помогает выделиться, стать непохожим на окружающих, помним, что для молодых людей это важно, это часть их становления; сленг делает речь более выразительной, эмоциональной и краткой; сленг — способ скрыть безграмотность, скудность языка, шанс выглядеть модно. Нельзя замедлить время, удалить из жизни интернет или мессенджеры. Можно только формировать правильное отношение к этим явлениям, а также воспитывать молодежь и показывать им другую, классическую сторону культуры и литературного языка.

Отдельные группы молодёжных слов приурочены к различным событиям, которые происходят в окружающем нас мире. Зачастую такие слова используются в человеческой речи на протяжении короткого промежутка времени, а затем уходят в прошлое, забываются, теряют свою значимость, в иных случаях круг лиц, употребляющих их значительно сокращается, то есть молодёжный сленг со временем «выходит из моды», но в нашу речь приходят новые слова. Пожалуй, это бесконечный путь, который всё же значим для языка.

Заключение. Развитие современного молодёжного языка крайне многогранно. Молодежный сленг показывает, как развивается общество на данном этапе. Конечно, к большому сожалению, в настоящее время он переполнен словами, не отвечающими никаким нормам русского языка. И это тоже показатель развития общества. Тяжело себе представить, что всё это можно искоренить и вся молодёжь резко заговорит на русском литературном языке. Формирование внутренних законов языка происходит в процессе речевой деятельности людей, однако социальные факторы не могут воздействовать на систему языка непосредственно, они влияют на носителей того или иного языка, изменяя их состав, и тем самым приводят к изменениям в языковой системе.

Сленг нельзя ни запретить, ни отменить. Он меняется с течением времени, одни слова умирают, другие — появляются, точно так же, как и в любом другом языке. Конечно, плохо, если сленг полностью заменяет человеку нормальную речь. Но современную молодёжь совсем без сленга представить невозможно. Главные достоинства тут — выразительность и краткость. Не случайно, что в настоящее время сленг употребляется в прессе и даже в литературе для придания речи живости. Даже государственные деятели высокого ранга используют в своих выступлениях сленговые выражения. Следовательно, нельзя относиться к сленгу как к чему-то тому, что только загрязняет русский язык. Это неотъемлемая часть нашей речи. Но и опускать глаза, закрывать уши, прятаться от этой проблемы тоже не стоит. Лучше будет не искоренять сленг, а признавая его право на существование, одновременно стимулировать развитие литературной речи. Понимание влияния сленга как социолингвистического фактора помогает формировать более эффективные языковые политики, направленные на сохранение и развитие языкового многообразия. Исследования в данной области могут помочь улучшить методики обучения языкам, учитывая социокультурные особенности и потребности различных групп населения.

Информация о финансовой поддержке: *Исследование проводилось по теме государственного задания «Структурно-функциональные параметры существования и развития русского языка XX-XXI столетий в его региолектном и общезыковом аспектах» (№ госрегистрации НИОКТР 124051400024-1).*

Список литературы

1. Биткеева А.Н., Вингендер М. Сценарии в языковой политике России : вопросы концепции и методологии // Социолингвистика. — 2020. — № 1. — С. 34–53.
2. Караулов Ю. Н. О состоянии русского языка современности: Доклад на конференции «Русский язык и современность. Проблемы и перспективы развития русистики». — М., 1991. — С. 85.
3. Крысин Л. П. Очерки по социолингвистике / Л. П. Крысин. — Москва : ФЛИНТА, 2021. — 360 с.
4. Харькова Е. В., Амирханова К. М. Способы словообразования в молодежном сленге русского языка // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2016 — № 10-1 (64). — Ч. 1 — С. 161–163.

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ИНТЕРНЕТ-МЕМА В УСЛОВИЯХ ИНСТАНТ-КУЛЬТУРЫ

Гладкая Н. В., канд. филол. наук., ORCID 0000-0003-3903-4438
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
Nata.gladkaya25@yandex.ru

Введение. Интернет-мемы представляют собой сравнительно новое явление в актуальном социально-культурном контексте. Четкие границы определения термина «интернет-мем» на сегодняшний день отсутствуют и продолжают обсуждаться в научной среде. Несмотря на схожесть терминов, «интернет-мем» не идентичен понятию «мем», предложенному Ричардом Докинзом [2], который определял мем как единицу информации в общем смысле и в социальном контексте, аналогичную генетическим единицам в живых организмах. В свою очередь, «интернет-мем» также не может быть отделен от социального контекста, т.к. непосредственно связан с обменом информацией.

Цель исследования — рассмотреть феномен интернет-мема как явления современной инстант-культуры.

Основная часть. При изучении интернет-мема как важного элемента онлайн-коммуникации, необходимо учитывать как его значение в формировании общей интернет-культуры, так и его роль в процессе глобализации, в которой Интернет стал ключевым элементом. В условиях XXI века культурные изменения произошли именно благодаря возможности взаимодействия между людьми без ограничений, а также благодаря увеличившейся скорости обмена информацией [1, с. 253–271]. В Интернете активно создаются и функционируют крупные сообщества, объединенные различными целями.

Изменение общественного сознания и способов коммуникации ведет к трансформации социального устройства. С учетом инстант-характера современной культуры, сосредоточенной на быстрой интерпретации и распространении информации, интернет-мемы становятся мощными инструментами культурной коммуникации, которые появляются неожиданно и стремительно распространяются в сети. Эти мемы передают сжатую и концентрированную культурную информацию. Данный феномен является проявлением креативности пользователей социальных сетей и отражает значительные изменения в обществе. Культурная составляющая мемов делает их прецедентными текстами, и для их корректного восприятия пользователю требуется определенный уровень культурного образования. Современные информационные технологии предоставляют каждому желающему необходимые инструменты для создания культурных единиц,

что дополнительно подтверждает принадлежность интернет-мема к новому типу коммуникации. Это происходит благодаря сокращению времени и общих расходов на производство, а также стремительном распространении такого рода информации. Кроме того, популярность различных типов интернет-мемов напрямую связана с определёнными социальными сетями.

Изначально мемы рассматривались как новый культурный объект, однако на данном этапе в Интернете мемы начали выполнять функции новостей. Большинство современных мемов создаются по определенным шаблонам, при этом их содержание может быть совершенно разным, что способствует их использованию как в рекламных целях, так и в более серьезных контекстах. Манипуляции с информацией стали возможны благодаря растущей культуре пост-истины, где любой источник информации может быть и правдивым, и ложным, что затрудняет проверку его истинности. В условиях, когда многие государства начали использовать Интернет для ведения гибридных войн, интернет-культура унаследовала ключевые черты этого явления, такие как популизм, «фейковые новости», ослабление роли традиционных СМИ и рост популярности блогеров как новых социальных институтов, влияющих на восприятие правды, а использование интернет-мемов стало их главным оружием.

Заключение. На рубеже двадцать первого века интернет-мемы можно смело считать самым массовым проявлением культуры за всю историю человечества. Благодаря Интернету и высокоскоростной передаче данных, мемы могут охватывать значительное количество людей, создавая общую культурную идентичность и способствуя социализации в цифровом пространстве. Особенно важно подчеркнуть скорость, с которой создаются подобные продукты. Современные информационные технологии предлагают каждому желающему инструменты для формирования этих культурных артефактов. Это еще раз подтверждает, что интернет-мемы представляют собой форму коммуникации нового поколения, в которой значительно снижаются временные и материальные затраты на создание контента, а также ускоряется распространение подобного рода информации. При этом популярность различных видов интернет-мемов тесно связана с определенными социальными сетями.

Информация о финансовой поддержке: *Исследование проводилось по теме государственного задания «Структурно-функциональные параметры существования и развития русского языка XX-XXI столетий в его региолектном и общезыковом аспектах» (№ государственной регистрации НИОКТР 124051400024-1).*

Список литературы

1. Броуди Р. Психические вирусы. Как программируют ваше сознание. / Р. Броуди. — М., 2007. — 304 с.
2. Докинз Р. Эгоистичный ген. / Р. Докинз. — М.: Мир, 1993. — 318 с.

УСТНАЯ НАУЧНАЯ МОНОЛОГИЧЕСКАЯ РЕЧЬ КАК ОСОБЫЙ СТИЛИСТИЧЕСКИЙ ПЛАСТ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

Казанцева И. Г., ORCID 0009-0004-1146-2072

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ

i.kazantseva1901@mail.ru

Данный доклад посвящён особенностям устного научного монолога и имеет целью рассмотреть его специфику по сравнению с письменными текстами той же направленности.

Перед учащимися высшей школы стоит задача, связанная с формированием навыков и умений устной речи на темы специальности, так как им приходится постоянно выступать на семинарах, коллоквиумах, практических занятиях, участвовать в различных конференциях, отвечать на экзаменах и зачётах.

В связи с этой непростой задачей перед преподавателями встаёт не менее сложный вопрос: как должна быть построена учебная лекция, на материалах каких письменных текстов и нужно ли обращать внимание студентов на особенности устной формы научной речи, если таковые имеются, во избежание создания её искусственной модели.

Долгие годы лингвистические характеристики устной речи на темы специальности практически не исследовались. Такое отсутствие интереса учёных к данной теме было связано с тем, что многие лингвисты считали устную научную речь (УНР) строжайше регламентированной, а следовательно, она не может не совпадать с письменной литературной формой. Однако данные проведённых психофизиологических исследований свидетельствуют о том, что речевой поток строится по другим законам — законам устной речи. По нашему мнению, устный научный монолог — это всё же особый стилистический пласт, занимающий промежуточное положение между письменной и разговорной речью, поэтому он нуждается в тщательном лингвометодическом изучении.

И только в середине 80-х годов XX столетия проявился активный интерес учёных к этой теме. Авторский коллектив московского Института русского языка им. А.С. Пушкина (О. А. Лаптева, Н. М. Краевская, Т. Г. Мухина, Т. Е. Акишина, Т. Г. Скорикова и др.) начал изучение и анализ особенностей устной научной речи. Ведущие лингвисты и методисты исследовали многочисленные записи устных лекций на темы специальности по 4 направлениям. В процессе таких исследований О. А. Лаптева выразила несогласие с устоявшимся мнением о полной тождественности письменной и устной научной речи. Она отметила, что в большинстве устных лекций представлены и специфические письменные языковые средства, и

общелитературные, но также и разговорные. Конечно, это пересечение книжного и разговорного в значительной степени зависит от жанра. Так, в докладе книжных средств значительно больше, чем в учебной лекции, по причине того что в аудитории преподаватель часто обращается к слушателям, пытаясь их заинтересовать, донести научную информацию в доступной для усвоения форме, учитывая то, что передаёт эту информацию менее подготовленной аудитории. Поэтому, естественно, речь преподавателя будет отличаться от речи студента на ту же тему. Преподаватель должен понимать, что чрезмерное употребление сугубо книжных средств в речи учащихся нежелательно, следует использовать их нейтральные эквиваленты.

Что касается общих характеристик устной и письменной научной речи, то на первый план выступают логичность, последовательность, смысловая точность, однозначность восприятия, доступность информации, объективность изложения, доказательность, обобщённость материала. Вместе с тем, как уже указывалось выше, нам представляется логичной и правомерной гипотеза лингвистов о статусе устной научной речи как самостоятельной речевой единицы. Для иллюстрации данного утверждения обратимся к анализу наиболее заметных особенностей УНР, так как рамки доклада не позволяют подробно рассмотреть её фонетические, лексико-грамматические, словообразующие, синтаксические характеристики.

Анализ лексического наполнения текстов лекций показывает, что в учебнике основную часть составляют имена существительные, прилагательные, затем глаголы. Служебные слова занимают примерно 4%. В лекторской же речи преобладают существительные, за ними следуют глаголы и служебные слова, а уже потом прилагательные. Количество причастий резко уменьшается с 12 % до 2 %, и за счёт сокращения причастных оборотов растёт число придаточных предложений и, как следствие, служебных слов. С этим же связано и увеличение числа глагольных форм, к тому же преподаватель использует глагол как динамичную категорию для иллюстрации выполняемых действий. Более частотно и употребление императива: «Обратите внимание», «запишите и запомните», «повторите этот материал»...

В лекторской речи наблюдается и рост употреблений местоимений, особенно личных. С их помощью лектор прибегает к описанию опытов, схем, рисунков, процессов, например: «Мы производим вычисление», «Как вы помните, я уже рассказывал вам о...» Следует подчеркнуть, что, в отличие от УНР, письменной речи абсолютно не свойственно употребление личного местоимения «я».

Для устной формы научной речи характерны и замены книжных слов и конструкций стилистически нейтральными с целью подачи информации как можно доступнее для учащихся (например, вместо «как указывалось» — «как я уже говорил», «вам уже известно, что...»)

Весьма характерной для УНР чертой является и её эмоционально экспрессивная окрашенность. Опытный лектор старается сделать свою речь яркой, доступной, памятуя и о том, что, по исследованиям психологов, предел оперативного внимания обычного человека — 15 минут, и перенасыщение устной лекции книжными элементами снижает уровень восприятия информации. Средства выражения экспрессивности зависят от тематики и чаще всего носят лексический характер: в основном используются существительные, прилагательные и наречия (например, «неразбериха», «чепуха», «здоровенный»). О. А. Лаптева считает, что эмоционально-экспрессивные качества УНР для неё необходимы, иначе она не смогла бы выполнять функцию воздействия.

Нельзя не отметить и такую особенность устной лекции, как её адресованность, целью которой является установление контакта со слушателями, активизация их внимания. («Нужно ли проводить параллель?», «И что же мы видим?», «Вы скажете, что...», «На этом мы с вами остановимся...»)

Широко используются и формы выражения авторского «я»: местоименно-глагольные конструкции для оценки мнения, связи с вышесказанным, объяснения своих действий: «Я считаю», «как я уже говорил», «я ссылаюсь на мнение...», «мне представляется логичным...». Всё это письменной научной речи не свойственно совсем.

Следует назвать и такую особенность УНР, как широкое использование риторических вопросов, вводных слов и конструкций, повторов, которые являются способом установления контакта лектора с аудиторией, выделения наиболее важной информации. Для логического подчёркивания смыслового ядра предложения используется парцелляция — интонационное членение фразы на 2 части с разделительной паузой. («В опорно-двигательную систему входят и кости скелета. Их двести».)

В письменной научной речи распространены предложно-падежные сочетания: временные («во время»), причинные («в связи», «в силу»), условные («при», «в случае»), целевые («с целью», «в целях»). Для УНР они менее типичны, предпочтение отдаётся предлогу «при» в целях простоты изложения.

Что касается синтаксиса, то для учебной лекции характерны более простые построения. Преимущество отдаётся глагольным предикативным конструкциям, основным же типом сказуемого является простое глагольное сказуемое; далее следует составное именное сказуемое. Простое глагольное сказуемое может легко заменяться синонимичными конструкциями и удобно в устном произнесении.

Приведённый выше краткий анализ даёт возможность рассматривать устную научную монологическую речь как сферу пересечения и активного взаимодействия письменных, общелитературных и устно-разговорных языковых средств.

Список литературы

1. Гальскова, Н.Д., Гез, Н.И. Теория обучения иностранным языкам. Лингводидактика и методика. — М.: Издательский центр «Академия», 2004.
2. Голуб, И.Б., Стилистика русского языка. — 3-е изд., испр. — М.: Рольф, 2001.
3. Карпова, Т. Д., Об обучении устным формам научной речи. — М.: 1990.
4. Костина, С.Г., Устная форма научной речи с позиций функциональной стилистики. — «Актуальные проблемы филологии». — М.: 1992.
5. Митрофанова, О.Д., Язык научно-технической литературы. — М.: МГУ, 1992.
6. Мухина, Т.Г., Устная научная речь в иноязычной аудитории. — «Преподавание русского языка студентам и специалистам нефилологического профиля». — М.: 1994.
7. Основы научной речи / Под ред. В.В. Химика, Л.Б. Волковой. — М.; СПб., 2003.
8. Пособие по научному стилю речи. Для вузов технического профиля / Под ред. И.Г. Проскуряковой. — М.: Флинта: Наука, 2004.
9. Розенталь, Д.Э., Практическая стилистика русского языка. — М.: 1996.
10. Современная русская устная научная речь / Под общ. ред. О.А. Лаптевой. — М.: 1994.
11. Федосюк, М.Ю., Русский язык для студентов-нефилологов: Учебное пособие. — М.: Флинта: Наука, 2004.

УДК 81'271'42:070.91

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ЯЗЫКОВОЙ НОРМЫ В ФОРМИРОВАНИИ ИНФОРМАЦИОННОГО ПРОСТРАНСТВА СОВРЕМЕННОГО МЕДИАДИСКУРСА

Колбасова Ю. Р., ORCID 0009-0007-8969-4297,

Соболева И. А., канд. филол. наук, ORCID 0009-0001-5092-6747

ФГБОУ ВО «Луганский государственный педагогический университет», г. Луганск, РФ
juliamader25@gmail.com, kafruslang@lgpu.org

В современном обществе средства массовой информации, являющиеся для людей не только важнейшим средством получения знаний о ситуации в мире, но и инструментом формирования общественного мнения, культуры и мировоззрения, «захватили» практически все сферы человеческой деятельности. По определению И. В. Рогозиной, СМИ — это «социальный инструмент, обеспечивающий взаимодействие в текстовом формате с целью модификации картины мира индивида» [6, с.125].

Социально значимые тексты, продуцируемые массмедиа, доминируют над всеми другими видами текстов. Это объясняется тем, что именно медиатексты являются источником важной информации о современной социальной реальности.

Языковая норма является основой функционирования медиадискурса. Она обеспечивает четкость и ясность передачи информации, а также формирует определенные стандарты коммуникации. Языковая норма может

гарантировать достоверность и объективность материалов, а также установить доверительные отношения с аудиторией.

Языковая норма — это социально-когнитивный феномен, который оказывает влияние на нашу коммуникацию и взаимодействие с окружающим миром. В современном медиадискурсе языковая норма продолжает играть важную роль. Необходимо понимать, что языковая норма не является непреложным правилом, а скорее результатом взаимодействия между людьми. Однако языковая норма не ограничивается только обеспечением качества коммуникации. Она также играет важную роль в формировании общественного мнения и воздействии на массовую аудиторию.

В современном медиадискурсе наблюдается определенная вариативность и подвижность нормы. Это связано с особенностями коммуникации в СМИ, где важным фактором является привлекательность, экспрессивность и понятность информации для широкой аудитории.

В медиадискурсе часто используется упрощенный язык, который ориентирован на массового потребителя информации. Это означает, что некоторые нормы языка могут быть нарушены в пользу более простых и доступных выражений. СМИ определяют языковые тенденции и стандарты, которые затем распространяются среди говорящих на этом языке.

В настоящее время языковая норма может определяться комплексом социальных факторов: а именно, то, что способствует комфортному, легкому и точному общению всех, кто использует язык, является правильным, допустимым в языке; все, что нарушает коммуникацию, является неправильным, неприемлемым.

Не только в авторских публикациях, но даже в новостных выпусках журналисты и ведущие часто используют различные разговорно-просторечные и жаргонные слова. В общественно-политической телепередаче «Мужское–женское» (эфир «Первого канала») ведущая Юлия Барановская обращается к нерадивой матери: *«Какая же Вы конченная!»*. Использование такой лексики нарушает норму публицистического стиля и этические нормы публичного поведения на федеральном канале. Но этот же пример можно квалифицировать и как ситуацию, когда ведущий не может сдержать эмоций в отношении «героини» передачи, которая бросила своих детей и ведет аморальный образ жизни. Получается, что современная публицистика не знает табу и запретов в отношении использования такой лексики.

Подобные нормативные нарушения, когда в медиатексте используются лексические средства, которые разрушают норму публицистического стиля, но придают при этом языку острую оценочность, экспрессивность, индивидуально-авторский стиль, могут употребляться в качестве стилистического средства и являются осознанными, рассчитанными на достижение определенного стилистического или прагматического эффекта. Именно этим объясняется широкое

использование в современном медиатексте разговорной, жаргонной и просторечной лексики.

Современные языковые реалии требуют пересмотра некоторых характеристик нормы. Особый интерес может представлять собой попытка описания социолингвистической нормы. По определению Л. П. Крысина, социолингвистическая норма — это совокупность правил, в соответствии с которыми говорящие осуществляют выбор языка, языковой подсистемы или их элементов для построения социально корректного высказывания [1, с. 58].

Примером социолингвистической нормы можно считать словосочетание «отмена всего русского», которое пришло к нам из западных СМИ и по сей день активно употребляется российскими средствами массовой информации. По нашему мнению, нарушения происходят на уровне грамматики и лексической сочетаемости, потому что с точки зрения языковой нормы допустимым можно считать следующий факт «отмена выступления большого театра». Словосочетание «отмена всего русского» является ненормативным. В данном случае нарушаются нормы не только языковые, но и нормы толерантности, уважения к культуре и идентичности других людей. Эта политическая реалья несет в себе призыв к полномасштабному уничтожению и отрицанию всех аспектов русской культуры, идентичности и наследия. Такое высказывание является экстремистским. Отмена или уничтожение какой-либо культуры или идентичности несовместима с уважением и равным обращением к разным народам и культурам.

В качестве еще одного примера нарушения социолингвистической нормы можно привести рекламный слоган скандально известного российского блогера Анастасии Митрошиной. Девушка назвала себя *Матерью Бложьей* (несомненно, оскорбила при этом чувства верующих людей). Такое сопоставление *Матерь Божья* — *Матерь Бложья* можно расценить как антирелигиозную пропаганду или проявление неуважения к православным ценностям. Подобные искажения нормы недопустимы и нарушают не только языковые законы, но и законы нравственные.

Провоцирование неоправданных ассоциаций у читателя, которые вызывают эстетическое неприятие, отторжение, ощущение надругательства над чувствами читателя недопустимо. Современный социум должен дать свою отрицательную оценку таким недопустимым в этическом и нравственном планах языковым играм.

Языковая норма играет важную роль в формировании информационного пространства современного медиадискурса. Она обеспечивает ясность, понятность и достоверность передаваемой информации, устанавливает единый стиль и ключевые правила коммуникации. Правильное использование языковой нормы придает медиадискурсу профессионализм и делает его более эффективным в передаче сообщений и формировании общественного мнения.

Список литературы

1. Беликов, В. И. Социоллингвистика : учебник для вузов / В. И. Беликов, Л. П. Крысин. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва : Издательство Юрайт, 2024. — 337 с. — ISBN 978-5-534-00876-0.
2. Горбачевич, К.С. Вариантность слова и языковая норма: на материале современного русского языка / К. С. Горбачевич; отв. ред. Ф. П. Филин. — Изд. 2-е. — Москва: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. — 237 с. — ISBN 978-5-397-00378-0
3. Кронгауз, М.А. Русский язык на грани нервного срыва / М. А. Кронгауз. — М. : Языки славянских культур, 2008. — 232 с. — ISBN 5-9551-0176-4
4. Кубрякова, Е. С. Вербальная деятельность СМИ как особый вид дискурсивной деятельности / Е. С. Кубрякова, Л. В. Цурикова // Язык средств массовой информации : учебное пособие по специализации : в 2-х ч. — Часть 2. — М. : Изд-во Моск. ун-та, 2004. — С. 126–159. — EDN: SCQEW R
5. Новиков, В.И. Словарь модных слов. Языковая картина современности. — М. : Издательство «Словарь XXI века», 2019. — 252 с. — ISBN 978-5-9909263-4-9
6. Рогозина, И. В., Пицун, М.А. Роль СМИ в формировании гендерных эталонов // Филология и человек. — 2008. — № 2. — С. 124–131. — ISSN: 1992-7940

УДК 378.14:811.161.1

ДЕЛОВОЕ ОБЩЕНИЕ И ЕГО ДЕТЕРМИНАНТЫ

Кулиш С. В., ORCID 0009-0000-9946-0696

Сторчак Л. В., канд. филол. наук, доц., ORCID 0009-0002-9937-0563

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ

kulish1130@mail.ru

Введение. Искусство общения — важнейший навык, необходимый специалисту в любой сфере деятельности. Чтобы стать мастером общения, важно развивать самые разнообразные умения: ораторское мастерство и умение управлять конфликтом, навыки ведения переговоров и владение мимикой, интонацией, энергетикой речи. Уместно вспомнить популярное высказывание Наполеона Бонапарта: «Кто не умеет говорить, тот карьеры не сделает». И действительно, вся наша жизнь связана с общением.

Цель. Деловое общение является необходимой частью профессиональной деятельности, важнейшим видом взаимоотношений. Считаем необходимым изложить наше понимание категории «деловое общение», а также определение видов общения, технологии и психологии делового общения, его базисных составляющих.

Основная часть. Деловое общение — это «сложное приобретенное умение», формирующееся либо в процессе «естественного» приспособления человека к условиям профессиональной деятельности,

либо посредством «специально организованного обучения». В отличие от других видов коммуникационных взаимодействий, например, личностных или социальных, деловое общение обладает своими собственными содержательными характеристиками и признаками, в структуру которых интегрированы «знания, мотивы, взгляды и убеждения; качества речи и речевые умения личности».

На современном этапе категория «деловое общение» изучается с различных позиций как в лингвистике, так и в психологии, социологии. В зависимости от аспекта рассмотрения доминирует тот или иной план содержания и компонент структуры, правда, в реальном общении все эти аспекты интегративно взаимосвязаны. Методика же формирования умений делового общения (ДО) как целостного единства с присущими ему закономерностями и особенностями еще окончательно не выработана. Будущая профессиональная деятельность требует от студента не только умений совершать профессиональные речевые действия, определенных навыков общения с деловыми партнерами, но и специальных знаний.

В основе разработки технологии ДО должна лежать *«функциональная модель»* обучения конкретным формам общения. Опыт работы в студенческой среде позволяет определить перечень ситуаций (форм) учебно-профессионального делового общения учащегося: семинары, научные конференции, деловые и ролевые игры, квизы, круглые столы, защита курсовых и магистерских (дипломных) работ. Эти формы общения, на наш взгляд, учитывают сферы, темы и ситуации, в которых студент проявляет *способность и уровень подготовленности к общению*. Именно названное умение является показателем меры его готовности выступать участником общения, в границах которого учащийся проявляет себя уже как *«речевая и деловая личность»*.

Содержание такого делового общения может определяться целым рядом детерминант. Ведущими, на наш взгляд, являются: коммуникативная компетенция, профессиональная компетенция и поведенческая компетенция.

Коммуникативная компетенция формируется взаимодействием языковой, предметной и прагматической компетенций. В свою очередь языковая компетенция связана с лингвистической стороной организации коммуникативных единиц, она обеспечивает формирование у говорящего умений строить грамматически правильные (соответствующие языковым нормам) и осмысленные высказывания. Предметная компетенция обеспечивает полученные знания о том фрагменте мира, который выступает предметом речи. Прагматическая — раскрывает коммуникативные намерения говорящего, условия общения, формируя у него «способность использовать высказывания в определенных речевых актах, соотнося их с интенциями и условиями общения». Иными словами, студент учится понимать, анализировать чужие и порождать собственные модели (программы) речевого поведения.

Профессиональная компетенция предполагает совершенствование умений профессионального характера, таких, как способы получения информации, овладение средствами построения монологического, диалогического и полилогического высказывания; моделирование деятельности профессионального общения в системе деловых игр и т. д.; развитие навыков самостоятельной работы, а именно: умение сгруппировать сведения; творчески переработать информацию в цельное, логически связанное сообщение по теме; выразить личное отношение к изложенному материалу, дать оценку событиям, фактам, явлениям, уметь отличать факты от их интерпретации. Эффективность профессиональной компетенции достигается путем воссоздания на занятиях-тренингах условий, требующих заданного речевого реагирования и осуществления навыков коммуникации.

Поведенческая компетенция связана с ситуативной обусловленностью процесса общения. Формой ДО выступает деловой этикет, основы которого включают в себя: *культуру речи* (предполагает грамматическую и стилистическую правильность оформления высказываний, их уместность и соответствие конкретным ситуациям делового общения); знание, владение и следование принципам *кодекса деловой коммуникации* (правило качества и дозированности информации; правило релевантности, правило такта (т. н. «прайвеси»), правило коммуникативного этикета, правило одобрения, согласия и др.).

Знание этикета ДО является остро необходимым профессиональным качеством, поэтому для успешного общения необходимо: *развивать* у студентов умение понимать психологию собеседника и мотивы его поведения; *учить* наблюдать за психолого-поведенческими реакциями партнера по общению, анализировать их; *вырабатывать* свой стиль ведения диалога, основой для которого могут быть: прагматичность, решительность, настойчивость, последовательность, эмоциональность, спонтанность, креативность. Известно, что способы общения подразделяются на вербальные и невербальные. Исследователи утверждают, что с помощью слов «передается 7 % информации; 55 % информации воспринимается через выражение лица, позы, жесты; 38 % — через интонации и модуляции голоса». Уточним, что невербальные средства общения во многих ситуациях помогают лучше, чем речевые, понять состояние партнера, расположить его к себе, выразить свое эмоциональное отношение. Достижение желаемого результата при невербальном общении напрямую зависит от знания культурных и национальных традиций собеседника — оппонента и переходит уже в плоскость межкультурной коммуникации.

Заключение. Таким образом, все изложенное свидетельствует о том, что предлагаемая методика формирования умений делового профессионального общения в большей степени способствует удовлетворению учебно-познавательных потребностей студентов и является важным условием становления их как успешных специалистов.

Список литературы

1. Батаршев, А.В. Психология личности и общения. / А.В. Батаршев. — Москва: Владос, 2004. — 246 с.
2. Жернакова, М.Б. Деловое общение: учебник и практикум для среднего профессионального образования / М.Б. Жернакова, И. А. Румянцева. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва: изд-во Юрайт, 2024. — 319 с.
3. Зарецкая, Е.Н. Риторика: Теория и практика речевой коммуникации: монография / Е.Н. Зарецкая. — 5-е изд. — Москва: Проспект, 2021. — 472 с.
4. Зверева, Н.В. Правила делового общения. / Н.В. Зверева. — Москва: изд-во Альпина Паблишер, 2015. — 138 с.
5. Лаундес Л. Психология успешного общения. Технологии эффективных коммуникаций. — Москва: Хорошая книга, 2007. — 340 с.
6. Титова, Л.Г. Деловое общение: учебное пособие / Л.Г. Титова. — М.: ЮНИТИ, 2018. — 271 с.

УДК 81.25

МОЛОДЕЖНЫЙ СЛЕНГ КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН, ОТРАЖАЮЩИЙ ДИНАМИКУ ЖИЗНИ ОБЩЕСТВА

Московская Т. В., ORCID 0009-0000-8699-9801

ФГБОУ ВО «Донецкий национальный университет экономики и торговли
имени Михаила Туган-Барановского», г. Донецк, РФ
mtv1368@bk.ru

Введение. Молодежная культура обладает эксклюзивным языковым пространством, которое создается из желания выделиться, при этом обособливаясь от мира взрослых при общении. В речи подростков присутствует множество неформатных и неформальных реплик, непонятных другим возрастным категориям, что представляет собой лингвистический феномен, изучение которого поможет глубже постичь многообразие современного русского языка.

Цель работы — проследить трансформации молодежного сленга.

Основная часть. На сегодняшний день в науке отсутствует четкая терминологическая дифференцированность понятия «сленг». Словарь Ефремовой определяет данный термин как «совокупность слов и выражений, употребляемых представителями определенных групп, профессий и т.п. и составляющих слой разговорной лексики, не соответствующей нормам литературного языка» [2], что не определяет специфику и свойства данного пласта лексики, не отличает его от других языковых явлений, в частности, от жаргона.

Полагаем, дефиницию «сленг» следует применять к словам ненормированного языка, изобилующего новообразованиями, понимаемыми, как правило, людьми определенной социальной или возрастной группы.

Активное изучение молодежного сленга началось в отечественной лингвистике в 70–80 гг. XX в. В последнее время сленг исследовали И. Р. Гальперин, М. А. Кронгауз, А. Т. Липатов и др. М. А. Каркаева отмечает революционную составляющую сленга и считает его «языковой лабораторией, в которой проверяются новые слова и формы» [3, с. 105], которым предстоит закрепиться в языке или исчезнуть из употребления.

Молодежный сленг, как и всякая часть культуры и языка, подвержен изменениям: одни его составляющие устаревают, а на их месте появляются другие. При этом, как правило, люди понимают смысл речевых оборотов предшествующего поколения и не могут постичь сленговых нововведений потомков.

Современный мир быстро меняется, генерируя новые наименования для не известных прежде реалий. Словари не успевают фиксировать все речевые изменения, а общественность не всегда понимает, о чем идет речь [4, с. 14]. Молодежная речь первой реагирует на перемены, формируясь из различных источников, включая музыку, фильмы, медиа и интернет-мемы, которые, становясь популярными, используются в повседневной речи.

Сленг — это своего рода словесный маркер, который отпечатывается на каждом поколении и характеризует особенности его быта [3, с. 106]. Сленговые выражения быстро появляются и исчезают, поскольку постоянно меняются тренды молодежной культуры. Этот процесс называют «старением сленга». Когда одни словесные формулы отживают, молодежь ищет другие способы проявления себя, создавая ранее не использовавшиеся обороты речи.

Всего несколько лет назад, чтобы описать нечто восхитительное, молодые люди стали использовать выражение «это огонь», которое плотно закрепилось в современном языке. Постепенно с этим значением появились фразы, типа «бомба», «шик», «круто» и т. д. Сейчас подростки часто используются сленговые слова «краш», «ништяк», «уматно», «нехило», «крутяшно», «очумительно», «сочняк», «улет», «мазово» и др.

Подрастающее поколение предпочитает использовать новые слова и фразы, которые отражают актуальные тенденции и предпочтения. Юное общество часто использует специфические выражения и термины, чтобы отличить себя от старших и показать принадлежность к своей возрастной группе. Это может быть важным фактором при формировании и укреплении личности в период подросткового развития.

Старение молодежного сленга — неизбежный процесс, связанный с быстро меняющимся характером молодежной культуры общения. Это постоянно эволюционирующее течение, адаптирующееся к новейшим тенденциям и технологиям. Молодежный сленг продолжит играть важную роль в формировании идентичности и принадлежности к определенной группе, взаимопонимании между молодежью и создании уникального лингвистического пространства.

Вместе с устареванием слов, меняются приемы их использования. Раньше молодежный сленг был преимущественно устным явлением, но активное использование интернета и социальных сетей динамично интегрирует данный пласт лексики в письменную коммуникацию. Сленговые конструкции становятся частой практикой в текстовых сообщениях, комментариях в социальных сетях, блогах и форумах. В активном употреблении молодежной аудитории такие лексемы, как «стримить» — вести видеотрансляции, «чилить» — отдыхать, расслабляться, «троить» — сбиваться, путаться, «хайпить» — привлекать внимание, «агриться» — злиться, «байтить» — провоцировать, «войсить» — записывать голосовое сообщение, «пушить» — атаковать и др. [5].

Интенсивное использование соцсетей способствует переносу молодежного сленга из реального мира в онлайн-среду. Появившиеся выражения и слова могут становиться вирусными и распространяться быстрее, благодаря возможностям интернета. Сленговые новообразования социальных сетей создаются в основном на базе англицизмов или преобразований лексем литературного языка со значением развлечений, свободного времяпрепровождения. Лексика этой категории специфична по семантике и имеет ограничения понятий: «геймить» — играть в компьютерные игры, «пати» — сыгранная команда игроков, «вписка» — вечеринка с ночевкой. Такие слова не связаны с культурными ценностями или с учебной и рабочей [1, с. 88].

Использование сленга дает возможность подросткам оригинально закодировать свои высказывания, чтобы они стали непонятны для старших. Это приводит к непониманию и разобщению между разными поколениями, может вызывать конфликты и непродуктивную коммуникацию. Некоторые термины могут быть оскорбительными или неприличными, что может вызывать негативные реакции у людей других возрастных групп.

Молодежный сленг является важной частью молодежной культуры, и его эволюция отражает изменения в обществе и мировоззрении. Для людей старшего поколения отдельные слова молодежного сленга все же остаются непонятными и необъяснимыми. Технологический прогресс и доступ к интернету позволяют участвовать в глобальных общественных дискуссиях и влиять на формирование новых речевых образований.

Заключение. Процесс трансформации (старения) молодежного сленга происходит неизбежно в развивающейся языковой среде. Каждое поколение молодежи приносит свои уникальные фразы, которые отражают современную культуру, технологии, тренды и общественные явления. Старые слова и выражения постепенно теряют свою популярность и уступают место новым, что доказывает лингвистический феномен данного процесса.

Список литературы

1. Гареева, Л. М. Современный русский новояз: разновидности и тенденции развития / Л. М. Гареева // Международный научно-исследовательский журнал. – Екатеринбург, 2020. – № 6 (96). – С. 86–91. – URL: <https://research-journal.org/archive/6-96-2020-june/sovremennyj-russkij-novoyaz-raznovidnosti-i-tendencii-razvitiya> (дата обращения: 23.08.2024). – DOI: 10.23670/IRJ.2020.96.6.101.
2. Ефремова, Т.Ф. Современный толковый словарь русского языка. В 3-х т. – Москва: АСТ, Астрель, 2015. – URL: <http://dic.academic.ru/contents.nsf/efremova/> (дата обращения: 17.08.2024). – ISBN: 978-5-17-090922-3.
3. Каркаева, М.А. Эволюция в деривации молодежного сленга. – Тамбов: Грамота, 2018. – № 3(81). – Ч. 1. – С. 105–107. – ISSN 1997-2911.
4. Кронгауз, М. А. Русский язык на грани нервного срыва / М. Кронгауз. – Москва: Знак; Языки славянских культур, 2008. – 320 с. – ISBN: 978-5-17-100624-2.
5. Словарь молодежного сленга. – URL: <https://vc.ru/u/776484-anna-burceva/228877-slovar-molodezhnogo-slenga> (дата обращения: 22.08.2024).

УДК 81

ФОРМИРОВАНИЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ОСНОВ ДЕЛОВОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Суслова И. А., ORCID 0009-0002-9931-9750

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
irina.al.su@mail.ru

Введение. Профессиональное общение играет важную роль в жизни юриста и реализуется как в письменной, так и в устной форме.

Устная форма деловой коммуникации реализуется посредством следующих жанров: юридическое консультирование, юридический допрос, приём заявлений у граждан, собеседование с посетителями, профилактическая беседа при административном разборе правонарушения. Особенностью этих юридических жанров является в том, что они осуществляются с учётом строгих правил и имеют своей целью получение результата: дача показаний, разъяснений, формулирование рекомендаций по юридической проблеме и т. д. Между тем, юрист находится в постоянном профессиональном взаимодействии с сотрудниками, подчинёнными, руководством и т. д. Именно поэтому очень важным является умение юриста осуществлять грамотную профессиональную речевую деятельность: деловые беседы, служебные телефонные разговоры. Однако юридическая речь не является однородной. Практика юриста (деловые переговоры, консультирование, ведение расследования, защита в суде и т. д.) предполагает постоянный поиск связей между понятиями, чёткого понимания речевых явлений, происходящих в юридическом дискурсе.

Цель доклада — определение лингвистических основ делового юридического дискурса для совершенствования деловой коммуникации юриста, расширение деловых горизонтов будущих специалистов в области юриспруденции.

Основная часть. Юридический дискурс привлекает внимание в настоящее время не только специалистов в области права, но и лингвистов. Прикладное значение изучения данной проблемы лежит в плоскости лингвистики, так как интерпретация различных юридических текстов часто натывается на проблему расхождения написанного и воспринятого. Данная проблема лежит в основе конфликтов при реализации тех или иных юридических действий. Особенности языка права позволяют заявлять об особой понятийной системе, лежащей в основе юридического дискурса. Опасения вызывают участвовавшие в этой связи случаи манипулирования общественным сознанием. Юридический дискурс обладает особенностями, которые выделяют его из всех остальных видов дискурса.

Юридический дискурс — это юридический текст в динамике, в процессе толкования и разъяснения. Можно выделить следующие основные жанры юридического дискурса с их конкретными разновидностями:

- 1) судебная речь;
- 2) тексты законов, законодательных актов;
- 3) толкование юридических терминов и понятий;
- 4) акты экспертиз.

Первые три жанра представляют собой юридический дискурс в «чистом виде». Они создаются в рамках юридического дискурса, обладают специфическими признаками этого языкового феномена (соответствующие прагматические, коммуникативные установки, соответствующая лексика, грамматика, стилистика). Последний жанр, особенно акты лингвистических (филологических, юрислингвистических) экспертиз, наглядно демонстрирует возможность одного и того же текста переходить из одного регистра в другой и тем самым актуализировать специфические признаки того или иного вида дискурса. В последнее время все чаще тексты публикаций становятся объектом судебного разбирательства. При этом интерпретация текста, оставаясь в рамках лингвистического анализа, осуществляется с учетом коммуникативных, прагматических, психологических, лингвистических факторов, имеющих важное значение для судопроизводства.

Заключение. Таким образом, терминосистеме русского юридического дискурса присущи многозначность и омонимия семантики, что порождает в ряде случаев невозможность чёткой и грамотной интерпретации текста закона и поэтому вызывает трудность понимания юридического текста рядовым носителем языка, что требует дополнительного изучения.

Список литературы

1. Лихачев Д.С., Русская словесность: Антология / Под ред. В.П. Нерознака. — М.: Academia, 1997. — С. 280-287.
2. Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов. — М.: Просвещение, 1976, 1985. — 400 с.
3. Ступникова Л.В. Сущность и особенности юридического дискурса английского права // Вестник МГЛУ. — 2007. — № 519. — С. 212-220.
4. Ускова Т.В. Обусловленность функционирования синонимов и омонимов в юридическом дискурсе // Профессиональные дискурсы в свете когнитивной теории языка. — М., 2002. — С. 85–90.

УДК 81'242:00

ПЕРСПЕКТИВЫ СЕТЕВОГО ДИСКУРСА: ЛИНГВОАКСИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Шашков И. А., канд. филол. наук, ORCID 0009-0008-9828-2726

Независимый исследователь, г. Донецк, РФ

shashkov.phd@mail.ru

Введение. Современные возможности распространения информационного материала посредством Глобальной Сети масштабно завладевают вниманием аудитории сетевого пользователя. Эффективные трансформация и «подстраивание» (термин наш — авт.) форматов обозначенного типа сетевого универсума под информационные потребности пользовательских масс обеспечиваются инструментами языкового манипулирования в рамках реализации информационно-коммуникативного процесса, в системе которого ретрансляция субъективно подобранных ценностей наделяет языковую личность продуцента манипулятивным потенциалом, способным трансформировать ценностные ориентиры реципиента.

Цель работы представлена актуальным спектром вопросов в части, касающейся ценностного трансформирования картины мира языковой личности реципиент-аудитории сетевого пользователя посредством актуализации субъективно-репрезентируемых ценностей в процессе реализации сетевых дискурсных практик.

Основная часть. Природа функционирования сетевого дискурса предопределена возможностями информационной ретрансляции, интерпретации и главное — успешным вовлечением в процесс коммуникативного взаимодействия сетевой аудитории реципиентов. Любой информационный продукт найдет своего потребителя, а сетевое сообщество

виртуальных потребителей информации будет успешно функционировать в условиях динамики развития агент-клиентных взаимоотношений в сетевом дискурс-образовании.

Авторская интенция определяет цель ретранслятора, зависящую от причин создания дискурсного образования (в нашем случае), т. е. причины возникновения дискурсного образования порождают конкретные цели динамичной лингвокреативной деятельности со стороны продуцента, реализация которых обуславливает существование причинно-следственных отношений между ретранслятором и интерпретатором как движущей силы развития дискурса [6].

Неограниченные возможности распространения практик сетевых дискурс-формирований обуславливают необходимость, с теоретико-практической точки зрения, исследовать когнитивно-прагматические особенности религиозного, информационного, военно-политического, экономического, социокультурного, идеологического и других видов воздействия на сознание массовой аудитории языковой личности сетевого пользователя, осуществляемого на уровне функционирования веб-ресурсов Глобального Информационного Интернет-Пространства через ретрансляцию и трансформацию национальных ценностных ориентиров, свойственных картине мира носителя языка.

Лингвоаксиологический подход к проблеме исследования феномена сетевого дискурса рассматривается нами через специфику реализации лингвокреативного потенциала продуцента, проявляющегося: а) в особенностях репрезентации ценностно-апперцепционного фона, посредством учета экстралингвистических факторов, способствующих формированию целевого социокоммуникативного общества с заявленным кругом проблем, интересов и т. д.; б) в особенностях задействования лингвистического инструментария, обеспечивающего репрезентацию субъективно-закодированных и анонсируемых ценностных ориентиров, ретранслируемых в рамках функционирования сетевого дискурса; в) в когнитивно-прагматических особенностях трансформации ценностных ориентиров. «Переориентация ценностей возможна всегда в случае динамичного и активного навязывания „своих убеждений”. Рано или поздно статус читателя-интерпретатора способен трансформироваться в статус реципиента-суггеренда» [6, с. 173–174].

Заключение. Суть исследуемой проблемы представлена широким спектром возможностей частотного задействования языкового инструментария, как средства лингвокреативной деятельности продуцента, используемого с целью актуализации социокоммуникативных потребностей реципиент-аудитории, на которые, в свою очередь, оказывают воздействие экстралингвистические факторы. Анализ гипертекстовых проб сетевых сообществ позволяет сделать вывод о том, что гипертекст в пространстве веб-ресурсов представляется основным и высшим средством

технической фиксации и репрезентации полижанрового пространства, а также одним из основных конститутивных элементов сетевого, позволяющих реализовать когнитивно-прагматический потенциал языковой личности продуцента.

Использование разноуровневых средств содействует максимально эффективной ретрансляции закодированных ценностей, смыслов, идей, мнений и информации в целом. Цель вовлечения реципиента в активное участие в дискурсивной практике предполагает возможность ценностной трансформации сознания реципиента. Запрограммированное осуществление ретрансляции информационного материала, обладающего ценностно-значимой нагрузкой, является одной из основных задач языковой личности продуцента. Успех функционирования социокоммуникативной общности зависит от верно подобранного ценностного ориентира, помещенного в созданные социокоммуникативные обстоятельства.

Определение нагрузки ценностно-апперцепционного фона в рамках лингвостатистических исследований позволяет выявить факт суггестивно-манипулятивного воздействия в адрес массовой языковой личности реципиент-аудитории со стороны языковой личности продуцента, что доказывает возможность субъективного переориентирования устоявшихся ценностных ориентиров с целью трансформации языковой картины мира языковой личности носителя языка.

Список литературы

1. Анисимов, С.Ф.. Введение в аксиологию / С.Ф. Анисимов/ Учебное пособие для изучающих философию. — М.: Современные тетради, 2001. — 128 с.
2. Бергельсон, М.Б. Коммуникативные особенности сетевого дискурса / М.Б. Бергельсон / Видеолекция: [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.youtube.com/watch?v=yTFS13JlbuY> (дата обращения: 20.03.2024).
3. Оломская, Н.Н. Когнитивно-прагматические и социокультурные основы коммуникации в дискурсах медиапространства (на материале английского и русского языков): дисс. ... докт. филол. наук: спец.: 10.02.19 «Теория языка» / Н.Н. Оломская; науч. рук.: Е.Н. Лучинская. — Краснодар, 2017. — 419 с.
4. Сергодеев, В.А. Сетевые интернет-сообщества: сущность и социокультурные характеристики / В.А. Сергодеев: [Электронный ресурс]. <https://cyberleninka.ru/article/n/setevye-internet-soobschestva-suschnost-i-sotsiokulturnye-harakteristiki> (дата обращения: 14.03.2024).
5. Тагиров, Ф.В. Философская аксиология. Лекция 1. Понятие и виды ценностей / Ф.В. Тагиров / Видеолекция: [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.youtube.com/watch?v=2EsmKZmjiVI> (дата обращения: 20.03.2024)
6. Шашков, И.А. Языковая личность продуцента в русскоязычном религиозном интернет дискурсе: дисс. ... канд. филол. наук: спец.: 10.02.01 «Русский язык»; 10.02.19 «Теория языка» / И.А. Шашков; науч. рук.: В.И. Теркулов. — Донецк, 2019. — 263 с.

СУГГЕСТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ РУССКОЙ ЭРРАТОГРАФИИ

Щур Е. А., ORCID 0009-0005-4251-1719

ФГБОУ ВО «Донецкая академия управления и государственной службы»,

г. Донецк, РФ

ekaterina.schur2016@yandex.ru

Введение. Во второй половине XX – начале XXI вв. возрос интерес к изучению проблемы практического использования языка. Всё больше внимание современных учёных привлекает вопрос применения языковых ресурсов с целью реализации активной речевой деятельности, суггестии и речевого воздействия.

Цель предложенной работы — проанализировать прагматический аспект использования эрративов в современном русском письме.

Основная часть. Явление речевого воздействия существовало давно, например, в магических заклинаниях, шаманских практиках, заговорах, однако системное исследование оно получило только в XX в., в связи с изучением человека и его высшей нервной деятельности. Сформировались научные лингвистические школы и направления, изучающие проблемы воздействия человеческой речи на поведение или психику людей, такие как Пражский лингвистический кружок, Казанская лингвистическая школа, НЛП (нейролингвистическое программирование), а также новые области исследований: лексическая, сопоставительная, историческая прагмалингвистика, формальная, экспериментальная, функциональная, скрытая прагматика и критический дискурс-анализ.

Прагмалингвистика — это особое направление современной лингвистики, которое изучает язык как инструмент воздействия. Её задачи заключаются в разработке моделей производства, понимания, запоминания речевых актов, моделей коммуникативного взаимодействия, применения языка в отдельных социокультурных ситуациях.

Одной из ведущих категорий прагмалингвистики является понятие речевого воздействия. Проблемы данного процесса взаимодействия коммуникантов рассматриваются в работах Т. И. Бочаровой, Е. В. Быковой, Л. В. Балахонской, В. С. Васильева, И. Б. Ковалевой, О. Л. Михалёвой, З. Д. Поповой, И. Ю. Черепановой и др.

Л. В. Балахонская и Е. В. Сергеева определяют речевое воздействие как «влияние на собеседника в процессе общения с помощью различных приёмов с целью изменить его взгляды и мнения или побудить к каким-либо действиям» [1, с. 4], а О. С. Иссерс — как «совместн[ую] деятельность коммуникантов, в процессе которой они взаимно регулируют действия, управляют мыслительными процессами, корректируют представления, убеждения партнёра по коммуникации» [2, с. 7].

Важно отметить, что выделяются узкий и широкий подходы к определению понятия речевого воздействия. Первый подход трактует его как использование языка в целях влияния на поведение, мышление адресата коммуникации, второй — как влияние с помощью языковых и паралингвистических средств на сознание, подсознание адресата информации. Считаем второй подход более соответствующим определению термина коммуникативного воздействия. Его характеристиками, по мнению В. М. Бехтерева, являются «цветовая гамма, ассоциативность образов, тембр, громкость, тональность, структура сообщения, доверие к адресату и источнику информации и т. д.» [3, с. 311].

Отмечается, что речевое воздействие может быть прямым (с осознанным выбором языковых элементов участниками коммуникации) и косвенным (с неосознанным). Также выделяются различные виды речевого воздействия: социальные воздействия, волеизъявления, разъяснение и информирование, оценочные и эмоциональные речевые воздействия.

Одним из видов коммуникативного воздействия считается метод внушения — суггестия (И. А. Авдеенко, К. Ф. Седов и др.). Ещё в 1908 г. В. М. Бехтерев рассмотрел внушение как «искусственное прививание путём слова или другим каким-либо способом различных психических явлений» [3, с. 76].

По определению Д. В. Безлатного, суггестия — это «социально-психологический механизм коммуникации, представляющий собой преимущественно эмоционально-волевое воздействие, при котором достигается некритическое принятие неаргументированной информации» [4, с. 20].

И. Ю. Черепанова отмечает, что «ядром суггестии, самым коротким и верным путём к подсознанию, является языковая (коммуникативная) суггестия» [5, с. 1], а также утверждает, что она присутствует на всех уровнях лингвистического текста.

Практики и средства суггестии используются в различных сферах: медицине (психотерапии), политике, маркетинге, рекламе, художественном творчестве.

В психотерапии используются специально построенные тексты для отвлечения внимания пациента, умышленного утомления его сознания с целью передачи определённых установок, в политической лингвистике применяется внушение адресатам речи необходимой информации.

В маркетинге и рекламе коммуникация суггестора и реципиента основывается на желании одного из данных субъектов понравиться другому, впечатлить его, привлечь его внимание к себе и тем самым «заставить потребителя» приобрести что-то конкретное или просто вызвать такое желание у него. Безусловно, при этом суггестор мотивирован получением прибыли от продажи товаров или услуг и привлечением внимания потенциальных покупателей к своему бренду, товару.

Суггестивный подход в рекламном деле заключается в достижении того, чтобы реклама влияла на сознание и подсознание покупателей, «„создавала потребности” в рекламируемых товарах и услугах, чтобы она воздействовала на волю и поведение человека, привлекала внимание, навязчиво „бросалась в глаза” и т. д.» [6, с. 113]. Таким суггестивным потенциалом обладает и эрративное письмо как феномен современного русского письма.

В некоторых видах маркетинговых мероприятий применяются такие технологии нейролингвистического программирования, выражающиеся вербальными средствами, как маркировка текста и технология субмодальности, при которых из основного материала разными шрифтовыми возможностями выделяются буквы или части слов, которые составляют иной или добавочный смысл, который отводится на бессознательный уровень (эргоним *ЧердачОК*, геортоним «*КороЛЕВство*», фильмоним «*Ле.Ген.Да*»).

Заложенный в эрративных написаниях суггестивный потенциал формирования смысловой многозначности активно реализуется в текстах маркетинговых коммуникаций с начала 2000-х гг. и продолжает использоваться для повышения конкурентоспособности на современном рынке продаж товаров и услуг (например, эрративное оформление эргонимов *О!БУВЪ*, *ШАУРМУ Х@ЧУ*, *МужЫк*; геортонима «*ПоЧитаем Пушкина*»; фильмонима «*САШАТАНЯ*»; библионима «*ВЫОНС МОГЗА*» (автор книги — И. Галеева)).

Л. А. Голякова отмечает, что использование языковых знаков в тексте художественного стиля подчинено определённым принципам, при этом внимание читателя активизируется при помощи нетривиальных приёмов структурирования, оформления текста [7]. Исследователь замечает, что интерпретация художественных текстов позволяет понять целенаправленное использование автором суггестивной функции языка, определённых языковых средств, «гипнотических» приёмов (фоносемантики, ритма, повтора, контраста, деформации и др.) с целью вызова эмоционального и духовного отклика у читателя. Подобным свойством в русском письме обладают эрративные элементы в текстах художественных произведений. К примеру, автор визуальной поэзии В. Гнедов использует беспробельное написание слов в голофрастических слитных эрративах: *Посолнцезеленуолезьтоскло / перепелусатошершавит / Осиянноеосипоносит / Красносернопроткнушемужаба...* [8] (В. Гнедов, «Азбука вступающим»).

Заключение. Эрративы обладают широким суггестивным потенциалом и служат способом внушения определённых смыслов реципиентам информации, что обусловлено сферой использования эрратизации письма.

Список литературы

1. Балахонская, Л. В. Лингвистика речевого воздействия и манипулирования : учебное пособие / Л. В. Балахонская, Е. В. Сергеева. — 5-е изд., стер. — Москва : ФЛИНТА,

2020. — ISBN 978-5-9765-2232-9. — Текст : электронный // Лань : электронно-библиотечная система. — URL: <https://e.lanbook.com/book/198242> (дата обращения: 03.11.2023).
2. Иссерс, О. С. Массовая речевая культура в аспекте медиатизации социальных коммуникаций / О. С. Иссерс. — Текст : непосредственный // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. — 2019. — Т. 18, № 6. — С. 177-187.
 3. Бехтерев, В. М. Внушение и его роль в общественной жизни / В. М. Бехтерев. — Спб., 1908. — 180 с. — Текст : непосредственный.
 4. Безлатный, Д. В. Психология в рекламе : искусство манипуляции общественным сознанием / Д. В. Безлатный. — М., 2011. — 236 с. — Текст : непосредственный.
 5. Черепанова, И. Ю. Дом колдуньи [Текст] : Начала суггестивной лингвистики / И. Ю. Черепанова. — Пермь : Изд-во Пермского ун-та, 1995. Ч. 1. — 213 с. — Текст : непосредственный.
 6. Измайлова, М. А. Психология рекламной деятельности : учебник / М. А. Измайлова. — 2-е изд. — Москва : Дашков и К, 2021. — ISBN 978-5-394-04470-0. — Текст : электронный // Лань : электронно-библиотечная система. — URL: <https://e.lanbook.com/book/229685> (дата обращения: 10.05.2023).
 7. Голякова, Л. А. Проблема подтекста в свете современной научной парадигмы // Вестник ТГПУ. 2006. — №5. — Текст : электронный. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-podteksta-v-svete-sovremennoy-nauchnoy-paradigmy> (дата обращения : 25.05.2023).
 8. Гнедов, В. Азбука вступающим / В. Гнедов. — URL: <https://rustih.ru/vasilisk-gnedov-azbuka-vstupayushhim/> (дата обращения: 03.11.2022). — Текст : электронный.

УДК 81.373

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ КОНЦЕПТА ПОЛИТИКА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Юшковская Е. В., ORCID 0009-0008-2661-8534,
Стебунова А. Н. канд. фил. наук, доц., ORCID 0009-0005-9194-6831
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
alena.yushkovskaya.mon32@mail.ru, an.stebunova@mail.ru

Введение. Одним из важнейших социокультурных концептов является концепт *политика*: он имеет древнее происхождение и занимает ведущее место в современной русской языковой картине мира, отражая общественные процессы, происходящие в стране, демонстрируя ценностно-эмоциональное отношение к ним носителей языка, а также содержит социолингвистическую специфику, характерную для русского понимания политики.

Цель исследования — описать лексико-семантические особенности слова *политика* в русском языке (на материале словарей) и ассоциативное поле концепта *политика*, опираясь на данные ассоциативного эксперимента.

Основная часть. Лексикографические источники определяют термин *политика* в нескольких значениях. Так, в «Толковом словаре русского языка» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой указано три значения этого слова: 1) деятельность органов государственной власти и государственного управления, отражающая общественный строй и экономическую структуру страны, а также деятельность партий и других организаций, общественных группировок, определяемая их интересами и целями. Например: *политика мира; финансовая политика*; 2) вопросы и события общественной, государственной жизни. Например: *текущая политика; интересоваться политикой*; 3) образ действий, направленных на достижение чего-нибудь, определяющих отношения с людьми (разг.). Например: *хитрая политика у кого-нибудь* [5].

В политической энциклопедии Г. Ю. Семигина указано, что в самом широком смысле *политика* понимается как наука и искусство жить в обществе, руководить им, управлять людьми.

Политика — универсальный феномен на всех уровнях и поэтому распространяется на все многообразие субъектов и форм социальных отношений [6].

Анализ лексико-семантической сочетаемости слова *политика* на материале «Словаря сочетаемости слов русского языка» под редакцией П. Н. Денисова и В. В. Морковкина представляет следующие результаты.

Слово *политика* в первом значении «деятельность органов государственной власти, государственного управления, отражающая общественный строй и экономическую структуру страны, а также деятельность партий и других организаций, определяемая их интересами и целями» сочетается с именами существительными, именами прилагательными и глаголами, в которых раскрываются различные стороны, направления, качества политической деятельности [3].

Нами выделены модели сочетаемости с именами прилагательными:

1) *политика* **какая?** (сфера деятельности): *внутренняя, внешняя, экономическая, финансовая, национальная политика*;

2) *политика* **какая?** (время и направление политики как деятельности): *новая политика, старая политика, современная политика, мирная политика, авантюристическая политика, последовательная политика*;

3) *политика* **какая?** (качества, оценка деятельности): *политика твердая, решительная политика, правильная политика, разумная политика*.

Часты сочетания слова *политика* с **именами существительными**.

1) конкретные существительные агентивной семантики: *политика чья? президента, правительства; политика чего? партии, страны, блока*.

2) с **отглагольными существительными**.

В них отражаются различные конкретные направления и стороны политической деятельности: *политика чего? мира, мирного сосуществования, нейтралитета*. В этой модели реализуются атрибутивные словосочетания.

Модель, в которой слово *политика* реализуется как несогласованное определение и является эквивалентом слова *политический*: *курс политики* (политический курс), *вопросы политики* (политические вопросы), *задачи политики* (политические задачи), *цель политики* (политические цели).

В первую очередь нужно отметить, что словарь отражает сочетаемость слова *политика* с одушевленными именами существительными со значением «лица» (*политика кого? — президента*) и неодушевленными, (*политика чего? — страны*).

Слово *политика* сочетается с указанными выше именами существительными в родительном, винительном и творительном падежах в своем **первом** значении.

Семантика связей с глаголами ограничена. Можно выделить следующие модели: **политика + глагол** (в.п., д.п., пр.п.) *одобрять политику, отвергать политику, навязать политику, думать, размышлять о политике*.

Рассмотрим слово *политика* во **втором** значении — «вопросы и события международной, общественной, государственной жизни».

Нами выделены следующие модели:

1) с относительными прилагательными: *политика какая? — текущая, злободневная, актуальная, сиюминутная*;

2) с глаголами и именами существительными отглагольного действия. Например: *интерес к чему? к политике* — интересоваться политикой, *увлечение чем? политикой* — увлекаться политикой. А также: *в политике разбираться, о политике говорить*.

Третье значение слова *политика* — «образ действий, направленных на достижение чего-либо, определяющий отношения с людьми» — в словарях представлено как детерминологизированное значение (помета *разг.*) Нами выделены следующие модели сочетаемости:

1) с именами прилагательными (оценка): *политика какая? — правильная, простая, сложная, странная, непонятная*. Нередко выступает в значении «действия и отношения с людьми». Актуализируется сема «действия» и «отношения», что говорит о метонимическом переносе: *политика какая? — хитрая, тонкая, недалководидная*.

2) с именами существительными (деятель, лицо): *политика кого? — директора, соседа, Мухина*;

3) глаголы с интеллектуальной семантикой: *вести какую-либо политику, понимать чью-либо политику, придерживаться какой-либо политики*

Заключение. Таким образом, в русском языке слово *политика* многозначно. При заимствовании в русский язык оно расширило семантику. Если в языке-источнике оно имело одно значение, то в современном русском языке оно трехзначно: первые два значения представлены как дефиниции политического термина, третье значение — детерминологизировалось, приобретая разговорный оттенок.

Проанализировав значения слова *политика* в современном русском языке, можно сделать вывод о том, что сочетаемостные свойства этого слова реализуют и отражают специфику современной общественно-политической деятельности: с именами существительными; с относительными прилагательными, характеризующими сферу деятельности, пространственность, направление деятельности; с глаголами определенной семантики (речи, направления, психического воздействия) в основном в своем первом значении.

Анализ словарей является недостаточным для того, чтобы описать концепт, т. к. не позволяет до конца проследить перераспределение элементов в поле концепта, поэтому мы обращаемся к анализу концепта и его лексико-семантического воплощения в публицистической речи и результатам свободного ассоциативного эксперимента, результаты которого будут изложены в следующих публикациях [4, с.177].

Информация о финансовой поддержке: *Исследование проводилось по теме государственного задания «Структурно-функциональные параметры существования и развития русского языка XX-XXI столетий в его региолектном и общезыковом аспектах» (№ госрегистрации НИОКТР 124051400024-1).*

Список литературы

1. Денисов П.Н., Морковкин В.В. Словарь сочетаемости слов русского языка. — М., 2001.
2. Политическая энциклопедия : В 2 т. / Нац. обществ.-науч. фонд; [Науч.-ред. совет: пред. Г. Ю. Семигин и др.]; Рук. науч. проекта Г. Ю. Семигин. — Москва : Мысль, 1999.
3. Стебунова А.Н. Слова-реакции на слово-стимул «Родина» в речи донецких студентов (на материале психолингвистического эксперимента) // Россия народная: россыпь языков, диалектов, культур. — Волгоград: Фортесс, 2019. — С.177-180.
4. Толковый словарь русского языка : 80000 слов и фразеол. выражений / С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведова ; РАН, Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. — 4-е изд., доп. — Москва : Азбуковник, 1997, 1999, 2001, 2003. — 943 с

Актуальные проблемы регионалистики

УДК 81.282

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ЖИЗНИ РЕБЕНКА (НА МАТЕРИАЛЕ ОБЛАСТНОГО СЛОВАРЯ Б. А. МОИСЕЕВА)

Жулева М. И., ORCID 0000-0003-2203-2559

ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный педагогический университет»,
г. Оренбург, РФ
zhuleva.mariya@mail.ru

Введение. Язык является хранилищем духовной культуры народа, его национального самосознания и традиций. В народной речи находят отражение бытийные, социально-исторические, мифологические, оценочные знания и представления жителей определенной территории [4, с. 107]. В Оренбургском крае, который является полиэтническим регионом и территорией позднего заселения, системное изучение говоров началось только XX веке. Исследованиями занимались преподаватели Оренбургского госпединститута: Н. И. Зорин, В. И. Лыткин, Н. А. Мещерский, Б. А. Моисеев [1, с. 99]. Изучение народной речи, характеризующей жизненный уклад, и в наши дни представляет собой актуальное направление региональных лингвистических исследований.

В Год семьи в обществе наблюдается рост интереса к проблемам сохранения традиций, создания и поддержания условий для взаимоуважения и взаимопонимания между поколениями, укреплению семейных ценностей. В рамках изучения проблем семьи и детства ученые обращаются к различным материалам: архивным, дневниковым записям, личным письмам, поздравительным открыткам и др., которые могут служить источниками сведений о жизненном укладе конкретных семей [3, с. 284]. На наш взгляд, определить общие тенденции **жизненного уклада в семьях с детьми позволяет народная речь.**

Целью исследования является выявление и анализ диалектной лексики, затрагивающей различные аспекты жизни ребенка. В качестве материала исследования выступил «Оренбургский областной словарь» Б. А. Моисеева, в котором зафиксированы диалектные слова, употребляемые жителями Оренбургской области [2].

Основная часть. Диалектом называют разновидность национального языка, которая выступает в качестве средства общения между лицами на определенной территории. Сведения о жизненном укладе содержатся, в частности, в диалектных словарях, где представлена лексика, которая не входит в состав русского литературного языка, но активно бытует в речи диалектоносителей.

В ходе исследования было установлено, что номинации ребенка составляют значительную часть **выявленной нами** диалектной лексики: *баранчук* ('мальчик, сынишка'), *бельмешок* ('грудной ребенок'), *гаврошек* ('ребенок') *малáй / малáйка* ('маленький мальчик / девочка'), *мáлец* (1. 'маленький ребенок'; 2. 'юноша, парень'), *óтрок* ('ребёнок, дитя') — форма ед. ч., *óтроки* ('потомство') — форма мн. ч.; собирательное существительное *бишара* ('маленькие дети'). Стоит выделить диалектное слово *на́йден*, указывающее на нелегкую судьбу новорожденного ребенка, которого бросила мать, а затем нашли другие люди [2, с. 102]. Приведенная группа слов не передает отношения говорящего к называемому, а лишь указывает на определенный этап жизни ребенка, характеризуется стилистической нейтральностью.

Кроме того, в «Оренбургском областном словаре» представлена стилистически окрашенная диалектная лексика, называющая ребенка. Неодобрение говорящего выражают слова *бугáй / бугáйха* ('бесстыдный мальчик / девочка') [2, с. 24]. Отметим, что *бугáй* используется в речи и в наши дни, когда имеют в виду молодого человека крепкого телосложения, рослого. Негативную окрашенность имеет *галда́* ('крикун, болтун' — все время галдит). В словаре Б. А. Моисеевым приведены две формы — существительного мужского рода *отрóшник* и женского рода *отрóшница*, которые используются, когда говорят об избалованном ребенке, шалуне [2, с. 118]. Примечательно, что диалектные слова, имеющие положительную стилистическую окраску, в издании не были обнаружены.

Также можно выделить наименования ребенка, отражающие особенности времяпрепровождения. Нами обнаружены 3 лексических единицы, характеризующие занимаемое ребенком положение в пространстве, на которое указывают корни слов: *лэ́жень* (ребенок, не научившийся сидеть, который только лежит), *пóползень* ('ребёнок-ползунок'), *сидень* (ребенок, который не умеет ходить, а может только сидеть). В словаре представлены лексические единицы, характеризующие особенности детского поведения: так, *урлапáнчиком* называют ребенка, который кричит ('крикун'). Если ребенок начинает плакать, растирать глаза руками, употребляют слово *кúкситься, закúкситься*. Как отмечает в словарной статье Б. А. Моисеев, такое поведение наблюдается обычно перед сном [2, с. 77]. Когда ребенок перестает плакать, замолкает, можно говорить, что он *угúнул*. В воспитательных целях, чтобы напугать ребенка, не поткать его капризам, обращаются к таким диалектным словам, как: *буляля́ка, кага́н, кузля́*. В словаре зафиксированы названия детских игрушек, являющихся частью предметного мира, в котором живет и развивается ребенок: *ширкунчик* ('погремушка'), *буру́лька* ('дудочка'), *куба́н* ('деревянный волчок, для запуска которого используют кнутик').

Тематическая группа лексики, называющая продукты питания и кухонные принадлежности, домашнюю утварь, составляет значительную часть «Оренбургского областного словаря». Среди представленных

именований нами были выявлены два диалектных слова, в которых подчеркивается назначение посуды именно для приготовления пищи ребенку: *горнátка* (приводится уменьшительная форма *горнátочка*), а также *кáшничек* (представлена только уменьшительно-ласкательная форма слова). Приведенные примеры обладают одинаковым лексическим значением — ‘маленький горшок для варки детской каши’. Следует отметить, что о назначении *кáшничка* можно догадаться по корню каш-. Суффиксы -очк-, -чек- со значением уменьшительности указывают на габариты предмета, небольшой размер посуды для приготовления пищи детям. В диалектных наименованиях предметов детской мебели также наблюдаются уменьшительные суффиксы: *зы́бка* (уменьш.-ласк. *зы́бочка*) — ‘люлька, детская колыбель’. Еще одно название колыбели для ребенка — *кáчка*, которая стоит на полу и качается.

В сельской местности, где преимущественно функционирует диалектная лексика, возможности оказания медицинской помощи в пределах населенного пункта ограничены. Подтверждением тому может служить выделение тематической группы «детские болезни», в состав которой были включены названия детских заболеваний, содержащие соответствующее указание. Приведем лексические единицы, отнесенные к указанной группе: *гуньба́* (‘мелкая сыпь в ротовой полости, болезнь грудных детей’), *кочерга* (‘болезнь, при которой ребенок корчится’), *молоде́нская* (‘болезнь младенцев и грудных детей’), *полунóшница* (‘бессонница у ребёнка от болезни’), *щекотуха* (‘детская болезнь’).

Заключение. Подводя итог, отметим, что в словаре Б. А. Моисеева приведены как стилистически нейтральные наименования, так и стилистически окрашенная лексика, выражающая неодобрение говорящего к поведению ребенка. Народная речь отражает воспитательные моменты, организацию детского досуга и питания, предметное окружение ребенка, содержит названия детских заболеваний. Рассмотренная диалектная лексика, описывающая жизнь ребенка, охватывает различные аспекты повседневного уклада семьи и способствует формированию определенных представлений о жизни ребенка.

Список литературы

1. Бекасова, Е.Н. Основные направления лингвистических исследований Оренбургского края / Е.Н. Бекасова // Вестник Оренбургского гос. пед. ун-та. Электронный научный журнал. — 2015. — № 3(15). — С. 98–106. — EDN UIHKJZ.
2. Моисеев, Б.А. Оренбургский областной словарь: 5 698 слов и словосочетаний / Б.А. Моисеев. — Оренбург: Оренбургский гос. пед. ун-т, 2010. — 192 с.
3. Поповичева, И.В. Кластер-анализ лексической группы «Ребёнок» в русских народных говорах / И.В. Поповичева // Мир науки, культуры, образования. — 2015. — № 4(53). — С. 283–288. — EDN UHOGYX.
4. Поповичева, И.В. Образные номинации детей и подростков в русских диалектах (на материале «Словаря русских народных говоров») / И.В. Поповичева // Культура и цивилизация. — 2017. — Т. 7, № 4А. — С. 106–119. — EDN UWNCKS.

ЛИНГВОРЕГИОНОЗНАНИЕ КАК ФЕНОМЕН И НАУЧНОЕ ПОНЯТИЕ

Курмакаева Н. П., канд. филол. наук, доц., ORCID 0009-0005-3472-0203
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
kurmakayeva@mail.ru

Введение. Молодое междисциплинарное направление в науке — лингворегиионоведение, — целью которого является описание актуального состояния лингвокультуры, в частности региолекта, в определенном регионе страны, с методической точки зрения включает набор таких компетентностных компонентов, как знаниевый, деятельностный и мотивационно-ценностный [3, с. 42]. В настоящее время все три разрабатываются в комплексе, поскольку дисциплина имеет теоретико-прикладной характер. Для учителя-словесника важны все компоненты, но исходным является знаниевый. Он означает обладание определённым объемом знаний о культурно-социальной стороне жизни региона, о дискурсивно-речевых и речеповеденческих особенностях представителей данного субэтнуса, специфике их мировидения и мировосприятия, воплощенных в текстах. Эту составляющую дисциплины можно назвать лингворегиионоведением. Наше исследование имеет целью раскрыть предложенное понятие как лингвокультурологический и собственно лингвистический феномен.

Основная часть. Термин «лингворегиионоведение» прежде всего осмысливается как ‘знание лингвистических особенностей региона’. В центре этого знания стоит *региолект* — «новая единица территориального членения языка, объединяющая идиомы расположенных рядом и административно связанных населённых пунктов, характеризующихся общими регионально маркированными языковыми чертами» (В. И. Теркулов) [1, с. 20], а основным субъектом речевой деятельности, наделенным «региональным языковым сознанием» (по И. И. Просвиркиной), продуцентом региолекта — *региональная языковая личность* (РЯЛ) как активный участник *регионального речевого дискурса* (РРД), как творец *региональных текстов*, как носитель, хранитель и создатель уникальной *региональной языковой картины мира* (РЯКМ).

В процессе изучения основ лингворегиионоведения студент-филолог должен усвоить: в каждом языке есть пласты слов и выражений, используемые не повсеместно, а регионально, составляющие порой уникальные номинации и понятия, с помощью которых осмысливается окружающая РЯЛ действительность и формируется РЯКМ как составная часть общенациональной ЯКМ. А поскольку, согласно И. А. Бодуэну де

Куртенэ, «каждый язык есть своеобразное мировоззрение» (цит. по [2, с. 111]), знание региональных языковых нюансов позволяет лучше понять ментальность народа, осмыслить общенациональное мировоззрение как произведение многих составляющих.

В языке региона, точнее — в его речевом пространстве, сосредоточено важнейшее для РЯЛ знание. Если национальный язык представляет собой «общекультурное достояние народа» (по Л. Вайсгерберу), то региолект как региональный вариант общенационального языка есть достояние субэтноса, компактно проживающего в том или ином регионе государства. Чтобы явственнее уловить сущностную природу и ценностные приоритеты родного языка, обучающемуся следует осмысленно воспринять особенности *регионального дискурсивного пространства* (РДП), внутри которого социализировалась и инкультурировалась РЯЛ. РДП наполнено единицами, номинирующими, характеризующими и оценивающими окружающую действительность через призму восприятия РЯЛ, например некоторые донецкие выражения: *Первая линия* — ул. Артёма; *отнести за террикон* — ‘похоронить’; *судьба коногона* — ‘гибель в шахте’; *с тобой хоть на Петровку* — ‘с тобой не страшно’ (Петровка — самый обстреливаемый район Донецка); *день (время) воды* — ‘момент почасовой подачи воды в кранах города’; *десятилетний замес* — ‘период военного противостояния в Донбассе’; *придонбашенные* — ‘не такие, как все; воспитанные Донбассом’.

Центральным объектом лингворегионоведения является региональная речь, зафиксированная в текстах. Текстцентрический принцип в лингворегионоведении — один из ведущих, поскольку он утверждает текст не только как единицу языка и речи, но и как единицу культуры, в которой отражается определенная картина мира и самого автора, а на уровне региона — того субэтноса, к которому он принадлежит. Знание региональных текстов и понимание смыслов региолектных единиц в них доказывает, что общенациональная ЯКМ богаче, чем представляется с позиций человека, даже хорошо владеющего русским языком.

Сложившееся РДП не просто культурное достояние субэтноса, а форма познания и отображения мира, как он представляется РЯЛ. Через дискурсивные особенности регионального уровня мы оцениваем миропонимание данного национально-лингво-культурного сообщества, проживающего в регионе, его менталитет, выработавшийся в процессе жизнедеятельности и на фоне развивающихся вокруг него событий, с учетом истории, географии, социально-экономических условий и т. п.

В РДП обязательно присутствуют актуальные для субэтноса культурные коды, символы и мифы, которые в процессе социализации индивида усваиваются, как правило, еще в детстве через семейную коммуникацию, через региональные тексты, воспитываются в школе и в вузе. Специфическая функция принадлежит региолектным словам и

выражениям. Без них не всегда можно выразить содержание региональной культуры, явлений региональной действительности. Соответственно, региональная речь не существует вне региональной культуры. Перефразируя Э. Сепира, высказавшегося о языке вообще, можно утверждать, что региональная речь не существует вне регионально унаследованной «совокупности практических навыков и идей, характеризующих наш образ жизни» [4, с.226].

Региональную речь (региолект), занимающую центральное место в лингворегионознании, вполне возможно назвать одной из уникальных составляющих нашей общенациональной лингвокультуры, так же как культурное пространство региона в лингвокультурологии есть составная часть национально-культурного пространства (пространства национальной культуры).

Регионально-культурное пространство — обобщающий термин для обозначения особым образом структурированной совокупности знаний и представлений субэтнического сообщества о социально значимых событиях, явлениях, традициях, условиях жизни в регионе — формируется с помощью инструментария, выработанного региональным речевым дискурсом. Отсюда знание феномена РКП подразумевает знание региональных культурных кодов, символов и смыслов, имеющих регионально значимое ценностное содержание, которое возникает и находит соответствующее место в РЯКМ. И если ЯКМ «может рассматриваться как основной вход в пространство лингвокультуры» [2, с. 115], то мы вправе утверждать, что РЯКМ — это вход в РКП. РКП следует признать формой существования региональной культуры в сознании региональной языковой личности, культуры, встроенной в общее культурное пространство национально-лингвокультурного сообщества. Так пересекаются и взаимодействуют ипостаси лингвокультуры и лингворегионознания.

Заключение. Таким образом, исходя из принципа системности, признаем лингворегионознание ведущим (знаниевым) сегментом лингворегионоведческой науки, который отвечает за познание, хранение и сбережение содержательной и смыслонаполнительной стороны единиц регионального речевого пространства, находящегося во владении определенного субэтнуса. Понятие «лингворегионознание» другой своей стороной тесно увязано с лингвокультурологией, так как включает понятия РКП и РЯКМ, и психоллингвокультурологией, поскольку ведет к постижению особенностей мировидения РЯЛ и в целом — региональной ментальности.

Информация о финансовой поддержке: *Исследование проводилось по теме государственного задания «Структурно-функциональные параметры существования и развития русского языка XX-XXI столетий в его региолектном и общезыковом аспектах» (№ госрегистрации НИОКТР 124051400024-1).*

Список литературы

1. Донецкий региолект : монография / Под ред. В.И.Теркулова. — Донецк: Изд-во ООО «НПП «Фолиант», 2018. — 265 с.
2. Красных В.В. Словарь и грамматика лингвокультуры; Основы психолингвокультурологии. — М.: Гнозис, 2016. — 496 с.
3. Новикова Т.Ф. Культурологический подход к преподаванию русского языка в аспекте регионализации образования: монография. — Белгород, БелГУ, 2007.— 296 с.
4. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии / Э. Сепир — М.: Прогресс, Изд. группа «Универ», 1993. — 654 с.

УДК 81'373.2

СООТВЕТСТВИЕ ДЕНОТАТА И РЕФЕРЕНТА ОБЪЕКТУ НОМИНАЦИИ КАК УСЛОВИЕ ГАРМОНИЧНОСТИ СОЦИАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Мозговой В. И., канд. филол. наук, доц., ORCID 0000-0002-4301-65-85
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
mowi48@mail.ru

Введение. Примитивное понимание собственного имени как категории языка (их анализ с позиции грамматической принадлежности к именам существительным) или речи (метафоричность структуры официальных именований) в условиях расширяющегося цивилизационного кризиса «...изменяет саму идеологию онимизации, изначально направленную на передачу социально-адресного и культурно-исторического кода грядущим поколениям» [1. с. 65].

Цель работы — определить условия, при которых онимная лексика способна адекватно фиксировать уникальность объектов, не допуская манипуляций общественным сознанием и не нарушая гармоничности социальных отношений [2].

Основная часть. Главной проблемой, стоящей сегодня перед современной ономастикой, является сохранение реальных собственных имён (СИ), страдающих от субъективного о них представления у регистраторов, не знающих, что при работе с онимами они имеют дело не с именами существительными, а с явлением мировой культуры. Постулируем, что культурная субстанция оперирует не значением слова, а информацией об объекте, способной преобразовать денотат в референт, разрушив при этом первичные лексико-грамматические связи и признаки.

Например:

– украинское слово *чуприна*, ж. р. (рус. «чуб», м. р.) при его переходе в фамилию фиксируется одинаково и в мужском, и женском роде (И. п. *Чуприна Олег* и *Чуприна Ольга*; Д. п. *Чуприне Олегу* и *Чуприне Ольге*), но

фамилия *Чупрін* (имя прил.), если её обладателем становится *Чупринá*, приобретает другие грамматические признаки: Р. п. *от Чупринá Олега*, но *от Чупринóй Ольги*.

– *станция Ясиноватая* (ж. р. + ж. р.) > Р. п. *от станции Ясиноватой*, но *город Ясиноватая* (м. р. + ж. р.) > Р. п. *от города Ясиноватая* (не склоняется, т. к. между м. р. и ж. р. нет согласования);

– *кафе «Библиотека»* (г. Донецк), библиотеки нет, а поэтому СИ, взятое в кавычки, по падежам не изменяется: *в кафе «Библиотека»*;

– в СИ *магазин «Впрок»* анализ слов по частям речи (имя сущ. + наречие) лишено оснований (вся конструкция отвечает на вопрос «что?»).

Вот почему категоричная безапелляционность суждений о том, что «имена существительные делятся на имена нарицательные и имена собственные» и что первые соотносятся с денотатом, а вторые с референтом — не имеет ни теоретического, ни практического применения.

Имя собственное — это обусловленный социальными смыслами (культурными, историко-правовыми) многокомпонентный лексико-графический знак, выделяющий единично-уникальные предметы и явления созданного, осмысленного, освоенного и присвоенного человеком мира. Адекватность языковой передачи и социального восприятия определяется соотносённостью материального объекта номинации с его языковыми характеристиками: денотатом, выраженным в номенклатурном термине, и референтом, передающем информацию об СИ всей своей многоуровневой структурой.

Например:

А. Объект «учебное заведение» определяет его возможные денотаты (*школа, институт, университет, лицей, гимназия* и т. п.), а референтные дополнения (например, *Донецкий государственный университет*) исчерпывающе указывают на суть и статус собственного имени;

Б. Объект «учреждение» определяет в качестве возможных денотатов их культурно-воспитательную или исправительную направленность с конкретными референтными значениями (*Кинотеатр «Космос», Донецкий театр оперы и балета, Донецкий республиканский краеведческий музей, Исправительно-трудовой лагерь № 35* и т. п.);

В. Объект «организация» предполагает соотносённость с денотатом *политических ячеек*, а референтное дополнение *Организация украинских националистов* превращает это номинативное словосочетание в СИ;

Г. Объект номинации «руководитель», соотносённый с денотатом *отдел* не предполагает референтного выделения в рамках СИ, поскольку отделов много;

Д. Объект номинации «ректор», дополненный денотатом определяет референтное значение по принадлежности конструкции к СИ: *ректор Донецкого государственного университета С.В. Беспалова*;

Е. Объекты номинации «студент, ученик, курсант, семинарист», соотнесённые с денотатами *вуз, школа, училище, семинария* и с референтными значениями (*курсант Иванов Н.И.*) определяют выбор СИ. При этом слова «руководитель», «обучающийся», «женщина», «мужчина», «ребёнок», «зритель», не соотнесённые с денотатами и с референтными значениями в виде фамилий, не могут быть объектами номинации.

Заключение. Соответствие объекта номинации денотату и референту — главное условие сохранения культурно-правового статуса СИ, который предполагает знание основных аксиом об их функционировании:

1. Уникальность объекта номинации не предполагает наличия в СИ нескольких денотатов, разрушающих единичность референта: *Общеобразовательное учреждение «Лицей Коллеж» (?)*.

2. СИ — это номинативная конструкция, которая «не терпит» «расширителей» в виде предложения, поскольку они разрушают информацию о номинации: *Муниципальное казённое дошкольное образовательное учреждение Новосибирского района Новосибирской области — детский сад комбинированного вида «Родничок»* (эта информация может быть только в тексте устава: *Детский сад — это...*).

3. В СИ не допускается вариативность номенклатурных терминов и их фиксация во множественном числе (*институты, организации* и т. п.), поскольку это рождает двойственность толкования денотатов и референтов: *ректор // руководитель образовательной организации // руководитель; университет // учреждение // организация* и др.;

4. СИ пишутся с прописной буквы, а не прописными буквами, которые устраняют информацию о выделительном свойстве онимной терминологии. См. в паспортах: *ГУ МВД РОССИИ ПО РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ* (правильно: *ГУ МВД России по Ростовской области*).

5. Реальные СИ не могут заключаться в кавычки. В этом случае они становятся нереальными, например: Государственное бюджетное профессиональное образовательное учреждение «Донецкий технологический колледж» — это не колледж, а учреждение. Такой вариант может быть только у прецедентных СИ: *кафе «Пушкин», остановка «Донецкий национальный университет»* и т. п.

6. В онимных сокращениях следует отделять аббревиатуры от сокращённой формы СИ: не *ДОННТУ*, а *ДонНТУ*, потому что сокращение *Дон-* должно выделять информацию о том, что университет находится в Донецке (но *вузы*, а не *ВУЗы*, поскольку это аббревиатура по происхождению, превратившаяся в корень, например: *вузовский учебник*).

Информация о финансовой поддержке: *Исследование проводилось по теме государственного задания «Структурно-функциональные параметры существования и развития русского языка XX–XI столетий в его региолектном и общезыковом аспектах» (№ регистрации НИОКТР 124051400024-1).*

Список литературы

1. Мозговой В.И. Денотаты, референты, онимная норма, или феномен В.М. Калинкина / В.И. Мозговой. // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. Научный журнал — № 1. Донецк : ДонГУ, 2021. — С. 65–72.
2. Мозговой В.И. Манипуляции с онимсферой как орудие переформатирования общественного сознания / В.И. Мозговой. // Русский язык в поликультурном мире : VIII Международный симпозиум (9–11 июня 2024 г.) / отв. ред. Т.В. Аржанцева, Л.А. Орехова. Сб. науч. статей. В 2-х т. Том I. — Симферополь : Издательский дом КФУ, 2024. — С. 171–179.

УДК 81'42

О ПОНЯТИИ «ЛИНГВОКУЛЬТУРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ» В ЛИНГВОРЕГИОНОВЕДЕНИИ

Панчехина М. Н., канд. филол. наук, ORCID 0000-0002-8268-7293
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
m.panchehina@donnu.ru

Введение. Лингворегионоведение представляет собой относительно новое направление в лингвистике, которое рассматривается как «один из важнейших путей реализации кумулятивной функции языка, обнаруживающей себя в том, что язык не просто передаёт некоторые сведения, но и обладает способностью отражать, фиксировать и сохранять определённую историческую и культурную информацию» [1]. Предметом изучения данного направления являются региональные особенности языка, к основным понятиям относятся следующие: *лингворегионоведческая компетенция, лингворегионоведческий подход, лингворегионоведческий текст.*

На наш взгляд, анализ региональных языковых особенностей подразумевает также изучение и описание структуры *лингвокультурной идентичности.*

Цель работы состоит в том, чтобы рассмотреть смысловое наполнение понятия *лингвокультурная идентичность* в лингворегионоведении.

Основная часть. Согласно В. В. Красных [2], лингвокультурная идентичность определяется способностью индивида апеллировать к различным уровням культуры:

- когнитивному (он охватывает знания vs понятия, концепты, представления),
- метафорическому (здесь находятся метафоры с архетипической природой),
- эталонному (репертуар единиц с функцией знака-эталона),

— символному (символ как единица культуры и некий культурный объект).

Таким образом, под *лингвокультурной идентичностью* понимается принадлежность человека к конкретному языковому и культурному социуму, осуществляемая на основе самоотождествления субъекта с указанными подсистемами (уровнями) культуры и языка.

Как отмечает Н. Ф. Герман, данное явление «представляет собой единство коллективного и индивидуального, которые существуют в неразрывной связи друг с другом. С одной стороны, коллективная память < > и коллективные аспекты языка складываются из многократно повторенного индивидуального опыта — сложной мозаики индивидуальных впечатлений, словоупотреблений, коммуникативных стратегий и т. д. С другой стороны, индивидуальная личность формируется на основе коллективного опыта и коллективной памяти» [Герман, с.17].

Определение понятия даёт представление о структуре *лингвокультурной идентичности*. Она основывается на существовании ядерного компонента («своё», признаки, являющиеся неизменными для коллектива и остающиеся таковыми на протяжении длительного времени) и периферийного («чужое», переменные характеристики, лежащие в основе когнитивной, коммуникативной и поведенческой гибкости). Такое соотношение ядерного и периферийного компонентов обусловили гибкость и подвижность структуры *лингвокультурной идентичности*. Так, при межкультурной коммуникации субъект способен сохранять собственную самоидентификацию и при этом приобретать новые компетенции: то есть ядерный уровень остаётся неизменным, а периферийные характеристики видоизменяются.

Как и при описании структуры *региональной идентичности* [5], наиболее значимыми являются:

- когнитивный уровень,
- ценностный,
- деятельностный,
- эмоциональный.

Однако понятие *лингвокультурной идентичности*, несомненно, значительно шире *региональной*.

Заключение. Современная концепция лингворегионоведения как современного направления лингвистики может быть существенно расширена за счёт актуализации понятия «лингвокультурная идентичность». Именно лингвокультурная составляющая позволит объективировать и углубить знания о культуре и языке в конкретном социуме.

Информация о финансовой поддержке: Исследование проводилось по теме государственного задания «Структурно-функциональные параметры существования и развития русского языка XX-XXI столетий в его региолектном и общезыковом аспектах» (№ госрегистрации НИОКТР 124051400024-1).

Список литературы

1. Яковлева, Т.В. Методические аспекты лингворегионоведения / Т.В. Яковлева, О.И. Еременко ; БелГУ // Интеграция образования. — 2010. — №2. — С. 41–45.
2. Красных В.В. Лингвокультурная идентичность Homo Loquens / В.В. Красных // Мир русского слова. — 2017. — №4. — С. 11–15.
3. Герман Н.Ф. Лингвокультурная идентичность субъекта современной межкультурной коммуникации : автореф. дис. ... канд. культ. наук : 24.00.01. — М, 2009.
4. Ерёмкина Е. В. Понятие региональной идентичности и специфика её формирования в современной России // Социально-гуманитарные знания. 2012. — № 5. — С. 276–287.

УДК 81.373

ОБРАЗ ПОЛИТИКИ В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ ДОНЕЦКОЙ МОЛОДЕЖИ

Стебунова А. Н., канд. филол. наук, доц., ORCID 0009-0005-9194-6831
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
an.stebunova@mail.ru

Введение. Политика — это та сфера деятельности, где отчетливо проявляются языковая динамика, изменения в общественном сознании, ментальности носителей языка, активные процессы в современной лексике.

Цель исследования — описать образ политики в языковом сознании донецкой молодежи. Актуальность этого исследования объясняется тем, что современное состояние общества можно охарактеризовать как «политизированное»: вследствие большой вовлеченности людей в политическую жизнь государства, серьезного воздействия на сознание людей средств массовой информации, преимущественного пребывания в информационном поле интернета, где практически невозможно остаться вне политики или политических новостей, обращение к образу политики в языковом сознании молодых людей представляется необходимым и весьма интересным. Такое исследование обладает и несомненной практической значимостью, так как его результаты могут быть использованы в области информационных технологий, связей с общественностью и, в педагогических целях.

Основная часть. Для исследования образа политики в языковом сознании донецкой молодежи были применены психолингвистические методы свободного ассоциативного эксперимента. Ассоциативный эксперимент проводился среди студентов 1 и 2 курса разных направлений подготовки Донецкого государственного университета [2, с. 70]. Следовательно, под молодежью понимается социально-демографическая группа, выделяемая на основе возрастных особенностей, социального

положения, характеризующаяся специфическими интересами и ценностями и ограниченная возрастными рамками от 17 до 20 лет. В ассоциативном эксперименте приняли участие 217 человек, от которых были получены 408 единиц слов-реакций.

Образ политики существенно изменялся на протяжении последних десятилетий: советская эпоха, период политической нестабильности на рубеже XX–XXI веков и нынешняя фаза относительной стабилизации, и это нашло отражение в различных структурах образа политики, которые, по сути, сосуществуют в современном языковом сознании носителей русского языка. Тем не менее, по замечаниям исследователей, в русском языковом сознании представление о политике довольно устойчиво, если не сказать стереотипно, соотносится с понятиями «власть» и «борьба за власть». Борьба за власть является основной темой и движущим мотивом этой сферы общения» [5, с. 3] или «Главная цель политической борьбы — захват и удержание власти» [3, с. 5] и т. п.). Вследствие этого было любопытно выявить современные вербальные формы хранения знаний о политике, а также динамику образа политики в языковом сознании студенческой молодежи Донца.

Ассоциативный эксперимент и его анализ дали следующие результаты. Представление о политике в сознании молодых носителей языка имеет понятийно-именную форму: подавляющее число реакций представляет собой существительные (власть, коррупция, государство, деньги, законы, налоги, партия, президент, депутат и т. п.), среди которых есть и прецедентные феномены, например, крымшаш, СВО. Среди «субстантивных» реакций любопытны реакции, где образ политики ассоциируется с именем собственным человека, места или органа власти, выступающими в определенной степени символами когнитивного образа в современном культурно-языковом сознании (Путин, Медведев, Жириновский, Лавров, Захарченко, Пушилин, Единая Россия, Москва; Государственная дума и др.). В меньшей степени политика представляется как носитель признака и отражается в реакциях-прилагательных и отыменных существительных (национальная, государственная, честная, несправедливая, бесчеловечность, скукота и т. п.).

Кроме того, образ политики имеет в языковом сознании студенческой молодежи предикативное выражение, что обнаруживается в реакциях-предикативных конструкциях (воруют; не решают; не работает; думают о себе; верните Сталина!; мне неинтересно; все очень печально на самом деле и т. п.). Как можно заметить, в языковом сознании молодых носителей языка образ хранится в виде предикативных конструкций разной степени сложности — от простых односоставных до сложных предложений.

Реакция «власть» является одним из самых популярных ответов у молодых носителей русского языка; а «агрессивный» характер образа политики выразился в реакциях «война», «коррупция», «конфликты», «вражда», «ссора», «лидерство».

Образ политики как деятельности власти, оторванной от рядового человека, каким себя мыслит большинство опрошенных молодых людей, и недоступной для непосредственного воздействия находит отражение в семантической составляющей, которую условно можно обозначить как «социальный пессимизм». Это находит выражение в реакциях — «воруют», «не слушают», «ничего не делают», «ничего не решаем», «всё равно». Интересно, что по отношению к власти возникают реакции в виде неопределенно-личных конструкций, где субъект действия представляет собой отвлечённо-отчуждённое «они», «некто», противопоставленный обобщенному, но тоже отвлечённому «мы». Причем деятельность этих «они» воспринимается молодыми людьми как противоправные и аморальные действия, совершаемые бесконтрольно и безнаказанно («беззаконие», «кража», «воровство», «коррупция», «преступность», «убийства», «ложь», «обман», «фальшь» и т. д.).

Заключение. Образ в языковом сознании неотделим от его субъективного понимания, что нашло отражение в большом количестве реакций в виде лексических и синтаксических единиц с оценочной коннотацией. Спектр оценки в восприятии политики различен: от положительной до резко отрицательной. Однако положительная оценка политики — это, скорее, представление об идеальной сути этого явления («честная», «справедливая», «закон», «вера», «ответственность», «право голоса»). Значительно больше и разнообразнее в выражении негативная оценка: отрицательно-враждебная («мразь», «грязь», «мусор» и т. п.), негативные лексические единицы и конструкции («негатив», «не решаем», «не слушают», «не работает», «неменяющаяся» др.) Поэтому можно сказать, что эмоционально-оценочной доминантой в отражении образа политики в языковом сознании молодежи является негативное ее восприятие, как нечто неприятное, агрессивное и враждебное по отношению к рядовому человеку.

Информация о финансовой поддержке: *Исследование проводилось по теме государственного задания «Структурно-функциональные параметры существования и развития русского языка XX-XXI столетий в его региолектном и общезыковом аспектах» (№ госрегистрации НИОКТР 124051400024-1).*

Список литературы

1. Залевская А.А. Слово в лексиконе человека: психолингвистические исследования / А. А. Залевская. — Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1990. — 204 с.
2. Стебунова А.Н. Концепт «свобода» в языковом сознании донецкой молодежи (на материале психолингвистического эксперимента // Русский язык в поликультурном мире: VI Международный симпозиум (8–12 июня 2022 г.): Сб. науч. статей. В 2-х т. Том 2. — Симферополь: Издательский дом КФУ, 2022 г. — С. 69-72
3. Тираспольский Г.И. Словарь политической борьбы: Материалы 1988–96 гг. Сыктывкар, 2006.

4. Ушакова Т.Н. Языковое сознание и принципы его исследования //Языковое сознание и образ мира: сб. науч. ст. / под ред. Н.В. Уфимцевой. — М., 2003. — 136 с.
5. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса: Автореф. дис. ... докт. филол. н. — Волгоград, 2000. — 23 с.

УДК 070:37(045)

**РЕГИОНАЛИСТИКА В ФОРМАТЕ ТЕМАТИЧЕСКОГО
ДЕТСКО-ЮНОШЕСКОГО ЖУРНАЛА РЕГИОНАЛЬНОГО
ШКОЛЬНОГО ТЕХНОПАРКА
(НА МАТЕРИАЛАХ ЖУРНАЛА «КВАНТ КУБАНЬ-КУБГТУ»)**

Шапошникова Т. Л., д-р пед. наук, проф., ORCID 0000-0003-3221-4954,

Гордиенко О. А., канд. пед. наук, доц., ORCID 0000-0002-2170-1346,

Мнацаканян Н. В., ORCID 0009-0009-8445-7668

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный технологический университет»,

г. Краснодар, РФ

adm@kgtu.kuban.ru

Введение. Филологическая (или литературная) регионалистика (термин профессора Н. Ю. Желтковой [4]) предполагает исследование специфики региональных масс-медиа как отражение особенностей медийного пространства, выделяемого в географическом, историческом и социальном аспектах. Это может быть определённый тематический аспект рассмотрения: спортивный (М. С. Осадник [8]), религиозный (Булычева Е. А., Рысаев И. И. [1]), историко-культурный, связанный с изменением исторических условий (Кирпичёк П. Н. [5]), особенностями народного творчества, возрастом, увлечениями, например, научно-исследовательской деятельностью, как у школьников Кубани.

Цель исследования — выявить особенности печатного тематического регионального детско-юношеского журнала, позволяющие ему иметь собственную читательскую аудиторию в информационном пространстве начала XXI века.

Основная часть. Объём журнальной статьи, хотя бы в пять страниц печатного текста, предполагает обращение к духовной жизни социума, приведение примеров, их истолкование, обращение к жизненному опыту читателя за подтверждением высказанных истин, использование изобразительно-выразительных средств в целях придания речи убедительности. Результатом является переход читателя на сторону автора как результат обращения к ценностным феноменам народной мудрости, научным фактам. Современный же новостной текст интернет-сообщений развил у входящего во взрослую жизнь поколения клиповое мышление, поскольку задача такого текста — удовлетворить желание получить

информацию максимально быстро. Для этого, по наблюдению Наливайко Ю. Ю., в мессенджере создаются короткие посты в один абзац; средние — в несколько абзацев, что позволяет включить разъяснение; формат «стори» — до семи абзацев с выводами о последствиях; формат «шот» — тезисы выступлений значимых личностей, в которых резюмируется сказанное в максимально упрощённом виде с журналистскими ремарками; формат «джест», где даётся краткая информация сразу о нескольких событиях, произошедших за определённый временной промежуток, и пр. [6].

Стоимость интернет-текста несравнимо ниже стоимости печатной продукции, особенно если в последней присутствуют красочные иллюстрации, а для подготовки потребовались высококвалифицированные журналистские кадры. Этими кадрами затрачено значительное время для вхождения в тему, её надлежащее научное, литературное и эмоциональное раскрытие для получения целостного творческого произведения печати с авторским взглядом на мир.

Как можно видеть, журнальная статья и текст интернет-сообщения имеют разные задачи, ориентированы на разный читательский контингент, который выделяет для их прочтения разное время, реализует разный уровень сосредоточенности.

Общее у этих текстов — познавательная направленность. Но если журнальный или газетный публицистический текст несёт серьёзный воспитательный потенциал, то текст интернет-сообщения по сути своей информативно-развлекательный. В. Ф. Олешко называет такие сообщения «журналистикой факта», поскольку событие подаётся в реальном времени, что невозможно для журнально-газетной продукции [7].

Всё это позволяет прийти к мнению, что газеты и журналы уже разделили с интернетом круг обязанностей точно так же, как центральные СМИ разделили объекты интереса со СМИ местными, региональными по географическому охвату информации и её глобальности.

Получается, что активизация интернет-варианта СМИ не ликвидировала печатный журнал как атавизм, подобно тому, как кинематограф не ликвидировал театр, а музыка в записи (онлайн) — оперу, эстраду, симфонические концерты (офлайн). У них разный образный ряд, зависящий от осознания собравшимися своей социальной идентичности при коллективном восприятии живого творческого процесса.

Попытаемся описать то, как взаимодействует математически и технически одарённый подросток с детско-юношеским журналом, цель которого — мотивировать к поступлению в инженерный вуз, к выбору инженерной профессии, востребованной в регионе.

Такие подростки ещё в школе объединяются в группы по техническим интересам: в квантумы (технические кружки) технопарков, центры развития одарённости и пр. формы дополнительного образования. Этот контингент готов читать о детско-юношеских технических конкурсах, проектах,

которые там выставляются школьниками, о выдающихся российских инженерах, которые сумели вывести Россию на уровень экономически развитых европейских держав. Причём, соблюдая региональный статус, журнал говорит о знаковых личностях Кубани. Это, например, инженер Н. П. Петров, который первым проложил железную дорогу в горах Северного Кавказа, разработал принцип туннелей-улиток для первых русских паровозов, первым в мире создал тормозную жидкость, обезопасившую движение по рельсам [2]. Также это знаменитый инженер В. Г. Шухов, начавший инженерную деятельность на Северном Кавказе [3]. Такую мотивацию к поступлению в технический вуз можно создать только средствами специализированного журнала.

Заключение. Таким образом, литературная регионалистика, нашедшая своё воплощение в данном случае в детско-юношеских журналах, реализует лучшие традиции российской журналистики: формирует патриотизм, создаёт менталитетные особенности будущего инженера как творческой личности, мотивирует к практической деятельности по развитию творческих способностей, рисует картину увлекательной жизни в науке, создавая тем самым ценностные установки на будущее, связанные с наукой, с реализацией себя в своём регионе.

Список литературы

1. Булычева Е. А., Рысаев И. И. Тематическое и стилистическое своеобразие православной журналистики (на материале религиозной региональной прессы Удмуртии) // Региональная журналистика в фокусе времени: Сб. научных статей / Отв. ред. Д.А. Ефремов — Ижевск : Удмуртский университет, 2022. — С. 37–47. ISBN 978-5-4312-1085-3.
2. Гордиенко О. А. Николай Павлович Петров — инженер в ранге генерала // Технопарк открытий. — 2022. — №2. — С. 33–39.
3. Гордиенко О. А. «Русский Леонардо» и «русский Эдисон», «первый инженер России» и «человек-фабрика» — инженер В.Г. Шухов // Технопарк открытий. — 2021. — №3. — С. 33–40.
4. Желтова, Н. Ю. Литературная регионалистика : курс лекций / Н. Ю. Желтова ; Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина. — Тамбов : Издательский дом «Державинский», 2021. — 151 с. — ISBN 978-5-00078-536-2.
5. Кирпичёк П. Н. Медиа региона в условиях рынка: проблемы контента и формата // Региональная журналистика в фокусе времени: Сб. научных статей / Отв. ред. Д. А. Ефремов. — Ижевск : Удмуртский университет, 2022 — С. 129–139. — ISBN 978-5-4312-1085-3.
6. Наливайко Ю. Ю. Жанровая типология новостных материалов СМИ в месседжере Телеграм // Донецкие чтения 2023: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: Том 4. Филологические науки. Часть I: Материалы VIII Междунар. научн. конф. — Донецк: Изд-во ДонГУ, 2023. — С. 365–367. — ISSN 2664-7362.
7. Олешко В. Ф. Региональная журналистика: современные тенденции и вызовы // СМИ и общество. — 2012. — С. 55–67.
8. Осадник М. С. Спортивный сегмент кубанских МАСС-МЕДИА в контексте процессов регионализации СМИ // Вестник ВГУ. — Серия: Филология. Журналистика. — 2009. — №1. — С. 167–170.

АНТРОПОНИМИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ГОДОНИМОВ СТАРОГО ОСКОЛА

Шубина Н. Г., канд. филол. наук, доц., ORCID 0000-0003-4736-3370

Зубахина А. А.

Старооскольский филиал ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет», г. Старый Оскол, Белгородская обл., РФ
shubinang@yandex.ru

Введение. Актуальность изучения годонимов — названий улиц, площадей, переулков — обусловлена тем, что они дают ценную информацию об исторических и культурно-традиционных аспектах региона. В то же время годоним как элемент топонимикона региона представляет определенный интерес и для лингвистов, позволяя проанализировать мотивационные основы использования антропонимов, функционирующих как наименования городских объектов.

Часто в основе годонима, представленного на карте города, лежит фамилия, выбор которой обусловлен экстралингвистическими причинами. Материалом для нашего исследования послужили годонимы Старого Оскола, образованные на основе фамилий.

Цель исследования — лингворегионоведческое описание годонимов г. Старый Оскол, образованных на основе фамилий.

Основная часть. Названия улиц — годонимы — являются важнейшим элементом карты любого города. Одни названия улиц, площадей позволяют увидеть историю городов глазами далеких предков [2]. Другие годонимы представлены именами людей, чья жизнь неразрывно связана с созидательной деятельностью на благо города, региона или страны в целом. Фамилии известных исторических личностей, писателей, деятелей культуры и искусства, героев боевых или трудовых становятся антропонимической основой для создания годонимов.

На карте города Старый Оскол мы также встречаем связанные с различными фамилиями наименования не только улиц, переулков или проспектов, но и микрорайонов. Например, улицы Бутовой, Богдана Хмельницкого, Пушкина, Белинского, Прядченко, Ерошенко, Зои Космодемьянской; переулки Дзержинского, Гагарина, проспекты Алексея Угарова, Николая Шевченко; микрорайоны Буденного, Конева, Ольминского и многие другие. Остановимся на некоторых годонимах Старого Оскола.

Улица Б. Хмельницкого, получившая название в честь гетмана Войска Запорожского, военного и политического деятеля, организатора восстания украинского народа против Речи Посполитой, появилась на карте города в 1954 г. в связи с 300-летним юбилеем воссоединения Украины с Россией.

Улица Белинского. Влияние русского писателя, литературного критика и публициста В. Г. Белинского на русскую литературу середины XIX века было неоспоримо велико: выступив учителем и руководителем молодого поколения писателей 40-х годов XIX века, он predetermined дальнейшее развитие русской литературы как общественной силы.

Улица Ерошенко. Василий Ерошенко родился 31 декабря 1889 года (по новому стилю 12 января 1890 года) в селе Обуховка Курской губернии, в крестьянской семье и в четырехлетнем возрасте полностью потерял зрение, но благодаря природным талантам и стремлению познать свои возможности стал человеком мира. В 1908 году после окончания обучения в Московской школе для слепых детей Ерошенко начинает работать в оркестре слепых в Москве и изучать эсперанто — язык, позволивший ему в последствие самостоятельно путешествовать по разным странам. Взаимодействие с английскими эсперантистами помогло Василию Ерошенко отправиться в Англию для обучения в Королевском институте для слепых и Музыкальной академии для слепых. Однако по прошествии двух месяцев молодой человек покинул институт и посвятил полгода самообразованию в Лондоне [1]. Затем, через Париж, он вернулся в Москву, вновь присоединился к оркестру и приступил к изучению японского языка. «В 1914 году Василий Ерошенко отправился в Японию, где с помощью местных эсперантистов поступил в Токийскую школу для слепых. Уже через полтора года пребывания в Японии он начал читать лекции на политические темы и писать сказки и новеллы на японском языке» [1], опубликованные в токийских журналах. По возвращении в Россию Василий Ерошенко внес значительный вклад в развитие образования для незрячих детей. В декабре 1952 года, за три дня до смерти, писатель завершил свою основную книгу. Однако рукопись бесследно исчезла, а архив писателя был уничтожен по недосмотру. Несмотря на это, память о Василии Ерошенко сохраняется благодаря его вкладу в образование и культуру. Этому способствует и годоним, связанный с его именем.

Улица Зои Космодемьянской. Имя этой девушки, первой среди женщин удостоенной звания Героя Советского Союза (посмертно) во время Великой Отечественной войны, на протяжении всей второй половины XX века было известно всей стране. Зоя Анатольевна Космодемьянская, родившаяся в 1923 в Тамбовской губернии, в 1941 в составе диверсионно-разведывательной группы была заброшена в немецкий тыл (д. Петрищево). Попав в плен и приняв мученическую смерть после длительных пыток, Зоя стала одним из символов героизма советского народа в Великой Отечественной войне.

Улица Токарева. Моисей Степанович Токарев родился в 1913 года в шахтёрском посёлке Юзовка Бахмутского уезда Екатеринославской губернии (ныне город Донецк, Украина), в 1936 году окончил Харьковское военное авиационное училище [3]. Он принимал участие в советско-

финской войне и за проявленную доблесть был награждён медалью «За отвагу». Моисей Степанович с первых дней Великой Отечественной войны сражался с противником в небе, совершив более 200 успешных боевых вылетов, и был удостоен высокого звания Героя Советского Союза. 8 июля 1943 года в районе города Старый Оскол гвардии майором М. С. Токаревым в воздушном бою сбиты 4 вражеских самолёта, однако сам летчик получил ранения. После посадки самолёта в зоне расположения танковой части он смог выбраться из кабины и умер. Старооскольцы помнят о подвиге М. С. Токарева, назвав одну из улиц города его именем.

Приведенные топонимы можно объединить под общим названием антропонимы, они связаны с разными историческими периодами развития нашего государства и самого города Старый Оскол и, выполняя номинативную функцию, сохраняют ту историко-культурную связь современного города с предшествующими поколениями, которая так необходима для понимания своего места и значения каждому человеку как представителю нации.

Заключение. В целом, топонимы, отражая историю развития города и страны, несут информацию о людях. В Старом Осколе выбор топонима определен следующими особенностями: 1) в городе хранят память о героях войн, о замечательных людях, так или иначе связанных с историей города и страны; 2) социально-общественные события и явления становятся базой для создания топонима.

Таким образом, изучение имен собственных на карте Старого Оскола способствует более глубокой связи наших современников с их культурно-историческими корнями, что формирует у человека чувство идентичности с городом и его людьми. Топонимы на основе фамилий являются важной частью топонимической системы и помогают нам лучше понимать историю и культуру нашей страны.

Список литературы

1. Аникеев, С. Русский писатель и мыслитель В. Ерошенко. Его открытие для российских читателей / С. Аникеев // Известия Восточного института Дальневосточного государственного университета. — 2006. — №13. — С. 167-180. — URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=9463196> (дата обращения: 30.08.2024) — EDN: [HZCECT](#)
2. Егорова, Л.В. К вопросу изучения топонимов в современной парадигме лингвистических исследований / Л.В. Егорова // Вестник Чувашского университета. — 2018. — № 2. — С. 224–233. — URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=35123012> (дата обращения: 29.08.2024) — EDN: [XQWUYP](#).
3. [Трокаев, А. А.](#) Герои пламенных лет: очерки о Героях Советского Союза — уроженцах Донецкой области / А.А. Трокаев. — Донецк: Донбасс, 1985. — 575 с.

Лингвистика войны: перспективы научного исследования языкового пространства военных конфликтов

УДК 81'33

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ПРИЁМЫ ПУБЛИЧНОГО ОПРАВДАНИЯ ТЕРРОРИЗМА В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАЦИОННОЙ ВОЙНЫ НА ДОНБАССЕ

Боговая О. Ф., ORCID 0009-0001-8385-0371,
Косяк Е. Л., канд. юрид. наук, ORCID 0009-0000-4121-8637
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
antosya72@rambler.ru

Агрессивная война, ведущаяся государством Украина с апреля 2014 года против Донецкой Народной Республики и перешедшая с 22 февраля 2022 года в фазу вооружённого противостояния между Российской Федерацией и Украиной, является новым типом войны, не имеющим прямых аналогов в практике межгосударственных военных конфликтов.

Инспирированный спецслужбами западных государств государственный переворот на Украине, имевший место в ноябре 2013 — феврале 2014 года, в апреле-мае 2014 года переродился в вооружённое противостояние между украинским государственным аппаратом, управляемым пришедшими к власти представителями националистических кругов, открыто придерживающимися террористической идеологии, с одной стороны и населением Донбасса, не поддержавшим данный государственный переворот — с другой. Данное вооружённое противостояние, имевшее до 22 февраля 2022 года с юридической точки зрения характер внутригосударственного конфликта, с указанной даты приобрело характер межгосударственного вооружённого конфликта.

Идеологической основой конфликта со стороны Украины является оправдание откровенно террористических методов сохранения так называемой «территориальной целостности» государства Украина «в рамках международно-признанных границ», существовавших до 16 марта 2014 года, то есть до проведения Референдума о статусе Крыма.

Не подлежит обсуждению, на наш взгляд, и тот факт, что война в собственном смысле данного понятия сопровождается войной информационной и психологической. Последнюю можно определить как процесс противоборства человеческих общностей, направленный на достижение политических, экономических, военных или иных целей **стратегического уровня, путём воздействия на гражданское население,**

власти и (или) **вооружённые силы** противостоящей стороны, посредством распространения специально отобранной и подготовленной информации, информационных материалов, и, противодействия таким воздействиям на собственную сторону [1].

Приёмами ведения информационно-психологической войны являются представление информации в выгодном для себя ключе или вброс дезинформации. Под предоставлением информации в выгодном для себя ключе применительно к информационно-психологической войне, ведущейся Украиной против Российской Федерации, является оправдание террористической идеологии как основы воспитания военнослужащих вооружённых сил Украины (далее по тексту — ВСУ) и иных вооружённых формирований Украины.

Согласно примечанию к ст. 205.2 УК РФ, под публичным оправданием терроризма понимается публичное заявление о признании идеологии и практики терроризма правильными, нуждающимися в поддержке и подражании.

В соответствии с позицией Л. М. Голикова, ключевым моментом в оправдании терроризма является оценочная категория, которая выражается в наименованиях «правильный» и «нуждающийся в поддержке и подражании» [2].

Наименование «правильный» можно оценивать по критериям нормативности и утилитарности.

В нормативном аспекте понятие «правильный» означает «соответствующий установленному порядку, требованиям».

Примером нормативного оправдания терроризма является высказывание начальника главного управления разведки министерства обороны Украины К. А. Буданова от 08 мая 2023 года «Мы убивали и будем убивать русских в любой точке мира до полной победы Украины» [3]. Данное высказывание, исходящее от представителя власти Украины, фактически легализует совершение убийств по национальному признаку (в отношении русских), где бы такие убийства не совершались.

Утилитарный аспект понятия правильности означает «соответствующий действительным потребностям, приводящий к нужным результатам». То есть, осуществление террористической деятельности признаётся полезным и необходимым.

Примером утилитарного оправдания терроризма является высказывание украинского посла в Казахстане П. Ю. Врублевского от 22 августа 2022 года «Стараяемся убивать их как можно больше. Чем больше мы убьём русских сейчас, тем меньше придётся убивать нашим детям» [4]. В данном высказывании осуществление террористической деятельности в отношении русских признаётся полезным через призму якобы благополучия будущих поколений украинцев.

Приведенными способами речевому действию оправдания терроризма, нацеленному на психоэмоциональную и интеллектуальную сферы воспринимающего, придаётся характер убеждения в правильности и в пользу террористической деятельности.

В пропозициональное содержание речевого действия оправдания терроризма входят описание насильственного действия, направленного на принуждение и подавление воли (убийство), устрашение адресата (в данном случае — русских), преследующие политические цели.

Важным компонентом оправдания терроризма как речевого действия является также эмоциональный аспект, который содержит апелляцию к чувствам.

Примером является высказывание народного депутата Украины А. А. Гончаренко «Скажу просто: кто убивает русских и является нашим союзником. И мы им должны помогать. Будет ли это акула в Египте, мигрант-дальнобойщик в Волгограде или туареги в Мали. Всё равно» [5].

Таким образом, набор лингвистических приёмов убеждения, которые используются при реализации речевого действия оправдания терроризма демонстрирует контаминацию речевых стратегий уговаривания и устрашения, которые являются традиционными для конфликтных текстов.

Список литературы

1. Манойло А.В. Информационно-психологическая война: факторы, определяющие формат современного вооруженного конфликта /Манойло А.В.//Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). — 2021. — №1. — ISSN 2224-0209. — URL <https://cyberleninka.ru/article/n/informatsionnaya-voyna-i-novaya-politicheskaya-realnost-i/viewer> (дата обращения 10 сентября 2024).
2. Голиков Л.М. Оправдание терроризма как речевое действие / Голиков Л.М. // Вестник Череповецкого государственного университета. Сер. Филологические науки. — 2017. — №1. — С. 106–112 — ISBN 978-5-94991-423-6.
3. В НАТО советовали Украине «убивать как можно больше русских»/Некрасова А.//Информационное агентство «ANNA-NEWS/info». — 13.06.2023. — URL <https://anna-news.info/v-nato-sovetovali-ukraine-ubivat-kak-mozhno-bolshe-russkih/> (дата обращения: 10 сентября 2024).
4. Опубликовано шокирующее признание посла Киева: Задача Украины — убить как можно больше русских/Гришин А.//Комсомольская правда. — 22.05.2022. — URL <https://www.kp.ru/daily/27434/4636183/> (дата обращения: 10 сентября 2024).
5. «Кто убивает русских — тот и наш союзник» Украинский дегенерат-депутат Алексей Гончаренко сформулировал всю сущность//Карта СВО. — 29.07.2024. — URL <https://svo.pressa24.ru/29/07/2024/kto-ubivaet-russkih-tot-i-nash-sojuznikukrainskij-degenerat/> (дата обращения 11 сентября 2024).

КОННОТИРОВАНИЕ КОНЦЕПТОВ «ВОЙНА» И «МИР» В РУССКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

Евсеева М. Г., канд. филол. наук, доц., ORCID 0009-0009-2588-4379
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
m.g.evseeva@mail.ru

Введение. Фразеология представляет собой своего рода лингвосемиотический экстракт любого языка, его наиболее репрезентативную в культурном отношении составляющую. Фраземы преломляют и аккумулируют не только языковую картину мира, но и вербально выраженный менталитет носителей соответствующего языка. Именно во фраземах, по выражению выдающегося современного лингвиста Т. А. Лисициной, «раскрывается действительная природа души народа, его подлинная жизненная ментальность, незамутненная искусственными преобразованиями сознательных усилий человеческого разума» [21, с. 93].

Основная часть. Фраземы представляют собой инструментарий человеческого миропознания, в них аккумулируются, хранятся и репродуцируются человеческие эмоции, оценки, состояния, в них предельно точно преломляется этнокультурная уникальность живого языка, так как именно фраземы чаще всего являются носителями информации об этноспецифических аспектах интерпретации реальности. В языковой системе фраземы имеют предельную значимость в силу присущего лишь им выразительного потенциала, распространяющегося в континууме менталитета и исторического опыта этноса-носителя.

Целью нашего исследования было выявление специфики коннотирования русских фразем с ключевыми антонимичными концептами 'война' и 'мир' при возможном привлечении семантически сопряженных концептов. Второй концепт очевидным образом берётся в значении «отсутствие ссоры, вражды, несогласия, войны; лад, согласие, единодушие, приязнь, дружба, доброжелательство; тишина, покой, спокойствие» (так это выглядит у Даля).

Оба искомым концепта являются семантическими универсалиями в трактовке Анны Вежбицкой, соответственно представляется правомерным ожидание обнаружить их во фразеологии практически любого современного языка и во фразеологической картине мира практически любого этноса и народа. Поскольку нас интересовала исключительно устоявшаяся, кодифицированная фразеология, наблюдение было осуществлено на материале словника наиболее репрезентативного на сегодняшний день фразеологического словаря русского и украинского языка. Это был «Фразеологический словарь русского литературного языка» Александра Ильича Фёдорова (около 13 000 фразеологических единиц).

Коннотирование концепта 'война' в русской фразеологии можно охарактеризовать следующим образом.

Оценочный компонент коннотации фразем с данным концептом в качестве ключевого практически всегда отрицателен, либо нейтрально-отрицателен в зависимости от контекста, как в первом из следующих примеров: **Война всё спишет** 'Во время тяжёлых испытаний, которые вызваны войной, непродуманные поступки, ошибки, промахи в каких-либо повседневных делах не считаются серьёзными'. **Война ходит по кому, по ком** 'Болят, ноют старые раны, полученные на войне'. **Холодная война** 'Враждебно-агрессивная политика государств в условиях официального мира'.

Это же относится и к большинству семантически сопряжённых концептов: **Аника-воин** 'Хвастающий своей силой, задира, драчун'. **Пороховая бочка** 'Взрывоопасная ситуация, обстановка'. **Бряцать оружием** 'Интенсивно готовиться к войне'. **Не нюхать пороху (пороха)** 'Не быть на войне; не испытать военных тягот, лишений'. **Пахнет порохом** 'Близится, назревает война'. **Поднимать (поднять) на воздух что** 'Взрывать что-либо'.

В отдельных случаях оценочный компонент коннотации фразем данной группы амбивалентен в зависимости от лексического значения.

Крестовый поход 'война за веру' — положительная оценочная коннотация; 'кампания против кого-либо или чего-либо' — отрицательная оценочная коннотация.

Возможна и положительная оценочная коннотация, но, на наш взгляд, лишь в контексте глубокой историчности денотата.

Поле чести 'Место сражения; военное поприще'

Спектр эмоционально-экспрессивного коннотирования данной группы фразем несколько разнообразнее. Экспрессивны они абсолютно все. Эмоциональная же вариативность выглядит следующим образом. Количественно преобладает, ожидаемым образом, эмоциональная окрашенность напряженности, тревоги эксплицитной, как в первой группе примеров, либо имплицитной, как во втором случае.

1. **Холодная война, пороховая бочка, бряцать оружием, не нюхать пороху, пахнет порохом, поднимать на воздух.**

2. **Война всё спишет.**

Второй по частотности выступает ирония, присутствующая непосредственно в виде словарной пометы: **война ходит, Аника-воин, крестовый поход** в значении 'кампания против кого-либо или чего-либо' *Он вдруг затосковал о сигарете, против которой при личном его участии вели в институте крестовый поход (А. Ильин. Частный случай с историком Филёвым).*

В отдельных случаях встречается эмоциональная коннотация, которую нам представляется наиболее точным охарактеризовать как пафос.

И во всех подобных случаях фразема является сугубо книжной и характеризуется предельной временной отстраненностью денотата: **Крестовый поход** ‘война за веру’, **поле чести**.

Переходим к русским фраземам с ключевым концептом ‘мир’ в значении «отсутствие ссоры, вражды, несогласия, войны; лад, согласие, единодушие, приязнь, дружба, доброжелательство; тишина, покой, спокойствие». Их коннотирование в целом единообразно и предсказуемо.

Оценочная коннотация положительна абсолютно во всех случаях.

Вечный мир ‘Долгосрочное дипломатическое перемирие’.

С миром ‘Без порицания, наказания (отпускать, оставлять, уходить и т. п.)’

А также различные вариации пожелания благополучия, покоя либо того и другого: **Мир честной компании! И мир ему! Мир тебе в селении праведных! Мир да любовь!** (пожелание молодоженам)? **Мир миру! Мир праху.**

Эмоциональная коннотация всей данной группы фразем может быть охарактеризована как доброжелательность, в последнем случае не вполне вытесняющей её, но доминирующей выступает скорбь.

Заключение. Таким образом, можно сделать вывод, что концепт ‘мир’ в русской фразеологической картине мира имеет ожидаемые и очевидные коннотации. Концепт же ‘война’ и группа семантически сопряженных концептов характеризуются отрицательной оценочностью, выраженной экспрессивностью и эмоциональной окрашенностью тревоги, напряженности либо иронии. В трактовке, на наш взгляд, нуждается последняя коннотация, как неочевидная. Позволим себе трактовать её следующим образом. Большое и сильное государство вынуждено периодически вести войны в целях защиты своих геополитических интересов. Соответственно, народ такого государства, не будучи воинственным по природе, в течение столетий своей истории вырабатывает своего рода защитную реакцию на тягостные реалии войны в виде иронии, что и находит отражение во фразеологической картине мира этого народа.

Информация о финансовой поддержке: *Исследование проводилось по теме государственного задания «Структурно-функциональные параметры существования и развития русского языка XX-XXI столетий в его региолектном и общезыковом аспектах» (№ госрегистрации НИОКТР 124051400024-1).*

Список литературы

1. Виноградов В.В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. – М.: Наука, 1977. – 272 с.
2. Вомперский В.П. Возвращение к истокам // Русская речь. – 1991. – №2. – С. 42-44.
3. Лисицина, Т. А. Русские паремии сакрального круга (фрагмент лингвокультурологии) / Т. А. Лисицина // Материалы Всероссийской научной конференции «Фразеология на

- рубеже веков: достижения, проблемы, перспективы» / Фразеология-2000. — Тула, 2000. — С. 93–98
4. Маслова, В. А. Лингвокультурология : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / В. А. Маслова. — Москва : Издательский центр «Академия», 2001. — 208с
 5. Солодуб Ю.П. Русская фразеология как объект сопоставительного структурно-типологического исследования (на материале фразеологизмов со значением качественной оценки лица): Автореф. дис. докт. филолог, наук. — М., 1985.— 140 с.
 6. Шанский Н.М. Фразеология современного русского языка. — М.: Высшаяшкола, 1985. — 192 с.
 7. Фразеологический словарь русского языка / Сост. Л.А. Воинова. — М., 1978. — 543 с.

УДК 81'272

К ИНВАРИАНТНОЙ ХАРАКТЕРИСТИКЕ МИЛИТАРНОГО ДИСКУРСА

Епифанова Т. В.

ФГБОУ ВО «Луганский государственный педагогический университет», г. Луганск, РФ
epifanova-tat@mail.ru

Введение. Современные социокультурное, политическое, медийное пространства диктуют вынужденное обращение к системному анализу военного (варианты: военного, милитаристского, военно-политического) дискурса, текстовый массив которого в последние 10–15 лет многократно увеличился. Исследовательское поле, сформированное вокруг изучения военного дискурса, обширно: делается акцент на рассмотрении военной метафорики и лексико-концептуального уровня военных текстов (Е. В. Долгова, Р. Д. Керимов, В. Е. Крышталева, В. А. Режина); в сравнительно-историческом аспекте анализируются типологические характеристики военного дискурса на материале различных языков (А. С. Алямкина, С. И. Дубинин, Н. А. Панферова); изучается интердискурсивный характер военных текстов (взаимосвязи с экономическим, политическим, массмедийным, религиозным дискурсами) (А. А. Савченко, Е. Ю. Скворцова).

Несмотря на усиленное внимание к феномену военного дискурса, его сущностные (инвариантные, неизменные) характеристики в трудах лингвистов достаточно произвольны и субъективны. Попытки дефиниции находим в авторитетных исследованиях А. В. Олянича, А. В. Уланова, Ю. Н. Сдобновой, однако предложенные определения не коррелируют, поэтому возникает необходимость системного обзора инвариантных характеристик военного дискурса, что и составляет нашу цель.

Основная часть. В современной науке военный дискурс понимается как «особый вид речевой организации картины мира

военнослужащих» [4, с. 3], что приводит к неполноте спектра интерпретации явления: в орбиту военной дискурсивной картины мира входят представители СМИ, политики, военные аналитики, что, с одной стороны, расширяет и усложняет границы анализа военного дискурса и, с другой стороны, создаёт условие для интердискурсивности. Это позволяет согласиться с суждением Ю.Н. Сдобновой, что военный дискурс — это речепроизводство всех связанных с Вооруженными Силами субъектов, причём «в совокупности всех коммуникативных реализаций и в единстве с социокультурными, прагматическими, психологическими факторами» [1, с. 15]. Интердискурсивный характер военного дискурса вынуждает уточнить в целом правильную и полную концепцию, предложенную Т. Н. Хомутовой и К. А. Наумовой: в военном дискурсе они объединяют военный и военно-политический типы, которые, в свою очередь, входят в состав более крупного образования — политического дискурса; это позволяет исследователям заключить, что военно-политический дискурс — это **дискурс о войне и для войны** с акцентом на политический компонент [6, с. 52]. Очевидно, Т. Н. Хомутова и К. А. Наумова предлагают разграничивать военный дискурс (жёстко регламентированный, функционирующий только в среде военных) и военно-политический дискурс (расширяющий поле участников, средства экспликации, круг источников и т. д.), однако подобное разделение чревато вынужденным обособлением военного дискурса от массмедийного, экономического, художественного, религиозного типов дискурса, что в нынешних условиях культурной глобализации невозможно. Но в самом определении (отчасти афористическом) — «дискурс о войне и для войны» — заложено осознание интердискурсивного начала военного дискурса.

Таким образом, фактор институционализации военного дискурса — это не только среда военнослужащих, а вообще **военная среда и контекст вербализации и интерпретации военной проблематики**. Пространство новейших дискурсивных практик, по убеждению Л. Н. Синельниковой, связано с такими свойствами текста, как поликодовость, гибридность, гипертекстуальность, мультимодальность [2, с. 230], что позволяет говорить о «языковой открытости» военных текстов (особенно в средствах массовой информации и художественных произведениях), усиленной элокутивности (т. е. наличии в текстах / речи тропов и стилистических фигур), преодолении стандартизации и запрета на выражение личностного начала, экспрессии. Военный дискурс гетерогенен и зависит от речевых практик участников коммуникации «о войне и для войны»: собственно военных, политиков, журналистов, публицистов, военных корреспондентов, блогеров, писателей и т. д.

Цель военного дискурса тоже неоднозначна. Исследователи склонны считать инициацию военных действий и обоснование их необходимости, а также информирование населения о ходе войны и

формирование общественного мнения ведущими целями военного дискурса (см.: [5, с. 69]). Представляется, что цель военного дискурса масштабнее: это и формирование новой идеологии, закрепляющей в сознании вынужденность военных действий ради достижения мира и сохранения государственности; и расширение картины мира, в котором концептуализация войны позволяет осознать ценность мира и Родины; и усиление патриотических настроений. Ценностные ориентиры военного дискурса вовсе не связаны с принятием войны, а направлены на защиту государственного суверенитета, традиционных ценностей, своеобразия цивилизационного типа и культуры, мессианского спасения нуждающихся. Отсюда — разнообразие коммуникативных стратегий и тактик, выходящих за рамки только геополитической ситуации, обстановки на фронте, военных сводок. Военный дискурс призван сформировать новую модель понимания человека и государства в мире.

Собственно текстуальные особенности военного дискурса разнообразны ввиду взаимодействия с различными сферами коммуникации. Вслед за А. В. Улановым и А. В. Оляничем назовём инвариантные характеристики: связность текста, военно-фактологическая информативность, процессуальность, апелляция к «чужому слову» и прецедентным источникам, динамика языковых средств [3, с. 165; 4, с. 3]. К новым характеристикам следует отнести элокутивность, полистилистику (выход за рамки военной терминосферы и фразеологии), языковую креативность, поликодовость в контексте цифровой среды.

Заключение. Итак, военный дискурс — это интердискурсивная когнитивно-коммуникативная система, которая включает в себя совокупность устных и письменных текстов о войне, обслуживающих все сферы военной коммуникации в соответствии с прагматическими стратегиями и тактиками освещения военных событий и репрезентации новой картины мира. К инвариантным характеристикам военного дискурса можно отнести соотнесённость коммуникации с военной ситуацией, военный хронотоп, интерсубъективность, вызванную актуальной информативностью, метафоризацией, идеологичностью, авторитетностью источников. Военный дискурс XXI века гетерогенен и «открыт» языковым инновациям (словообразовательным, морфологическим, элокутивным).

Список литературы

1. Сдобнова, Ю. Н. Лингвистическое отображение современных социальных тенденций в институциональном дискурсе Вооруженных Сил Франции : автореферат дисс. ... канд. филол. наук — 10.02.05 «Романские языки»/ Сдобнова Юлия Николаевна. — Москва, 2014. — 24 с.
2. Синельникова, Л. Н. Научный дискурс в контексте цифровой гуманитаристики / Л. Н. Синельникова // Пандемия-22: преподавание, анализ, дискурс в естественном

- многообразии иностранных языков. Т. 1.: монография / кол. авторов. — М.: РУСАЙНС, 2022. — 226–236.
3. Олянич, А. В. Милитарный (военный) дискурс / А. В. Олянич // Дискурс-Пи. — 2015. № 15. — С. 165–167.
 4. Уланов, А. В. Русский военный дискурс XIX — начала XX века: структура, специфика, эволюция: автореферат дисс. ... д-ра филол. наук — 10.02.01 «Русский язык» / Уланов Андрей Владимирович. — Омск, 2014. — 22 с.
 5. Ульянова, У. А. Комбинаторно-семантический анализ милитарных коллокаций в военно-политическом дискурсе / У. А. Ульянова // Вестник Томского государственного педагогического университета. — 2022. — № 3(221). — С. 67–74.
 6. Хомутова, Т. Н., Наумова, К. А. Военно-политический дискурс как особый тип дискурса / Т. Н. Хомутова, К. А. Наумова // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. — № 14(3). — 2017. — С. 49–53.

УДК 81.1

ДИСКРЕДИТАЦИЯ КАК КОММУНИКАТИВНАЯ СТРАТЕГИЯ

Кайдаш М. А.

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
mikhail.kaydash.dn@gmail.com

Введение. В настоящее время отсутствует унифицированный подход к рассмотрению дискредитации как коммуникативной стратегии, её характеристик и отличительных черт. Вместе с тем, с ростом популярности понятия «когнитивная война» и «когнитивное противоборство», наблюдается повышенный интерес к прагматическому значению понятия дискредитации.

Цель — изучение дискредитации как коммуникативной стратегии, применяющейся в современном мире как средство когнитивного противостояния.

Основная часть. Проблема дискредитации как речевой стратегии не является для лингвистики новой, но в связи со сложностью исследования политического и публицистического дискурсов, быстротой происходящих в нём изменений и растущей важностью исследования дискредитации как средства когнитивной войны, она требует повышенного внимания. Дискредитация — коммуникативная стратегия, противоречащая прагматическим принципам кооперации и вежливости Браун-Левинсона, поскольку ущемляет достоинство объекта дискредитации, вступающая в противоречие с общепринятым этикетом и лингвокультурной традицией.

В. Е. Чернявская отмечает, что термин «коммуникативная стратегия» обозначает своего рода «план по оптимальному воплощению определенного коммуникативного намерения отправителя сообщения; план, который

регулирует 1) содержание / тему информации, закладываемой им в текст; 2) тот коммуникативный эффект (реакцию адресата), к достижению которого он стремится; 3) выбор и комбинирование языковых средств, обеспечивающих речевое формулирование задуманных целей высказывания» [90, с.33].

Некоторые исследователи, в частности, О. С. Иссерс, О. Н. Паршина и Е. И. Шейгал правомерно рассматривают дискредитацию как отдельную стратегию [1][2][5]. В самом деле, дискредитация имеет дискурсивные целевые установки, требующие такого речевого поведения, которое ориентировано на перманентную противоборство, завоевание и удержание доверия аудитории. Стратегия дискредитации может быть рассмотрена в рамках глобальной стратегии в области речевого воздействия, которую можно обозначить как «игру на понижение», “downplay” по Ч. Ларсену [7]. Здесь же, однако, считаем необходимым расширить взгляд на феномен дискредитации как коммуникативной стратегии.

Дискредитацию следует рассматривать в рамках дихотомии «свой-чужой», где «свой» — это субъект, его идеи, его сторонники, а «чужой» — это оппонент, объект дискредитации, его идеи, его сторонники. Учёт этой дихотомии, создание групп «врагов» через дискредитацию и «друзей» через аттракцию, самоидентификация с группой «своих» — известный прием когнитивной борьбы. В публичном выступлении «своё» и «чужое» всегда аксиологично маркировано.

Феномен дискредитации характерен не только для политической риторики, но и для иных сфер речевой культуры реального и виртуального пространства. В лингвистике дискредитацию рассматривают и как одну из составляющих речевой агрессии — сферы «речевого поведения, которая мотивирована агрессивным состоянием говорящего» [6, с. 12]. По мнению Н. Е. Петровой и др. «коммуникативная (речевая) стратегия дискредитации «относится к разновидности конфликтных некооперативных речевых стратегий (конфронтации), призванных нанести материальный, моральный (репутационный) или психологический ущерб адресату или объекту речевого воздействия, и в этом плане она рассматривается как речевой акт вербальной агрессии» [3, с.21]

В речи стратегия дискредитации реализуется с помощью тактик обращения к эмоциям, чувствам и ценностям, критики и оскорбления, а на лексическом уровне характеризуется высоким уровнем экспрессивности и использованием эмоциональной лексики.

Заключение. Таким образом, дискредитация как коммуникативная стратегия — это набор тактик и речевых средств, использующихся для реализации коммуникативного намерения очернения, создания негативного образа объекта дискредитации. Дискредитация часто отличается экспрессивностью, использованием эмоциональной лексики, апелляцией к эмоциям, чувствам, ценностям, а также часто бывает сопряжена с

манипуляцией, подтасовкой фактов. Именно прагматическое создание негативного эмоционально-чувственного фона у реципиента по отношению к объекту дискредитации является управляющим модусом дискредитации как коммуникативной стратегии.

Информация о финансовой поддержке: *Исследование проводилось по теме государственного задания «Структурно-функциональные параметры существования и развития русского языка XX-XXI столетий в его региолектном и общезыковом аспектах» (№ госрегистрации НИОКТР 124051400024-1).*

Список литературы

1. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. – Омск.: Изд-во Омск. гос. ун-та, 1999. – 284 с.
2. Паршина О.Н. Стратегии и тактики речевого поведения современной политической элиты России : монография / О. Н. Паршина; под ред. О. Б. Сиротининой; Астрах. гос. техн. ун-т. – Астрахань: Изд-во АГТУ, 2004. – 195 с.
3. Петрова Н.Е., Рацибурская Л.В. Язык современных СМИ: средства речевой агрессии: учеб. пособие. – М.: Флинта; Наука, 2011. – 160 с.
4. Чернявская В.Е. Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия. – М.: Флинта: Наука, 2006. – 136 с.
5. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. Дис... док. филол. наук. – Волгоград, 2000. – 431 с.
6. Щербинина Ю.В. Речевая агрессия: Территория вражды. – М.: Форум, 2013. – 400 с.
7. Larson Ch.U. Persuasion: reception and responsibility. – Wadsworth Publishing Company. Belmont, Ca, 1995. – 449 p.

УДК 811.161.1

ИМЕНА СОБСТВЕННЫЕ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ КАК ИМИДЖЕВЫЙ РЕСУРС

Соснина Л. В., д-р филол. наук, доц., ORCID 0000-0002-9823-5152
ФГБОУ ВО «Донецкий национальный технический университет»
г. Донецк, РФ
ludmilasosnina@gmail.com

Введение. Изучение языка войны находится в фокусе внимания многих современных ученых-лингвистов и представляет собой перспективное направление исследований. Обращение к языку специальной военной операции позволяет изучить особенности медиакоммуникационной агрессии, которая трактуется как набор лексических средств негативной оценки для выражения неприязненного или враждебного отношения. **Целью** работы является анализ и

классификация употреблений фамилии Президента Украины Владимира Зеленского. Полагаем, что данная работа позволит определить основные тенденции формирования негативного имиджа заявленного лица.

Основная часть. Необходимость всестороннего изучения языка войны считает приоритетным В. И. Теркулов, который определяет свои задачи как «многомерное, объёмное изучение и описание лексикона, тезауруса и прагматикона войны, представленных в текстах разных типов, отражающих её видение всеми участниками конфликта» [5, с. 863]. В современном политическом дискурсе специальную военную операцию все чаще называют «революцией смыслов», но исследователи настаивают на том, что спецоперация относится к числу «гибридных войн XXI столетия, которые подразумевают не столько противостояние на театре боевых действий, сколько выполнение целого ряда сопутствующих задач, в т.ч. формирование негативного имиджа противника, вплоть до его демонизации» [6, с. 71–72]. Здесь уместно процитировать Д. В. Соловьеву, которая исследует феномен вербальной агрессии и определяет ее возникновение при таких обстоятельствах, когда «не хватает аргументов, в мнимом споре начинает преобладать эмоциональная составляющая, рациональность отходит на второй план или вовсе исчезает» [3, с. 248]. Интересно проследить за особенностями реализации имен собственных в политическом дискурсе на материале популярных телеграм-каналов.

В любой языковой системе имя собственное выступает как номинативный знак, но в то же время имеет «потенции реализации скрытых коннотативных значений прецедентной ситуации, активизация которых возникает в определенных условиях контекста», то есть логично заявить, что «вторичная семантизация происходит при определенных культурно-исторических условиях» [2, с. 439]. На таких же позициях стоят и другие лингвисты, предлагающие определить аксиологическую коннотацию имени собственного как сложный компонент семантики онима, который, добавляясь к его предметно-логическому содержанию, отражает «отношение носителей языка к внутренней форме имени или к субъекту/объекту номинации, получившему широкую известность в данном языковом коллективе в определенный исторический период» [1, с.265].

Обращение к именованию Владимира Зеленского видится нам логичным и своевременным, поскольку он является одним из наиболее ярких представителей политической элиты. Напомним, что его президентской карьере предшествовала весьма успешная актерская деятельность (Квартал-95, сериал «Слуга народа»). Опираясь на данные нашей авторской картотеки, мы смогли проследить эволюцию прозвищ Зеленского, которую можно условно разделить на несколько этапов:

1) Сокращенное именование *Зе*, *Зеля* или *Зе и его команда*, например: *Вот почему Зе продолжает наносить постоянно удары по русским НПЗ* (https://t.me/ukraina_ru); *В силу заоблачной ненависти к Зе и Ко*

продолжают чего-то требовать, кого-то изобличать(<https://t.me/proofzzz>); А главной причиной неожиданной популярности **Зели** именно как политика оказалось именно то самое кино (<https://t.me/mig4>);

2) **Зелебоба** и производное **Зелебобик**, причем в отношении как самого Зеленского, так и его сподвижников, например: **Зелебоба** вынюхал всё что было и снова требует денег (<https://t.me/proofzzz>); Состояние **Зелебобы** выросло аккурат при президентстве, причем так значительно(https://t.me/belarusian_silovik); Она оценила мощную раскрутку супруги **Зелебобика** в западных СМИ и глянце (<https://t.me/proofzzz>);

3) **Клоун(верховный, кровавый, кокаиновый)**, например: Благодаря "талантливому" руководству клоуна **Зеленского**(<https://t.me/proofzzz>); Украинские солдаты, пока ещё оставшиеся в живых, могут гордиться своим **Верховным клоуном** (<https://t.me/JokerDPR>); А вот родители **кровавого клоуна** от подданства отказались (https://t.me/boris_rozhin);

4) **Кокаиниссимус** и **наркомандующий** — контаминанты, подтверждающие слухи о зависимости Зеленского от употребления кокаина, а также **наркофюрер, кокаиновый король** и т. д., например: По мнению украинского командования и **Кокаиниссимуса** (https://t.me/ukraina_ru); **Кокаиновый король 404** говорит о том что они никого "палками" на войну не загоняют (<https://t.me/CatBarmaley>);

5) Прозвище **Моника Зеленски**, «образованное в результате контаминации двух собственных имен — Моника Левински и Владимир Зеленский» [4, с.7], например: Собеседник также указал на «забавную оговорку американского телеканала C-SPAN», который ошибочно назвал Зеленского «**президентом Левински**» (https://t.me/ukraina_ru); «**Моника Зеленски**. Так уже величают украинского президента острые языки в США(https://t.me/Petya_perviy); Скандал вокруг «**Моники Зеленски**» набирает обороты (https://t.me/ukraina_ru);

6) **Просроченный** как прямое указание на истекший срок полномочий Президента, например: *Теперь на Украине не только **президент просроченный**, но и парламент* (https://t.me/belarusian_silovik); *Как того требует украинский **просроченный** президент* (<https://t.me/NeoficialniyBeZsonoV>); *Либо **Просроченный** уже не может контролировать своих шестёрок*(https://t.me/belarusian_silovik); *Заявил он на встрече с **просроченным наркоманом*** (<https://t.me/proofzzz>).

Заключение. Таким образом, проведенный анализ подтверждает высокую частоту обращений к личности Владимира Зеленского. Многочисленные употребления в телеграм-каналах указывают на способность имен собственных эксплицитировать речевую агрессию и формировать негативный имидж заявленного лица.

Список литературы

1. Крюкова И.В. Аксиологическая коннотация имени собственного: динамический аспект /И.В. Крюкова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — Тамбов: Грамота, 2019. — Том 12. — Выпуск 10. — С. 261-266.
2. Ли Яньян. Прецедентное имя и его вторичные коннотации (на материале современных СМИ) // Мир науки, культуры, образования. — 2020. — №3(82). — С. 439-441.
3. Соловьева Д.В. Семантика противостояния в лексемах современных медиатекстов / Д.В. Соловьева // Вестник Нижегородского ун-та им. Н.В. Лобачевского. — 2017. — №3. — С. 247-253.
4. Соснина Л.В. Языковые особенности военного конфликта в медийном дискурсе / Л.В.Соснина // Вестник ДонНУ. Серия Д: Филология и психология. — 2021. — №3. — С. 3-8.
5. Теркулов В.И. Лингвистика войны: тактики восприятия и воздействия /В.И. Теркулов // Журнал Сибирского федерального ун-та. Гуманитарные науки. — 2023. — Т. 16(6). — С. 862-870.
6. Шатилов А.Б. Информационное и PR-сопровождение специальной военной операции России на Украине: основные тренды и уроки первого этапа. Гуманитарные науки / А.Б. Шатилов // Вестник Финансового университета. — 2022. — Т. 12(4). — С. 71-76. DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-4-71-76

Общее, славянское и прикладное языкознание

УДК 811.161.1

НАУЧНЫЕ ОСНОВЫ РУССКОГО ПРАВОПИСАНИЯ В ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ЭТЮДАХ А. П. СУМАРОКОВА

Борисова Л. П., канд. филол. наук, доц., ORCID 0009-0001-5109-9747,

Чебоксарова Ю. А., ORCID 0009-0005-5135-9798

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ

donnuborisova@yandex.ru

Введение. В XVIII веке российская филологическая наука начинает активно развиваться. Её истоки связаны с именами известных писателей, которые пытались решать назревшие вопросы становления русского литературного языка, но не могли это сделать в полной мере по вполне объективным причинам. О писателе А. П. Сумарокове как о языкеводе сегодня почти ничего не известно, однако содержание его лингвистических статей (этюдов) позволяет установить целый ряд проблемных вопросов, в том числе по русскому правописанию, которые были актуальны в XVIII веке. Первым, кто решился реформировать кириллический алфавит, был Пётр I. Несмотря на то, что в результате проделанной под его руководством работы была затронута лишь формальная сторона языка, эта реформа имела огромное значение и вызывала много споров, которые усилились после смерти государя в 1725 году. Пути для реализации большей части поднятых вопросов, связанных с нормализацией системы русского правописания, были найдены не сразу. Важно отметить то, что размышления об этом в XVIII веке были впервые высказаны российскими «любословами». В первую очередь здесь уместно вспомнить труды В. К. Тредиаковского и М. В. Ломоносова, однако есть необходимость восполнить страницы этой истории малоизвестными именами, к которым, кроме А. П. Сумарокова, можно отнести, например, В. К. Адодурова и В. П. Светова.

Цель сообщения: обобщить содержание лингвистических статей (этюдов) А. П. Сумарокова и установить личный вклад писателя в развитие русской орфографии как науки.

Основная часть. «Лингвистические сочинения» А. П. Сумарокова были опубликованы в 1781 году. В их состав вошли очень важные для определения языковых установок автора статьи «О правописании», «Примечание о правописании», «К типографским наборщикам», «Наставление ученикам», «О истреблении чужих слов», «О коренных словах русского языка», «О происхождении российского народа», «О происхождении слова *царь*» и др. Названия статей дают нам представление о лингвистических предпочтениях автора, которого интересуют в первую

очередь не только вопросы происхождения русского языка, но и проблемы назревшей нормализации литературного языка, в том числе и в области правописания. Вступая в полемику со своим окружением (прежде всего, с М. В. Ломоносовым), в статье «Примѣчаніе о Правописаніи» А. П. Сумароков прямо указывает: *«Новаго Правописания у Россіянь никогда не было, такъ именована некая книжка, против которой я теперь пишу, Опытом Новаго нашего Правописания, не правильно»*. Содержание этих статей определяет характер критических замечаний писателя, которые были направлены: а) на правомерность изъятия вследствие Петровской реформы некоторых букв из алфавита; б) на особенности правописания некоторых слов; в) на введение новых букв в состав русского алфавита. Следует отметить, что сокращение старого алфавита в XVIII веке явилось объективным процессом, вызванным временем: с IX века многие символы кириллической азбуки для восточных славян были лишними и в восточнославянских диалектах не имели звукового соответствия. Однако А. П. Сумароков, оценивая необходимость упорядочения современного ему правописания, занимал пуристические позиции и в ряде случаев отстаивал «старину», избегая при этом каких-либо объективных лингвистических установок. Например, он высказывал несогласие с исключением из алфавита некоторых букв и по поводу буквы ОУ «укъ» и буквы V «ижица» рассуждал следующим образом (правописание автора сохраняется, см. [2]): *«Мы и литеру Икъ выкинули напрасно; ибо оно точное У, а У не писывалось ни когда прежде безъ О; и наши предки О и У выговаривали сліянно не протягая губъ. И сіе принесло нашему языку, не имѣвшему сей грубости, умалѣніе пріятности»*; *«По какому правилу убрали мы из азбуки букву V, которая есть краткое У»*. Одобряя изъятие из кириллицы буквы S «зело» (*«А что извержено S такъ оно со встѣмъ не надобно; такъ тѣ которыя ево извергли, здѣлали хорошо»*), А. П. Сумароков в то же время не понимал причины введения в новый алфавит буквы Э, которую он называл *«Противнѣйшей и мнѣ и г. Ломоносову литерой»*, *«недостойной, что бѣ о ней и говорить»*. М. В. Ломоносов действительно считал букву Э лишней и не включал её в свою азбуку. Однако против этой буквы можно было бы возражать, но только не в этот период. В древнерусском языке перед началом процесса вторичного смягчения полумягких согласных буква Е «есть» обозначала самостоятельную фонему [э] после полумягких согласных. После мягких согласных для обозначения той же фонемы употреблялась буква Ю. Эта же буква использовалась и для обозначения сочетания [йе]. После смягчения полумягких согласных буква Е стала означать [э] после мягких согласных, а буква Ю утратилось. Поэтому звук [э] без предшествующего [й] стал передаваться буквой Э, которая появилась в словах иноязычного происхождения (*эра, этика, маэстро, статуэтка* и др.).

Неоднозначное отношение было у А.П. Сумарокова к буквам *Ө* «фита», *Ф* «ферт» и *Ѣ* «кси». С одной стороны, он считал их лишними, а с другой, — необходимыми («*Ф. и Ө. ради собственныхъ именъ нужна*»). Кроме этого, А.П. Сумароков категорически не признавал букву *Ё* («*Не имеемъ мы и буквы ЁО, которая нам и не нужна; ибо мы превращаем только просторечием букву Е не сліянную в ЁО. А ежели когда она не обходима, так мы ее легко зобразить можем*»). Как известно, новая буква *Ё* в графике XVIII века была связана с появлением в русском языке особого звука, который отсутствовал в фонетической системе старославянского языка (подробнее об истории этой буквы см. [1]).

В своих размышлениях о развитии национального русского литературного языка А. П. Сумароков не только критикует многие, бесполезные, по его мнению, нововведения, но и формулирует собственный свод правил русского правописания, многие из которых были приняты и использовались на письме до начала XX века.

В «Примечании о правописании» А.П. Сумароков осознанно приходит к выводу о необходимости строгой и общеобязательной нормализации русского литературного языка в борьбе против иноязычного влияния, которое ощущалось всё больше и больше. Он предостерегал своих современников от того, что делало русский язык «готентотским», наносило ему непоправимую порчу: «*да не только портимъ, — писал он, — но уже и произношеніемъ и письмом и испортили; и есть ли не приложимъ мы труда, то нашему прекрасному языку будетъ погибель, а послѣ онъ не воскреснетъ ни когда*» [2].

Заключение. Проблемные вопросы нормализации русского литературного языка в XVIII веке были только обозначены, но не решены. В памятный список тех, кто внёс свой посильный вклад в развитие науки о русском правописании, кроме В. К. Третьяковского, М.В. Ломоносова и А. П. Сумарокова, включены также А. Д. Кантемир, Н. М. Карамзин, А. С. Шишков, А. С. Пушкин, Я. К. Грот и др. Однако отголоски многих проблем упорядочения русского письма сохранились и до нашего времени. История русской орфографии не закончена и ждёт серьёзного изучения и описания в современной лингвистической науке.

Список литературы

1. Борисова Л.П. Проблемные вопросы русского правописания: к истории буквы *Ё* / Л.П. Борисова // Матеріали наукової конференції Донецького національного університету за підсумками науково-дослідницької роботи за період 2011–2012 рр. (15 березня — 25 квітня 2013 р.) — Т. 2 — Донецьк : ДонНУ, 2013. — С. 205.
2. Лингвистические сочинения А.П. Сумарокова [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://soulibre.ru/> (дата обращения: 08.09.2024).

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ТОПОНИМОВ В РОМАНЕ Е. ВОДОЛАЗКИНА «ЛАВР»

Быкова Ю. В., ORCID 0009-0000-5454-6373

ФГОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет», г. Белгород, РФ
titania2005@mail.ru

Исследование онимов в художественном тексте уходит корнями во времена Древней Греции, сохраняя давнюю лингвистическую традицию, и остаётся актуальным в наше время. Само понятие *оним* можно определить как явление, отражающее исторические, географические и духовные особенности развития народа. Значительный пласт лексического состава языка представлен именами собственными, характерной чертой которых является наименование одного конкретного объекта, в отличие от имён нарицательных, понятийный объём которых гораздо шире.

Имена собственные в художественном тексте вводятся с целью раскрыть авторский замысел, что позволяет читателю наиболее правильно понять текст. Д. М. Федотова в своей работе отмечает, что «ономастикон художественного текста является семантико-прагматическим единством, в котором имя собственное связывает текст, авторскую идею и внетекстовую реальность» [4, с. 108].

Важным представляется изучение онимов в функциональном аспекте, поскольку в текстовом пространстве они выполняют определенные функции, прежде всего «автор использует онимы в качестве маркеров времени и места действия произведения, не прибегая к другим средствам» [4, с. 108]. Для обозначения конкретного места писатель использует топонимическую лексику. Топонимами принято называть разряд онимов; имя собственное любого географического объекта [3, с. 135]. Исследователь Р.З. Мурясов отмечает, что топонимы можно представить четырьмя группами: «гипертопонимы, макротопонимы, регионимы, микротопонимы» [2, с. 754]. В романе «Лавр» Е. Водолазкин прибегает к использованию топонимических единиц, которые выполняют номинативную функцию.

1. Гипертопонимы: *Ирландия, Австрия, Рим, Великий Океан.*
2. Макротопонимы: *Киев, Альпы, о. Крит, Руан, Белоозеро.*
3. Регионимы: *Неслухов, Запытово, Жешов, Рукина слободка.*
4. Микротопонимы: *Замок.*

Микротопонимы практически не используются автором в текстовом пространстве романа, малые географические объекты имеют нарицательные наименования, которые трудно идентифицировать в географическом пространстве.

Номинативную функцию топонимов наблюдаем в системе наименований тех географических объектов, которые составили путь главного героя. Герой прошёл через множество небольших сёл: *Никольское, Малое Закозье, Большое Закозье, Великое* [1, с. 120]; *Шортино, Кулиги, Добрилово, Загорье* [1, с. 128]. В некоторых населённых пунктах он задерживался, некоторые обходил стороной, долгое время главный герой провёл в Белозёрске, в связи с чем частотно упоминание производных лексем от топонима: белозёрцы, белозёрский, белозёрный. Также можно заметить, что город Псков, в котором герой прожил больше десяти лет, имеет несколько связанных с ним топонимов: река *Пскова* и две части, на которые делится сам город: *Запсковье, Завеличье*.

В тексте романа отмечаем функционирование гидронимов. В «Книге пути» морской способ передвижения является основным, в связи с чем продуктивно используются наименования водных географических объектов: *Великая, Двина, Днепр, Адриатическое море, Средиземное море*. Приведённые в качестве примера онимы в данном контексте выполняют исключительно номинативную функцию.

В текстовом пространстве романа есть связи между именами собственными. Например, в прологе Е. Водолазкин даёт краткое описание происходящих далее событий, говоря, что у главного героя в разное время было четыре разных имени: «У него также было два прозвища. Одно из них — *Рукинец* — отсылало к *Рукиной слободке, месту, где он появился на свет*» [1, с. 7]. В.К. Харченко и Е.М. Черникова в своей работе отмечают, что «топонимы можно считать маркерами значимости определённых событий для человека, употребление имён собственных свидетельствует о хранении в памяти человека не только факта произошедшего события, но и его географических координат» [5, с. 142].

В романе Е. Водолазкина изобразительная функция топонимических единиц реализуется в расширенном метафорическом контексте, в котором репрезентируется образное восприятие действительности. В текстовом пространстве чаще используется приём олицетворения: «*внизу темной громадой покоился Днепр; он дышал и чувствовался*» [1, с. 271]; «*Шексна петляла*», «*их встречал Белозёрск*» [1, с. 131], «*по весне река Великая поднимается*» [1, с. 208]. Неоднократно автором используются эпитеты по отношению к топонимам, чаще гидронимам: река *Днепр* «*большая*», «*полноводная*», «*великая*», река *Шексна* «*замерзшая*» [1, с. 129], река *Великая* «*широка*» [1, с. 252] *Белозеро* имело «*бескрайнее свинцовое пространство*», а холодные массы воздуха, исходящие от озера, главный герой романа Е. Водолазкина назвал «*веянием смерти*» [1, с. 135–136], глубины *Средиземного моря* автор называет «*свинцовыми*» [1, с. 334]; «*холодное спокойствие*» герой видит в *Средиземном море* [1, с. 336]. Также эпитеты употребляются по отношению к наименованиям государств и населённых пунктов: *Византию* главный герой называет «*тёплой*» [1, с. 310], а *Освенцим* «*тяжёлым*» [1, с. 291].

Главный герой романа, выезжая из Пскова по реке Великой, в конце путешествия оказывается в Средиземном море. Ряд гидронимов выполняет изобразительную функцию, которая представлена градацией — от малых рек к большому морю: свой путь герой начинает с выхода в реку Великую, затем его судно переходит в воды Двины, после чего на его пути встречается более полноводная река — Днепр, в конце путешествия географическая величина гидронима приобретает морские масштабы: Адриатическое море, Средиземное море. Также автор использует метафорические конструкции: *«Шексна не была большой, но толща направленной воды, даже находясь подо льдом, излучала особую энергию движения»* [1, с. 129], при движении по *Белоозеру* герой отмечает, что *«толща воды отвечала им из глубин тяжелым колоколом»* [1, с. 131]. В текстовом пространстве функционируют сравнения: *Гиперборейские горы* на Крайнем Севере *«гладкие, как стекло»* [1, с. 295]; *Днепр* *«дышал и чувствовался»*, как *«чувствуется море»* [1, с. 270].

Топонимы, отражая путь главного героя, являются значимым текстовым и сюжетообразующим элементом в романе Е. Водолазкина «Лавр». В художественном пространстве произведения топонимические единицы выполняют номинативную и изобразительную функции. Номинативная функция тесно связана с темой дороги и странствиями главного героя. Изобразительная функция реализуется такими средствами выразительности, как олицетворение, сравнение, градация, метафора и эпитет, которые используются для образного представления действительности. В романе топонимы являются отражением географического пути героя, а также его мироощущения и мировосприятия: в Белозёрске — исцеление, в Пскове — раскол, на пути в Иерусалим — масштабность и трудность пути. Таким образом, топонимические единицы имеют большое значение для развития сюжета и репрезентации личностного роста главного героя.

Список литературы

1. Водолазкин Е.Г. Лавр : роман / Е.Г. Водолазкин. — Москва, 2020. — 440 с. — ISBN 978-5-271-45385-4
2. Мурысов Р.З. Топонимы в системе языка / Р.З. Мурысов // Вестник Башкирского университета. — 2013. — №3. — С. 753-762 — ISSN 1998-4812
3. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии / Н.В. Подольская. — М., 1988. — 192 с.
4. Федотова Д.М. Имена собственные и онимы в художественном тексте / Д.М. Федотова // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. — 2016. — №13 — С. 107–115. — ISSN 2542-2197
5. Харченко В.К. Лингвогенеалогия: имя собственное в жанре семейных родословных / В.К. Харченко, Е.М. Черникова. — Москва, 2009. — 187 с. — ISBN 978-5-397-01126-6

КОНЦЕПЦИЯ ЖАНРА В ПРИКЛАДНОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

Войлошникова В. Э., канд. филол. наук, доц., ORCID 0000-0003-2389-5997,
Зарицкая И. Н., канд. филол. наук, ORCID 0000-0001-9318-8556
ФГБОУ ВО «Донецкий национальный университет экономики и торговли
имени Михаила Туган-Барановского», г. Донецк, РФ
ve_10@mail.ru

Введение. Жанры теоретически и практически исследовались в достаточно разных по методологическим принципам филологических науках. Соответствующие концептуализации жанров, развитые в этих областях, имеют как общие черты, так и некоторые различия. Главным теоретическим моментом, который бесспорно признают все современные исследователи [1–3], является социокоммуникативная и функциональная обусловленность жанров и ее примат в формировании разноуровневых жанровых признаков.

Цель работы — проанализировать трактовки сущности жанра в прикладной лингвистике, определить важные элементы концептуализации жанра.

Основная часть. Различия в подходах к трактовке сущности категории «жанр» вызваны не столько существенными концептуальными расхождениями, сколько особенностями предмета исследования в разных науках. Так, традиционный интерес стилистики к языковому варьированию сказался на изучении жанров именно с точки зрения функциональной обусловленности их речевых признаков, а сосредоточенность когнитивной лингвистики на соответствующей функции языка стимулировала интерес исследователей к идентификации жанров и их ролей как моделей построения и прогнозирования речи.

Жанроведческие исследования в сфере прикладной лингвистики построены на основе теорий М. М. Бахтина и представителей североамериканской неориторики.

Важный вклад в развитие концепции жанра был сделан американским лингвистом Дж. М. Свейлзом, который ввел понятие «дискурсивное сообщество», которое он интерпретирует как группу индивидов с шестью детерминантными характеристиками: определенные общие, общепризнанные цели; наличие механизма коммуникации между членами сообщества; информационный обмен в его среде; владение определенными жанрами для достижения коммуникативных целей; использование специфической для определенной среды лексики; наличие относительно стабильного количества членов сообщества, что обеспечивает его существование [3, с. 24–27].

В предложенном понятии «дискурсивное сообщество» Дж. М. Свейлз выделил пять главных моментов, ставших основой его определения жанра:

1) жанр является обобщением определенного класса коммуникативных событий, в которых речь играет важную роль;

2) коммуникативные события становятся жанрами только тогда, когда они приобретают определенные общие цели, одинаково идентифицируемые участниками этих событий, то есть коммуникативная цель является общепринятым критерием образования и идентификации любого жанра, его привилегированным признаком;

3) среди объектов, принадлежащих к одному жанру, всегда есть такие, которые по своим характеристикам ближе к некоему идеальному жанру-прототипу, как и такие, что довольно сильно отклоняются от абстрагированного совершенного образца;

4) признание коммуникативной цели жанра членами сообществ накладывает определенные ограничения на структурирование содержания и формы его конкретных текстовых реализаций;

5) в создании имен жанров и жанровых номенклатур принимают участие активные члены дискурсивных сообществ, обладающие экспертными знаниями.

Вслед за М. М. Бахтиным и представителями новой риторики и в отличие от традиционного в лингвистике видения жанра как содержательно-композиционного стереотипа, Дж. М. Свейлз выделяет коммуникативную цель как критериальную жанровую основу и тем самым признает существование множества различных жанров, которые функционируют в различных сферах общественного бытия.

Последователь Дж. М. Свейлза, В. Бхатия, обосновал собственную процедуру анализа профессиональных жанров [2, с. 22–36]. Он попытался создать универсальную аналитическую модель, учитывающую различные аспекты жанров, выделив семь последовательных этапов, охватывающих анализ всех ведущих аспектов жанровой организации:

1) рассмотрение того или иного жанра в ситуативном контексте с согласованием предыдущего опыта авторов соответствующих текстов и коммуникативных конвенций дискурсивного сообщества, к которым они принадлежат;

2) ознакомление с имеющейся литературой о жанрах, жанровых теориях и методы жанровых исследований;

3) дальнейшее совершенствование анализа жанра в ситуативном контексте с определением отношений между авторами и реципиентами текстов, социоисторическим позиционированием дискурсивного сообщества, установлением сети других текстов, которые окружают этот жанр, и связанных с ним лингвистических традиций;

4) отбор корпуса текстов для анализа определенного жанра на основе четко очерченных критериев;

5) изучение институционального контекста жанра и лингвистических, социокультурных и профессиональных конвенций, которые влияют на использование языка в профессиональной среде;

6) языковой анализ, предполагающий описание доминантных для определенного жанра лексико-грамматических черт, моделей текстуализации жанрового содержания и интерпретацию его структуры в терминах модели Дж. М. Свейлза;

7) проверка данных жанрового анализа путем их сопоставления с реакциями специально отобранного информанта — представителя профессиональной среды, в которой функционирует жанр.

Таким образом, В. Бхатия пытался охватить все аспекты жанров и разработать их комплексный анализ, который объединил бы рассмотрение внешних детерминантов с исследованием типового жанрового содержания и языковых особенностей жанров профессиональной коммуникации. Хотя эта попытка заслуживает внимания, сама аналитическая процедура представляется несколько непоследовательной: так, первый, третий и пятый этапы исследования сосредоточены на контекстуальном факторе и могли бы быть объединены в один. Кроме того, проведение всех этапов анализа по такой схеме является громоздким. Неудивительно, что именно в таком виде жанровый анализ В. Бхатия не получил распространения в прикладной лингвистике, где большинство исследователей отдало предпочтение социориторическому исследованию научных и профессиональных текстов, иногда в сочетании с анализом специфических языковых черт тех или иных жанров.

Заключение. Обзор трактовки сущности жанра в прикладной лингвистике позволяет нам выделить следующие его главные концептуальные моменты: разнообразные дискурсивные сообщества порождают жанры; жанры являются средствами достижения коммуникативных целей; анализ жанров профессиональной коммуникации заключается в выяснении их социокоммуникативной направленности, особенностей их контекстуальных факторах и рассмотрении глобальной функциональной организации типологического содержания текстов в терминах риторических шагов и стратегий, иногда в сочетании с элементами лингвистических исследований.

Список литературы

1. Бахтин М.М. Проблема речевых жанров // Бахтин М. М. Собр. соч. — М.: Русские словари, 1996. — Т.5: Работы 1940-1960 гг. — С. 159–206.
2. Bhatia V.K. *Analysing Genre: Language Use in Professional Settings* / V.K. Bhatia — Routledge, 2013. — 264 p. — DOI 10.4324/9781315844992
3. Swales J.M. *Genre Analysis: English in Academic and Research Settings* / J.M. Swales. — Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1990. — 260 p.

ТЕСТИРОВАНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА НА ОПОЗНАВАНИЕ МАРКЕРОВ ВРЕМЕНИ И ПРОСТРАНСТВА В ТЕКСТАХ ОБЫДЕННОЙ КОММУНИКАЦИИ НА ПРИМЕРЕ YAGPT, GIGACHAT И CHATGPT

Герцен А. С., ORCID 0000-0002-4136-3305

Пермский филиал ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет
„Высшая школа экономики“», г. Пермь, РФ;

ФГБОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский
университет», г. Пермь, РФ

sascha.gertsen@yandex.ru

Введение. На сегодняшний день технологии искусственного интеллекта развиваются быстрыми темпами. Однако, остается актуальным вопрос, до каких пределов ИИ может приблизиться к человеческому интеллекту, и действительно ли процесс опознавания им языка следует считать пониманием [2; 6].

Теоретической основой исследования является деятельностный подход. В его развитии велика роль психологов и философов Л. С. Выготского, А. Н. Леонтьева, И. Энгестрёма, Г. П. Щедровицкого [1, 3; 4; 5].

Цель исследования — определение возможностей искусственного интеллекта в работе по распознаванию хронотопа, репрезентированного в тексте, при помощи распознавания маркеров пространства и времени в структуре деятельности человека.

Материал. Материал содержит 30 случайно отобранных постов из социальных сетей на бытовые темы, описывающие деятельность.

Основная часть. В данном исследовании чат-боты YaGPT, GigaChat, ChatGPT тестируются на определение временных и пространственных маркеров в электронных текстах бытовой коммуникации, в которых описывается обыденная деятельность человека. Важно отметить, что все три нейронные сети не являются специальными инструментами для лингвистического анализа, но способны генерировать текст на широкий спектр тем.

Перейдем к тестированию. Чтобы проверить искусственный интеллект на опознавание маркеров пространства и времени, необходимо составить подходящий для этого промпт. В данном случае, в связи с тем, что исследование направлено на изучение самой возможностей опознавания хронотопа деятельности, нет некоего образцового стандартного промпта для ситуации, и его релевантность приходится проверять опытным путем.

Рассмотрим пример того, как нейронные сети обнаруживают запрашиваемые слова в тексте и какими частями речи чат-боты определяют выделенные ими словоформы и словосочетания:

Пример

Вы: *Какие слова репрезентируют пространство и время в тексте? Какими частями речи они представлены? «Недавно шла на остановку, опаздывала. Вижу, к остановке едет бб автобус (как раз нужен). Побежала изо всех сил. И вот, когда я уже подбежала к автобусу, водитель закрыл двери и уехал (он меня видел).»*

YandexGPT:

Слова, которые репрезентируют пространство и время в тексте: «на остановку», «к остановке», «едет», «подбежала». Они представлены существительными и глаголами.

GigaChat:

Слова, которые репрезентируют пространство в тексте: остановка, бб автобус. Они представлены именами существительными.

Слова, которые репрезентируют время: недавно, опаздывала, подбежала к автобусу, уехал. Они представлены наречием и глаголами.

ChatGPT-4o:

В тексте следующие слова репрезентируют пространство и время:

Пространство:

- 1. *****на остановку***** — существительное с предлогом, обозначает место.*
- 2. *****к остановке***** — существительное с предлогом, указывает направление к месту.*
- 3. *****к автобусу***** — существительное с предлогом, обозначает конкретный объект в пространстве.*

Время:

- 1. *****Недавно***** — наречие, указывает на недавнее прошлое.*
- 2. *****опаздывала***** — глагол, описывает действие в контексте времени (наличие спешки).*
- 3. *****едет***** — глагол, обозначает текущее действие.*
- 4. *****побежала***** — глагол, описывает начало действия.*
- 5. *****когда я уже подбежала***** — наречие времени ("когда"), глагол в прошедшем времени ("подбежала"), указывают на конкретный момент времени.*
- 6. *****закрыл***** и *****уехал***** — глаголы, обозначают действия, завершённые в определённый момент времени.*

Чат-боты YandexGPT и GigaChat корректно определяют присутствующие в тексте части речи, однако не связывают между собой часть речи и ту или иную словоформу, в то время как ChatGPT-4o связывает их и даёт семантическую оценку. YandexGPT смешивает маркеры пространства и времени, тогда как GigaChat и ChatGPT-4o их противопоставляют в ответе.

В приведенном примере получается, что нейросеть ChatGPT-4o даёт наиболее подробный и последовательный ответ. Это может быть связано

как с его лучшей подготовленностью к данному заданию в результате машинного обучения (Machine Learning), так и с тем, что промпт из вопроса лучше адаптирован к его алгоритму.

Заключение. Попытка определить маркеры пространства и времени в тексте была предпринята при помощи чат-ботов GigaChat, YandexGPT и ChatGPT, которые запрограммированы на решение разнообразных задач, зачастую не связанных с лингвистической наукой. Все три нейронные сети показали способность опознавать маркеры пространства и времени на примере 30 текстов бытовой коммуникации с разной степенью детализации. При добавлении в промпт задания по анализу частей речи, наибольшая детализация и точность ответа отмечена у чат-бота ChatGPT-4o. Таким образом, по итогу тестирования получается, что данная нейронная сеть обладает большими актуальными возможностями для решения подобных задач.

Вопрос о том, в какой мере искусственный интеллект может приблизиться к человеческому, и следует ли опознавание предмета нейронной сетью считать пониманием или нет, требует дальнейшего исследования.

Список литературы

1. Выготский Л.С. Мышление и речь / Л.С. Выготский. — Москва; Ленинград: Соцэкгиз, 1934. — 326 с.
2. Журавлёв Д.В. Нейросетевая революция искусственного интеллекта и варианты её развития / Д.В. Журавлёв, В.С. Смолин // Проектирование будущего. Проблемы цифровой реальности: труды 6-й Международной конференции (2–3 февраля 2023 г., Москва). — М. : ИПМ им. М.В.Келдыша, 2023. — С. 223–244. — DOI: 10.20948/future-2023-16. — EDN: LSSZVA.
3. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность / А.Н. Леонтьев. — М. : Политиздат, 1975. — 304 с.
4. Щедровицкий Г.П. Знак и деятельность / Г.П. Щедровицкий. — М. : Восточная литература, 2005. — 463 с.
5. Engeström Y. Expansive Learning at Work: toward an activity theoretical reconceptualization / Y. Engeström // Journal of Education and Work. — 2001. — Vol. 14, No. 1. — P. 133–156. — DOI: 10.1080/13639080020028747.
6. Mitchell M. The debate over understanding in AI's large language models / M. Mitchell, D.C. Krakauer // Proceedings of the National Academy of Sciences (28 March 2023). — Vol. 120, No. 13. — DOI: 10.1073/pnas.2215907120.

ИЛЛЮСТРАЦИИ АВТОРА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА: ЭКСПРЕССИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ КРЕОЛИЗАЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ТВОРЧЕСТВА В.Г. СУТЕЕВА)

Емельяненко А. В., канд. филол. наук, ORCID 0009-0009-1310-6625
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
anna.yemelyanenko.84@mail.ru

Введение. Спектр проблем, связанных с изучением креолизованных текстов разного типа, давно привлекает внимание специалистов разных областей: лингвистов, маркетологов, искусствоведов и т. д. В эпоху скоростного обмена информацией необходимость в эффективных формах передачи сообщений не подлежит сомнению. Креолизованные тексты, интегрирующие графику, инфографику и мультимедийные элементы, способны не только привлекать внимание, но и повышать уровень усвоения информации. Изучение особенностей их построения и воздействия на восприятие представляет собой **актуальную** задачу современного языкознания. Особенно важным представляется исследование художественных текстов с авторскими иллюстрациями. Так, на наш взгляд, большим экспрессивным потенциалом обладают произведения советского писателя, художника-иллюстратора В. Г. Сутеева.

Целью нашего исследования является анализ выразительных возможностей разнообразных комбинаций вербальных и невербальных компонентов в сказках В. Г. Сутеева.

Основная часть. Творчество В. Г. Сутеева оригинально в первую очередь тем, что в нем часто используются тексты с полной креолизацией — такие, в которых между вербальными и иконическими компонентами реализуются синсемантические связи [1, с.15]. Например, в сказке «Мышонок и карандаш» автор создает иллюстрации, которые в некоторых фрагментах полностью замещают вербальную часть. Сюжет произведения прост: Мышонок находит на столе Карандаш и собирается его съесть, но пугается изображения кошки и убегает. В момент кульминации Карандаш завершает рисунок: набор разрозненных кружков, овалов и черточек превращается в целостный образ. Вербальные компоненты передают информацию в сказке лишь частично:

Вздохнул тяжело Карандаш и нарисовал кружок.

– *Это сыр?* – спросил Мышонок.

– *Может быть, и сыр,* – сказал Карандаш и нарисовал ещё три маленьких кружочка.

– *Ну, конечно, сыр, а это дырочки в нём,* – догадался Мышонок.

– *Может быть, и дырочки,* – согласился Карандаш и нарисовал ещё один большой кружок.

– *Это яблоко!* – закричал Мышонок.

– *Может быть, и яблоко, – сказал Карандаш [...]*
И когда он начал рисовать вот эти уголки, Мышонок закричал:
– *Это похоже на ко... Не рисуй больше!*

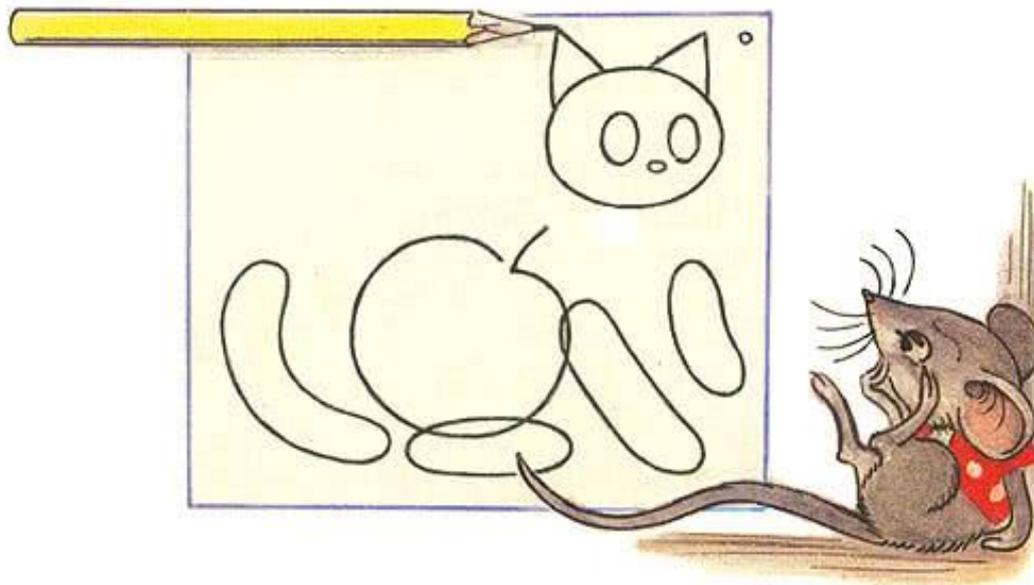

Рис. 1. Авторская иллюстрация В. Г. Сутеева к сказке «Мышонок и карандаш»

Благодаря вкраплению иконических компонентов автор держит в напряжении юного читателя, ведь ребенок не сразу догадывается, что собрался нарисовать Карандаш. Иллюстрации реализуют сразу несколько тексто-дискурсивных категорий: передают информацию, обеспечивают единство текста как смыслового целого, одновременно делают текст дискретным, отображая каждый этап создания рисунка и т. д. Изъятие иконических компонентов из текста сказки нарушило бы целостность текста, обеднило бы авторскую экспрессию. В вербальной части текста присутствует довольно много местоимений, которые отсылают именно к иконическим компонентам. Например, без картинок не вполне понятно, что имеет в виду автор в той или иной ситуации: *нарисовал несколько вот таких длинных кружочков, начал рисовать вот эти уголки* и т. д.

Заключение. Итак, сказки В.Г. Сутеева не только развивают воображение детей, но и закладывают основы нравственного воспитания, формируют ценностные ориентиры. Исследуя творческое наследие писателя, можно выявить механизмы, с помощью которых комбинации вербальных и невербальных элементов развивают креативность и критическое мышление ребенка.

Список литературы

1. Анисимова Е.Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов) / Е.Е. Анисимова. — М. : Академия, 2003. — 128 с.
2. Емельяненко А.В. Лингвистика креолизованного текста : Учебно-методическое пособие для студентов направления подготовки 45.04.01 Филология (Магистерская программа «Русский язык : теоретические и практические аспекты») / А. В. Емельяненко. — Донецк : ДонНУ, 2019. — 80 с.

РОЛЬ АЛЛЮЗИЙ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Е.Г.ВОДОЛАЗКИНА

Касьяненко Н. Е., канд. филол. наук, доц., ORCID 0009-0002-1613-8314

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ

Kasyanenko_natusya@mail.ru

Введение. Понятие аллюзии достаточно давно является предметом внимания как литературоведов, так и лингвистов. В самом общем виде аллюзию понимают как «намек на хорошо известный факт, исторический или бытовой» [1], как стилистический прием. При этом значительная часть исследователей рассматривает данное понятие как категорию интертекста (см., например, [2], [3], [4] и др.). Определяющим, на наш взгляд, в этом смысле является определение интертекстуальности, данное И. В. Арнольд: «Под интертекстуальностью понимается включение в текст либо целых других текстов с иным субъектом речи, либо их фрагментов в виде маркированных или немаркированных, преобразованных или неизменённых цитат, аллюзий, реминисценций» [4, с. 346]. Как следует из данного определения, аллюзия является реализацией интертекстуальности, «отголоском, эхом» чужого текста в авторском. При этом ученые единодушны в том, что адекватное прочтение любого, и прежде всего, художественного текста, возможно только при наличии интертекстуальной компетенции, предполагающей общую образованность, позволяющую «разглядеть», а главное — осмыслить аллюзию. В ином случае замысел автора, по мнению В. Мокиенко, останется «непрочтенным» [2, с. 33].

Обращение к аллюзии как к стилистическому приему и как к фигуре интертекста свойственно многим авторам, в том числе художественных произведений. Не является исключением и творчество Е. Г. Водолазкина, чьи произведения привлекают внимание читателей на протяжении последнего времени [5], [6], [7]. Насыщенность текстов писателя аллюзиями, постоянная работа мысли по их осмыслению стимулируют обращение к изучению аллюзий и выявлению их роли в реализации замысла автора. Именно в этом и состоит *цель настоящего исследования.*

Основная часть. В совокупности аллюзивных фрагментов в текстах Е. Г. Водолазкина значительное место принадлежит литературным (или литературно-историческим) аллюзиям, в которых, как считает Н. Ю. Новохачева, отражены индивидуально-личностная культура автора, а также познавательная и ценностно-осмысляющая составляющие [8].

Что касается аллюзий в произведениях Е. Водолазкина, то в их характеристике, помимо названных исследователями функций, заметны и другие. Например, один из персонажей романа «Лавр» Амброджо, рассуждая о дате рождества Иисуса Христа в связи с возможным концом света, приводит собственные доводы, основанные на исключительно математических расчетах, относительно непогрешимости которых главный герой Арсений высказывает

сомнение. Это иллюстрирует фраза из трагедии А. Пушкина «Моцарт и Сальери», репрезентантом которой в тексте-реципиенте выступает трансформант — риторический вопрос: «*Какой, спрашивается, гармонией ты поверишь всю эту алгебру?*» [5, с. 247]. Выражение *поверить алгеброй гармонию* из текста пушкинской трагедии «Моцарт и Сальери», ставшее крылатым и имеющее значение ‘попытка проверить точным расчетом то, что относится к области чувств’, опровергается Амброджо повествованием о небесной гармонии, отраженной в высшем смысле чисел.

В приведенном примере аллюзия иронически намекает на прецедентный текст. Это как раз тот случай, когда намек выполнен в русле языковой игры и демонстрирует не только кругозор автора, но и его *креативность*, характеризующую высшие языковые способности личности.

Другим примером в этом же романе является отсылка к факту биографии А. С. Пушкина (вообще у писателя явно прослеживается тяготение к пушкинским текстам). Известно, что поэт погиб в возрасте 37 лет. Размышляя о явлениях, протекающих во времени, тот же Амброджо иллюстрирует свою позицию примером: «*Явление выражает себя и прекращает свое существование. Поэт гибнет, скажем, в 37 лет, и люди, скорбя о нем, начинают рассуждать о том, что он мог бы еще написать*» [5, с. 288]. Поскольку Амброджо обладает даром предвидения, он апеллирует к событиям будущего, и здесь аллюзия *выполняет роль связующего звена*, своеобразного мостика между прошлым и будущим. При этом лексемы *поэт гибнет* и количественно-именное сочетание *в 37 лет* выступают как маркеры текста-реципиента (по терминологии Н. Ю. Новохачевой, аллюзивные репрезентанты).

В произведениях писателя, в частности в романе «Авиатор», значительная часть аллюзий соотносится с текстами Священного писания, обращение к которым продиктовано несколькими моментами. Это, прежде всего, необходимость пролить свет на нравственную позицию своего героя, обусловленную в том числе и религиозным чувством. Кроме того, целью данных аллюзий является стремление показать слитность и нераздельность индивидуального и исторического времени. Так, герой Платонов, сравнивая двух женщин, сыгравших огромную роль в его жизни до определенного события (замораживания) и после, использует намек на известное евангельское выражение «*какою мерою мерите, такую и вам будут мерить*»: «*Настя — сама по себе, она не овечка Долли и не копия бабушки — совершенно отдельный человек. Почему же я меряю ее чужой мерой?*» [6, с. 254]. И хотя в данной ситуации евангельское выражение лишено своего первоначального значения, сам факт его употребления свидетельствует о стремлении героя соотносить свои поступки с евангельскими заповедями.

Несколько иную роль у Е. Г. Водолазкина выполняет текстовая аллюзия по отношению к собственным именам. В этом случае опорой аллюзии может стать этимология собственного имени, что является важным, поскольку

ономастические единицы в романах писателя в ряде случаев обуславливают сюжетно-композиционную целостность произведения и являются средством изображения действительности (см. об этом подробнее в [9]). Так, в романе «Оправдание острова», повествуя о смерти министра островного государства Атанаса, автор характеризует ее как *«смерть бессмертного»*, уточняя, что *«с таким именем у него были шансы жить, если не вечно то по крайней мере долго»* [8, с. 149]. В данном высказывании содержится аллюзия на то, что имя Атанас [*< греч. athanasios*] означает ‘бессмертный’.

Подобная этимологизация имени «просматривается» и в следующем фрагменте: *«Что до Ангелины, чье житие никогда не было ангельским, то он, поверь, заставит ее отречься от обвинений»* [7, с. 38]. Данное высказывание содержит намек на то, что этимологически названный оним связан с греч. *angelos* — вестник, и это реализуется в однокоренном слове *ангельский*, что метко и лаконично характеризует персонажа.

Наконец, аллюзия у Е. Г. Водолазкина может выступать средством создания иронии, доходящей до гротеска, что наглядно представлено в романе «Оправдание острова». Один из его фрагментов содержательно повторяет историю гибели князя Олега, обусловленную укусом змеи, заползшей в череп любимого коня князя. Она закреплена в Радзивилловской летописи и своеобразно перекликается с романским текстом-реципиентом. Разница состоит в том, что предметом обожания одного из островных правителей — Касьяна — является не конь, а автомобиль роллс-ройс, из-под капота которого выползает змея. Синтаксические конструкции в указанном фрагменте романа повторяют фразы из летописи и являются своеобразными речевыми клише, маркерами текста-реципиента: *«От сего ли автомобиля надлежит принять мне смерть?»* (в прецедентном тексте *«Отчего ми есть умерти?»*); *«Все ложь, что предсказали Стражи Будущего»* (в прецедентном тексте *«то ти неправо глаголють волсви»*) [7, с. 227]. Подобная аллюзивная игра направлена на карикатурное изображение действительности

Заключение. Подытоживая сказанное, можно сделать некоторые предварительные выводы:

1) аллюзия в произведениях Е. Г. Водолазкина исполняет роль связки между историческими эпохами и обеспечивает целостность романного времени и повествования;

2) аллюзивные фрагменты в рассмотренных текстах в ряде случаев являются частью языковой игры автора, направленной на раскрытие языковой личности персонажа и демонстрируют его креативность, склонность к ассоциативному мышлению, способность использовать наглядные аналогии. При этом средством реализации аллюзии становится этимология собственных имен;

3) существенную роль выполняет аллюзия для достижения иронии, которая выступает у Е. Водолазкина принципом организации повествования и средством оценки окружающей действительности.

Список литературы

1. Квятковский А.П. Поэтический словарь / Науч. ред. И. Роднянская. — М.: Сов. Энцикл., 1966. — 376 с.
2. Мокиенко В.М. Адам Евгеньевич Супрун и исследования интертекста / В.М. Мокиенко // Текст в языке, речи, культуре: сб. науч. ст. / Белорус. гос. ун-т. — Минск: РИВШ, 2017. — С. 32–46.
3. Москвин В.П. Аллюзия как фигура интертекста. Интертекстуальность и фигуры интертекста в дискурсах разных типов / В.П. Москвин // Грани познания. — 2014. — Вып. 1(28). — С. 41–47.
4. Арнольд И.В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность / И.В. Арнольд. — С.-Петербург. гос. ун-т. — СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999. — 443 с.
5. Водолазкин Е.Г. Лавр: роман / Евгений Водолазкин. — М.: Изд-во АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2019. — 440 с.
6. Водолазкин Е.Г. Авиатор: роман / Евгений Водолазкин. — М.: Изд-во АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2020. — 410 с.
7. Водолазкин Е.Г. Оправдание острова: роман / Евгений Водолазкин. — М.: Изд-во АСТ: редакция Елены Шубиной, 2022. — 405 с.
8. Новохачёва Н.Ю. Стилистический прием литературной аллюзии в газетно-публицистическом дискурсе конца XX — начала XXI веков: Автореф. дис. ... канд фил. наук: 10.02.01 / Новохачёва Наталья Юрьевна. — Ставрополь, 2005. — 28 с.
9. Касьяненко Н.Е. Роль антропонимов романа Е.Г. Водолазкина «Лавр» в организации повествования / Н.Е. Касьяненко // XV Международные Крымские Михайловские литературно-ономастические чтения «Собственное имя в жизни и литературе» (09–10 сентября 2020 г.): Материалы конф. / Гл. ред. А.В. Петров; Отв. ред. В.М. Калинин. — Симферополь, 2020. — С. 35–43.

УДК 81-114

ЛЕКСЕМА *КОРОНАВИРУС* В КРЕОЛИЗОВАННЫХ ТЕКСТАХ: СУГГЕСТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ

Климова Т. В., ORCID 0009-0004-2725-4147,

Емельяненко А. В., канд. филол. наук, ORCID 0009-0009-1310-6625

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ

t.klimova05@mail.ru, anna.yemelyanenko.84@mail.ru

Введение. Вербальные модели воздействуют на человека с определённой силой, которая выражается не языковыми средствами, а через эмоции, ощущения, ассоциации, и приводит его в определённое состояние сознания. Так, с начала 2020 года, когда концепт *коронавирус* стал одной из доминант сознания человечества, и до объявления окончания пандемии в 2023 году восприятие данного концепта менялось в зависимости от социального статуса, экономических, общественно-политических, культурных и идеологических факторов, что, безусловно, отразилось на процессе коммуникации, которая на данном этапе развития общества

неразрывно связана с визуализацией: современное поколение с новым ритмом жизни быстрее реагирует на яркие, выразительные образы, слияние словесного и визуального. Несмотря на значительное количество работ, посвященных креолизации, на сегодня **актуальным** является изучение суггестивного потенциала лексемы *коронавирус* в составе негомогенных текстов. До сих пор недостаточно чётко определено влияние анализируемой лексемы на декодирование и интерпретацию всех компонентов креолизованного текста.

Целью нашей работы является изучение суггестивного потенциала лексемы *коронавирус* в креолизованных текстах.

Основная часть. Сам термин *коронавирус* используется в медицинском дискурсе довольно давно, и уже закрепился в словаре. Абсолютно уверенно можем говорить о его стилистической нейтрализации, о возникновении морфологических производных и вторичных речевых употреблений, таких как фразеологические обороты, поговорки и так далее.

Особенностью информационно-коммуникативной среды современного общества стало использование элементов альтернативных семиотических систем. Распространение в лингвистике получил термин, введенный Ю. А. Сорокиным и Е. Ф. Тарасовым, — *креолизованный текст*.

Креолизованный текст — это текст, который состоит из знаков различных систем: языковых (вербальных знаков) и невербальных, то есть знаков, принадлежащих к другим семиотическим системам, «к другим знаковым системам, нежели естественный язык» [2, с. 56]. Различные виды креолизованных текстов образуют открытую сложную систему знаков; мемы, демотиваторы, эдвайсы и комиксы выступают в качестве её базовых элементов.

Неудивительно, что лексема *коронавирус* стала частью достаточно большого количества креолизованных текстов, а её суггестивный потенциал, то есть «силу вербальной модели» [1, с. 95], можно декодировать и измерять.

В ходе работы методом простой случайной выборки в Интернет-пространстве были отобраны 321 креолизованный текст с лексемой *коронавирус*. Все они являются текстами с полной креолизацией, то есть в текстах присутствуют оба компонента (вербальный и визуальный), образуя сложно построенный смысл, вербальный компонент представлен печатным вариантом, без гиперкода.

Верификация суггестивного потенциала лексемы *коронавирус* в креолизованных текстах была проведена с помощью экспериментальных методик. Экспериментальная гипотеза состояла в том, что наличие лексемы *коронавирус* в креолизованных текстах влияет на их восприятие.

В результате когнитивного теста и свободного ассоциативного эксперимента, проведённых с учащимися 10–11 классов ГБОУ «СРЕДНЯЯ ШКОЛА № 57 Г.О. МАКЕЕВКА» и студентами филологического факультета ФГБОУ ВО «ДонГУ» (всего 83 человека) было выявлено

ассоциативно-вербальное поле лексемы *коронавирус*, общее ассоциативное ядро которого сводится к медицинским понятиям.

Определение степени экспрессивной выразительности звуковой оболочки лексемы *коронавирус* с использованием электронной программы ВААЛ, разработанной на основе экспериментальных исследований А.П. Журавлёва показало, что лексема производит в основном отрицательные впечатления: *страшный, холодный, угловатый, грубый, злой*.

Рис. 1. Креолизованный текст с лексемой *коронавирус*

Диахронный анализ влияния лексемы *коронавирус* на эмоционально-оценочные коннотации креолизованных текстов был проведен в 2021 году (в разгар пандемии) и в 2024 году (Всемирная организация здравоохранения уже объявила об окончании пандемии). Информантам были по очереди представлены креолизованные тексты без изучаемой лексемы и с ней (рис. 1), в результате замечена следующая тенденция: появление в составе креолизованного текста лексемы *коронавирус* несколько меняет его восприятие. В 2021 году количество людей, испытывающих положительные эмоции, значительно снижалось, в отличие от участников эксперимента в 2024 году (таблица 1).

Таблица 1
Восприятие креолизованного текста с лексемой *коронавирус*

№	Эмоции	Количество (2021 год)	Количество (2024 год)
1.	Интерес	17	38
2.	Радость	–	–
3.	Умиление	–	–
4.	Грусть	31	23
5.	Страх	34	15
6.	Гнев	–	–
7.	Безразличие	1	7

Заключение. Таким образом, коммуникация в обществе подвергается изменениям, ради полноты передачи тех или иных смыслов меняется

структура и способ презентации текста. При донесении информации в Интернете используются тексты, сочетающие вербальные и визуальные элементы. Экспериментальным путем было выявлено, что восприятие креолизованных текстов с лексемой *коронавирус* зависит как от лингвистических, так и экстралингвистических факторов. Разработка экспериментальных методик для оценки суггестивных ресурсов различных вербальных моделей является перспективной задачей для дальнейших исследований.

Список литературы

1. Рогожникова Т.М. Суггестивный потенциал языковой системы и его стратегические возможности в процессе коммуникации / Т.М. Рогожникова // Теория языка и межкультурная коммуникация. – Курск : Издательство Курского государственного университета, 2016. – № 4 (23). — С. 95–108. – ISBN 5-88313-417-3.
2. Сорокин Ю.А. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция / Ю.А. Сорокин // Оптимизация речевого воздействия. – Москва : НиолаПресс, 1990. – 186 с. – ISBN 5-02-010983-5.

УДК 37.091.3:81

ИНТЕГРИРОВАННОЕ ОБУЧЕНИЯ И ЕГО РОЛЬ ПРИ ИЗУЧЕНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА В ШКОЛЕ И ВУЗЕ

Могила Н. Н.¹, ORCID 0009-0008-4332-4132,

Перепелица А. С.¹, Буцева С. А.²

¹ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ

²ГБОУ «Школа № 9 г. о. Донецк», г. Донецк, РФ

mogilanadia@internet.ru

Введение. Современная образовательная система ориентирована на сотрудничество и создание единого образовательного пространства в РФ, что предполагает совершенствование и введение коренных изменений во все составляющие образовательной системы: корректировку целей обучения, изменение методических основ образования, совершенствование средств обучения, обеспечение преемственности обучения на всех этапах образовательной системы и пр. Собственно поэтому появилась потребность использования интегрированного подхода в системе образования как на уровне среднего, так и высшего образования.

Цель исследования состоит в рассмотрении особенностей интегрированного подхода при изучении русского языка.

Основная часть. Одной из основных проблем современной лингводидактики являются поиски путей и средств повышения эффективности изучения русского языка, которые позволят обучающим увидеть широкую сферу

функционирования языка, что впоследствии будет способствовать решению современных научных, социальных и производственных задач, требующих соответствующих речевых умений и навыков.

Сегодня интеграционные процессы участвуют в современном развитии всех социальных явлений. В отечественной педагогике данной проблеме посвящены работы Ю. С. Бродского, А. П. Беляева, М. Н. Берулавы, И. Д. Зверева, В. И. Загвязинского, В. Н. Максимовой и др. Психологические основы процесса интеграции в системе школьного обучения рассматривались в исследованиях Л. С. Выготского, В. В. Давыдова, В. П. Зинченко, Ю. А. Самарина.

Анализ научных трудов показывает, что первым шагом к интеграции в обучении можно считать межпредметные связи, которые исследовались учеными в двух аспектах: как дидактическое средство повышения эффективности обучения (В. Н. Максимова [6], И. Д. Зверев [4]); как условие развития познавательной активности и самостоятельности учащихся в учебной деятельности (Ю. К. Бабанский [1], А. А. Каменский [5] и др.).

Интегрированное обучение сочетает в себе блок знаний по предметам, взаимосвязанных одной темой. По мнению лингводидактов, интегрированное занятие может строиться в пределах одного (*внутрипредметная интеграция*) или нескольких учебных предметов (*межпредметная интеграция*).

Важным методическим аспектом интегрированных занятий является определение продуктивных методов, приемов и средств, отбор дидактического материала для интеграции. Тесный контакт предметов социально-гуманитарного цикла предопределяет появление глубоких и всесторонних содержательных, воспитательных и методических связей.

Как показывает практика, смежное изучение языка и литературы обеспечивает формирование в обучающихся умения внимательно, вдумчиво читать и воспринимать тексты художественной литературы, обращать внимание на языковые единицы, обеспечивающие яркость и выразительность речи, анализировать и определять функции лингвистических средств в произведении.

Приведем примеры заданий, которые были использованы на уроках русского языка студентами филологического факультета во время прохождения педагогической практики в ГБОУ «ШКОЛА № 9 Г.О. Донецк».

Задание 1. Пользуясь картинкой-подсказкой, закончить фразеологизмы, основанные на сравнении человека с животным, и объяснить лексическое значение вставленных слов.

Таблица 1

 <ul style="list-style-type: none"> • Хитер как... • Белая... • Труслив как... • ... лапчатый • Изворотлив как... • Надут как... • Нем как... • Упрям как... • Голоден как... 	<p><i>Лексическое значение</i></p>
---	------------------------------------

Задание 2. Найдите в стихотворении слова-синонимы, выпишите и определите их вид (абсолютные или полные, семантические, стилевые или экспрессивно-стилистические; семантико-стилистические).

Таблица 2

<p>1. Бураны, вьюги и метели, Как много с ними канители, Как много шума, толкотни, Как надоели мне они! – Так проворчал мороз угрюмый И речку в лед сковал без шума.</p>	<p>2. Бант голубой, а второй бирюзовый Облачку дарят... Весь мир очарован: Словно корона — венок васильковый. Царственным видом ветер взволнован.</p>	<p>Синонимы</p>
--	---	------------------------

Особенно заметно влияет на развитие речи школьника изобразительное искусство. Беседы по картинам, рассказы о художниках, тематическое рисование, наблюдение и словесное описание предметов во время рисования, развивают в обучающихся интеллектуальные и творческие способности, способствуют формированию понятий о системе стилей, изобразительно-выразительных возможностях и нормах русского литературного языка.

Задание 3. Прочитайте выразительно отрывок из стихотворения Ф. Тютчева «Зима недаром злится».

*Зима недаром злится,
Прошла ее пора -
Весна в окно стучится
И гонит со двора.*

Сколько предложений в данном отрывке? Как вы думаете, можно ли его считать текстом? Почему? Рассмотрите репродукцию картины Л.А. Цейтлин «Зима в Москве» и репродукцию картины Ю. Киселевой «Зимний Донецк» (см. рис. 1, 2). Какой вы увидели природу на картинах? Что в них общего? Составьте рассказ по одной из картин.

Рис. 1. Л. А. Цейтлин «Зима в Москве»

Рис. 2. Ю. Киселева «Зимний Донецк»

Следует обратить внимание обучающихся и на то, что правильность построения конструкций различных стилей и жанров зависит от акцентологических, морфологических, орфографических, лексических и пунктуационных норм.

Как показала педагогическая практика студентов филологического факультета, использование интегрированного подхода при изучении русского языка способствует развитию познавательных интересов в учащихся, формированию качеств мышления, необходимых для получения новых знаний и

практической деятельности, позволяют учителю словесности к достижению личностных, метапредметных и предметных результатов обучения, сформулированных в Государственном образовательном стандарте основного общего образования.

Обобщенные данные по результатам констатирующего и контрольного срезов педагогического эксперимента представлены в таблице 3.

Таблица 3

Уровни сформированности знаний, умений и навыков по русскому языку учеников 5-6 классов (по результатам констатирующего и контрольного срезов)

Класс	Срезы	Уровни (%)			
		Начальный	Средний	Достаточный	Высокий
5КК	Констатирующий	10,0	46,4	27,2	16,4
	Контрольный	6,4	45,0	29,3	19,3
5ЭК	Констатирующий	11,1	46,5	27,1	15,3
	Контрольный	2,1	18,05	42,35	37,5
6КК	Констатирующий	10,1	47,3	25,7	16,9
	Контрольный	5,4	48,0	27,7	18,9
6ЭК	Констатирующий	9,2	49,35	27,0	14,45
	Контрольный	1,3	21,05	42,77	34,88

Заключение. Таким образом, интегрированный подход к обучению позволяет шире использовать потенциальные возможности содержания учебного материала и способствовать развитию способностей учащихся, обеспечить им высокое качество образования, так как применение интегрированных форм и методов обучения помогает налаживанию взаимопонимания и улучшению деятельности учителя и учащихся.

Готовясь к интегрированным урокам, учитель как профессионал и эрудит должен: избегать однообразия в их построении; учитывать, чтобы на каждый предмет выделялось одинаковое количество времени, а задания дополняли или продолжали друг друга; каждое занятие должно содержать элемент новизны, инновации, быть интересным для учащихся.

Использование средств интеграции учебных предметов в общеобразовательных учреждениях дает возможность: выполнить в течение занятия большой объем работы; глубже, конкретнее раскрыть все вопросы изучаемой темы, усилить аргументированность научных положений; создать проблемные ситуации, которые заставят обучающихся думать, сопоставлять.

Список литературы

1. Бабанский Ю.К. Система способов оптимизации обучения / Ю.К. Бабанский // Вопросы психологии. — 1982. — № 5. — С. 12-22.
2. Безрукова В.С. Интеграционные процессы в педагогической теории и практике / В.С. Безрукова. — Екатеринбург, 1994. — 152 с.
3. Борулава М.Н. Интеграция содержания образования / М.Н. Борулава. — М.: Педагогика; Бийск: Научно-издательский центр БИГПИ, 1993.

4. Зверев И.Д. Межпредметные связи в современной школе / И.Д. Зверев, В.Н. Максимова. — М.: Педагогика. — 1981. — С. 8-11.
5. Каменский А.А. К вопросу о развитии познавательной самостоятельности школьников / А.А. Каменский // Человек и образование. — 2012. — № 4 (33). — С. 139-141.
6. Максимова В.Н. Межпредметные связи и совершенствование процесса обучения: книга для учителя / В.Н. Максимова. — М.: Просвещение, 1984.

УДК 615.849

КОЛЛАБОРАТИВНОЕ (СОВМЕСТНОЕ) ОБУЧЕНИЕ КАК МЕТОД СТИМУЛИРОВАНИЯ СТУДЕНТОВ ПРИ ИЗУЧЕНИИ ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН

Могила Н. Н., ORCID 0009-0008-4332-4132,

Головко А. В.,

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ.

na.stya2001@mail.ru

Введение. Сейчас стало модным слово «коллаборация». Это можно встретить в различных областях. Слово звучит немного научно, но суть его очень проста. В музыке коллаборациями называют совместные треки артистов, в бизнесе это может быть партнерство между брендами для создания уникального продукта. В области педагогики «коллаборация» обозначает «сотрудничество» («партнёрство») — процесс совместной деятельности людей, направленный на достижение общих целей, в ходе которого происходит обмен знаниями, обучение и выработка согласия.

Актуальность исследования определяется растущей частотой использования научных понятий «коллаборация» и «коллаборативное обучение» в образовательном пространстве, а также отсутствием среди ученых единого мнения относительно толкования этих понятий.

Цель — проанализировать ключевые принципы коллаборативного обучения, определить отличие от технологии совместного обучения, а также возможность применения его в области филологии и лингводидактике.

Основная часть. В современном образовательном контексте коллаборативное обучение приобретает всё большую популярность, которое способствует активному взаимодействию между студентами и преподавателями, мотивируя обучающихся в освоении различных дисциплин.

Слово *collaborative* — английского происхождения и переводится на русский язык как «общий», «объединённый» или «совместный». Синонимический ряд к нему: *сотрудничество, кооперация, фит, совместное творчество (деятельность), пособничество, соработничество, синергизм* и др.

Зарубежные ученые под термином «коллаборативное обучение» подразумевают совместную деятельность (процесс), в какой-либо сфере, двух

или более человек или организаций для достижения общих целей, при которой происходит обмен знаниями, обучения и достижение согласия (консенсуса).

Исследователь Н. В. Павельева считает, что «коллаборативное (совместное) обучение — это подход, в рамках которого обучение построено на тесном взаимодействии между обучающимися или между обучающимися и преподавателем. Участники процесса получают знания через активный совместный поиск информации, обсуждение и понимание смыслов» [3, с. 30].

Размышления Ж. Фрайсина о кооперативном, коллаборативном обучении и педагогических инновациях, приводят его к мысли о том, что коллаборативное обучение «можно рассматривать как философию взаимодействия и образа жизни, где люди несут ответственность за свои действия, в том числе и за обучение, и уважают возможности и вклады своих партнёров» [4, с.10].

Подобную точку зрения разделяет А. В. Куликов, который утверждает, что «коллаборативное обучение — это, скорее всего, философия образования: работаем вместе, изучаем вместе, изменяемся вместе, улучшаемся вместе. Эта философия, по его мнению, гармонично вписывается в современное состояние общества» [2, с. 105].

Заслуживает внимания исследования Ш. С. Асилова, в котором автор акцентирует внимание на том, что в процессе коллаборативного обучения в учащихся происходит развитие социальных и эмоциональных навыков. Это подразумевает формирование таких личностных качеств, как уважение, признание талантов и вклада каждого участника группы, а также стремление и способность к сотрудничеству и взаимопониманию [1, с. 88].

Проанализировав труды зарубежных и отечественных ученых о «*коллорабация*» в образовании, можно утверждать, что коллаборативное обучение опирается на ряд теорий и учитывает: концепции управления знаниями и их преобразования; основные принципы педагогики сотрудничества; идеи коллективной и совместной деятельности, а также коллегиальности; принципы теории коммуникации, поскольку в данной стратегии обучения коммуникация является основным инструментом для обмена знаниями.

Что касается дефиниции «*сотрудничество*», то лингводидактики имеют в виду учет интересов и желаний каждого учащегося, поддержку, постепенное разрешение разногласий и готовность к уступкам. Как утверждают преподаватели высшей школы и опытные учителя-словесники, это наиболее эффективная форма поведения в условиях управления конфликтами в образовательном процессе.

В ходе изучения научных трудов, было выделено несколько ключевых принципов, которые оказались общие для «совместного» и «коллаборативного» обучения, а именно:

- 1) Достижение поставленных целей возможно лишь при активном вовлечении всех членов группы, которые занимаются анализом информации, её обсуждением и поиском решений задач.

- 2) Обучение не основывается на механическом запоминании данных, а представляет собой многогранный процесс коммуникации, является формой

социального взаимодействия, в ходе которого каждый участник выражает свою точку зрения, оценивает мнения других, анализирует обсуждаемую информацию и отстаивает свою позицию.

Ученые отмечают, что организация совместного обучения студентов может предусматривать использование разнообразных групповых форм учебной деятельности. Наиболее популярны методы и формы групповой работы в учебном процессе высшей школы: *дискуссия, взаимное обучение, деловые игры* и др.

Дискуссия — продуктивный обмен точками зрения, коллективное исследование проблем; *взаимное обучение* — один студент или небольшая группа студентов обучают других, которые затем, в свою очередь, обучают своих сверстников; *деловые игры* — студенты работают вместе и соревнуются для достижения образовательной цели.

Как показывает практика, совместное обучение зарекомендовало себя как сложившаяся за многие десятилетия традиционная форма работы в учебных заведениях Донбасса, которая помогает обучающимся ускорить процесс усвоения учебного материала и развивать различные мыслительные навыки.

Из всего вышеизложенного, можно говорить о том, что *совместное обучение* и *коллаборативное обучение* — это педагогические стратегии, которые объединяют стремление к высокому уровню взаимодействия преподавателя между студентами и имеют много общего. В то же время, современные филологи делают акцент на том, что изобилие заимствованных терминов (слов), — серьезная проблема современного русского языка. В большом количестве и не всегда уместные — они вытесняют из речи слова, тем самым уничтожая наш язык. Например: Говорят, мы «*сделали коллаборацию*», вместо «*мы сотрудничаем*» или «*в результате сотрудничества*». По их мнению, термины «*коллаборацию*» и «*сотрудничаем*» — синонимы.

Принимая во внимания все вышеизложенное, можно говорить, что эффективность коллаборативного обучения объясняется сочетанием социально-психологических факторов, таких как улучшение межличностных отношений, психологическая адаптация и положительное отношение к учебе, а также активным участием учащихся в учебной деятельности, способствующей их когнитивной вовлеченности.

Воспитательная значимость коллаборативного обучения основывается на принципах педагогики сотрудничества, которые помогают осознать, что в образовательном процессе все участники объединяются в совместной деятельности, основанной на товариществе, взаимном уважении, помощи друг другу и коллективизме.

Заключение. Преимущества коллаборативного обучения проявляются в том, что студенты становятся более ответственными за совместную деятельность, формируется коллективный интеллект, а также происходит обмен знаниями через взаимодействие с другими учащимися и преподавателями. Это подход способствует улучшению социальных навыков и повышению как индивидуальной, так и групповой продуктивности. Кроме того, совместное

обучение помогает развивать доверие, чувство принадлежности к группе и контроль, а также позволяет студентам распределять роли и организовывать совместную работу для достижения общих целей. В целом, коллаборативное обучение предлагает множество выгод как для студентов, так и для преподавателей.

Указанные характеристики коллаборативного обучения позволяют сделать вывод о его значительном воспитательном потенциале. Формируя коллаборативную среду в учебном процессе, мы вовлекаем студентов в общий коммуникативный контекст, который характеризуется коллективными действиями, совместной работой в группе, коллегиальностью, соавторством, партнёрством, взаимодействием и сотрудничеством.

Список литературы

1. Асилова Ш.С. Влияние коллаборативной среды на познавательную активность учащихся / Ш.С. Асилова. — Республика Казахстан: European research, 2016. — № 5 (16). — С. 87-88.
2. Куликов А.В. Системы дистанционного коллаборативного обучения и некоторые аспекты технологии их разработки / А.В. Куликов. Инновации и современные технологии в системе образования: материалы II Международной научно-практической конференции 20–21 февраля 2012 г. — Пенза–Ереван–Шадринск: Научноиздательский центр «Социосфера», 2012. — С. 105-107.
3. Павельева Н.В. Коллаборативное обучение как модель эффективной реализации образовательного процесса / Н.В. Павельева. — Кемерово: Образование. Карьера. Общество, 2010. — № 3 (29). — С. 30-37.
4. Фрайсин Ж. Обучение в цифровых сетях: кооперативное обучение, коллаборативное обучение и педагогические инновации / Ж. Фрайсин. — Петрозаводск: ПетрГУ, 2016. — № 4 (16). — С. 1-18.

УДК 378

КОММУНИКАТИВНО-ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И ИХ РОЛЬ ПРИ ИЗУЧЕНИИ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ И ПРИКЛАДНЫХ ДИСЦИПЛИН

Могила Н. Н., ORCID 0009-0008-4332-4132

Елисеев Н. А.

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ.

nik.eliseev@yandex.ru

Введение. Информатизация образования в России достигла нового этапа развития, тесно переплетаясь с процессом трансформации самого образовательного процесса и учреждения в целом. Цифровые технологии все более прочно интегрируются в современное образование и практику по всему

миру, занимая центральное место в общественном представлении о будущем образования. Это диктует необходимость более глубокого осмысления этого процесса, повышения качества и расширения объема научных исследований в области информатизации образования.

В настоящее время лингвистическая наука находится в тесной связи с информационными технологиями. С помощью технологий можно успешно решать всевозможные задачи лингвистики. В то же время сама эта наука оказывает значительное воздействие на формирование современных инноваций. В этом и заключается *актуальность* данного исследования.

Цель работы — рассмотреть использование ИКТ при изучении лингвистических и прикладных дисциплин для улучшения качества усвоения студентами учебного материала.

Основная часть. Сегодня информационно-коммуникативная компетентность играет ключевую роль в социальной адаптации личности в обществе, где технологии коммуникации и информации развиты на высоком уровне. В современных условиях владение ИКТ-компетенциями стало неотъемлемым условием успешной профессиональной деятельности. Коммуникационно-информационные технологии представляют собой набор инструментов и подходов, применяемых для передачи информации и взаимодействия между людьми с использованием современных технических средств, таких как интернет, социальные сети, мобильные приложения и другие средства связи, которые обеспечивают эффективную передачу, обработку и получение данных, а также возможность общения и сотрудничества на расстоянии.

Следует выделить исследовательский интерес к области информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) у таких ученых, как В. Л. Акуленок, Н. А. Афанасьев, В. Ф. Бурмакина, М. Г. Дзугоев, Л. В. Добров, В. Б. Клепиков, Е. С. Полат, Г. К. Селевко, А. В. Хуторский, И. Н. Фалина, О. Н. Шилова и др.

Особого внимания заслуживает работа В. Б. Клепикова [1], в которой рассматриваются вопросы оценки индивидуальной ИКТ-компетентности и ИКТ-квалификации педагогов в системе повышения квалификации как одного из аспектов определения их профессионализма при использовании информационно-коммуникационных технологий в образовании.

В своей статье «Проблемы информатизации процесса обучения», Н. А. Афанасьев подчёркивает неразрывную связь между информатизацией учебного процесса и внедрением информационно-коммуникационных технологий (ИКТ). Автор отмечает ряд преимуществ использования ИКТ в образовании, среди которых: повышение эффективности контроля качества обучения и возможность получения более качественного образования. Овладение технологическими навыками, приобретаемыми в процессе обучения с использованием ИКТ, позволит выпускникам быть конкурентоспособными специалистами [2].

Е. С. Полат определяет новые информационные технологии как компьютерные телекоммуникации [3]. По мнению А. В. Демуровой, интернет-коммуникационные технологии выводят общество на качественно новый уровень взаимодействия, обеспечивая общение в виртуальной среде. Л. А. Новикова рассматривает телекоммуникационные технологии (ТКТ) как сетевые технологии, использующие глобальную сеть Интернет для развития межкультурной компетентности.

К сожалению, профессиональное сообщество не пришло к единому мнению относительно толкования понятий *ИКТ-компетентность* и *ИКТ-компетенция*. Некоторые ученые, такие как В. Ф. Бурмакин, И. Н. Фалина, А. А. Елизаров, считают эти понятия синонимами. Другие исследователи, в том числе О. В. Урсова, О. Н. Шилова, М. Б. Лебедева, Л. Н. Горбунова, А. М. Семибратов, связывают ИКТ-компетентность с личностным качеством педагога, проявляющимся в его готовности и способности к самостоятельному использованию ИКТ в учебном процессе. А. А. Елизаров дополнительно подчеркивает необходимость включения в понятие ИКТ-компетентности опыта применения ИКТ.

Учитывая различные точки зрения ученых на понимание дефиниции «ИКТ-компетентности», можно выделить некоторые общие черты:

- необходимость уверенного владения информационными технологиями,
- способность к самостоятельной работе с ними,
- адаптивность к быстрому изменению технологического прогресса,
- значимость этических аспектов при использовании ИКТ.

Информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) и ЦОР стали важнейшими элементами деятельности современного педагога, способствуя оптимизации и интеграции учебной и внеучебной деятельности.

Для повышения эффективности обучения и уровня подготовки студентов используются разнообразные цифровые ресурсы: компьютеры, компакт-диски, веб-сайты, цифровые образовательные ресурсы (ЦОР), интерактивные модели, электронная почта и другие.

В настоящее время информационно-образовательная среда представлена такими значимыми проектами, как Московская электронная школа (МЭШ), которая предоставляет педагогам вуза и учителям образовательных учреждений возможность разрабатывать собственные сценарии занятий и пользоваться методическим опытом коллег.

Платформа ЛЕКТА (<https://lecta.ru>), созданная для внедрения электронного образовательного контента в российских школах, предлагает учителям инструменты для подготовки уроков, заданий и организации онлайн-обучения в классе.

В качестве примеров можно привести платформы «Мультиурок» (<https://multiurok.ru/>), где учителя могут бесплатно создать собственный сайт, и «Глобальная школьная лаборатория» (<https://globallab.org/ru/>), которая служит как инструментом обучения, так и площадкой для организации

исследовательской деятельности учащихся. На этой платформе проводятся совместные онлайн-проекты и исследования, вебинары и конференции.

Популярная стала платформа «Учи.ру», которая ориентирована на самостоятельное совершенствование знаний учащихся в интерактивной игровой форме во внеучебное время. А образовательный конструктор LearningApps.org позволяет создавать авторские интерактивные задания и тренажеры различной сложности и формата, такие как кроссворды, пазлы, игры и викторины.

Важно отметить, что сегодня существует широкий спектр электронных конструкторов для создания тестов, обучающих игр и викторин, что дает педагогам возможность выбора наиболее удобного инструмента. К примеру, сервер Kahoot (<https://kahoot.com/>) предназначен для создания викторин, тестов и проведения опросов.

В науке информационные технологии также выполняют ведущую роль в процессах получения и накопления знаний. Они предоставляют новые методы поддержки фундаментальных и прикладных исследований, выходя за рамки традиционных подходов к накоплению, классификации и распространению научно-технической информации; помогают развивать теоретическую подготовку лингвистов, а также закреплять полученные знания, способствуют подготовке к жизни в информационном пространстве, помогают достичь максимального качества в профессиональной деятельности.

Совершенно очевидно, что получать и накапливать знания помогают методы информационного моделирования, искусственный интеллект, когнитивная компьютерная графика.

Лингвистика и новые информационные технологии не стоят на месте. Перспективным направлением в настоящее время является компьютерная лингвистика. Студенты направления 45.03.03 Фундаментальная и прикладная лингвистика филологического факультета ДонГУ могут составлять словари, изучать их семантико-синтаксическую структуру, создавать базовые процедуры концептуального, семантико-синтаксического и морфологического анализа и синтеза текстов. Среди важнейших инструментов компьютерной лингвистики можно назвать формальную логику, грамматику и алгоритмы.

Не секрет, для лингвистов особую ценность представляют прикладные программы, основанные на информационных технологиях, такие как электронные переводчики, словари и мультимедийные обучающие платформы. Информационные технологии активно применяются в лингвистике для автоматического анализа и синтеза речи. Это позволяет преобразовывать печатный текст в звуковой и наоборот, что имеет большое значение для обеспечения доступности информации.

Кроме того, информационные технологии используются в автоматическом распознавании текста и анализе его структуры. Эти задачи являются ключевыми в компьютерной лингвистике, поскольку они способствуют как развитию теоретических основ искусственного интеллекта, так и созданию эффективных систем машинного перевода.

Вывод. В заключение можно подчеркнуть, что коммуникативно-информационные технологии играют ключевую роль в сфере образования. С их помощью можно отслеживать учебную активность студентов, оценивать результаты их работы, осуществлять автоматизированный контроль за выполнением контрольных и домашних заданий, организовывать образовательный процесс в игровой форме, а также проходить сертификацию по компетенции в области информационно-коммуникационных технологий.

Для повышения эффективности обучения и уровня подготовки студентов целесообразно использовать разнообразные цифровые ресурсы: компьютеры, компакт-диски, веб-сайты, цифровые образовательные ресурсы (ЦОР), интерактивные модели, электронная почта и другие.

Информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) и ЦОР стали важнейшими элементами деятельности современного педагога, способствуя оптимизации и интеграции учебной и внеучебной деятельности. Систематическое внедрение ИКТ в педагогический процесс не только расширяет арсенал методических приемов, но и может кардинально изменить существующие формы обучения. Применение современных ЦОР не просто дополняет традиционный учебный процесс, но и влечет за собой изменения в содержании образования, технологиях обучения и взаимодействии участников образовательного процесса.

Список литературы

1. Клепиков В.Б. Диагностика ИКТ-компетентности и ИКТ-квалификации педагога в свете требований профессионального стандарта / В.Б. Клепиков // Нижегородское образование. — 2016. — №3. — С. 142-148.
2. Афанасьева Н.А. Проблемы информатизации процесса обучения / Н.А. Афанасьева // Наука — образованию, производству, экономике: материалы 16-й Международной научно-технической конференции. — Минск: БНТУ, 2018. — Т. 3. — С. 337.
3. Полат Е.С., Бухаркина М.Ю., Моисеева М.В., Петров А.Е. Новые педагогические и информационные технологии в системе образования: учеб. пособие для студ. высш. учебн. заведений / под ред. Е.С. Полат. — 4-е изд., стер. — М.: Изд. центр «Академия», 2019. — 272 с.

ОСОБЕННОСТИ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНО-ОКРАШЕННОЙ ЛЕКСИКИ В ТЕКСТАХ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ ДОНБАССА

Могила С. А., ORCID 0009-0003-1640-6902

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ

mataj1975@yandex.ru

Введение. Сегодня лингвисты уделяют большое внимание языку средств массовой информации. Возрастающее влияние средств массовой информации на современный русский язык сделало актуальным изучение процессов, происходящих в самом языке СМИ. Эта область функционирования языка является одной из самых активных и динамично развивающихся, а потому требует регулярного внимания и анализа новых явлений, происходящих в СМИ.

Активные процессы словообразования всегда интересовали лингвистов. Это связано с тем, что внутренние возможности словообразовательной системы языка проявляются в особенностях образования новых слов. Русский язык сам по себе обладает большим потенциалом для образования новых лексических единиц.

Актуальность исследования обусловлена растущей ролью средств массовой информации в современном обществе и их влиянием на общественное мнение. Эмоционально-окрашенная лексика является важным инструментом воздействия на читателей, формируя их восприятие событий и явлений. Анализ особенностей словообразования такой лексики в текстах периодических изданий помогает лучше понять механизмы создания и использования эмоционального контекста в СМИ.

Основная часть. Эмоциональная информация, заложенная в лексических единицах, является основным фактором воздействия печатных СМИ. В связи с этим способы словообразования эмоционально-окрашенных лексических единиц представляются одной из наиболее приоритетных и сложных задач анализа.

Основными средствами передачи эмоционально-экспрессивной информации в печатных СМИ выступают словообразовательные, лексические, фразеологические и синтаксические средства, важнейшим ресурсом выражения эмоционально-экспрессивной информации является лексика (эмотивные, экспрессивные и слова с культурно-коннотативным компонентом значения).

В текстах периодических изданий эмоционально-окрашенная лексика характеризуется специфическими способами словообразования, включающими аффиксацию, конверсию и сложение. Эти методы активно используются для создания слов с эмоциональной окраской, что позволяет авторам выражать свое отношение к описываемым событиям и явлениям.

В различных жанрах периодических изданий (новости, аналитика, репортажи, комментарии) наблюдаются значительные различия в частоте и способах использования эмоционально-окрашенной лексики. Жанры, ориентированные на выражение мнений и оценок, используют такую лексику более активно по сравнению с жанрами, ориентированными на объективное представление фактов.

Для анализа были выбраны выпуски газеты «Вечерняя Макеевка» за период апрель-май 2021 года и февраль-март 2022 года. Общее число словоформ для исследования составило 50 016 единиц.

Наиболее частотным оказался морфологический способ словообразования.

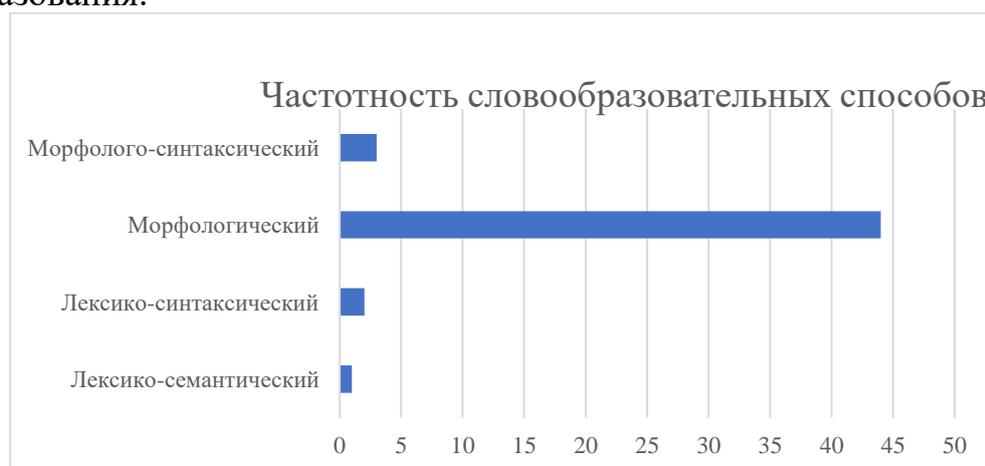

Рис. 1. Частота словообразовательных способов эмоционально-окрашенной лексики

Рис. 2. Морфологический способ образования

Суффиксальный способ словообразования преобладает в морфологическом виде словообразования эмоционально-окрашенной лексики. Например: *бабулечка, войнушка, детище, дочурка, земляк, конёк, лапушка, миленький, походочка, работяга, сахарок, точнехонько.*

Заключение. Таким образом, в результате проведенного анализа можно сделать вывод, что морфологический способ преобладает над другими, а суффиксальный способ является наиболее распространенным в

словообразовании эмоционально-окрашенной лексики в печатных СМИ. Суффиксы «-ушк», «-еньк-» или «-оньк-» используются журналистами для придания пренебрежительного, иронического отношения к чему-либо или уменьшительно-ласкательной характеристики.

Подводя итог вышесказанному, можно заключить, что выбор лексических средств, выражающих языковую эмоциональную оценку, отечественными печатными изданиями: 1) находится в прямой зависимости от задач адресанта; 2) ориентирован на выражение эмоционально-оценочного компонента информационных газетных текстов.

Список литературы

1. Лукьянова Н.А. Экспрессивная лексика разговорного употребления: Проблемы семантики / Н.А. Лукьянова. – Новосибирск: Наука, 1986. – 227 с.
2. Пиотровская Л.А. Эмотивные высказывания как объект лингвистического исследования (на материале русского и чешского языков) / Л.А. Пиотровская. — СПб.: Изд-во Санкт-Петербург ун-та, 1994. — 145 с.
3. Сенкевич М.П. Культура радио- и телевизионной речи: [Учеб. пособие для вузов] / М.П. Сенкевич. — Москва: Высш. шк., 1997. — 94 с.
4. Сергеева Л.А. Проблемы оценочной семантики / Л.А. Сергеева. — Москва, Изд-во МГОУ, 2003. — 136 с.

УДК 811.161.1'276.3-055.1-055.2

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ И РЕЧЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ МУЖЧИН И ЖЕНЩИН

Могила С. А., ORCID 0009-0003-1640-6902,

Юрчук К. А., ORCID 0009-0003-5711-0390

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ

tamaj1975@yandex.ru; xeniayurchuk@yandex.com

Введение. Мужчины и женщины по своей природе очень разные. Это проявляется как в повседневной жизни, так и на работе. Как правило, различия в речи определяются несколькими генетическими, анатомическими и поведенческими характеристиками. В этой работе рассмотрим третий признак.

Цель данной работы заключается в анализе языковой личности мужчин и женщин, а также классификации особенностей и сравнении речевого поведения представителей разных полов.

Основная часть. Гендерная дифференциация — одно из тех универсальных явлений, которые так или иначе рассматривают и изучают все гуманитарные науки. Понятие «гендер» вошло в парадигму современной лингвистики гораздо позже, чем в другие гуманитарные

дисциплины, то есть во второй половине этого века. До недавнего времени считалось, что гендерные различия не имеют прямого отношения к языку, и лингвистике уделялось мало внимания, однако последние исследования создали достаточно богатый фундамент для построения теоретических моделей маскулинного и фемининного поведения.

Особенности речевого стиля мужчин и женщин проявляется на двух уровнях: речевого поведения и речи. Говоря о применении тех или иных частей речи, ученые пока не пришли к единому мнению, кто же употребляет больше глаголов – мужчины или женщины. Одни говорят, что женщины – для того, чтобы сделать свою речь более живой, ведь живость и эмоциональность стоят недалеко друг от друга. Другие говорят, что мужчины, потому что глаголами проще сделать речь четкой и динамичной, а также показать последовательность событий. Однако практически все специалисты сходятся во мнении, что женщины применяют больше прилагательных, так как ими можно передать краски, детали, оттенки, которые женщины очень любят. На счет существительных споры тоже не возникают: мужчины гораздо чаще употребляют абстрактные существительные, в отличие от женщин, у которых в обиходе чаще встречаются конкретные существительные (в том числе имена собственные). В то же время мужчины любят конкретику, а **женщины** порой прибегают к витиеватым фразам, различным образным синонимам. Женщины предпочитают личные местоимения — *я, ты, он, мы* и т. д. Мужчины предпочитают дифференцировать объекты или явления, поэтому часто используют притяжательные местоимения — *мой, твой, его* и т. д., — и притяжательные прилагательные.

Вопреки стереотипу о том, что женщина в день произносит около 20 тысяч слов, а мужчина — в два раза меньше, учеными было доказано, что женщины говорят меньше, или точнее сказать, представители обоих полов говорят примерно одинаково. Зато женская речь куда более экспрессивна, оценочна и включает в себя большую концентрацию эмоционально окрашенной лексики. При этом, присутствует склонность к интенсификации прежде всего положительной оценки. Для мужчин оценки менее характерны и мужская лексика чаще всего стилистически нейтральна, но наблюдается склонность в сторону отрицательной оценки, включая стилистически сниженную, обценную лексику и инвективы, кроме того, представители мужского пола гораздо чаще употребляют сленговые слова и выражения.

Говоря о связи предложений в речи, **мужчины преимущественно** употребляют подчинительную синтаксическую связь, а также придаточные времени, цели и места. Они часто выстраивают логические цепочки, иерархии, устанавливают причинно-следственную связь, и эта особенность мышления видна в данной области их речи. В **женской речи** преобладают придаточные степени сравнения и уступительные предложения. Мужчины

чаще используют приказы, а женщины — непрямые просьбы. При ответе на вопрос, мужчины зачастую желают получить четкую и конкретную точку зрения, поэтому и вопрос они ставят довольно четко. А многие женщины, наоборот, отвечают образными выражениями, а вопросы ставят более открытыми. В одном из психолингвистических анализов сочинений Е. И. Горошко, оказалось, что для мужчин характерен рационалистический стиль, а для женщин характерен эмоциональный. Мужские поля более стереотипны и упорядочены, стратегия ассоциативного поведения (пояснительные и функциональные характеристики) значительно отличается от женской (ситуационной и атрибутивной) стратегии. Представители мужского пола «переключаются» тяжелее, увлекаясь обсуждаемой темой, не реагируют на реплики с ней не связанные.

Что касается письменной речи, А. Кириллина и М. Томская дали отличительные характеристики мужской и женской письменной речи в статье «Лингвистические гендерные исследования». Рассмотрим их в тезисах.

Таблица

Мужская письменная речь	Женская письменная речь
<ul style="list-style-type: none"> • Частое употребление вводных слов, имеющих значение констатации: очевидно, конечно, несомненно; • Большое количество абстрактных существительных; • Употребление слов с наименьшей эмоциональной индексацией при передаче эмоционального состояния; • Однообразие лексических приемов при передаче эмоций; • Сочетания официально и эмоционально маркированной лексики при обращении к родным и близким людям; • Несоответствие знакам препинания эмоциональному накалу речи. 	<ul style="list-style-type: none"> • Наличие множества вводных слов, местоименных подлежащих и дополнений, а также модальных конструкций, выражающих неуверенность, предположительность и неопределенность; • Склонность к употреблению «престижных», стилистически повышенных форм, клише, книжной лексики (испытал чувство брезгливости, резкий разговор); • В инвективах высокую частотность обнаруживают зоонимы (глухая тетеря, баран малахольный); • Конструкции «наречие + наречие» (очень хорошо, слишком безжалостно).

Заключение. Исходя из данной работы, мы можем сделать вывод о том, что речевое поведение представителей мужского и женского пола кардинально отличается друг от друга. Женщины гораздо легче, чем мужчины, меняют свои планы, вносят коррективы, порой весьма существенные. При этом они менее настойчивы в реализации своих планов, но также менее сдержанны в проявлении эмоций. Мужчины, в свою очередь, более скупы на выражение эмоций, в диалоге намного реже задают собеседнику уточняющие вопросы, однако в споры входят уверенно и любят демонстрировать свою рациональность и компетентность.

Список литературы

1. Гендер и язык / Венедиктова Т. Д., Воронина О.А., Дубин Б.В. [и др.]. — Москва: Московский гос. лингвистический ун-т; Лаборатория гендерных исследований: Языки славянской культуры, 2005. — 624 с. — ISBN: 5-9551-0011-3.
2. Караулов Ю.Н. Языковая личность: Лингвистические и психологические аспекты / Ю.Н. Караулов. — Москва: ЛИБРОКОМ, 2019. — 264 с. — ISBN: 978-5-397-06618-1.
3. Кобозева И.А. Гендерная лингвистика: учебное пособие / И.А. Кобозева; под редакцией З.К. Темиргазина. — Москва: Флинта, 2015. — 381 с. — ISBN: 978-5-9765-3852-8.
4. Холодова М.А. Гендерная лингвистика: Теория и практика / М.А. Холодова. — Санкт-Петербург: Лань, 2010. — 312 с.

УДК 81.11

СКРЫТАЯ КОММУНИКАТИВНАЯ ДЕМОНСТРАТИВНОСТЬ ОДЕЖДЫ

Тисленкова И. А., канд. филол. наук, доц., ORCID 0000-0002-7202-2773
ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный технический университет»,
г. Волгоград, РФ
tislenkova@bk.ru

Введение. Невербальная коммуникация, оформляемая средствами скрытой коммуникативной демонстративности, является важной особенностью общения, в процессе которого индивид передает информацию о себе другим членам общества через свой внешний вид.

Коммуникативная демонстративность представляет собой эмоционально-стилевую форму взаимодействия, характеризующуюся установками на самопрезентацию, неискренность с тенденцией к преувеличению своих качеств, акцентированностью доминирующей эмоции, выражаемых посредством семиотической полимодальности. Данная тональность функционирует в своей акцентированной и неакцентированной разновидностях. Скрытая коммуникативная демонстративность является эмоционально-стилевой формой коммуникации, характеризующейся представлением своего образа, его значимого качества и связанной с ним доминирующей эмоции имплицитными языковыми и неязыковыми средствами, требующими интерпретации реципиентом [1].

Настоящее исследование посвящено коммуникативному выражению скрытой демонстративности средствами семиотики одежды. **Цель исследования** состоит в выявлении функций коммуникативной демонстративности одежды.

Основная часть. Человек во многом оценивается окружающими на основе его внешнего вида, манере речи, просодии, жестики, мимики и кинесики. Умение преподнести себя, построить благоприятный имидж

складывается исходя из общественных представлений о поведении индивида в рамках определенного статуса [2, с. 56]. Одежда, неотъемлемая составляющая личности коммуниканта, подбирается в соответствии с жизненным укладом, склонностями и интересами, концепцией собственного «Я».

Несмотря на непохожесть в одежде людей, связанные с их принадлежностью к различным слоям общества, социальным группам, следованию этническим и религиозным традициям, каждый человек создает оригинальный имидж, выражая таким образом свою индивидуальность и адаптируясь к жизни в обществе:

(1) Был я в одной аудитории, слушал Касьяна. Он тогда еще не был Кассиан. Конечно, *вышел в сапогах, в косоворотке, глаза играют, зубы, как гармонь, — прямо тракторист*. Ну, прослушали мы весь его репертуар. Народу битком, овации. *А на завтра мне повезло, увидел его случайно на одной даче. Костюм, отрыжка прошлого — галстук. Умел, оказывается, и галстук завязать. Зубы свои спрятал*. И речь, речь! Совсем другая речь! И вдруг узнаю, что никакой он не бедняк был, отец у него был «грамотный зажиточный крестьянин», имел паровую молотилку. *Для меня, Федор Иванович, это было первое научное открытие. Я увидел, что человек сам может создавать в себе «народный тип»* [3].

В примере (1) показана ситуация, когда для успеха в научной карьере Рядно прибегает к скрытой демонстративности во внешнем виде. Он всячески транслирует образ академика из народа, фальшивое крестьянское происхождение, что помогает ему завоевать доверие и получить максимальную поддержку властей.

План представления себя моделирует подсознание, отвечающее за поведение в повторяющихся ситуациях [4]. Этот план опирается на произвольное копирование престижных характеристик авторитетной личности. Вместе с этим, когда человек выбирает свой образ действий, он только частично сознательно ориентируется на себя самого. Надевая модные дорогие вещи известных брендов или предметы гардероба, которые носят статусные люди, субъект перенимает или изображает их идеи и ценности:

(2) Вдове могло быть лет за сорок <...> Высокомерие не только портило величие ее черт, оно убивало его. Казалось, даже ее подбородок был как-то неестественно вздернут. Взгляд был холоден и жесток. <...> На ней было красное бархатное платье, а на голове *тюрбан из индийского шёлка, придававший ей, как она, вероятно, воображала, что-то царственное*» [5].

Скрытая демонстративность в поведении миссис Ингрэм (2) выражена демонстративным предметом — тюрбаном, который обычно носили монаршие особы. Глядя на этот головной убор, реципиенты проникались к говорящей особым уважением, так как он подчеркивал ее знатное происхождение.

(3) Люся (коллега): А откуда у тебя эти сапоги? Я полгода за такими гоняюсь.

Надя: А *это мне принесли. Франция.*

Люся (коллега): А джинсы какие? Индийские?

Надя: Ты что с Урала?! Что, вон разве не видно? По котону и по лэйблу? <...>

Люся (коллега): Честно говоря, я не ожидала увидеть на тебе такие.

Надя: Да, у меня *еще есть, которых в Советском Союзе две-три пары и те — на дипломатах...* . Давно уже.

Люся (коллега): Какая ты подпольная модница. Не ожидала от тебя такого [6].

В примере (3) инженер Надя Ключева, следуя советам своей подруги Сусанны, пытается произвести впечатление на красавца-коллегу Володю Смирнова, для чего приходит на работу в модной импортной одежде, одолженной у фарцовщика. Скрытая демонстративность выделяет её среди сослуживцев, подчеркивает индивидуальность.

Заключение. Одежда точно показывает основные характеристики индивида, которые принимаются во внимание окружающими при взаимодействии с ним. Коммуникативная демонстративность одежды реализует такие важные функции, как аттрактивная, информационная и самопрезентирующая.

Список литературы

1. Тисленкова И.А. Типологический анализ коммуникативной демонстративности / И.А. Тисленкова // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2024. —Т. 22. —№. 1. — С. 17-26.
2. Гусельникова В.А. Стиль и имидж как средство самопрезентации и коммуникации / В.А. Гусельникова, О.В. Горшунова // Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции «Дизайн и искусство - стратегия проектной культуры XXI века». Том Часть 1. — Москва: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный университет имени А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство)», 2021. — 2021. — С. 56.
3. Дудинцев В. Белые одежды / В. Дудинцев. — Текст: электронный. — 1966. — URL: <https://www.livelib.ru/book/232169/readpart-belye-odezhdy-vladimir-dudintsev> (дата обращения: 11.09.2024).
4. Мазикина М.С. Сущностная характеристика технологии самопрезентации / М.С. Мазикина // Психологический и педагогический подходы к образованию в цифровом обществе: сборник статей Международной научно-практической конференции. — Уфа: Общество с ограниченной ответственностью «Аэтерна», 2022. — С. 57.
5. Бронте Ш. Джейн Эйр / Ш. Бронте. — 1847. / Ш. Бронте. — URL: <https://azbyka.ru/fiction/dzhen-jejr-sharlotta-bronte/17/> (дата обращения: 11.09.2024).
6. Самая обаятельная и привлекательная. Художественный фильм / Реж. Г. Бежанов. Киностудия «Мосфильм». — 1985. — URL: <https://rutube.ru/video/729b5f6f1bf6bb20ce234eeac753d7cd/> (дата обращения: 11.09.2024).

НЕГАТИВАЦИЯ ЗНАЧЕНИЯ УКРАИНИЗМОВ В СОВРЕМЕННОМ РАЗГОВОРНОМ И МЕДИЙНОМ ДИСКУРСЕ

Титаренко Э. А., канд. филол. наук, ORCID 0009-0001-0346-9934
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
titarenko.el.a@mail.ru

Введение. Проблема заимствований сложна и актуальна, она включает в себя собственно лингвистическую, социолингвистическую, психолингвистическую и политическую составляющую. Вопросом изменения оценочной коннотации заимствований занимались лингвисты Л. П. Лобковская, Е. В. Маринова, И. А. Муравская и др., новейшие украинские заимствования в русском языке проанализированы в работах И. П. Зайцевой, Т. И. Колесник, Т. М. Поляковой и др.

В исследовании Т. И. Колесник [4] представлен лингвоэкологический анализ употребления украинизмов с отрицательной коннотацией в медиадискурсе на материале новостных Telegram-каналов, выделены основные группы украинизмов с пейоративным значением: 1) лексемы с семантическим сдвигом (*гроши*), 2) композиты (*щеневмерла*) и 3) эрративы (*Халю, Олэнка*). Н.И. Иванюк, исследуя функционирование лексемы *незалежний* в современном русском медийном дискурсе, отмечает, что до 2010 года слово *незалежний* чаще употреблялось в русскоязычных СМИ Украины (по сравнению с российскими), где оно не имело негативных коннотаций, потом лексема стала активно использоваться в российских СМИ и перестала восприниматься как экзотизм, заменяя слова «Украина», «украинский» и приобретая негативные, зачастую пренебрежительно-саркастические коннотации [3, с. 139]. Согласно И. П. Зайцевой, в современной (2021 г.) русскоязычной публицистике включаемые в текст элементы близкородственного украинского языка в большинстве случаев наделяются функциями негативной оценки изображаемого (которое практически всегда подается в сатирическом или сатирико-ироническом ключе) [1, с. 248].

Цель. Рассмотрим детальнее отмеченный исследователями процесс негативации значения, характерный для новых украинизмов в современном разговорном и медийном дискурсе.

Основная часть. Свидомый. В украинском языке употребляется со значением ‘придерживающийся системы определенных взглядов’, ‘правильно понимающий и оценивающий действительность’, с нейтральной и положительной оценкой. При заимствовании реализует значение ‘сторонник ориентации Украины на Запад и изоляции от России’, — негативная оценка: *Сейчас ты мне не поверишь, свидомый бывший друг* [vk (03.09.2014)]. Если изначально заимствование *свидомый* выступает

атрибутом украинца, то со временем его сочетаемость расширяется: *свидомые венгры, чехи; свидомая контрпропаганда: <...> и вот уже отряды свидомых венгров ходят по столице своей родины, рассказывая на камеры, как они не хотят торговать ничем с Россией, а хотят покупать кружевные трусики у ЕС* [Разговоры о бане // Известия, 18.02.2015]. *Свидомые чехи пишут историю своего народа со времен динозавров.*

Щирый, укр. щирий ‘выражающий настоящие, неподдельные чувства, мысли’, позитивная оценка, при заимствовании реализует значение ‘представляющий себя украинцем, особо отличающимся от русского’, — негативная оценка: *Маскируется старательно, но я щирого узнаю по походке, по манерам, по шароварам.* [Незавидная судьба российского либераста (2014-2021)] *Также известны случаи, когда «щирых украинцев» использовали в качестве живых миноискателей.* [В. Грачиков. Блог Valerongrach-a (2018)] *И теперь самое обидное для хохлов: у соседей-белорусов (которых щирые и свидомые украинцы считают «тупыми совками») — 7400.* [vk (14.03.2014)].

Примеры, иллюстрирующие возможность определения украинизмом *щирый* представителей других национальностей, связываем с сужением значения до ‘особо отличающий себя от русского’: *А ну, отгадай загадку, — хитро приглашал своего товарища один щирый магаданец.* (В. Сосновский, Хирург, 2021). Примечательно, что значения слова *щирый*, представленные в словаре В.И. Даля, имеют положительную оценку, не характерную для современного разговорного и медийного дискурса, ‘истинный, суший, истый, точный, подлинный, настоящий; прямой, откровенный, искренний, чистый, нехитростный’: *щирая любовь, щирое золото, щирая правда, щирый дурень, мачеха не щирая мать, щирость речей моих покажет дело.* Современный контекст употребления украинизма *щирый* преимущественно политизирован, слово получает пейоративную окраску.

Херой, укр. герой. Употребляется как эрратив, искаженная норма, утрировано ошибочное написание слова, искусственно адаптированное к реальному произношению — украинскому фрикативному [γ]: *На КисельТВ показали сюжет про толерантность и европейскость украинских хероев.* [Незавидная судьба российского либераста (2014-2021)]. Согласно выборке из НКРЯ, «хероями» в русскоязычном сетевом дискурсе именуют *хероев Небесной сотни, хероев под Крутами, «хероев» УПА, хероев революции гідности, хероев АТО, хероев майдана.*

Перемога, укр. ‘победа’. Отмеченная Г.П. Нецименко [5, с. 121] связь возрастания осознания этноидентифицирующей роли родного языка (по принципу «свой — чужой») при заимствовании актуализируется в случаях употребления данного украинизма. Исследователи отмечают мемный статус лексемы *перемога*. *Для оценки неоднозначных событий или заявлений часто используются выражения «це зрада» (это предательство)*

и «це *перемога*» (это *победа*). [Генштаб Украины запустил мем «Будь как Микола» для борьбы с паникой в соцсетях // lenta.ru, 28.01.2016] *Но это не беда! Главное перемога! Главное Европа!* [vk (16.09.2014)] Сравним с примером из 80-х: *Есть образное, точное по смыслу, емкое украинское слово перемога — победа.* [Л.И. Брежнев. Возрождение (1980)]. Видим, что, в отличие от современного разговорного и медийного дискурса, в высказывании Л.И. Брежнева слово *перемога* имеет положительную эмоциональную окрашенность.

Негативацию значения отмечаем и для украинизма *ненька*: *Но сказал боец «Пятнашки», Поправляя автомат: Кому — ненька, Кому — кат.* (Е. Латаев. Не пишите нам на мове)

Заключение. Негативацию значения, отличающую новые украинизмы в разговорном и медийном дискурсе, можно объяснить тем, что они воспринимаются как идеологически чуждое, несущее с собой нечто, не свойственное русской национальной культуре, национальным обычаям и традициям и т. п. Согласно Д. Н. Ильину [3], процесс позитивации / негативации лексического значения выполняет в диахронии и синхронии языка кумулятивную функцию — функцию накопления культурной информации. Задача лингвиста состоит в том, чтобы вскрыть эту информацию и выявить ее закономерности.

Список литературы

1. Зайцева И.П. Взаимодействие близкородственных языков в современной публицистике: возможности повышения экспрессивности / И.П. Зайцева // Медиалингвистика, — 2021. — Т. 8, № 3. — С. 248–260. — URL: <https://doi.org/10.21638/spbu22.2021.304>
2. Иванюк Н.И. Функционирование лексемы *незалежний* в современном русском медийном дискурсе / Н.И. Иванюк // Ученые записки КФУ им. В.И. Вернадского : Филологические науки — Т. 1(67). — № 4. — 2015. — С. 136-139.
3. Ильин Д.Н. Развитие лексической семантики. Процессы позитивации / негативации значения слова в русском языке : монография / Д.Н. Ильин — Ростов-на-Дону; Таганрог : Изд-во Южного федерального ун-та, 2018. — 148 с.
4. Колесник Т.И. Украинизмы с пейоративной семантикой в современном медиадискурсе: лингвоэкологический аспект / Т.И. Колесник // Гуманитарные и социальные науки. — 2023. — Т. 97. — № 2. — С. 45-49. — DOI: 10.18522/2070-1403-2023-97-2-45-49
5. Нещименко Г.П. Заимствования как проявление культурно-языковых контактов и их функционирование в языке-реципиенте / Г.П. Нещименко // Встречи этнических культур в зеркале языка: (в сопоставительном лингвокультурном аспекте) / Науч. совет по истории мировой культуры. — М. : Наука, 2002. — С. 121-151.

ПОНЯТИЕ О НОРМЕ И ЕЁ ТИПАХ В СОДЕРЖАНИИ ПРАКТИЧЕСКИХ ЗАНЯТИЙ ПО ИСТОРИИ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

Янышевская В. В., ORCID 0009-0001-9940-4827

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ

wera742007@rambler.ru

Введение. История русского литературного языка (далее — ИРЛЯ) входит в число проблемных дисциплин исторического цикла и включает в теоретическое содержание разные, иногда прямо противоположные точки зрения ученых на его происхождение и развитие. Это, в свою очередь, исключает наличие единого представления о таких концептуальных понятиях, как *литературный язык* в пределах XI–XVII вв., о характере языковой ситуации, сложившейся в Древней Руси и определившей взаимосвязь между языком-природой и языком-культурой. Сегодня отношение к предмету вузовского курса ИРЛЯ можно охарактеризовать двумя разными подходами: кто-то рассматривает его как историческую стилистику, как науку, опирающуюся на категорию употребления, а кто-то считает, что ИРЛЯ — это наука о становлении и развитии книжной нормы в процессе эволюции общенационального языка. Проблема нормы и характер её отражения в текстах XI–XVII вв. в науке об истории русского литературного языка до конца не изучены. Обращение к заявленной теме сохраняет актуальность в контексте практической работы на занятиях по этой дисциплине, которая в составе других фундаментальных дисциплин должна оцениваться только как лингвистическая. В этом мы солидарны с мнением Б. А. Успенского, который утверждает: «Различение *языка*, под которым понимается механизм порождения текста, и *речи*, под которой понимается текст как таковой, является одним из основных принципов лингвистики как науки. Оно отнюдь не теряет своей актуальности и в применении к литературному языку» [5, с.7]. Сказанное имеет прямое отношение к попыткам некоторых ученых отождествить такие понятия, как *литературный язык* и *язык литературы*, что является, на наш взгляд, неправомерным.

Цель сообщения — познакомить слушателей (читателей) с методикой анализа языка древнейших памятников письменности, получивших статус *литературных*, в соответствии с концепцией курса ИРЛЯ, разработанной на филологическом факультете Донецкого государственного университета доцентом Л. Н. Саркисовой (1928–2016 гг.) и в обновлённом виде используемой сегодня в студенческой аудитории на практических занятиях по названному курсу [3].

Основная часть. Работа с письменными источниками, дошедшими до нас в большом количестве, является главной целью практических занятий по истории русского литературного языка. Однако началу специального

лингвистического анализа текстов должна предшествовать обязательная теоретическая подготовка студентов по усвоению важных теоретических положений, которые, в конечном итоге, определяют методологические основы всего курса. Особое внимание в процессе усвоения ИРЛЯ должно быть уделено донациональному периоду (XI–XVII вв.), который для истории русского языка по многим параметрам считается проблемным.

Формирование древнерусского литературного языка было связано с наличием двух языковых систем, письменно зафиксированных в разных источниках. С одной стороны, это был *церковнославянский язык* (или, выражаясь точнее, *старославянский язык русской редакции*), с другой, *древнерусский язык*, который представлял собой систему систем, соединяя диалекты восточных славян. Изначально книжный церковнославянский язык был нормализован и его нормы в двух своих разновидностях были представлены в текстах определенного типа. С одной стороны, это были специфические книжные нормы, не соотносимые с узуальными (традиционными) нормами русского языка. С другой, в языке памятников письменности были отмечены книжные нормы, но уже соотносимые с не книжными. Таким образом, в текстах древнерусского периода были созданы условия для появления вариантов, имеющих отношение к разным языковым системам. М. Л. Ремнева предлагает выделять *строгую норму* и *норму сниженного типа*, которые соотносятся с церковнославянским языком и языком древнерусской народности [2, с. 30–31]. Студенты-филологи получают представление об этом процессе в курсе старославянского языка и позднее успешно анализируют перечисленные выше разновидности книжных норм на занятиях по исторической грамматике. В качестве примера делаем ссылку на статью студентки (тогда еще второго курса) Д. Борозенец, которая успешно продемонстрировала опыт самостоятельной работы с текстом в обозначенном аспекте [1].

Вторым письменным языком на Руси был деловой язык, на котором были написаны документы, имеющие отношение к праву. По поводу «литературности» огромного массива этих памятников письменности до сих пор ведутся споры, которые базируются только на одном факте: язык этих документов не был церковнославянским и не содержал книжных норм. Важно, однако, заметить, что понятия *письменный язык* и *литературный язык* в древнерусский период не совпадали, хотя эти явления ученые нередко отождествляли. По нашему же мнению, студенты должны понимать, что не всякая письменная фиксация может быть приравнена к понятию *литературный язык* и что литературным следует считать только тот текст, в котором последовательно отражаются книжные нормы. Если в анализируемом тексте книжная норма отсутствует или сильно колеблется, то зачастую речь идет о памятнике разговорного (диалектного) языка (подробнее об этом см. [6]).

Все дошедшие до нашего времени памятники письменности условно делятся на 4 типа: а) церковно-книжная письменность; б) светская литература; в) деловая литература (как особая разновидность светской); г) бытовая

литература (или литература бытового характера). В соответствии с нашей концепцией курса ИРЛЯ бытовая литература исключается из числа памятников литературного языка, поскольку язык таких текстов (берестяных грамот, надписей бытового характера и т. д.) не отражает книжной нормы [5]. К проблемным относятся памятники деловой литературы, которые включены нами в разряд памятников литературного языка. Анализ этих источников показывает, что нормы делового (административного) языка сформировались на основе русской разговорной речи без влияния со стороны церковнославянского языка. Поддерживая это мнение, академик О. Н. Трубачев призывал «очнуться от гипноза письменной формы языка» и подумать о возможных путях к наддиалектным средствам общения и хранения информации, которые возникали на основе различных местных диалектов. Язык деловой литературы следует отнести к устному культурному диалекту [4], отражающему начало процесса нормализации живого разговорного языка восточных славян.

Заключение. В процессе анализа норм разного типа студенты-филологи третьего года обучения в целом успешно справляются с поставленными перед ними задачами, но испытывают определенные трудности в выделении орфографических, лексических и синтаксических норм разного типа в анализируемых текстах. Это связано с разными причинами, среди которых следует выделить отсутствие в учебных планах бакалавров отдельных дисциплин по исторической лексикологии, по истории орфографии и историческому синтаксису. Курсы ИГРЯ и ИРЛЯ нуждаются в увеличении учебных часов, что в значительной мере будет способствовать качественному усвоению основ истории родного языка.

Список литературы

1. Борозенец Д.И. Из наблюдений над языком «Слова о полку Игореве»: опыт моего первого лингвистического анализа древнерусского текста / Д.И. Борозенец // Актуальные проблемы изучения славянских языков. Материалы II Международной конференции студентов и молодых ученых памяти проф. Е.С.Отина. — Донецк, 2017. — С. 41-48.
2. Ремнева М.Л. Пути развития русского литературного языка XI-XVII вв. / М.Л. Ремнева. — Москва: Издательство Московского университета, 2003. — 336 с.
3. Саркисова Л.Н. О концепции курса «История русского литературного языка» / Л.Н. Саркисова // Вестник Донецкого национального университета. Серия Б. Гуманитарные науки. — №2. — 2009. — С. 36-47. — ISSN 1817-2253
4. Трубачев О.Н. В поисках единства / О.Н. Трубачев. — Москва: Наука, 1997. — 284 с. ISBN 5-02-011298-4
5. Успенский Б.А. История русского литературного языка (XI-XVII вв.). — Москва: Аспект Пресс, 2002. — 338 с. — ISBN 5 — 7567 — 0146 — X
6. Яньшевская В.В. Проблемные вопросы изучения бытовой и деловой литературы на практических занятиях по истории русского языка / В.В.Яньшевская // Донецкие чтения 2022: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности. Материалы VII Международной конференции, посвященной 85-летию Донецкого национального университета. — Т.4. Филологические науки. Часть 1. — Донецк: Издательство ДонНУ, 2022. — С.203-206. — ISSN: 2664 - 7362

НЕОНОМИНАЦИИ ЛИЦА ЭПОХИ СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ

Ярошенко Н. А., канд. филол. наук, доц., ORCID 0009-0007-1208-1505
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
nyaroshenko@yandex.ru

Общеизвестно, что именно лексико-семантическая подсистема языка наиболее оперативно реагирует на все те изменения, которые происходят в политической, экономической, социальной, культурной и других сферах жизни общества. Так, в новейшей истории развития практически всех языков начиная с 2020 г. происходило формирование так называемого коронавирусного новояза (см. [4]), который может рассматриваться как проявление динамики языковой картины мира. По справедливому утверждению Е Линь, «результатом отражения новых слов в лексической системе языка является неологическая картина мира, отражающая и культивирующая новый образ языка современности» [1, с. 48], а «неологические единицы объективируют неологическую картину мира, представляя образ мира в его изменении» [1, с. 48].

Яркой иллюстрацией вышесказанного в свою очередь может служить реакция языка, собственно языковой и неологической картин мира на переломные для России события, связанные с проведением специальной военной операции на территории Украины. В официальном телевизионном Обращении Президента 24.02.2022 г. целями СВО были названы военная помощь республикам Донбасса, денацификация и демилитаризация Украины, обеспечение безопасности России.

Предлагаемая работа продолжает цикл публикаций автора, связанных с разноаспектным изучением неониминаций в целом и неониминаций лица в частности (см. [2-7 и др.]), и **ставит целью** установить и описать лексико-семантические подгруппы неониминаций лица, которые функционируют в русском языке новейшего периода для обозначения человека как участника и очевидца тех событий, реалий, которые прямо или косвенно связаны с эпохой специальной военной операции. Отметим, что в русском языке наряду с официальным названием *специальная военная операция*, активно используются такие номинаты, как *СВО*, *спецоперация*, *Z-операция*, *операция Z*.

Материал исследования извлекался методом сплошной выборки из интернет-источников различных типов, также базой фактического материала послужили научно-информационный орфографический академический ресурс «Академос» Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН (<https://orfo.ruslang.ru>) и информационно-поисковый лексикографический ресурс «Новое в русской лексике».

Словарные материалы» Института лингвистических исследований РАН (<https://neolex.iling.spb.ru>).

Как свидетельствуют систематизация и анализ собранных нами неониминаций и актуализированных номинаций лица, их можно разделить на следующие лексико-семантические подгруппы:

1. Прежде всего, безусловно, следует назвать неониминации со значением ‘участник СВО; военнослужащий, который принимает участие в специальной военной операции’: *СВОшник, свошник, эсвэошник*. Как видим, здесь реализуется в целом характерная для неониминаций тенденция орфографической вариативности. При этом написание *эсвэошник* отражает побуквенное прочтение аббревиатуры *СВО*. Частотной также является такая неониминация этой подгруппы, как *чевэкашник* (< *ЧВК* ‘частная военная кампания’ + *-шник*), написание которой было закреплено в «Академосе» в 2022 году. К этой же группе относятся менее частотные номинативы типа *зет-армеец, зет-военный, Z-доброволец*. Следует отметить, что в лексическом значении неониминации *Z-доброволец* также реализуется такая дифференциальная сема, как ‘добровольно, по зову сердца (участвовать в специальной военной операции)’. Ср. также *Z-герой*. К актуализированным номинативам этой группы относится обозначение *кадыровцы (кадыровец)*, которое, как известно, является неофициальным названием подразделений Росгвардии, МВД и МО России, которые дислоцируются в Чеченской Республике и личный состав которых набран из чеченцев.

2. К предыдущей группе примыкают неониминации лица со значением ‘тот, кто призван в соответствии с Президентским указом о частичной военной мобилизации’: *мобик* (< *мобилизация* + *-ик*), *чмобик* (< *частичная мобилизация* + *-ик*). При этом давно известная языку номинатив *мобилизованный* в контексте событий СВО также приобретает уточняющее значение.

3. Отдельную подгруппу образуют номинативы со значением ‘сторонник СВО; тот, кто активно поддерживает СВО’, которые образованы по разным словообразовательным моделям и восходят к разным, хотя и семантически близким, производящим базам: *засвошник, засвэошник, зетовец, зэтовец, завоенец*. Ряд номинативов этой подгруппы, которые используются в речи противников СВО и в частности в речи либералов, мы не приводим здесь по причинам этического характера.

4. Подгруппу, семантически противоположную по отношению к предыдущей, образуют неониминации со значением ‘противник СВО; тот, кто активно выступает против СВО’. При этом неониминации этой подгруппы также разнообразны в плане формантов и производящих основ: *нетвойнист, нетвойнетчик, нетвойновец, нетвойнетовец, нетвойняшка, нетвойнешка, мнестыдновец, чёрноквадратник, антизетчик*. Семантически к ним близка

актуализированная номинация *иноагент*, которая вместе с тем имеет более широкое значение. Ср. также *Z-вандал*, *Z-диверсант*.

5. Многочисленной и разнообразной в структурном плане является подгруппа неономинаций и актуализированных номинаций со значением ‘тот, кто покинул страну, уехал из России в связи с началом СВО и частичной военной мобилизацией’: *релокант*, *понауехавший*, *сентябрист*, *сентябристка*, *сентябрята*, *февралист*, *февралята*. Отметим, что носителями языка в этом случае была выбрана не номинация *эмигрант*, а актуализированная номинация *релокант*, уже известное языку значение которой сузилось, в результате чего существительное *релокант* стаяло обозначать того, кто покинул Россию в связи с началом СВО и/или объявлением частичной мобилизации. Примечательно, что в речи жителей Донбасса неонаминация *понауехавший* (*понауехавшие*) появилась ещё в 2014 г. для обозначения тех, кто уехал из Донбасса по политическим или иным мотивам. Интересной в плане как словообразовательного, так и эмоционально-стилистического значений является неонаминация *мобилизайцы*, которая иронично обозначает трусливо сбежавших из страны. Очевидно, существительное *мобилизайцы* является результатом контаминации лексем *мобилизация* и *заяц* в его переносном значении ‘о трусливом человеке’ и приобретает при этом значение ‘те, кто уклоняется от мобилизации’.

6. Особую группу составляют актуализированные жаргонные эвфемизмы, которые, очевидно, постепенно становятся общеупотребительными лексемами, обозначая тех, кто пострадал в ходе боевых действий: *двухсотый* ‘убитый в ходе боевых действий’ (< груз 200, *двухсотый груз*) (ср. *задвухсотиться*, *задвухсотить*) и *трёхсотый* ‘раненый в ходе боевых действий’ (< груз 300, *трёхсотый груз*) (ср. *затрёхсотиться*, *затрёхсотить*).

7. К актуализированным военным жаргонизмам относится также собирательная номинация *мирняк* для обозначения мирных жителей (ср. общеупотребительные и официальные номинации *мирные жители*, *гражданские*, *гражданские лица*, *гражданское население*).

8. Многочисленной является подгруппа неонаминаций и актуализированных номинаций, которые называют военнослужащих, являющихся операторами того или иного типа орудия, чаще всего — операторами БПЛА (дронов): *дроновод*, *дронщик*, *иксовод*, *ланцетчик*, *птичник*, *FPV-шник*, *РСЗОшник*, *ПТУРовец*, *ПВОшник*, *РЭБовец*. Как видим, наиболее многочисленной в этой подгруппе является синонимический ряд неонаминаций, для которого доминантой выступает словосочетание *оператор БПЛА (дрона)*, поскольку, как известно, спецоперацию часто называют *войной дронов*. Ср. *дрондел*. Ср. также *хаймарсианин* (*хаймарсиане*) ‘об украинских военных, работающих с реактивными системами залпового огня HIMARS’, *джавеленист* ‘об

украинском военном, работающем с переносным противотанковым ракетным комплексом Javelin’.

9. К предыдущей подгруппе примыкают неонаминации, обозначающие военнослужащего российской армии по марке уничтоженного им вражеского танка: *абрамсобОец* ‘тот, кто уничтожил, подбил танк марки Abrams’, *челленджеробОец* ‘тот, кто уничтожил, подбил танк марки Challenger’.

10. Значительное число неонаминаций, которые были образованы на базе графического символа **Z**, который вносит значение ‘поддерживающий проведение СВО’, включает подгруппа, которая охватывает номинации людей творческих, спортивных профессий, являющихся активными сторонниками СВО: *Z-артист, Z-артистка, Z-болельщик, Z-гимнаст, Z-литератор, Z-певец, Z-певица, Z-поэт, Z-поэтесса, Z-рокер, Z-художник*.

11. Период СВО актуализировал такую номинацию, как *волонтёр*, обозначающую гражданское лицо, которое добровольно активно помогает военнослужащим российской армии. Ср. *Z-волонтёр, Z-активист, Z-патриот, Z-патриотка*.

12. Относительно многочисленную подгруппу образуют неонаминации и актуализированные номинации, которые обозначают представителей СМИ и СМК, пишущих о войне и на войне: *военблогер, военкор, военкорка, военкорша, милблогер*.

13. К числу актуализированных принадлежит такая номинация лица, как *сочинец*, образованная на базе аббревиатуры *СОЧ* ‘самовольное оставление воинской части’. Ср. номинацию *ухлянт* (русск. *уклонист*) ‘уклонист от мобилизации в Украине’.

14. Период СВО также актуализировал уже известные до этого русскому языку номинации типа *ВСУшник, вэсэушник, укроп, укрофашист, неофашист, бандеровец, укровояка, наёмник* и другие, подавляющее большинство из которых называет представителей запрещённых в России террористических организаций. К этой подгруппе примыкает номинация *ТЦКашник* (< *ТЦК* < укр. Територіальний центр комплектування та соціальної підтримки), которая по сути становится синонимом такого историзма, как *полицай*.

Таким образом, как показывает проведённый анализ, эпоха СВО стала ещё одним значимым периодом как в жизни российского общества, так и в развитии русского языка, который, как понятно, является неотъемлемой частью этого общества. Выделенные нами подгруппы неонаминаций и актуализированных номинаций лица наглядно иллюстрируют тот факт, что лексическая подсистема оперативно и гибко реагирует на все изменения, которые происходят в разных сферах деятельности человека как носителя того или иного языка и находят отражение как в языковой, так и в неологической картине мира. Как видно из рассмотренных нами примеров, обогащение лексико-семантической подсистемы и успешное выполнение

словом его основной номинативной функции происходят не только за счёт собственно словообразовательных процессов, но и путём актуализации уже известных языку слов или значений, сужения или расширения значений. Понятно, что далеко не все из неодериватов и неосемантизмов закрепятся в языке, при этом часть из актуализированных слов снова уйдёт в пассив. Вместе с тем задача лингвиста, занимающегося изучением разных аспектов неологической картины мира, как раз в числе прочего заключается в фиксации, инвентаризации и последовательном анализе всех фактов языка на определённом этапе его развития.

Список литературы

1. Е Линь. Новая заимствованная лексика в русском языке как фактор динамики языковой картины мира : Дис. канд. филол. наук :10.02.01 / Е Линь. — Тамбов, 2018. — 180 с.
2. Ярошенко Н.А. Неономинативные лица в русском языке: основные тенденции / Н.А. Ярошенко // Материалы I Международной научной конференции «Донецкие чтения 2016. Образование, наука и вызовы современности» (г. Донецк, 16–18 мая 2016 г.); под общей ред. проф. С.В. Беспаловой. — Т. 4. Филологические науки. Культура и искусство. — Ростов-на-Дону: Изд-во Южного федерального университета, 2016. — С. 188–190.
3. Ярошенко Н.А. Структура и семантика неономинативных лиц в современном русском языке (на материале словаря-справочника Н.В. Исаевой «Новые лица на рынке труда») / Н.А. Ярошенко // Вестник Донецкого национального университета. Серия Б. Гуманитарные науки. — 2017. — № 1. — С. 98–106.
4. Ярошенко Н.А. Пандемия COVID-19 в зеркале языка: лексико-семантические группы сложных неономинативных лиц / Н.А. Ярошенко // Материалы V Международ. научн. конф. «Донецкие чтения 2020: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности» (г. Донецк, 17–18 ноября 2020 г.); под общей ред. проф. С.В. Беспаловой. — Т. 4. Филологические науки. Культура и искусство. Библиотечное дело. — Донецк: Изд-во ДонНУ, 2020. — С. 145–149.
5. Ярошенко Н.А. Пандемия COVID-19 в зеркале языка: лексико-семантические группы неономинативных лиц / Н.А. Ярошенко // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. — № 3-4. — Донецк: ДонНУ, 2020. — С. 63–93.
6. Ярошенко Н.А. Лексико-семантические группы «вирусных» неономинативных лиц / Н.А. Ярошенко // «Алые паруса» лингвистики: сб. к 75-летию доктора филологических наук, профессора Валерия Михайловича Калинин / отв. ред. А. В. Петров. — Симферополь: «ПОЛИПРИНТ», 2021. — С. 147-150.
7. Ярошенко Н.А. Лексико-семантические группы новейших «вирусных» номинативных лиц / Н.А. Ярошенко // Материалы VI Международ. научн. конф. «Донецкие чтения 2021: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности» (г. Донецк, 26–28 октября 2021 г.); под общей ред. проф. С. В. Беспаловой. — Т. 4. Филологические науки. Культура и искусство. Библиотечное дело. — Донецк: Изд-во ДонНУ, 2021. — С. 149–155.

**ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЗООМОРФНОЙ МЕТАФОРЫ ПРИ
ОПИСАНИИ АВГУСТОВСКОГО КРИЗИСА 1991 ГОДА В РОМАНЕ
А. А. ПРОХАНОВА «ПОСЛЕДНИЙ СОЛДАТ ИМПЕРИИ»**

Ярошенко Н. А., канд. филол. наук, доц., ORCID 0009-0007-1208-1505,

Менякина А. А., ORCID 0000-0003-1362-6283

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ

nyaroshenko@yandex.ru, menyakina.2000@mail.ru

В последние десятилетия ученые проявляют значительный интерес к изучению метафор, используемых в сфере политики. Это связано с возрастанием актуальности проблемы речевого воздействия в эпоху массовых коммуникаций. В данном контексте перспективным для изучения является текст романа Александра Андреевича Проханова «Последний солдат империи» [5], в котором описаны события, происходившие в России во время августовского путча 1991 г.

В. Г. Бондаренко в статье «Метаоткровение Проханова», характеризуя названное произведение, говорит о том, что этот роман «пожалуй, наиболее метафоричен. Это уже не метафора-слово, не метафора-образ, а метафора-роман, метафора-иносказание, метафорический концепт августа 1991 года» [1]. Некоторые наблюдения об особенностях поэтики Проханова в аспекте использования метафоры в его творчестве на примере анализа названного романа содержатся в статье М. А. Ерофеевой [3].

Цель данной работы — установить состав, а также выявить структурно-семантические и функциональные особенности зооморфных метафорических конструкций в романе Проханова «Последний солдат империи».

Для концептуализации политических и социальных реалий писатель чаще всего обращается именно к зооморфной метафоре. Е.М. Вольф выделяет оценочную функцию метафор такого типа: «Четкие и постоянные оценочные коннотации несут метафоры типа животное — человек. Цель этих метафор — приписать человеку некоторые признаки, которые всегда или почти всегда имеют оценочный смысл...» [2, с. 59]. Как утверждает И. В. Миронова, «сами по себе названия животных и лексика, описывающая их характеристики, не имеют оценочного значения, а приобретают его при переносе на человека» [4, с. 150]. В связи с этим яркое употребление зооморфных метафор наблюдается в периоды политических кризисов, войн, а типичной сферой-мишенью выступает политический оппонент, уподобляющийся животному, вследствие чего зооморфные метафоры обладают пейоративной оценкой. Рассмотрим следующий контекст, в котором приход к власти демократов сравнивается с процессом рождения нового социального вида, хищного кусающегося жука: «... *из невзрачной*

куколки, из тусклой личинки родился новый социальный вид... нарядный, яркий, как хищный кусающий жук» [5, с. 6].

Лексема *овчарка* уподобляется политической партии, которая после предательства остается верной своему лидеру: *«Партию умертвляют, а она, истекая кровью, ползет, как овчарка... Умирает, но лижет ему руки»* [5, с. 2].

В отличие от раннего творчества писателя, где характеристика политических лидеров метафорически передавалась через конкретные наименования представителей живого мира, в позднем творчестве доминирует приём намека. Например, такие номинации, как *щупальцы, чешуйчатый хвост, кожаные перепончатые крылья, слизь, отпечатки лап, царапины*, лишь указывают на какую-то область тела животного или скрытый след, который он оставляет, не называя конкретного наименования. Приведем в качестве примера следующие контексты: *«У миловидной депутатки... из-под юбки выпал толстый чешуйчатый хвост... У пылкого оратора-демократа... из рукавов вместо рук просунулись кожаные перепончатые крылья»* [5, с. 97]; *«...подобно теням, удалились Глейзер, Трунько и Ухов, оставив на полу кусочки слизи, рваные царапины, золотые отпечатки перепончатых птичьих ног»* [5, с. 8]; *«...продолжая исследовать тончайшее излучение, исходившее из пальцев профессора, как едва заметные лучистые щупальцы»* [5, с. 2].

Конструкция *слизистый след* отсылает читателя к образу улитки, который метафорически обозначает человека, описывая его как безвольного, ничтожного слизняка: *«За профессором по паркету к порогу тянулся легкий слизистый след, какой оставляет улитка»* [5, с. 3].

Царапины, оставленные животными, характеризуются как надолго запомнившиеся обиды: *«Провожая Ухова до дверей, он видел, как тот оставляет за собой на полу тонкую царапину...»* [5, с. 8].

В исследуемом материале была выявлена взаимосвязь зооморфного и механического культурного кодов. Например, в данном контексте военная техника сравнивается с животным миром: *«Крысообразные машины, покрытые пластмассовыми чехлами, в которых раздраженно светили красные глазки индикаторов... Множество механических птиц, железных скворцов, медных дятлов, бронзовых тяжеловесных пеликанов с хромированными клювами...»* [5, с. 19].

Следующий контекст иллюстрирует последствия действий военной машины, которая, как гарпун, входящий в тело млекопитающего, лишает мирное население жизни: *«...звук железа о кость был звуком гарпуна, входящего в загривок кита...»* [5, с. 92].

Нарастающая боль народа передается градацией, что усиливает ощущение непрерывного рева, похожего на громкий и напряженный крик животного: *«...на разбухшем от боли языке трепетало, росло, рвалось наружу какое-то древнее, огромное слово, состоящее из одних гласных звуков, рев носорога»* [5, с. 19].

Важно отметить, что в романах Проханова 1990-х — начала 2000-х годов («Последний солдат империи», «Красно-коричневый», «Господин Гексоген» и др.) ощущается усиление трагизма истории государства. Это обуславливается появлением в творчестве публициста фантазмагии и мистических мотивов, которые реализуются посредством зооморфных образов. Используя метафорические конструкции **красный божественный конь**, **Конь Блед**, публицист отсылает нас к библейскому мотиву Апокалипсиса: *«В синем пруду станет купаться красный божественный конь, золотой райский всадник... Но вместо него из машины вырвался Конь Блед, страшная костяная старуха с косой...»* [5, с. 68]. Данные зооморфные образы несут в себе концепты **«война»** (красный конь) и **«смерть»** (белый конь).

Проведённый анализ метафорических воплощений зооморфных образов в публицистике Проханова важен по двум причинам. Во-первых, он вскрывает механизмы концептуализации национального вопроса в сознании людей, а значит, помогает воссоздать их картину мира.

Во-вторых, позволяет увидеть, каким образом в публицистическом дискурсе язык используется для того, чтобы привлекать на свою сторону людей, направлять их мысли и действия в нужное русло. Таким образом, метафоры с зооморфным компонентом играют важную роль при описании августовского кризиса 1991 года, поскольку выполняют в тексте романа идеологическую функцию, оказывая сильное эмоционально-экспрессивное воздействие на адресата.

Список литературы

1. Бондаренко В.Г. Метаоткровение Проханова. — Текст: электронный // Завтра. — 2003. — URL: <https://zavtra.ru/blogs/2003-08-2034> (дата обращения: 08.09.2024).
2. Вольф Е.М. Метафора и оценка // Метафора в языке и тексте. — М. : Наука, 1988. — С. 52–64. ISBN 5-02-010889-8.
3. Ерофеева М.А. Особенности использования метафоры в романе А. Проханова «Последний солдат империи» / М.А. Ерофеева // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. Литература. Литературоведение. Устное народное творчество. — 2010. — № 3. — С. 129–131. ISSN 1998-0817.
4. Миронова И. Зоометафора в свете антропоцентричности языка (на материале английской лексики) / И. Миронова // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: науч. изд. / Под ред. И.А. Стернина. — Воронеж, 2001. — С.149–151. ISBN 5-9273-0130-4.
5. Проханов А.А. Последний солдат империи: Роман / А.А. Проханов. — М.: «AdMarginem», 2003. — 508 с. ISBN 5-93321-067-6.

История русской литературы и теории словесности

УДК 882. 82-95

ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИЙ КОММЕНТАРИЙ В ИСТОРИИ ЧЕХОВЕДЕНИЯ

Ахметшин Р. Б., канд. филол. наук, ORCID 0000-0001-8050-6586
ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»,
г. Москва, РФ
ahmad-jin@mail.ru

В докладе речь идет об исследованиях Елизаветы Николаевны Коншиной (1890-1972), известного архивного работника, зав. отделом рукописей ВГБИЛ (ныне РГБ), текстолога, автора фундаментальных изданий, посвященных записным книжкам А. П. Чехова [2] и записным тетрадям Ф. М. Достоевского [3]. Имя Коншиной должно упоминаться в одном ряду с именами Александра Измайлова, Юрия Соболева, Абрама Дермана, Евгения Лейтнеккера и других ученых, но, к сожалению, не упоминается, несмотря на то что хронология развития темы о Чехове в исследованиях русских и советских историков литературы совпадает с рамками биографии Е. Н. Коншиной.

С первых лет своей научной деятельности на поприще изучения фондов русских писателей и общественных деятелей в Румянцевском музее Коншина мечтала о создании полноценной биографии А. П. Чехова и адекватного его таланту Собрания сочинений, о чем и писала в первом, дошедшем до нас, письме к Марии Павловне Чеховой, к тому моменту, началу 1920-х, уже полтора десятилетия возглавлявшей Дом-музей А. П. Чехова в Ялте.

Собственная академическая карьера Е. Н. Коншину не привлекала, хотя великолепные ее работы послужили источником многих важных идей в отечественном архивном деле, текстологии, исследованиях текста и биографии писателя. Вот один из примеров: «Во первых строках моего письма должна Вас разочаровать, — пишет она в 1942-м своему учителю и старшему товарищу по Отделу рукописей Ленинки, С.В. Бахрушину, находившемуся тогда в эвакуации, — не ждите никакой диссертации о Елагиной по той простой причине, что все материалы Елагинского архива эвакуированы из нашей биб<лиоте>ки, — мне нечем работать. Или надо выдумывать новую тему, хотя подходящего материала в биб<лиоте>ке сейчас нет. Разве случайно наткнулась, как наткнулась на Некрасова»¹

¹ Кстати говоря, доклад на эту тему Е.Н. Коншина сделала [Некрасов].

[8, с. 33]. Подробность эта любопытна тем, что в эти самые годы отсутствия материала она, скорее всего, думала о собрании сочинений и писем А. П. Чехова, которое стало издаваться сразу после войны. Получилось 20 томов, ставших одним из самых востребованных собраний для советского читателя.

Однако практически сразу после выхода этого собрания в свет Е. Н. Коншина понимает, что оно не отвечает научным потребностям, осознаваемым ею в самых сложных, наверное, идеальных формах того времени. Вслед за этим возникают ее записки, содержащие немало интересного аналитического материала, посвященного итогам «вишневого 20-томника». Основной пафос их, помимо многим и многих дельных рассуждений, — читателям и ученым работникам необходимо новое собрание, которое должно быть построено на иных принципах понимания творческой личности Чехова и композиции Полного собрания сочинений и писем писателя.

Как представляется, в военные и послевоенные годы возник замысел работы, посвященной книге «Остров Сахалин» (1895) и путешествию Чехова на каторжный остров. Это исследование «Переписка А. П. Чехова в 1890 г. (Поездка А. П. Чехова на Сахалин)» [4] представляет собой внушительную рукопись в 120 листов и строится на письмах писателя, которые Коншина знала лучше всех в тогдашнем СССР. Впервые она обратилась к чеховскому эпистолярному наследию еще в середине 1920 годов, будучи студенткой Московских Высших женских курсов проф. В. И. Герье, чтобы написать реферат для семинария проф. А. Н. Веселовского, младшего брата известного создателя «Исторической поэтики».

Личная переписка неизменно первый по значимости источник биографического знания. Вне зависимости от рода деятельности героя биографии его письма дают возможность воссоздавать фабулу жизни и факты, связанные с переживанием событий жизни. В 1934-м, через семь лет после выхода «Записных книжек А. П. Чехова» [2], она работает над его письмами, помогая О. Л. Книппер-Чеховой написать статьи «Последние годы (к тридцатилетию со дня смерти А. П. Чехова)» [9], а также работу «Несколько слов об А. П. Чехове», открывающую первый том Переписки Чехова и О. Книппер, которая задумывалась в 3-х томах. Поэтому в том, что Е. Н. Коншина вернулась к этому главному для любого -ведения источнику в трудное для всех время, нет ничего удивительного. Я уверен, что чеховские письма в ее жизни играли роль экзистенциальной поддержки: «Сегодня самая короткая ночь, — разве это не повод, чтобы писать к Вам <...>? Провела эту ночь за статьей Ол<ьги> Леон<ардовны> к письмам А.П. Чехова. Подбирала и нанизывала кусочки, набросанные ею. Окунулась в чеховскую атмосферу, и она опять очаровала меня. Лучшего Человека я все<->таки не знаю. И как блестящи и умны его письма <Подчеркнуто

автором письма; конъектуры предприняты автором доклада. — *Р. А.>*», — сообщает она тогда, 22 июня 1933-го [8, с. 36].

Складывалась и писалась рассматриваемая статья позже, во второй половине 1940-х. Эта работа постоянно отодвигалась на второй план: это заметно по тому, как меняются чернила, карандаши и почерк. И создавалась она долго, не так, как обычно пишется статья, пусть и большая. Долго и потому, что времени на нее не хватало, и потому, что не любила и не умела Елизавета Николаевна торопиться, и потому, что возвращение фондов отдела из эвакуации после победы 1945-го означало прибавление хлопот разного рода — и работа с сотрудниками, и возобновившиеся консультации и отчеты и пр.

В этой «неторопливости» совсем не идилического угадывается свидетельство большого замысла, и, кто знает, может, статья о Сахалине и стала ответом на предложение С. В. Бахрушина писать диссертацию.

Любопытно, что в статье известного потомственного чеховеда Ирины Евгеньевны Гитович (1938–2021) Коншина упоминается именно как инициатор нового ПССП Чехова — 30-томника [1, с. 122]. Я же могу аргументированно утверждать, что Коншину не устраивали формы подготовки 20-томного собрания, т. е. принципы осмысления чеховского собрания как целостности. В конечном итоге это вылилось в заметку, с которой Коншина выступила среди чеховедов, инициировав подготовку нового собрания. Но это произошло много позже — в 1960-е годы [5].

На обложке своей рукописи Е. Н. Коншина написала, что статья предназначена «для XV тома» [4, с. 1], следовательно, она увязывала работу с подготовкой Собрания сочинений и писем А. П. Чехова в 20 томах 1944–51 годов: сахалинский этап относится именно к 15 тому данного 20-томника [10]. Но работа была прервана, несмотря на значительное ее продвижение. Интересны обстоятельства этой остановки. Помимо служебно-бытовых (окончание войны, возвращение фондов из эвакуации, нарастание объемов работы и пр.), могут быть и причины внутреннего характера: некий конфликт между ожидаемым итогом своего исследования и возможностями, которые предоставляла ей модель ПССП Чехова в 20 томах, для которого она готовила статью. И то и другое, как нетрудно догадаться, определяется понятием текста и жанра. Поскольку речь идет о Собрании сочинений, этим жанром с большой долей вероятности оказывается научный комментарий.

Список литературы

1. Гитович, И. Е. «Самый свободный жанр» // Гитович И. Е. Итог как новые проблемы. Статьи и рецензии разных лет об А.П. Чехове, его времени, окружении и чеховедении. — Москва : Издательство «Литературный музей», 2018. — 416 с.
2. Записные книжки А. П. Чехова / подготовлено к печати Е. Н. Коншиной, редакция Л. П. Гроссмана. Москва : Государственная академия художественных наук, 1927. — 137 с.

3. Записные тетради Ф. М. Достоевского, публикуемые Центральным Архивным Управлением СССР (тетради №№ 1 и 4) и Публичной библиотекой СССР имени Ленина (тетради №№ 2 и 3) / подготовлено к печати Е. Н. Коншиной, комментарии И. Н. Игнатовой и Е. Н. Коншиной. Москва ; Ленинград : Academia, 1935. — 472 с.
4. [Переписка Чехова] НИОР РГБ. Ф. 619 (Коншина Елизавета Николаевна), к. 4, е.х. 7 — Коншина, Елизавета Николаевна. «Переписка А.П. Чехова в 1890 г. (Поездка А.П. Чехова на Сахалин)» — статья и материалы к ней 1940-е гг. — 120 лл.
5. [Заметки] НИОР РГБ. Ф. 619 (Коншина Елизавета Николаевна), к. 5, е.х. 7 — Заметки текстологического и методического характера в связи с подготовкой академического издания Полного собрания сочинений А.П. Чехова — 1960-е гг. — 10 лл. + 32 лл. + 19 лл.
6. [Некрасов] НИОР РГБ. Ф. 619 (Коншина Елизавета Николаевна), к. 9, е.х. 10 («Новые рукописи Н.А. Некрасова» — статья и доклад. Черновой автограф и машинопись. — 1942. — 44 лл. + 1 обл.).
7. [Письма к Бахрушину] НИОР РГБ. Ф. 619 (Коншина Елизавета Николаевна), к. 18, е.х. 4 — Коншина, Елизавета Николаевна. Письма к Бахрушину, Сергею Владимировичу — 1933 — 44 пп. 53 лл. + 1 конв.
8. [Письма к Бахрушину — 5] НИОР РГБ. Ф. 619 (Коншина Елизавета Николаевна), к. 18, е.х. 5 — Коншина, Елизавета Николаевна. Письма к Бахрушину, Сергею Владимировичу — 1934-1940, 1942 — 27 пп. 34 лл. + 1 конв.
9. Книппер-Чехова О. Л. Последние годы / О.Л. Книппер-Чехова // А.П. Чехов в воспоминаниях современников / под редакцией А.К. Котова. — Москва : Гос. изд-во художеств. лит., 1947. — С. 472-480.
10. Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем / под общей редакцией профессора члена-корреспондента Академии наук СССР, С. Д. Балухатого, академиков В. П. Потемкина, Н. С. Тихонова. — Москва : Гос. изд-во художеств. лит., 1944-1951.

УДК 82 (091)

ЖАНРОВЫЙ СИНКРЕТИЗМ РОМАНА «РУССКИЕ НОЧИ» В. Ф. ОДОЕВСКОГО

Белоконь С. А., канд. филол. наук, доц., ORCID 0000-0002-7902-8668
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
clairsv@mail.ru

Уникальность «Русских ночей» В. Одоевского выражается в его особой жанровой принадлежности. Большинство исследователей предпочитают говорить о наличии в «Русских ночах» различных жанровых составляющих. Е. Маймин отмечает, что это «одновременно и роман, и драма, и философский трактат, и дидактическая книга» [2, с.261].

В. Одоевский свои «Русские ночи» определял, как драму и вкладывал в это обозначение определённый смысл, на чём специально акцентировал внимание в «Примечании к «Русским ночам». Понятие драмы было

сопряжено для В. Одоевского с несколькими основными проблемами: с соотношением древнегреческой и современной драмы, с представлением о хоре, о диалогической форме и др. Здесь необходимо также напомнить о том, что В. Одоевский, вслед за Шеллингом, воспринимал драму как синтетический род, т. е. как высшее проявление искусства.

Некоторые исследователи, вслед за В. Одоевским, определяют «Русские ночи» как драму. М. Штерн дает такое определение: «Круги повествования переплетаются. ... такая структура позволяет ощутить связь времён, непрерывность и незавершённость процесса исканий; благодаря ей, идеологическая драма приобретает универсальный, всемирный характер» [5, с.21].

Можно заметить, что В. Одоевский буквально воспроизводит положения шеллинговой «Философии искусства». Напомним Шеллинга: «Это более высокое тождество есть драма; заключая в себе свойства обоих видов (эпоса и лирики), друг другу противоположных, драма оказывается высшим проявлением подлинного по себе бытия и существа всякого искусства» [4, с.393]. И ещё: «существует только одно возможное изображение, в котором изображаемое так же объективно, как и в эпическом произведении, и всё же субъект находится в таком же движении, как в лирическом стихотворении: это именно то изображение, где действие дано не в рассказе, но представлено само и в действительности (субъективное изображается объективным)» [4, с. 398].

Роль хора, т. е. функция наблюдения и комментария в «Русских ночах» была возложена автором на четырёх друзей. Напомним, что каждый из «героев-хористов» принадлежал определенному идеологическому направлению.

Однако, теоретическая установка автора, а именно его представление о хоре как наблюдателе и комментаторе происходящих событий, только поначалу воспроизведена в тексте. Дело в том, что по мере развёртывания текста хор из наблюдателя и комментатора постепенно превращается в главное действующее лицо.

Если в начале текста больше новеллистических отрывков, то к его концу удельный вес «рукописных» фрагментов значительно сокращается. Напротив, короткий обмен репликами между Фаустом и его друзьями по поводу записок друзей-путешественников переходит в дискуссию, а в «Эпилоге» диалог «друзей-хористов» и затем монолог Фауста окончательно вытесняет новеллы, занимают главенствующее положение в тексте. В конечном итоге разговоры друзей, их идеологические споры оказываются в центре и полностью занимают внимание читателя.

«Драма» В. Одоевского не была предназначена для сценического воплощения, поэтому говорить о сценическом действии не приходится. Действие отодвинуто в прошлое, новеллы «оживают» только в разговоре друзей, все они непременно озвучиваются, проговариваются (Фауст читает

их своим друзьям), т. е. они и существуют только в чтении, они охвачены стихией языка. Таким образом, язык, точнее говорение заменяют действие в обычном понимании, полностью упраздняя его.

В предисловии к неосуществившемуся переизданию «Русских ночей» Одоевский следующим образом мотивировал свой отказ от переделки этого произведения: «Трудно отделиться от семьи, от народа — ещё труднее; от человечества вовсе невозможно ... С этой точки зрения человеческое слово, при его появлении в данном народе и в известный момент, есть исторический факт, более или менее важный, но уже не принадлежащий так называемому сочинителю; если в нём это слово тогда неудачно выговорилось» [3, с.309].

Л. А. Левина отмечает: «Очевидно, не только разбиение текста на реплики имел в виду автор, говоря о драме, где читатель со стороны наблюдает и сам оценивает происходящие события, действия и поступки героев. В «Русских ночах» читатель «видит» не события, а разговор, в котором реплики выступают в роли поступков. Таким образом, высказывание приобретает функции события. ..., следовательно, в «Русских ночах» событие и слово меняются ролями: высказывание берёт на себя функции поступка, а событие существует в форме высказывания» [1, с.39-40].

Соглашаясь с тем, что процитировано, отметим ещё одну важную возможность, которую давала автору выбранная им форма идейной драмы. Такая форма оказалась удобной для совмещения различных интеллектуальных традиций. Автору во многом помогла универсальная структура разговора, так или иначе присутствующая во всех типах диалога. Разговор как таковой — это форма, которая, в отличие от «правильного» диалога определённого типа, позволяет вместить всё. Здесь в качестве реплик разговора могут быть высказаны самые разнообразные идеи, принадлежащие разным культурным традициям, а их соотнесение может приобрести самостоятельный и захватывающий интерес.

С одной стороны, «Русские ночи» действительно начинают собой линию философской прозы в русской литературе, где идеологические споры занимают центральное место, оттесняя или подчиняя себе сюжет. С другой — здесь ещё раз отмечено тождество для В. Одоевского слова и дела: «до «работы» дело пока не доходит, т. к. разговор здесь пока и есть самая главная «работа». Таким образом, книга Одоевского — его главное слово, сказав, исполнив его, он прекращает своё литературное творчество.

Книга В. Одоевского тесно связана с различными интеллектуальными традициями (просветительский рационализм, мистицизм, шеллингианство). Но, как мы убедились, ни одна из традиций «не покрывает» текст полностью.

«Русские ночи» — роман, которому невозможно дать точного жанрового определения, это совокупность идей и форм, которые невозможно исчерпывающе описать. Это не только памятник русской

культуры середины XIX века, но и произведение, чей идеологический и художественный потенциал имеет много точек соприкосновения с проблемами и перспективами нашего времени.

Наблюдаем явление жанрового синкретизма в данном романе: традиции в «Русских ночах» переплетаются, и такое пересечение различных идеологических традиций даёт своеобразный результат. Перед нами предстает текст, метод которого не поддаётся однозначному определению, а если поддаётся, то оно оказывается парадоксальным — прозаическое повествовательное произведение определяется как своего рода драма.

Список литературы

1. Левина Л.А. Авторский замысел и художественная реальность / Л.А. Левина // Известия АН СССР. — Сер. лит. и яз. — Т. I. — 1990. — С. 31-40.
2. Маймин Е.А. Владимир Одоевский и его роман «Русские ночи» / Е.А. Маймин // Одоевский В.Ф. Русские ночи. — Л., 1975. — С. 247-276.
3. Одоевский В. Ф. Русские ночи: [роман, повести, рассказы, сказки] / В. Ф. Одоевский — Москва: Эксмо, 2007. — 638с. ISBN: 978-5-699-24954-1
4. Шеллинг Ф. В. Й. фон Философия искусства / Ф. В. Й. фон Шеллинг — М., 2020. — 524 с. ISBN 978-5-386-10523-5
5. Штерн М.С. Философско-художественное своеобразие русской прозы XIX века / М. С. Штерн — Омский гос. пед. ин-т им. А. М. Горького. — Омск : ОГПИ, 1987. — 86 с. ISBN 5-1670519

УДК 821.161.1

ЭВОЛЮЦИЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ: ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ КОНТЕКСТ И ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЖАНРЫ ОТ IX ВЕКА ДО НАШИХ ДНЕЙ

Бочацкая А. А., ORCID 0009-0003-8687-7603

ФГБОУ ВО «Луганский государственный педагогический университет»,
г. Луганск, РФ
dancinglady@yandex.com

Введение. Русская литература представляет собой одно из самых ярких и многогранных явлений мировой культуры, охватывающее период с IX века до наших дней. Она развивалась под воздействием различных исторических, культурных и социальных факторов, от влияния византийской письменности и христианства до реформ Петра I и модернизации постсоветской эпохи. Понимание историко-культурного контекста является ключевым для глубокого анализа литературных произведений, поскольку они отражают не только внутренние духовные

искания русского народа, но и сложные социальные и культурные взаимодействия.

Цель работы — исследовать влияние историко-культурного контекста на развитие русской литературы от древнерусских времен до современности через призму жанрового разнообразия.

Основная часть. Русская литература с IX века по современность представляет собой богатое явление, неразрывно связанное с историческим и культурным развитием России. Важность историко-культурного контекста для анализа литературных произведений неоспорима. Зарождение письменности на Руси и влияние византийской литературы сыграли ключевую роль в формировании древнерусской литературы. Принятие христианства в 988 году оказало значительное влияние на тематику и жанры произведений, включая летописи, былины и духовные стихи [1]. Примером героического эпоса является «Слово о полку Игореве» (XII век), отражающее ценности Древней Руси.

«Повесть о Борисе и Глебе» (XI век) иллюстрирует влияние христианства и служит основой для межкультурного диалога. В XVI–XVII веках укрепление центральной власти и рост самосознания русского народа отразились в произведении «Домострой» (XVI век), отражающем быт и нравы времени [1]. Раскол Русской православной церкви в XVII веке привел к появлению старообрядческой литературы, как показано в «Житие протопопа Аввакума» (XVII век).

Реформы Петра I и открытие России к западной культуре в XVIII веке влияли на развитие литературы, что проявилось в «Недоросле» (1782) Д. И. Фонвизина, сатирической комедии о дворянстве. Романтизм начала XIX века, например, «Руслан и Людмила» (1820) А.С. Пушкина, показал интеграцию национальных особенностей и фольклора [2]. Реализм второй половины XIX века, ярко представленный в «Преступлении и наказании» (1866) Ф.М. Достоевского, исследует социальные и психологические проблемы.

Серебряный век русской поэзии в начале XX века, включая «Стихотворения» (1912) А. А. Ахматовой, способствовал культурному обмену. Литература советского периода, например, «Тихий Дон» (1928-1940) М. А. Шолохова, использовалась для передачи исторических реалий, несмотря на цензуру. Современная русская литература после распада СССР отражает новые вызовы времени и разнообразие жанров.

В течение веков русская литература отражала духовные искания народа, его исторический путь, красоту языка и культуры, а также ключевые темы: человека и его место в мире, борьбу добра и зла, любовь, социальные и политические проблемы, нравственный идеал и внутренний мир человека [1, 3]. Эти темы остаются актуальными и в современной литературе, способствуя межкультурному диалогу и пониманию.

Заключение. Русская литература, охватывающая более тысячи лет истории, демонстрирует глубину и сложность своего развития. На протяжении веков она отражала изменения в социальной структуре, культурных традициях и духовных поисках русского народа. От древнерусских летописей до современных произведений, она служила важным инструментом для понимания человеческой природы, социальных и политических реалий, а также межкультурного диалога. Понимание историко-культурного контекста, в котором создавались литературные произведения, позволяет более полно оценить их значение и влияние. Русская литература продолжает развиваться, отражая актуальные вызовы времени и способствуя культурному обмену в глобализированном мире.

Список литературы

1. Романюк В. В. Политика импортозамещения: стратегия, программы, инструментарий: монография / В. В. Романюк, Т. О. Загорная; Донецкий гос. ун-т. — Краснодар: Изд-во «Новация», 2024. — 250 с. — ISBN 978-5-00179-486-8. — EDN BRZZOO.
2. Вольтер О. В. Русская национальная идеология периода укрепления России как централизованного государства - XVI-XVII века // Известия вузов. Социология. Экономика. Политика. 2009. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/russkaya-natsionalnaya-ideologiya-perioda-ukrepleniya-rossii-kak-tsentralizovannogo-gosudarstva-xvi-xvii-veka> (дата обращения: 25.08.2024).
3. Васильев, С. А. Русская литература: национальное своеобразие или (и) национальный стиль? / С. А. Васильев // Национальный стиль русской литературной классики : Материалы V Межвузовской с международным участием научно-практической конференции, Москва, 12 апреля 2019 года / Отв. редактор С.А. Васильев. — Москва: Московский городской педагогический университет, 2020. — С. 4-15. — EDN NTKMLZ.

УДК 821.161.1:82-31

РЕТРОСПЕКТИВА ПОВЕСТИ В. Г. РАСПУТИНА «ЖИВИ И ПОМНИ» В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ РЕАЛИЙ

Вольвач А. В., ORCID 0009-0002-3480-2223

ФБГОУ ВО «Мелитопольский государственный университет»,

г. Мелитополь, Запорожская обл., РФ

annavolvach16@gmail.com

Введение. В 2024 году литературная общественность отмечает знаменательную дату — 50-летие со дня выхода в свет повести «Живи и помни» В. Г. Распутина. Произведение, увидевшее свет в 1974 году, стало одним из ярчайших явлений в советской литературе второй половины XX века и оказало значительное влияние на развитие русской прозы.

За прошедшие полвека повесть «Живи и помни» не утратила своего значения. Она продолжает волновать читателей, заставляет переосмыслить его роль в современном литературном и культурном контексте, становится предметом литературоведческих исследований.

Повесть «Живи и помни» — это не просто история о военном дезертире и его жене, это глубокое философское размышление о природе человека, о нравственном выборе и ответственности, о любви и долге.

Повесть затрагивает вечные темы, которые не теряют своей актуальности с течением времени и остаются важными для каждого поколения.

Центральная проблема повести — нравственный выбор человека в экстремальной ситуации, является своевременной и актуальной. Распутин показывает, что даже в самых тяжелых обстоятельствах человек не освобождается от моральной ответственности за свои поступки. Повесть «Живи и помни» стала образцом психологической прозы, показав, как можно глубоко и честно говорить о сложных нравственных проблемах.

Цель нашей работы — не только отдать дань уважения выдающемуся автору, но и показать его ценность и важность повести для современного читателя.

Основная часть. А. И. Дорсигов в статье «Проблемы нравственности в повести В. Г. Распутина «Живи и помни» говорит о том, что «произведение является преградой для бездуховности» и она является «сильным художественным произведением на тему нравственности, так, как всегда идет на шаг вперед в духовном развитии общества» [4, с. 24].

В эпоху, когда многие традиционные ценности подвергаются переоценке, произведение Распутина напоминает о важности сохранения нравственных ориентиров.

В современном мире, где военные конфликты продолжают оставаться реальностью, а вопросы морального выбора встают перед людьми с новой остротой, обращение к творчеству Распутина и, в частности, к повести «Живи и помни» приобретает особое звучание. Авторская позиция писателя, выраженная в этом произведении, может служить своеобразным нравственным компасом в море этических дилемм, с которыми сталкивается человечество в XXI веке.

В контексте текущих геополитических событий мы наблюдаем, как люди оказываются перед выбором между лояльностью государству и следованием собственным моральным принципам. Позиция Распутина, выраженная в повести, может служить отправной точкой для размышлений о природе долга, ответственности и личной свободы в современном мире.

Тема войны в повести раскрывается нетрадиционно для советской литературы того времени. Распутин не показывает батальных сцен, не рисует героических подвигов. Война в «Живи и помни» — это разрушительная сила, которая ломает судьбы людей не только на фронте,

но и в тылу. Она проникает в самые отдаленные уголки страны, разрушает семьи, искажает нравственные ориентиры.

В эпоху «постправды» и информационных войн сохранение исторической памяти становится важнейшим фактором в формировании национальной и культурной идентичности. Само название «Живи и помни» звучит как нравственный императив, обращенный не только к героям произведения, но и к читателю. По мнению Л. Ю. Алексеевой и Ю. М. Колчиной, именно само название повести проецирует открытость вопроса о мере сочувствия и возмездия для читателя. Исследователи рассматривают «вариант истолкования авторского осмысления памяти как сущности исторического и духовного состава личности» [3, с.151].

Распутин подчеркивает важность сохранения памяти о прошлом, о своих корнях, о тех испытаниях, которые выпали на долю русского народа в период Великой Отечественной войны. В этом контексте дезертирство Андрея Гуськова воспринимается не только как измена Родине, но и как предательство самого себя, своему роду. В этом контексте позиция автора повести, призывающая к честному и глубокому осмыслению прошлого, приобретает особую ценность и воспитывает патриотичность для современности.

Важно отметить, что Распутин не выносит прямого морального суждения своим героям. Он предоставляет читателю возможность самому оценить их поступки, понять мотивы их действий в экстремальных условиях войны. Эта неоднозначность трактовки событий и характеров — одна из сильных сторон повести, которая заставляет читателя самостоятельно думать, сопереживать, искать ответы на сложные нравственные вопросы. Писатель показал, как исторические события влияют на судьбы отдельных людей, как личная драма может отражать трагедию целого народа.

Сегодня, когда роль женщины в обществе продолжает трансформироваться, взгляд Распутина на женскую судьбу в экстремальных условиях остается животрепещущим. Женщины берут на себя огромную ответственность, сохраняя при этом свою человечность и способность к состраданию.

В современном мире женщины продолжают бороться за свои права, занимают лидерские позиции. При этом они часто сталкиваются с необходимостью делать сложный выбор между карьерой и семьей, общественным долгом и личными интересами. Взгляд Распутина на женскую судьбу может помочь в осмыслении этих современных реалий.

Образ Настёны может быть переосмыслен как символ женской силы и стойкости перед лицом несправедливости и социального давления. Ее способность принимать сложные решения и нести ответственность за свои поступки резонирует с современными представлениями о роли женщины в обществе.

Автор глубоко исследует тему вины и искупления. Андрей осознает тяжесть своего проступка, но не находит в себе сил признаться и понести наказание. Его внутренние терзания, чувство вины постепенно меняют его характер, делают его жестоким и подозрительным. Настена же, взяв на себя часть вины мужа, пытается искупить ее своей любовью и заботой.

Заключение. Итак, повесть «Живи и помни» была и остается маркером литературного наследия В.Г. Распутина, актуальным источником для переосмысления современных проблем и вызовов. Обращение к его произведениям может помочь в формировании более глубокого, нравственно ориентированного подхода к решению сложных этических вопросов, стоящих перед современным обществом. Юбилейная дата повести в дальнейшем может стать стимулом для исследовательского переосмысления творческого наследия В.Г. Распутина и его роли в развитии русской литературы второй половины XX века.

Список литературы

1. Распутин В. Уроки французского: Повести и рассказы / В.Г. Распутин. — М.: Худож.лит., 1987. — 479 с.
2. Гореславская Н. Валентин Распутин. Русский гений. / Н. Гореславская, В. Чернов — М.: Книжный мир (Серия «Русской славы имена»), 2013. — 256 с.
3. Алексеева Л. Ф. Авторская аксиология памяти в повести В.Г.Распутина «Живи и помни» / Л.Ф.Алексеева, Ю.М.Колчина // Вестник Государственного гуманитарно-технологического университета. — 2023. — № 4. — С 151-157.
4. Дорсигова А.И. Проблемы нравственности в повести В.Г. Распутина «Живи и помни» / А.И. Дорсигова // Вестник науки. — 2019. — № 2. — С. 22–24.

УДК 82.1

СМЫСЛОВЫЕ ЛАКУНЫ В ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА

Голущак О. А., ORCID 0000-0001-6160-4746
ГБОУ «СП № 64 г. о. Мариуполь», г. Мариуполь, ДНР, РФ
goluschak.o@yandex.ru

Введение. Потребность в диалоге с художественным произведением необходима для приобщения школьников к духовным опорам русской литературы. Исследования психологии творчества обращают наше внимание на характер эстетической реакции взрослого читателя: нужна точка изумления, парадокса как способ выйти за пределы субъективности в сферу «более высокой, более человеческой правды» [1, с. 17]. Такой «точкой открытия» служат текстуальные несовпадения, трудности в восприятии художественного замысла, способные создавать проблемное поле урока.

Целью исследования является описание приемов интерпретации произведения на основе анализа смысловых лакун. Объектом исследования выступают психологические, социокультурные особенности поэтического произведения, вызывающие у школьников сложность в осмыслении. Предметом — приемы восполнения смысловых лакун в свете выявленных затруднений.

Основная часть. Понятие смысловых лакун в работах Ю. А. Сорокина, И. Ю. Марковиной, Е. С. Богдановой и других исследователей рассматривается в аспекте перевода и понимания безэквивалентной лексики. Представленная в монографиях классификация лакун недостаточна на уроках литературы, поскольку опыт школьной практики доказывает — потенциально любой компонент художественного целого может быть для ученика непознаваемым, относящимся к явлениям незнакомой культуры или менталитета. Дефицит навыков чтения нередко приводит к избеганию и пропуску деталей, обращенных к единству и внутренней логике произведения. Например, образ петроградского неба в стихотворении первоначально ощущается учеником как объект изображения, его символический план — лакуна понимания. В то же время подход к художественным смыслам образа Петрограда в сравнении с Петербургом, раскрытие детали через ассоциации позволяет поставить ряд вопросов о преломлении исторической действительности в названии города. Рассмотрим более подробно приёмы прочтения текста.

Для исследования были выбраны произведения периода Первой мировой войны, объединённые мотивом железной дороги, пути, перехода. Одно из них — стихотворение А. Блока «Петроградское небо мутилось дождём...» (1914 г.), написанное под впечатлением проводов военных эшелонов на фронт. Предварительно старшеклассниками были отмечены противоречия: разные точки зрения на события чередуются, меняя настроение, интонации — «беспокоит нервное и тревожное чувство»; в трагическом мире «под чёрною тучей» играет «весёлый горнист» и «странно звучит всё»: грохот и громогласное «ура» переходит в хрип и молчание; в стихотворении упоминаются неизвестные школьникам явления — названия песен Варяг и Ермак, буфера эшелонов, отравленный пар галицких полей. Следуя от впечатлений к рефлексии, докажем, что антиномии в стихотворении не случайны, раскрываются на разных уровнях поэтики и отсылают к произведениям мирового искусства. Монотонность движения без конца («взвод за взводом» и «штык за штыком») выделена ритмом анапеста. Звучание песен Варяг и Ермак вносит диссонанс, противопоставляя призыв и оплакивание — песня становится предзнаменованием. Отметим также «семантический ореол» рифмы, характерной для «рыдательной силы строфы» [2], что встречается в прощальных рекрутских песнях и народных заклинаниях. В каждой строфе заметно падение ударности: разрывы через многоточие, тире служат

сигналами столкновения поверхностного бравурного состояния («весёлый горнист») с глубинной скорбью («тихонько крестилась рука»). Из музыки наполняющих пространство звуков ассоциативно выстраивается образ крестного пути: метафоры «заплакал рожок», «охрипший свисток», «сошла тишина», разделённые повторяющимся союзом «и», ощущаются как остановки движения, что воспроизводит действие, названное Стоянием в символике поклонения Крестному Пути, и также усиливает характеристику особенного, сакрального переживания печали, мученичества. К какому из регистров молчания — «грозного клика» тяготеет тревога, грусть, жалость, надежда? В чём смысл противопоставления тишины и громохана? Так, первичные неопределённые впечатления послужили предпосылкой проблемных вопросов, ведущих к углублению в подтекст, при этом акцент на музыкальной тональности направляет интерпретацию к антитезе «страшного мира» и «невыразимого», что важно для понимания доминант блоковской лирики.

Ещё одной формой работы с лакунами текста является исследование визуальных элементов. Нередко единство между предметом и образным смыслом детали может быть исторически отдалённым и тем самым определять неясность прочитанного. С помощью документальной фотографии, произведений живописи, иллюстраций направим внимание на символику предметного мира. Например, исчезающие с эшеленом буфера в документальных кадрах кинохроники оказываются связанными единой стальной осью и сцеплениями, их механическое несвободное движение повторяет ритм марша и соотносится с картинами монотонно идущих на смерть колонн — проявляется «поступь железного века» как ведущий конфликт в творчестве поэта. Далее, подбирая к стихотворению аналогии в изобразительном искусстве, отметим общие психологически напряжённые детали в композиции, колорите произведений, воплотивших фронтовой опыт. Сравнение художественного мира стихотворения с образами картин Отто Дикса («Война», «Фландрия»), Джона Сарджента («Отравленные газами») раскрывает трагический смысл метафоры «отравленный пар галицийских кровавых полей»: пустые глазницы солдат, связанность беспомощных ослепших фигур, сплетение протянутых рук, внешняя обыденность и внутренняя сакральность шествия — так в работах очевидцев запечатлены последствия газовой атаки. Сопоставим с заключительными строками стихотворения, воссоздающими необратимость пути каждого: в мире «твёрдой, верной стали» нет жалости и грусти («её застигает отравленный пар»). Более внимательное наблюдение за семантикой глагола «застигает» (скрывает, заволакивает) позволяет задать вопрос о проявлении слепоты в разрыве связей с окружающим, в разрушительном «пора!», в страдании искалеченной войной жизни. В заключение рассмотрим смысловое наполнение образа железной дороги, которая воспринимается пространством отчуждения или встречи, в

функции хронотопа порога может быть проиллюстрирована примерами изобразительного искусства. «Вокзал Сен-Лазар» Клода Моне, «Дождь, пар и скорость» У. Тёрнера, «Пригвождённое время» Рене Магритта были выбраны нами для сравнения различных состояний времени, необходимых для понимания поэтики стихотворения: ожидания, предчувствия, замирания, расширения мгновения до масштаба вечности.

Заключение. Осознание знаковости, глубины подтекста и другие лакуны восприятия являются проблемным аспектом анализа на уроках литературы, в то же время ассоциативное мышление неотделимо от понимания поэтики символизма. Устанавливая аналогии, расширяя фоновые знания, направляя внимание школьников на взаимосвязанные образы и смыслы, восстанавливаем необходимые звенья целостного подхода к интерпретации произведения.

Список литературы

1. Выготский Л.С. Психология искусства / Общ. ред. В. В. Иванова. — 3-е изд. — М.: Искусство, 1986. — 573 с. 0302060000-168 КБ-7-2-86 025(01)-86.
2. Гаспаров М.Л. Избранные труды. / М.Л. Гаспаров. — Т. 2. О стихах. — М., 1997. — 501 с. ISBN 5-7859-0010-6
3. Марковина, И. Ю. Культура и текст. Введение в лакунологию: учеб. пособие / И.Ю. Марковина, Ю.А. Сорокин. — М.: ГЭОТАР-Медиа, 2010. — 144 с. ISBN 978-5-9704-1563-4

УДК 82–992

ТЕМПОРАЛЬНОСТЬ В КОНТЕКСТЕ ГЕОПОЭТИКИ

Губарева М. А., ORCID 0009-0001-3618-6893

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
marina.gubareva96@mail.ru

Введение. Известно, что геопоэтика как научная дисциплина и особая область опыта акцентирует отношения человека с пространством, его освоение и осмысление. Таким образом, категория пространства приобретает в ней особый антологический статус. Тем не менее, само определение путешествия подразумевает последовательное движение, невозможное вне категории времени. Не следует забывать и о специфике геопоэтики как особой области знания: она акцентирует живой, динамичный опыт, основанный на впечатлениях исследователя. Тем не менее, категория времени в контексте геопоэтики на сегодняшний день не получила достаточного освещения в научной литературе.

Цель работы состоит в определении роли категории времени в текстах путевой прозы, в выявлении внутренних закономерностей путешествия как

жанра, в определении специфики понимания времени в контексте геопоэтики.

Основная часть. Обратимся к определению геопоэтики, данному К. Уайтом: «Жанр, который я измыслил, позволил читателю ясно ощутить реальность дороги, понять текст, достаточно абстрактный по своей форме. Я всегда предпочитал впечатления, пойманные уголком глаза, лобовому подробному описанию» [6, с. 3]. Исходя из него, можно отметить концептуальное сходство созидательных моделей геопоэтики с живописью художников — импрессионистов, для которых мимолетное впечатление служит основным источником вдохновения. Импрессионисты стремятся воспроизвести живую динамику жизни в конкретных образах и красках — в том же на текстуальном уровне состоит цель геопоэтики: для поиска поэтики нужно «вживить» себя в пространство. Поскольку речь идет о реально существующем пространстве, путешественник должен уметь не только подметить увиденное, но и прочувствовать его, выделить в нём особенно примечательные акценты: «Вы должны “вживить” себя в мир, олитературивав бытие. В противном случае вы увязнете в патетике и придуманности» [6, с.2].

Так, путешествие всякий раз подразумевает движение — перемещение субъекта согласно определённому маршруту, а движение подразумевает протяженность во времени. На диалектическую связь пространства и времени в художественном тексте указал еще М. М. Бахтин, определив пространственно-временное единство как хронотоп. Так, акцентируя ведущую роль пространства, нельзя отрицать и важную роль времени в путевой прозе, особенно в контексте геопоэтики, поскольку реальное пространство в большей степени подвержено изменениям, чем текстовая реальность, созданная и зафиксированная автором произведения. Пространство реального мира не существует само по себе. Оно, как и время есть форма бытия движущейся материи. Свойства пространства определяются движением. Так, оказавшись в одном и том же месте спустя длительный промежуток времени, исследователь может отметить для себя его существенные, а подчас и кардинальные изменения.

Примечательно, что с точки зрения ряда исследователей путешествие обладает особым статусом социокультурного, творческого и психолого-педагогического бытия, является универсальным способом познания себя и мира, что созвучно геопоэтике как пограничной дисциплине. Владимир Абашев, говорит, по существу, именно это: «Если же непременно требуется ответ на вопрос, наука она, искусство или вообще что, — самым лучшим, кажется, был бы такой: это - область опыта. Или ещё лучше: культурная форма <...> это — всё, что относится к взаимодействию человека и обитаемого им пространства: и процессы этого взаимодействия, и возникающие в его результате смыслы, образы, формы самого

пространства, и рефлексии на эти темы — любой степени теоретичности» [3, с. 90] .

Подчеркнем, что с точки зрения культурологии, время как категория представляет для исследователей особый интерес. Так, Т. Г. Бортникова замечает: «Моделирование этнокультурной картины мира происходит в результате специфичного комбинирования культурно-значимых признаков, связанных с ценностными предпочтениями лингвокультурного сообщества, со стереотипами сознания и поведения. Одной из важных составляющих моделирования культурной картины мира выступает восприятие категории «время» [2, с. 27].

Кроме того, время теснейшим образом связано с различными сферами человеческой жизни и духовной культуры: мифологией и философией, наукой и искусством. Именно с течением времени в сознании человека формируется и претерпевает изменения та или иная картина мира. Путешествие как особая форма деятельности также неизменно влияет на мировоззрение: в контексте геоэтики путешествие всегда шире и многограннее одного литературного жанра. «Её сфера — область интеллектуального, ментального и художественного освоения пространства, её задача — исследование влияния культурных явлений на структурирование человеческой вселенной посредством живого опыта [3, с. 178].

Пройденный путь — это всегда «со-творчество» и «со-бытие», а именно та самая способность вживить себя в естественный поток жизни и прочувствовать пространство, которую акцентирует в своих трудах К. Уайт.

Л. И. Беккер заключает: «Традиционно путешествие рассматривается в его «физическом» смысле как деятельность, связанная с перемещением по Земле <...>Мы предлагаем более широкую философскую интерпретацию этого явления. В наиболее общем смысле путешествие есть шествие человека по жизненному пути, его выбор и преодоление» [1, с.65]. Однако и жизнь как процесс и процесс познания делятся во времени, в отдельных его отрезках — вне категории времени никакое развитие не представляется возможным. Таким образом, в текстах путевой прозы, возникает двуплановость движения. Внешнее движение соотносится с реальным пространством и активным передвижением героя, внутреннее напротив: движется от полученных впечатлений к обретаемому смыслу.

Заключение. Таким образом, мы пришли к выводу, что категория времени играет важную роль в интеллектуальном, ментальном, художественном и прочем освоении человеком окружающей среды, так как само это освоение как процесс вне временной протяженности невозможно. Путешествие всегда подразумевает движение — внутреннее или внешнее, согласно определенному маршруту. В контексте геоэтики категория времени тем более существенна, что путешественник осваивает реально

существующее пространство материального мира, подверженное изменениям в гораздо большей степени, чем сугубо литературный текст.

Список литературы

1. Беккер И.Л. Путешествие как способ социального бытия и становления личности / И.Л. Беккер // Известия ПГПУ. — 2006. — №2. — С. 6-7.
2. Бортникова Т. Г. Отношение ко времени как отражение этнического сознания / Т. Г. Бортникова // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — Тамбов: Грамота, 2017. — № 5(79) — С. 27-32. ISSN 1997-292X.
3. Введение в геоэтику: Антология. — М.: Арт-Хаус медиа; Крымский Клуб, 2013. — 368 с.
4. Дрыга С.Г. Концепт «Путь» в русской языковой картине мира: дис. ... канд филол. наук : 10.02.01. / Дрыга Светлана Геннадьевна. — Ставрополь, 2010. — 241 с.
5. Мордвина Д.А. Жизненный путь в философской антропологии: понятие, актуальные проблемы и аспекты исследования / Д.А. Мордвина // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. — 2014 — №4. — С.64-69.
6. Уайт К. Странствующий дух / К. Уайт, пер с англ Е. Гриневой // Новая Юность. — №5. — М., 1997.

УДК 821.161.1

МОТИВ ОСТАНОВЛЕННОГО ВРЕМЕНИ В ПОЭЗИИ В. ШАЛАМОВА

Даренский В. Ю., д-р филос. наук, доц., ORCID 0000-0003-2042-5527

ФГБОУ ВО «Луганский государственный университет имени В. Даля»,

г. Луганск, РФ

darenskiy1972@rambler.ru

Введение. Специфика поэзии В. Шаламова трудно поддается точной характеристике. Среди определений её специфики в качестве примера можно выделить такое: «при всём её трагизме, парадоксальности, при переживании катастрофичности в состоянии мира и человека создаётся этико-эстетический противовес земному аду» [1, с. 11]. Однако какими именно художественными средствами создается такой «противовес»?

Целью данных тезисов является рассмотрение одного из главных смысловых мотивов его поэзии — её особое отношение ко времени.

Основная часть. В качестве важного внутреннего содержательного элемента поэзии В. Шаламова исследователи выделяют её отношение к координатам время/вечность: отмечается, что в его поэзии воплощена известная «мифологема „вечного возвращения“, нашедшая выражение в спиралеобразном построении стихотворных текстов» [2, с. 10]. В этом

определении имеет место попытка выделить общую черту поэтического мышления В. Шаламова — *стремление увековечить некое состояние земного бытия, которое было бы символом бытия вечного и оправдывало всякое земное стремление высшим смыслом*. Такое стремление, однако, вообще свойственно поэзии как таковой, но обычно оно остается на «втором плане», «в контексте»; только у поэтов с особо обостренным трагическим опытом жизни оно становится явным и основополагающим. Внешне оно может выражаться в очень разных образных формах, поэтому его можно определить, как «внутренний» мотив.

Поэтика В. Шаламова в целом весьма аскетична, что определяется не только его особым жизненным опытом, но и сознательной ориентацией на классическую традицию. У Цзяю справедливо отметил: «Его поэтический стиль отчасти имеет сходство со стилем позднего Пушкина... Его величие — в простоте, а в его спокойствии отражается страсть» [3, с. 364]. Благодаря чему его поэзия приобрела такое редкое качество?

Обычно у Шаламова отмечают мощную природную образность и его главный, «внутренний» мотив также в ней непосредственно выражен. Например, в таких строках: «Через овраги, через ямы / Через болота и леса / Шагают горы вверх и прямо / И тащат море в небеса». Или: «Я вижу попытки земли / Возвыситься до поднебесья, / Взметнуться и рухнуть в пыли, / И долго искать равновесья». В этих и многих других его образах происходит преобразование земного, временного бытия — в бытие вечное и непреходящее. Это происходит в форме «поэтического мгновения», которое можно определить, как своего рода *остановленное время*. Более того, такой тип поэтического восприятия мира становится и принципом человеческого бытия как такового: «Жить вместе с деревом, как Эрзя, / И сердце видеть в сердцевине. / Из тысяч сучьев, тысяч версий / Найти строенья план единый». Этот «строенья план единый» — не только данность вовне, а самособирание человека в бытии. И всё, что создается человеком, основано на этом. Так, например, поэт говорит о скрипке: «И в этой заоблачной выси — / Естественный климат ее, / Ее ощущение и мысли, / Земное ее бытие». В свою очередь скрипка здесь становится символом самого человека, воплощением смысла его бытия.

О сущности поэзии как таковой сам В. Шаламов высказывался весьма парадоксально; вопреки обычной ассоциации поэзии с молодостью, он связывает её со зрелостью и даже со старостью, с «сединами»: «Поэзия — дело седых, / Не мальчиков, а мужчин, / Израненных, немолодых, / Покрытых рубцами морщин. / Сто жизней проживших сполна. / Не мальчиков, а мужчин, / Поднявшихся с самого дна / К заоблачной дали вершин». Естественно, что сама «поэзия молодости» этим не отрицается, но ясно, что для В. Шаламова — это поэзия, так сказать, низшего порядка — всего лишь выражение естественной радости бытия, а не его итогов и глубинного понимания жизни. Такие итоги и такое понимание дает только

«поэзия седин» — итог жизни: «Жить — значит в талую землю успеть / Бросить свои семена, / Песню свою хоть негромко пропеть, / Но до конца, до конца». У В. Шаламова не было веры религиозной, но его мышление религиозно по своему типу, т. е. обращено к вечности. Однако эту вечность он старается усмотреть только в земных, материальных символах. Классическим таким символом является камень и огромный камень — гора: «На склоне гор, на склоне лет / Я выбил в камне твой портрет. / Кирка и обух топора / Надежней хрупкого пера». Это жадное желание увековечить свое бренное земное существование в камне — очень естественно для поэта безрелигиозной эпохи, лишенного веры в вечную жизнь.

Исследователи часто обращаются к исследованию архетипического уровня поэтики В. Шаламова. Но научное исследование — не самоцель, а одно из важных средств самопознания народа и развития русской культуры. Речь идет о том, чтобы подняться на тот уровень понимания призвания поэта, который уже почти забыт, но все равно остается главным. Поэт — это «вестник», который говорит за всех, высказывая затаенные и часто даже неосознанные мысли, чувства и чаяния всего народа. На уровне архетипа поэт — это *vates*, что на латыни означает «провидец», «вещун». Но для того, чтобы понять поэта на этом уровне, нужно обратиться к той «почве», на которой он вырос, как цветок, соками и силой он питается, хотя бы часто даже и забывая об этом. В. Шаламов (сын священника и ярый безбожник в своей комсомольской юности) с особенной точкой выразил ту «тоску по вечности», которой жил русский народ, оторванный от православной веры, но не утративший тоску о Боге.

Недостаточно быть талантливым или даже гениальным поэтом чтобы выполнять эту миссию. Много гениальных поэтов почти забыты — это значит, что они не стали *vates*, даже не смотря на свою гениальность. И наоборот, есть такие, кто особо почитаем именно на уровне массового читателя, а это значит, что миссия *vates* ими исполнена и признана. В. Шаламову удалось продлить ту особую и весьма трудноуловимую, почти «эзотерическую» ноту русской классики, к которой глухи люди, оторвавшиеся от народной «почвы» (этот символ А. Григорьева и Достоевского здесь заменить нечем). И которую так остро чувствуют те, кто не оторвался, в ком живет еще Святая Русь.

Есть особый Божий Промысл в том, что В. Шаламов так и остался человеком невоцерковленным — это было нужно для того, чтобы показать, насколько русский народ за тысячу лет был воспитан Христом и проникся самим духом Православия, что даже и в безбожную эпоху сохранял этот дух, не смотря на все свои искушения и тьму духовную. Поэт прожил жизнь мученическую — и это было мученичество за чистоту русской души.

Существует такой способ работы с поэтическими символами, при котором в случайном переживании поэта читатель находит не только что-то свое, но и вечное, вселенское, общечеловеческое. Но как такое возможно?

Это возможно потому, что поэт несет в себе «национальный космос» (Г. Д. Гачев), и поэтому каждое его переживание уже изначально является «соборным», общенародным — и нужно только его мастерство, чтобы это выразить и запечатлеть в художественном слове.

Заключение. Рассмотренный внутренний мотив «остановленного времени» делает поэзию В. Шаламова особо ценной для современного человека, который, с одной стороны, лишен такого страшного и трагического опыта жизни, но хочет узнать о нем через поэзию; а с другой, он также привязан к земной символике и не имеет органического религиозного сознания. Через эту земную символику тоже можно увидеть вечность — и в этом главное поэтическое послание В. Шаламова.

Список литературы

1. Ганущак Н.В. Творчество Варлама Шаламова как художественная система: дисс. канд. филол. наук / Н.В. Ганущак. — Тюмень, 2003. — 212 с.
2. Макевнина И.А. Поэзия Варлама Шаламова: эстетика и поэтика: дисс. канд. филол. наук / И.А. Макевнина. — Волгоград, 2006. — 196 с.
3. У Цзяю. «Наиболее поэтичное русское дерево». Варлам Шаламов в Китае / Цзяю У. // Закон сопротивления распаду. Особенности прозы и поэзии Варлама Шаламова и их восприятие в начале XXI века. — Прага-Москва, 2017. — С. 361-365.

УДК 378.016: 821.161.1.09: 929 [Достоевский: Набоков]

ДОСТОЕВСКИЙ В «ЛЕКЦИЯХ ПО РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ» НАБОКОВА

Зайцева Е. В., ORCID 0009-0008-2584-7634

ФГБОУ ВО «Луганский государственный педагогический университет», г. Луганск, РФ
slavina23@yandex.ru

Особого внимания при изучении отношения Набокова к Достоевскому заслуживают его «Лекции по русской литературе», которые содержат не только неточности, но и противоречия. Мы остановимся лишь на некоторых из них.

В лекции о Достоевском Набоков говорит, что смотрит на литературу «как на явление мирового искусства и проявление личного таланта», и планирует «подробно разбирать произведения действительно великих писателей — а именно на таком высоком уровне и должна вестись критика Достоевского...» [1, с. 141, 142]. Логично предположить, что в списке значительных, с его точки зрения, писателей Достоевский занимает не последнее место. Но лектор заявляет, что «Достоевский писатель не великий, а довольно посредственный». (Странное и далеко не единственное

в его лекции противоречие). Следует обратить внимание на тот факт, что в отличие от других классиков, включенных Набоковым в курс лекций (их выбрано всего шесть), самым большим количеством произведений (пять романов) представлен именно Достоевский. Следовательно, заявление Набокова в одном из интервью, что он уделяет в лекциях «посредственному» с его точки зрения писателю всего несколько минут, не соответствует действительности. Обращает на себя внимание глубокое знакомство автора с творчеством классика (к примеру, «Преступление и наказание» Набоков, по собственному его признанию, читал четыре раза). Как справедливо заметила Целкова, «чтобы с таким постоянным равнодушием высказываться о Достоевском, нужно было не только хорошо его знать, но еще и всегда „носить в себе”» [2, с. 22].

Необходимо отметить одну особенность: Набоков подходит к анализу творчества Достоевского с собственной ценностной шкалой, рассматривает его произведения в соответствии со своими правилами и законами. И даже при таком подходе строгий критик не может не подчеркнуть сильные стороны писателя: «все герои в том или ином романе действуют, как опытные шахматисты в сложной шахматной партии», Достоевский — «мастер хорошо закрученного сюжета», который «прекрасно умеет завладеть вниманием читателя, умело подводит его к развязкам и с завидным искусством держит читателя в напряжении», и который мог стать «величайшим русским драматургом» [1, с. 156, 150].

Набоков ставит диагноз героям Достоевского, упрекает его в многократном использовании сочинения по психиатрии Каруса (для чего, кстати, необходимо было самому изучить эти сочинения). Предлагает принять его *условие*, что «Достоевский — прежде всего автор детективных романов, где каждый персонаж... остается тем же самым до конца, со своими сложившимися привычками и черточками» [1, с. 155]. С чем, с нашей точки зрения, нельзя согласиться. Сам Набоков обращает внимание на перемены, произошедшие с Раскольниковым, некий «скачок от честолюбивого благодетеля человечества к честолюбивому тирану-властолюбцу» [1, с. 159]. А его «идею о преступлении, совершаемом во имя самого преступления» [1, с. 160], удачно использует в своем романе «Отчаяние». Строгий критик говорит об отсутствии у Достоевского описаний природы, погоды и вообще всего, что «относится к чувственному восприятию», но вдруг замечает «окно, раскрашенное желтой краской, чтобы все выглядело так, словно снаружи сияет солнце, ...и куст, и „круглый след от мокрой рюмки на садовом столе”» [1, с. 150].

Анализируя «Записки из подполья», Набоков обвиняет автора в том, что тот не уточняет, в чем порочность его героя, предоставляя читателю «лишь гадать» (чем не набоковский подход), «что за грех он имеет в виду», а искусство, с его точки зрения, «должно все уточнять» [1, с. 163] (с чем вполне можно поспорить). Герой «Записок», по словам критика, «пытается

изложить череду своих бессвязных воспоминаний, которые, возможно, проиллюстрируют и объяснят его психологию» [1, с. 166], что заставляет вспомнить героев самого В. В. Набокова (Германа из «Отчаяния» и Гумберта из «Лолиты»). Подобные эпизоды не единожды встречаются в лекции. Далее Набоков приводит большой фрагмент (более двух страниц), «одну из лучших сцен произведения», иллюстрируя «замечательное чувство смешного, вернее трагикомического» критикуемого автора, называя его «исключительно талантливый юмористом!» [1, с. 170]. Но в лекции, посвященной роману «Бесы», Набоков вдруг заявляет, что «не обладая настоящим чувством юмора, Достоевский с трудом удерживается от самой обыкновенной пошлости, притом ужасно многословной» [1, с. 178], но не может не отметить «прелестный шарж на Тургенева», приводя его портрет и характеристику.

Говоря о романе «Идиот», критик отмечает его искусное построение, использование многочисленных приемов в разворачивании интриги, но с оговоркой, что некоторые из этих приемов «если сравнить с Толстым, больше смахивают на удары дубинкой вместо легкого касания перстами художника» [1, с. 177]. Утверждение же Набокова, что «автор *дает определения*, не заботясь о *доказательствах*» [1, с. 177], звучит, по меньшей мере, странно, когда речь идет о художественном тексте. А вот для литературно-критического анализа доказательства как раз необходимы (чем лектор нередко пренебрегает, предлагая «раз и навсегда *условиться*» [1, с. 155] в очередном своем утверждении). В «Братьях Карамазовых» Набоков находит множество приемов, с помощью которых Достоевский «поддразнивает читателя», «насмешничая, намеренно привлекает» его, «выискивает разнообразные средства, чтобы пробудить и поддержать читательский интерес» [1, с. 182]. В качестве примеров приводятся игривые заголовки, напоминающие названия юмористических рассказов, большая часть из которых не соответствует содержанию глав, построение сюжета, при котором «словоохотливый» Дмитрий не выдает себя. Но подчеркивая роль приемов в игре с читателем, считает промахом отсутствие упоминания на суде пепельницы, что помогло бы легко установить истину (а значит, закончить роман). В отношении к читателю, «когда в нем видят, с одной стороны жертву, для которой писатель заготовил капкан, и одновременно охотника, от которого писатель бежит, петляя следы, как загнанный заяц» [1, с. 182], критик видит следы русской литературной традиции и заимствования из западных романов. Странно, что в отношении собственного творчества Набоков отрицает всяческие влияния. Самым неудачным персонажем романа лектор считает Алешу, появление которого отправляет читателя в «безжизненную стихию». И даже в историю об Илюшечке (которая, с точки зрения Набокова, замечательна сама по себе) Алеша вносит «елейный холодок». Историю же старца Зосимы автор лекции считает лишней в романе. Следует заметить, что отношение к персонажам,

подобным Мышкину, Алеше или Зосиме, связано, скорее, с неприятием Набоковым религиозности Достоевского, его «христианства...очень сомнительного свойства» (по выражению Мирского, цитату которого и приводит в главе, посвященной роману «Идиот»). Здесь же он объясняет, что «раздражает» его в философии Достоевского «навязывание» классиком собственного толкования православия и собственного понимания Христа, к которому он неизбежно приводит читателя.

Лекция Набокова содержит противоречивые моменты и выглядит как попытка доказать, в первую очередь себе, что творчество Достоевского и его собственное — несовместимы. Но чем сильнее было стремление автора доказать это, тем больше он убеждался в противном и с еще большей энергией искал новые аргументы. Говоря о Достоевском, Набоков много сказал о себе самом.

Список литературы

1. Набоков В.В. Лекции по русской литературе / В.В.Набоков; пер. с англ. — СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2015. — 384 с.
2. Целкова Л.Н. Романы Владимира Набокова и русская литературная традиция / Л.Н. Целкова. — М.: ООО «Русское слово — учебник», 2011. — 232 с.

УДК 821.161.1

ОБРАЗ КАЗАЧЬЕГО ГЕНЕРАЛА Я. П. БАКЛАНОВА — ДУХОВНОГО ЛИДЕРА ЭТАПА «ВТОРОГО ДОНА» В ТВОРЧЕСТВЕ Н. ТУРОВЕРОВА

Иванов К. Г.¹, Шаравин А. В.², д-р филол. наук, проф.

¹Независимый исследователь, г. Брянск, РФ

²ФБГОУ ВПО «Брянский государственный университет
имени академика И. Г. Петровского», г. Брянск, РФ

ivanovkirill2010@yandex.ru

Введение. Историю донского казачества боевой офицер, поэт-казак, эмигрант первой волны Н. Туроверов делил на четыре этапа. Второй этап («второй Дон») в его историософии длился с 1721 г. по Октябрьскую революцию. Н. Туроверов выделяет целый ряд казачьих вождей в этом периоде донской истории. Однако из всех незаурядных воинов-атаманов самое значительное место в истории донского казачества «второго Дона», по мнению Н. Туроверова, занимает Я. П. Бакланов [1, с. 290]. Интерес к личности прославленного казачьего генерала обусловлен не только его героическим ореолом, но и родственными связями с семьей Туроверовых:

«...Старый черт из Гугнинской станицы / Был роднею деду моему...» [2, с. 374].

Основная часть. В цикле стихотворений «Гурда» поэтически воссоздается история легендарной шашки, переданной Я. П. Баклановым деду Н. Туроверова. Шашка для казака символизировала свободу, атрибут принадлежности к воинскому сословию. Казак, лишившийся оружия, подвергался позору. Знаменитым оружием, за которым тянулся шлейф преданий и легенд, на Дону и на Кавказе всегда восхищались, посвящали ему стихи, песни. Именно такого рода легендарной шашке и посвящен цикл стихотворений Н. Туроверова «Гурда». Первое стихотворение из цикла посвящено истории создания шашки, несущей мистический оттенок: «... Говорят — и повторяют это — / Что тебя, с заклятьем на устах, / Выковал по просьбе Магомета / В поднебесной кузнице Аллах...» [2, с. 371]. Таким образом, сразу задается символ Гурды, как оружия, созданного для славы мусульманских воинов. Композиционный центр цикла «Гурда», состоящий из 6-ти стихотворений, — стихотворение третье, сюжет которого раскрывается в описании битвы за Кавказ и истории Гурды, ставшей воинским трофеем генерала Бакланова: «...Стала ты подругой у шайтана, / Породнилась с заколдованной рукой, / Черт Петрович, генерал Бакланов / Самовластно завладел тобой...» [1, с. 373]. Для лирического героя стихотворения переход легендарного оружия мюридов и беков в руки казачьего атамана предопределяет поражение Имама Шамиля на Кавказе и уничтожение свободы горцев: «...На чеченскую седую волю / Опускалась северная ночь...» [2, с. 373]. Жестокость противостояния раскрывается в аллегории «...Над страницами раскрытого Корана / Оседала поднятая пыль...» [2, с. 373]. Образ брошенной под копыта казачьих коней на землю священной книги — символ покоренного, униженного Кавказа. Особая роль в победе над горскими племенами принадлежала Я. П. Бакланову. Даже враги отмечали его особое мужество храбрость, бесстрашие, талант полководца и воина. Для Кавказской войны Бакланов стал легендарным мифологическим героем. «Где пролетает птица, где проползает змей — там и дорога Бакланову», — говорил Шамиль. Когда сдавшегося в плен Шамиля спросили, что он хочет прежде всего увидеть, Шамиль ответил: — Бакланова» [3, с. 25]. В цикле «Гурда» Н. Туроверов отразил подлинные реалии Кавказской войны: «...Над имамом флаг зеленый реет: / Весь Кавказ привстал на стременах, / Над Баклановым по ветру веет / Черный с черепами флаг...» [2, с.373]. Поэтически воссозданный эпизод восходит к реальному факту. «В Куринское укрепление, где был Бакланов со своими донскими казаками, пришла посылка... В посылке был значек, имевший вид большого черного знамени, на середине которого была изображена мертвая „Адамова голова“, (т. е. череп), с двумя крестообразно положенными под ней костями, а кругом серебряною вязью было вышито: „Чаю воскресения мертвых и жизни будущего века. Аминь!“... этот значок

... произвел своим мрачным видом впечатление на казаков, не совсем благоприятное. Но скоро это впечатление прошло, когда казаки увидели, что значек наводит на чеченцев панический страх, — они и так считали Бакланова шайтаном, а тут черное знамя с черепом и костями! Значек с этих пор был неразлучным спутником Бакланова», — пишет один из современников в заметке «Адамова голова» [2, с. 25]. Кроме того, Я. П. Бакланову Н. Туроверовым посвящены ряд статей («Молодость Бакланова», «Юность Бакланова» и другие). Поэт-казак отмечает особый воинский дар у героя Кавказской войны, создавая гиперболический образ в духе богатырских былин.

Композиционный центр цикла «Гурда» обрамлен «Чеченской песней» (второе стихотворение цикла) и «Казачьей песней» (четвертое стихотворение цикла). Лейтмотив второго стихотворения — смерть чеченского воина и горе, пришедшее в семьи горцев. И наоборот — «Казачья песня» — судьба Донца, неподвластного гибельному року: «...Что ты ворон, что ты, черный, / Что ты вьешься надо мной? / Ведь добыча-то плохая: / Я — казак — еще не твой!..» [2, с. 374]. В основу четвертого стихотворения цикла положен один из вариантов текста песни казаков-линейцев. В пятом стихотворении цикла рассказывается история шашки, подаренной деду главного героя, а от него и самому герою стихотворения. В его руках шашка продолжает свою легендарную историю, и враги у нее такие же сверхъестественные: «...Сколько раз рубил я сгоряча / Смерть свою, которая касалась / Ненароком моего плеча...» [2, с. 375]. В завершающем четверостишии противопоставляются воинские традиции, переданные с Гурдой герою, и его «двадцатилетний пыл» и молодая горячность: «...Ты меня настойчиво учила / Нужному спокойствию в бою. / За тобой — баклановская слава, / А за мной — двадцатилетний пыл...» [2, с. 374]. Герой стихотворения сохраняет баклановскую славу и честь, но утрачивает баклановский ореол победы. Оружие словно терпит поражение вместе с героем: «...Помнишь вьюжный день на Перекопе? / Мертвый конь, разбитые ножны...» [2, с. 375]. Легендарное оружие оказывается вместе с героем пленником Европы, музейным артефактом, аккумулируя в себе лишь память о славном прошлом. Поэтический образ Бакланова будет еще раз поэтически воссоздан Н.Н. Туроверовым в поэме «Сказка». В произведении воссоздается особый заповедный хронотоп: «Среди степей на безыменной реке», куда может добраться лишь тот, «...кто верит в Бога, / И кто родину свою / Не забыл в чужом краю...» [2, с. 349]. И вот среди завсегдатаев этого зимовника появляется из изгнания князь Никита, который смущает своим ропотом, тоской веселую казачью компанию. Унывшему князю прописано лекарство — «...Чудодейственная влага, / Что Бакланов-генерал / Перед смертью завещал / Пить тому — но только в меру — / Кто несет в себе холеру...» [2, с. 353]. Туроверовская метафора очевидна. «Холера» — метафора тоски, уныния, кручины излечивается «баклановской влагой» —

казацкими традициями, славой Войска Донского, памятью предков, казацкими воинскими победами. «Баклановка» исцеляет князя Никиту, явившегося из чужеземной дали. В персонаже, сопровождающемся характеристикой «точно девица в штанах», после баклановской бражки пробуждается казак [2, с. 352]. Завершается сказка развеселой плясовой музыкой, от которой «сотрясается земля, колыхаются поля» [2, с. 355]. Безусловно, контекст «Сказки» отсылает нас к проанализированному мотиву возвращения на Родину, однако, безусловно, в данном произведении превалирует сказочный фольклорный колорит.

Заключение. Подчеркнем еще раз, что казачий воинский дух связан с баклановскими традициями, которые для Н. Н. Тuroверова составляли основу второго и последующих этапов казачьей историософии и реализовались в мотиве «Имперского Войска Донского».

Список литературы

1. Казачество: Мысли современников о прошлом, настоящем и будущем казачества. — Париж : Изд. "Казачьяго союза", 1928. — 379 с.
2. Турoверов Н. Н. Возвращается ветер на круги свои...: стихотворения, поэмы. / Н. Н. Турoверов — М. : Художественная лит., 2010. — 414 с.
3. Понемногу обо всем //Вестник Казачьяго Союза. — Париж. — №1. — Сентябрь. 1948. — С. 24-27.

УДК 821.161.1:81255Пушкин'

«МИЛОСТЬ К ПАДШИМ» В ПОВЕСТИ «КАПИТАНСКАЯ ДОЧКА» А. С. ПУШКИНА

Квашина Л. П., канд. филол. наук, доц., ORCID 0009-0003-8723-1479
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
l.kvashina-dongu@mail.ru

Введение. Заявленная тема предполагает, что в произведении о событиях XVIII века каким-то образом присутствует декабристская проблематика, животрепещущая для современников, глубоко и очень лично переживаемая самим поэтом и абсолютно закрытая для публичного обсуждения. В «Капитанской дочке», последнем завершеном произведении Пушкина, ставшим его завещанием, есть прямой знак выхода исторического повествования в современность — финальная дата: «19 окт. 1836 года» [1, с. 83]. Этим же числом подписано концептуально значимое письмо — ответ поэта Чаадаеву на его «философические» размышления об исторической судьбе России.

Цель. «Эхо» декабрьских событий ощутимо присутствует в творчестве Пушкина 20–30-х годов и не только как тема прямого высказывания (известные его стихотворения), но и как предмет постоянных глубоких размышлений о законах истории, о природе власти, что находит отражение в «Евгении Онегине», «Медном всаднике», «Пиковой даме» и, конечно, в «Капитанской дочке».

Основная часть. Разговор о скрытых планах «Капитанской дочки» — занятие довольно рискованное. Самые глубокие филологические разыскания не могут отменить общего впечатления удивительной простоты пушкинского рассказа — и это при бездонности открывающихся смыслов. Однако, уже в первой, вполне традиционной хроникальной фразе, проступает сплетенность судьбы героя, авторского плана и большой истории. «Отец мой Андрей Петрович Гринев в молодости своей служил при графе Минихе и вышел в отставку премьер-майором в 17** году» [1, с. 7]. В рукописи датой отставки отца Гринева значился 1762 год — дворцовый переворот, в результате которого Екатерина II взошла на престол. Поскольку это противоречило возрасту главного героя (к началу пугачевских событий (1773) Петруше должно было быть не менее 16 лет) Пушкин, по замечанию друзей, снял последние цифры. Хронологическая достоверность была восстановлена, но достаточно условно: сохранялась прикрепленность отца Гринева к Миниху («служил при графе Минихе»). Если Пушкин хотел обозначить оппозиционность Гринева-старшего, верность присяге и соблюсти возраст Петруши (по хронологическим выкладкам в черновиках он должен был родиться в 1755 году, то есть до переворота), достаточно было привязать отставку Гринева к другим резонансным событиям, которых в XVIII веке и в жизни Миниха было в избытке. Но для Пушкина важен был именно екатерининский переворот как отправная точка сюжетного повествования. В его творческом сознании 1762 год присутствовал как момент смуты, как веха опасного раскола русского дворянства. С именем фельдмаршала Миниха связаны также важные биографические мотивы: его судьба соприкасалась с обеими ветвями пушкинского рода. Отметим также, что как в истории предков Пушкина, так и в биографии самого Миниха (из сибирской ссылки, куда он был отправлен Елизаветой Петровной, его вернул Петр III) очевидно присутствовал мотив возвращения из ссылки. Заданный отсчет времени позволяет Пушкину вести соотношенность разворачивающихся в повести событий с дворцовым переворотом, который вознес на престол Екатерину II. Так в повествование входит тема самозванства как проблема русской истории и русского сознания и входит, заметим, не в связи с Пугачевым.

На пушкинском веку смена правителей происходила дважды, причем, оба раза драматично: 1801 — убийство Павла I, 1825 — неожиданная смерть

Александра I и дворянский мятеж. Пушкина чрезвычайно интересовали обстоятельства междуцарствия, возникшие после смерти Александра I: присяга Константину Павловичу, официально носившему титул цесаревича, а две недели спустя — повторная присяга Николаю. В русской истории переприсяга — случай невиданный, что неизбежно породило слухи о захвате власти и создало благоприятную почву для приведения в действие планов декабристов. Восстание было подавлено, но разговоры об узурпации власти не исчезли. По воспоминаниям современников, Николай Павлович, так и не получив от Константина официального отречения, на троне ощущал себя неуверенно и правил в опасении переворота. Таким образом, проблема нелегитимности коснулась и его.

Известно, что Пушкин во время коронации Николая I в Москве был доставлен из Михайловского в Кремль, где в Чудовом монастыре состоялась двухчасовая встреча с царем. «Император долго беседовал со мною и спросил меня: «Пушкин, если бы ты был в Петербурге, принял ли бы ты участие в 14-м декабря?» — «Неизбежно, государь; все мои друзья были в заговоре, и я был бы в невозможности отстать от них. Одно отсутствие спасло меня, и я благодарю за то Небо» [Цит. по: 2, с. 34]. В «Капитанской дочке» те, кто отказался присягнуть самозванцу, умирают на виселице. Гринев не может «отстать» от них. Спасают его, как и поэта в свое время, — «чудные обстоятельства». Можно предположить, что в ситуации Гринева и Пугачева Пушкин не просто воссоздал критический момент собственной судьбы, но пересоздал его в согласии с нравственной позицией и опытом последних лет своей жизни.

В 1826 году, после разгрома восстания, Пушкин определяет свои отношения с Николаем I и свою позицию по отношению к участникам восстания. Судьба осужденных «120 друзей, братьев, товарищей», которые не были помилованы при коронации, на что он очень надеялся, и оказались в казематах, на каторге и в ссылке, взывала к сочувствию и требовала соучастия в их освобождении. Ю.М. Лотман писал о разговоре с царем: «Можно предполагать, что какие-то туманные заверения о прощении „братьев, друзей, товарищей“ Пушкин получил. Именно со времени этой первой встречи с царем начинается для Пушкина та роль заступника за декабристов, которую он подчеркнул как важнейшее из дел жизни...» [3, с. 113]. Упорное бессердечие Николая I становится причиной нарастающей оппозиционности Пушкина по отношению к новому режиму, а тема милости — важнейшей в его позднем творчестве.

Финальная сцена «Капитанской дочки» выстраивается на отчетливом выборе между правосудием и милостью. Именно так формулирует свою просьбу к императрице Маша Миронова. И милость Екатерины — это не только просветительский жест, «возведение человечности в

государственный принцип», но также реализация уходящего вглубь культурной традиции важнейшего, исключительного права монарха. Важнейшего, потому что прямо подтверждает его царственную природу. В этом смысле милость Екатерины это послание любому правителю и призыв, адресованный Николаю I. Милосердие и сострадание есть высший принцип верховной власти, а значит — гарант ее легитимности.

Заключение. Эпилог повести на фоне слов императрицы о долге перед дочерью капитана Миронова и устного заверения «устроить ее состояние» достаточно ироничен: «В тридцати верстах от *** находится село, принадлежащее десятерым помещикам. В одном из барских флигелей показывают собственноручное письмо Екатерины II за стеклом и в рамке» [1, с. 83]. Пушкин не был ни догматиком, ни утопистом — любая догма искажает мир. Но даже в снятом виде сказочный апофеоз не может отменить реальность высокого жеста — «милости к падшим».

Список литературы

1. Пушкин А.С. Капитанская дочка. — Изд. 2-е, доп. — Л.: Наука, 1984. — 320 с. — (Литературные памятники).
2. Эйдельман Н.Я. Пушкин: из биографии и творчества. 1826–1837 / Н.Д. Эйдельман. — М.: Художественная литература, 1987. — 463 с.
3. Лотман Ю.М. Пушкин / Ю.М. Лотман. — СПб, Искусство–СПб., 1995. — 847 с.

УДК 82.09

РОЛЬ ТЕКСТА И ЛИТЕРАТУРЫ В РАННИХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ В. Г. СОРОКИНА

Кобзарь Н. С., ORCID 0009-0005-2353-0543,
Кораблев А. А., д-р филол. наук, проф., ORCID 0000-0003-1362-6283
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
kobzar.ni@yandex.ru

В интервью «Текст как наркотик», записанном Татьяной Рассказовой в 1991 году, Владимир Сорокин произнес следующее: «Но почему так притягивает сам текст? Фуко сказал, что любой текст тоталитарен, так как претендует на власть над человеком. Текст — очень мощное оружие. Он гипнотизирует, а иногда — просто парализует» [1]. Поскольку Сорокин творчески воспитан в кругу московских концептуалистов, его творчеству, как и творчеству других участников этого круга, присуща такая специфическая черта как металитературность и шире — метадискурсивность. В связи с этим, высказанный автором взгляд на текст

как на нечто деструктивное не мог не отразиться непосредственно в его творчестве.

Тема текста и его деструктивности начала проявляться уже в самых ранних работах Сорокина, в его творчестве «соц-артовского» периода. Одним из ярких примеров может служить рассказ «Заплыв», первоначальный вариант которого был написан в 1979-м году. В этом рассказе группа пловцов с факелами образовывали проплывающий по воде идеологический лозунг. Оканчивается рассказ тем, что факел одного из пловцов треснул, из него вытекла горючая жидкость, и человек стал гореть [2, с. 21-23]. Зачатки этой темы также можно проследить в первой и шестой частях романа «Норма».

Однако наиболее ярко эта тема стала выражаться в произведениях 1989–1997 гг., когда Сорокин стал переходить от соц-артовского творчества к металитературному, и наиболее яркими примерами на этом творческом этапе автора являются роман «Роман» и пьеса «Dostoevsky-trip».

Роман «Роман» обычно рассматривается исследователями и критиками как текст о смерти романа как жанра. В произведении этот жанр олицетворяет главный герой с соответствующим именем — Роман — который в финале произведения совершает массовое убийство жителей деревни. Мы видим явное изображение литературы (в данном случае — в ипостаси жанра) как деструктора, как нечто, что разрушительно и смертельно влияет на людей. Но есть одна любопытная деталь: в массовом убийстве Роману помогает его возлюбленная по имени Татьяна (вызывающая ассоциацию с пушкинской Татьяной Лариной), которая впоследствии и сама погибает от его рук. То есть персонаж не просто испытывает деструктивное влияние литературы, но и сам добровольно поддается ему.

Похожая ситуация описана и в пьесе «Dostoevsky-trip», в которой писатели-классики изображены в виде наркотиков. По сюжету группа из семерых людей ожидают продавца, который должен доставить им «литературный» наркотик. Во время ожидания они делятся друг с другом опытом употребления других наркотиков-писателей, обсуждая их эффект. Через некоторое время приходит продавец и предлагает им «одну из последних разработок» — наркотик Достоевский. Герои пьесы покупают его, прощаются с продавцом и принимают вещество, погружаясь в коллективный наркотический трип, становясь персонажами романа «Идиот» [3, с. 499]. Постепенно поведение героев становится все более вызывающим и абсурдным. По выходе из трипа персонажи пьесы по очереди делятся воспоминаниями из детства, после чего «застывают в нелепых позах» и умирают, что становится понятно из слов появившегося персонажа — химика, который констатирует, что «Достоевский в чистом виде действует смертельно» [3, с. 537-538]. Здесь мы вновь наблюдаем изображение литературы — теперь уже в виде конкретных авторов — в

деструктивном виде. И вновь герои, зная о ее вреде, добровольно поддаются деструктивному влиянию.

Именно в этой пьесе Сорокин доводит до конца образ текста (литературы), который он описывал в упомянутом в начале интервью. «Гипнотизирование», названное автором, вполне можно сравнить с действием наркотиков, а парализация происходит буквально (герои «застывают в нелепых позах»), да и само название интервью совпадает с тем, что описано в произведении.

Так, мы видим, что для Владимира Сорокина на раннем этапе его творчества была важна тема текста (в т.ч. литературного) и его влияния на человека. С самых ранних работ писателя и до текстов конца 1990-х годов постепенно развивалась тема деструктивности текста, который в финале принял тот образ, в котором его описывал автор в интервью.

Список литературы

1. Рассказова Т. Текст как наркотик / Т. Рассказова [Электронный ресурс] — URL: <https://lit.wikireading.ru/h8Uyzxrk0i> (дата обращения 11.09.2024).
2. Сорокин В.Г. Заплыв / В.Г. Сорокин — М.: Издательство АСТ: CORPUS, 2024. — 288 с. — ISBN 978-5-17-162360-9.
3. Сорокин В.Г. Dostoevsky-trip / В.Г. Сорокин // Капитал. Пьесы. — М.: Издательство АСТ: CORPUS, 2019. — 672 с. — ISBN 978-5-17-108674-9.

УДК 82-91/087.6

СИМВОЛИКА ТОПОЛЯ В ПРОЗЕ ВЛАДИСЛАВА КРАПИВИНА

Комин М. В., ORCID 0009-0000-0323-8290

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь, РФ

mykomin@gmail.com

Введение. В произведениях известного детского писателя Владислава Крапивина тополь предстает не обыкновенной деталью пейзажного описания, а полноценным проработанным образом, вовлеченным в сюжет и обуславливающим его развитие, несущим в себе метафизические смыслы и воплощающим представления крапивинских героев о мироздании.

Целью данной работы является исследование символического значения тополя в прозе Владислава Крапивина.

Основная часть. Неприхотливый и быстро растущий тополь широко культивировался в СССР при озеленении. Тополя стали узнаваемой частью типичного советского пейзажа: «именно их повсеместно сажали во времена СССР на бульварах крупных и не очень городов, в райцентрах, посёлках городского типа и вдоль дорог» [7]. Тополь становится сквозным образом,

проходящим через все творчество советского писателя Владислава Крапивина.

Дебютный сборник Владислава Крапивина «Рейс "Ориона"» (1962) открывает рассказ «Восьмая звезда» (1959): путешествующий на поезде герой-рассказчик впечатлен раскидистыми тополями, обрамляющими железную дорогу: «Первые звезды дрожали над черными кронами тополей. <...> Так и не знаю, что это была за станция. Помню только, что шумели там высокие тополя и неяркие огни робко мигали на стрелке» [3, с. 8]. Под этими загадочными тополями Васек и Санька каждую ночь мечтают о полете к далекой звезде. Тополя сопровождают крапивинских героев на пути их исканий и словно находятся на границе земного и космического миров: кажется, что высоким деревьям легко дотянуться ветвями до звезд.

С тополем связаны детские воспоминания самого Владислава Крапивина: возле дома будущего писателя рос громадный тополь, посаженный еще в XIX веке. Дома многих крапивинских героев также легко найти по растущим возле них тополям: «Видишь, посреди склона два больших тополя?... Не там, а правее, недалеко от лестницы. А рядом с левым тополем — мой дом» [2, с. 49], — объясняет Лесь другу в повести «Дырчатая луна» (1994). Для одинокого сироты Ашотика тополь, возвышающийся у дома Лесья, становится живым маяком спасительной дружбы.

В автобиографической повести В. П. Крапивина «Тополиная рубашка» (1986) старый тополь предстает одним из героев: он вовлечен в жизнь двора, молчаливый и понимающий, он по-доброму наблюдает за житейскими делами и заботами людей: «Тополь не обижался ни на ребят, ни на взрослых. Не обижался, когда по нему били тугими мячами, когда вырезали на его коре инициалы и сердца со стрелами, когда стреляли в него из пугачей. Не обиделся на соседку Василису Тимофеевну, когда она вбила в ствол железный штырь, чтобы привязывать бельевую веревку» [6, с. 9]; возле тополя всегда разворачиваются детские игры: «Тополь осенял наше детство. <...> А тополиный запах заполнял весь мир. И вся наша жизнь делалась радостной, беззаботной, бесстрашной, потому что мы сливались с этой свежестью, с этим запахом листьев <...>. Словно кровь наша перемешивалась с тополиным соком» [6, с. 10]. В представлении В. П. Крапивина раскидистый тополь становится волшебным островком и добрым хранителем Детства: ребята со старого двора ощущают себя «детьми тополя». В фантастическом сюжете повести тополь обретает волшебные свойства: из тополиного пуха ведьмы изготавливают для Славки невесомую рубашку, в которой он может летать. Полет мальчика над городом вместе с тополиным пухом воплощает свободу и радость чистой детской мечты.

В повести «Самолет по имени Сережка» (1994) страдающий от одиночества Ромка — мальчик-инвалид, запертый в квартире, — запускает

бумажного голубка как отчаянную просьбу о помощи: «Я пустил голубка с балкона, и ветер унес его за тополя. И я подумал: вот найдет кто-нибудь, догадается, придет ко мне» [4, с. 19]. Тополя, которые Ромка часто рассматривал с балкона, словно ощущают душевную боль мальчика и стремятся помочь ему: вскоре в жизни Ромки появляется удивительный друг Сережка.

В постсоветском творчестве Владислава Крапивина все острее проявляются мотивы сиротства, падения нравственности, социальной неустроенности и несправедливости. Писатель болезненно переживает кризис, захлестнувший страну на рубеже веков. Романтизированный мир крапивинских героев-мечтателей не намерен смешиваться с неприглядной действительностью, при этом стойкий тополь остается одним из ключевых его символов.

В романе «Семь фунтов брамсельного ветра» (2003) Лоська хоронит убитого незнакомцами кота Умку на пустыре под старым тополем, доверяя дереву хранить свою грустную тайну: «Мы подошли к вековому полузасохшему тополю. В метре от него среди лопухов можно было разглядеть плоский полуметровый холмик, укрытый дерном» [5, с. 19]. Под этим же тополем Лоська знакомится с Женькой Мезенцевой, после чего жизнь героев меняется к лучшему: вместе ребята успешно противостоят трудностям, поддерживая друг друга, у них оказывается много общих увлечений и интересов.

Громадный тополь предстает в романе символическим воплощением старого доброго мира с его естественностью и простотой. В новом веке, где в погоне за наживой и материальными ценностями люди идут на самые жестокие преступления, одинокое дерево засыхает среди развалин на пустыре: «Так вот я бродила, шебурша джинсами по лопухам и желтоголовой пижме, и вышла к большущему тополю. Некоторые ветки его были сухие, а на других — редкие листья. Старик уже. Но у могучего ствола курчавилась молодая поросль» [5, с. 27]. По мере того, как крепнет дружба ребят, все больше оживает и старый тополь, пустивший новую поросль. Женька Мезенцева, как может, стремится сделать мир добрее и лучше: в летнем лагере она защищает младших ребят от унижений вожатой, делится с Лоськой книгами, спасает Никиту Стаканова от нападения хулиганов. В завершении романа нравственная победа героев совпадает с цветением ожившего вопреки невгодам тополя: «Есть солнце, весело орущие воробьи и полный тополиного пуха ветер...» [5, с. 359].

В повести «Дагги-Тиц» (2008) Инки и Гвидон превращают расколотый молнией тополь в своеобразный памятник своим трагически погибшим друзьям, написав на стволе дерева их имена: «У самого верха откоса рос когда-то большой тополь. Несколько лет назад в него ударила молния, расколола ствол надвое. Вся крона и часть ствола рухнули в реку, остался над водой только громадный обломок <...>. В мае прошлого года

этот древесный скол ребята под командой Гвидона выровняли, зачистили, как поверхность широкой доски. И смоляной краской написали на поверхности крупные буквы» [1, с. 139]. Действие повести разворачивается в непростые 2000-е годы, когда отголоски «лихих 90-х» в российской глубинке все еще напоминают о себе экономической неустроенностью, коррупцией, разгулом преступности и безнаказанностью криминальных авторитетов. Тополь (как воплощение ушедшего доброго мира) расколот и почти уничтожен: он не может укрывать ребят под своей кроной, как раньше; но он надежно хранит память о Борисе Мелькере и Юре Вяльчикове, погибших в борьбе с бандитами. Ребята верят, что тополь сможет дать новые ростки, возродится и вознестись ветвями к небу, а храбрые поступки Бориса и Юры дадут свои всходы — обратят внимание общества на злободневные проблемы, научат людей жить по совести.

Заключение. Тополь выступает сквозным образом в творчестве Владислава Крапивина и символизирует веру в доброе начало Мироздания, нравственное возрождение, верность нравственному долгу и принципам, которым крапивинские герои остаются верны в любых обстоятельствах. Тополь в прозе Владислава Крапивина — «мудрое и доброе дерево».

Список литературы

1. Крапивин, В. П. Дагги-Тиц / В. П. Крапивин. — Москва : ИДМ, 2017. — 236 с. — ISBN 978-5-00108-054-1.
2. Крапивин, В. П. Дырчатая луна / В. П. Крапивин. — Москва : ИДМ, 2017. — 157 с. — ISBN 978-5-00108-174-6.
3. Крапивин, В. П. Рейс «Ориона» / В. П. Крапивин. — Москва : ИДМ, 2013. — 76 с. — ISBN 978-5-91045-617-8.
4. Крапивин, В. П. Самолет по имени Сережка / В. П. Крапивин. — Москва: Лабиринт Пресс, 2019. — 185 с. — ISBN 978-5-9287-3099-4.
5. Крапивин, В. П. Семь фунтов брамсельного ветра / В. П. Крапивин. — Екатеринбург : Сократ, 2003. — 365 с. — ISBN 5-88664-151-3.
6. Крапивин, В. П. Тополиная рубашка / В. П. Крапивин. — Н. Новгород: Нижкнига, 1994. — 508 с. — ISBN 5-87645-005-7.
7. Культурология.ру. Зачем в Советском Союзе повсеместно высаживали тополя, от пуха которых люди страдают до сих пор. — Текст : электронный // Культурология.ру : интернет-портал. — 2022. — URL: <https://kulturologia.ru/blogs/100122/52239/> (дата обращения: 25.08.2024).

КОНТУРЫ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В «ЗАПИСКАХ НА МАНЖЕТАХ» МИХАИЛА БУЛГАКОВА

Кораблев А. А., д-р филол. наук, проф., ORCID 0000-0003-1362-6283
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
dikoepole@rambler.ru

«Записки на манжетах» Михаила Булгакова задумывались в трех частях, но жизнь отредактировала этот замысел соответственно понятной жизненной обусловленности и внятной концептуальной ясности. В окончательном виде они разделены на две части: провинциальную и столичную. Ситуации в них зеркальные, хотя и не симметричные. В провинции доминирует горизонталь — ориентация на некий отдаленный центр, в столице — поскольку стремиться на земном плане уже некуда — доминирует вертикаль, последовательное возвышение над пространственно-временными параметрами, и в творческом плане, и в организационном.

Трехчастность напоминает (может, и пародийно) трехтомность гоголевских «Мертвых душ», которые Булгаков тогда перечитывал. Первая часть — мрак искаженного и псевдокультурного существования (характерная деталь: пушкинский вечер, украшенный портретом поэта, на котором Пушкин похож на Ноздрева). Вторая часть — признаки жизненной активности, духовного пробуждения, неявное присутствие новых классиков («Брюсов с Белым»). Третья часть, если следовать гоголевской логике, должна быть патетической, обращая к русской классике, но, как и в гоголевской поэме, эта часть лишь угадывается в первых двух и существует как вдохновляющий мираж.

В первой части «Записок», рассказывая о своих литературных приключениях в послереволюционные годы на Кавказе, Булгаков выстраивает, а вернее сказать, выявляет ценностную иерархию русских писателей. Вершинную позицию в ней занимает Пушкин — о нем в записках специальная глава, явно центральная, судя по содержанию (бессмертие поэта) и форме (диспут). Ему противопоставлены курсирующие между столицей и провинцией современные литераторы, с кем Булгакову довелось пересечься на пути их следования: Слезкин, Евреинов, Рюрик Ивнев, Мандельштам, Пильняк, Серафимович... Если это и случайная выборка, то лишь отчасти. Это и авторский выбор — среди множества проходящих лиц уже известных, и выбор судьбы — направляющей на встречу с автором его будущих персонажей.

Во второй части «Записок» действие перемещается в столицу, в центр творческой активности и даже в ее эпицентр, что придает этим заметкам

эпический масштаб. Провинциальная центрированность достигает пространственной цели («Больше ехать некуда. Это — Москва»), но жизненное движение продолжается и ведет к смене векторов: горизонталь сменяется вертикалью. Разделенное надвое, хронологически и топологически, повествование этим разделением побуждает к сопоставлению двух частей, и не только параметральному, но и концептуальному, - не только в аспектах времени и пространства, но и в плане преодоления пространственно-временной предопределенности.

В столице и пространство, и время ощущаются иначе, чем в провинции. Столичное пространство концентрирует мышление, столичное время — ускоряет его. Столичная конкуренция (и креативная, и карьерная) стимулирует жизненную энергию, сообщает опережающее знание, запускает динамичный стиль. И Булгаков, прибыв в Москву, но сохраняя провинциальный, остранный взгляд, спешит наблюдать и фиксировать моменты грандиозного социального строительства и сообразного ему нового искусства.

В провинции, защищая Пушкина от революционных ниспровергателей, Булгаков провозглашал, что Пушкин — тоже революционер, но — «революционер духа» [4, с. 43], имея в виду, надо полагать, евангелическое противостояние «мирской власти» и поэтической неотмирности, а также пушкинское противопоставление «Александрийского столпа» и «Нерукотворного памятника».

В столице Булгаков выступает в защиту Льва Толстого и тоже трактует его как религиозное явление, подобное явлению Христа народу [3, с. 155], подразумевая, разумеется, и ленинское определение Толстого «как зеркала русской революции». Возможно, Булгаков для того и выступил именно с этой речью, чтобы в сознании читателей соединить эти выступления, потому что Пушкин и Толстой — хронологические и семантические границы русской классики, ее альфа и омега.

Причем, примечательно, что выступил он уже после написания «Записок на манжетах». Это хронологическое несовпадение позволяет уточнить жанровую природу его «Записок»: они апеллируют к *действительности* описываемых событий. Поэтому исследователи могут удостовериться в их подлинности и авторской адекватности. В них изображенное и изображаемое — две формы одного содержания, предполагающие двуединое, бинокулярное восприятие.

Булгаковская защита классиков содержит и личный подтекст: он защищает *своих*, он *совпадает* с ними в этой роли, а значит, защищает и *себя*. Во второй части «Записок» это совпадение выражено в комической форме: герою снится, что он Толстой. И уже не важно, что именно снится. Главное — присутствие Толстого обозначено, ибо без него авторская концепция выглядела бы незавершенной.

«Видел во сне, как будто я Лев Толстой в Ясной Поляне. И женат на Софье Андреевне. Я сижу наверху в кабинете. Нужно писать. А что писать, я не знаю. И все время приходят люди и говорят:

– Пожалуйста обедать» [1, с. 506].

Кроме **Пушкина** и **Толстого**, Булгаков упоминает и других классиков.

Кто-то читает доклад о **Гоголе** и **Достоевском**: «И обоих стер с лица земли» [1, с. 480].

Не назван, но упомянут **Грибоедов** — в программном заявлении начальника:

«– Па иному пути пайдем! Не нады нам больше этой парнографии: «Горе от ума» и «Ревизора». Гоголи. Моголи. Свои пьесы сачиним» [2, с. 143].

Уставший от безалаберности, герой произносит в сердцах: «Все к черту! **Некрасова** и воскресших алкоголиков» [1, с. 504].

Косвенно упомянут **Островский** — репликами из «Леса»: «Один — из Керчи в Вологду, другой — из Вологды в Керчь» [1, с. 483].

Чехов назван уважительно — по имени и отчеству, о нем герой читает доклад («О **чеховском** юморе» [1, с. 484]), а в финале первой части звучит чеховское (трижды, словно в три голоса трех сестер):

«В Москву! В Москву!! В Москву!!!» [2, с. 143-144]

А Москва встречает героя словом «Дювлам»: «Двенадцатилетний юбилей Владимира **Маяковского**» [1, с. 492].

...И вскоре, подхваченный стихией хаоса и времени, герой неожиданно оказывается у самой вершины литературной иерархии: «**Брюсов с Белым...**» [1, с. 497].

Список литературы

1. Булгаков М.А. Записки на манжетах // Булгаков М.А. Собр. соч.: В 5 т. — М.: Художественная литература, 1992. — Т. 1. — С. 473-612.
2. Булгаков М.А. Записки на манжетах // Булгаков М.А. Собр. соч.: В 10 т. — М., 1995. — Т. 1. — С. 125-167.
3. Миндлин Э. Молодой Булгаков // Воспоминания о Булгакове. — М.: Советский писатель, 1988. — С. 145-156.
4. Слезкин Ю. Столовая гора // Слезкин Ю. Шахматный ход. — М.: Советский писатель, 1981. — С.23-140.

АРХИТЕКТУРА СТРАХА: КАК РОЖДАЕТСЯ УЖАС В ЛИТЕРАТУРНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ

Косолапова О. П., ORCID 0009-0002-3489-1211

ФГБОУ ВО «Мариупольский государственный университет

им. А. И. Куинджи», г. Мариуполь, ДНР, РФ

o.kosolapova@mgumariupol.ru

«Страх — самое древнее и сильное из человеческих чувств, а самый древний и самый сильный страх — страх неведомого» [2]. Страх представляет собой одну из самых сильных и универсальных эмоций, способных захватить наше воображение и удерживать в напряжении. Эта эмоция всегда играла значимую роль в литературе, позволяя авторам создавать захватывающие произведения, которые вызывают широкий спектр чувств. Архитектура страха в литературе — это искусство построения сюжетов, персонажей и обстановки так, чтобы воспроизвести в нашем воображении чувство тревоги и неопределенности. Исследуя, как рождается ужас в литературных произведениях, мы погружаемся в мир темных тайн, загадочных существ и непостижимых событий. Авторы используют разнообразные техники и приемы, чтобы передать суть страха и погрузить нас в атмосферу неопределенности.

Ужасное в искусстве стало предметом анализа еще в произведении Аристотеля «Поэтика». Ужас и отвращение, показанные в драме, становились основными источниками переживаний для зрителей, создавая зрелище, которое, будучи отталкивающим в жизни, увлекало при просмотре трагедии. Философ выделяет эмоции сострадания и страха как главные для писателя драмы. «Поскольку поэт должен своими произведениями вызывать наслаждение, исходящее из сострадания и страха, становится очевидным, что действия трагедии должны быть насыщены этими переживаниями» [1, с. 15]. Современные исследования жанра ужасов рассматривают его как ответ на ограниченность нашего познания мира: «существует предельная граница нашей способности адекватно познавать реальность». С течением времени такая идея стала основополагающей для жанра ужасов.

Элементы, которые способствуют созданию атмосферы страха, могут быть разнообразными: начиная от описаний мрачных ландшафтов и зловещих архитектурных сооружений, заканчивая развитием пугающих персонажей и воссозданием устрашающих событий. В рамках нашего исследования мы намерены изучить, какие конкретные элементы и литературные приёмы способствуют созданию пугающей атмосферы в произведениях, а также проанализировать, как на них реагируют читатели. Изучив, что делает литературные произведения страшными и

захватывающими, мы сможем глубже понять, как функционирует наше сознание и какие механизмы влияют на наши эмоциональные реакции. Таким образом, исследование механизмов страха в литературе открывает нам новые горизонты в понимании человеческих страхов и подчеркивает значимость искусства в пробуждении самых сильных и глубоких эмоций. Данное исследование способствует более осознанному восприятию пугающих и увлекательных произведений и позволит рассмотреть литературу с новой, интересной стороны.

Архитектура страха в литературных произведениях основывается на умении писателей создавать напряженную и ужасающую атмосферу, которая заставляет читателя почувствовать трепет перед неизвестным и событиями, разворачивающимися на страницах книги. основополагающим элементом этой архитектуры является умение вовлечь читателя в сюжет, формируя мрачное и настораживающее окружение, полное тайн и угроз.

Писатели нередко прибегают к различным литературным приемам для пробуждения страха в читателях. Один из таких приемов — это мастерски построенные описания декораций, атмосферы и обстановки, которые создают зловещий фон для развития сюжета. Например, узкие темные аллеи, заброшенные дома, пылающие свечи и теневые фигуры могут добавить к произведению неповторимую атмосферу ужаса. Кроме того, выбор места действия также играет важную роль в архитектуре страха. Заброшенные кладбища, замки, психиатрические больницы, запертые подвалы — все эти локации становятся идеальным полем для развития ужасающих историй и порождения неподдельного страха у читателя. Не менее важным элементом является развитие персонажей в произведении. Авторы часто создают живописные образы зловещих персонажей, обладающих таинственными и зловещими чертами, которые усиливают чувство тревоги и неопределенности у аудитории. Взаимодействие этих персонажей с окружающей их средой лишь усиливает напряжение и создает иллюзию неразгаданных загадок и опасностей. Таким образом, архитектура страха в литературных произведениях является сложным и тонким искусством, требующим от авторов умения эффективно сочетать описания, локации и персонажей для создания увлекательной и пугающей атмосферы. Все эти элементы взаимодействуют друг с другом, чтобы погрузить читателя в мир ужаса и вызвать в нем неотвратимое чувство тревоги и страха.

Элементы, способствующие созданию атмосферы ужаса в литературных произведениях, могут быть разнообразными и имеют важное значение для передачи читателю ощущения тревоги, страха и напряжения. От выбора сеттинга и описания окружающей среды до характеристики персонажей и использования сюжетных приемов — каждый элемент может влиять на создание желаемого эффекта. Один из ключевых элементов, способствующих созданию атмосферы ужаса, это мрачная и угнетающая обстановка. Описание заброшенных зданий, темных переулков, пустынных

лесов или гробовая тишина может внушить читателю чувство опасности и неизвестности. Часто авторы используют атмосферные подробности, чтобы создать пугающий фон, на котором будет разворачиваться действие произведения. Еще одним важным элементом является характеристика персонажей. Часто в литературных произведениях атмосферу ужаса создают не только монстры и злодеи, но и обычные люди, оказавшиеся в экстремальных ситуациях. Внутренние демоны, тайны, страхи и темные желания персонажей могут быть источником натянутости и тревоги. Сюжетные повороты и неожиданные события также способны усилить атмосферу ужаса. Авторы мастерски используют интригу, напряженные моменты и внезапные обороты событий, чтобы держать читателя в состоянии постоянного напряжения. Возможность неожиданности и непредсказуемости делает произведение более захватывающим и страшным. Кроме того, игра со звуками, запахами и осязаемыми ощущениями также способствует созданию атмосферы ужаса. Описание звуков скрипов, гудков, визгов, шорохов или непонятных звуков может создать ощущение того, что что-то зловещее скрывается в тени. Также использование описаний запахов и тактильных ощущений может усилить реалистичность и погрузить читателя в мрачный мир произведения. В целом, элементы, способствующие созданию атмосферы ужаса в литературных произведениях, работают совместно, чтобы вызвать у читателя чувство страха, тревоги и нетерпения. Использование мрачного сеттинга, характеристик персонажей, сюжетных приемов и звуковых эффектов — все это средства, которые позволяют авторам достичь желаемого эмоционального отклика и подарить читателю захватывающее и пугающее чтение.

В заключение, следует отметить, что архитектура страха в литературных произведениях играет важную роль в формировании атмосферы и воздействии на читателя. Каждый автор использует свой собственный подход к созданию ужаса, исходя из своего видения мира, своих жизненных опытов и фантазий. Элементы, способствующие созданию атмосферы ужаса, могут быть разными — от описания мрачных ландшафтов и зловещих архитектурных деталей до использования психологических приемов и диалогов персонажей. Важно отметить, что страх как эмоция имеет свойство быть универсальным и в то же время индивидуальным. Каждый читатель может воспринимать произведение по-своему, и то, что одному кажется страшным, другому может показаться просто интересным или даже смешным. Именно в этой гибкости и разнообразии реакций на страх заключается величие литературы ужасов - в ее способности вызывать разнообразные эмоции и мысли у своих читателей. Несмотря на то, что механизмы создания страха могут быть изучены и проанализированы, магия ужаса остается неистощимой. Сталкиваясь с архитектурой страха в литературных произведениях, читатель испытывает ту самую трепетную дрожь от явной неопределенности, загадочности и неизведанности, что и

привлекает его в этом жанре. Возможно, именно поэтому жанр ужасов встречает теплый прием у аудитории разных возрастов, культур и временных периодов. Таким образом, процесс создания атмосферы ужаса в литературе остается увлекательным исследованием для писателей и читателей. Работая с элементами, способствующими формированию страха, авторы могут воплощать самые глубокие и табуированные страхи, вызывая разнообразные эмоции и реакции у своих аудиторий. Это открывает широкий спектр возможностей для художественного самовыражения и вдохновения, при этом архитектура страха продолжает оставаться одним из главных инструментов в арсенале талантливых литературных деятелей.

Список литературы

1. Аристотель. Поэтика // Аристотель. Этика. Политика. Риторика. Поэтика. Категории. – Минск: Литература, 1998. – С. 1084.
2. Лавкрафт Г. Ф. Сверхъестественный ужас в литературе. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.lib.ru/INOFANT/LAWKRAFT/sverheststvennyi_uzhas_v_literature.txt (дата обращения: 21.06.2020)

УДК 821.161.1

ИСТОРИОСОФИЯ ЛЕСА В РОМАНАХ «РУССКИЙ ЛЕС» Л. ЛЕОНОВА И «ИМЯ ТВОЕ», «ОТРЕЧЕНИЕ» П. ПРОСКУРИНА

Куприянова А. А., Шаравин А. В., д-р филол. наук, проф.
ФБГОУ ВПО «Брянский государственный университет
имени академика И. Г. Петровского», г. Брянск, РФ
kuperalin@yandex.ru

Введение. В русской культуре сложилась традиция соотнесенности леса и образа России. Русский лес давно стал частью прошлого, настоящего и будущего страны, привнося трансцендентное, природно-сверхъестественное в историю государства. «Лес, степь и река — это ... основные стихии русской природы по своему историческому значению. Каждая из них... приняла живое и своеобразное участие в строении жизни и понятий русского человека. В лесной России положены были основы русского государства...», — подчеркивал В. Ключевский [1, с. 82]. Л. Бражников понимает историософский текст как взаимодействие метафизики и семиотики истории: «Историософский текст — это произведение или ряд произведений в рамках национальной письменной традиции, в которых исторические события (уже произошедшие, происходящие или только ожидаемые в будущем) образуют определенную знаковую систему» [2, с. 12]. А. Лосев отметил метафизичность как

однонаправленное проявление процесса взаимодействия природы и истории: «История не есть природа.... Природа гораздо... проще и механичнее истории. И не история есть момент в природе, но всегда природа есть момент истории. Ибо никто никогда не воспринимает чистую, вне-историческую природу. На ней всегда лежит густой слой интуиции данной эпохи, и исключение их приводит... к природе как абстрактной формуле научной мысли» [3, с. 145]. Русские писатели, выстраивающие свою философию связи природного и государственного, изображали мир «чувством леса», выходя на историософские обобщения. Писателями, стремящимися воссоздать мир во взаимодействии природного и социального, были Л. Леонов и П. Проскурин.

Основная часть. Главный герой романа Л. Леонова «Русский лес», выражая авторские идеалы, постепенно приходит от «лесной инженерии» к «общей философии леса»: это неприятие утилитарного, сугубо практического отношения к лесу, меняющееся на постижение лесной души как утверждение единства и родственной связи всего сущего — растительного и антропоморфного [4, с. 173]. Антропоморфизм как очеловечивание растительного мира в произведениях стал важным аспектом, позволяющим осмыслить лес как историю России, как образ Руси. И Л. Леонов, и П. Проскурин сознательно выходит за пределы сугубо реалистического и материалистического изображения леса. Для Л. Леонова русский лес, будучи местом обитания русичей с древности, антропоморфизировался, воспитав славянский менталитет и впитав русский менталитет: «Было бы неблагодарностью не назвать лес в числе воспитателей и немногочисленных покровителей нашего народа... лес научил их осторожности, наблюдательности, трудолюбию и той тяжкой упорной поступи, какою русские всегда шли к поставленной цели» [4, с. 277]. Лес настолько слился с жизнью русских земледельцев, что он обретает крестьянский облик: ««бородатый русский лес»; «бородатое дитя природы» [4, с. 259, 416]. Антропоморфные образы, которые обретает лес разнообразны, однако они всегда отражают народные типы («Он прикидывался нищим, с которого и взять нечего... то... подобно схимнику в темном балахоне с островерхим колпаком, выбредал... из-за корней повалившейся ели...») [4, с. 71]. Вихров использует даже неожиданный антропоморфный образ («лес пашет землю»), воедино сливающий судьбу русского крестьянина и русского зеленого растительного мира [4, с. 401]. В творчестве П. Проскурина, начиная с этапа становления творческой индивидуальности писателя, прослеживается превалирование природного как жизнеутверждающего начала над социальными законами [5, с. 140-141, 146, 149]. Лес и человек в романах «Имя твое», «Отречение» созданы по единому, Божественному «лекалу», обладают душой, мыслят нравственными категориями: «Лес живой... У него душа есть мохнатая... и очень добрая... не все допущены к ней... Но те, кто допущен, сами обязательно добрые и мудрые... Они знают закон

жизни...»; «... старый осенний лес... с ощущением присутствия в каждом дереве, в каждом кусте чего-то всепонимающего, живого, какой-то бесконечно доброй и незащитной души...» [6, с. 91]. Лес у П. Проскурина антропоморфен. Его функции подобны человеческому характеру: хранитель памяти о прошлом и знаний о будущем; милосерден и всепрощающ; помощник героям, подсказывающий нравственный выбор. Такое понимание растительного мира сложилось у П. Проскурина под влиянием русских космистов. В романе «Отречение» называются фамилии Циолковского, Вернадского. Именно из их учений кристаллизуется представления писателя и его героев о всеединстве, о соразмерности человеческой деятельности с миром природы, всеобщей взаимообусловленности, неразрывности и связи социальных и природных законов. В романе Л. Леонов предчувствует будущее уничтожение лесов, о котором как о научной теории заявляют Грацианский и его «вертодоксы» («... лес, как малооперативная культура, в ближайшем будущем уступит место растениям с меньшим периодом выращивания, как.. конопля или... боккония»); «мыслящий человек начался именно в тот день, когда он, спустясь с дерева, вышел из девственной лесной тущобы в открытое поле») [4, с. 413, 415]. Защита же леса Вихровым объявляется ими буржуазным пережитком. Леонов пророчесствует, что «совместная ярость топоров начинает пересиливать медлительное накопление растительных клеток...», и в итоге это приведет к «лысой планете» [6, с. 283, 415]. Однако если для автора «Русского леса» уничтожение зеленой растительности дело будущего, то герои П. Проскурина — свидетели гибели леса в настоящем. В романе «Отречение» они борются за зежские леса и подземное Славянское море, подпитывающее все крупнейшие реки России. Власти хотят разместить ядерные отходы в этом заповедном месте, о чем свидетельствует авторское упоминание о «ядерной гангрене». В финале романа в зежские леса приезжают солдаты в защитных костюмах, чтобы организовать санитарный кордон, ядерная катастрофа все же случилась, и произошло заражение местности. Для героев П. Проскурина борьба за зежские леса –сражение за спасение России. В романе лес, как и настоящая Русь, накануне гибели, и русское царство зеленой растительности готовится генетически слиться с русской ментальностью, свернуться до архетипа прародины, уподобляясь ДНК русичей.

Заключение. Проскуринская историософия леса выводит писателя к парадоксу: Россия может быть уничтожена, русский народ бессмертен: «Если вы даже отравите зежское подземное море, будет покончено только с Россией, но не с русским народом... он вновь начнется где-нибудь в Канаде или Австралии». Завершается роман «Отречение» признанием единой судьбы русского леса и русского народа («у тебя есть твои русские леса... Кому же ты их оставишь? Ничего другого просто нет...») [7, с. 77].

Список литературы

1. Ключевский В.О. Сочинения: В 9-ти т. / В. О. Ключевский — Т. 1. Курс русской истории. — Москва : Мысль, 1987. — 430 с.
2. Бражников И.Л. Русская литература XIX–XX веков: историософский текст. / И.Л. Бражников — Москва : МПГУ, 2011. — 240 с. — ISBN 978-5-4263-0037-8. — EDN SUMECX
3. Лосев А.Ф. Миф — Число — Сущность. / А.Ф. Лосев — Москва : Мысль, 1994. — 919 с. — ISBN 5-244-00747-5
4. Леонов Л. Собр. соч. в 10-ти т. / Л. Леонов — Т. 9. Русский лес. — Москва : Худож. лит-ра, 1984. — 736 с.
5. Старцева И.Л., Шаравин А.В., Антюхов А.В., Михеичева Е.А. Роман «Глубокие раны» П. Проскурина: идеология, выправленная биографией. Статья первая. Статья вторая // Ученые записки Орловского государственного университета. —2023. — № 1 (98). — С. 135-143. —С. 144-150. — DOI [10.33979/1998-2720-2023-98-1-135-143](https://doi.org/10.33979/1998-2720-2023-98-1-135-143). — EDN: [OUXKKC](https://doi.org/10.33979/1998-2720-2023-98-1-144-150). — DOI: [10.33979/1998-2720-2023-98-1-144-150](https://doi.org/10.33979/1998-2720-2023-98-1-144-150). —EDN: [KIUOIY](https://doi.org/10.33979/1998-2720-2023-98-1-144-150)
6. Проскурин П. Имя твое. / П. Проскурин. — Роман-газета. — №15 (853) — 1978. — 97 с.
7. Проскурин П. Отречение. / П. Проскурин. — Роман-газета. — № 22 (1148) — 1990. — 79 с.

УДК 615.849

МОДЕЛЬ ОДИНОЧЕСТВА «ЖЕРТВЫ» В РОМАНЕ «ГОСПОДА ГОЛОВЛЕВЫ» М. Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА

Лардыгина О. А., канд. филол. наук

ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет», г. Старый Оскол, Белгородская обл., РФ

ola_la789@mail.ru

Введение. В чем причина одиночества героев Салтыкова-Щедрина? Исследователь жизни и творчества писателя А. С. Бушмин отмечает, что в романе «Господа Головлевы» представлена история «морального оподления и вымирания семейства» и, главное, отражен «распад связей в области семейно-родственных отношений» [1, с. 156]. Эти же социальные явления подмечает в романе литературовед и критик В. Я. Кирпотин: «Связи между близкими людьми в семье Головлевых носили внешний характер, они рассыпались в прах при первом соприкосновении с материальными интересами. Головлевы вымирают и физически, но их физической гибели предшествует полное исчерпание внутренних моральных отношений» [2, с. 214]. В мире Салтыкова-Щедрина разучились чувствовать сердцем, но умеют любить и ценить деньги, люди душевно очерствели и, как подчеркивает Кирпотин, говоря по преимуществу о роли Арины Петровны, уничтожили «последние остатки родственной теплоты

между членами семьи» [2, с. 214]. Процессы разрушения семьи породили безысходное, мучительное одиночество щедринских героев. Но одиночество каждого из членов большого головлевского семейства будет иметь свои особенности, в связи с чем есть возможность выстроить типологию разобщённых Головлёвых и охарактеризовать получившиеся типы.

Цель работы — раскрыть модель одиночества жертвы в романе «Господа Головлевы» М. Е. Салтыкова-Щедрина.

Основная часть. Одиночество в романе имеет четкую социальную природу. Оно порождается разрывом социальных, семейных связей между людьми. Исследователь Бушмин А. С. говорит о сближении романа Щедрина с «Мертвыми душами» Н. В. Гоголя в изображении процесса омертвления душ [1, с. 156]. Духовное обнищание рождает одиночество и пустоту, которую заполняет материальная составляющая. В связи с этим, в романе «Господа Головлевы» можно выделить 2 типа или две модели одиночества:

1) одиночество «иудино», или одиночество хищника, когда смыслом существования становятся деньги, страсть к накопительству.

2) одиночество «запойное», или одиночество жертвы.

Ослепленные приобретательством, хищники не видят людей и не хотят видеть, не нуждаются в них, поэтому одиночество свое не осознают. Они не одиноки, но одиночки, добровольно избирающие эту форму общения с другими людьми.

К первому типу одиночества в романе можно отнести сильных духом Арину Петровну, Порфирия Головлева, и, отчасти, Любоньку. Интересен тот факт, что «хищники» затем все оказываются в позиции «жертвы», но, исключительно, жертвы самого себя. Одиночество хищника нацелено на самоуничтожение, саморазрушение. Не считая Арины Петровны, «сильные духом» заканчивают жизнь самоубийством, и тем самым, не осознавая одиночество при жизни, по христианским законам, наказываются одиночеством вечным. Арину Петровну спасает позднее раскаяние. Ее жизнь, лишенная «призрака собственности», обретает в конце новый смысл в лице Любоньки и Анниньки, и умирает она со словами заботы и переживания об их судьбах. «Сирот бы...», — дважды простонала она [4, с. 138]. Одиночество Арины Петровны перед смертью оказалось разрушено образами живых людей.

В противовес иудиному одиночеству у других членов головлевского семейства возникает «одиночество запойное», или одиночество жертвы, поскольку вследствие своей слабости герои такого типа свое одиночество осознают, но бороться с ним не в состоянии, поэтому пытаются его «запить». Среди тех, кто духом слабее, не обладает твердостью характера, и страдают «запойным» одиночеством — Владимир Михайлович Головлев, братья Степан и Павел, Аннинька. Начиная с мужа Арины Петровны и

заканчивая Аннинькой — это жертвы более сильных представителей рода, они характеризуются слабостью духа, не властностью, неспособностью «хищничать». Чаще, у них имеются проблески человечности, но они не могут противостоять злу и духовному обнищанию, царящими в обществе. Их «слабая» человечность приходит в столкновение с «хищниками», и невозможность противостоять им приводит к отчаянию, рождает пустоту и влечение к алкоголю, как способу справиться с пустотой и уйти от действительности.

К запойному одиночеству приходит перед смертью и Порфирий, в то же время, будучи «хищником», избирает путь «идудиного» одиночества и в конце концов становится жертвой самого себя.

В романе всех одиноких Головлевых можно классифицировать и по признаку «добровольности»: головлевские «хищники» Арина Петровна, Иудушка — одиночки, презирающие слабых, сознательно и преднамеренно («добровольно») обособленно держатся ото всех, чтобы защищать свои материальные интересы от посягательств членов семейства. Напротив, жертвы головлевских хищников — Степан и Павел — наказаны презрением, принудительным одиночеством, позабыты, брошены, по-настоящему одиноки.

К примеру, галерею головлевских одиноких жертв Щедрин начинает с Владимира Михайловича Головлева — человека, женившегося для того, чтобы было кому слушать стихи, которые он сочиняет. Арина Петровна же сразу не влюбила его стихов, называя их *«паскудством и паясничаньем»* [4, с. 12]. Деловой и серьезной Арине Петровне не дано было понять и принять творческой натуры мужа. Щедрин здесь вскользь затрагивает тему одиночества поэтов, отторжение и неприятие их средой, в которой они рождаются. К началу действия романа Владимир Михайлович — человек дряхлый (по возрасту), легкомысленный (по определению жены) и пьяненький (по способу ухода от реальности, заполнению душевной пустоты). Подобный способ ухода от реальности затем перенимают и два его сына — старший Степка-балбес и младший Павел.

«Жертвы» так же испорчены страстью к стяжательству, как и «хищники», но в борьбе «за лучший кусок» оказываются отброшенными в сторону. Например, касаясь романа «Господа Головлевы» в серии биографий «ЖЗЛ», на этот момент указывал А. Турков. Говоря о «постылом» Степке-балбесе, исследователь подчеркивает, что и он «подвержен поэзии стяжания, хотя и в наивной, почти детской форме», «лишенный всяких надежд на какое-либо участие в наследовании накопленных богатств», он тем не менее «принимал живое и суетливое участие в процессе припасения, бескорыстно радуясь и печалясь удачам и неудачам головлевского скопидомства». [5, с. 224].

Заключение. Таким образом, на примере ярких представителей рода Головлевых можно отметить, что модель одиночества жертвы имеет свои

отличительные черты: запойность, страдательность, заброшенность, сочетание творческой натуры с безалаберностью, главной характеристикой которой выступает невозможность реализовать весь потенциал способностей из-за слабости характера и зависимости от более сильных и успешных представителей рода Головлевых. И итог жизни - полное одиночество как результат тирании головлевскими "хищниками".

Список литературы

1. Бушмин, А.С. Салтыков - Щедрин. Искусство сатиры / А.С. Бушмин. — М.: «Современник», 1976. - 255 с.
2. Кирпотин, В.Я. М.Е. Салтыков - Щедрин. Жизнь и творчество / В.Я. Кирпотин. — М.: Советский писатель, 1948. — 516 с.
3. Прозоров, В.В. М.Е. Салтыков - Щедрин: Кн. для учителя / В.В. Прозоров. — М.: Просвещение, 1988. - 176 с.
4. Салтыков-Щедрин, М.Е. Собр. соч.: в 20 т. / М.Е. Салтыков-Щедрин. — М.: Художественная литература, 1965-1977. — т.13, 1972. - 814 с.
5. Турков, А.М. Салтыков - Щедрин / А.М. Турков. — М.: «Молодая гвардия», 1964. — 368 с.

УДК 82.0

ДУШИ ЖИВЫЕ И МЕРТВЫЕ: ЕВАНГЕЛЬСКИЙ СМЫСЛ ПОВЕСТИ В. ТРОИЦКОЙ «ДОНЕЦКОЕ МОРЕ»

Логвинова И. В., канд. филол. наук, доц., ORCID 0000-0002-0274-6944
ФГБОУ ВО «Московский государственный институт музыки имени А.Г. Шнитке»,
г. Москва, РФ
Lo-grina@yandex.ru

Введение. События Русской Весны, начавшиеся в 2014 году и войны на Донбассе, которая идет уже десятый год, находят отражение не только в поэзии, но и в художественной прозе. Наше внимание обратил на себя новая повесть (авторское определение жанра книги) петербургской писательницы В. В. Троицкой «Донецкое море» (2023), как наиболее цельно, точно и лаконично передающий и донбасский характер, и культурные особенности нашего региона, и историю нашего края.

Цель — проанализировать евангельский смысл повести В. Троицкой «Донецкое море», через который автор раскрывает суть идущей уже десятый год войны за Донбасс, за Русский мир.

Основная часть. В повести можно выделить несколько позиций, на сопоставлении которых автор выстраивает логику развития событий и характеров основных персонажей. В обобщенном образе семьи Олега Ковалева мы видим типичную донецкую семью, каких множество, в

которой происходит разделение по политической позиции и люди оказываются по разные стороны баррикад. В повести даже проводится параллель с историей Олега Кошевого из «Молодой гвардии» А. Фадеева, которую обсуждается с Катей ее друг Витя Сергеенко, погибший во время обстрела по пути в школу. Мать, приглашая Катю уехать в Полтаву, говорит: «Мы оказались... в эпицентре бури. И нам отсюда надо выбираться. Я тебе только добра желаю. Пойми, все очень серьезно. Они полезли в политику, а их туда никто не звал. Может, твой отец вообразил, что он Олег Кошевой? Ну тогда он и конец свой должен знать. А они носятся по городу, думают, наверное, что это игра... Или что Россия им поможет» [1, с. 91]. Семья в итоге распадается, мы узнаем в дальнейшем, что мать Кати выходит замуж за военного на украинской территории, Ромка не по своей воле идет воевать против дончан, попадает в плен к ополченцам, а потом шпионка-мать приезжает в Донецк вызволять сына и из-за нее трагически гибнут и Олег Ковалев, и Ромка, и раненные пленные и ополченцы, когда та понимает, что Ромка попытался предупредить сестру и отца, чтобы они не верили матери.

Автор, анализируя причины войны, в конце повести приходит к заключению, что понимать ее смысл нужно через евангельскую параллель со словами о душах живых и душах мертвых (о том, что бывают живые люди, которые мертвы прежде смерти, то есть люди, умершие для духовной жизни и живущие только интересами мирскими, плотскими), которая к концу романа складывается в размышление Кати Ковалевой: «О маме болит сердце. Болит страшно, потому что она — мертвая, и я понимаю, что это непоправимо. А вы с Ромкой для меня живые. Я смотрю на ваши фотографии и только улыбаюсь. И этот дом для меня снова живой» [1, с. 318]. Живые, горячие души вступают в ряды ополчения, защищают свою Родину, а мертвые — спешно бегут из города, спасая свою жизнь. Этот мотив звучит дважды: сначала Олег объясняет дочери, что такое Родина («И не важно, живы родители или нет. Живы Семеновы или нет. <...> Они для меня такие же реальные, такие же живые, как вы с Ромкой, как мужики, с которыми мы сейчас вместе... Я, может, непонятно объясняю... Но я стоял там, на нашей веранде с разбитыми стеклами и понимал, что готов врасти в эту стену, в этот пол, в эту землю. Это было какое-то огромное чувство... Наверное, это и есть чувство Родины» [1, с. 125]), а потом она сама приходит к тому же определению («Я только сейчас поняла тебя — до конца. Вчера я ходила по нашему дому, по нашей веранде <...> Мне хотелось врасти в этот пол, в эту землю — как яблони напротив. Ты прав, папа, это необъяснимое, огромное, заполняющее всю душу чувство Родины» [1, с. 317]). Катя — дочь своего отца, мать не любит ее и считает некрасивой, отдавая всю любовь младшему сыну Ромке. Возможно, это и предопределило то, что она отказывается уезжать в Полтаву вместе с мамой и братом к родне матери. Но она отказывается оставить отца в Донецке и

уехать в Севастополь к его родственникам, прячется на вокзале, ждет, пока не уедет поезд. Она доверяет отцу, потому что он настоящий человек, не предатель.

Это произведение воспринимается не как повесть, а скорее как многоплановый философский роман. Основной нерв повествования, на наш взгляд, выстраивается по линии анализа евангельского подтекста, которым пронизано все произведение: Катя вспоминает слова Иисусовой молитвы (которую повторяла ее бабушка), когда бандиты избивают ее брата Ромку; Катя стоит у иконы Богородицы «Семистрельная» после того, как опознает в одном из пленных своего брата; она незаметно крестит людей и знает, что кого она перекрестила, тот не умрет; она совершает дела любви: работает медсестрой, приютила брошенную собаку, кота, заботится о ближних, совсем не думая о себе. Кроме того, Катя похожа «на лики с икон, висящих в их старом доме» [1, с. 27]. Она не отдает себе отчета в своей вере, однако автор показывает, что благодаря ее молитвам остаются в живых те, о ком она помолилась. Поэтому замечание о том, что она отвлеклась на мысли о Ромке и впервые не перекрестила отца, звучит как предвестие беды, и на самом деле случается непоправимое. Но автор переводит это в иную плоскость — евангельскую, показывая, что у Бога все живы. Все, кто не предавал, не лгал, защищал Родину.

Сюжет разворачивается в рамках кольцевой композиции: начало и конец повести представлены выдержками из дневника Кати Ковалевой. Девочка-подросток (в начале войны ей 15 лет) размышляет над вопросами о предательстве и Родине. Она еще до начала войны попадает в ситуации, где нужно совершить нравственный выбор: предать или принять удар на себя. И она, в отличие от своего брата, не становится предательницей. Он связался с преступниками, украл у матери деньги, а Катя, защищая его, смело дралась с бандитами, взяла вину за исчезновение денег на себя, вытерпела побои от матери. Верная в малом, как подчеркивает автор, она осталась верной и в большом — не оставила своего отца и город, когда пришла беда.

На протяжении всей повести герои задумываются над тем, что такое предательство и как относиться к предателям (один из персонажей говорит: «Я иногда думаю, что хуже: предательство или неблагодарность? <...> И, знаешь, не могу понять! И то, и то человека убивает, настоящим мертвецом ходячим делает» [1, с. 183]). В самом начале повести даются портретные характеристики, маркирующие нравственный облик персонажей. Предатели обрисованы как люди раздражительные, недовольные, эгоистичные. Такова, например, мать Кати Лариса, с мертвыми глазами, цедящая слова сквозь зубы, недовольная всем на свете, эгоистичная, ненавидящая свою дочь за то, что у нее не украинский тип красоты. А отец и другие ополченцы, которые остались верными Донецку, описаны как удивительно красивые, с ясными голубыми глазами, готовые прийти на помощь каждую секунду и ради этого совершенно забывающие о себе, о

своих нуждах. И как резюме звучат слова Кати: «Да... Война она всех... <...> Она каждого человека... Как золото в речке моют: золото остается наверху, глина и грязь стекает вниз» [1, с. 181]. Это как в конце времен, на Последнем Суде перед Богом предстанут мертвые и живые души, и мертвые будут брошены в огонь и уничтожены, а живые будут жить в вечном Царствии Божиим.

Заключение. Таким образом, все мотивы и сюжетные линии в повести В. Троицкой «Донецкое море» сходятся в одной точке — в евангельском образе мертвых и живых душ. Автор последовательно проводит в произведении мысль о том, что все верные Богу души (милосердные, добрые, отзывчивые, горячие, молитвенные) остаются всегда живыми. А души мертвые для добрых дел, зараженные эгоизмом, склонные к предательству — умирают безвозвратно. У Бога все живы, и потому живет память о героях, погибших на войне, о родных и близких, которые трудились и на плодах их трудов возрастали новые поколения, верные нравственным идеалам, Богу и Родине.

Список литературы

1. Троицкая В. Донецкое море. История одной семьи: повесть / В. Троицкая — М.: АСТ, 2024. — 320 с.

УДК 82.01

ГЕРОЙ ФЭНТЕЗИ КАК НОСИТЕЛЬ ВОСПИТАТЕЛЬНОГО ПОТЕНЦИАЛА ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Майборода Н. В., канд. филол. наук, доц.
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
n.mayboroda@donnu.ru

Введение. Одной из ведущих черт, позволяющих выделять детскую литературу из массива «литературы вообще», является ее воспитательный контекст. Все произведения, ориентированные на детскую аудиторию, призваны сформировать у юного читателя положительные качества, привить ему моральные ценности.

В таком контексте воспитательный потенциал произведения, написанного в жанре фэнтези, может восприниматься как нечто несерьезное, не стоящее внимания исследователя. Тем не менее, ставший необычайно распространенным в последние десятилетия фэнтези обладает такой степенью популярности среди современных детей и подростков, что нельзя отрицать его влияние на подрастающее поколение. Является ли это влияние само по себе положительным, можно ли обратить его на пользу

педагогу, воспитывающему представителей юного поколения, — это достаточно непростой вопрос, на который, тем не менее, рискнем ответить положительно.

О позитивном влиянии фэнтезийных произведений на детей и подростков говорят такие исследователи, как А. А. Болтинова [1], О. А. Карлова, Н. П. Копцева и их соавторы [2], равно как и другие литературоведы и педагоги. Не следует, однако, игнорировать и тот факт, что многие ученые, напротив, считают влияние произведений жанра фэнтези на детей и подростков негативным, отмечают, что приверженность к книгам этого жанра уводит читателя в выдуманные миры, затрудняет его связи с реальностью.

Целью данного исследования является определение роли фэнтези в процессе воспитания подростка.

Основная часть. Героями произведений жанра фэнтези, ориентированных на детей и подростков, являются, как правило, их ровесники, что само по себе оказывает положительное воздействие на читателей. Среди ведущих черт, создающих популярность того или иного персонажа, выделяется в первую очередь его инаковость: Гарри Поттер принадлежит к миру волшебников, Бэлла из цикла романов Стефани Майер входит в мир вампиров (которые сами по себе иные), Китнисс из трилогии Сьюзен Коллинз о Сойке-пересмешнице отличается особым владением луком и стрелами. У русскоязычных авторов фэнтези также встречаются персонажи, наделенные особыми способностями. Так, героиня цикла Натальи Щербы «Часодеи» Василиса неожиданно узнает (подобно Гарри Поттеру), что она наделена волшебным даром и должна уйти из мира людей в мир часодеев — то есть магов, чтобы продолжить свое обучение. В отличие от героя романов Дж. Роулинг, которого сразу же приняли в школе, девочку из произведений Н. Щербы волшебный мир встречает негостеприимно: ее отец не хочет, чтобы она стала часодеем, и всеми силами пытается отправить назад в мир людей. Это не единственное препятствие: помешать Василисе стать волшебницей стремится и ее мать, и недоброжелатели отца. Однако девочка, как и положено герою фэнтези, преодолевает все препятствия.

На пути Гарри Поттера препятствий тоже было достаточно, но он с успехом их преодолел, победив главного злодея. Несмотря на то, что Василиса юная девочка, на ее долю тоже выпала борьба с врагом — злым, могущественным и очень мудрым духом Астрагором. Разумеется, при помощи друзей девочка побеждает злодея так же, как и Гарри одолел Волан-де-Морта. Здесь мы видим сразу два позитивных и достойных подражания момента, на которые юный читатель обязательно обратит внимание: неременная победа добра над злом и взаимовыручка и взаимопомощь друзей.

В романах о Гарри и Василисе прослеживается такая особенность, как мотив двоимирия: оба героя совершают переход между миром, в котором они выросли, и миром, где будут проходить обучение. Переход, как и в большинстве фэнтезийных произведений, происходит через портал: для Гарри это платформа на вокзале, для Василисы — огненная лестница. Наличие двух миров и портала между ними является признаком большинства произведений анализируемого жанра. Совершая перемещение из мира в мир, герой переходит на новую ступень развития. В то же время, переход из привычного мира в волшебный, разрыв с прошлым как нельзя лучше соответствуют настроению многих подростков-читателей, которые нередко бунтуют, протестуют против окружения, хотят разорвать связи с семьей. Если в реальности бегство вряд ли возможно, то они совершают такое бегство вместе с героями, отвлекаясь от повседневности.

Обращаясь к новому миру героя, отметим и такой весомый аспект, как обучение. Разумеется, попав в новое окружение, он должен к нему приспособиться, и одним из ведущих путей здесь становится учебное заведение. Гарри Поттер обучается в Хогвартсе, а Василиса поступает в школу часодейства, но из-за интриг ее директора скоро переходит на домашнее обучение к своей бабушке — Черной Королеве фей, а далее волею судьбы учится в замке главного врага Астрагора. Какими бы не были пути двух героев к постижению волшебного знания, для положительного воздействия на читателя важен сам факт того, что они с энтузиазмом проходят обучение, являясь, таким образом, положительным примером.

Герои ряда произведений жанра фэнтези являются сиротами, полностью или частично, что призвано вызвать жалость, сочувствие у читателя. В то же время, это возможность лишней раз показать духовную силу героя, который, несмотря на личные трагедии, не ломается и твердо идет к своей цели. Гарри Поттер — круглый сирота, который находит новую семью не в ближайшем окружении (тетка, ее муж и сын), а в школе, в лице своего друга Рона и его родителей. Лишенный с детства того, что получали «домашние» дети, Гарри, тем не менее, не стал жестоким, подлым, не озлобился.

С Василисой все еще сложнее. Она воспитывалась в доме опекуни, зная, что где-то есть ее отец, но не встречаясь с ним. После того, как отец по достижении девочкой 12 лет забрал ее к себе, она узнала, что ее мать много лет назад погибла. Чуть позже Василиса знакомится с бабушкой, а также догадывается, что мать ее жива, даже общается с ней несколько раз. Однако, спасая девочку, ее мать, Белая Королева, все же погибла на самом деле. А затем Василису ждет еще более тяжелое испытание: она должна убить своего отца, чтобы дать ему шанс на жизнь в другой реальности. Как и Гарри, девочка обретает новую семью среди своего окружения: у нее осталась бабушка, у нее есть друзья и любимый человек.

Первая любовь также является одним из значимых признаков подросткового фэнтези, реализованным в рассматриваемых произведениях следующим образом: Гарри еще в первых классах знакомится с сестрой своего друга — Джинни, которая позже станет его женой (несмотря на временное увлечение Гарри другой девушкой и романы Джинни); Василиса в первые же дни пребывания в мире часодеев знакомится с племянником своего врага Астрагора Фэшем, с которым спустя несколько лет уйдет в другую реальность, чтобы стать правителями времени. Разумеется, отображение чувств главных героев также не может не заинтересовать читателя-подростка (особенно это касается романов Натальи Щербы, по которым создаются многочисленные фандомы, а большинство фанфиков пишутся именно на тему Василиса — Фэш). В таком ракурсе в первую очередь подразумевается аудитория, состоящая из девочек-подростков, но это не означает, что романы данного жанра читают только они. Мальчиков больше интересуют аспекты, связанные с приключениями, сражениями.

Заключение. Таким образом, в двух циклах фэнтезийных романов для подростков «Гарри Поттер» Дж. Роулинг и «Часодеи» Н. Щербы представлены аспекты, имеющие позитивное влияние на юного читателя: мотив сироты, который не ломается под влиянием тяжелых обстоятельств; победа добра над злом, причем не в последнюю очередь благодаря дружбе и взаимовыручке; мотив ученичества; первая любовь, которая приводит к браку (семейные ценности). Следовательно, несмотря на ряд мнений, в которых жанр фэнтези считается представителем «несерьезной» литературы, не способной оказать положительное воздействие, воспитательный потенциал этих произведений достаточно высок.

Список литературы

1. Болтинова, А. А. Литература в жанре фэнтези как социокультурный аспект развития читателя-подростка / А. А. Болтинова // Подготовка кадров гуманитарных специальностей в педагогических колледжах: наследие и современность [Электронный ресурс] : материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 150-летию со дня образования Полоцкого колледжа ВГУ имени П.М. Машерова, Полоцк, 19 октября 2022 г : текстовое электронное издание. — Витебск : ВГУ имени П.М. Машерова, 2023. — С. 94–97.
2. Карлова О.А., Копцева Н.П., Резникова К.В., Ситникова А.А. Воспитательный потенциал литературного жанра фэнтези для современной подростковой культуры. // Вестник НГПУ. — 2020. — № 4. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vospitatelnyy-potentsial-literaturnogo-zhanra-fentezi-dlya-sovremennoy-podrostkovoy-kultury> (дата обращения: 11.09.2024).

ТЕНДЕНЦИИ В ИЗУЧЕНИИ РОМАНА «АННА КАРЕНИНА» Л. Н. ТОЛСТОГО: ЖЕНСКИЙ ОБРАЗ

Орлова Т. С., ORCID 0009-0003-5512-6444

ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургская государственная художественно-промышленная академия им. А. Л. Штиглица», г. Санкт-Петербург, РФ

ots_prof@mail.ru

Введение. Роман «Анна Каренина» Льва Николаевича Толстого является одним из величайших произведений русской литературы. В нём автор обращается к различным аспектам жизни российского общества XIX века. Современные исследователи романа «Анна Каренина» Л. Н. Толстого в основном сосредоточены на его философских и нравственно-психологических аспектах: исследуются нравственные дилеммы и характеристики персонажей, созданных Толстым. Тем не менее, в последние десятилетия наблюдается тенденция к более глубокому изучению поэтики Толстого. В частности, изучение многогранного женского образа в романе продолжает оставаться важной темой в литературоведческих исследованиях. Анна выступает не только как индивидуальность, но и как символ нравственных противоречий.

Цель исследования — произвести на материале зарубежных исследований определение тенденций в изучении романа «Анна Каренина» Л. Н. Толстого и, в частности, женского образа.

Последняя треть XX века принесла сдвиг в исследованиях Толстого, с фокусом на эстетических аспектах его творчества. Эту область активно разрабатывали такие учёные, как Л. М. Мышковская, Е. Н. Купреянова, В. А. Ковалев, Э. Каримов, Э. Г. Бабаев, М. Б. Храпченко, Г. Я. Галаган, Л. И. Еремина и другие.

В современных же исследованиях авторов больше интересуют аллегорические образы, символы в романе, а также исследования романа с точки зрения психологии: сознательного и бессознательного. Стоит говорить о том, что в современных исследованиях присутствует некоторая феминистическая составляющая: изучается образ женщины, противостоящей патриархальному обществу (например, в статье Сидни Шульце или Гейла Грина [3; 5]).

Основная часть. В «Анне Карениной» Толстой создаёт символику крестьянских мечтаний и связанных с ними образов, которая оказывается чрезвычайно богатой и многозначительной. В романе, как и у всех людей, у Каренина и Вронского есть свои значительные слабости, независимо от того, как их видит Анна. Этот процесс романтизации, за которым следует

унижение, знаком каждому, но в Анне он проявляется с особой силой и неумолимостью [1; 2].

В призме Гари Браунинга Анна — женщина, которая в первую очередь чувствует что, её мужчины также относятся к ней как к неодушевленному, не чувствующему объекту. Таким образом, Анна считает себя нелюбимой, недооцененной, подвергающейся эмоциональному и физическому насилию [2].

Анна на метафизическом уровне и поезд использует как неизбежное орудие мести обществу и особенно двум «отвратительным» любовникам — Каренину и Вронскому. Толстой не просто рисует трагическую судьбу женщины в обществе, но делает акцент на внутренних противоречиях и конфликтах персонажа, которые не позволяют ей найти устойчивое место в мире. Анна погружается в собственные страсти до такой степени, что теряет возможность видеть что-либо за пределами своих желаний, что ведёт к трагическому концу. И дети уже не воспринимаются как благословение, а скорее как бремя. Толстой теперь лучше понимает воздействие социальных сил на женщин, среди которых не последнее место занимает мужское представление о них: «Их образование точно такое, каким оно должно быть в свете нашего искреннего, реального, общего мнения о женщинах. Образование женщин всегда будет соответствовать мнению мужчин о них... Женщина — инструмент наслаждения... и она это знает». Они освобождают женщин в университетах и судах, но продолжают рассматривать ее как инструмент удовольствия... Гейл Грин считает, что положение женщины может быть изменено только с изменением мужского взгляда на женщин и способа, которым женщины смотрят на самих себя. Страх перед женщиной, подразумеваемый в «Анне Карениной», здесь явно выражен [3].

Поскольку женщина определена как сексуальное существо — «ее воспитывали в убеждении, что в мире существует только одно достойное внимания — любовь», автор пишет, что освободившись от необходимости частых беременностей, она становится опасной. Обнаруживается мотив держать её в физическом недуге [4; 5].

Таким образом, Анна действительно, как она говорит снова и снова, и виновата, и в то же время не виновата. Она — трагическая жертва человеческой природы, которая требует как беспрепятственного самовыражения личности, так и антитетического признания конечной зависимости индивида от общества.

Заключение. Новое рассмотрение внутреннего мира Анны Карениной и её трагической судьбы — это рассмотрение через призму «утопающей женщины», где главная героиня видится не просто как жертва обстоятельств, но как активный участник своей судьбы, осознающий свои желания и столкновения с социальными ограничениями. Этот подход позволяет более глубоко понять мотивации персонажа и механизмы его взаимодействия с окружающим миром.

Исследования также показывают, что интерес вызывает взаимосвязь между личным и общественным, сознательным и бессознательным, которое формируют поведение и самовосприятие персонажей. Важное место в анализе занимают и вопросы образования женщин, их социальной роли и самоопределения, что отражается в трактовке образов Анны и других женских персонажей в романе.

Список литературы

1. Block, N. The Anna Karenina Principle and Skepticism about Unconscious Perception // Philosophy and Phenomenological Research. — 2016. — № 2. — Pp. 452–459. — DOI: [10.1111/phpr.12258](https://doi.org/10.1111/phpr.12258).
2. Browning, G. L. Symbolism: The Train Ride. In A “Labyrinth of Linkages” in Tolstoy’s “Anna Karenina,” // Academic Studies Press, 2010. — DOI: <https://doi.org/10.2307/j.ctt1zxsj3n>. — URL: <https://library.oapen.org/bitstream/handle/20.500.12657/45617/641411.pdf?sequence=1&isAllowed=y> (дата обращения: 13.09.2024).
3. Greene, G. Women, Character, and Society in Tolstoy’s ‘Anna Karenina’ // Frontiers. A Journal of Women Studies. — № 1. — Vol. 2. — 1977. — Pp. 106–125.
4. Jahn, G. R. The Image of the Railroad in Anna Karenina // The Slavic and East European Journal. — Vol 25. — № 2. — 1981. — Pp. 1–10.
5. Schefski, H. K. Tolstoy’s Urban-Rural Continuum in ‘War and Peace’ and ‘Anna Karenina’ // South Atlantic Review. — № 1. — 1981. — Pp. 27–41.
6. Schultze, S. The tradition of the drowning woman in the background of ‘Anna Karenina’ // Russian Language Journal. — Vol. 36. — №. 123/124. — 1982. — Pp. 75–87.

УДК 82.0:82-1/-9

ЭСТЕТИЧЕСКОЕ ЗАВЕРШЕНИЕ ДНЕВНИКОВОГО ТЕКСТА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Першина К. В., канд. филол. наук, ORCID 0009-0008-0961-4013
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
k.pershina@mail.ru

Введение. С учетом таких характеристик дневникового повествования, как отсутствие или ослабление сюжетно-фабульной организованности, событийная открытость, связанная с невозможностью завершить свой собственный жизненный контекст, возникает вопрос о возможностях завершения дневникового целого. В рамках классической эстетики и диалогической поэтики завершение художественного целого трактуется как необходимое условие его эстетической полноты и состоятельности. Однако в ситуации ослабления фикциональности художественных форм, открытости сюжетно-фабульных линий фактуального текста условие

завершения повествовательного целого понимается как все более проблемное, не исчерпываемое сюжетностью и событийностью.

Цель данной работы заключается в том, чтобы охарактеризовать специфические возможности эстетического завершения дневникового текста.

В рамках классической эстетики изоляторную функцию выполняет сама по себе художественная форма, она изымает свой предмет из действительности познания и поступка [1]. Словесное искусство в теоретическом освещении еще теоретиков XVIII века и теоретиков романтизма, таких как Г. Э. Лессинг, Ф. Шеллинг, И. Г. Гердер, интерпретировалась как форма, могущая быть завершенной вне сюжетного и содержательного окончания, вне завершения внешних формальных моментов (в отличие от пластических искусств, в которых внешне-формальная незаконченность равна эстетической незавершенности).

Диалогическая поэтика, формируемая под мощным влиянием неокантианской философии, восприняла положение об определяющем характере формы в отношении художественных явлений. В сущности, понятие формы было центром неокантианской философии, форма здесь понимается как априорная установка, изначальная трансцендентная матрица, она определяет все существо явлений и дается извне, в свете чего материя уже не несет в себе никакой сущностной нагрузки, понимается как нечто прикладное, потенциальное. В согласии с этой мыслительной моделью, в диалогической эстетике в ее бахтинской экспликации эстетическое понимается как независимое от моментов содержания или материала, эстетическое — это форма, переводящая предмет, объект или субъекта из неподлинного в подлинное проявление, содержание же при этом становится во многом несущественным, как несущественным (в отличие от И. Канта) был для неокантианцев мир вещей в себе.

Эстетически значимая форма рассматривается как изначально завершенная, завершение формы, таким образом, это не результат усилий в работе над материалом, но заданная целостность, обеспеченная особым эстетическим видением субъекта. Итак, эстетическая завершенность понимается не как итог совокупности творческих усилий по созданию художественной формы, напротив, эстетическая форма возможна постольку, поскольку авторский субъект видит мир с позиции завершения, с позиции эстетической границы венаходимости изображаемому миру. В случае дневникового повествования такая граница обеспечивается внежизненной позицией субъекта. Таким образом, завершение художественного мира — не результат творческого процесса, а характер отношения автора к художественному миру, обусловленного его внежизненным внеонтологическим статусом. *Завершение происходит в каждом моменте акта творчества*, что, собственно, позволяет трактовать критерий завершенности как вероятный для эстетически организованного дневникового повествования, несмотря на его событийную открытость.

Хотя дневник во многом организует хронологическая закономерность, потенции завершения в нем так же вневременны, завершение — это константа формы. Событийное и композиционное завершение, ощущаемое изнутри дневниковой формы как невозможное, делает еще более напряженным архитектурное завершение, осуществляемое авторской трансгредиентностью своему фактуальному контексту.

Трудность этого эстетического разграничения субъекта с самим собой осознается всеми вдумчивыми интерпретаторами и комментаторами дневниковой формы. К примеру, у Р. Барта находим следующее достаточно категоричное утверждение: «Дневник может быть спасен лишь при условии, если я буду работать над ним *до смерти*, до крайнего изнурения, как будто это такой *почти* несбыточный текст» (курсив — авт.) [2; с. 261]. В этих выделенных автором «*почти несбыточный*» и «*до смерти*» отражается интуиция условий эстетической полноты дневника, которые полагаются в возможности внешнего завершения, почти невозможного взгляда на жизнь извне, почти несбыточной возможности проговорить его, находясь с этой *внешней стороны*. Трансгредиентность субъекта дневника своему фактуальному содержанию подразумевает, что его эмоционально-психологический тон будет стабилен и неизменчив, венаходимость — это всегда монотон. То же касается содержательного наполнения — суждений, оценок, психологических и этических акцентов — все это должно свестись к определенной константе, которая, тем не менее, может включать противоположности и варианты. Именно поэтому Р. Барт приводит такое субъективное замечание: «Худшая из мук, когда я пытаюсь вести дневник — это неустойчивость моих суждений» [2; с. 260].

Исходя из того, что понятие «архитектоника дневника» становится возможным, если мы согласимся с возможностью авторской трансгредиентности, формы ведения дневника также могут приобретать только лишь композиционный или архитектурный статус в значении, которое этим терминам придается в диалогической поэтике. Пространственно-временная дискретность, определенная закономерность периодичности записей дневника может трактоваться как ритмическая форма, несущая архитектурную нагрузку. Т. В. Радзиевская выделяет два типа ведения дневниковых записей — топикальный и дескриптивный, первый из которых характеризуется эллиптичностью речи, ее интровертным вектором, нередко метафорической сгущенностью высказывания, а второй — развернутостью описаний и событий, экстравертностью, риторичностью (по замечанию автора, этот стиль часто повторяет стиль недневниковых текстов автора, то есть может быть публицистическим, беллетристическим, деловым, в зависимости от характеристик субъекта дневникового повествования, конкретнее, его профессии) [3]. С точки зрения архитектуры дневникового текста оба этих типа ведения дневника могут представлять собой архитектурные формы лирики и эпики,

лиричности и эпичности как установок авторской вненаходимости по отношению к воспроизводимому фактуальному миру. Первый, топикальный, тип ориентирован на внутреннюю речь, которая по замечаниям многих исследователей стренографична, второй, дескриптивный, тип ориентирован на эпическую образную пластичность, создающую внешний мир в масштабе и подробностях.

Заключение. Проведенное исследование позволяет прийти к заключению, что эстетическое завершение дневникового текста возможно при условии трансграницности, вненаходимости автора своему собственному фактуальному сюжету и биографическому миру познания и поступка.

Список литературы

1. Бахтин, М.М. Проблемы формы, содержания материала в словесном художественном творчестве / М.М. Бахтин // Собрание сочинений : в 7 т. — Т. 1 : Философская эстетика 1920-х годов / М.М. Бахтин; под ред. С.Г. Бочарова, Н.И. Николаева. — М. : Изд-во Русские словари; Языки славянской культуры, 2003. — С. 266-325.
2. Барт, Р. Ролан Барт о Ролане Барте : Ad Marginem / Р. Барт; сост., пер. с фр., послеслов. С.Н. Зенкин. — М. : Сталкер, 2002. — 288 с.
3. Радзиевская, Т.В. Некоторые наблюдения над функционально-семантическими и стилистическими особенностями дневников / Т.В. Радзиевская // Стил. — Белград, 2004. — № 3. — С. 221-233.

УДК 7_7.11

ПРОБЛЕМА ЛИЧНОСТИ В ТВОРЧЕСТВЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО

Петренко Н. В.

ГБОУ «Школа № 46 г. о. Донецк», г. Донецк, РФ
nata575@inbox.ru

Введение. Все творчество Ф. М. Достоевского сосредоточено на человеке, причем речь идет не столько о каких-то конкретных людях, сколько о человеческой природе и сущности. Вследствие этого герои Достоевского часто лишены четкой социальной конкретики. Они скорее демонстрируют то, что присуще человеку вообще.

Целью работы является выявление особенностей раскрытия проблемы личности в творчестве Ф. М. Достоевского.

Основная часть. В. С. Соловьев в своих выступлениях о Ф.М. Достоевском выделил два ведущих противоречия, характеризующих его героев: первое — противоречие между душой героя и окружающей средой, а второе — противоречие между состоянием души героя и природой человеческой души [3]. С одной стороны, герой находится в определенном

разрыве, определенном конфликте в отношении других людей, состояния общественного мнения, коллективных или общих представлений, а с другой стороны, он чувствует неправильность своих душевных порывов относительно той правды, которую человеческий дух понимает как основную. Эти два типа противоречий пронизывают творчество Ф. М. Достоевского, но сосредоточивается он преимущественно на втором.

В контексте его творчества фактически речь идет о том, что человеческая душа пребывает на грани бытия и небытия, утверждения добра и зла. Она зачастую оказывается слабой, герой произведения одновременно может пытаться избежать зла, но и отступить от добра. Вполне вероятно, что такая ситуация обусловлена не только жизненным опытом писателя, но и отчасти его пониманием отношения человека к Богу.

Можно заметить в его суждениях особое понимание христианства. Исходя из его рассуждений о религии, из легенды о Великом Инквизиторе, можно сделать вывод о непринятии Ф. М. Достоевским Бога как явления потустороннего, неизвестного и невидимого. Достоевский отдавал предпочтение Христу как Богу, который появился рядом с человеком, страдал человеческим страданием, обладал добротой и чистотой души.

Еще одним аспектом, на который обращает внимание Достоевский, является понимание мудрости как этического понятия. Мудрость всегда включала в себя этический аспект, предполагая связь человека с целым, обеспечивая целостность духовного опыта. Мудрость еще с античных времен рассматривалась как способ бытия. Знанию противостоит незнание, а мудрости — глупость. Незнание может выглядеть и как необразованность, может быть упрямым нежеланием знать, выйти за пределы устоявшихся предрассудков. Глупость иногда является оборотной стороной излишней уверенности в своих знаниях. Но в глазах толпы и наивность гения может иметь вид глупости. Наглядным в этом плане является образ князя Мышкина в романе «Идиот» Ф. М. Достоевского. Именно в этом романе (а также в «Бесах» и «Братьях Карамазовых») Достоевский через диалектику мудрости и глупости ярко демонстрирует сущность мудрости как понятия этики, в отличие от ее эпистемологического содержания. Сюжет о глупце, желающем реализовать свой идеал и улучшить мир, можно осмыслить так, что на поверхность выйдут реальные проблемы настоящего мира и будут показаны настоящие жизненные конфликты.

Еще один важный аспект философских взглядов Ф. М. Достоевского составляет тема свободы личности. Н. А. Бердяев считает, что тема свободы — ведущая тема творчества Достоевского [2]. В ней отражена парадоксальность, трагичность человеческой свободы. Ф. М. Достоевский изображает персонажей, которые стремятся к свободе и в этом стремлении готовы пойти на все. Свобода у Достоевского является свободой зла в такой же степени, как и свободой добра. Бунт против мироустройства нередко характеризует персонажей Достоевского — Раскольников, Ивана Карамазова, Ставрогина.

Герои Ф. М. Достоевского бунтуют против необходимости, против универсальных законов истории, против божественного предопределения. Это метафизический бунт, который представляет собой поиск новой свободы, не запертой рациональными рамками.

Однако нередко такая свобода в конце концов направляется против самого человека, а его завершением, последним пределом становится преступление — отрицание жизни своей и других людей. В своих произведениях Ф. М. Достоевский показывает, что любая безграничная свобода неизбежно приходит к своему отрицанию, к абсолютной необходимости и к насилию над свободой других людей. Такой бунт против зла, существующего в мире, и против Бога, который создал этот мир, стремится к устройству жизни, которое бы сделало всех людей счастливыми. Но такое стремление к счастью перерастает в насилие и безграничный деспотизм. Тема высшей свободы человека раскрывается Ф. Достоевским в «Легенде о Великом Инквизиторе». Истинная свобода основывается только на любви, а принятие истины возможно только благодаря свободной вере и свободной совести.

Следующая важная категория во взглядах Достоевского — это Добро и Зло. Понятие Добра и Зла писатель связывает не сугубо с человеческой природой, но и с окружающей социальной действительностью, однако источник этой действительности создан людьми, а, следовательно, по сути имеет общечеловеческое значение. Поступок одного из героев произведений Достоевского, Раскольникова, в «Преступлении и наказании» автор оценивает как зло, которое совершено сознательно, на которое человека ничто не побуждает, он сам делает свой выбор в пользу добра или зла. Преступление, совершенное Раскольниковым, стало для него возможностью определиться, возможностью осуществления свободного выбора, лишь при таком условии он становится человеком.

Немало внимания анализу проблемы личности в произведениях Ф. М. Достоевского уделил М. М. Бахтин. Произведения Достоевского стали для Бахтина своеобразной иллюстрацией его идей применительно к диалогической природе личности. В труде «Проблемы творчества Ф. Достоевского» (позднее — «Проблемы поэтики Достоевского») [1] М. М. Бахтин обращает внимание на то, что Достоевскому, как никому прежде, удалось создать такую романную форму, которая дает возможность изобразить личность, не теряя основного в ней. Именно Достоевский, как считает М. Бахтин, чувствует личность, он понимает то, что она никогда не совпадает сама с собой, с тем, чем она уже есть, что в ней видно извне, поэтому нельзя ее изображать, завершая в какую-то модель, объективируя. В произведениях писателя личность «держится» своей внутренней глубиной, но никогда не замыкается на себе, поскольку для одинокого его собственный голос становится зыбким. Человек изнутри себя не может ни понять себя, ни даже стать собой, он не видит своих границ. Поэтому все

герои Достоевского ищут себя в напряженном обращении, вне которого их нет даже для самих себя.

Заключение. Таким образом, творчество Ф. М. Достоевского сосредоточено на человеке, что прослеживается во всех его произведениях. Религиозные аспекты его взглядов раскрываются прежде всего в том, что Достоевский отдавал предпочтение Христу как Богу, который появился рядом с человеком, страдал человеческим страданием, обладал необычайной степенью доброты и чистоты души.

Этические аспекты его творчества связаны с пониманием мудрости, которая подразумевает связь человека с целым, обеспечивая целостность духовного опыта; а также с трактовкой свободы. Герои Ф. М. Достоевского бунтуют против необходимости, против универсальных законов истории, против божественного предопределения. Отсюда — понимание Добра и Зла, связанное не сугубо с человеческой природой, но и с окружающей социальной действительностью.

Список литературы

1. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского / Бахтин М. М. // Собр. соч. в 7 т. Т. 6. — М.: Русские словари; Языки славянских культур, 2002. — С. 6–300.
2. Бердяев Н.А. Миросозерцание Достоевского. — М.: АСТ, 2006. — То же: URL: https://azbyka.ru/otechnik/Nikolaj_Berdyayev/mirosozertsanie-dostoevskogo/ (дата обращения: 6.09.2024)
3. Соловьев В.С. Три речи в память Достоевского. — URL: https://azbyka.ru/otechnik/Vladimir_Solovev/tri-rechi-v-pamjat-dostoevskogo/ (дата обращения: 6.09.2024).

УДК 821.161.1

АСПЕКТЫ ПСИХОЛОГИЗМА В ПСЕВДОАВТОБИОГРАФИЧЕСКОЙ ПРОЗЕ АНДРЕЯ АСТВАЦАТУРОВА

Серкина М. А., ORCID 0009-0005-6089-7299

Подковальникова А. С., канд. филол. наук, доц.,

ORCID 0000-0002-3698-6081

ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет», г. Ростов-на-Дону, РФ

serkina.m.00@mail.ru

Целью нашего исследования является анализ аспектов психологизма в прозе Андрея Аствацатурова, относящейся к жанру псевдоавтобиографии, с позиции образа автора. А. Аствацатуров — профессор кафедры истории зарубежных литератур СПбГУ, внук академика В. М. Жирмунского. В современном читательском мире заметен интерес к произведениям, содержащим в себе рефлексии опыта реального человека (особенно если

этот человек имеет уникальный опыт), зачастую это сам автор, который смешивает реальные факты о себе с вымыслом, скрывая грань между ними от читателя.

Андрей Аствацатуров в своих романах «Люди в голом», «Скунскамера», «Не кормите и не трогайте пеликанов» и в романе в рассказах «Осень в карманах» выступает как литературный персонаж. Научный интерес вызывает то, какими способами автор в своем произведении перерабатывает и отражает жизненный опыт. С этой стороны мы будем рассматривать романы А. Аствацатурова в контексте психологизма.

В нашем исследовании мы опираемся на следующее определение психологизма — это «изображение средствами художественной литературы внутреннего мира героя: его мыслей, переживаний, желаний, эмоциональных состояний и т. п., причем изображение, отличающееся подробностью и глубиной» [1, с. 73].

В литературоведении психологизм традиционно рассматривается в контексте комплексного анализа художественного произведения, он может проявляться в различных аспектах: в детальном описании внутренних переживаний героев, в способах передачи их мыслей и чувств, в особенностях повествовательной манеры автора, более того, психологизм тесно связан с такими фундаментальными категориями, как характер, мотивация, конфликт, сюжет.

Произведения А. Аствацатурова в жанре псевдоавтобиографической прозы построены как ряд зарисовок из жизни главного героя, зачастую они представлены ситуациями, в которые герой попадает помимо своей воли. Особое значение приобретает фигура «автобиографического» героя, и психологизм в таких произведениях наделен определенными чертами. Во-первых, достоверностью психологических переживаний — автор, рисуя внутренний мир героя-повествователя, опирается на собственный жизненный опыт. Во-вторых, присутствует откровенность, даже исповедальность (повествователь склонен к самоисследованию, открытому выражению своих чувств и мыслей). В-третьих, присутствует обобщенность личности главного героя (несмотря на индивидуальность, в «автобиографическом» герое проступают типичные черты определенной социальной или возрастной группы). Заметим, что часто имеется дополнительный смысл, его можно назвать «метатекстовым» элементом: читатель соотносит образ героя в тексте с реальной личностью автора и воспринимает психологический портрет автобиографического героя с учетом уже известных ему сведений о реальном авторе текста.

Автор активно присутствует, комментируя и интерпретируя внутреннюю жизнь. Герой Андрей Аствацатуров в тексте представлен в двух явных ипостасях: ребенок и взрослый, но отметим, что сам по себе нарратор рамками временными не связан, он свободно описывает случаи из

детского сада, школьных лет, юности в университете и преподавательской деятельности. Зачастую эти истории получают развитие уже в другой части романа или в другой книге. Повествователь сам осмысливает собственный текст, так в романе «Люди в голом» появляются главы, посвященные осмыслению современной литературе и места ему как автору в ней, кульминацией становится роман-клип «Путь Гава».

Внутренний монолог героя-повествователя составляет большую часть текста, нарратор погружается в свой внутренний мир, исследует собственные чувства, мысли и переживания, устанавливает причинно-следственные связи. Автор проводит параллели между описываемым событием и его литературным аналогом, так рассказ Угрюмого (кличка учителя физики) сопровождается авторской вставкой о романе Луи-Фердинанда Селина «Путешествие на край ночи», который, как отмечает А. Аствацатуров, содержит похожие сцены. Часто в тексте мы наблюдаем поток сознания, спонтанные мысли и ассоциаций сопровождаются фрагментами воспоминаний: «За грибами... Или правильнее «по грибы»? В любом случае, если отправился в лес, то надо остерегаться поганок. Мне иногда кажется, что студенты меня остерегаются» [2, с. 131].

В большей мере подвергается самоанализу творческий процесс и место автора в мире литературы, так в главе «Автор и читатель» иронично осмысливается положение создателя книги по отношению к литературной «моде» и «рядовому читателю». Освещает Аствацатуров и основные тенденции: «Но на одной эпической искренности далеко не уедешь. Ее нужно обязательно чем-нибудь сдобрить. Лучше всего — политикой» [2, с. 177].

Андрей Аствацатуров вскрывает проблему места автора в литературном процессе, поднимает вопрос места своего и произведений, которые он пишет. Герой-нарратор раскрывается в таких главах и как специалист-филолог, и как талантливый писатель, вовлекающий читателя в создание текста романа, заставляющий его посмотреть на произведение с той позиции, которую предлагает уже сам автор.

Особое место занимают в романах «Люди в голом» и «Скунскамера» зарисовки из детства и осмысление повествователем себя-ребенка и взаимоотношений внутри семьи. Детские переживания, чувства, реакции на события отличаются непосредственностью и неподдельностью.

Образ отца (литературоведа и философа А. Г. Аствацатурова) выделяется ярко, именно он задает определенную измерительную систему, с которой повествователь соотносит себя: «Папино воображение, наверное, рисовало такую картину: его сын, школьник младших классов — естественно, круглый отличник» [2, с. 24]. Появление школьных друзей в повествовании зачастую сопровождается оценкой не только героя Андрея Аствацатурова, но и той, которую дают им его родители (в частности, отец). В такие моменты в тексте сосуществуют три точки зрения: мнение Андрея

Аствацатурова-ребенка, мнение родителей и взгляд на это повествователя, который дается сверху, не затрагивая уже саму ситуацию. Аствацатуров сопоставляет себе взрослого и себя ребенка с отцом, часто отмечает, что во взрослом возрасте он больше похож на своего родителя.

Нарратор проводит психологический анализ, и «галерея воспоминаний» из детства, насыщена восприятием мира глазами ребенка. А. Аствацатуров сопровождает этот детский взгляд на мир уже взглядом взрослого повествователя, и часто использует детскую перспективу для контрастной демонстрации новых граней привычных вещей, раскрывая свое отношение к поднятой в тексте проблеме.

Образ повествователя, который соотносится с образом автора, представлен в лице человека рефлексирующего, имеющего богатый филологический опыт. В определении аспектов психологизма прозы Андрея Аствацатурова важную роль играет стиль повествования, он задает тон, который влияет на восприятие текста. Авторская ирония подчеркивает моменты искренности и рефлексии, подтверждая их ценность.

Список литературы

1. Есин, А. Б. Принципы и приемы анализа литературного произведения: Учебное пособие / А. Б. Есин. — Москва: Флинта, 2011. — 126 с. — ISBN 978-5-89349-049-7. — EDN SUEREB.
2. Аствацатуров, А. А. Люди в голом: Роман. — М.: Ад Маргинем Пресс, 2009. — 304 с. — ISBN 978-5-91103-045-2.

УДК 82-3

ИЕРАРХИЯ АДА В РОМАНЕ И. А. ГОНЧАРОВА «ОБЛОМОВ»

Торопыно Д. И.,

Никитина И. Н., канд. филол. наук, доц., ORCID 0009-0007-7946-8966

ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет
имени академика И. Г. Петровского», г. Брянск, РФ

[*danila.toropyno@mail.ru*](mailto:danila.toropyno@mail.ru)

Творческое наследие И. А. Гончарова весьма обширно и сложно для понимания неподготовленного читателя, однако и по сей день оно не перестает быть объектом для изучения исследователями в области филологии и новых открытий. Художественное слово русского писателя обладает уникальным свойством: оно не перестает удивлять новизной смыслов, возникающих при прочтении произведения с учетом определенных историко-литературных и культурных контекстов.

Вопрос изучения дантовских мотивов, которые активно фигурируют на протяжении всей трилогии, представляет неизменный научный интерес

и в начале XXI века. На примере одного романа из данного цикла мы проследим параллель двух разных писателей и как она помогает углубить значение поднимаемых проблем в произведении «Обломов».

Проживающий в Петербурге Обломов видит и понимает то бездушие и ту безжизненность городской среды, которая его окружает. Уход его от «большого» мира в «малый» не связан с бегством от жизни и ее различных проявлений, а, наоборот, это избегание подстерегающей смерти в закоулках Петербурга. Хотя Илья Ильич закрылся в своем уголке, однако к нему все равно пытаются проникнуть адские языки пламени в виде визитеров, галерею которых мы находим в самом начале романа. Стоит отметить, что если в «Обыкновенной истории» мы наблюдаем неструктурированное адское пространство, то во второй части трилогии оно представлено иерархическим, что доказывает общественный статус и говорящие фамилии гостей. Каждый из них представляет определенный круг Ада с характерным ему пороком (например, Волков — праздная жизнь), который опускает читателя на последний к литератору Пенкину, который является более «мертвецом», нежели остальные. Чтобы подчеркнуть это, Гончаров прибегает к иронии, выраженной через уста главного героя: «слышится то Дант, то Шекспир» [1, с. 28]. При этом упоминание Данте не только ставит печать на одном из персонажей, но и на всей первой части романа, что вполне оправдывает сопоставление с частью «Ад» из «Божественной комедии».

Не случайно простодушный и безликий Алексеев произносит следующие слова, беседуя с Обломовым: «земной шар всё охлаждается: когда-нибудь замерзнет весь» [1, с. 525]. Вчитываясь в высказывание данного персонажа, можно сделать вывод, что оно приобретает зловещий подтекст в романе Гончарова: человечество постепенно скатывается в бездну, подобную аду, вечного мрака и холода. Именно крайняя часть дантовского Ада представляет собой ледяной колодец с Дитом в центре, в связи с чем и возникает данная параллель у Данте и русского писателя.

Еще одной характерной чертой проявления дьявольского начала в визитерах Ильи Ильича является их темперамент и портрет. Так, например, Тарантьева можно сопоставить с Цербером, так как он обладает схожими с ним характеристиками: «играл роль большой сторожевой собаки, которая лает на всех» [1, с. 43]. Также автор передает это через портрет героя: крупные черты лица, объемистые плечи и туловище, которые вызывают у читателя представление о грубом и жестоком человеке.

Общение Обломова с посетителями — Волковым, Судьбинский, Пенкиным, Тарантьевым и Алексеевым — приводит его к мысли: «Где же тут человек? На что он раздробляется и распыляется» [1, с. 22]. Главный герой видит за их механической работой сплошное внутреннее опустошение, что в той или иной степени, по мнению автора, представляет собой ад. Однако Илья Ильич, созерцая падших людей, все-таки хочет найти в них что-то человеческое и верит в его существование.

Отметим, что Пенкин и круг «друзей-литераторов», к которому он себя причислял, не имеет ничего общего с истинным искусством, так как нарушает все каноны данного видения мира. Поэтому его можно поставить ниже в иерархии зла, в отличие от Волкова и Судьбинского. Если отталкиваться от данной мысли, то можно прийти к выводу, что литературная карьера в середине XIX века считалась одним из проявлений дантовского Ада в жизни петербуржцев, наряду с работой в департаменте, что подчеркивает в своих произведениях Н. В. Гоголь, или светской жизнью, как пишет А. С. Пушкин в «Евгении Онегине».

Помимо визитеров, символизирующих адских слуг, И.А. Гончаров вводит мотив «мертвого города», который воплощает в себе Петербург, где живет главный герой. В одной из бесед Обломов гневно высказался Штольцу о петербургской безликости и омертвелости населения: «Всё это мертвецы, спящие люди, хуже меня, эти члены света и общества! Что водит их в жизни? Вот они не лежат, а спуют каждый день, как мухи, взад и вперед, а что толку?» [1, с. 190].

В дополнение к описанию «мертвого» Петербурга автор внедряет через уста Алексеева в повествование мотив холода, который может вызвать у читателя ассоциацию с могильным холодом, то есть еще одно доказательство того, что наша северная столица в романе «Обломов» — это «мертвый город». Данный символ отсылает нас в «Божественной комедии» к последнему кругу ада — ледяное озеро Коцит (дно воронки). Примечательно еще то, что Алексеев появляется у Ильи Ильича еще в последней, четвертой части произведения, что носит подтекст надвигающейся беды: герой оказывается на дне бездны среди тех, по Данте, кто предал доверившихся, в том числе и отрекшихся от божественного предназначения человека.

Описание «мертвой деревни» на Выборгской стороне, где живет и умирает в заключительной части Обломов, тоже сопоставимо с дантовским адом. Она символизирует царство мертвых, так как мы не видим ни одной живой души, как и активной жизни в ней. Мотив узкого пространства, фигурирующий в доме Агафьи Пшеницыной, ассоциируется с тесными ущельями восьмого круга Ада. Это усиливает еще и черный пес на цепи, который безпрестанно лает на огороде хозяйки. Его можно сравнить с трехглавым Цербером — стражем третьего круга ада.

История встречи Данте и Белаквы тоже находит свое отражение в романе Гончарова «Обломов». Своего героя автор наделяет ленью, то есть тем пороком, который мы встречаем в «Божественной комедии» во второй части у подножия чистилища. Обломов, как и Белаква, философ, который ищет ответ на вопрос о мире и месте человека в нем: «Или я не понял эту жизни, или она никуда не годится» [1, с. 201]. Не найдя на него ответ, он не видит смысла дальше продолжить путь. Герой уповает на помощь друзей — Штольца и Ольги Ильинской, однако для этого требуется его собственное

пробуждение. Мотив «пробуждения» являлся последней надеждой Илья Ильича и Белаквы, чтобы начать жизнь заново, но они не захотели прилагать своих усилий и в конце заснули мертвым сном.

Параллель Обломова с дантовской Белаквой очень ярко наблюдается в четвертой части романа. У Данте он сидит, склонив низко голову, и Илья Ильич находится в такой же неподвижной позе после последнего прощания со Штольцем: «сел на диван, оперся локтями на стол и закрыл лицо руками» [1, с. 530]. А на его просьбы пойти с Ольгой, главный герой отвечает: «Оставь меня совсем... забудь...» [1, с. 529]. Отсюда следует, что Обломов, как и друг Данте, не видит никакого смысла в «восхождении» и решает оставить в своей жизни все, как есть.

Резюмируя вышесказанное, еще раз подчеркнем, что И.А. Гончарову один из тех русских романистов (после Н.В. Гоголя), кому удалось на материале современной жизни поднять в своей трилогии многие злободневные вопросы, которые, с одной стороны, придают его творчеству национальное значение, а с другой — сближают по своей масштабности с Данте.

Список литературы

1. Гончаров И. Обломов: роман / Иван Гончаров. – СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2018. – 544 с. – (Мировая классика).

УДК 37

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПАТРИОТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ВРЕМЕН ЛИЦЕЙСКИХ ЛЕТ А. С. ПУШКИНА И СОВРЕМЕННОСТИ

Трухова Е. Н.

МБОУ «СОШ № 45 имени Маршала Советского Союза Г. К. Жукова», г. Калуга, РФ
trukhova.e@mail.ru

Введение. Современные учебно-методические комплекты (УМК), в более привычном употреблении — учебники по литературе имеют множество вариаций, но, естественно, все соответствуют ФГОС и не противоречат общей концепции образования в РФ. Большинство учебников по литературе с 7 по 11 классы содержат в себе произведения М. Ю. Лермонтова, А. П. Чехова и других великих русских творцов. Причем есть несомненный лидер — он же «наше все» — А. С. Пушкин.

Чтобы мы сейчас читали в школе, если исключить творчество А. С. Пушкина? Какие произведения анализировали, учили наизусть и

цитировали при необходимости? История не имеет сослагательного наклонения, поэтому эти вопросы мы оставим без ответов. Рассмотрим же литературное образование А. С. Пушкина в нынешнем понимании: проанализируем место и программу по литературе, которые позволили дать России великого писателя.

Цель работы — проведение сравнительного анализа УМК времен А. С. Пушкина и современности.

Основная часть. Общеизвестный факт, что А. С. Пушкин учился в Царскосельском лицее с 1811 по 1817 год. Учебников в том понимании, в котором они сейчас используются, в системе образования Российской империи не существовало. До середины XIX века никакой единой для всех гимназий программы Министерства народного просвещения не существовало. Это не означает, что литературу не преподавали.

Преподавали еще с 1800-х годов, однако преимущественно в таких учебных заведениях как гимназии, и каждый учитель сам решал, какой список текстов предложить своим ученикам. В 1819-м писатель, журналист и преподаватель Николай Иванович Греч издал одну из первых хрестоматий — «Учебную книгу российской словесности». То есть, условно, первый учебник по литературе был издан через два года после выпуска А. С. Пушкина из лицея. Тогда рассмотрим произведения известных поэтов и писателей, которые были написаны и опубликованы до поступления А. С. Пушкина в лицей и проанализируем, какие из них сохранились в нынешней школьной программе.

1. Начать нужно, конечно, с русских народных сказок, у которых автор — народ. Именно они заложили основы миропонимания А. С. Пушкина как мыслителя и поэта. Близкие по духу к сказкам — басни Ивана Андреевича Крылова были высоко оценены А.С. Пушкиным. В своих заметках 1830 г. он называл Крылова «во всех отношениях самым народным нашим поэтом (*le plus national et le plus populaire*)» [1, с. 101]. Вывод: басни были изучены А.С. Пушкиным и оценены как высшие произведения того времени. В нынешних школьных учебниках басни изучаются с 5 класса.

2. «На смерть князя Мещерского» — стихотворение Гавриила Романовича Державина. Впервые опубликовано в «СПб. вестник», 1779, под названием «Ода на смерть к М. к***», после свет увидела новая редакция — «Собеседник», уже 1783. Вывод: произведение могло быть изучено А.С. Пушкиным в виду его популярности в конце XVIII века. В нынешней школьной программе произведение рассматривается обзорно.

3. «Выздоровление» — стихотворение Константина Николаевича Батюшкова. Впервые опубликованы в собрании «Опыты в стихах и прозе» в 1807 году. [2, с. 21]. Вывод: произведение было изучено А.С. Пушкиным в виду симпатии к творчеству К. Н. Батюшкова. В нынешней школьной программе произведение рассматривается обзорно.

4. «Россиада» (рус. дореф. Россіяда) — первая эпическая поэма русской литературы, созданная Михаилом Матвеевичем Херасковым. Имеет довольно большой объём: 12 песен, более 10 000 стихов. Сюжет посвящён взятию Казани русскими войсками Ивана Грозного в 1552 году.

Была включена в состав собрания сочинений М. Хераскова (1796 — 1803 и 1807 — 1812 годов), вошла в программу гимназического, по факту школьного, образования, но после 1895 года в целостном виде не переиздавалась. Вывод: произведение могло быть изучено А.С. Пушкиным в виду популярности поэмы в конце XVIII века и патриотичному настрою. В нынешних школьных учебниках произведение отсутствует.

5. «Недоросль» — комедия Дениса Ивановича Фонвизина. Дата первой публикации — 1783 год. Жанр — комедия и театральная пьеса. Вывод: произведение было изучено А. С. Пушкиным и названо «народным» в знак большой похвалы [3, с. 56]. В нынешних школьных учебниках произведение изучается в рамках программы 8 класса.

6. «Рослав» — трагедия Якова Борисовича Княжнина. Первая постановка — 1784 год [4, с. 27]. Вывод: произведение могло быть изучено А. С. Пушкиным в виду его популярности в конце XVIII века. В нынешних школьных учебниках произведение отсутствует.

7. «Телемахид» — эпическая поэма Василия Кирилловича Тредиаковского, опубликованная в 1766 году. В основе сюжета — перевод романа Фенелона «Приключения Телемака». Вывод: произведение маловероятно могло быть изучено А.С. Пушкиным в виду его популярности по в конце XVIII века. В нынешних школьных учебниках произведение отсутствует.

8. «Душенька» — стихотворная повесть Ипполита Богдановича (развлекательная поэма), вольный перевод повести Лафонтена «Любовь Психеи и Купидона» (впервые опубликована в 1775). Вывод: произведение могло быть изучено А. С. Пушкиным в виду его популярности в конце XVIII века. В нынешних школьных учебниках произведение отсутствует.

Заключение. Естественно, выше приведены только яркие представители того времени с одним произведением из всего собрания их сочинений. Это является частной выборкой для локального исследования. Проанализированный материал дает возможность подвести следующий итог: из восьми выбранных произведений пушкинского времени только четыре сохранились в той или иной мере в нынешней школьной программе. Проверка временем расставила свои приоритеты, переместив некоторые произведения за рамки школьной программы. Проектная деятельность в выпускных классах общеобразовательных организациях позволяет рассмотреть в более полном объеме все произведения, упомянутые в данной статье. Ведь изучение литературы является одним из важных элементов становления личности как патриота своей страны.

Список литературы

1. Беньковская, Т. Е. Научные направления и школы в российской методике преподавания литературы XVIII - начала XXI века : монография / Т. Е. Беньковская. — 4-е изд., стер. — Москва : ФЛИНТА, 2022. — 358 с. — ISBN 978-5-9765-2107-0. — Текст : электронный // Лань : электронно-библиотечная система. — URL: <https://e.lanbook.com/book/232484> (дата обращения: 20.07.2024).
2. Дрожжина, Е. Ю. От Крылова до Гоголя: история отечественной литературы первой половины XIX века : учебное пособие / Е. Ю. Дрожжина. — 2-е изд., стер. — Москва : ФЛИНТА, 2024. — 99 с. — ISBN 978-5-9765-5459-7. — Текст : электронный // Лань : электронно-библиотечная система. — URL: <https://e.lanbook.com/book/402101> (дата обращения: 07.07.2024).
3. Евдокимова, Е. А. История русской литературы. Литература XIX века : учебное пособие / Е. А. Евдокимова. — Санкт-Петербург : СПбГИКиТ, 2023. — 160 с. — ISBN 978-5-94760-560-0. — Текст : электронный // Лань : электронно-библиотечная система. — URL: <https://e.lanbook.com/book/416036> (дата обращения: 02.08.2024).

УДК 821.4 Г

АВТОРСКИЙ УНИВЕРСУМ В РОМАНЕ «ОБРЫВ» И. А. ГОНЧАРОВА

Хомчак Е. Г., канд. филол. наук, доц., ORCID 0000-0002-1155-440X,
Волкова И. В., канд. пед. наук, доц., ORCID 0000-0002-3799-4964
ФГБОУ ВО «Мелитопольский государственный университет»,
г. Мелитополь, Запорожская обл., РФ
elenahom6363@gmail.com, vit19602607@gmail.com

Введение. Сегодня в системе теоретико-литературоведческих знаний изменился сам статус понятия «автор». Если раньше большая часть литературоведов воспринимала его как локальное понятие, то теперь оно все четче осознается как одно из ключевых понятий литературной науки. Проблема автора, разработанная в литературоведческой науке М. М. Бахтиным, В. В. Виноградовым, Л. Я. Гинзбург, Б. О. Корманом и др., открыла новые перспективы анализа художественного текста с точки зрения его внутренней целостности и целесообразности. Укоренившийся в филологии взгляд на автора как субъекта (носителя) сознания, выражением которого является все произведение, позволяет рассматривать художественный мир как многоуровневое формосодержательное единство.

Авторская позиция, порождаемая взаимовлиянием мировоззренческой сферы, биографического континуума, эстетического принципа, вырабатывается активной авторской мыслью в процессе творчества и может изменяться и совершенствоваться вместе с произведением.

Целью нашей работы является исследование эволюции авторской позиции в романе И. А. Гончарова «Обрыв».

Основная часть. В «Обрыве», как и в предыдущих двух романах «Обыкновенная история» и «Обломов», автором создан образ дореформенной жизни, но со смещенными акцентами. Продолжая характерную для «Обыкновенной истории» и «Обломова» антиномию «провинция — Петербург», И. А. Гончаров в последнем романе изображает жизнь в столице не как прогресс, а как застой и духовный сон, что является отражением значительных изменений в мировоззрении писателя. Изменение картины общественной жизни отражает эволюцию «философии жизни» И. А. Гончарова и тесно связано с общей концепцией романа: автор «Обрыва» переоценивает достижение буржуазной цивилизации.

В «Обрыве» действие сосредоточено уже не в Петербурге, как в «Обыкновенной истории» и «Обломове», а в поместье Малиновка, здесь особенно значим параллелизм сцен обличения «старины» и проповедования «новизны» Райским и Волоховым. Герои прибегают к сходным метафорам в определении прошлого: Райский — «кладбище», «призрак, пыльное воспоминание»; Волохов — «мертвый воздух», «болото», «корни подгнили», «город мертвецов». Волохов рвет жизнь на куски ради того, чтобы ее улучшить, Райский же обретает со временем понимание того, что жизнь нельзя механически членить на «новое» и «старое», поскольку в «старом» присутствует и вечное, и нужно много проницательности, чтобы это вечное разглядеть. В обретении этой истины Райский выступает как выразитель авторской позиции.

Автор-творец наделяет героя Райского функцией писателя, выделяя его из ряда действующих лиц. Сознание героя и сознание автора находятся в отношениях частичного взаимного отражения: с одной стороны события романа пропускаются сквозь призму сознания Райского, с другой — далеко не все в романе определяется этим сознанием. Герой-посредник Райский в «Обрыве» — это та «формально-жанровая маска» [1, с. 311], с помощью которой автор одновременно и скрывает, и являет себя.

Осуществленный роман автора / неосуществленный роман героя — важная художественная антиномия «Обрыва», усиливающая его полифоническое звучание. Сосуществование двух романов — реального и мыслимого — значительный фактор в образовании ритма повествования. Вся сюжетная энергия аккумулируется в авторском повествовании, тогда как воображаемый роман Райского тяготеет к картинам и расширенным описаниям.

В «Обрыве» присутствует незримый автор-повествователь, не обозначенный личным местоимением, максимально удаленный от персонажей и приближенный к автору-творцу. Воля автора-повествователя не подчиняет себе поведение героев, напротив, героям предоставлены

свобода индивидуального проявления и возможность самоанализа. Закономерно при этом, что повествование в «Обрыве» ведется не только от лица повествователя, но и через призму восприятия героев (чаще Бориса Райского, на определенном этапе Веры Бережковой), которые обнаруживают способность самостоятельно ориентироваться в пространстве художественного текста.

Борис Райский интересует автора как особая точка зрения на мир и на себя в мире, как смысловая и оценивающая позиция по отношению к окружающей действительности. Душевный облик Райского является объектом рефлексии его самого, предметом же авторского изображения оказывается самосознание героя. В сложном образе Райского просматривается «двухслойность» его натуры, которая выражается как несоответствие богатой фантазии скудным художественным результатам. В итоге — смена сфер приложения таланта Райского, вечное ожидание капризного гостя — вдохновения, становится нормой его существования.

Последний роман И. А. Гончарова заключает в себе, по утверждению В. А. Недзвецкого, «осознанную мифотворческую тенденцию» [4, с. 184]. Живые характеры героев, а также конфликты между ними в романе возводятся к мифологическим основам, как русским, национальным, так и библейским, общечеловеческим. И. А. Гончаров, конечно, не переносит ситуации библейского предания в современную жизнь, но включение некоторых деталей и словесных образов в повествовательную ткань «Обрыва» усиливает мифологический подтекст. Драматическая история Веры — это аллюзия на известную притчу о падшей дочери. Яблоневый сад, яблоки, которые ворует Волохов, одно из которых предлагает Вере — намек на искушение и грехопадение Адама и Евы.

Заключение. Трактовка непреходящего в человеческой жизни претерпевает в романах И. А. Гончарова изменения, особенно заметные в сравнении последнего с первым: если в «Обыкновенной истории» непреходящее — это обычные, неприхотливые проявления человеческой натуры, то в «Обрыве» — это вечная правда христианства. В «Обрыве» нарастает стремление писателя к возведению текущих явлений к вечным, коренным основам жизни.

Авторское слово в романе, даже не будучи сфокусировано на формальном местоименном ядре («я», «мы»), как в первых двух романах, сохраняет привязку к словам и размышлениям персонажей романа, сознание автора-творца перекликается с сознанием героев. Отсутствие названного повествователя позволяет автору-творцу преобразовать художественное время и скомпоновать связанные с ним художественные события в задуманной последовательности и изложить их согласно авторскому замыслу.

Список литературы

1. Бахтин, М.М. Проблемы поэтики Достоевского / М. М. Бахтин. — 2-е изд. перераб. и доп. — М.: Сов. Писатель, 1963. — 363 с.
2. Гончаров, И.А. Обрыв / И. А. Гончаров. — М.: Худож. лит-ра, 1970. — 672 с.
3. Гончаров, И.А. Собрание сочинений: В 8 т. / И. А. Гончаров. — и Т. 8.: Статьи. Избранные письма. — М. : Правда, 1952. — 542 с.
4. Недзвецкий, В.А. «Персональный» роман испытания (И.А. Гончаров, И.С. Тургенев) // Недзвецкий В.А. Русский социально-универсальный роман XIX века. Становление и жанровая эволюция. — М.: Диалог МГУ, 1997. — С. 132-190.

УДК 351.854

ПОСТМОДЕРНИСТСКОЕ ПРОИЗВЕДЕНИЕ СКВОЗЬ ПРИЗМУ НЕОРИТОРИКИ: ОПЫТ ДИСКУРСНОГО АНАЛИЗА ПОЭМЫ ВЕН. ЕРОФЕЕВА «МОСКВА – ПЕТУШКИ»

Цыганкова Н. Б., ORCID 0000-0002-8601-6315

ФГБОУ ВО «Мордовский государственный педагогический университет
имени М. Е. Евсевьева», г. Саранск, РФ

czygankova-2001@yandex.ru

Литература как вид искусства является, в том числе и диалогом между автором и читателем: «...все сферы культуры (в том числе и наука и искусство) проникнуты коммуникацией, т. е речевым общением (или общением с помощью других знаковых форм) [2, с. 187].

Характеризуя литературу постмодернизма, необходимо обратить внимание на «новую риторику» или неориторику, представляющую собой особое направление в дискурсном анализе и имеет ряд отличительных особенностей

Исследователь Ю. В. Шатин, раскрывая суть неориторики, указывает на то, что она оформилась во второй половине XX века. Эффективность коммуникативного воздействия становится ключевым свойством неориторики. Сам дискурс ориентирован на связь субъекта, объекта и адресата. Литературное произведение представляет собой «встречу» текста с несколькими людьми (читателями), а, следовательно, получает возможность параллельного смыслового существования, регламентированного авторским замыслом и читательской интерпретацией

В связи с этим, необходимо остановиться на важных для дальнейшего анализа двух терминах: «коммуникативное событие» (Т. А. ван Дейк) и «коммуникация события». Эти термины в научной литературе противопоставлены. Первый, относящийся к неориторике, концентрируется на тех риторических средствах, которые воплощают виртуальные явления,

замещающие «отсутствие реальных событий» [5, с. 143] (реклама, массовая литература). Второй термин конструирует реальность. Следовательно, неориторика тесно связана с литературой постмодерна, это мы можем доказать наличием языковой игры в литературных произведениях, стремлением передачи полярных истоков порождения текста как высказывания.

Литературовед В. И. Тюпа именуется неориторику «интеллектуальной тенденцией Новейшего времени» [6, с. 65]. Разница между классической риторикой и «новой риторикой» в акцентах на диалогические и монологические высказывания. Риторике интересуют монолог, а неориторику — диалог. Дискурс же в данном смысле строится на взаимодействии трёх сторон: субъекта, объекта и адресата и их диалогическое взаимоотношение, которое может быть как устным, так и письменным.

Акцентируя внимание на предназначении коммуникации, неправильным становится отождествление мысли о том, что она сводится только к приему и передаче информации. По мнению В. И. Тюпы, художественное произведение межличностно, текст носит объективный характер, а впечатление — субъективный. Наилучшей иллюстрацией этому, на наш взгляд, может служить поэма В. Ерофеева «Москва — Петушки». Следовательно, художественный дискурс складывается не только из авторской интенции, но и из того, как это воспринимает читающий. Как пишет М. М. Бахтин, «эстетический субъект — читатель и автор — творцы формы» [с. 72] литературного произведения, где содержательный компонент понятен и принят общими сторонами.

Поэма в прозе «Москва — Петушки» написана в стиле травелога. С первых страниц мы наблюдаем названия станций, предваряющие название произведения. Пространственно-временная организация ограничена двумя часами и вагоном, но в финале всё закольцовывается. Ярко очерчены в поэме параметры дискурса. Попутчики, обменивающиеся репликами, сразу обозначают своё социальное происхождение или положение. Каждая рассказанная история не остается без внимания, это является особенностью коммуникативной стратегии. Вместе с тем фокус и на слушателей, чтобы читатель понимал их реакцию. Автор преследует цель показать жизнь людей разных социальных страт и представить картину мира в моменте, когда все они собрались в одном месте. Прецедентное миромоделирование демонстрирует судьбу главного героя, перед нами явная деконструкция прежней культуры. Здесь читатель находится в позиции покоя, приобщающегося к сообщаемому знанию, проецирует себя не как частицу изображаемого мира, а как частичное прикосновение к нему.

Говоря о ментальном видении мира и художественном восприятии поэмы, необходимо обозначить точку «вхождения» в текст: вокзальный ресторан и конфликт. Ситуация, демонстрируемая изнутри, вызывает

негатив: героя с позором выгнали из питейного заведения. Следующий локус — это электричка. Читатель видит людей, мир для которых замыкается в алкоголе. Но эти персонажи активно говорят о литературе и любви, рассуждают о том, почему у писателей огромное количество героев, как они сами, а это наталкивает на мысль о способности героев к рефлексии. Игра с читательским сознанием очевидна: ирония, интертекстуальность, смешение жанров и стилей, в том числе и дискурсов.

Синтез различных медиа, таких как музыка, архитектура, кино позволяет раскрыть трагизм эпизодов, показать психологизм, что мы видим во время диалога с ангелами. Данный отрывок кодирует произведение, выстраивает аллюзорно-реминисцентную игру, дискурс которой может понять только опытный читатель.

Традиционная для постмодернистских произведений концепция Р. Барта «смерть автора» в этой поэме не отражается. Литературовед В. В. Агеносов [1] считает, что Вен. Ерофеев намеренно отвергает эту концепцию и излагает мысли таким образом, что именно автор-повествователь моделирует общую концепцию понимания окружающей действительности, создаёт понятную только ему одному понятную парадигму причинно-следственных связей.

Дискурсы реального и воображаемого размыты. В предисловии поэмы автор повествует о некоей главе, которую он позже исключил из текста. Но вопрос о том, существовала ли эта поэма на самом деле, остаётся в литературоведении риторическим, а знание о её возможном наличии говорит об уровне подготовленности читателя распознать и библейские мотивы. Герой выезжает в страстную пятницу. По канонам церкви считается, что в этот день Бог умер, и всё превратилось во мрак. Но религиозный дискурс в поэме выстроен так, что герой не обретает своего Бога, не чувствует единения с существующим рациональным объяснением его существования, но и не отказывается от Бога.

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что в поэме Вен. Ерофеева «Москва — Петушки» [4] наблюдается синтез дискурсов, в которых немаловажен интермедиаальный код, различные форматы которого выстраивают многоголосие, трагизм изображенного мира, показывают стилевые доминанты поэмы и проверяют читателя на прочность литературоведческих знаний и любовь к литературе.

Список литературы

1. Агеносов, В. В. История русской литературы XX века в 2 ч. Часть 2 : учебник для вузов / В. В. Агеносов; ответственный редактор В. В. Агеносов. — Москва : Изд-во Юрайт, 2024. — 687 с. — ISBN 978-5-9916-3490-8.
2. Бахтин, М. М. Проблема речевых жанров. Из архивных записей к работе «Проблема речевых жанров». Проблема текста / М. М. Бахтин // Собр. соч. в 5 т. — Москва: Языки русской культуры, 1996. — Т. 5 — С. 159–206.

3. Бахтин, М. М. Собрание сочинений в 7 т. / М. М. Бахтин. — Москва : Русское слово, 1996-2012. — Т. 1. — С. 72.
4. Ерофеев, В. Москва — Петушки. / В. Ерофеев. — Санкт-Петербург : Азбука-Аттикус, 2016. — 192 с.
5. Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий / под редакцией Н. Д. Тамарченко. — Москва: Изд-во Кулагиной, 2008. — 358 с. — ISBN 978-5-903955-01-5.
6. Тюпа, В. И. Дискурсные формации : очерки по компаративной риторике : монография / В. И. Тюпа. — Москва : Изд-во Юрайт, 2024. — 274 с. — ISBN 978-5-534-06240-3.

УДК 821.161.1

РАССКАЗ «БЕСЕДА С ГЕРПЕТОЛОГАМИ» Ю. ТРИФОНОВА: ОБРЕТЕНИЕ ТВОРЧЕСКОЙ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ

Шаравин А. В.¹, д-р филол. наук, проф., ORCID 0000-0003-1282-4229,

Старцева И. Л.¹, канд. пед. наук, доц., ORCID 0009-0002-7376-8769,

Резаков Я. О.², канд. филол. наук, ORCID 0000-0002-2001-3429

¹ФБГОУ ВПО «Брянский государственный университет
имени академика И. Г. Петровского», г. Брянск, РФ

²Независимый исследователь, г. Щелково, РФ
ekllier@mail.ru, kafedra338@mail.ru, ric.darko@mail.ru

Введение. В словарной статье «Эзопов язык» В. Григорьев отметил, что исторически словесная тайнопись вырабатывалась как «вид подцензурного иносказания», как «реакция на запрет касаться определенных идей, тем, событий, имен», «система «обманных средств», приемов шифровки (и дешифровки) свободной мысли» [1, с. 504]. Постепенно, считает исследователь, «взаимодействуя с другими способами эстетического словоупотребления они стали чертами конкретных индивидуальных стилей» [1, с. 504-505]. По Л. Лосеву, «литературная эзопова коммуникация» осуществляется «тремя акторами»: «автор, которому надо передать послание и не быть за это наказанным», «желанный читатель, который всегда ждет послания и готов его искать между строк» и «нежеланный читатель, могущественный цензор» [2, с. 80]. При взаимодействии этих трех коммуникантов и рождается тайнопись эзопова языка.

Основная часть. Т. Снигирева отмечает, что «эзопов язык становится сильным художественным приемом целого поколения», отмечая среди писателей, использовавших эзопов язык, Ю. Трифонова и Ф. Искандера [3, с. 16]. Исследователь начинает отсчет эзопова языка автора московских повестей с рассказа «Голубиная гибель» и повести «Обмен». Однако использование приема тайнописи следует отнести к творчеству

Ю. Трифонова конца 50-х годов XX века [4, с. 12]. Очевидно, именно в это время писатель начинает осознавать себя русским писателем советского периода. Рассказ «Беседа с герпетологами» (1959) стал классическим образцом применения эзопова языка Ю. Трифоновым. Главные герои нарратива — герпетологи, люди редкой профессии, ловцы ядовитых змей. В произведении рассказчик пытается отвлечь герпетологов от разговоров о работе, но его ухищрения бесполезны: «Мы продолжаем разговор о змеях. Я узнаю много интересного» [5, с. 467]. Название нарратива сразу задает несоответствие между означаемым и означающим: беседа не состоялась, биологи ведут непрекращающийся монолог о пресмыкающихся и земноводных. А когда стремление рассказчика перевести разговор в другое русло становится слишком назойливым, герпетологи делают все, чтобы вернуться к беседе о змеях. Подчеркивая эту односторонность героев, собеседник подводит итог: «Они славные ребята, но слегка однообразные... я пытался пробиться сквозь этот панцирь профессионализма» [5, с. 466]. В оценке, которую дает рассказчик, ключевым является выражение «панцирь профессионализма». Именно его соотнесение со стихами Халифа о панцире черепахи и создает тайнопись эзопова языка в нарративе («Из чего твой панцирь, черепаха? — / Я спросил и получил ответ: / Он из мной пережитого страха — / И брони надежней в мире нет!») [5, с. 467]. Видно, что рассказчик придает большое значение этим стихам, когда его перебивают, он декламирует их во второй раз. Аллюзии, возникающие при соположении слов о «панцире профессионализма» и строчки из четверостишия о панцире из «пережитого страха», указывают на авторский замысел рассказа. Рассказчик явно выражает свои мысли иносказательно. Это избегание им прямой формулировки, завуалированность мысли — первый «маркер», по Лосеву, «позволяющий переводить сказанное в эзопово наклонение» [2, с. 80]. Вторым маркером — указанное рассказчиком имя автора стихов: Халиф. Оно хорошо камуфлирует приметы современности восточным звучанием. Так оно вызывает ассоциации и с халифом/калифом, и персидским поэтом Хафизом. На самом деле это четверостишие, распространявшееся в самиздате, было написано Л. Халифом в 1953-1954. В своей книге воспоминаний «ЦДЛ» он рассказывает о судьбе стихотворения: стоило кому-нибудь авторизовать эти строки как их убирали. Ю. Домбровский хотел взять их в качестве эпиграфа к книгам «Хранитель древностей» и «Лавка древностей», однако цензура их сняла. Когда в «Литературной газете» был напечатан фельетон из молдавской прессы «Халиф на час», в статье была процитирована «Черепаха», за что редакция получила выговор по партийной линии. Опубликованы строчки Халифа, кроме Ю. Трифонова, были и в романе «Жизнь и судьба» В. Гроссмана, что объясняется самиздатской распечаткой произведения. В книге искусствовед Боголеев, арестованный то ли за попытку покушения на жизнь Сталина, то ли потому, что ему не нравятся произведения, написанные в духе соцреализма, читает

своему собеседнику-сокамернику стихи: «— Из чего твой панцирь, черепаха? — / Я спросил и получил ответ: / — Он из мной накопленного страха — / Ничего прочнее в мире нет». За строчками Халифа для искушенного читателя тянулся цензурный шлейф, подразумевающий какую-то тайнопись, скрытые коды. Ю. Трифонов умело использует «Черепаху», шифруя свое сообщение для второго актора. Критики не уловили тайнопись писателя. Они неоправданно смещали идейный акцент рассказа, полагая, что Ю. Трифонов изобразил самоотверженных людей труда. Критики даже упрекали писателя за изображение чудоковатости герпетологов, отмечая, что биологи — люди, бескорыстно влюбленные в свое нелегкое дело. Между тем Ю. Трифонов акцентировал совершенно другую проблему. Строки о панцире из пережитого страха в контексте только что завершившейся сталинской эпохи актуализировали аффекты уходящего времени. В повести «Дом на набережной» писатель еще раз на новом уровне моделирования материала воспроизведет высказывание о страхе как о «скелете поступков», запорошенных песком, подобно городам, засыпанных барханами. И еще один маркер, активирующий тайнопись эзопова языка. В рассказе «Беседа с герпетологами» упоминаются ядовитые змеи и ядовитый черный паучок каракурт как напоминание о сталинском яде эпохи, надолго отравившем советских людей. И опять возникают аналогии с текстом романа «Исчезновение». В произведении описывается портрет Сталина, прикрепленный к невидимому в темном небе аэростату, его визуально воспринимаемое стояние в воздухе, в авторском сравнении, напоминает парение маленького паучка, висящего на незримой нитке. Ю. Трифонов одним из любимых своих приемов называл пробел, который он «заполнял» в более поздних по написанию текстах. И соположение рассказа «Беседа с герпетологами» с текстами писателя 70-х годов XX века позволяет проявиться авторской тайнописи, подобно симпатическим чернилам. Ю. Трифонов убежден: ощущение из сталинского времени — страх — продолжает жить в людях, даже после смерти вождя народов. Обычная человеческая потребность в беседе, коммуникации искажена. Бытовой разговор несет знак опасности для людей: их слова могут быть истолкованы превратно и разрушить судьбу. Именно поэтому герои нарратива предпочитают «безопасный» разговор о работе. Рассказ «Беседа с герпетологами» — одна из первых попыток Ю. Трифонова ввести в свой идиостиль тайнопись эзопова языка, приема, который в дальнейшем станет отличительной чертой его индивидуального почерка [6, с. 75].

Список литературы

1. Литературный энциклопедический словарь. — Москва: Сов. энцикл., 1987. — 750 с.
2. Лосев, Л. Эзопов язык в русской литературе (современный период)» / Л. Лосев. — Москва: Новое литературное обозрение, 2024. — 256 с.

3. Снигирева, Т.А. А. Твардовский. Поэт и его эпоха / Т.А. Снигирева — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1997. — 384 с.
4. Шаравин, А.В. Становление творческой индивидуальности Ю. Трифонова / А.В. Шаравин. автореферат дис. ... канд. филол. наук. — Москва, 1990. — 20 с. — EDN: [ZLSDBV](#).
5. Трифонов Ю. Другая жизнь. Повести. Рассказы. / Ю.Трифонов — Москва : Известия. 1979. — 685 с.
6. Шаравин А. В. Городская проза 70-80-х годов XX века. Монография. Ч. 1 / А.В. Шаравин. — Брянск : БГУ, 2000. — 388 с. — EDN: [BNHJSS](#).

УДК 821.161.1:61(477.62)

ДОНЕЦКИЕ СТРАНИЦЫ МЕДИЦИНСКОГО ТРУЭНТИЗМА

Шутов М. М.¹, д-р экон. наук, проф.,

Штокалова С. В.²

¹ФГБОУ ВО «Донецкий национальный медицинский университет», г. Донецк, РФ,

²ФГБОУ ВО «Донбасский государственный университет юстиции», г. Донецк, РФ

shutoff.misha2016@ya.ru, ana.shtokalova75@mail.ru

Говорят, что талантливый человек — талантлив во всем. Если покопаться в биографиях знаменитых людей, гениев науки и искусства, то можно обнаружить, что многие из них, помимо основной деятельности, имеют отношение к медицине. Сотни и даже тысячи врачей прославились своей немедицинской деятельностью, причём многие из них никогда не прекращали врачебную практику.

Это очень разные люди, по своим человеческим качествам, но их объединяет одно — для самовыражения им недостаточно умений врачевания. Их буквально раздирает стремление сделать что-то ещё, причём сделать на высокопрофессиональном уровне, а не на уровне хобби. Так возник термин медицинский труэнтизм.

«Труэнт — это человек, занимающийся другим делом помимо профессии, для которой он был предназначен, и этим делом он занимается высококомпетентно, внося в него огромный вклад, благодаря своей заинтересованности, самообразованию или даже дополнительной фундаментальной подготовке». [1]

Ученые выделяют пять групп труэнтов. Самая распространенная группа стремится делать добро людям не только в рамках медицинской практики, но и другим путем, что собственно и характеризует медицинский труэнтизм как социальное явление. Другие стремятся сделать человека более разносторонним, здоровым не только телом, но и духом. Иначе говоря, они стремятся к тому, чем должен заниматься каждый врач. Третья

причина медицинского труэнтизма — особые черты характера врача. Иногда это честолюбие, иногда — авантюризм в самом лучшем смысле этого слова. Четвертая группа — это врачи, которые разочаровались в медицине, в которую они пошли по ошибке, сделав неправильный выбор. Большинство из них покинули медицину сразу после окончания медицинского факультета. Именно они точно соответствуют термину «truant» — тот, кто оставил занятие, для которого он был назначен. Последняя группа включает универсальных гениев, которые способны одинаково успешно справляться с любыми задачами.

История медицины знает множество выдающихся русских представителей двух гуманитарных профессий — врача и писателя — связанных с Донбассом: Владимир Иванович Даль (1801-1872), Антон Павлович Чехов (1860-1904), Викентий Викентьевич Вересаев (1867-1945) и другие.

Наблюдая каждый день за борьбой жизни и смерти, размышляя и испытывая сострадание у постели пациента, врач как человек, способный к эмпатии, испытывает потребность выразить свои мысли на бумаге — «ум просится к перу, перо к бумаге» (А. С. Пушкин).

В любой библиотеке можно найти четыре объемных тома с одинаковой надписью на корешке — «Даль». Это известный всему миру «Толковый словарь живого великого русского языка», созданный врачом из Луганска Владимиром Ивановичем Далем.

После службы в армии он поступил в Дерптский университет на медицинский факультет, где усердно учился, проводя много времени в библиотеке и клинике. Вскоре о В. Дале начали говорить профессора и студенты. Знаменитый хирург Николай Пирогов вспоминал позже: «Это был человек, который мог сделать всё. Всё, за что не брался Даль, ему удавалось освоить с лёгкостью».

В 1828 году началась русско-турецкая война, и ему пришлось прервать учёбу. В Задунайской губернии возникла эпидемия чумы, и студенты были направлены для её ликвидации. Студент Даль приобрёл такие обширные знания, что ему было позволено, не заканчивая университет, досрочно «с честью сдать экзамен на доктора как по медицине, так и по хирургии», а также защитить диссертацию на тему: «Об успешном методе трепанации черепа и скрытом изъязвлении почек».

В 1859 году Даль вышел в отставку и поселился с семьёй в Москве, finally получив время для работы над словарём.

С 1861 года «Толковый словарь живого великорусского языка» начал выходить частями. Этот труд известен каждому, кто интересуется русским языком.

На двери московского дома-музея А. П. Чехова прикреплена старая чугунная табличка «Доктор Чеховъ». Рядом с входом на этой же стене

находится мемориальная доска, сообщающая: «Здесь жил с 1886 по 1890 год великий русский писатель Антон Павлович Чехов».

Мраморная доска с золотыми буквами затмевает едва заметную табличку. Точно так же врачебная деятельность Чехова, по сравнению с его литературными трудами, имеет меньшее значение. Но нельзя забывать слова самого Антона Павловича: «Медицину я считаю своей женой, а литературу — любовницей». Это подтверждает визитная карточка писателя с печатью «А.П. Чехов — врач».

Антон Павлович родился 17 (29) января 1860 года в Таганроге на Полицейской улице (ныне называется улица Чехова). Его можно считать нашим земляком, т. к. Таганрог, окраина Екатеринославской губернии, входил в состав большого Донбасса. Окончив гимназию, Антон переехал в Москву и поступил на медицинский факультет Московского университета. 15 сентября 1884 года утверждён в звании уездного доктора. На дверях своей квартиры поместил табличку «Доктор А. П. Чехов».

В те годы, конца прошлого — начала нового столетия, было у Чеховых небольшое имение Мелихово, под Москвой, близ станции Лопасня в семидесяти верстах от Москвы. Именно в Мелихове Чехов стал жить полноценной жизнью участкового врача. Тогда в Мелиховском участке Серпуховского уезда насчитывалось 113 тысяч населения, проживающего в 377 населённых пунктах. Чрезмерные нагрузки подорвали здоровье Антона Павловича.

Он прекратил постоянную медицинскую практику в Мелихове. Невзирая на все это, он не переставал давать медицинские советы друзьям и родным, писать, шутить, заниматься общественными делами и просто жить. [3]

В начале XX века была популярна шутка, что в России больше всего писателей выпускают медицинские вузы. Викентий Вересаев (Смидович) — тому подтверждение.

Он вошёл в историю, прежде всего, как писатель, автор знаменитых «Записок врача», однако немаловажными являются и его заслуги в области медицины и общественной деятельности. В 1892 году он приехал на практику в Юзовку, в горнорудный Вознесенский поселок, ныне Донецк, Петровский район, где разразилась эпидемия холеры.

Всероссийская известность к Вересаеву пришла после издания «Записок врача» — автобиографической художественно-документальной повести, описывающей «изнутри» проблематику, философию и этику врачебной профессии, взаимоотношений врача и общества. В своих «Записках», он следовал примеру глубокоуважаемого им Н.И. Пирогова, основным правилом которого было ничего не скрывать от своих учеников, откровенно рассказывать обществу о своей врачебной деятельности и её результатах, а также о своих врачебных ошибках. [4]

Список литературы

1. Зильберт Анатолий Павлович. Врачи - труэнты: очерки о врачах прославившихся вне медицины [Текст] / А. П. Зильберт. — Санкт-Петербург: Арка, 2013. — 459 с.
2. Арапов М. В. Толковый словарь живого великорусского языка и его создатель / М. В. Арапов // Человек. — 2009. — №1. — С. 153-166; — №2. — С. 176-191
3. Сычёва Л. Наш современник доктор Чехов / Л. Сычева // Литературная Россия. — 2010. — 22 янв. (№ 2—3). — С. 23
4. Котелевская Г. Врач Смидович и писатель Вересаев / Г. Котелевская — Донецк: ДМУ, 2020. — С. 12-16.

УДК 7.03

«ЖИВОПОДОБИЕ» И ВЫСОКИЙ РЕАЛИЗМ: КАРТИНА А. И. ЛАКТИОНОВА «ВНОВЬ Я ПОСЕТИЛ...» В ЭКСПОЗИЦИИ ДОНЕЦКОГО РЕСПУБЛИКАНСКОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО МУЗЕЯ

Якушкина И. В., ORCID 0009-0003-0035-7237

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ

piaff@yandex.ru

Введение. К 150-летию со дня рождения А. С. Пушкина, семьдесят пять лет назад было создано фундаментальное живописное полотно «Вновь я посетил...», написанное известным советским живописцем Александром Ивановичем Лактионовым. В живописной пушкиниане оно считается одним из самых масштабных изображений поэта. С 1960 года картина находится в постоянной экспозиции Донецкого республиканского художественного музея. На холсте имеется автограф: «Тригорское. «Скамья Онегина». Писал в селе Михайловском А. Лактионов. «Вновь я посетил...» 1949 г.». Это живописное произведение часто называют «Пушкин в Михайловском». И это вполне соответствует реалиям.

Цель работы — раскрытие взаимосвязи между особенностями реалистической манеры художника А. Лактионова и поэтическим миром А. С. Пушкина.

Основная часть. Михайловское, родовое поместье Пушкиных, было назначено императором Александром I в качестве места ссылки поэта. Именно здесь начинается новый, очень важный период в жизни А. Пушкина, связанный с преодолением кризиса мировосприятия и рождением нового художественного видения. В Михайловском будет написана трагедия «Борис Годунов», главы романа «Евгений Онегин», «Граф Нулин» и другие произведения. Сюда поэт приедет еще раз в 1835 году.

Тригорское — это усадьба друзей Пушкина Осиповых-Вульф в пешеходной доступности от имения Михайловское. Название происходит от трех холмов, на одном из них на берегу реки Сороти и расположена сама усадьба. С августа 1824 года по сентябрь 1826 года А. Пушкин, по сути, был членом большой тригорской семьи. Усадьбе Тригорское и её обитателям посвящены такие шедевры поэта, как «Я помню чудное мгновенье...», «Подражание Корану», «Если жизнь тебя обманет...», «Признание». Современники же называли тригорский дом «домом Лариных».

А. Лактионов проводит в Михайловском зиму и весну 1949 года с целью создания картины к юбилею поэта. Художник работает в комнатах самого дома Пушкина, который в данный период времени только восстанавливался после войны. Мастер много времени посвящает изучению жизни и творчества поэта. По воспоминаниям легендарного директора музея Семёна Степановича Гейченко, А. Лактионов «кропотливо рылся в книгах пушкинской библиотеки, въедливо выпрашивал у научных работников-пушкинистов нужные ему сведения о жизни Пушкина в Михайловском. Для него яснее становился образ великого русского поэта, тесная связь его с Псковским краем, псковской деревней» [1, с. 36].

Часто художник выезжал в соседнее Тригорское и писал этюды с натуры. В итоге в основу композиции картины лег пейзаж, изображающий площадку на краю Тригорского холма, окруженную древними дубами и липами. Большая скамья под дубом уже при жизни Пушкина получила название «скамьи Онегина». По легенде, именно здесь произошло объяснение Онегина и Татьяны.

Стремясь решить сложную задачу композиционного построения своего монументального полотна, А. Лактионов написал несколько эскизов к картине, которые изображали как отдельные фрагменты пейзажа («Тригорское. Скамья Онегина» (1948), так и портретные наброски образа самого поэта («Пушкин на Скамье Онегина» (1948). В итоговом варианте полотна на первом плане изображен поэт, сидящий на «скамье Онегина» в Тригорском парке. Пушкин смотрит вдаль, он погружен в воспоминания, и зритель словно чувствует поэтический настрой его души.

Как нам видится, такое композиционное построение работы было выбрано художником не случайно и направлено на решение несколько задач.

Во-первых, Лактионов хотел изобразить А. Пушкина во время его предпоследнего посещения села Михайловское. Во-вторых, автор хотел воссоздать в своей работе красоту природы Псковского края, с которым связаны многие мотивы пушкинской лирики, её светлое, жизнеутверждающее начало, пронизанное великим оптимизмом. В-третьих, он стремился органически связать фигуру Пушкина с окружающим его пейзажем, который должен выполнять не сугубо декоративную, фоновую роль, а органично дополняет живописный образ поэта. В процессе работы

над холстом явно не хватало этюдов с натуры. К тому же их приходилось увеличивать, и было очень трудно справиться с несоответствием размеров этюда и формата огромного холста. Художника также не удовлетворял образ поэта. Мастер десятки раз счищал и переделывал лицо и фигуру Пушкина.

Еще не вполне оконченная картина «Вновь я посетил...» экспонировалась в Михайловском, Пскове. У зрителей и критиков картина сразу вызвала противоречивые отклики: одни восхищались точностью реалистической трактовки образа Пушкина и окружающего его пейзажа, другие, напротив, критиковали за натурализм и чрезмерную увлеченность деталями — «живоподобием» мха, покрывающего деревья, осенних листьев и сучков на песчаной тропинке... Однако «живоподобие», если оно становится самоцелью, не имеет ничего общего с истинным реализмом. Задача же Лактионова — создание образа природы Псковского края в его нераздельности с образом поэта. С этим краем поэт чувствовал глубокое, кровное, духовное родство, это источник его вдохновения. На картине А. Лактионова Пушкин изображен во время его приезда в Михайловское в сентябре 1835 года, когда поэт, переживая преследования и нападки цензуры, стремился вернуться в край своего поэтического вдохновения, в тот уголок земли, где он провел «два года незаметных».

На переднем плане «тихая голубая Сороть», омывающая пожелтевшие, съеденные солнцем берега тригорского луга, далее простираются луга со стогами свежескошенного сена, «холмы и нивы полосаты», «вдали рассыпанные хаты» и голубая дымка на горизонте. Опавшие листья, как ковер, покрывают влажный песок площадки в тригорском парке. На скамье, под сенью дуба, сидит поэт в спокойной, сосредоточенной позе. Его взгляд устремлен вдаль. Художник запечатлел Пушкина в тот миг, когда он, вдохновленный красотой родных мест, облекает свои мысли и переживания в поэтические строки. Так рождаются великие стихи: «Вновь я посетил / Тот уголок земли, где я провел / Изгнанником два года незаметных. / Уж десять лет ушло с тех пор — и много / Переменилось в жизни для меня, / И сам, покорный общему закону, / Переменился я — но здесь опять / Минувшее меня объемлет живо...». В стихотворении удивительным образом сочетаются простота и безыскусственность выражения и высокие, торжественные в своем звучании размышления о жизни и смерти, о вечном. Это возвышенно-ясная в своей мудрости поэзия, и художнику Лактионову удаётся органично передать этот лирический вдохновенно-поэтический настрой. Его любование деталями — опавшим листом, корой дерева — логично вытекает именно из этой задачи. Кажется, это острый глаз поэта всматривается в природу, как бы открывая ее заново. И одновременно перед зрителем — величественные, наполненные воздухом дали. Прошло десять лет с последнего приезда А. С. Пушкина в Михайловское, в жизни поэта многое переменялось,

переменился и он сам. Знакомые места воскрешают в памяти былое и рождают размышления о будущем.

Заключение. В картине Лактионова, как и в стихах Пушкина, воплощается мысль о неотвратимости хода времени и в то же время преемственной связи поколений. «Здравствуй, племя, / Младое, незнакомое!» — оптимистично звучит обращение поэта в стихотворении. Картина обращена к нам, современным зрителям, далеким потомкам великого поэта. В этом смысле картина Лактионова выступает зримым воплощением высокой поэзии, дает возможность зрителю вместе с поэтом пережить чувство нового рождения. Реализм Пушкина сочетает в себе верность и точность в изображении деталей и метафизический масштаб. На наш взгляд, именно это стремился передать художник, в этом заключается его высокий «живоподобный» реализм.

Список литературы

1. Гейченко С.С. Завет внуку / С.С. Гейченко. — М.: Детская литература. 1986. 287 с. — URL: <https://litmir.club/br/?b=825370&p=36> (дата обращения: 30.05.2024).
2. Иванов С. В. Неизвестный соцреализм. Ленинградская школа. — СПб.: НП-Принт, 2007. — 450 с.
3. Михеев Ю.Э. Сюжетное движение в стихотворении А.С.Пушкина «...Вновь я посетил» / Ю.Э.Михеев // Вестник ТГУ. — Выпуск 3

УДК 821.161.

ШАХТЁРСКИЙ ТРУД И БЫТ В ДРАМЕ «ХУРТОВИНА» С. ЧЕРКАСЕНКО

Ярошевич И. А., канд. филол. наук, доц.
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
irinayaroshevich5@mail.ru

Введение. С. Черкасенко был творчески одарённой личностью не только в сфере художественной литературы, его наследие составляют так же многогранные публицистические и литературно-критические работы. Он автор более тридцати поэтических сборников, в которых зарекомендовал себя пронизательным лириком, создателем не только социально-бытовой, но и пейзажной, интимной поэзии («В царстві праці», «Діти міста», «Падучі зорі», «Моїй коханій Жені» и др.).

Малая проза писателя свидетельствует об умении художественно непринуждённо раскрыть внутренний мир героя, особенно, когда это касается детей, подростков («Маленький горбань», «Чорний блиск», «Безпритульні», «Яма»). С. Черкасенко специально приглашали в местные

школы, учебные заведения Донбасса для чтения своих произведений. Особенно плодотворным оказался в жизни и творчестве писателя «лидиевский» или «юзовский» период с 1901 г. по 1910 г., когда он работал учителем на Лидиевских рудниках (в то время это город Юзовка). Шахта была названа именем дочери ее основателя бельгийца О. Шена — «Лидия». В этот период на Лидиевском руднике был создан революционный кружок. В музее шахты хранится копия документа начала XX в., в котором содержится пояснение политического состояния в этом районе Юзовки. С. Черкасенко общался с рабочими, размышлял об их тяжёлой судьбе, стал свидетелем рабоче-шахтёрских противоречий, которые охватили Донбасс.

Цель исследования — выяснить специфику художественной интерпретации шахтёрского труда и быта в драме «Хуртовина».

Основная часть. Бурная жизнь в шахтёрском крае требовала от писателя произведений с активным действием и позицией героев. Поэтому он создаёт свой «поэтический театр», которым пытался утвердить новое направление в драматическом искусстве. Это была попытка совместить достижения традиционного бытового театра XIX в. с театром новым — неоромантическим или символистским. В первую очередь, это касается ранней драмы на 5 действий «Хуртовина», написанная в 1907 г. (издана — 1908 г.). Сразу же после выхода в свет драма не имела сценической истории [2, с. 74], однако была показательной её литературная судьба: конфискована полицией, сам автор был арестован на один месяц за протест. Безусловно, актуальность художественного произведения связана с отражением революционных событий 1905-1907 гг. в донецком крае, если не участником, то очевидцем которых был сам писатель. В драме воссоздана картина жизни владельца шахты, врача, штейгера, офицера, других лиц, которые поглощены мелкими личными и бытовыми интересами, унижительное существование простых рабочих шахт, олицетворено в семье сторожа Карпа. Вот так автор описывает его жилище: *«Убога халуна... стіни закурені. Просто, через усю кімнатку, перкалева занавіска; за нею ночують Подорожній і Матюхин (шахтарі)... На столі хліб; далі — жерстяна, закурена лампа; за ліжком невеличка скринька; в стіну вмазано дзеркало...»* [1, с. 413].

Писатель указывает на нищую и ничтожную жизнь шахтёрских семей, живших очень бедно, денег, плативших на шахте, им едва хватало чтобы прокормить себя и детей. Хозяина шахты совсем не интересовали условия их проживания, поэтому вымученные такой беспросветной жизнью, шахтёры решаются на решительный шаг — забастовку.

Действие в драме происходит в доме владельца шахты Тарана, на квартире управляющего Гульбицкого, в лачуге шахтёра Карпа, в шахте, тем самым достигается драматизм ситуаций, дающий возможность проследить характер двух сюжетных линий: социально-экономической и психологической. С. Черкасенко правдоподобно передаёт картины

повседневной жизни шахтёров, предстающих перед читателем достаточно натурально. Мария, дочь хозяина шахты Тарана, была глумливо высмеяна рабочими, оскорблена таким отношением к себе, рассказывает Гульбицкому: *«проїжджали повз шахтарську колонію..., я побачила купку робітників і дівчат. Вони стояли і співали... побачили нас, то раптом увірвали пісню, а потім хтось з них почав виспівувати... щось дике, погане, сороміцьке»* [1, с. 378]. Конечно, такое пренебрежение вызвано тем, что сам владелец шахты апатичен, бездействует, озабочен только собственными интересами: *«аби було за що купити, коли трапиться, цікаву картину»* [1, с. 375], отказывается от встречи с шахтёрами, перекладывает ответственность на жестокого и циничного, по отношению к рабочим, управителя Гульбицкого. Созданные им неблагоприятные условия жизни и труда, повлекли распространение тифа среди рабочих. Вынужденная ситуация озлобляет их, пробуждает низкие проявления человеческой природы: пьянство, грубость, жестокость, разврат. В ужасных условиях находятся и дети работников шахты, ещё совсем маленькие Одарка и Петрусь вынуждены зарабатывать себе на кусок хлеба, их мать пренебрегает семьёй, — озлобленная, грубая, сварливая — не находит возможности даже словом приласкать дочь и сына: *«...яка мати посилалими маленьких діток вибирати шматки глею під естокаду в такий пекельний холод. Мороз, пронизливий вітер, пекучий вітер... пальці одубіли, сльози на очах позамерзали...»* [1, с. 422].

Повседневность шахтёров контрастирует с жизнью управляющих шахтой. Действия, поступки главных героев драмы приобретают динамичное развитие от первых реплик и на протяжении всего произведения эмоциональное напряжение только увеличивается. В ремарках, а кое-где и в репликах самих шахтёров С. Черкасенко формирует определённое представление о деталях быта и интерьера их жилья.

Для психологического мотивирования драматического действия писатель вводит в канву произведения описание шахты, важные детали её конструкции, использует при этом максимальное количество шахтёрской лексики: *«стойок», «кін», «штрек», «саношник», «тринджоли», «вагончик», «кайло», «каганець», «на-гора'»*. Несмотря на сложность процесса добычи угля, шахтёры находят минуты для душевного утешения, напевая народные песни *«Ой горе тій чайці, // часці небозі, // що вивела часняток // при битій дорозі...»*, или же шахтёрских (пролетарских): *«Шахтьор пашенькі не пашет, // коси в ручкі не берють»* [1, с. 430], подтверждая свой сильный характер и несокрушимость духа.

Кульминационное напряжение достигается передачей трагического случая — обвал потолка в шахте, ранения шахтёра, которого придавило дубовыми поперечинами. Старые работники шахты находят оправдание такому досадному происшествию в несоблюдении шахтёрских верований и предрассудков: *«завсігди перед якою-небудь пригодою в шахті багацько*

шахтарів бачили по темних закутках білу жінку... а після того, хоч і не зараз, небезпримінно станеться нещастя» [1, с. 437].

Позитивное будущее героев автор пытается удержать в последнем аккорде произведения, об этом свидетельствует трепетный монолог-обращение Марии к отцу, в котором раскрыто символичность самого понятия «хуртовина».

Заключение. С. Черкасенко подходит к изображению социальных проблем шахтёрского общества с разных сторон, стремится к объективности в оценках явлений, непредвзятости в выводах. Драматург один из первых в литературе предоставил художественную интерпретацию жизни и быта донецких шахтёров, стал на защиту угнетённых, показал не только тяжёлый шахтёрский труд, а и их борьбу, которая от начальных стихийных форм приобретала все большую организованность. Как очевидец мощных шахтёрских движений, понимал и поддерживал стремление рабочих к лучшей жизни, к свободе.

Список литературы

1. Черкасенко, С. Ф. Хуртовина / С. Ф. Черкасенко. — Твори : У 2 т. / Упоряд., авт. передм. та приміт. О. В. Мишанич. — К. : Дніпро, 1991. — Т. 1. (Поезія. Драматичні твори). — 891 с. — ISBN 5-308-01048-X
2. Школа, В. М. Драматургія Спиридона Черкасенка (еволюція індивідуального стилю) / В. М. Школа. — К. : Знання України, 2001. — 132 с.

УДК 821.161.1 — 292 «18»

СИМВОЛИКА САКРАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА ВЕРТЕПНОЙ ДРАМЫ

Ярошевич И. А., канд. филол. наук, доц.,
Семенова И. Г.,

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
irinayaroshevich5@mail.ru

Введение. Развитие литературы и культуры в XVII – XVIII вв., способствовало становлению театрального искусства. Народный театр во все времена считался для многих народов большой культурной ценностью, которая имела духовное, материальное и общественное значение.

Драматургия постоянно находится в непосредственном взаимодействии с театром, «испытывает его «притяжение» и «отталкивается» от современных форм, предлагая зачастую трудно исполнимые на данном уровне развития задачи» [2, с. 3].

Фольклорное происхождение драмы — коллективная игра, которая сопровождалась песнями, плясками, состояла из партий запевалы и хора и имела магическое значение, так как подразумевала воздействие на природу.

Цель нашей работы — исследовать взаимодействие разнообразных символов в вертепном действии.

Основная часть. В русском народном поэтическом творчестве зарождение драмы в своих обрядах и обычаях упоминается еще в древних летописях. Наиболее обширный материал для суждений о развитии драмы в русском фольклоре представляет собой разнообразный цикл святочных развлечений, очень популярных в те времена. Во время святок исполнялись игры, игрища и сценки разного содержания, в это же время давались спектакли и народные драмы. Драмы чаще всего являлись «инсценировками библейских и светских повествовательных текстов» [2, с. 29].

Святочные игрища и игры генетически связаны с древнеславянскими аграрными праздниками или с культом предков, составляют общее наследие праславян. Игры стали постепенно отделяться от обряда и превращаться в сценическое действие, они приобретали самостоятельный характер и постепенно становились демонстрацией своеобразного театра.

В русском фольклоре народный театр и драма имели такие формы, как кукольный театр, балаган, раек, батлейка, вертеп [4, с. 244], которые представляют собой ящики, где показывались сцены религиозного и светского характера. Основной религиозной пьесой была инсценировка библейской легенды о рождении Христа.

Вертепные (кукольные) представления устраивались на торговых площадях, в домах старшин, зажиточных казаков и мещан, обычно на рождественские праздники. Восточнославянский вертеп зачастую состоял из двух этажей. На верхнем разыгрывались сцены Рождества Христова и истории волхвов и пастухов, т. е. религиозные сцены; а на нижнем — светские сцены (находился трон царя Ирода, там же проходила казнь младенца Рахили и смерть Ирода).

Одним из важнейших аспектов вертепной драмы является проблема взаимодействия разнообразных символов в вертепном действе. Значимое место занимает символика в сакральном пространстве вертепного ящика.

Символика цвета в пространстве имеет древнее происхождение и тесно связана с магией и религией. Цвет воспринимался как особенность магических, сакральных, божественных сил, а в определенных случаях и как само божество.

Верхний ярус изображал пещеру, где родился младенец Христос. Верхняя сцена часто именовалась «небом», так как Христос был сыном Бога. Стенка позади верхнего яруса была оклеена позолоченной бумагой, в ней была построена арка. Внутри арки на возвышенности лежал Младенец Иисус на белых простынях в яслях. Ясли — это символ спасения, символ связи Христа с природой. По мнению И. П. Уваровой, возвышенность

говорит нам о том, что «порядок во всем мире зависит от Новорожденного» [5, с. 71].

В русском фольклоре — белый цвет символизирует чистоту, невинность, молодость, рождение, ясность, божественный свет, истину. Белый цвет — амбивалентен. По своей природе он как бы поглощает, нейтрализует все остальные цвета и соотносится с пустотой, бестелесностью, ледяным молчанием и в конечном итоге — со смертью. Славяне одевали умерших людей в белую одежду и покрывали белым саваном. Еще с античности белый цвет имел значение отрешенности от мирского, устремления к духовной простоте.

С обеих сторон от Младенца было размещено по звезде с двенадцатью лучами — это было знаком того, что у Христа было двенадцать учеников-апостолов. Звезда — это знак нового начала для мира. Над главной аркой, где лежал Младенец, изображался Святой Дух в образе голубя. Голубь символизирует чистоту, мир и вечность. Ассоциация голубя с миром происходит из Ветхого Завета (вестник надежды и обновления).

Под самым потолком были тучки, на которых находились двенадцать херувимов. В простенках между арками и окошками были нарисованы пять ангелов в длинных платьях. Б. А. Базыма считает, что число пять представляет Благость Бога [1]. Потолок поддерживали тонкие колонны, которые были оклеены золотой бумагой.

Верхний этаж отделялся от нижнего промежутком. Это место было ярко разрисовано белой краской с нанесением гирлянд с цветами и листьями, от чего вертеп приобретал нарядность и изысканность. В христианской традиции белое связывают с божественным светом.

Нижний ярус изображал дворец царя Ирода. Его также называли — «Земля». Именно здесь разыгрывалась земная, человеческая история. Декорации дворца царя Ирода повторяли декорации верхнего этажа, однако были намного проще и беднее. В глубине центральной арки стоял трон царя, являвшийся обычным небольшим креслом из золотистой бумаги. Золотой цвет, присутствующий в вертепе, говорит нам о наличии царей.

Золотистый цвет встречается в пространстве двух этажей, он свидетельствует о божественности, так же, как и белый. В раннем христианстве его символическим значением было «цвет Святого духа, божественного откровения, просветления» [1, с. 11].

Согласно М. Г. Давидовой, «в вертепном театре верхний ярус соответствует востоку — раю, нижний — западу, левая сторона — это ад, правая — место пребывания праведников» [3, с. 26].

В христианской традиции попытка сопоставить двучастное сценическое пространство (зрителей и сцены) с литургическим пространством православного храма, привели к выводу, что в храмовом действе многое доступно даже восприятию слепого (звуки, запахи, ритуальное перемещение людей в пространстве).

В заключении, стоит отметить, что особенность символики сакрального пространства вертепа заключалась в том, что куклам нельзя было переходить с одного этажа на другой, потому, как божественные сцены не могли смешиваться с бытовыми (светскими) сценами.

Вертеп связан с древними культами и мистерией. Он является не только красивым украшением, но и значимым символом с глубоким религиозным и культурным значением, что позволяет проникнуть в глубины художественного творчества и изучить его историю.

Список литературы

1. Базыма, Б. А. Цвет и психика. — URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/187223082.pdf> (дата обращения: 10.09.24).
2. Герасимов, Ю. К., Лотман, Л. М., Прийма, Ф. Я. История русской драматургии: XVIII-первая половина XIX века. — Ленинград: Издательство «Наука», Ленинградское отделение, 1982. — 531 с. — ISBN отсутствует
3. Давидова, М. Г. Вертепный театр в русской традиционной культуре / М. Г. Давидова // Традиционная культура. — 2002. — № 1. — С. 20–37. — ISBN отсутствует
4. Кравцов, Н. И. Славянский фольклор: уч. пособие / Н. И. Кравцов. — Москва: Издательство Московского университета, 1976. — 264 с. — ISBN 978-5-211-05591-9
5. Уварова, И. П. Вертеп: мистерия рождества. — Москва: Прогресс-Традиция, 2012. — 392 с. — ISBN 978-5-89826-394-2

Журналистика и медиакommunikации: вызовы и тренды

УДК 316.77; 070

МЕСТО ВОЕННОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ В СОВРЕМЕННОМ ИНФОРМАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ НОВЫХ МЕДИА ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

Антоненко Ц. А., ORCID 0000-0001-6316-8634

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ

c.antonenkodonnu@mail.ru

Введение. В информационном обществе последних трёх лет резко вырос интерес к военному контенту и военной журналистике. Это связано, в первую очередь, с интенсификацией военных действий в разных уголках мира и, в частности, на территории Донбасса. Этот интерес приводит к ряду изменений в международном информационном пространстве, которое становится более военизированным. В телевизионных эфирах появляется всё больше военных экспертов, на радио в обязательном порядке сообщаются военные сводки, на страницах газет можно увидеть прогнозы и военную аналитику. Пространство новых медиа заполнено сводками, обзорами, комментариями экспертов и другим околовоенным контентом.

Цель этого научного исследования — определить место военной журналистики и военного контента в современном информационном пространстве, формируемом новыми медиа ДНР.

Основная часть. На территории современного Донбасса военные действия идут уже десять лет, в связи с чем в информационном пространстве региона военный контент превалирует над гражданским. В масс-медиа ДНР гораздо чаще можно встретить сообщения о военных действиях, чем о новой премьере в театре, работе кинотеатров, фестивалях и т. д. Несмотря на это, изучением военной журналистики занимается не так много исследователей науки журналистики, не только в Донбассе, но и на территории всей Российской Федерации. В современной российской научной школе нет однозначного определения терминов «военная журналистика» и «военный корреспондент», что, на наш взгляд, является основополагающим этапом изучения военного контента, процессов его формирования и распространения, а также специфики работы военных корреспондентов в условиях современной войны.

Во многом понимание военной журналистики и военного корреспондента всё ещё базируется на тех правилах и основах, которые заложила Великая Отечественная война, когда журналисты, помимо своего профессионального долга, выполняли также и долг гражданский, т. е. были

военными в полном смысле этого слова. Сегодняшние военные журналисты редко имеют воинское звание, чаще всего — это профессиональные журналисты, которые посвятили свою профессиональную деятельность описанию военных действий и военных конфликтов в разных уголках мира.

Исследователи определяют военную журналистику как одно из журналистских направлений, подразумевающее освещение военных конфликтов, террористических актов, контртеррористических операций, а также этнических и религиозных конфликтов [2].

Распространение новых медиа, интернет-медиа стало ключом к развитию нового вида журналистики — гражданской журналистики или очевидческой журналистики. Она базируется на формировании контента из сообщений гражданских лиц о тех или иных событиях. Тут важно отметить, что гражданская журналистика, по сути своей, — явление в медиакommunikационном пространстве не новое. Она берёт своё историческое начало из 60-х годов прошлого века. С появлением и развитием интернета этот вид журналистики заметно преобразился, перейдя из разряда журналистики «о людях» в разряд журналистики «от людей», и люди эти, в 99% случаев, не имеют никакого отношения к профессиональной журналистике. Они являются очевидцами тех или иных знаковых событий, о чём и сообщают в интернете-пространстве.

В информационном поле ДНР это привело к появлению большого количества так называемых «перекличек», где люди сообщают о преступных обстрелах своих городов со стороны ВФУ, о пострадавших людях, разрушениях и т. п. Назвать подобные сообщения журналистикой нельзя ввиду отсутствия у них ряда атрибутивных черт, присущих журналистике, тем не менее они часто становятся источником информации для профессиональных журналистов, которые создают контент военной направленности. Кроме того, такие переклички, с одной стороны, помогают из первых рук понять, что происходит, какие районы города сейчас опасны, где возможны повторные обстрелы, всё ли хорошо с родными и близкими. С другой стороны, они нередко приводят к прямо противоположному эффекту, нагнетая панику и страх, накаляя обстановку, а иногда и выдавая позиции или работу российских военных, когда далёкие от правил военной журналистики гражданские начинают рассказывать что, где и сколько они видели.

Ещё одним важным элементом информационного пространства современного Донбасса в новых медиа ДНР стало распространение личных блогов военных журналистов. Это страницы, где профессиональные военкоры рассказывают о военных событиях простым языком, часто отлично от того, как они подают эту информацию в телеэфирах или на страницах газет своих изданий. Такими примерами могут служить и личные ТГ-каналы Владимира Соловьёва, Александра Коца, Юрия Котенка и

многих других. Кроме того, в новые медиа перебираются и большие военные журналистские проекты, такие как WarGonzo.

На своих личных страницах, которые тем не менее становятся источником военизированного контента, профессиональные журналисты часто используют специфические формы подачи информации, свойственные новым медиа. Например, новости с молнией — срочная информация, важная информация, эксклюзивная информация; записывают кружочки — короткое видеосообщение, в котором акцент делается на самого журналиста; пишут мнения — личная позиция журналиста, которая может быть высказана в жёсткой форме иногда с использованием ненормативной лексики.

Всё это делает военный контент более понятным и простым, чем подают его официальные сводки Министерства обороны, которые также на регулярной основе появляются в информационном пространстве Донбасса и всей Российской Федерации, но, что немаловажно, это позволяет простым гражданам понять сложность работы военкора и ту ответственность, которая на нём лежит при освещении военных конфликтов. Особенно, если в них участвует армия РФ.

Заключение. В информационном пространстве современного Донбасса, которое формируется новыми медиа, военная журналистика, в том или ином виде, занимает превалирующие позиции. Как было отмечено, это связано с тем, что регион уже десять лет является территорией ведения боевых действий. Как бы эти действия не назывались, АТО, гражданская война, вооружённый конфликт или СВО, для гражданского населения — это война, а для военного корреспондента — работа. При этом, на наш взгляд, военная журналистика как направление медиакоммуникационной деятельности нуждается в более детальном изучении, выявлении точного понимания таких дефиниций, как «военкор», «военная журналистика» и «военный конфликт», а также уточнение правил, как этических, так и профессиональных, работы современного военного журналиста, поскольку современная война диктует свои правила и свои нормы. Всё это в перспективе станет предметом нашего научного изучения.

Список литературы

1. Герасимович, О.П. Конфликтология журналистики: учеб-метод. комплекс / О.П. Герасимович. — Минск: БГУ, 2014. — 116 с.
2. Новиков, С.Д. Военная журналистика: история, специфика и этика. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/voennaya-zhurnalistika-istoriya-spetsifika-i-etika/viewer> (дата обращения: 10.09.2024).

ТРАНСФОРМАЦИЯ ИНТЕРНЕТ-ТЕКСТА В АСПЕКТЕ ПРАГМАТИЧЕСКОЙ АДЕКВАТНОСТИ

Артамонова И. М., д-р наук соц. комм., доц., ORCID 0000-0002-6936-0974,
Букреева А. С.

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
inesa-artamonova@mail.ru, bukreeva.angelinka@mail.ru

Введение. Сегодня наблюдается диверсификация информационного пространства, растет объем информации, что увеличивает конкуренцию между разнообразными медиаканалами за аудиторию. Медиатизация общественной жизни, формируемая постоянной трансформацией современного медиаландшафта, изменила базовую информационную форму — текст. Информационные технологии активно влияют на структуру, содержание и форму современного интернет-текста, интенсивно стираются границы между старыми и новыми медиа, что в свою очередь лишает преимуществ профессиональные медиамонополии на распространение информации. На информационных ресурсах в рамках конкуренции возникают новые медийные форматы, что обеспечивает постоянное их обновление. При этом причинами таких изменений являются не только технологические, но и социально-экономические причины.

Актуальность работы заключается в том, что в эпоху цифровых технологий изменились традиции распространения, производства и потребления цифрового актуального контента, требующего анализа и осмысления.

Новизна исследования обусловлена трансформациями и интерпретациями современного цифрового текста и основывается при этом на структурно-функциональной традиции анализа текстов.

В то же время сетевая структура современных коммуникаций, связанная с укреплением традиций онлайн-коммуникаций, позволяет говорить нам о гетерогенности связей внутри текста.

Практическая значимость работы состоит в том, что в ней четко определяется роль и значимость технологий, которые меняют не только журналистскую профессию, но и жизнь общества. Меняется форма и ее наполнение, механизмы и способы, при помощи которых журналист «погружается в жизнь».

Объект исследования — эволюция «традиционной» журналистики и «классического» журналистского мастерства в новых медиа. Предмет исследования — трансформация журналистского текста и технологий его создания для публикации в новых медиа.

Цель данной работы состоит в том, чтобы выявить особенности и возможности журналистского цифрового текста. Для реализации поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

- исследовать процесс «погружения» традиционных СМИ в интернет-среду;
- исследовать, что может противопоставить интерактивная журналистика традиционной;
- определить особенности прагматической адекватности современного журналистского текста;
- выяснить, в чем состоит различие между журналистским текстом «старых» СМИ и журналистским текстом цифровых СМИ;
- изучить информацию, изложенную в ряде печатных и интернет источников, о приспособлении материалов классической журналистики к новым медиа;
- проанализировать продукты современной журналистики, публикуемые в интернет-СМИ.

Основная часть. Цифровизация и распространение электронных массмедиа стали основным пусковым механизмом в запуске очередной коммуникационной революции, которая коснулась как взаимоотношений индивидов внутри социума, так и их повседневной жизни.

Сегодня все участники информационного процесса живут в постоянной гонке: аудитория — за контентом, создатели контента — за источниками информации и своим читателем/зрителем/слушателем. В связи с этим журналисту приходится публиковать свой материал сразу во всех каналах, доступных потребителю информации.

Современный человек потребляет информацию с мобильного устройства, реагирует на PUSH-уведомления, живет в социальных сетях и мессенджерах, поэтому читает тексты и пишет их иначе, чем в прежние десятилетия. Мобильное потребление сформировало новые требования к тексту, которые следует учитывать современному журналисту, когда он создает свой материал.

Во-первых, меняются форматы журналистских материалов. Цифровая журналистика впитала в себя новостные, мультимедийные, журнальные и интерактивные форматы.

Во-вторых, меняется структура журналистских текстов. Зачастую она определяется удобством для читателя. Например, требование писать заголовки и подзаголовки может выглядеть архаичным в Телеграм или в другом мессенджере, где распространяется интернет-журналистика.

Мощный поток информации в интернет-пространстве убрал из цифровых текстов многословие, описание деталей, сохраняя его суть.

Трансформация и преобразование журналистского текста к условиям интернет-СМИ оказали значительное влияние на номенклатуру

разнообразной тематики, освещаемой с разной периодичностью в онлайн-СМИ.

Более того, новый информационно-коммуникационный канал внес изменения в жанровую палитру, расширив ее границы и предложив новые форматы. Кроме того, наблюдается изменение в структурных решениях журналистских материалов в связи с использованием интернета.

Отдельно нужно отметить, что в журналистских текстах интернет-СМИ сохраняется прагматическая адекватность. Она проявляется в соблюдении следующих условий информированности: небанальности, декодируемости и релевантности.

В целом, модификации, связанные с новым информационно-коммуникационным каналом в виде интернета, придают журналистскому тексту особый характер и открывают новые количественные и качественные возможности для передачи информации.

Заключение. В ходе работы над данной темой было выяснено, что изменения журналистского текста в интернет-среде обладают некоторыми отличительными характерными чертами по сравнению с «классическим» журналистским текстом.

Прежде всего, он является онлайн-овым и гипертекстовым, что предлагает журналисту из интернет-СМИ уникальные возможности в передаче информации, а интернет-пользователю — в ее потреблении. Кроме того, тексты онлайн-СМИ обладают мультимедийными, конвергентными и интерактивными возможностями, давая пользователям возможность взаимодействия: с другими видами СМИ в интернете, другими пользователями, медийными личностями и т. д. При этом современный журналист должен профессионально разбираться с интернет-текстом и с соцсетями.

Список литературы

1. Амзин, А.А. Интернет-журналистика. Как писать хорошие тексты, привлекать аудиторию и зарабатывать на этом / А. А. Амзин. — Москва: АСТ, 2020. — 400 с. — ISBN 9785171055400. — Текст : непосредственный.
2. Артамонова, И.М. Интернет-СМИ и социальные сети: стратегии коммуникационных практик /И.М. Артамонова // Донецкие чтения 2016. Образование, наука и вызовы современности: Материалы I Международной научной конференции (Донецк, 16-18 мая 2016 г.). — Том 4. Филологические науки. Культура и искусство / под общей редакцией проф. С.В. Беспаловой. — Ростов-на-Дону: Издательство Южного федерального университета, 2016. — 218 с. — С.72-75.

ОСОБЕННОСТИ КРОСС-МЕДИЙНОСТИ СОВРЕМЕННЫХ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

Артамонова И. М., д-р наук соц. комм., доц., ORCID 0000-0002-6936-0974,
Павленко Э. Н.

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
inesa-artamonova@mail.ru, eldar1pavlenko@mail.com

Введение. Постоянно развивающиеся информационно-коммуникационные технологии принципиально меняют общество. Технологические процессы приближают нас к новому уровню развития журналистики [1]. Именно поэтому на совершенствующемся медиарынке преимущество имеют редакции, которые функционируют на интернет-платформах. Со временем появилась такая модель распространения информации как кросс-медиа, которой пользуются в работе современные средства массовой информации (далее — СМИ). Кросс-медийность обладает рядом специфических характеристик, которые требуют дополнительного исследования в современной научной литературе.

Цель — изучение особенностей кросс-медийности современных средств массовой информации.

Основная часть. В конце XX — начале XXI вв. медийный сегмент информационного поля претерпел количественно-качественные трансформации, сопоставимые с тремя прошедшими столетиями существования российской и мировой журналистики. После вхождения СМИ в пространство интернет-коммуникаций изменилось понимание самого термина медиа. Известно, что ранее он соотносился с «масс медиа» (от англ. *mass media*) и служил признанным эквивалентом словосочетания «средства массовой информации», под которыми, в свою очередь, понимались традиционные СМИ: информационные агентства (далее — ИА), газеты, журналы, радио и телевидение (далее — ТВ).

Однако, как отмечает исследователь А. Н. Чумиков, возникшее в XXI веке понятие новых медиа трактовалось значительно шире и представляло собой: а) традиционные СМИ, интегрированные в пространство интернет-коммуникаций; б) СМИ, изначально созданные как интернет-медиа, а также в) всю систему сетевых ресурсов, в том числе социальных сетей, не обязательно классифицируемую (и регистрируемую) как средство массовой информации. В каждом из этих секторов появились формы, обобщенно называемые медийными ресурсами и в разной степени отличные от предыдущих типов СМИ — ИА, газеты, журналы, радио- и ТВ-каналы или программы. С одной стороны, сами названные категории СМИ с их характерными признаками сохраняются; но, с другой — они постепенно

исчезают «в чистом виде», преобразовываясь в конвергентные, то есть интегрированные в систему интернет-коммуникаций информационные ресурсы [3, с. 100].

Следовательно, кросс-медиа представляет собой медиапродукт, который распространён через медиаплатформы с использованием у различных медиаинструментов. Так, за счёт кросс-медиа одна история транслируется на разных медиаканалах, что позволяет распространить информацию на более многочисленную аудиторию. При этом здесь также используются различные форматы подачи — аудио, видео, иллюстрации и др. На сегодняшний день кросс-медийные проекты активно внедряют многие СМИ, чтобы увеличить аудиторию и тем самым увеличить лояльность [1, с. 73].

С учетом этого авторы М. Н. Ким и Е. М. Пак выделяют некоторые организационные и технологические новации, которые стали активно внедряться в практику СМИ в последние десятилетия [2, с. 79]:

1) создание конвергентных редакций сопровождалось решением комплекса проблем, начиная от форм организации производственного процесса и заканчивая поиском оптимальных форматов презентации информации на различных носителях;

2) в зависимости от характера работы журналистов, от способов их совместной деятельности, наконец, от специфики создания контента, стали формироваться разные типы конвергентных редакций: кросс-медийная, интегрированная, мультимедийная;

3) технологические новации позволили в рамках одной мультимедийной редакции совместить производство разных видов контента на основе одного исходного материала. Мультимедиазация редакционного процесса коснулась работы всех сотрудников СМИ, что требует от них овладения более универсальными профессиональными компетенциями;

4) особое место занимает в мультимедийных редакциях управляющее звено, основной функцией которого выступает координация работы разных служб и творческих команд при создании конечного информационного продукта.

По данным Роскомнадзора, количество действующих СМИ незначительно сократилось относительно прошлого года — сейчас работает 55 163 изданий. Вновь зарегистрированных СМИ за II кв. 2024 г. — 904. Это происходит потому, что мы все давно живём в информационных пузырях, аудитория дробится на микросообщества, где-то они будут пересекаться (это федеральные СМИ с большим охватом), а где-то это будут нишевые издания с небольшой, но весьма лояльной и преданной аудиторией.

При этом яркими особенностями кросс-медийности современных СМИ являются: массовый охват с индивидуальным подходом к каждому адресату; передача информации одновременно по нескольким

коммуникационным каналам; создание персонализированных сообщений с помощью современного программного обеспечения; создание индивидуального сайта для каждого клиента с оригинальным контентом.

Далеко не во всех странах, как в России, есть настолько развитая инфраструктура и настолько глубокое проникновение мобильного интернета. Поэтому молодые пользователи сегодня предпочитают получение информации с мобильных. Это факт, который влияет и будет еще больше влиять на работу с вниманием читателей и на форматы контента. Ориентироваться только на десктопные версии материалов больше нельзя.

Заключение. Кросс-медийность в медиасфере связывают с техническим прогрессом, в основе которого лежит процесс дигитализации. Журналистский продукт становится мультимедийным, а новая журналистика характеризуется такими чертами, как гипертекстуальность, мультимедийность, интерактивность. Это позволяет создавать не только качественный, но и привлекательный для аудитории мультимедийный контент в сфере бизнес-коммуникаций. Однако самое важное, что конвергенция повлияла и на печатные СМИ, которые активно переходят в онлайн-среду, запускают свои веб-сайты и заводят аккаунты изданий в социальных медиа. Данное обстоятельство привело к тому, что сегодня в СМИ, представленных в интернете, закрепились SMM-отделы.

Список литературы

1. Артамонова, И.М. Интернет-СМИ и социальные сети: стратегии коммуникационных практик /И.М. Артамонова // Донецкие чтения 2016. Образование, наука и вызовы современности: Материалы I Международной научной конференции (Донецк, 16-18 мая 2016 г.). — Том 4. Филологические науки. Культура и искусство / под общей редакцией проф. С.В. Беспаловой. — Ростов-на-Дону: Издательство Южного федерального университета, 2016. — 218 с. — С.72-75.
2. Ким, М. Н. Организационно-технологические аспекты деятельности конвергентной редакции / М. Н. Ким, Е. М. Пак // Управленческое консультирование. — 2023. — №7 (175). — С. 72-81. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/organizatsionno-tehnologicheskie-aspekty-deyatelnosti-konvergentnoy-redaktsii> (дата обращения: 12.09.2024).
3. Чумиков А. Н. Трансформация форм медийных ресурсов и динамика жанров журналистских текстов в российском информационном пространстве /А.Н. Чумиков // Вестник ЮУрГУ. Серия: Социально-гуманитарные науки. — 2023. — №3. — С. 100-109. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/transformatsiya-form-mediynyh-resursov-i-dinamika-zhanrov-zhurnalistских-tekstov-v-rossiyskom-informatsionnom-prostranstve> (дата обращения: 12.09.2024) (дата обращения: 12.09.2024).

ФОТОЖУРНАЛИСТИКА В КОНТЕКСТЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ ВОЙНЫ

Артамонова И. М., д-р наук соц. комм., доц., ORCID 0000-0002-6936-0974,
Назаренко А. И.

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
inesa-artamonova@mail.ru, nastena.nazarenko01@bk.ru

Введение. Современный мир — это поле битвы за информационное пространство. Информационные войны, где пропаганда, дезинформация и манипуляция становятся мощными инструментами политического и военного влияния, проникают во все сферы жизни. В этой борьбе фотожурналистика как один из мощных инструментов визуальной коммуникации не остается в стороне.

Фотографии обладают уникальной способностью мгновенно влиять на эмоциональное состояние человека, заинтересовывать, вдохновлять или, наоборот, вызывать неприятие и отторжение. В условиях информационного противостояния ее используют как для пропаганды, так и для контрпропаганды. Фотографии, отражающие конкретные факты, могут быть искажены, а иногда и полностью сфабрикованы для достижения определенных целей.

Основная часть. В условиях информационной войны фотожурналистика часто используется для манипуляции общественным мнением. Существует несколько ключевых техник манипуляции. Одной из них является подтасовка фактов. Она подразумевает использование постановки кадра, фотомонтажа, архивных снимков вне определенного контекста для искажения реальности. Например, фотография может быть сделана в определенном свете, чтобы создать впечатление о негативном или позитивном событии. Как отмечает А. В. Соловьев, манипуляции в фотожурналистике направлены на формирование у аудитории определенного восприятия событий, отличного от реального [5].

Также фотожурналисты нередко используют апелляцию к эмоциям страха, гнева, жалости. Например, фотографии жертв войны могут быть использованы для возбуждения чувства сожаления и поддержки определенной стороны конфликта. Как отмечает М. С. Громов, использование эмоциональных образов в фотографии может быть эффективным инструментом для манипуляции общественным мнением [2].

Кроме того, в ходе информационной войны применяются технологии дегуманизации противника, использование стереотипов для формирования негативного образа. Например, фотографии, на которых изображены солдаты противоборствующих сторон, могут быть использованы для

создания впечатления о них как жестоких и бесчеловечных. Создание образа врага является одним из ключевых элементов информационной войны, а фотожурналистика играет в этом процессе важную роль [1].

Использование фотографии как инструмента манипуляции поднимает серьезные этические проблемы. Фотожурналисты сталкиваются с дилеммой между правдой и пропагандой, объективностью и патриотизмом, свободой слова и безопасностью.

Фотожурналисту необходимо сохранять объективность в своей работе, но в условиях информационной войны это не всегда удается реализовать на практике. Он может быть подвержен влиянию пропаганды и исказить реальность, чтобы поддержать определенную сторону конфликта. Как отмечает Д. К. Шевченко, фотожурналисты должны стремиться к нейтральности и объективности в своей работе, чтобы не становиться инструментом в руках одной из сторон [6].

В условиях информационной войны правда может быть не только искажена, но и утаиваться. Известны случаи, когда фотожурналист вынужден использовать манипулятивные техники, чтобы передать свою точку зрения и влиять на общественное мнение. Как отмечает В.В. Каширин в своей книге, настоящие профессионалы должны быть осознанными и критичными по отношению к информации, которую они передают, чтобы не становиться инструментом дезинформации [3].

Фотожурналисту необходимо учитывать ценность человеческой жизни и не использовать фотографии жертв насилия в коммерческих целях. Однако такие снимки могут быть важным инструментом документирования событий и предотвращения повторения преступлений. В своей статье Е. А. Сидорова отмечает, что фотожурналисты должны нести ответственность за свою деятельность, чтобы не усугублять страдания жертв и не нарушать их право на конфиденциальность и частную жизнь [4].

Проводя наше исследование, мы проанализировали, насколько фотоматериалы в разных источниках различаются в зависимости от платформы размещения. Так, если материал появляется в онлайн-СМИ либо на телевидении, то снимки будут более сдержанные, без откровенных сцен насилия в отличие от социальных сетей, где рамки ограничений могут расширяться. Социальные сети также имеют свои различия.

Вооруженный конфликт в Донбассе начался в 2014 году. До 2022 года на нашей территории было пассивное противостояние, однако при этом человеческие жертвы не были редкостью. Активная фаза боевых действий началась 24 февраля 2022 года, когда Россия объявила о начале спецоперации на Украине. И тогда новости с линии фронта в очередной раз вышли на первый план.

В Донбассе наиболее массовые методы ведения информационной войны применяются Украиной по причине того, что реальные победы ее военных формирований отличаются от тех, которые СМИ пытаются

продемонстрировать на своих площадках. Эта война имеет тотальный характер, так как она ведется не только в СМИ, но и в социальных сетях. В результате мы можем наблюдать большое количество «ботов» в комментариях под постами, а также слухи, которые распространяются обычными людьми. Целью, которую поставило перед собой украинское правительство, является убеждение военных и гражданских лиц в том, что война в Донбассе не захватническая, а освободительная; также людям пытаются навязать мнение о том, что опасность и угроза исходят от жителей России и всех русскоговорящих.

В случае с социальными сетями «ВКонтакте» и «Телеграм», которые мы выбрали для анализа, можем заметить различие между ними в способах публикаций. В качестве примера мы выбрали группу во «ВКонтакте», которая позиционирует себя как интернет-СМИ, «В Макеевке / Донецк / ДНР / Сводки с фронта» и ее телеграмм-канал с таким же наименованием. В группе, которая находится во «ВКонтакте», мы можем увидеть только публикации, которые формируются с возрастными ограничениями: здесь мы не найдем фотографии с трупами, на которых нет пикселя. В то же время в телеграмм-канале такие публикации есть, хотя и в самом тексте либо на фотографиях размещен знак «18+».

Для противодействия манипуляциям в фотожурналистике необходимо развивать медиаграмотность аудитории и повышать этические стандарты фотожурналистов. Одним из способов достижения этой цели является обучение аудитории по распознаванию манипулятивных техник в фотожурналистике, формирование навыков проверки информации из разных источников и понимания контекста. Также особое внимание необходимо уделять интерпретации содержания фотографии.

Развитие медиаграмотности — это не одноразовая акция, а постоянный процесс, который требует системного подхода и сотрудничества различных участников — государства, образовательных учреждений, СМИ, общественных организаций.

Для того чтобы охватить максимальную аудиторию, необходимо разрабатывать несколько целевых программ. Так, например, можно выделить материалы для школьников, студентов, трудоспособного населения и пенсионеров. В отношении первых двух категорий желательно вводить специальные предметы по медиаграмотности вне зависимости от направления подготовки. В то же время для людей старшего возраста необходимо проводить онлайн-курсы и вебинары, а также создавать специальные социальные ролики и программы на ТВ, которые будут включать в себя сведения о том, как критически оценивать и анализировать получаемую информацию, распознавать манипулятивные техники. Кроме того, необходимо способствовать созданию центров медиаграмотности, в которых люди смогут получать консультативную помощь от экспертов в данной области.

Фотожурналисты должны соблюдать этические кодексы и профессиональные стандарты, развивать механизмы фактчекинга и верификации информации, быть прозрачными и открытыми в своей работе.

Заключение. Фотожурналистика в условиях информационных войн сталкивается с серьезными вызовами. Однако важно помнить, что эта сфера может быть не только инструментом манипуляции, но и «рупором» правды, документирования реальности и повышения осведомленности общественности. В эпоху информационных войн фотожурналистика должна стать ответственной и этичной, чтобы служить обществу, а не интересам пропаганды.

Список литературы

1. Артамонова, И.М. Технологии информационной войны в современных медиа / И.М. Артамонова // Донецкие чтения 2019: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: Материалы IV Международной научной конференции (Донецк, 31 октября 2019 г.). — Том 4: Филологические науки. Культура и искусство. Часть 2 / под общей редакцией проф. С.В. Беспаловой. — Донецк: Изд-во ДонНУ, 2019. — 410 с. — С. 226-229.
2. Громов, М. С. Фотография как инструмент пропаганды в условиях информационной войны / М.С. Громов // Журналистика и общество. — 2019. — № 1. — С. 25-32.
3. Каширин, В.В. Информационная война: проблемы и перспективы. — Москва: Издательство «Научный мир», 2019.
4. Сидорова, Е.А. Этика фотожурналистики в условиях информационного конфликта // Медиаскоп. — 2021. — № 1. — С. 105-112.
5. Соловьев, А В. Информационная война: теория и практика. — Москва: Издательство «Весь мир», 2018.
6. Шевченко, Д. К. Этические проблемы фотожурналистики в условиях информационной войны / Д.К. Шевченко // Вестник Московского университета. — 2020. — № 1. — С. 55-62.

УДК 070

ТЕХНОЛОГИИ ПРИМЕНЕНИЯ ПОЛИТИКАМИ КОММУНИКАЦИОННОГО ИНСТРУМЕНТАРИЯ РЕПУТАЦИОННОГО PR В ПЕРИОД ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ КАМПАНИЙ

Асташенко И. А., ORCID 0009-0007-5174-034X
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
i.astashenko@internet.ru

Введение. Репутационный PR играет ключевую роль в формировании общественного мнения о политических лидерах и их деятельности. В условиях стремительного развития информационных технологий и

изменения медийного ландшафта политики вынуждены адаптировать свои PR-стратегии, используя разнообразные коммуникационные инструменты для достижения поставленных целей.

Коммуникационный инструментарий репутационного PR включает в себя как традиционные методы — личные встречи, создание печатных материалов, спонсорство, проведение пресс-конференций, так и современные подходы, связанные с использованием социальных сетей и цифровых платформ; эти технологии позволяют политикам не только донести свои идеи до широкой аудитории, но и активно взаимодействовать с избирателями, формируя доверие и лояльность. В данном контексте важно рассмотреть, как именно политики применяют эти инструменты в ходе избирательных кампаний, какие PR-стратегии оказываются наиболее эффективными и как они влияют на восприятие кандидатов общественностью. Анализ этих аспектов поможет лучше понять динамику современных выборов и роль репутационного PR в политическом процессе.

Основная часть. Репутационный PR представляет собой комплекс мероприятий, направленных на формирование и поддержание положительного образа политических деятелей и их инициатив. В контексте избирательных кампаний репутационный PR становится особенно актуальным, поскольку выборы — это период, когда кандидаты стремятся заручиться поддержкой избирателей и выделиться на фоне конкурентов [2, с. 115]. Однако применение коммуникационного инструментария репутационного PR политиками имеет свои характерные особенности. Политики должны учитывать и использовать их с учетом задач избирательной кампании.

Традиционные методы репутационного PR включают пресс-релизы, интервью, публичные выступления и мероприятия [5, с. 78]. Пресс-релизы позволяют быстро донести информацию о кандидатах и их позициях до СМИ, что способствует формированию общественного мнения. Интервью и публичные выступления дают возможность политикам продемонстрировать свои взгляды и личные качества, создавая образ доступного и открытого кандидата [1, с. 156].

С развитием цифровых технологий и социальных сетей инструментарий репутационного PR значительно расширился. Политики активно используют цифровые платформы для взаимодействия с избирателями. Эти каналы позволяют не только распространять информацию, но и получать обратную связь, что способствует более глубокому пониманию потребностей и ожиданий электората.

Контент-маркетинг становится важным элементом коммуникационной стратегии. Политики могут создавать видеоролики, блоги и инфографику, которые делают информацию более доступной и привлекательной для аудитории. Качественный контент помогает сформировать позитивный имидж и укрепить доверие к кандидату.

Вирусный маркетинг использует элементы юмора, провокации или эмоциональной вовлеченности для создания контента, который может быстро распространяться среди пользователей. Такие кампании способны значительно повысить узнаваемость кандидата и привлечь внимание к его программе.

Одна из ключевых стратегий применения коммуникационного инструментария репутационного PR — это его адаптация под целевую аудиторию [4, с. 254]. Политические кандидаты должны понимать интересы и потребности различных групп избирателей для того, чтобы эффективно доносить свои идеи. Например, молодежная аудитория более восприимчива к контенту в социальных сетях, в то время как старшее поколение предпочитает традиционные СМИ.

Кризисный PR — это важная составляющая репутационного управления в период выборов. Политики должны быть готовы к возможным скандалам или негативным новостям. Быстрая реакция на кризисные ситуации с использованием заранее подготовленных стратегий минимизирует ущерб для репутации кандидата.

Установление партнерских взаимодействий с медиа также играет важную роль в репутационном PR. Создание доверительных отношений с журналистами способствует более благоприятному освещению кампании в СМИ и уменьшению негативных публикаций [3, с. 89].

Эффективное применение технологий репутационного PR непосредственно влияет на восприятие кандидатов общественностью. Положительный имидж содействует росту поддержки со стороны избирателей, тогда как негативные ассоциации могут привести к потерям голосов.

Примерами использования коммуникационного инструментария репутационного PR в период избирательных кампаний являются выборы в России в 2018 году и на Украине в 2019 году.

Заключение. Коммуникационный инструментарий репутационного PR является незаменимым ресурсом для политиков в избирательных кампаниях. Эффективно используя эти технологии, политики могут формировать положительную репутацию, укреплять доверие и повышать свои шансы на победу. Постоянный мониторинг, разработка четких PR-стратегий и взаимодействие с аудиторией являются ключом к успешному управлению репутацией в политической сфере.

Список литературы

1. Емельянов, С. М. Теория и практика связей с общественностью / С. М. Емельянов. — 2-е изд., испр. и доп. — Москва : Издательство Юрайт, 2018. — 231 с.— ISBN 978-5-534-02871-3. — URL: <https://urait.ru/bcode/415427> (дата обращения: 16.08.2024).
2. Кожемякин, Е.А. Основы теории коммуникации / Е.А. Кожемякин. — Москва: ИНФРА- М, 2019. — 188 с.

3. Лысикова, О.В. Имиджелогия и паблик рилейшнз в социокультурной сфере / О.В. Лысикова, Н. П. Лысикова. — Москва: ФЛИНТА, 2019. — 168 с.
4. Сальникова, Л. С. Репутационный менеджмент. Современные подходы и технологии / Л. С. Сальникова. — 4-е изд., перераб. и доп. — Москва : Издательство Юрайт, 2023. — 313 с. — ISBN 978-5-534-14592-2. — URL: <https://urait.ru/bcode/510833> (дата обращения: 16.08.2024).
5. Чамкин, А.С. Основы коммуникологии (теория коммуникации): / А.С. Чамкин. — Москва: ИНФРА-М, 2017. 350 с. — ISBN 978-5-16-005545-9.

УДК 070.44

ТРАНСФОРМАЦИЯ РЕГИОНАЛЬНОГО ПАТРИОТИЧЕСКОГО МЕДИАДИСКУРСА В НОВЫХ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ (НА ПРИМЕРЕ АСТРАХАНСКОЙ ОБЛАСТИ)

Байбатырова Н. М., канд. филол. наук, доц., ORCID 0000-0002-5044-3876
ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет им. В. Н. Татищева»,
г. Астрахань, РФ
aulova83@mail.ru

Введение. В период с 1990-х годов в стране вопросы патриотизма и гражданственности не находились в числе приоритетных, в связи с чем был утрачен интерес СМИ к данной тематике. В настоящее время в обществе возросла потребность в получении информации патриотической направленности. Вместе с тем актуализирована аксиологическая функция традиционных и новых медиа. В научный оборот активно внедряется устойчивый термин «патриотическая журналистика», которая стала одним из направлений гражданской журналистики. Задачи областных средств массовой информации в этом контексте связаны с приоритетным освещением государственной стратегии возрождения патриотизма, патриотического воспитания, формированием ценностного отношения к малой родине.

Цель настоящего исследования — изучение трансформации региональной медиаповестки, связанной с темами патриотизма и гражданственности. Стремительное изменение международной обстановки и современных внутривнутриполитических реалий обуславливают актуальность исследования.

Основная часть. В российской науке до сих пор нет однозначно принятых определений гражданской журналистики и патриотической журналистики как специализированных отраслей деятельности медиаспециалистов. А.Н. Осянин, Ю.Ю. Клемятич анализируют факторы формирования патриотизма в дискурсе федеральных медиа [3]. Стратегия региональных СМИ в освещении патриотической тематики зачастую

целиком зависит от идеологической конъюнктуры редакций. Исследователи М. А. Талышева, Н. В. Поплавская отмечают, что современные медиа могут стать проводниками патриотической идеи [4]. При этом СМИ играют важную роль в гражданском становлении личности.

Выбор материала для исследования продиктован интересом отечественной медианауки к региональным средствам массовой информации, а также новым этапом в развитии гражданско-патриотической журналистики. Это обусловлено современной социально-политической ситуацией в стране, особым вниманием государства к нравственно-патриотическому воспитанию детей, подростков и молодёжи. Эмпирической базой исследования послужили медиаматериалы астраханского регионального печатного издания «Газета ВОЛГА» (электронная версия), сетевого СМИ «Каспий Инфо». Также проанализирован медиаконтент областных телевизионных каналов ВГТРК «Лотос» и «Астрахань 24».

Повышенное внимание к теме гражданского самосознания астраханцев возникло в региональных СМИ после присвоения Астрахани статуса «Город трудовой доблести» в 2022 году. В следующем году в регионе по инициативе губернатора Игоря Бабушкина был принят закон «Об отдельных вопросах патриотического воспитания граждан в Астраханской области». Печатные СМИ активно включают патриотическую повестку в номера изданий. На страницах «Газеты ВОЛГА» размещаются информационные сообщения и репортажи, освещающие события и мероприятия гражданско-патриотической направленности: «Астраханский казачий кадетский корпус — обладатель переходящего знамени президента России», «В школе №13 Астрахани открыли Парту Героев», «Около тысячи астраханцев приняли участие в патриотическом митинге» [«Газета ВОЛГА», <https://astravolga.ru/gazeta/>]. На сайте издания можно найти и спецпроекты на тему патриотизма. В 2015 году «Газета ВОЛГА» запустила проект «Навстречу 70-летию Победы», который представлял собой целую подшивку живых историй астраханцев, участников Великой Отечественной войны и тружеников тыла. Позже возник спецпроект «Бессмертный полк на страницах “Волги”».

А. В. Возжеников, А. Н. Кузнецов в своём исследовании рассматривают СМИ как субъект формирования патриотизма и гражданственности [1]. В настоящее время в заголовках региональных новостных порталов наблюдается разнообразие информационных поводов, связанных с патриотическим воспитанием юных астраханцев. Это говорит о регулярности и масштабности проводимых в Астраханской области мероприятий, направленных на гражданское воспитание детей и молодёжи. На новостном информационном портале «Каспий Инфо» только за последние полгода опубликовано несколько десятков материалов на патриотическую тематику: «“Вахта памяти — 2024” торжественно

открылась в Астрахани», «Астраханские участники СВО встретились с ребятами форума “Берега”», «Школьники из ДНР исполнили патриотические песни для астраханских участников СВО» [Каспий Инфо, <https://kaspyinfo.ru/>].

Медиадискурс областного регионального телеканала ГРТК «Лотос» также включает материалы патриотической направленности. Часть из них связаны с календарными государственными датами либо патриотическим воспитанием детей и молодёжи, например, «Губернатор Игорь Бабушкин поздравил астраханцев с Днём Государственного флага России», «В Астраханской области открылся центр “Авангард” для юных патриотов». [ГТРК «Лотос», <https://lotosgrtk.ru/news/>]. Однако, как и в других региональных СМИ, в настоящее время наиболее актуальны темы специальной военной операции России на Украине: «Боец СВО из Астраханской области получил госнаграду “За храбрость”», «Астраханского бойца СВО наградили медалью Жукова за спасение экипажа» [<https://lotosgrtk.ru/news/>]. Телеканал «Астрахань 24» также неоднократно реализовывал проекты патриотической направленности [Астрахань 24, <https://cdn.astrakhan-24.ru>]. Если ранее патриотическая медиаповестка на канале чаще была связана с сохранением памяти о Великой Отечественной войне (цикл документальных передач «Боевой путь 28-й Армии»), то в последние годы происходит переакцентуация тем любви к родине и исполнения истинного гражданского долга. Больше внимание уделяется астраханцам-участникам СВО, которые стали примером патриотизма (квартирник «СВОих не бросаем», материалы «Астраханец награждён за сбитый беспилотник ВСУ», «Астраханским бойцам СВО передали бронированный автомобиль»).

Заключение. В последние годы тема патриотизма в региональной медиаповестке стала актуализироваться в связи с современными международными и внутривнутриполитическими реалиями. Происходит трансформация медиадискурса со смещением акцента на новую патриотическую концептосферу, которая отражает международную обстановку и социально-политическую действительность современной России.

Список литературы

1. Возжеников, А. В. СМИ как субъект формирования патриотизма и гражданственности: исторический опыт и перспективы / А. В. Возжеников, А. Н. Кузнецов // Коммуникология. — 2022. — Т.10, №.1. — С. 107–118. I — ISBN 2311-3332
2. Лутовинов, В. И. Современный российский патриотизм: сущность, особенности, основные направления / В. И. Лутовинов // Studia Humanitatis. — 2013. — № 2. — URL: <http://st-hum.ru/en/node/97> (дата обращения: 06.09.2024). — ISBN 2308-8079
3. Осянин, А. Н. Научные и культурные факторы формирования патриотизма в информационном дискурсе центральных российских СМИ /

- А. Н. Осянин, Ю. Ю. Клемятич // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. — 2017. — № 4 (48). — С. 151–159.
4. Тальшева, М. А. СМИ как проводник патриотической идеи в контексте теории поколений / М. А. Тальшева, Н. В. Поплавская // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение, журналистика. — 2021. — Т. 21, №1. — С. 123–131. — DOI 10.22363/2312-9220-2021-26-1-123-13

УДК 659.1

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ СПОРТИВНОЙ ИНТЕРНЕТ-РЕКЛАМЫ

Безродный В. П., канд. хим. наук, ст. научн. сотр.,

ORCID 0009-0000-8880-2769,

Титаренко Т. С.

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ

v.bezrodnyi@mail.ru

Введение. Интенсивное развитие интернет-рекламы характеризует сегодняшнее состояние рекламной сферы. Если в начале нынешнего века на размещение рекламы в интернете рекламодатели в целом тратили несколько процентов от общих объемов рекламного бюджета, то сегодня эти расходы уже составляют около половины стоимости всей рекламы.

Российский рекламный рынок сейчас характеризуется своей динамикой. Границы этого рынка постоянно расширяются за счет появления новых компаний и организаций, которые в свою очередь создают новые клиентские базы и интеграции сети интернет. В интересах рынка реклама формирует у потребителей ценности, активно влияет на массовое сознание, распространяет определенные взгляды на организацию жизни клиентов.

Основная часть. Спортивная интернет-реклама представляет собой особый вид рекламы, ярко сочетающий в себе как коммерческую, так и социальную направленность. Спортивные компании и организации были одними из первых, кто осознал преимущества цифровой рекламы и начал активно использовать ее для продвижения своих продуктов. В настоящее время компании активно используют социальные сети, блоги, видеохостинги и другие онлайн-платформы для того, чтобы привлечь внимание своей целевой аудитории. Одной из сильных сторон спортивной интернет-рекламы является ее взаимодействие с пользователями. Зрители могут комментировать, делиться и репостить рекламные контенты, что создает дополнительную вовлеченность и способствует распространению информации. По сути спортивная интернет-реклама стала неотъемлемой частью спортивных событий.

Значительное влияние на развитие спортивной интернет-рекламы оказывает увеличение популярности видеоконтента. Видеореклама сегодня стала одним из наиболее эффективных и привлекательных форматов рекламы, поэтому компании все больше инвестируют в создание и продвижение видеороликов о спорте. Этот тренд виден и в спортивной интернет-рекламе, где видеореклама становится основным средством продвижения товара или услуги. Бренды активно сотрудничают со спортсменами, создают увлекательные и запоминающиеся видеоролики, которые помогают им установить эмоциональную связь с аудиторией и вызвать активную реакцию.

Одним из главных трендов спортивной интернет-рекламы является мобильность. Сразу несколько факторов способствуют этому: всё большее число смартфонов и планшетов в руках пользователей, высокоскоростной мобильный интернет и развитие потоковых медиаплатформ. Рекламодатели могут активно использовать возможности геолокации и интеллектуальные технологии, чтобы достигнуть своей целевой аудитории в режиме реального времени. Например, при посещении спортивного мероприятия у зрителей могут открываться рекламные баннеры с предложениями о покупке билетов на ближайший матч или аксессуаров своей любимой команды.

Еще одной важной тенденцией развития спортивной интернет-рекламы является интеграция с социальными сетями. Социальные медиа уже стали основной платформой для проведения спортивной интернет-рекламы. Бренды активно сотрудничают с влиятельными пользовательскими аккаунтами, спортсменами и спортивными сообществами, чтобы продвигать свои продукты и услуги. Контент-маркетинг, инфлюенсер-маркетинг и стриминг становятся неотъемлемыми компонентами рекламы в социальных медиа. Пользователи могут взаимодействовать с брендами и спортивными звездами, получать интересные эксклюзивы и участвовать в розыгрышах призов. Многие социальные платформы стали главными каналами распространения информации о спорте. Компании активно используют возможности социальных сетей для привлечения пользователей и формирования позитивного имиджа своих товаров или услуг, а также вкладывают значительные средства в создание привлекательного и интерактивного контента, чтобы заинтересовать целевую аудиторию и активизировать её взаимодействие с рекламными материалами.

Кроме того, мобильная реклама становится все более популярной в спортивной индустрии. С увеличением числа пользователей мобильных устройств, рекламодатели начинают активно использовать мобильные приложения и рекламные сети для достижения своей целевой аудитории. В спортивной интернет-рекламе немаловажную роль играет интерактивность, что нераздельно связано с социальными сетями. Для привлечения внимания зрителей к рекламному контенту, рекламодатели используют

интерактивные решения: выбор своей версии видеоролика, участие в конкурсе на сайте бренда или даже возможность стать частью виртуальной реальности, где каждый пользователь может симулировать участие в локальных спортивных битвах. Это позволяет зрителям взаимодействовать с брендами и спортивными сообществами на новом уровне, а также принимать активное участие в рекламных акциях.

Инфлюэнсер-маркетинг также является важной тенденцией в современной спортивной интернет-рекламе. Компании активно сотрудничают с популярными спортсменами, тренерами и другими влиятельными личностями в спортивной индустрии. Рекламные материалы, в которых принимают участие известные личности, вызывают большой интерес и доверие у потребителей. Использование инфлюэнсеров позволяет компаниям расширить охват публики и привлечь новых клиентов. Современные технологии позволяют создавать и интерактивные форматы спортивной интернет-рекламы. Это может быть виртуальная реальность, интерактивные игры, челленджи и другие формы взаимодействия с аудиторией. Подобные форматы рекламы дают потребителям возможность более глубокого погружения в событие, развивают их эмоциональную привязанность к бренду или событию.

Важную роль играет и персонализация рекламного контента. Благодаря развитию искусственного интеллекта и машинного обучения, рекламодатели могут собирать и анализировать огромные объемы данных, полученных от пользователей. Это позволяет создавать более точное рекламное предложение, основанное на предпочтениях каждого отдельного индивида. Например, спортивный бренд сможет предложить выбранным пользователям специальные скидки, ориентированные на их вкусы и предпочтения в спорте.

В ближайшем будущем ведущие компании, специализирующиеся в сфере интернет-рекламы, прогнозируют значительное увеличение расходов фирм именно на спортивный сегмент. С 2020 года расходы компаний на спортивную рекламу в Интернете увеличились в пять раз по сравнению с 2010 годом. Ожидается, что в ближайшие годы объем спортивной рекламы в интернете также существенно увеличится, учитывая возрастающее количество турниров и волну популярности киберспорта. Модернизируются и программные средства, благодаря чему можно будет приспособить рекламу для конкретных пользователей. Со временем такую технологию будут использовать больше и больше компаний. С ее помощью можно автоматически предоставлять каждому пользователю специально подобранные для него новости и другую специализированную информацию.

Заключение. Современная спортивная интернет-реклама стремительно развивается и изменяется под влиянием новых технологий и изменений в поведении потребителей. Использование социальных сетей, видеоконтента, сотрудничество с инфлюэнсерами и интерактивные

форматы рекламы являются основными тенденциями развития в данной области. Рекламные компании, стремящиеся привлечь внимание и заинтересовать аудиторию, должны учитывать и активно использовать данные тенденции в своей работе. В конечном счете спортивная интернет-реклама в будущем будет ориентирована на максимальное вовлечение аудитории. Активное использование новейших технологий, рекламная индустрия будет уделять все больше внимания достижению взаимодействия с каждым пользователем на более глубоком уровне. Будущее спортивной интернет-рекламы обещает быть весьма увлекательным и захватывающим для всех участников — рекламодателей, брендов и потребителей.

УДК 654.197+81'42

МАНИПУЛЯТИВНЫЕ ТЕЛЕВИЗИОННЫЕ ПРИЕМЫ НОВОСТНОГО ДИСКУРСА АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ТЕЛЕКАНАЛОВ В 2014 г.

Болдырев С. М., ORCID 0009-0001-9851-1751

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
boldirev.dongu@mail.ru

Введение. Телевидение играет особую роль в информационном противостоянии государств как в мирное время, так и в период военного конфликта. Именно с помощью телевещания государственные органы власти могут доносить до населения необходимую информацию, а также оказывать влияние на процессы формирования медиарельности, зачастую далекой от действительности. В связи с этим в настоящее время резко возрастает значимость изучения манипулятивных технологий, применяемых телекомпаниями западных стран.

Целью данного исследования является изучение имплицитных манипулятивных приемов телевизионного новостного дискурса англоязычных телеканалов в 2014 г. Материалом исследования стали новостные сюжеты телеканалов Би-би-си (Великобритания) и Эй-би-си (США), посвященные катастрофе самолета «Боинг-777» в небе над Донбассом в июле 2014 г.

Основная часть. Западные телеканалы проявляли умеренную активность в освещении конфликта на востоке Украины весной 2014 г. Так, британский телеканал Би-би-си выпустил в марте 2014 г. 17 материалов о событиях на Украине. Для сравнения, в марте 2022 г. на Би-би-си вышло 167 материалов (в 10 раз больше) о начальном этапе СВО. При этом английские журналисты уже в начальной фазе противостояния в 2014 г. использовали в своих репортажах ряд приемов манипулятивного воздействия [1]. Однако в

начале лета количество сюжетов о событиях на Украине значительно снизилось. Определенный всплеск активности интереса западных СМИ к украинским событиям фиксируется в июле 2014 г., после катастрофы малайзийского «Боинга» в небе над Донбассом. Именно на этот период приходится и резкое увеличение применения манипулятивных приемов в телевизионном новостном дискурсе англоязычных телеканалов. В частности, в сюжеты Би-би-си вставлялись оценочные комментарии, благодаря которым ситуация представлялась крайне однобоко. Так, в материале от 21.07.2014 г. использован комментарий Арсения Яценюка (на тот момент премьер-министра Украины), в котором тот косвенно обвиняет Россию: «*with the entire international community we will bring to justice everyone responsible including the country which is behind this theme / вместе со всем международным сообществом мы привлечем к ответственности всех, кто несет за это ответственность, включая страну, которая стоит за этим*» [2]. При этом ни в одном из материалов Би-би-си по поводу крушения малайзийского самолета не задается вопрос, каким образом пассажирский лайнер мог оказаться в зоне боевых действий, где уже на протяжении нескольких месяцев активно применялась авиация и работали системы ПВО.

Значительно большее количество используемых манипулятивных технологий выявлено при анализе телевизионного новостного дискурса американского телеканала Эй-би-си. В частности, по отношению к ополчению Донбасса активно использовались номинации, причем не просто негативные, а скорее оскорбительные определения: «*separatist militia fighting in Ukraine has become known as a ruthless gang of thugs well-armed and trained by the Russians / ополченцы-сепаратисты, воюющие на Украине, стали известны как безжалостная банда головорезов, хорошо вооруженных и обученных русскими*» [3]. Негативные номинации стали одним из элементов тактики обвинения, применяемой в новостном теледискурсе Эй-би-си. Основой данной тактики были постоянные обвинения ополчения Донбасса и российских военных в запуске ракеты, сбившей пассажирский самолет. Следует отметить, что все эти обвинения появились задолго до каких-либо официальных результатов расследования — почти сразу после катастрофы. При этом практически во всех материалах использовались манипулятивные приемы: «поиск поводов к драматизации, обострению ситуации», «апелляция к эмоциям». В сюжетах постоянно повторялось количество жертв, акцентировалось внимание на том, сколько погибло детей. В текстах американских журналистов использовались эмоционально окрашенные словосочетания: «*apocalyptic scene / апокалиптическая сцена*», «*eerie premonition / жуткое предчувствие*», «*fiery crash / огненная катастрофа*», «*unspeakable outrage / невыразимое возмущение*», «*very outrageous crime / очень возмутительное преступление*», «*horrific crash scene / ужасающая сцена крушения*». В одном

из сюжетов использовалась мрачная нагнетающая фоновая музыка. Подобная эмоциональная окрашенность медиатекста абсолютно несвойственна для новостных материалов и позволяет говорить о применении имплицитных методов воздействия на зрителя.

Заключение. Уже на начальной стадии конфликта в 2014 г. западные СМИ стали активно применять разнообразные манипулятивные приемы воздействия на аудиторию для создания негативного образа жителей востока Украины, а также расчеловечивания и дегуманизации ополчения Донбасса и российских военных. Данные задачи выполнялись благодаря отходу от стандартов объективной журналистики и применению широкого спектра манипулятивных технологий.

Список литературы

1. Болдырев, С. М. Номинация как основной манипулятивный прием теледискурса при освещении начальной стадии военного конфликта / С.М. Болдырев // Актуальные проблемы медиаисследований. — 2022. XII Международная научно-практическая конференция НАММИ: сб. мат. конф. — М.: Фак. журн. МГУ, 2022. — С. 27–28.
2. BBC reporter given Ukraine crash victim's wallet / Videos / BBC News / YouTube. — [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=WoB2HDTLIos> (дата обращения: 12.09.2024).
3. Was There a Russian Hand in the Malaysia Airlines Tragedy? / Videos / ABC News / YouTube. — [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=zY084D9nc6E> (дата обращения: 12.09.2024).

УДК 070

ВЛИЯНИЕ МЕДИАСРЕДЫ НА ВОСПРИЯТИЕ НАСЕЛЕНИЕМ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ СОВРЕМЕННОСТИ

Бондаренко Е. В., ORCID 0009-0003-6034-8746

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ

yelena.panarina.13@mail.ru

Введение. Медiasреда формирует восприятие населением социально-политических процессов современности. Медиаплатформы позволяют выстраивать представления о реальности, что особенно актуально в условиях социально-политической обстановки на территории Донбасса. Однако важно понимать, что медиа не всегда являются объективными, и их влияние на общественное мнение может быть искаженным.

Сегодня можно утверждать, что СМИ являются одним из основных инструментов осуществления политического процесса, позволяющим политическим акторам реализовывать необходимые для их

функционирования легитимность и возможность наладить контакт и взаимоотношения с общественностью.

Основная часть. Взаимосвязанные тенденции — медиатизация политики и политизация массовых коммуникаций — фактически представляют собой две стороны одной медали и имеют значительное воздействие на формирование современного мировоззрения. «При этом политизация — это процесс, затрагивающий больше содержание, чем форму, а медиатизация — процесс, больше затрагивающий форму, чем содержание» [2].

Сегодня роль СМИ настолько значительная, что реальные события приобретают значимость только получив отражение в медиасреде. Однако важно учитывать, что медиареальность отличается субъективностью и не может полноценно отражать многогранную реальность. Тем не менее аудитория воспринимает представленную в медиареальности информацию как близкую к действительности.

На данном этапе развития политической коммуникации выступает как особый вид политических отношений, где индивидуум существует в мире различных дискурсов, символов и мифов, скорее, чем в мире объективной истины. Современный мир оперирует по принципу «если что-то не отразилось в средствах массовой информации, то это не существует на самом деле». Этот принцип проявляется в политических процессах, где почти любой политический деятель, если его образ широко распространен в средствах массовой информации, может достичь значительной популярности и высоких оценок. Заметным явлением становится тенденция к персонализации политики.

Интернет играет особую роль в политической коммуникации из-за многих факторов, ключевым из которых является переход традиционных средств массовой информации в интернет-среду, на онлайн-платформы. Свою роль также играют свойства Интернета, позволяющие быстро передавать информацию в масштабах пространства глобальной сети. М. Маклюэн в свое время предполагал, что мир постепенно превратится в «глобальную деревню», где привычные ограничения пространства и времени перестанут существовать, благодаря возможности быстро передавать информацию в любую точку мира.

Сущность Интернета говорит о его двойственной природе, благодаря чему он действует как среда для политической коммуникации, а также используется как инструмент ее осуществления. Когда говорят о воздействии Интернета на политические процессы, необходимо уделить внимание новым медиа.

Потребление медиаконтента играет важную роль в политическом участии граждан. Практически все средства массовой информации имеют свои онлайн-платформы и аккаунты в социальных сетях, таких как «ВКонтакте» и Telegram, при этом они соревнуются за внимание и

просмотры аудитории, не только между друг другом, но и с другими блоками и пабликами распространяющими похожий контент.

Уровень влияния разных аккаунтов в новых медиа строится на их способности формировать личную повестку дня для своих подписчиков и на количестве подписчиков. Рассматривая личную повестку дня пользователя в новых медиа, важно учитывать как минимум два уровня этой повестки. Первый включает в себя новостную ленту пользователя, содержащую контент из пабликов и блогов, на которые он подписан, тем не менее стоит учитывать, что не весь их контент привлекает внимание потребителя. Формирование персональной повестки второго уровня подразумевает уже учет взаимодействия с контентом самой новостной ленты. Селекция контента происходит исходя из взаимодействия с контентом — репостов, комментариев и лайков или реакций. Взаимодействие с контентом более значимая характеристика медиапотребления, чем просто просмотр публикаций. Взаимодействие с контентом демонстрирует выбор пользователя в масштабах платформы, а также позволяет измерить объем внимания к конкретным публикациям — это демонстрирует то, как часто они попадают в персональную повестку пользователей. А внимание к публикациям в свою очередь — это индикатор влиятельности и эффективности аккаунтов, транслирующих данный контент.

Влиятельность акторов, создающих контент в новых медиа, возрастает в периоды политической напряженности. Исследователи отмечают, что коммуникации в социальных сетях могут влиять на настроения граждан в политических событиях, таких как митинги и военные действия.

Проведение специальной военной операции на Украине, неоднозначно освещается в информационном пространстве. Это может привести к увеличению социально-политических рисков в современном российском обществе, таких как социальная дифференциация и политическая дезинтеграция, росту уровня тревожности, а также к проявлению протестных настроений и стремлению избежать реальности. Все это в свою очередь ставит вопрос о возможностях, основаниях и механизмах консолидации общества. В данном случае важно обратиться к роли средств массовой информации, так как современные масс-медиа играют важную роль в формировании общественного мнения. Консолидация рассматривается как результат согласия в обществе, которое во многом зависит от принятых социальных норм и мировоззренческих ориентиров, принятых членами социума [1].

Общий тренд гибридной реальности политики, которая проводится в условиях сосуществования мирной жизни общества и СВО, особенности информационного противостояния, предполагают совокупность административных и демократических подходов к регулированию СМИ. Угрозы распространения «постправды» и «фейков» привели федеральных законодателей к принятию поправок в Уголовном и Уголовно-

процессуальном кодексе Российской Федерации. Данные поправки направлены на ограничения деятельности средств массовой информации при помощи внедрения административной и уголовной ответственности за тиражирование заведомо ложной информации о военных службах России, а также за публичные действия или материалы, направленные на дискредитацию российской армии.

Заключение. Социальные медиа стали платформой для обсуждения политических вопросов, и средством мобилизации общества для их решения. Политики используют возможности социальных медиа для привлечения населения к участию в политической жизни. Тем не менее у социальных медиа есть и негативные аспекты. Проблема, связанная с дезинформацией, фейковыми новостями и манипуляциями в СМИ, вынуждает сомневаться в достоверности информации распространяемой через эти каналы.

Необходимо поддерживать баланс между свободой выражения и ответственностью за публикуемую информацию. Стратегии по борьбе с фейками, искусственными аккаунтами и ботами, практикующими вбросы позволят сохранить надежность медийного пространства и обеспечить достоверное восприятие реальности.

Список литературы

1. Великая, Н. М. Проблемы консолидации общества и власти / Н. М. Великая // Социологические исследования. — 2005. — № 5 (253). — С. 60–71.
2. Коданина, А. Л. Политика и журналистика как родственные коммуникационные сферы / А. Л. Коданина // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. — 2014. — № 2-2. — С. 444–447.

УДК 811.112 (05)

ЛИНГВИСТИКА ВОЙНЫ. ВЕРБАЛЬНЫЙ АСПЕКТ ДИСКРЕДИТАЦИИ СВО (на материале немецких СМИ)

Голодов А. Г., д-р филол. наук, доц.
ФГБОУ ВО «Рязанский государственный университет им. С. А. Есенина»,
г. Рязань, РФ
a.golodoff@mail.rul

Введение. Не секрет, что пропаганда подразумевает разделение всех на «своих» и «чужих». При этом «свои» как бы априори рассматриваются со знаком плюс, а «чужие» — минус. Естественно, что понятие «свои» и «чужие» для каждой страны специфично, поскольку «...в каждой стране

есть национальные особенности в способах восприятия и языкового представления политической действительности, что объясняется национальной ментальностью и историческими условиями формирования политической культуры...» [4, с. 27], а также её местом в современном глобальном мире.

Основная часть. «Наступление на пропагандистском фронте осуществляется одновременно по двум главным направлениям:

1) на вербальном уровне (использование соответствующей оценочной лексики и других языковых средств).

2) на фактическом — манипуляция фактами... Здесь можно выделить два основных способа манипуляции (дезинформации) в политической публицистике: опущение (замалчивание) определённых фактов; искажение фактов, т. е. явную ложь» [1, с.8–9].

«Манипуляция формированием мнения начинается с тенденциозного применения языка и «...возникает на том этапе, когда открыто переиграть соперника уже не удаётся, а подавить его полностью ещё нет возможности» [3 с.14].

Немецкий оппозиционный журналист и автор книг Удо Ульфкотте считает, что «лишь с помощью языка средства информации манипулируют нашим восприятием... Манипуляция формированием мнения начинается с тенденциозного применения языка» (*Allein durch die Sprache manipulieren Medien unsere Wahrnehmung... Die Manipulation der Meinungsbildung beginnt bei tendenziöser Sprache...*)» [5, с.18].

Вербальная манипуляция не носит ярко выраженного прямолинейного характера в отличие от непосредственной манипуляции фактами, так как она как бы вторична, поскольку не подменяет факты, а меняет их оценочную характеристику за счёт искажённого описания.

«Долгое время понятие „языковая манипуляция” связывалось исключительно с тоталитарными и авторитарными режимами, и редко предпринимались исследования демократической, в частности, немецкой прессы. Однако, как показали события последних десятилетий, манипулирование общественным мнением с помощью вербальных средств происходит и в странах, которые традиционно считаются «оплотом западной демократии» [1, с.7–8].

С годами у информационной войны сформировался свой собственный субъязык, исследование которого занимается политлингвистика. Он отличается от традиционного языка дипломатии, так как его целью является не достижение договорённостей и компромиссов в результате переговоров, а дискредитация противника для достижения односторонних уступок, а в идеале — полной геополитической и экономической капитуляции противника.

Для вербальной манипуляции западные СМИ применяют различные политлингвистические технологии.

1. Технология интенсивного использования терминологии Третьего рейха

Для дискредитации России и республик Донбасса была активирована терминология министра пропаганды и образования Третьего рейха Йозефа Гёббельса. В авангарде этой тенденции марширует самая читаемая ежедневная газета Европы таблоид БИЛЬД:

Терминология немецкого таблоида БИЛЬД

- 1) **Бандиты** ДНР и ЛНР (ополченцы, которые сражаются за свою землю).
- 2) **Кремлёвский властелин, деспот** — — В. Путин.
- 3) Германия — **защитник** европейской цивилизации от русских варваров

Терминология министра Третьего рейха Й. Гёббельса

- 1) Советские **бандиты** (партизаны ВОВ).
- 2) **Кремлёвский властелин, деспот** — Й. Сталин.
- 3) Украина — **защитник** европейской цивилизации и демократии от российских варваров.

Следует обратить особое внимание на выступление 29 октября 2022 президента ФРГ Штайнмайера, который был гарантом договора Януковича с оппозицией в 2014, а также автором формулы Штайнмайера, предложенной на парижском саммите НОРМАНДСКОЙ ЧЕТВЁРКИ в октябре 2015 и подтверждённой в Берлине в 2016. Штайнмайер официально употребил по отношению к руководству России характеристику ЗЛО. Так долгие годы называли верхушку Третьего рейха (и пр. злодеев): «Федеральный президент ожидает эпоху конфронтации и называет российское руководство «Злом». В обращении речь идёт также и о заблуждениях (Der Bundespräsident rechnet mit einer Epoche der Konfrontation und nennt Russlands Führung „das Böse“. Auch von Irrtümern ist die Rede)» [FAZ, 29.10.2022, S.2].

Словосочетание из языка Второй мировой войны ВОСТОЧНЫЙ ФРОНТ появилось в популярном журнале STERN. При этом речь в заметке идёт конкретно о боях за Бахмут: «Ни за какую другую местность в настоящий момент на Украине не ведутся такие ожесточённые бои, как вокруг города Бахмут. Решается здесь судьба войны?» [STERN, 20.10.2022, S. 38].

Дальше всех пошёл так называемый евро-дипломат Ж. Борелль, который в своём выступлении публично назвал Россию «фашистским государством» (забыв «славные времена испанского фашизма генерала Франко).

Технология точечной политической стигматизации

(навешивание дискредитирующего ярлыка на Россию, как правило через её президента)

В качестве базиса для создания дискредитирующего ярлыка может использоваться известный исторический факт, который ассоциируется с

именем «Гитлер». Борис Джонсон сравнивает президента В. Путина с А. Гитлером, используя в качестве базиса для сопоставления Олимпийские игры 1936 г. в Берлине (Olympische Spiele, Berlin, 1936) = Олимпийские игры (Москва 2018). При этом Борис Джонсон перепутал Олимпийские игры с российским футбольным ЧМ 2018 [BILD, 22.03.2018, S.2].

Тогдашний принц Чарльз, а сегодняшний король Карл III, в 2014 г. провёл параллель между Мюнхенским сговором, в результате которого Англия и Франция попытались откупиться от Гитлера сдачей ему Судетской области Чехословакии и воссоединением в результате референдума Крыма с Россией. А в 2023 г. Карл III лобзает в Лондоне В. Зеленского и говорит ему: «Будь моим гостем, храбрый герой! (Sei mein Gast, tapferer Held)» [BILD, 8.02.2023, S.1].

Здесь уместно вспомнить о поведении членов королевской фамилии в период становления в Германии нацистской диктатуры, когда многие из них и не скрывали своей симпатии к фюреру. В 1939 г. ближайший соратник Гитлера Р. Гесс полетел в Англию с целями, о которых в Британии до сих пор не говорят, а архивные материалы этого дела засекретили ещё на много лет.

Следствием стигматизации стала попытка уравнивания понятий «гитлеризм» и «сталинизм», что автоматически приводит к постепенному отождествлению Третьего рейха (гитлеризма) и СССР (сталинизма). Целью этой тенденции является отрицание решающей роли СССР в уничтожении мирового зла. «В результате возникло «квазиматематическое уравнение» — если ярлык «Сталин» = ярлыку «Гитлер», то СССР = Третьему рейху. Поскольку Россия официально приемник СССР, то получаем: СССР = Россия = Третьему рейху» [2, с.19].

Заключение. Конечно, рассмотренными технологиями не ограничивается весь список вербальных средств, которые западные (немецкие) «свободные» СМИ применяют для дискредитации России и её политики. Применяемые западной пропагандой через полностью подконтрольные политической элите СМИ вербальные технологии могут быть как изощрёнными, так и примитивно прямолинейными, рассчитанными на не желающего (часто и не умеющего) критически мыслить среднестатистического потребителя информационного фастфуда.

Список литературы

1. Голодов, А.Г. Язык информационной войны: монография / А.Г. Голодов. — Рязань, РГУ, 2015. — 195 с.
2. Голодов, А.Г. Вербальные технологии информационной войны. Политическая стигматизация (на материале немецкой массовой прессы): монография А.Г. Голодов. — Рязань (РГУ)-Горловка (ГИИЯ), 2020. — 322 с.
3. Копнина, Г.А. Речевое манипулирование: учебное пособие / Г.А. Копнина. — М.: Флинта, Наука, 2008. — 170 с.

4. Чудинов, А.П. Политическая лингвистика /А.П. Чудинов. — М.: Флинта: Наука, 2007. — 254 с.
5. Ulfkotte, Udo. Gekaufte Journalisten. Wie Politiker, Geheimdienste und Hochfinanz Deutschlands Massenmedien lenken — Rottenburg: KOPP VERLAG, 2014. — 336 S.
6. BILD (Hamburg, BRD), 22.03.2018, S.2.
7. FAZ (Frankfurter Allgemeine Zeitung, BRD), 29.10.2022, S.2.
8. STERN (Hamburg), 20.10.2022, S. 38.
9. BILD (Hamburg, BRD), 02.2023, S.1.

УДК 316.77

СОВЕТСКИЕ ФИЛЬМЫ СТАЛИНСКОЙ ЭПОХИ КАК СРЕДСТВО МЕДИАКОММУНИКАЦИИ И ИХ РОЛЬ В ВОСПИТАНИИ МОЛОДЁЖИ

Грицай Л. А., канд. пед. наук, доц., ORCID 0000-0002-3156-4074
ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет
им. К. Д. Ушинского», г. Ярославль, РФ
usan82@gmail.com

Введение. Как известно, еще В. И. Ленин называл кино одним из ведущих искусств, важным в деле строительства нового государства. Традицию вождя мирового пролетариата продолжили его последователи. Действительно, искусство кино стало одним из средств медиакommunikации, обеспечивающим трансляцию в массы основных положений новой социалистической идеологии. Тем самым осуществлялся процесс воспитания молодежи в духе новых идей. И среди них представления о революционной борьбе, строительстве социалистического общества, доблестном труде на благо страны, защите Родины от врагов.

Основная часть. Согласимся с мнением А. П. Петровой о том, что каждая историческая эпоха порождает экранного героя, а он, в свою очередь, становится её аксиологическим проявлением и документом времени [1, с. 11].

Сталинская эпоха породила особый тип героя: сугубо положительного, мужественного, сильного, смелого, готового к подвигам на благо Родины. Это был человек из народа, отстаивающий идеалы революции.

И именно этот образ повлиял на воспитание молодежи того времени.

Подобных героев мы видим уже в приключенческом фильме 1920-х гг. «Красные дьяволята» (1923). Сюжет его чем-то напоминает «Неуловимых мстителей», которых снимут гораздо позже. В фильме показаны героические приключения трёх юных разведчиков из Первой Конной армии — Миши, Дуняши и бывшего матроса Тома Джексона. После нападения махновцев на их посёлок и убийства отца, ребята создают отряд, чтобы отомстить и помочь

войскам Будённого. Этот немой фильм имел огромный успех у юных зрителей, героям активно подражали в детских играх.

Также эффект подражания главному герою в мальчишеских играх можно отметить и после премьеры другого популярного фильма. Речь идет о киноленте братьев Васильевых «Чапаев» (1934), снискавшей всесоюзную славу. Ее герой схож с образом русского богатыря. Чапаев близок и понятен зрителям, он вышел из народа, по-своему мудр и мужественен. В финале герой погибает. И эта смерть также является его подвигом, своеобразной дорогой в бессмертие, ведь в памяти людской он никогда не умрет.

Это было своеобразное каноническое житие «нового советского святого-воина», выдержанное, как это неудивительно, в фольклорном и христианском духе. Данный фильм имел не только огромное влияние на современников, но и стал примером для развития других подобных работ со схожими сюжетами из отечественной истории. Так, в 30-40-е гг. были сняты фильмы о предводителях крестьянских восстаний — Разине и Пугачеве, об исторических личностях (А. Невском, Суворове, Кутузове), часть из которых принадлежала к правящему классу царской России. Государство тем самым реабилитировало их, создавая своеобразную иллюзию связи времен.

Важно, что в фильмах о новейшей истории тех лет героями часто становились дети как проводники новой прогрессивной идеологии. Подобно тому, как в христианской Библии рассказывается о праве ребенка пойти за Господом вопреки воле его родителей, киноленты той поры давали детям страны Советов право отказаться от своих родителей во имя великой семьи народов. Кинолент с таким сюжетом, в основе которого лежит конфликт детей и отцов, было множество: «Дочь партизана» (1936), «Танька-трактирщица» (1929), «В город входить нельзя» (1929) и др.

Большое значение придавалось и созданию новых фильмов о трудовом подвиге молодежи. В таких фильмах, как «Юность Максима» и «Возвращение Максима» режиссёров Г. Козинцева и Л.З. Трауберга, а также в картинах С.А. Герасимова «Комсомольск» и «Семеро смелых», юные комсомольцы изображены как активные созидатели социалистического строя. Эти киноленты подчеркивают, что именно молодёжь, будучи наиболее энергичной и целеустремлённой частью общества, выступает не только в роли борцов за социалистические идеалы, но и становится активными носителями ценностей социализма.

Параллельно снимались киноленты о партийных деятелях: более всего о Ленине и Сталине. Речь идет о многих киноработах. Это «Три песни о Ленине» (1934), «Ленин в Октябре» (1937), «Ленин в 1918» (1939), «Человек с ружьем» (1938) и другие.

Великая Отечественная война усилила становление героического идеала в советском кино. Главным стал образ воина, который формировал у зрителей горячую преданность Родине и ненависть к врагам. В первую очередь это можно увидеть в появившихся тогда киножурналах.

Характерный пример — образ Чапаева, которого в «Боевых киносборниках» показали спасшимся и призывающим к борьбе с немецкими войсками. Всего за войну было выпущено около 500 киножурналов и 34 полнометражных фильма, включая «Секретарь райкома» И. Пырьева, «Два бойца» Л. Лукова и «Она защищает Родину» Ф. Эрмлера.

Заметим, что режиссеры подчас пытались уйти от героического прочтения событий войны и рассказать о трагичности судьбы человека на войне («Радуга», реж. М. Донской), но такие фильмы не стали каноничными. Напротив, подвиг народа персонифицировался как в подвиге простого русского солдата, так и в подвиге главнокомандующего И.В. Сталина («Падение Берлина» М. Чиаурели, «Третий удар» И. Савченко).

Сразу после войны героизация подвига комсомольцев-бойцов продолжилась. И пример тому — фильм 1948 года «Молодая гвардия» С. А. Герасимова. Картина подчеркивала самоотверженность комсомольцев, их стойкость, принципиальность и верность идеалам, что сделало её особенно значимой и близкой для зрителей того времени. Это свидетельствует о том, что люди нуждались в образе героя и видели таких героев среди своих современников.

Заключение. На основании вышеизложенного можно сделать следующие выводы:

1. Советские фильмы сталинской эпохи играли ключевую роль в формировании героического идеала в воспитании молодёжи. Кинематограф того времени фактически сформировал идеал поведения молодого человека нового времени. Важно, что такой герой стал носителем новых государственных ценностей. Сам кинематограф использовался как мощный инструмент пропаганды, через который транслировались идеалы и ценности социалистического строя. Герои фильмов тех лет отражали лучшие черты народного представления о справедливости, мужестве, чести и борьбе за всеобщее счастье, они были призваны служить для молодёжи примером для подражания.

2. Киноленты способствовали созданию коллективного образа «нового человека», который не только активно участвовал в строительстве социализма, но и был готов на жертвы ради его защиты. Благодаря ярким и запоминающимся образам, советские фильмы укрепляли в молодёжи чувство патриотизма, коллективизма и ответственности за судьбу страны. Такие фильмы не только развлекали, но и активно формировали мировоззрение и идеологические ориентиры целого поколения. Именно этому молодому поколению в будущем суждено было защищать страны в годы Великой Отечественной войны. И с этой задачей они справились.

3. Следовательно, кинофильмы сталинской эпохи с их акцентом на героизм, патриотизм и коллективизм подсказывают нам сегодня, как можно эффективно использовать кино как средство медиакommunikации для

воспитания молодёжи, формируя у неё чувство гордости за страну и готовность служить её интересам. Поэтому важно снимать фильмы для молодежи о современных героях, адаптируя к нынешним реалиям идеи фильмов прошлых лет, тем самым сохраняя значимость общих ценностей и историческую преемственность.

Список литературы

1. Петрова А.П. Репрезентация образа героя в российском кинематографе XX-XXI веков : эволюция и актуальная социокультурная диагностика : автореферат дис. ... кандидата культурологии. — Челябинск, 2021. — 26 с.

УДК 070

ОСОБЕННОСТИ ПОДГОТОВКИ МЕДИАСПЕЦИАЛИСТОВ НА КАФЕДРЕ ЖУРНАЛИСТИКИ ДОНЕЦКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА (НА ПРИМЕРЕ ОРГАНИЗАЦИИ УЧЕБНОГО ПРОЦЕССА ПО ДИСЦИПЛИНЕ «РАДИОЖУРНАЛИСТИКА»)

Гудова Т. В., ORCID 0009-0005-0626-5821

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
gudova@mail.ru

Введение. Нельзя не признать тот факт, что сегодня традиционное радиовещание уступает в конкурентной борьбе современным СМК. Данный вид СМИ слушают в основном отдельные слои населения, в большей степени, это автолюбители и домохозяйки. Но в то же время роль радио ни в коем случае нельзя преуменьшать, поскольку оно всегда было, есть и остается самым комфортным, неприхотливым и доступным СМИ [1]. Особую значимость и актуальность эти качества радио приобретают в период различных экстремальных ситуаций в стране, катаклизмов, военных действий и т. д.

С начала конфликта в Донбассе, во время проведения СВО для населения Донецкой Народной Республики, особенно для жителей прифронтовых районов и городов, радио зачастую становилось единственным источником информации, из которого они могли оперативно узнавать сводки боевых действий, о ситуации в городе и т. д.

Поэтому необходимо будущим мастерам пера и телеэкрана во время изучения особенностей и принципов радиожурналистики донести важность такого СМИ, как радио на современном этапе, дать им уже во время учебного процесса попробовать себя в роли радийщиков, создавать авторские проекты, прикоснуться к искусству «говорить у микрофона».

Основная часть. В аспекте вышесказанного необходимо отметить, что курс «Радиожурналистика» должен входить в число профессионально-ориентированных дисциплин учебного плана и изучаться на младших курсах бакалавриата. Оптимально на втором, когда студенты на первом курсе уже приобрели достаточную теоретическую базу для освоения этого предмета, а знания, полученные в результате изучения «Радиожурналистики», станут им хорошим подспорьем для реализации своих творческих медиапроектов на старших курсах бакалавриата и в магистратуре. Данный посыл касается всех трех направлений подготовки кафедры журналистики Донецкого государственного университета.

Необходимо учесть еще один важный момент при подготовке профессиональных радиийщиков — это лабораторные занятия, которым необходимо уделить максимальное внимание преподавателя. Они должны проводиться в специальных аудиториях с соответствующим оборудованием (микшерским пультом, микрофоном). Соблюдение этих условий, несомненно, будет способствовать тому, что студенты уже во время образовательного процесса смогут оттачивать свои профессиональные навыки, демонстрировать творческие идеи и проекты, не бояться микрофона и работать в команде.

Что касается проведения занятий в целом, то здесь особое место должно быть отведено формату обсуждения, вовлечению студентов в дискуссионный процесс. Чтение лекций в традиционном формате обязательно должно быть подкреплено мультипрезентационными материалами, включением радиоэфиров отечественных радиостанций для иллюстрации теоретической информации. Задания, выданные студентам, должны нести прикладное значение и формировать у обучающихся практическое представление о данном направлении журналистики. Например, среди основных задач в процессе изучения курса «Радиожурналистика» можно выделить следующие:

- анализ деятельности местных и отечественных радиостанций (сетка вещания, работа ведущих, переход в цифровую среду, методы рекламы и продвижения данных радиостанций и т. д.);
- онлайн-опрос жителей ДНР о популярности радио, составление по его результатам итоговых материалов (аналитических записок, графиков, презентаций и др.);
- оттачивание техники речи путем проговаривания скороговорок (для большей вовлеченности и заинтересованности студентов скороговорки можно облечь в формат информационного радиовыпуска и предложить обучающимся записать данный выпуск в качестве самостоятельного творческого проекта) [2];
- разработка концепции авторской радиопередачи;
- запись радиоспектакля (сказки, очерка, рассказа) как закрепление теоретического материала по документально-художественным жанрам радиожурналистики и выразительным средствам радио.

В качестве итогового и необходимого задания целесообразно предложить студентам работу в команде, а именно — создание творческого коллектива для реализации совместного медиапроекта — радиостанции. Студенты должны пройти все этапы подготовки и создания радио — от разработки идеи и формирования коллектива радиостанции до записи полноценного эфира со всеми необходимыми его элементами (новостным блоком, музыкальным сопровождением, авторскими проектами, радиорекламой, интерактивом со слушателями и др.).

Также в процессе освоения курса «Радиожурналистика» было бы очень кстати провести непосредственное знакомство обучающихся с принципами работы местной радиостанции (организация и проведение экскурсии для будущих журналистов). Интересен также опыт проведения мастер-классов от ведущих радиожурналистов Республики, разработка совместных творческих проектов, участие студентов в эфирах местных радиостанций.

У кафедры журналистики заключены договоры с радиостанциями Донецкой Народной Республики. Начиная со второго курса, студенты могут проходить там учебно-ознакомительную и профессионально-творческую практики. В свете этого можно предложить руководству местных радиоканалов систематически организовывать для обучающихся различные конкурсы и викторины. Победители могут получить возможность дальнейшего трудоустройства.

Заключение. Подводя итог, необходимо отметить, что изучение современной журналистики в целом и радиожурналистики, в частности, немислимо без творческого подхода и внедрения в учебный процесс инновационных методов обучения, активного приобщения студентов к практической составляющей дисциплины, выработке у них, в первую очередь, интереса к изучаемому курсу. Особенно это важно, когда уже на первом занятии преподаватель чувствует скептический настрой современных молодых людей, заложников гаджетов и соцсетей, к такому традиционному СМИ, как радио. И архиважная задача, которая стоит перед преподавателем, так заинтересовать студентов, чтобы к концу курса ребята не просто изменили свое мнение о радио, но и качественно, с удовольствием завершили работу над творческим медиапроектом — разработали концепцию собственной радиостанции и записали пробный учебный эфир.

Список литературы

1. Радиожурналистика: Учеб. пособие / О.В. Мурзина, Э.С. Карпов. — М.: ФГБОУ ВО «РГУ им. А.Н. Косыгина, 2021. — 119 с. — Текст: непосредственный.
2. Радиожурналистика: тренинг аудиовизуальной грамотности: учебное пособие / К.А. Зорин. — М.: Знание, 2023. — 116 с. — Текст: непосредственный.
3. Медиастанция. Портал для Media sapiens [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://mediastancia.com/articles/4144/>

МОНОПОЛИЯ ЧЕТВЕРТОЙ ВЛАСТИ: СРЕДСТВА МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ И МЕДИАПРАВО

Гулякина Е. В., ORCID 0009-0000-4468-4174,

Чудаков М. А., ORCID 0009-0006-7862-8617

ФГБОУ ВО «Донбасский государственный университет юстиции», г. Донецк, РФ

elena.gulyakina72@gmail.com, maksimchudako@yandex.ru

Введение. Средства массовой информации оказывают все большее влияние на жизнь общества. Информация не просто играет важную роль в социуме, а непосредственно управляет психологическим состоянием человека. Правильное освящение тех или иных событий в медиaprостранстве становится залогом процветания любого государства, поэтому нормативно-правовое регулирование деятельности прессы в настоящее время является неотъемлемой правовой функцией развитой страны. Общие правила и нормы такой деятельности в сети объединились в целую структуру под названием «медиаправо».

Цель работы — определение степени воздействия и эффективности правовых механизмов медиаправа по отношению к источникам массовой информации. Изучение вопроса соотношения права в сфере публичной информации и СМИ позволит сформулировать рекомендации по созданию системы норм, регулирующих деятельность в пространстве массовой информации.

Основная часть. Тематика правового регулирования общественных отношений в медиаправе изучается и закрепляется в научной и учебной литературе многими правоведами. Примером такого теоретического исследования данного вида права может служить учебное пособие кандидата юридических наук Г.И. Уваркина «Медиаправо». В своей книге автор часто говорит о важности развития отрасли права в сфере публичного цифрового пространства: «Система распространения массовой информации является открытой, технологическое развитие порождает все новые формы распространения массовой информации <...>, которые требуют изучения с точки зрения применения к ним существующих законов» [3, с. 5].

Медиаправо — довольно молодая правовая отрасль, все еще изучаемая правоведами, однако нужно сразу отметить, что у нее уже есть предмет, признаки, а также четкая сфера регулирования. Стоит сразу сказать, что данный правовой инструмент в основном относят к системе информационного права, где медиаправо рассматривается как один из институтов права в сфере информации, хотя и имеет уже множество признаков отдельной отрасли права.

Право массовой коммуникации, или медиаправо — это система правил и норм, регулирующих деятельность субъектов права в процессе осуществления корреспондентской работы, а также деятельности по поиску, получению, распространению массовой информации [2, с. 116]. Такой термин вполне ясно дает понять, что публичная информация в сети приобретает границы и степень дозволенности через появление и утверждение стандартов в праве, соблюдение которых становится обязательным.

Существование нормативно-правовых актов в медиаправе позволяет выделить начала и принципы в регулировании средств массовой информации, которые напрямую отражают суть правовых традиций того или иного государства в отношениях с новостными агентствами. В качестве признаков этого права можно выделить такие черты, как:

1. Свобода массовой информации. Данный признак подразумевает отсутствие каких-либо ограничений, кроме предусмотренных законом, по поиску, использованию данных в публичном пространстве [1, с. 382].

2. Недопустимость цензуры. Наложение запрета государственным органом или его должностным лицом на любые материалы СМИ не допускается, за исключением случаев, включающих нарушение закона РФ.

3. Недопустимость злоупотребления свободой массовой информации. Никакие сведения не могут быть использованы массмедиа в случае, если они раскрывают государственную тайну или противоречат закону.

Данные признаки характеризуют медиаправо как инструмент, устанавливающий в первую очередь свободу СМИ в России и защищающий государство от дезинформации и противозаконной деятельности прессы.

Предмет регулирования права массовой информации состоит в правоотношениях, которые возникают в процессе публичной деятельности учредителя, редакции или издательства в цифровой среде. Данные правоотношения могут быть разделены на две категории: внутренние и внешние [1, с. 385].

Внутренние отношения возникают при взаимодействии редакции, издательства, учредителя и собственника между собой. Эти связи характеризуются переплетением функций четырех вышеупомянутых субъектов, таких как: распределение полномочий, определение политики новостного агентства, формирование бюджета и т. д. Также можно сказать, что сложность в таком сотрудничестве заключается в разграничении между участниками права материальной собственности и права интеллектуальной собственности.

Внешние отношения — это взаимодействие СМИ с потребителями, то есть гражданами, предприятиями или государством. Такие точки соприкосновения в основном касаются права интеллектуального, потому что любые споры в этой сфере чаще всего заключаются в проблемах,

связанных с достоверностью информации, ее соответствием моральным устоям и ее законности.

Медиаправо уже имеет множество нормативно-правовых актов, которые обеспечивают этой отрасли юридическую базу. В первую очередь, деятельность СМИ регулирует ФЗ «О средствах массовой информации», который излагает основные аспекты порядка осуществления публичной работы в информационной сфере прессы и регулирует распространение, использование и создание массовой информации [4]. Данный закон также определяет основополагающие принципы медиаправа. Стоит также отметить ФЗ «О рекламе», который также контролирует популяризацию данных о различных объектах производства [5].

Заключение. Современное законодательство многих стран находится в состоянии быстрого развития и интенсивных изменений, что обусловлено массовой цифровизацией всех сфер жизни общества. Такие правовые новшества коснулись и средств массовой информации, что выразилось в появлении медиаправа. Признаки, предмет, система правоотношений и законодательная база позволили этой новой отрасли права стать структурой, которая четко регулирует деятельность СМИ и контролирует распространение общественной информации, гарантируя таким образом существование успешного общества.

Список литературы

1. Бачило, И. Л. Информационное право: учебник для вузов. / И. Л. Бачило. — 3-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2015 г. — 564 с. — ISBN 978-5-9916-2677-4.
2. Довнар, Н. Н. Институциональная характеристика правового регулирования СМИ: особенности современного этапа /Н.Н. Довнар // Вестник Университета имени О.Е.Кутафина. — 2019 г. — №12 (64). — С. 113–120. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/institutsionalnaya-harakteristika-pravovogo-regulirovaniya-smi-osobennosti-sovremennogo-etapa> (дата обращения: 22.08.2024). DOI: 10.17803/2311-5998.2019.64.12.113-120.
3. Уваркин, Г. И. Медиаправо: учебное пособие. / Г. И. Уваркин. — Москва: ИНФРА-М, 2024. — 300 с. — ISBN 978-5-16-018899-7.
4. Федеральный закон «О средствах массовой информации» от 27.12.1991 N 2124-1-ФЗ (последняя редакция от 11.03.2024) // КонсультантПлюс: [сайт]: Москва. — 1997. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1511/ (дата обращения: 22.08.2024).
5. Федеральный закон «О рекламе» от 13.03.2006 N 38-ФЗ (последняя редакция от 23.04.2024) // КонсультантПлюс: [сайт]: Москва. — 1997. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_58968/ (дата обращения: 22.08.2024).

ИННОВАЦИОННЫЕ МЕТОДЫ ИЗМЕРЕНИЯ УРОВНЯ МЕДИАГРАМОТНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ НА НОВЫХ ТЕРРИТОРИЯХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Давшан И. И., ORCID 0009-0005-3164-8963,

Ботман А. И.

ФГБОУ ВО «Мариупольский государственный университет

имени А. И. Куинджи», г. Мариуполь, ДНР, РФ

registrarat@mgumariupol.ru

Введение. Медиаграмотность представляет собой набор умений и знаний, необходимых для эффективного взаимодействия с медиасообщением в различных его формах. В современном цифровом мире, когда мы постоянно подвергаемся информационному потоку посредством различных источников СМИ, медиаграмотность приобретает всё большую значимость [1]. Что должен знать и уметь человек с достаточным уровнем медиаграмотности: отличать факты от вымысла и правду от дезинформации; анализировать сообщения СМИ, оценивать их достоверность и предвзятость; понимать, как медиа формируют наше восприятие мира; взаимодействовать с другими людьми в цифровом пространстве; при создании собственных медиасообщений действовать в рамках этических и правовых норм.

Цель. Рассмотреть недостатки традиционных методов оценки и предложить новые подходы, использующие технологии и подробные анализы данных. Работа подчеркивает важность измерения уровня медиаграмотности для понимания потока воспринимаемой информации и обеспечения критического мышления в цифровой среде.

Основная часть. Традиционные методы измерения медиаграмотности, такие как анкетирование и тесты, имеют свои ограничения: они часто основаны на самооценке, которая может быть не всегда точной; часто затрагивают только отдельные аспекты медиаграмотности, а не ее комплексное понимание; могут быть субъективными и зависеть от толкования оценщика.

Для преодоления этих ограничений и получения более объективных результатов необходимо использование инновационных методов измерения уровня медиаграмотности. Такие методы должны быть автоматизированными или полуавтоматизированными, основываться на реальных данных медиасреды и способны измерять разнообразные навыки медиаграмотности. Подобные инструменты должны быть пригодны для использования в различных областях, включая образование [4].

Рассмотрим некоторые инновационные формы измерения медиаграмотности:

1. Использование искусственного интеллекта (ИИ).

Искусственный интеллект может быть использован для анализа медиаконтента с целью выявления фейковых новостей, предвзятой информации или манипуляций. Алгоритмы машинного обучения могут помочь автоматически распознавать подобные аспекты в новостях или статьях [2].

2. Применение больших данных.

Анализ больших данных позволяет выявлять закономерности в потреблении и создании медиаконтента. Это может помочь в понимании того, как люди взаимодействуют с информацией, какие темы им интересны, и какие источники они предпочитают.

3. Разработка интерактивных инструментов и игр.

Создание интерактивных инструментов и игр для измерения медиаграмотности может быть эффективным способом обучения и оценки навыков. Такой способ позволяет людям активно участвовать в процессе обучения и развивать критическое мышление в отношении медийного контента.

Указанные инновационные методы помогают не только изучить вопросы медиаграмотности, но и обучить людей различать информацию, анализировать содержание и принимать осознанные решения при взаимодействии с журналистскими материалами [5].

Инновационные формы и методы измерения медиаграмотности имеют широкий спектр применений:

- Разработка учебных программ по медиаграмотности на основе данных.

Анализ данных, собранных с помощью инновационных методов измерения, может помочь выявить пробелы в знаниях и навыках медиаграмотности учащихся. Эта информация может быть использована для разработки более эффективных и целенаправленных учебных программ по медиаграмотности, соответствующих конкретным потребностям учащихся.

- Информирование политики и принятия решений, связанных с медиа.

Данные об уровне медиаграмотности населения могут информировать политику и принятие решений, связанных со СМИ. Например, правительства могут использовать эти данные для разработки стратегий повышения уровня медиаграмотности среди граждан, особенно среди уязвимых групп [3].

- Отслеживание прогресса в повышении уровня медиаграмотности.

Инновационные методы измерения позволяют отслеживать прогресс в повышении уровня медиаграмотности с течением времени. Это может помочь оценить эффективность программ по медиаграмотности и внести коррективы по мере необходимости.

- Распространение медиаграмотности за пределы традиционных образовательных учреждений.

Заключение. Инновационные методы измерения могут использоваться для распространения медиаграмотности за пределы традиционных образовательных учреждений. Например, можно разработать интерактивные онлайн-инструменты и игры, которые позволяют людям всех возрастов и слоев общества улучшить свои навыки медиаграмотности [2].

Исследование методов определения уровня медиаграмотности населения на новых российских территориях имеет важное значение для: разработки эффективных образовательных программ по медиаграмотности; мониторинга прогресса обучающихся и выявления областей для улучшения её отдельных составляющих; информирования о политике и практике в области медиаграмотности; повышения осведомленности общественности о важности медиобразования.

Измерение медиаграмотности является существенным аспектом продвижения критического мышления и активного гражданства в цифровом мире. Оно позволяет нам оценивать уровень понимания и навыков, необходимых для успешной навигации в медиаландшафте. Инвестиции в вопрос изучения методов повышения медиаграмотности населения могут привести только к развитию информационного общества, способному критически оценивать медиасообщения, принимать обоснованные решения и участвовать в гражданском дискурсе [6].

Список литературы

1. Баженова, Е. А. Инновационные подходы к формированию медиаграмотности учащихся / Е.А. Баженова // Вопросы образования. — 2018. — № 2. — С. 115-127.
2. Электронный научный журнал «Медиаскоп» — [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://www.mediascope.ru/2679> (дата обращения: 08.09.2024).
3. Зайцева, С. А. Методы и формы развития медиаграмотности у студентов педагогического вуза / С.А. Зайцева // Вестник Томского государственного педагогического университета. — 2018. — № 4 (191). — С. 37-43.
4. Виноградова, А. В. Медиаграмотность: образовательные аспекты [Электронный ресурс] /А.В. Виноградова // Информационно-аналитический портал «Научная педагогика». — Режим доступа : <https://journal.s-pedagogika.ru/issues/2018/25/32915/> (дата обращения: 08.09.2024).
5. Технологии медиаобразования в корпоративном образовании [Электронный ресурс] — Режим доступа : <https://cyberleninka.ru/article/n/tehnologii-mediaobrazovaniya-v-korporativnom-obrazovanii/viewer> (дата обращения: 08.09.2024).
6. Макарова, С. Е. Формирование медиаграмотности студентов вуза с использованием современных образовательных технологий // Вестник Московского государственного областного университета. Серия : Педагогика. — 2018. — № 2. — С. 51-58.

РУССКИЕ КОНЦЕПТЫ В ИНФОРМАЦИОННОЙ ВОЙНЕ

Даренский В. Ю., д-р филос. наук, доц., ORCID 0000-0003-2042-5527
ФГБОУ ВО «Луганский государственный университет имени В. И. Даля»,
г. Луганск, РФ
darenskiy1972@rambler.ru

Введение. В информационной войне Запада против России Запад использует свою традиционную русофобскую мифологию, основные «идеи» которой были придуманы еще полтысячелетия назад в эпоху Ивана Грозного и с тех пор, по сути, не изменились. Эти «идеи» рассчитаны на историческое невежество своих адептов и легко опровергаются фактами. Но проблема состоит в том, что такое русофобское невежество является массовым как на Западе, так и в самой России.

Целью данных тезисов является рассмотрение ключевых концептов, которые могут «взломать» это невежество и заставить людей всерьез воспринимать именно русский взгляд на мир как истинный.

Основная часть. Важнейший такой мем был введен в оборот В. В. Путиным, но до сих пор не используется в публичном дискурсе, несмотря на свой огромный смысловой потенциал. Это определение коллективного Запада как «Империи лжи». На основе этого концепта можно построить такой подлинный и точный образ Запада как антицивилизации с антиценностями, ведущими человечество к гибели. В реальности этому истинному образу Запад ничего не сможет противопоставить, кроме своей привычной лжи, в которую верят только полностью манипулируемые люди — к сожалению, не только на Западе, но и в самой России. *В противоположность Западу мы строим образ России как мирового цивилизационного лидера, защищающего традиционные человеческие ценности, обеспечивающие физическое выживание народов путем их защиты от духовной деградации.* Такая модель может быть очень эффективной как для консолидации русского самосознания, так и для разрушения русофобских мифов на уровне «глобальной аудитории».

В настоящее время в России существует большое количество работ по теме новейшей идеологической войны, однако эффективные концепты до сих пор в полной мере не сформулированы. «Информационное пространство, — отмечается в одной из таких работ, — формирует собственные ресурсы и изменяет значимость традиционных ресурсов, создавая новую среду геополитических отношений и конкуренции... изменяет характер и содержание социально-политических (общественных) отношений во всех сферах — политике, культуре, науке, религии и других» [1, с. 96]. Поэтому «если ранее для учета и прогнозирования потенциала государств использовались три измерения — политическое, экономическое

и военное, то сегодня констатируется рождение новой области — информационной стратегии» [2, с. 106]. Это объясняется тем фактом, что «профессионально осуществляемая пропаганда способна созидать мощнейшее государство и “разрушить его до основания”, чему есть исторические подтверждения. Она может мобилизовать общество и полностью деморализовать его. В ее силах победить, уничтожить самую мощную армию и способствовать ее возрождению, модернизации, поднятию духа» [3, с. 15]. *Война против Запада в информационной сфере должна быть только наступательной, то есть в первую очередь состоять в обвинениях и обличениях Запада.* В настоящее время такой стиль идеологической войны уже стал стихийно формироваться на уровне официального дискурса, включая высказывания президента В.В. Путина, главы МИД С.В. Лаврова и других лидеров страны.

Однако при этом не хватает системной разработки наступательного дискурса информационной войны. Такой дискурс может эффективно разрабатываться только профессиональным сообществом, которое должно быть хотя бы отчасти и организованным на государственном уровне. В основу позитивного противопоставления западного и российского обществ должен быть положен совсем иной принцип и другая терминология, не зависящая от привычных западных схем. С другой стороны, эта терминология должна быть понятна и западной аудитории. *В качестве такой терминологической схемы можно использовать противопоставление России как мобилизационного общества — Западу как обществу манипулятивному.* Эти термины соответствуют объективной реальности, но, кроме того, также указывают на направление эволюции этих обществ. *Россия может выжить и развиваться только как мобилизационное общество — т. е. общество, которое развивает качества людей, необходимые для духовного и материального развития народа и противостояния внешним вызовам.* Запад же существует в рамках модели общества потребления, заданной ему «хозяевами мировых денег».

В информационной войне основными концептами должны быть те, которые резко обличают подлинные мотивы действий Запада и его примитивное самосознание: т. е. это концепты корыстности и нарциссизма Запада как его определяющие характеристики. Соответственно, Россия позиционируется как суверенная цивилизация, которая не подчиняется корыстному диктату Запада и движима принципом ответственности, а не корысти. Россия ответственна не только за свой собственный суверенитет и сохранение христианской традиции, уничтожаемой Западом, но теперь и за весь мир, противостоя глобальной диктатуре Запада. Последний аспект очень важен, поскольку *de facto*, по определению делает Россию *мировым цивилизационным лидером*. Цивилизационное лидерство определяется не размерами ВВП, а той моделью мироустройства, которую строит данная страна. Россия в данный момент соответствует этому понятию.

Радикальное применение понятия «тоталитаризм» по отношению к современному Западу может весьма эффективно разрушать его стандартную идеологическую схему, применяемую им для дискредитации не-Запада. То, что на Западе называют «демократией», не имеет никакого отношения к реальному народовластию, а представляет собой «политический театр» — манипулятивную систему, обеспечивающую реальную власть глобальной финансовой олигархии. У вассалов Запады словом «демократия» называют марионеточные режимы, назначенные американскими хозяевами. Соответственно, «диктатурами» пропаганда Запады называет те страны, которые не стали марионетками и развиваются самостоятельно, преодолевая бешеное сопротивление Запады. В настоящее время Россия стала самой активной из таких стран, что вызывает самую агрессивную идеологическую войну против неё. Выстоять в этой войне против идеологии Запады совершенно невозможно, находясь в позиции оправдания и пассивной обороны, как это до сих пор происходит.

Исследователи принципов информационной войны выделяют в качестве основного «приема» разрушения пропаганды противника такой: «Качества информационного оружия, отражающие особенности его применения: асимметрия, благодаря которой отдельный элемент может оказаться сильнее всей системы (следствием асимметрии становится неожиданность, информационное оружие находит незащищенные места чужой системы); мимикрия, в соответствии с которой информационное оружие повторяет по форме типичный элемент данной системы, но несет при этом иное содержание» [2, с. 213]. Исходя из этой закономерности, нужно понимать, что российское идеологическое «оружие» должно быть направлено не на дискуссии по частным вопросам, а на жесткое «обрушение» всей «картины мира» идеологических врагов России.

Заключение. Русские идеологические концепции, используемые в информационной войне против Запады, будут эффективными только в том случае, если будут следовать главному принципу: они не могут быть лишь оправданием и ответом на ложь Запады, но должны исходить из русской картины мира так, чтобы представлять её другим как истинную.

Список литературы

1. Манойло, А.В. Государственная информационная политика в особых условиях: Монография. — М.: МИФИ, 2003. — 388 с.
2. Манойло, А.В. Государственная информационная политика в условиях информационно-психологической войны / А.В. Манойло, А.И. Петренко, Д.Б. Фролов. — 3-е изд., стереотип. — М.: Горячая линия — Телеком, 2018. — 542 с.
3. Сергеев, В.К. Россия — Запады: информационное противоборство — политические реалии международных отношений // Социально-гуманитарные знания. — 2018. — № 6. — С. 7–17.

ПРОБЛЕМНОЕ МЕДИАПОЛЕ КУЛЬТУРНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ ИНТЕРНЕТ-ИЗДАНИЙ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН)

Дорощук Е. С., д-р пед. наук, проф. ORCID 0000-0001-8380-9304
ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», г. Казань, РФ
leona31@eandex.ru

Введение. Современные медиа являются одним из основных каналов сохранения и трансляции культурных ценностей. И этот процесс нарастает за счет бурного развития телекоммуникационных технологий, позволяющих говорить о высокой степени цифровизации и сферы культуры. Культура представляет собой универсальное явление, в силу чего ее значение для человека и общества сложно переоценить. Как подчеркивают В. Е. Шумилина и А. А. Герасимик, культура — это «многообразие прямых и косвенных связей и отношений человека» [1]. И тем сложнее процессы воздействия на человека и социальную среду его обитания по каналам культуры — каждое нивелирование традиционных ценностей, культивирование вредных воздействий через коммуникационные системы вызывают необратимые последствия, которые исправить бывает достаточно сложно. Отсюда культурная безопасность — это пространство особого внимания со стороны государства.

Цель: выявить особенности проблемного медиаполя безопасности в области культуры на примере интернет-изданий Республики Татарстан.

Основная часть. Культурную безопасность вслед за А. П. Романовой и М. М. Бичаровой можно определить как «поддержание национальной безопасности через развитие культурного самосознания» [2, с. 37]. Формирование культуры как инструмента политического толка связывают с бурным развитием средств массовой информации в трансграничном коммуникативном пространстве второй половины XX века, когда возникло такое явление как «мировое общественное мнение» [3]. Анализ теоретических работ в области культурной безопасности и медиа позволил выделить аспекты культурной безопасности, к которым отнесены: культура производства; занятость населения; культура потребления (с учетом деформации ценностных ориентиров как важного элемента современного процесса потребления медиаконтента); сфера общественных, семейных и личных отношений; политическая культура; художественная культура (олицетворяет и отражает общественные отношения, является национальной и служит интересам национального развития). К угрозам культурной безопасности отнесены: коммерциализация, включая медиасферу (массированный экспорт культурной продукции с захватом и

монополизацией рынков, осуществляющийся через медиаканалы); давление СМИ, приводящее к смещению ценностных ориентиров; нарастание зависимости от медийных образов разного толка; пропаганда идей национального и расового превосходства, агрессии и войны, культа насилия, наживы; бюрократизация общественных отношений, отчуждение людей друг от друга.

Медийная деятельность, включая журналистскую, рассматривается как основа культурной коммуникации. В этом контексте культура определяется, например, В. П. Коломийцем как важнейший фактор обеспечения национальной безопасности, центр трансформационных преобразований и самих медиа. Исследователь справедливо указывает на индустриальный конфликт — между медиа на фоне относительно свободного развития Интернета, бурно развивающейся цифровой среды и институционально оформленной системой СМИ [4].

Как подчеркивает О. Е. Воронова, именно культуре в условиях кризиса современного миропорядка принадлежит роль фактора в обеспечении государственного суверенитета и национальной безопасности, хранительницы цивилизационного кода нации, ее ценностного базиса [5]. Поэтому актуализируется в социогуманитарных исследованиях понятие «культурная безопасность», определяющаяся как фактор национальной безопасности [6].

В. А. Сидоров отмечает, что медиатизация приводит к тому, что и в политике, и в культуре происходит соприкосновение с медиафактами и медиасобытиями на основе цифрового отчуждения человека, «уравнивающего подлинное и мнимое, красоту и безобразия, добро и зло» [7, с. 124].

Противостоять этим деструктивным процессам медиа могут в контексте формирования повестки дня, основанной на осознании ценностей культурной безопасности на профессиональном и ментальном уровнях.

Эффективной формой культурной безопасности является диалог, который приводит к рефлексивной оценке/самооценке культурного пространства. Так как журналистское творчество базируется на диалоге, а сама культура журналистского труда также диалогична, сродни сократическому/эвристическому самостоянию, диалог журналиста с аудиторией является наиболее распространенной методикой культурной безопасности. Он формируется и одновременно формирует проблемно-тематическое пространство региональных медиа, что подтверждается результатами исследования медиатекстов интернет-медиа Республики Татарстан. Медиаполе насыщено культурными инфологемами, призванными воздействовать на культурное пространство и использоваться для обеспечения культурной безопасности. Они представлены тремя видами: 1) инфологема национальной идентичности, характеризующие самобытность народов, населяющих Республику Татарстан и отражающие

их культурный менталитет («мусульманская культура», «православная культура», «тюркоязычный мир» и т. д.); 2) инфологемы толерантности личности в поликультурном/полилингвальном пространстве как гарантия формирования культурного менталитета на республиканском уровне, складывающегося из качеств восприимчивости/невосприимчивости к враждебным воздействиям и угрозам искажения культурного пространства («многонациональный», «традиционный», «мир культур» и т. д.); 3) инфологемы ограничения/противостояния культурной агрессии с целью сохранения и защиты сформированного культурного пространства, базирующиеся на воспитательной функции медиа, с целью предотвращения замещения традиционного типа культуры на уровне личности («культурный контекст», «культурное воспитание», «творчество» и т. д.).

Заключение. Культурная безопасность под воздействием медиатизации приобретает вид культурной медиабезопасности, в основе которой формирование медийной повестки дня, основанной на осознании культурных ценностей, возрождении традиционных культурных контекстов, воспитании восприимчивости разных культур, преодолении негативного воздействия культурных агрессий, адекватной оценки культурного контента.

Список литературы

1. Шумилина, В.Е. Проблема культурной безопасности России / В.Е. Шумилина, А.А. Герасимик // Наука и мир. — 2022. — № 3. — С. 121-125. — DOI: 10.26526/2307-9401-2022-3-121-125.
2. Романова, А.П. Проблема культурной безопасности в научном дискурсе / А.П. Романова, М.М. Бичарова // Человек. Сообщество. Управление. — 2015. — Т. 16. — № 2. — С. 36-55.
3. Коваленко, Т.В. Культура как фактор национальной безопасности: концептуальные и стратегические аспекты / Т.В. Коваленко // Журнал Института Наследия. — 2018. — № 1(12). — URL: <http://nasledie-journal.ru/ru/journals/194.html> (дата обращения: 09.09.2024).
4. Коломиец, В.П. Медиатизация медиа / В.П. Коломиец. — Москва: Издательство Московского университета, 2020. — 256 с. — ISBN: 978-5-19-011552-9.
5. Воронова, О.Е. Культурный суверенитет как основа национальной безопасности России / О.Е. Воронова // История. РФ. — 05.03.2019. — URL: <https://histrf.ru/read/articles/kulturnyi-suvierienitiet-kak-osnova-natsionalnoi-biezopasnosti-rossii> (дата обращения: 09.09.2024)].
6. Белозор, А.Ф. Культурная безопасность как основа культурной идентичности / А.Ф. Белозор // Человек и культура. — 2019. — № 1. — С. 80-86. — DOI: 10.25136/2409-8744.2019.1.28819. — URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=28819 (дата обращения: 12.09.2024).
7. Сидоров, В.А. Аксиология массмедиа: проблемные поля и стратегии изучения / В.А. Сидоров // Гуманитарный вектор. — 2021. — Т.16. — № 4. — С.117-125. — DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-4-117-125.

ПОЭТИКА ЦИФРОВОЙ ЭПОХИ: КОНТЕНТ МОЛОДЕЖНЫХ СМИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Журба Т. А., Чишевич А. И.

ФГБОУ ВО «Мариупольский государственный университет имени А. И. Куинджи»,
г. Мариуполь, ДНР, РФ
t.zhurba@mgumariupol.ru

Введение. Современные молодежные журналы находятся на пересечении традиционных медиа и новых цифровых технологий, что требует от них постоянного внедрения инноваций в контент и форматы подачи информации. Молодежная аудитория, активно потребляющая информацию через социальные сети и онлайн-платформы, предъявляет новые требования к СМИ, ожидая от них динамичных и интерактивных форматов. В ответ на это, молодежные журналы стремятся предлагать мультимедийные материалы, которые соответствуют запросам цифрового поколения. Данный переход сопровождается изменениями в структуре контента, форматах его представления и способах взаимодействия с читателями.

Целью данного исследования является анализ ключевых инноваций в контенте молодежных журналов в условиях цифровой эпохи, а также оценка их влияния на восприятие и популярность среди молодежной аудитории. Особое внимание уделяется изменению поэтики контента в связи с цифровизацией, внедрению мультимедийных форматов, повышению интерактивности и персонализации контента.

Основная часть. В современной структуре медиа наиболее значимые трансформации происходят из-за выхода традиционных СМИ за пределы их привычной деятельности в онлайн-пространство. Для многих журналов печатные выпуски теперь являются лишь дополнением к основному объему информации, представленной в цифровом формате. Периодические издания преобразуются в мультимедийные редакции и бренды, которые работают в условиях гибридной конвергентной среды [4].

К примеру, в разделе «Шорты» на медиапортале «Тинькофф-Журнал» размещена статья «10 книг для тех, кто хочет стать хорошим руководителем», которая демонстрирует особенности коротких форматов контента. Текст представлен в формате, удобном для пролистывания, и состоит из нескольких карточек с легкой подачей и юмором. Для взаимодействия с аудиторией используется механизм обратной связи через онлайн-чат, где читатели могут делиться мнениями, отвечая на вопросы модератора. Как утверждает А.В. Князева, медиапортал таким образом выполняет функцию круглосуточного бесплатного консультационного сервиса. Дополнительно на сайте присутствуют интерактивные тесты и

опросы, которые способствуют установлению контакта с аудиторией, вовлекая её в финансовые и аналитические статьи [3,5].

Журналы активно используют социальные сети и другие платформы для обратной связи, публикуя опросы, тесты и викторины, которые помогают читателям активно взаимодействовать с материалами. Интерактивные элементы занимают важное место в молодежном интеллектуальном журнале «НОЖ». На его сайте пользователи могут найти разнообразные игры и тесты, которые не только развлекают, но и проверяют знания по различным темам. Эти тесты часто интегрированы в сами статьи, предлагая читателям перейти по ссылке для прохождения, если материал вызвал их интерес. Такой подход позволяет журналу не только удерживать внимание аудитории, но и активно вовлекать её в процесс получения информации, создавая ощущение непосредственного участия. Более того, интерактивные инструменты помогают журналу формировать обратную связь с читателями, анализировать их предпочтения и корректировать будущий контент в зависимости от актуальных интересов аудитории [2]. Такой подход создает новые возможности для журналов по укреплению отношений с аудиторией и увеличению лояльности, превращая потребителей информации в активных участников медийного процесса.

В последнее время все большее распространение получают мультимедийные статьи, известные как лонгриды. Этот жанр сочетает текст с разнообразными медиаэлементами, такими как фотографии, видеозаписи и аудиоматериалы, что позволяет глубже раскрыть тему и сделать её восприятие более насыщенным. Такой формат активно используется крупными изданиями для создания информационных материалов с высокой степенью вовлеченности. Примером служит лонгрид «Земля отчуждения», опубликованный изданием «Коммерсантъ», в котором рассказывается о катастрофе на Чернобыльской АЭС [1]. В статье подробно представлена хронология событий, приведены комментарии очевидцев, а также размещены фотографии, показывающие последствия аварии.

Мультимедийные позволяют интегрировать интерактивные элементы — от графиков до карт и аудиофайлов — что делает их особенно подходящими для освещения сложных и многогранных тем.

Заключение. Таким образом, в условиях цифровой эпохи молодежные журналы активно адаптируются к новым требованиям аудитории, внедряя инновационные форматы и подходы к подаче информации. Цифровизация изменила структуру и поэтику контента, сделав его более кратким, интерактивным и мультимедийным. Интерактивные элементы и социальные сети играют важную роль в вовлечении аудитории, позволяя читателям становиться активными участниками медийного процесса. Мультимедийные лонгриды, тесты и опросы помогают журналам устанавливать прочную связь с аудиторией и формировать более персонализированные материалы.

Список литературы

1. «Коммерсантъ» / Земля отчуждения : [сайт]. — 2014. — 26 Апр. — URL: <https://www.kommersant.ru/projects/chernobyl> (дата обращения 11.09.2024).
2. «НОЖ» / Интеллектуальный журнал о культуре и обществе : [сайт]. — URL: <https://knife.media/> (дата обращения 11.09.2024).
3. TinkoffJournal / Шорты: короткие форматы Т-Ж. — Текст : электронный // 10 книг для тех, кто хочет стать хорошим руководителем : [сайт]. — 2023. — 24 Мая. — URL: <https://journal.tinkoff.ru/short/books-for-bosses/> (дата обращения: 11.09.2024).
4. Варганова, Е. Л. К новой архитектуре медиа: вызовы эпохи цифровизации / Е. Л. Варганова // Донецкие чтения 2023: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности : Материалы VIII Международной научной конференции, Донецк, 25–27 октября 2023 года. — Донецк: Донецкий государственный университет, 2023. — С. 307-309. — EDN RPXPVF.
5. Князева, А. В. Адаптация контента в формате Industry news под запросы молодежной аудитории (на примере медиапортала «Тинькофф-журнал») / А. В. Князева // MEDIAОбразование: медиавключенность vs медиаизоляция : Материалы VI Международной научной конференции, Челябинск, 23–25 ноября 2021 года / Под редакцией А.А. Морозовой. — Том 2. — Челябинск: Челябинский государственный университет, 2021. — С. 321-326. — EDN PJBXTW.

УДК 070

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ВОЕННОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ

Каика Н. Е., канд. филол. наук, доц., ORCID 0000-0003-1362-6283,

Байдак А. А., ORCID 0009-0006-3966-6733

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
n-kaika@mail.ru

Введение. В реалиях военно-политической напряженности выявление особенностей функционирования российской журналистики современных вооруженных конфликтов является, как справедливо отмечает В. М. Амиров, «масштабной научной проблемой, исследование которой представляет большой интерес как для российской журналистики вообще, так и для понимания стратегий и перспектив развития российской школы военной журналистики» [2, с. 4]. В последние годы возрос интерес ученых к вопросам освещения военных конфликтов [1–4]. В условиях военного времени информация о ситуации в зоне боевых действий имеет особую значимость. В данном контексте требуют научного осмысления теоретические и прикладные аспекты военной журналистики, что обуславливает актуальность темы.

Цель исследования — охарактеризовать актуальные проблемы развития российской военной журналистики.

Основная часть. Невзирая на многочисленные научные работы, понятийно-терминологический аппарат в области изучения журналистики военного времени пока не унифицирован. В научном дискурсе используются термины «военная журналистика» (А. Ю. Цицинов), «экстремальная журналистика» (напр., В. В. Кихтан), «журналистика вооруженных конфликтов» (Н. С. Авдонина, В. М. Амиров), «батальная журналистика» (В. М. Амиров). Довольно часто эти термины употребляются в качестве синонимичных. Представляется необходимым теоретическое осмысление и структурированное описание родо-видовых отношений в системе терминов журналистики военного времени.

В условиях гибридной войны расширяется предметно-понятийное поле военной журналистики. Освещение событий связано не только с ситуацией непосредственно на линии боевого соприкосновения, прифронтовых территориях, в серых зонах, но и в мирных населенных пунктах, подвергшихся воздействию вооружения определенного радиуса действия. В фокусе военной журналистики находятся вопросы функционирования армии, ее материально-технического обеспечения, вопросы контртеррористической борьбы, развития оборонной промышленности, военного образования, освещение деятельности сотрудников МЧС в период военных действий, военных медиков, волонтерских движений и др. Гибридизация войны обуславливает трансформацию содержания ряда понятий в области теории военной журналистики: «военный корреспондент», «военный репортаж», «специальный военный репортаж» и др.

Остаются актуальными проблемы информационного противоборства. Распространение фейковых новостей, использование ботов и искусственного интеллекта для создания пропагандистского контента — все это создает «информационный шум», затрудняющий получение достоверной информации о ходе военных действий. В условиях «затуманивания» информационного пространства роль профессиональной военной журналистики, умения военных журналистов проводить фактчекинг, верифицировать информацию и предоставлять аудитории объективный анализ событий становятся архиважными.

Современные вызовы требуют новых подходов к подготовке военных журналистов. Помимо профессиональных компетенций, навыков и умений верификации информации, оказания первой помощи, военные журналисты должны обладать глубокими знаниями в области международного права, военного дела, психологии, конфликтологии, цифровой безопасности.

Развитие интернет-технологий и социальных сетей открыло перед военной журналистикой новые возможности. Сегодня журналисты могут оперативно освещать события с места происшествия, используя мобильные

телефоны и планшеты. Социальные сети позволяют наладить прямой диалог с аудиторией, получать информацию от очевидцев и формировать общественное мнение. Однако у медали есть и обратная сторона. Распространение фейковых новостей, манипулирование информацией, кибербуллинг — все это создает серьезные проблемы для военной журналистики. Кроме того, в условиях информационного шума профессиональным СМИ становится все сложнее конкурировать с пользовательским контентом и удерживать внимание аудитории.

Военная журналистика трансформируется с учетом появления новых каналов продвижения информации, возможностей взаимодействия с аудиторией. Аккумулятором этих процессов стал кросс-платформенный мессенджер Telegram как релевантный ресурс медиапотребления в условиях военного времени. Роль телеграм-каналов в освещении повестки дня, предоставлении социально значимой информации имеет не только коммуникативно-прагматическое, но и экзистенциальное значение. Актуализируется роль региональных телеграм-каналов (например, «AGS_Z_Donbass») [3]. На исторических и новых российских территориях особую значимость приобретают персональные каналы представителей власти (напр.: телеграм-канал Вячеслава Гладкова имеет к настоящему времени 481 723 подписчиков; телеграм-канал Дениса Пушилина — 75 369, Ивана Приходько — 152 000).

Расширяется спектр использования инструментария информационного противоборства. Специальная военная операция оказалась драйвером процессов информационного противодействия России Западу, в которых ключевую роль играют российские СМИ, социальные сети, в том числе телеграм-каналы СМИ, профессиональных журналистов, блогеров, лидеров общественного мнения.

В условиях спецоперации наблюдается актуализация патриотической повестки в телеграм-каналах российских журналистов — представителей официальных СМИ, независимых журналистов, лидеров общественного мнения (напр.: телеграм-каналы Ольги Скабеевой, Александра Сладкова, Семена Пегова, Никиты Михалкова, Марии Захаровой, Минобороны России и др.).

Особую актуальность приобретают вопросы журналистской этики, проблемы, связанные с освещением жестокости и насилия. С одной стороны, журналисты должны доносить аудитории правду о войне. С другой стороны, публикация шокирующих материалов может травмировать психику людей, вызвать ненависть и вражду. В условиях информационной войны существенно возрастает социальная ответственность военных журналистов.

Заключение. На современном этапе российская военная журналистика, претерпевая трансформации, «получает стимул к развитию во время ведения государством масштабных боевых действий» [5].

Активное использование непрерывно совершенствующихся информационных технологий, изменение характера вооруженных конфликтов, информационное противоборство обуславливают поиск новых подходов к освещению военных действий, необходимость системного анализа и описания актуальных процессов развития современной российской военной журналистики.

Список литературы

1. Алмашакбех, С. Освещение вооруженного конфликта в Сирии арабоязычными спутниковыми каналами: на примере «Аль-Джазира» и «RT»: автореферат дисс. ... канд. филол. наук: 10.01.10 / Алмашакбех Саддам Сулейман Салман; Воронежский государственный университет. — Воронеж, 2020. — 26 с.
2. Амиров, В.М. Российская журналистика вооруженных конфликтов: современные практики и тенденции развития: дисс ... д-ра филол. наук : 10.01.10 / В.М. Амиров; ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина». — Екатеринбург, 2020. — 311 с.
3. Каика, Н.Е. Телеграм-канал как релевантный ресурс медиапотребления в условиях военного времени /Н.Е. Каика // Коммуникация в современном мире: Материалы Международной научно-практической конференции исследователей и преподавателей журналистики, рекламы и связей с общественностью 24 мая 2024 г. — Часть II. Под общ. ред. проф. В.В. Тулупова. — Воронеж, Воронежский государственный университет, 2024. — 184 с. — С. 15-17.
4. Новгородова, А.И. Освещение вооруженных конфликтов в Ираке в ежедневной газете “Нью-Йорк Таймс” : дисс ... канд. филол. наук : 5.9.9. / А.И. Новгородова; Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова Диссовет МГУ.059.4. — Москва, 2022. — 240 с.
5. Цицинов, А.Ю. Феномен военной журналистики в социополитическом дискурсе: XVIII — XXI вв.: автореферат дисс. ... канд. филол. наук: 10.01.10 / А.Ю. Цицинов; ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов». — Москва, 2022. — 22 с.

УДК 659

PR-ИНСТРУМЕНТАРИЙ ПРОДВИЖЕНИЯ МУЗЕЯ В УСЛОВИЯХ ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ

Каика Н. Е., канд. филол. наук, доц., ORCID 0000-0003-1362-6283
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
n-kaika@mail.ru

Введение. Современная музейная деятельность включается в пространство культуры, науки, образования, медиакоммуникаций, привлекая к участию в музейной деятельности различные категории посетителей. Современный музей формирует культурные, мировоззренческие ориентиры, ценности и установки, становится духовным центром, реальной и медиаплощадкой коммуникаций с

посетителями, аккумулятором, транслятором и провайдером социально-культурной информации и культурного опыта.

В настоящее время музейная деятельность претерпевает трансформации, что требует изучения механизмов формирования общественных связей в сфере музейных коммуникаций. Особый научный интерес вызывает изучение коммуникационного инструментария продвижения музея, музейного культурного продукта в кризисных ситуациях, в том числе в условиях военного времени.

Основная часть. Общество нуждается в разнообразных механизмах регуляции социальных и духовных процессов. В условиях социально-экономической, социально-политической, военно-политической турбулентности роль связей с общественностью во всех сферах жизнедеятельности общества, в том числе в сфере музейной деятельности, существенно возрастает [1].

Цель исследования — охарактеризовать PR-инструментарий продвижения музея в условиях военного времени (на примере Художественного музея «Арт-Донбасс»).

Художественный музей «Арт-Донбасс» — современное выставочное пространство Донбасса, основным направлением деятельности, которого является популяризация, пропаганда и развитие культуры Донбасса [3].

Продвижению музея способствует его эффективное позиционирование как пространства социокультурной коммуникации. Именно коммуникации позволяют расширить рамки музейной деятельности, диапазон социокультурных, культурно-эстетических, культурно-образовательных функций музея, разрабатывать эффективные проекты, программы и формы работы с различными категориями посетителей, используя при этом информационно-коммуникационные технологии. Результаты такой деятельности дают возможность музею активно участвовать в культурной, политической и социально-экономической жизни общества.

Решению задач продвижения способствует апелляция к авторитетам. Культурное пространство музея — место встреч с известными художниками, дизайнерами, фотографами, творческой элитой Донбасса и всей России. Так, например, в «Арт-Донбассе» открылась выставка «Хроника мастерства: художники из одного дома», посвящённая Году семьи в России, на которой были представлены династии донецких мастеров: Агабекян Мелик и Лилия; Джарты Михаил и Лариса; Трояновы Геннадий, Александр и Вероника. Мухтаров Мансур и Маловичко Татьяна и многие другие.

Неоценимый вклад в продвижение музея и музейного культурного продукта вносит директор ХМ «Арт-Донбасс», член Общественной палаты ДНР Екатерина Николаевна Калиниченко. Современный креативный руководитель, автор многочисленных творческих проектов, признанный

лидер общественного мнения, медийная персона формирует эффективные внешние и внутренние коммуникации музея, используя действенный PR-инструментарий, обеспечивающий продвижение музея и делающий Е. Н. Калиниченко не только амбассадором музея, но и культуры Донбасса в целом.

Эффективным PR-коммуникациям способствуют коллаборации с учреждениями культуры и образования. Партнерами музея являются многочисленные учреждения культуры Донбасса: Донецкий республиканский художественный музей, Донецкий республиканский краеведческий музей, Донецкая муздрама, Донбасс Опера, Донецкая государственная академическая филармония, Донецкая республиканская универсальная библиотека имени Н.К. Крупской, Дом работников культуры г. Донецка и др. Активные внешние коммуникации музея, сотрудничество с российскими музеями (Смоленским государственным музеем-заповедником, Симферопольским художественным музеем, Российским этнографическим музеем, Музеем Победы и многими другими) способствуют расширению аудитории, повышают ценность культурных продуктов, обеспечивают узнаваемость донецких культурных брендов, способствуют привлечению внимания к ним, а также к учреждениям культуры Донбасса в целом.

Особенность творческой деятельности музея в реалиях военного времени — широкое использование дистанционного формата. Анализируя медиакommunikации в социокультурной сфере, специалисты акцентируют внимание на новых средствах коммуникации, особенно цифровых технологиях, отмечают высокие темпы освоения формата сторителлинга, необходимость создания востребованного информационного продукта в Сети [2]. Коллектив музея принимает активное онлайн-участие в многочисленных семинарах, конференциях, конкурсах. К примеру, музей одержал заслуженную победу в «Республиканском смотре-конкурсе мультимедийных работ», посвящённом увековечению подвига советского народа в годы Великой Отечественной войны «Дорогами поколений» с использованием дистанционных технологий, на котором был представлен слайд-фильм «Михаил Джарты. Жить и творить». В творческом и социально значимом виртуальном проекте музея «Город роз и терриконов» представлены работы донецких художников как художественное осмысление прошлого и настоящего Донецка.

Медиарилейшз — актуальное направление PR-деятельности музея. Директор музея и его сотрудники принимают активное участие в республиканских телевизионных и радиопрограммах («Утро», «Субботник», «Арт-коктейль» на ТК «Оплот ТВ», «Тема» на ТК «Юнион», радио «Столица» и пр.).

Информационному сопровождению продвижения музея способствует эффективная работа сайта с репрезентативным интерфейсом. В меню

представлены разделы: «О музее», «Новости», «Проекты», «Школа», «Наши партнеры», «Контакты» [3]. Музей имеет свой телеграм-канал. Растет аудитория музея в социальной сети «ВКонтакте», также здесь представлена группа участников «Экспериментальной студии юного экскурсовода» [4], которая позволяет привлечь к музейным коммуникациям и юную аудиторию.

Важную роль в популяризации и продвижении музея играют также социально ориентированные PR-мероприятия, что в условиях военно-политического конфликта имеет особую значимость. Так, начиная с 2014 года музей проводит конкурсы творческих работ среди учащихся школ («Эхо войны», «Наши защитники», «Война глазами детей» и др.), многочисленные выставки, посвященные Дню Победы, Дню освобождения Донбасса и др. Так, например, в августе 2024 года в ХМ «Арт-Донбасс» состоялось открытие выставки «В истории твоей — мои истоки» к 155-летию Донецка. Такие мероприятия формируют патриотическое сознание, обеспечивают сохранение и трансляцию культурной памяти.

Процессам продвижения музея способствует и эстетичный фирменный стиль, отражающий творческую сферу деятельности учреждения и региональную культурную семантику.

Заключение. Как видим, используемый в условиях военного времени PR-инструментарий способствует продвижению ХМ «Арт-Донбасс», а также реализации культурно-образовательной, культурно-эстетической, культурно-воспитательной функции учреждения, в частности, и его социальной миссии в целом.

Список литературы

1. Каика, Н.Е. PR-инструментарий продвижения музыкального культурного продукта в условиях кризисных ситуаций /Н.Е. Каика // МедиаВектор. — Научный журнал: — Новосибирск-Симферополь: Изд. АНС «СибАК», 2022. — Вып. 6. — 207 с. — С. 49–53.
2. Рязанова, В.А. Специфика медиакommunikаций в креативном музейном пространстве: автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.01.10 / В.А. Рязанова; Рос. ун-т дружбы народов. — Москва, 2019. — 19 с.
3. Художественный музей «Арт-Донбасс»: сайт. — URL: <https://artdonbass.ru/ru/page/o-muzee.html>.
4. Экспериментальная студия юного экскурсовода // Художественный музей «Арт-Донбасс». — URL: <https://vk.com/public154985296?ysclid=m0zmu4opja866945780>.

ГАЛЛЮЦИНИРОВАНИЕ ГЕНЕРАТИВНОГО ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА: ОПАСНОСТИ И ИХ ПРЕДОТВРАЩЕНИЕ

*Карпенко И. И.*¹, д-р. филол. наук, доц., ORCID 0000-0003-0964-6679,
*Меринов В. Ю.*², канд. филос. наук, доц., ORCID 00009-0008-9755-0573

¹ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет», г. Белгород, РФ

²ФГБОУ ИВО «Российский государственный университет социальных технологий», г. Москва, РФ

KarpenkoIrina@bsu.edu.ru

Введение. Технологии искусственного интеллекта уже повсеместно используются в практике современных медиа. Посредством *традиционного ИИ* создается и редактируется несложный информационный и рекламный контент, проводится анализ больших объёмов данных о поведении пользователей, их предпочтениях и интересах, распознается речь и преобразуется в текст, проводится анализ данных о популярности тем, релевантности хэштегов и ключевых слов, оптимизации рекламных кампаний и выбора наиболее эффективных каналов и форматов рекламы, создания чат-ботов, способных отвечать на вопросы пользователей, предоставлять информацию о продуктах и услугах, а также помогать в решении проблем, для рекомендации контента пользователям на основе их предыдущих действий и предпочтений, интеллектуальной фильтрации контента по различным критериям, таким как возраст, пол, интересы и т. д., чтобы предоставлять пользователям только релевантную информацию и многое другое [2].

Однако, несмотря на достаточно большой спектр применения технологий ИИ в современных медиа «наибольший интерес как исследователей, так и широкой аудитории вызывают возможности искусственного интеллекта для генерации контента. Обычно это производится с помощью так называемых генеративный нейросетей» [1, с. 354]. Можно выделить несколько наиболее актуальных ситуаций использования *технологий генерации медиаконтента*: 1. Создание контента – изображений, видео, аудио и текстов на основе запросов пользователей; 2. Улучшение качества контента, созданного человеком: технологии ИИ могут помочь улучшить качество контента путём исправления грамматических ошибок, добавления деталей или изменения стиля, улучшение качества изображений или создания новые музыкальных треков на основе существующих; 3. Персонализация контента: алгоритмы машинного обучения способны анализировать предпочтения пользователей и создавать контент, который будет им интересен. Например, рекомендательные системы в стриминговых сервисах и мультимедийных

веб-депозитариях используют данные о просмотренных фильмах и сериалах для предложения новых интересных вариантов; 4. Генерация идей: нейросети способны генерировать идеи для статей, сценариев, рекламных кампаний и других творческих проектов, сводя на нет «боязнь чистого листа». Они могут предложить неожиданные решения и концепции, которые могут вдохновить авторов на создание нового контента; 5. Генеративный ИИ может интегрироваться с другими технологиями, такими как дополненная реальность, виртуальная реальность или интернет вещей, для создания новых форм медиаконтента.

Однако при всей видимости положительных черт использования технологий ИИ в работе современных медиа, журналисты могут столкнуться и с очевидными проблемами, неконтролируемыми результатами работы нейросетей — галлюцинированием ИИ.

Основная часть. Галлюцинирование искусственного интеллекта — это явление, при котором нейросеть генерирует контент, который не имеет отношения к реальности или не соответствует исходным данным. Это может быть связано с ошибками в обучении, недостаточной выборкой данных, использованием в качестве материала для обучения нейросети фэйковой информации или другими факторами.

Использование в медийной практике подобных нейросетевых галлюцинаций способно привести к непоправимым последствиям: негативному влиянию на аудиторию, дезинформации, усилению социального несогласия, снижению доверия к медиа, потере объективности, нарушение законодательства, которое может в итоге стать причиной введения правовых ограничений на использование нейросетевых продуктов в медиа с целью защиты прав и интересов аудитории [3], использование галлюциногенных нейросетевых продуктов поднимает также этические вопросы о границах допустимого в медиа и о влиянии на психическое здоровье аудитории.

Нейросетевые галлюцинации могут проявляться следующим образом:

- генерация несуществующих объектов как отклик на релевантный промт, сформулированный автором;
- создание нереалистичных сцен как отклик на объективную команду;
- добавление несуществующих деталей;
- изменение цвета или стиля изображения;
- перестановка объектов на изображении;
- создание текста, не имеющего смысла, в котором слова не связаны друг с другом, отсутствуют причинно-следственные связи и пр.;
- искажение фактов, нейросеть может неправильно интерпретировать данные и выдать ложную информацию.

Предотвратить проникновение галлюциногенного нейросетевого продукта в медиа можно действуя в нескольких направлениях. Во-первых, с помощью развития мер саморегулирования медиа. В профессиональной

медиасреде и в сообществах и организациях, регулирующих деятельность медиа, необходимо разрабатывать этические стандарты использования нейросетевых продуктов, усиливающих контроль за анализом и фактчекингом продуктов нейросетей. Во-вторых, необходимо ввести обязательную маркировку не только графических, но и текстовых продуктов генеративных нейросетей с целью создания прецедентов общественного контроля за деятельностью медиа [4]. В-третьих, необходимо усиливать и развивать медиаобразовательный потенциал современных медиа с целью повышения осведомлённости общества о возможных негативных последствиях использования продуктов нейросетей, в том числе и галлюциногенных, чтобы предотвратить их распространение. В-четвертых, способствовать снижению нейросетевых галлюциногенов в современных медиа могут и сами разработчики технологий ИИ, внедряя механизмы контроля и фильтрации контента, которые будут предотвращать создание и распространение галлюцинаций. И, наконец, в-пятых, в ситуации, когда все перечисленные меры не будут иметь достаточной эффективности, ввести правовые ограничения на использование таких продуктов в медиа, чтобы защитить права и интересы аудитории способны государственные органы.

Заключение. Какой бы путь ни избирался в качестве адекватной меры по предотвращению распространения галлюциногенного нейросетевого продукта, необходимо конструктивное сотрудничество между участниками рынка: работниками медиа, разработчиками нейросетей и государственными органами. Подобное сотрудничество для разработки и внедрения мер по предотвращению проникновения галлюциногенного контента в медиа может снизить риск от распространения галлюциногенных продуктов нейросетей в современных медиа.

Список литературы

1. Бейненсон, В. А. Применение генеративных нейросетей в журналистике: проблемы и перспективы / В. А. Бейненсон // Динамика медиасистем. — 2023. — Т. 3, № 1. — С. 352-359. — EDN THTQPB.
2. Карпенко, И. И. Использование нейросетей в работе региональных СМИ / И.И. Карпенко // Коммуникация в современном мире: Материалы Международной научно-практической конференции исследователей и преподавателей журналистики, рекламы и связей с общественностью, Воронеж, 24 мая 2024 года. — Воронеж: Воронежский государственный университет, 2024. — С. 116-118. — EDN WVSDFX.
3. Козырев, А. Н. Интеллектуальная собственность и генеративные сети / А.Н. Козырев // Цифровая экономика. — 2023. — № S5(26). — С. 5-11. — DOI 10.34706/DE-2023-05-01. — EDN MSLFFW.
4. Шагаев, А. В. Обязательная маркировка материалов, созданных с помощью искусственного интеллекта: проблемы правового регулирования / А. В. Шагаев // Юридический журнал. — 2023. — № 1. — С. 45-48. — EDN JDQMYN.

АНАТОЛИЙ КАЛИНИН — ВОЕННЫЙ КОРРЕСПОНДЕНТ

Клемёнова Е. Н., д-р филол. наук, проф., ORCID 0000-0002-8745-6195,
Зинченко Ю. О.

ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет»,
г. Ростов-на-Дону, РФ
ja@lob1.ru

Введение. Отечественная военная журналистика успешно развивается. Начало её существования было заложено Петром Первым в 1702 году благодаря учреждению журнала «Ведомости о военных и иных делах, достойных знания и памяти, случившихся в Московском государстве и иных окрестных странах». Современную военную журналистику отличает оперативность и качество. Этому способствует редакционные и технические трансформации. Начало этому процессу было положено ещё в годы Великой Отечественной войны первыми профессиональными военными корреспондентами. Их хроникальные и личностные материалы не только рассказывали о советской армии, освобождённых или оккупированных городах, но и передавали скорбь поражений и радость побед.

Основная часть. Одним из таких советских военных корреспондентов был Анатолий Вениаминович Калинин — донской журналист газеты «Комсомольская правда», писатель. Несмотря на поставленный врачами диагноз — порог сердца — А. Калинин в 1941 году отправляется на южный фронт в качестве военного корреспондента [1]. Большую часть своего фронтового пути (с 1942 по 1945 год) Калинин прошел вместе с Донским 5-м гвардейским кавалерийским корпусом [1], солдаты которого не раз становились героями его публицистических и художественных произведений.

В период Великой Отечественной войны Анатолий Калинин подготовил около ста военных репортажей, зарисовок и корреспонденций, самоотверженно работал в осаждённых Севастополе, Грозном, Ставрополе, Самбекских высотах, Сталино и других городах [1].

Анализируя тематику военных журналистских материалов А. Калинина, можно заметить важную и интересную особенность: тексты автора тематически обращены либо к личностям (солдатам, гражданским жителям и трудящимся тыла), либо к самим городам, захваченным и/или освобождённым.

Используя приём олицетворения, Анатолий Вениаминович пишет о населённых пунктах, как о живых, раз за разом передавая тот ужас, который прочувствовали на себе города после встречи с фашистами: «От тяжелого грохота сотрясается земля — это рвутся на Краснофлотском бульваре

бомбы. Черная мгла застилает солнце. Начинается обычный буднич­ный день Севастополя» [4] (материал «Севастополь сражается», июнь 1942 года), «Дымится все: дымятся черные камни мостовой, дымятся головешки деревьев в сгоревшем парке, весь город дымится догорающими пожарами. Просто перечень того, что сожгли и взорвали немцы перед своим отступлением из Сталино, занял бы несколько страниц» [5] (материал «Чёрные дни города Сталино», 9 сентября 1943 года). Из 70 проанализированных нами военных материалов захвату и/или освобождению городов Анатолий Вениаминович посвятил 26 текстов (35 %).

И, конечно, в подавляющем большинстве материалов на первый план выходит тема человека на войне, героями публикаций становятся самоотверженные, победившие и побеждённые жизни. А. Калинин рассматривает истории советских граждан, их подвиги на фронте и в тылу. Его материалы пропитаны гордостью за советский народ. Это видно по заголовкам текстов: «Русский гладиатор», «Казачи идут на запад», «Русские солдаты».

Само содержание материалов показывает неистовую силу духа и самоотверженность советских воинов, сражающихся на благо народа и Родины. Их страшит не собственная смерть, а только смерти военных друзей и сама мысль о предательстве, о поражении страны: «Русаков молчал, и офицер, не прочитав у него на лице протеста, вынул блокнот, потрогал пальцем острие карандаша. «Вы нам скажите всего несколько цифр и...». «Вам известны законы воинской чести, господин офицер», — тяжело перебил его Русаков. Четыре пули — одна за другой — прошли сквозь его грудь» [2] (материал «Жажда мести», дата не указана), «Рыщут над морем немецкие самолеты. То там, то здесь. Ставят глубинные мины, готовят гибель нашим кораблям. А водолаз Мамонт Голынец ходит под водой и вылавливает мины. Каждую секунду Голынец рискует жизнью — есть мины, которые взрываются при одном только приближении к ним, — но это не останавливает водолаза» [3] (материал «Морской следопыт», 1942 год).

Однако несколько материалов журналиста были посвящены и солдатам гитлеровской Германии. Например, тексты «Волчий закон», «Пещерные люди» и «Они уже не смеются». Из заглавий уже можно догадаться, что материалы не содержат тех прославляющих и героических высказываний, которыми полны тексты о советской армии. Каждая личность в материалах Анатолия Вениаминовича рассматривается через призму совершённых ею деяний, и если советские граждане почти всегда показаны как герои, то фашисты, раз за разом совершающие зверские и позорные поступки, выступают в текстах А. Калинина примером безнравственности и жестокости.

Материал «Волчий закон» рассказывает о предательствах солдат рейха, оказавшихся в плену советской армии. Автор сравнивает

дезертирство и доносы фашистов друг на друга с волчьей схваткой, противопоставляя им сплочение советских солдат, их общее стремление к победе.

Антитезой данному материалу является текст «Пещерные люди»: если в «Волчьем законе» в плену находились представители Тройственного союза, к которым советские воины относились мирно (не избивали, не устраивали кровопролитных допросов), то в «Пещерных людях» солдаты рейха жестоко, с задором и смехом искалечили и лишили зрения советского воина, оставив в поле его изрубленное, но живое тело.

Текст «Они уже не смеются» представляет собой эссе, в начале которого Калинин пишет о великих планах Германии об оперативной победе над Советским Союзом. Конец материала рассказывает о силе духа и победах Красной Армии, после которых поражение СССР уже не кажется врагам таким близким, простым и в целом возможным.

Журналист В. Тишков считает, что главными критериями оценки работы военного журналиста являются достоверность и полнота предоставляемой информации. Как мы видим из приведённых примеров и биографии автора, А. Калинин очень подробно и тщательно отбирает информацию, лично общается с героями или наблюдает события, о которых далее пишет в своих материалах.

Тексты Анатолия Калинина, помимо разворачивающихся на фронте действий, содержат в себе большое количество деталей, авторских мыслей.

Заключение. Рассмотренные материалы Анатолия Вениаминовича Калинина носят не столько информационный, сколько пропагандистский, патриотический и морально-нравственный характер. В военные годы писать-журналист создал такое количество значимых образов, что они до сих пор являются образцом для подражания и примером для обучения будущих журналистов, в частности и военных корреспондентов.

Список литературы

1. Вёшенская межпоселенческая центральная библиотека. — URL.: <https://вешенская-библиотека.рф/novosti/5960/> (дата обращения 11.09.2024).
2. Калинин А. В. «Жажда мести».
3. Калинин А. В. «Морской следопыт», 1942 г.
4. Калинин А. В. «Севастополь сражается», 1942 г.
5. Калинин А. В. «Чёрные дни города Сталино», 1943 г.
6. Тишков В. А. СМИ и конфликты // Независимая газета. 1994. 10 апреля.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ АНАЛИЗА ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАТИВНОГО ПРОСТРАНСТВА ПОЛИТИКИ

Князева Г.,

Найденова М. В., канд. экон. наук, доц., ORCID 0000-0003-3152-4782

ФГБОУ ВО «Саратовский государственный технический университет

имени Гагарина Ю. А.», г. Саратов, РФ

nayMV@rambler.ru

Коммуникация — процесс, в современных условиях определяющий сущность и перспективы течения общественно-политической жизни. Качество коммуникационных взаимодействий стало ключевым фактором в глобальной политике при развитии и углублении международных отношений; в институционализации политической системы, в частности, при оптимизации системы местного самоуправления, электорального процесса и избирательных технологий; в контексте развития гражданского общества, выработке новых ценностей политической культуры и тому подобное. Таким образом, актуализация проблематики политической коммуникации отвечает потребности исследования информационно-коммуникационного измерения политической системы и предопределяет ее.

В процессе развития политической коммуникации, она находила отражение в трудах многих исследователей, которые изучали ее в контексте социальной природы человека и порожденного им социума.

Предварительно сформулированные и смоделированные в XX в. концепции коммуникации оказались достаточно адаптивными и к политической сфере современности, и к ее эволюции. Однако из-за стремительного развития информационно-коммуникационных технологий особую актуальность приобрели вопросы, связанные с расширением инструментария коммуникационных взаимодействий. Речь идет, с одной стороны, о технологических аспектах (распространение мобильной и беспроводной интернет-связи), с другой — о внедрении элементов электронной демократии, а затем появлении информационного общества. Все это дополнило и разнообразило возможности реализации функций структурированной коммуникации, определило больший круг ее участников, создало дополнительные каналы для коммуникационных взаимодействий между внутренней (политическая система) и внешней средой (социальная система).

Впервые в своем современном значении термин «коммуникация» появился в статье основателя современной кибернетики Н. Винера. Согласно его кибернетической модели, информация, полученная через

открытую систему, уменьшает степень неопределенности, энтропии, которая в замкнутой системе неотвратно возрастает, что приводит к распространению беспорядка и, в общем итоге, к потере контроля над функционированием системы [1]. Активное развитие кибернетики предоставило возможность увеличить область исследования такого важного элемента коммуникационного акта, как обратная связь, а также предоставило возможность развитию макроуровневых теорий политической коммуникации [2].

Коммуникационные процессы, которые в современных условиях опираются на таких посредников, как средства массовой информации и коммуникации, дали возможность выделить такое понятие, как «медиа-пространство». Оно превратилось в важную составляющую функционирования современного общества, ведь через всю совокупность каналов формирования, передачи и хранения информации трансформирует человеческое сознание, направляя действие не только на общечеловеческие ценностные ориентации, но и на специфические проявления национальных особенностей, культур и т. д. В дальнейшем научные исследования доказали, что между медиапространством и обществом существует прямая взаимосвязь. Таким образом, медиа-пространство можно определить как открытую систему отношений производителей и потребителей массовой информации, которая всегда принимает форму тех социальных и политических структур, в рамках которых функционирует.

Важные тезисы для современной науки и политической практики в отношении медиа и коммуникаций высказаны Г. Почепцовым в книге «От Facebook'a и гламура до Wikileaks: медиакоммуникации». Отмечено, что медиакоммуникации можно определить как тип социального взаимодействия людей с помощью медиа. Причем как медиа следует рассматривать не только СМИ, но и любой информационный носитель, который фиксирует социальные смыслы, объединяя людей в пространстве и времени. Следует обратить внимание на мнение о том, что любое медиа является новым, ведь его воспринимает всегда новое поколение читателей и зрителей, которые постоянно меняются. Это альтернативный взгляд на традиционную категоризацию феномена «новые медиа».

Политическим условием для гармоничного развития процессов политической коммуникации и становления информационного общества являются такие современные типы народовластия как информационная демократия или е-демократия (электронная).

Исследования в области коммуникации органов власти в новом медиапространстве охватывают широкий спектр тем и методологий, включая анализ политической коммуникации, стратегий взаимодействия с общественностью, использование социальных сетей отдельно, а также в сочетании с традиционными медиа для распространения информации, анализ эффективности различных коммуникационных подходов [3].

Изучение в данной области представляет собой междисциплинарное направление, объединяющее элементы политологии, социологии, медиа-исследований и связей с общественностью. Оно включает анализ того, как власти используют медиа для информирования и взаимодействия с населением, как граждане воспринимают эти сообщения, и как это взаимодействие влияет на общественное мнение и поведение [4].

Говоря о методологии исследования коммуникации в политической сфере, важно подчеркнуть, что представители различных научных школ и направлений признают чрезвычайную значимость данного вида коммуникации в процессе государственного управления.

Важно отметить, что цель коммуникации в государственном управлении заключается в достижении согласия и понимания между управляемыми и управляющими [5]. Таким образом, коммуникационная сфера не только сочетает различные элементы общественной жизни, но и формирует новые исследовательские области и направления — коммуникативистику, теорию медиатизации, политическую дискуртологию, виртуалистику и тому подобное.

Правильное построение коммуникации органов власти положительно влияет на имидж и репутацию, которая впоследствии помогает выстроить доверительное отношение с обществом.

Список литературы

1. Алиев, Д.Ф. Управление политическими коммуникациями. Практические аспекты управления стратегической политической коммуникацией / Д.Ф. Алиев, В.Э. Саркисов // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки, 2023. — №4. — С. 139-149. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/upravlenie-politicheskimi-kommunikatsiyami-prakticheskie-aspekty-upravleniya-strategicheskoy-politicheskoy-kommunikatsiey> (дата обращения: 11.07.2024).
2. Антонова, Ю.П. Исследование коммуникативных процессов в системе государственного управления / Ю.П. Антонова, И.А. Савченко // Бюллетень науки и практики. — 2019. — №10. — С. 1-11. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-kommunikativnyh-protssosov-v-sisteme-gosudarstvennogo-upravleniya> (дата обращения: 14.07.2024).
3. Селезнев, П. С. Трансформация средств политической коммуникации в России / П.С. Селезнев, И.В. Юшков // Образование и право. — 2018. — №4. — С. 11-16. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/transformatsiya-sredstv-politicheskoy-kommunikatsii-v-rossii> (дата обращения: 06.09.2024).
4. Прокопенко, Т.В. Роль социальных медиа в политической коммуникации / Т.В. Прокопенко // Коммуникология. — 2020. — №4. — С. 22-36. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-sotsialnyh-media-v-politicheskoy-kommunikatsii> (дата обращения: 16.07.2024).
5. Филатова, О.Г. Государственные коммуникации в цифровой публичной сфере России: 2011-2020 / О.Г. Филатова // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. — 2020. — №2. — С. 72-91. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvennye-kommunikatsii-v-tsifrovoy-publichnoy-sfere-rossii-2011-2020-gg> (дата обращения: 03.07.2024).

МЕДИАОБРАЗ ДНР КАК ИНСТРУМЕНТ КОНСОЛИДАЦИИ СОЦИУМА В ФОРМИРОВАНИИ ЦЕЛОСТНОГО ВОСПРИЯТИЯ ТЕРРИТОРИИ

Кухаренко Е. А., ORCID 0000-0002-4747-1569

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
kukharenko-89-89@mail.ru

В условиях глобализации и цифровизации медиаобраз территории становится одним из наиболее значимых конструктов, передающих актуальные и востребованные обществом факты и смыслы; элементом консолидации социума, укрепления единства отдельной территории, страны. Поэтому ныне так важно говорить о выявлении особенностей медийного образа и условий, при которых он может стать средством преодоления кризиса идентичности, разобщённости населения. Особенно актуален данный вопрос для новых, недавно вошедших в состав Российской Федерации регионов и их отдельных территорий — Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Херсонской и Запорожской областей: им необходимо «с чистого листа» формировать положительный медиаобраз в современной системе российских СМК, который существенно влияет как на внутренний, так и на внешний имидж России.

На сегодняшний день полного устоявшегося определения «медиаобраз» не существует, как и его четких характеристик. Первым российским исследователем, который углубился в проблемы изучения медийного образа, стала Е.Н. Богдан. В ее диссертации «Медиаобраз России как средство консолидации общества: структурно-функциональные характеристики» впервые был использован термин «медиаобраз»: «Особый образ реальности, предъявляемый массовой аудитории медиаиндустрией» [1]. Существует ряд исследователей, занимающихся вопросом влияния СМК на формирование медиаобраза территории: Е.В. Бондаренко, Л.А. Бурганова, Л.Н. Везнер, А.Н. Всеволодова, Т.Н. Галинская, Г.Д. Золина, Л.В. Иванова, О.Ф. Русакова, А.В. Федоров и другие [2]. Но несмотря на актуализацию данной темы в медийном поле, до сих пор нет научных трудов, где бы полноценно была осмыслена структура медиаобраза, а также соотношение в ней элементов, отражающих объективную действительность, и элементов, передающих субъективное виденье автора медиаконтента.

В нашем исследовании мы рассматриваем медиаобраз, создаваемый современными средствами массовой коммуникации, как одну из составляющих формирования идентичности, индивидуальности территории; как продукт сознания индивида, формируемый под воздействием средств массовой коммуникации. Выделим ключевые периоды в формировании образа Донецкой области и, как следствие, Донецкой Народной Республики:

1) период Российской империи (XIX век) — ключевой топливно-металлургический узел;

2) период СССР (XX век) — крупный промышленно-индустриальный центр: «всесоюзная кочегарка», «регион шахтерской славы»);

3) период государства Украины (1991-2014 гг.) — место комфортной жизни и успешного бизнеса: «Донбасс — сила и красота», «Донбасс порожняк не гонит», «Донецк — город миллиона раз»;

4) период провозглашенной ДНР (2014-2022 гг.) — театр боевых действий: «форпост», «регион-феникс»;

5) период вхождения в состав РФ (2022 — наши дни) — колыбель возрождения России, «всероссийская стройка», «сила и труд», «воинская доблесть».

В данном исследовании мы акцентируем внимание на том, что современный медиаобраз Донецкой Народной Республики формируется в сознании индивида через Telegram-каналы, и безусловно львиная их доля принадлежит медийным ресурсам. Так, по данным сервиса аналитики Telegram-каналов TGStat, 85% пользователей Telegram читают новости именно в данном мессенджере, в то время как оставшиеся 27% доверяют новостным телеканалам и другим СМИ [3]. Данные подтверждают, что Telegram становится все более популярным источником новостей, площадкой для конструирования медийного образа территории или персоны. В ходе своей работы мы проанализировали за последние два года (2023-2024 гг.) ряд крупнейших региональных Telegram-каналов, которые по охватам целевой аудитории, разнообразию и периодичности медиаконтента занимают лидирующие позиции. Среди них: «Телеканал Z Юнион ДНР», «Первый Республиканский телеканал», «Оплот ТВ [Z]» «ДНР онлайн», «Все о ДНР», «Правда ДНР», «Газеты ДНР», «Донбасс.Медиа», «Типичный Донецк», «КП Донецк», «Новое. Медиа». Так, нам удалось установить ключевые даты из жизни Донецкой Народной Республики, в преддверии и с наступлением которых актуализируются инфоповоды, подчеркивающие статус, роль и место региона в рамках большой страны. К таким инфоповодам событийного характера относим: День города и День шахтера (соответственно — последние суббота и воскресенье августа), 11 мая — День Донецкой Народной Республики, 8 сентября — День освобождения Донбасса, 12 июня — День России, 9 мая — День Победы, 23 февраля — День защитника Отечества. А также даты современной истории России: 21 февраля — речь Путина о признании ДНР и ЛНР, 24 февраля — начало военной спецоперации, 30 сентября — День вхождения ДНР в состав РФ, 25 октября — День флага ДНР.

Среди черт, которые характеризуют ДНР и ее столицу, вышеупомянутые Telegram-каналы транслируют: чистота, порядок, бережливость к своей земле, красота природы, красота городской архитектуры, хорошее отношение ко всем людям, вкусная еда, умение

трансформироваться, щедрость души, богатство традиций. Такие качества чаще всего используются в описании региона: неотступный, верный, многонациональный, сплоченный, единый, патриотичный, стойкий, волевой, боевой, легендарный, непокоренный. Также выделим медийные подобразы, к которым апеллируют в современном инфополе мессенджера, описывая Республику и ее столицу: «Донецк — город-боец, город-солдат»; «город, который научил всю Россию не бояться»; «город очищающего пламени»; «идущий навстречу Победе»; «сердце России»; «место рождения элиты страны»; «многовековой оплот России»; «богатый и щедрый край»; «земля тружеников и воинов»; «священные рубежи»; «место, где ускоряется ход времени, потому что чувствуется неизбежность»; «место, где очищаются зерна от плевел»; «место, где решаются судьбы». Жителей Республики чаще всего представляют в таких обобщенных символах: «люди первого сопротивления в Донбассе»; «творцы истории»; «железный народ»; «солдаты священной войны»; «элита страны»; «горячие сердца», а также о навечно оставшихся юными, ушедших детях Донбасса — «маленькие ангелы на небесах».

Медийный образ Донецкой Народной Республики — это сложный и многогранный феномен, который требует постоянного внимания и работы над его конструированием. Выявленные нами аспекты подчеркивают сложность и многогранность медиаобраза ДНР и его столицы, который формируется в условиях продолжающегося конфликта и политической нестабильности. Однако не стоит забывать, что медиаобраз — это только часть общей картины социального мира.

Список литературы

1. Богдан, Е.Н. Медиаобраз России как средство консолидации общества: структурно-функциональные характеристики: автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.01.10 / Е.Н. Богдан; Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. — Москва, 2007. — 25 с.
2. Кухаренко, Е.А. Формирование медиаобраза территории в системе СМК как фактор медиатизации восприятия действительности / Е.А. Кухаренко // Донецкие чтения 2023: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: Материалы VIII Международной научной конференции (Донецк, 25–27 октября 2023 г.). — Том 4: Филологические науки. Часть 1 / под общей редакцией проф. С.В. Беспаловой. — Донецк: Изд-во ДонГУ, 2023. — 414 с. — С. 345–349.
3. Чепурнова, Д. Аудитория Telegram в России в 2023 году: кто и как пользуется мессенджером // Skillbox Media. — URL: <https://skillbox.ru/media/marketing/tgstat-opublikoval-issledovanie-auditorii-telegram-v-rossii-v-2023-godu/> (дата обращения: 01.05.2024).

МЕДИАГИГИЕНА: ПОНЯТИЕ И ПРИНЦИПЫ

Левкович В. А., ORCID 0009-0003-9746-816X

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ

levkovich_v@internet.ru

Введение. Прогрессирующий рост медиапотребления и связанного с ним использования цифровых устройств обуславливает определённые проблемы взаимодействия личности и общества. Выявление содержания этих проблем и поиск возможных способов их преодоления на современном этапе развития медиа является важной составляющей медиаисследований [3, с.382]. Актуальными становятся проблемы медиазагрязнения информационного пространства, медиазависимости, культуры медиапотребления, медиагигиены информационного пространства в условиях СВО, взаимодействия человека и медиаэкосистемы в целом, что обуславливает необходимость изучения теоретических и прикладных вопросов медиагигиены.

Цель — охарактеризовать понятие медийной гигиены и ее основные принципы в условиях роста медиапотребления.

Основная часть. Медиагигиена — безопасное и экологичное использование медиатехнологий и информационных ресурсов. Сюда входит не только поведение в социальных сетях и новых медиа, но и работа по взаимодействию с традиционными СМИ: прессой, радио, телевидением. Миссия медиагигиены — обеспечение здорового взаимодействия людей с медиасодержимым.

В.В. Балановский выделяет смежный термин «информационная гигиена». «Информационная гигиена — это совокупность компетенций, позволяющих обеспечить безопасность взаимодействия индивида с информационной средой и направленных на формирование умений и навыков осознанного и ответственного потребления и производства (распространения) информации» [1].

К основным принципам медиагигиены относим:

1. Осознанность: ответственное поведение и понимание последствий своего медиапотребления. Принятие решений в отношении просмотра и распространения информации. Сознательный пользователь отдаёт отчет в своих действиях даже в том случае, когда появляется возможность анонимного взаимодействия. Соблюдение правил пользования авторским контентом, защита безопасности, то есть созидательный настрой (не разжигать конфликты, не передавать ложную информацию, не нарушать личные границы других пользователей и т. д.). Информационный шум сопровождает современного человека всегда. Получение и передача

сообщений в аудиальной, визуальной, графической форме происходит постоянно. Связано это с тем, что ежегодно увеличивается количество информации в Сети. По данным Российской ассоциации электронных коммуникаций, объем сегмента цифрового контента в 2023 г. составил 186 млрд руб. для сравнения, в 2022 году был показатель 93,5 млрд руб. [5].

2. Критическое мышление подразумевает развитие умений анализа и оценки информационных и аналитических сообщений, распространяемых СМИ или медиаперсонами. Пользователь знает методы перепроверки информации, выстраивает причинно-следственные связи сообщений, соотносит манипуляционные формы воздействия с традиционной подачей информации. На момент 12 октября 2023 года в российском интернет-пространстве было зафиксировано три тысячи уникальных фейков и 8,4 миллиона случаев их распространения. Исследование охватывало период с января по сентябрь 2023 года. Исследователи дали прогноз, что в 2024 году показатель уникальных фейлов возрастет до 4,5 тысяч, а количество копий — до 15 млн [6].

Однако начинается критическое мышление с осознания целесообразности использования медиа. Потребление информации — неотъемлемый навык социализации человека. В современном мире социализация происходит в двух плоскостях: реальной и виртуальной. Как в реальном мире мы не можем поглотить весь массив сообщений, так и в виртуальном должна быть дозированная подача. К сожалению, не все пользователи это понимают. Для начала стоит очертить ресурсы потребления, дать оценку материалам, которые публикуют выбранные сайты, каналы или сообщества, проследить базу источников и отделить мнение от факта.

3. Цифровая грамотность заключается в умении защищать свои персональные данные и данные доступа, в обладании необходимыми знаниями и навыками для эффективного и безопасного использования медиатехнологий, включая предотвращение кибербуллинга и дискриминации. Для поддержания цифровой безопасности следует использовать двухфакторную аутентификацию, надежные пароли, настраивать параметры приватности, использовать защитное программное обеспечение, вырабатывать ответственное отношение к распространению собственных персональных данных.

4. Баланс всех жизненных сфер: находить здоровый баланс между временем, проведенным в медиапространстве, и другими аспектами жизни, такими как учеба, социализация, физическая активность и отдых.

Работать над медиагигиеной стоит уже сейчас, так как «...формируются новые комплексные угрозы, связанные с возникновением интерактивных генеративных медиа...» [4].

«Медиакомпетентность играет значительную роль в социокультурном контексте, обеспечивая личности возможность активного

участия в общественном диалоге, формирование собственного мнения и гражданскую позицию. В условиях медийного общества, где поток информации постоянно растет, медиакомпетентность становится фундаментальной чертой современной личности, позволяющей эффективно ориентироваться в информационном пространстве и принимать обоснованные решения» [4].

К. Бэррон совместно со группой исследователей предлагают трехкомпонентный подход к преодолению цифровой зависимости: повышение цифровой грамотности населения с помощью специализированных государственных программ; формулирование и широкое распространение простых и понятных для большинства принципов цифровой гигиены; создание системы маркировки цифровых продуктов, позволяющей потребителям знать о возможных последствиях использования того или иного медиаконтента [2].

Заключение. Избыточное потребление контента в Сети является серьезной проблемой для развития общества в целом и каждого человека, в частности, хотя отдельные пользователи себе в этом не всегда признаются. Происходит негативное влияние на эмоциональную и когнитивную сферы. Рассматриваемый процесс неизбежно приводит к переходу социальной жизни в виртуальное пространство, где есть возможность анонимного общения и избегания обязательств. Однако ученые уже доказали, что «проживание» в Сети отрицательно сказывается на физическом и психологическом здоровье индивида.

Когда человек осознает принципы выстраивания контента, понимает работу медиа по вовлечению и удерживанию аудитории, появляется устойчивость и возможность сопротивления. Достичь этого можно через повышение медиаграмотности, выработку медийной гигиены и, как следствие, снижение цифровой зависимости. Для воплощения поставленных задач требуется объединение власти, гражданского общества и осознанного желания медиапотребителей.

Список литературы

1. Балановский, В.В. Методические рекомендации и материалы по информационной гигиене в молодежной среде [Электронный ресурс] : учебное электронное издание / В. В. Балановский. — Калининград: Издательство БФУ им. И. Канта, 2023. — 40 с.
2. Бэррон, К. Больные, несчастные и глупые: как спасти людей от избыточного медиапотребления [Электронный ресурс] / К. Бэррон, Н.Меле, М.Ф. Москович. — URL: <https://hbr-russia.ru/innovatsii/trendy/794860> (дата обращения 17.08.2024).
3. Горский, Д.А. Медиагигиена и профилактика цифровой зависимости: основные проблемы и возможные направления решения / Д.А. Горский //Корпоративные стратегические коммуникации: тренды в профессиональной деятельности. материалы Третьей Международной научно-практической конференции. — Минск, 2020. — С. 382-387.

4. Культура медиакommunikации [Электронный ресурс]: учебник — Эл. изд. — Электрон. текстовые дан. (1 файл pdf: 124 с.). / Л.В. Козилова, В.А. Чвякин. — 2024. — Режим доступа: http://scipro.ru/conf/mediacomculture2_24.pdf.
5. Объем цифрового контента в России в 2023 г. вырос в два раза — 2024. — Режим доступа: <https://www.comnews.ru/content/233403/2024-05-28/2024-w22/1008/obem-cifrovogo-kontenta-rossii-2023-g-vyros-dva-raza>.
6. 2023 ещё не закончился, но уже обогнал 2022 по количеству фейков — более 10 миллионов копий. — 2024. — Режим доступа: <https://dialog.info/2023-eshhe-ne-zakonchilsya-no-uzhe-obognal-2022-po-kolichestvu-fejkov-bolee-10-mln-kopij/>

УДК 070

ЖУРНАЛИСТИКА В НОВЫХ РЕГИОНАХ РОССИИ: РОЛЬ И ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Мисюревич К. Е.,

Чишевич А. И., ORCID 0009-0004-7995-1497

ФГБОУ ВО «Мариупольский государственный университет
имени А. И. Куинджи», г. Мариуполь, ДНР, РФ
miskseni2002@yandex.ru, a.cishevich@mgumariupol.ru

Введение. В условиях интеграции новых регионов в состав Российской Федерации журналистика становится неотъемлемым элементом процесса адаптации и развития населения. СМИ не только информируют россиян о происходящих событиях, но и формируют общественное мнение, поддерживают социальные инициативы и способствуют экономическому росту. Одним из ярких примеров эффективного использования медиа в новых регионах является телеканал «Мариуполь 24», который служит иллюстрацией роли журналистики в социально-экономическом развитии.

Цель исследования — проанализировать и обобщить роль журналистики в процессе интеграции и социально-экономического развития новых регионов России, рассмотреть влияние медиа на формирование общественного мнения, поддержку общественных инициатив и развитие экономики.

Основная часть. Одной из основных функций журналистики в новых регионах является предоставление актуальной и достоверной информации населению. В условиях изменений, связанных с вхождением ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областей в состав России, жители нуждаются в ясных и точных сведениях о законодательных изменениях, социальных и экономических новшествах. В том числе участие общества в создании массовых информационных потоков выразилось и в новом течении — в «гражданской» журналистике [3].

Журналистика также играет важную роль в поддержке и продвижении общественных инициатив. Медиа могут стать платформой для освещения социальных и культурных проектов, что способствует увеличению общественной активности и решению локальных проблем [2]. В новых регионах, где общественные инициативы только начинают развиваться, поддержка медиа становится особенно актуальной.

Также печатные СМИ, радио и телевидение играют ключевую роль в формировании общественного мнения, что влияет на процесс принятия решений и поддержку реформ. Журналистика помогает создавать позитивное общественное мнение, что способствует социальной стабильности и экономическому росту.

Свойства журналистского текста и каналов его распространения побудили общество к тому, чтобы использовать журналистику как деятельность многофункциональную, возложив на нее целый ряд новых обязанностей [1]. В условиях интеграции новых регионов медиа могут влиять на восприятие людьми происходящих изменений и поддерживать позитивный имидж региона.

Телеканал «Мариуполь 24» служит ярким примером того, как журналистика может способствовать социально-экономическому развитию нового субъекта РФ. С момента вхождения Мариуполя в Российскую Федерацию телеканал стал важным инструментом в медийной сфере региона.

В эфир городского СМИ выходят репортажи о восстановлении города после боевых действий 2022-го года, праздничных и спортивных мероприятиях. Информационная служба освещает коммунальные проблемы в городе, сборы гуманитарной помощи, визиты первых лиц государства и республики.

«Мариуполь 24» активно поддерживает местные инициативы и проекты, включая социальные и культурные мероприятия. Это способствует развитию региональной экономики и повышению интереса к местным инициативам, что важно для укрепления медийной сферы региона.

Пример телеканала «Мариуполь 24» демонстрирует, как эффективная работа медиа может способствовать успешной интеграции новых территорий и улучшению качества жизни их жителей. Активное развитие журналистики в этих регионах является важным шагом к укреплению социальной и экономической стабильности.

Список литературы

1. Лазутина, Г. В. Социальная роль журналистики в контексте современных дискуссий / Г. В. Лазутина // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. — 2016. — № 6. — С. 178-191. — EDN XHRBZB.
2. Меджанова, Г. Роль журналистики в формировании общественного мнения и решении социальных проблем / Г. Меджанова, Дж. Бабаева, Я. Бабаева // Вестник науки. — 2023. — №10 (67). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-zhurnalistiki-v->

formirovanii-obschestvennogo-mneniya-i-reshenii-sotsialnyh-problem (дата обращения: 10.09.2024).

3. Шпак, А. А. Тематические доминанты «гражданской» журналистики Донбасса / А.А. Шпак, Н. Н. Мисюров // Молодёжь третьего тысячелетия : сборник научных статей, Омск, 01–26 апреля 2020 года. — Омск: Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, 2020. — С. 220-224. — EDN DTWRIQ.

УДК 808.5:654

ИНФОРМАЦИОННО-ВЕЩАТЕЛЬНЫЙ СТИЛЬ В КОНТЕКСТЕ МЕДИАРИТОРИКИ

Москаленко Н. М., ORCID 0009-0003-1566-7975

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
n.moskalenko@donnu.ru

Анализ процессов мирового медиапространства приводит к выводу, что современное общество цифровой трансформации вступило в новый этап своего развития, отличительной чертой которого является тотальная коммуникация.

Одновременно присутствие в соцсетях, общение через новые медиа гораздо важнее, чем суть самих сообщений, и на первое место выходит коммуникация, а не контент. Мы наблюдаем тесную взаимосвязь человека со СМИ, она сопровождается переносом в массовую коммуникацию устных и речевых практик. В условиях информационного общества нам приходится иметь дело с огромным количеством медиатекстов, что расширяет понятие стиля, требует новых теоретико-методологических походов и научного осмысления. Все это объясняет актуальность исследований, которые связаны с медиариторикой и анализом современного медиапространства. Стиль обращения всевозможных СМИ к своей аудитории и есть основой для определения и понимания информационно-вещательного стиля.

Если характеризовать информационно-вещательный стиль, то его можно определить как тональность, используемую средствами массовой информации для общения со своей аудиторией. Для обозначения этого понятия в литературе используется множество различных терминов — медийный стиль, риторический стиль, модальность, а также стиль информационно-вещательный, и применяется он в основном к новостным и информационно-аналитическим материалам. Информационно-вещательный стиль касается и новостей, и комментариев, и публицистики, и рекламы, и аналитики, однако лучше всего отображается в изучении новостного дискурса. Это объясняется тем, что основная функция новостей — информирование. А новостной текст можно охарактеризовать как результат деятельности большого количества людей.

Немаловажным является и тот факт, что в сравнении с медиариторическим стилем, который охватывает все стилевое разнообразие дискурса массмедиа, информационно-вещательный стиль прежде всего связан с аудиовизуальными средствами массовой информации — телевидением, радио и их представлением на мультимедийных платформах в Интернете.

Когда мы горим об информационно-вещательном стиле как о неотъемлемом признаке новостного вещания, мы отмечаем и ведущую роль новостей в современном медиапространстве. «Новости — становой хребет, конструкция, придающая устойчивость всему массмедийному дискурсу» [1].

Создание сетки вещания и формирование информационной картины мира — это тоже новости. Современная борьба за информационное влияние в мировом медиапространстве также определяет ведущую роль новостей. Современный философ Алан де Ботон считает новости «религией нового времени».

Понятие дискурса входит в состав терминов, которые в научно-исследовательской сфере характеризуются многогранно, а порой и противоречиво. В дискурсе отражается менталитет и культура как национальная, всеобщая, так и индивидуальная, частная» [2].

Что же собой представляет сегодня медиатекст и объектом изучения каких наук является? Н.А. Кузьмина в книге «Современный медиатекст» отмечает, что одной из основных характеристик медиатекста является то, что он изучается множеством наук — лингвистикой, социологией, политологией, психологией, стилистикой. Здесь также важны и методы изучения медиатекстов. Наиболее продуктивными автор обозначила восемь методов: лингвистического анализа, контент-анализа, дискурсивного анализа, критической лингвистики, лингвистической экспертизы медиатекста, когнитивный анализ, лингвокультурологического анализа и медиалингвистического анализа.

Чтобы объяснить процесс формирования новостного дискурса в структурированном виде, обратимся к информационной модели, разработанной Т.Г. Добросклонской в книге «Вопросы изучения медиатекстов». Особенность предлагаемой автором модели в том, что на ее основе можно детально проследить механизм превращения события реальной жизни в событие медийное, или новость, а также понять, как влияет медиасреда на формирование информационной картины мира. Уже на первом этапе отбора фактов для последующего освещения наблюдаются серьезные различия в формировании повестки дня. Наряду с известными в теории журналистики критериями новостной ценности, действует и целый ряд факторов политико-идеологического характера. Примером этому может служить сравнение освещения военных конфликтов в различных СМИ международного, национального и регионального уровней. Анализ

показывает, что многие значимые факты исключаются из новостной повестки, и это объясняется ангажированностью и зависимостью от интересов тех или иных политических сил всех новостных СМИ. Наиболее ярко особенности информационно-вещательного стиля проявляются на этапе интерпретации отобранных для освещения событий, когда они актуализируются в виде конкретного медиатекста с определенными свойствами как на вербальном, так и на медийном уровнях. Каждое СМИ осуществляет общение со своей аудиторией в определенном тоне, при этом использует устойчивые медиастилистика и риторические средства. Если для качественной газетной прессы характерен один стиль общения, то для популярной — другой; стиль российского новостного вещания отличается от стиля европейских и американских теленовостей. В новостном дискурсе информационно-вещательный стиль приобретает особое значение, он становится одним из решающих факторов успеха и коммерческой привлекательности канала и представляет собой сочетание ряда вербальных и медийных компонентов, обусловленных теми или иными конкретным СМИ. На телевидении это визуальное оформление новостной программы, музыкальная заставка, логотип, интерьер студии, имидж ведущих, подбор видеоряда, и, безусловно, все используемые вербальные средства. Здесь важно все, даже малейшие детали.

Заметнее всего свойство использования различными СМИ, например, специфического тона, присущего какому-то телеканалу, журналу, газете, Интернет-ресурсу, ощутимо в ином лингвокультурном социуме, в иной иностранной медиасреде. Когда мы находимся в определенном национально-культурном социуме какой-то страны, нам становится привычным какой-то стиль трендовых новостных программ. Стоит нам оказаться в непривычном нам информационном поле, мы сразу ощущаем разницу с тем стилем, к которому привыкли. И объясняется это не только тем, что информация подается на иностранном языке. И не зная языка, мы мгновенно замечаем разницу стилей — это образ ведущих, тембр речи, мимика и жестикация, оформление студии и манера общения с гостями. Владение иностранным языком в данном случае на вербальном уровне различия делает еще более заметными.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что существует огромное множество современных информационно-вещательных стилей, и что это все — интереснейший предмет для исследования.

Интересным для исследования в контексте данной темы может быть и вузовское телевидение. Например, телестудия Донецкого государственного университета, созданная при поддержке фонда «Русский мир» в 2019 году, систематически выпускает новостную программу «Университетский альманах», которая включает в себя репортажи, сюжеты, обзоры, интервью, отображающие научную, образовательную и социокультурную жизнь

университета. Вузское телевидение ДонГУ, создавая определенную видеокартину, оказывает влияние на мировоззрение и уровень культуры студентов. Перед телестудией ДонГУ стоят задачи по распространению общечеловеческих культурных ценностей, созданию качественного научно-образовательного контента, сохранению чистоты русского языка, культуры и традиций. А также формирование репутации университета, пропаганда его традиций и положительного опыта, что особенно важно в условиях информационной войны. Все это и определяет использование информационно-вещательного стиля в работе телестудии ДонГУ, обозначает свой тон в общении с телезрителем.

Отличительной чертой современности также является тот факт, что элементы информационно-вещательных стилей в условиях информационной глобализации сегодня активно заимствуются. Это можно проследить на примере обращения к аудитории: «Не переключайте», «Оставайтесь с нами», «Продолжение следует». Или на примере оформления студии, поведения ведущих.

Сегодня многие исследователи сходятся во мнении о том, что влияние массовой коммуникации на современное речепотребление требует тщательного и систематического изучения.

Для изучения современного состояния языка все чаще используют тексты средств массовой информации, это обусловлено тем, что именно в СМИ оперативно фиксируются изменения языковой действительности и те процессы, которые касаются речепотребления.

Когда мы говорим о понятии «язык СМИ», то подразумеваем всю совокупность текстов, которую производят и распространяют СМИ. Также язык СМИ можно охарактеризовать как особую систему знаков смешанного типа, для которой свойственно употребление и вербальных и аудиовизуальных средств.

Существенно на развитие языка СМИ повлияло развитие Интернет-технологий. Язык Интернета — многоуровневая мультимедийная система, которая объединила все традиционные средства массовой информации. Также можно утверждать, что язык СМИ — это своеобразный код, универсальная знаковая система, которая формирует картину окружающей среды. Психологи подтверждают, что в зависимости от того, каким представляют окружающий мир СМИ, у человека формируется его восприятие. В зависимости от принадлежности к той или иной социальной группе и социокультурному сообществу, язык СМИ отражает многообразие этих интерпретаций, передает идеологическую модальность и национально-культурную специфику и является зеркалом всех социально-идеологических изменений в обществе.

Список литературы

1. Добровольская Т.Г. Категория стиля в контексте медиариторики // Медиариторика и современная культура общения: наука — практика — обучение: сб. статей XXII международной научной конф. (30 января — 1 февраля 2019 г.). — М.: Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина, 2019. — 609 с. — С. 76-81.
2. Дейк, Т.А. ван. Язык, познание, коммуникация [Текст] / Т.А. ван Дейк. — М.: Прогресс, 1989. — 312 с.
3. Добросклонская Т.Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ (Современная английская медиаречь) / Т.Г. Добросклонская. — М.: Флинта: Наука, 2008. — 263 с.

УДК 070:004.738.5

СТРАТЕГИИ МУЛЬТИКАНАЛЬНЫХ СМИ И ПАБЛИКОВ НА ПРИМЕРЕ МЕДИАРЕСУРСА «ЛЕНТА.РУ»

Наливайко Ю. Ю., канд. филол. наук, доц., ORCID 0009-0008-5072-568X
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
y.nalivayko_dongu@mail.ru

Введение. Информационный ландшафт характеризуется заметным ростом числа медиаорганизаций, цифровых изданий, блогов и прочих источников информации, что создает высококонкурентную среду, где борьба за внимание читателя становится приобретает новые формы [1]. Традиционные каналы распространения журналистских материалов не теряют актуальности, но акцент смещается в сторону цифровых платформ. В сложившихся политических и социальных условиях СМИ активно развивают инновационные каналы для поиска и удержания аудитории, а также для достижения редакционных целей. Цифровые платформы, такие как социальные сети и, особенно, мессенджеры, становятся новыми пространствами для взаимодействия с читателями. Среди пользователей сети интернет они пользуются большой популярностью благодаря быстрому доступу к информации, низкому трафику, простоте и удобству интерфейса. Официальные средства массовой информации осваивают новые технологии создания публикаций в мессенджерах, а новые медиа создаются на данных площадках и функционируют только на их базе [5]. Мультимедийные организации разрабатывают уникальные стратегии для использования мессенджеров, чтобы привлечь внимание и удержать аудиторию в условиях многовекторной подачи информации [2]. На фоне данной динамики актуализируется необходимость в понимании того, как мессенджеры влияют на информационное пространство, особенно в контексте разработки стратегий мультимедийных СМИ и пабликов.

Цель исследования — изучение мобильных мессенджеров как динамичного и продуктивного канала массовой коммуникации, разработка стратегических подходов их использования мультиканальными средствами массовой информации и пабликами.

Основная часть. Стратегия журналистской деятельности представляет собой целенаправленный подход к созданию и распространению информации с целью достижения определенных целей. Она включает в себя планирование, выбор тем и источников, форматирование контента, выбор каналов распространения, взаимодействие с аудиторией и реакцию на изменения в общественной обстановке. Важными составляющими стратегий деятельности СМИ являются систематическое контент-планирование, концентрация на определённых ресурсах для размещения информации, определение курса действий и принятие решений с учетом внутренних и внешних факторов для эффективной адаптации к изменениям в окружающем мире и достижения поставленных целей.

Для анализа контента и создания универсальной модели стратегий современного мультиканального СМИ был выбран медиаресурс «Лента.ру».

Ресурс «Лента.ру» выделяется разнообразной тематической направленностью, охватывающей сферу новостей как России, так и мира. В своей основе содержит информацию, включающую политические и экономические аспекты, а также новости из сферы культуры, общества, науки и техники. Это ранжирование актуально в контексте официальной веб-страницы, однако в соответствии с уникальными особенностями различных социальных сетей и мессенджеров, происходит динамическое распределение и классификация контента, его адаптация к интересам аудитории соответствующей платформы. Такое распределение контента подтверждает выбор анализируемым мультиканальным СМИ *стратегии тематической сегментации*.

Сообщество «Лента.ру» на платформе ВКонтакте регулярно размещает социально-значимую новостную информацию, которая актуальна для жителей страны и потенциально может вызвать интерес и резонанс аудитории. Эти публикации представлены в формате краткой заметки, часто состоящей из одного-двух предложений, с использованием видеоматериалов или изображений, стилизованных под фирменный дизайн издания. Элементы брендинга, такие как логотип и крупный узнаваемый шрифт, присутствуют в каждой публикации. Формат «быстрого поста» способствует мгновенным реакциям читателей, что отражается в статистических показателях: на сообщество подписано 722 тысячи пользователей, каждая публикация набирает около 50 тысяч просмотров и содержит в среднем по 100 отметок «Мне нравится», 50 комментариев и 30 репостов. Аналитика свидетельствует о высокой активности и

вовлеченности аудитории, что подчеркивает успешность стратегии контентного взаимодействия и популярность данного сообщества в социальной сети.

На основной Телеграм-канал «Лента дня» подписано 230 тысяч пользователей, публикации демонстрируют большие охваты (по сравнению с сообществом в социальной сети «ВКонтакте»): каждая запись получает в среднем 50 тысяч просмотров и около 1500 реакций. Такие показатели достигаются благодаря тематическому различию в подаче контента. Необходимо отметить более неформальную подачу новостей в Телеграм-канале, ориентированную на молодежную аудиторию, и большую «сенсационность» материалов. Сообщество ВКонтакте придерживается официального стиля публикаций. Также стоит выделить активное использование модераторами канала в мессенджере эмодзи: они применяются для проведения опросов подписчиков и иллюстрации новостных дайджестов, что дополнительно подчеркивает неформальность ресурса на данной платформе. Такой стиль взаимодействия «медиа — аудитория» создает ощущение легкости восприятия и дружелюбности, что делает контент близким и доступным для подписчиков, способствует личной идентификации читателей с авторами, укрепляя ощущение сопричастности со взглядами редакции. Именно такая подача контента склонна к вирусному распространению, так как вызывает эмоциональные реакции и легко распознается в социальных сетях, что дополнительно увеличивает его привлекательность и способствует узнаваемости медиаресурса.

Помимо основного Телеграм-канала, данное издание активно развивает ряд тематически сегментированных сообществ в мессенджере, что является проявлением стратегического *многоканального подхода*. Такой подход предоставляет читателям возможность более глубокого взаимодействия с различными аспектами информационного пространства.

«Лента добра» представляет собой канал, ориентированный на публикацию только положительных новостей, стремящийся поддерживать оптимистичный настрой аудитории и представляющий уникальный подход к формированию позитивного информационного пространства.

Канал с названием «Лента дна» создает контент, ориентированный на читателей, заинтересованных исключительно в шокирующих событиях, что демонстрирует гибкость стратегии адаптации редакции к различным сегментам аудитории.

Еще одной уникальной иллюстрацией *подхода дистрибьюции контента* в мессенджере Телеграм является канал издательства «Мослента», реализованный в стилистике советских информационных бюллетеней в контексте презентации новостей Москвы.

Использование разнообразных стратегий даёт медиаресурсу ряд преимуществ. Разнообразие инструментов обратной связи обеспечивает

эффективный стабильный канал коммуникации, позволяя читателям активно участвовать в формировании контента и оставлять обратную связь, что, в свою очередь, способствует развитию сообщества и повышению привлекательности медиаресурса.

Заключение. При проведении анализа стратегий мультиканальных СМИ и пабликов в русскоязычном сегменте нами было выявлено, что наиболее успешными считаются стратегии адаптации контента и тематической сегментации. Примечательно, что использование этих стратегий в комплексе демонстрирует максимальную эффективность.

Стратегия адаптации контента позволяет медиаресурсам гибко реагировать на изменения в информационной среде, поддерживать актуальность и релевантность материалов.

Тематическая сегментация контента, в свою очередь, целенаправленно воздействует на определенные группы аудитории, учитывая их интересы. Это повышает вовлеченность читателей и делает контент более привлекательным.

Комбинированное использование стратегий адаптации и тематической сегментации демонстрирует синергетический эффект. Это сочетание гибкости адаптации с точным воздействием на целевые аудитории максимизирует общую эффективность медиаресурса.

Таким образом, эффективность присутствия СМИ в социальных сетях и мессенджерах определяется не только выбором конкретной стратегии, но и реализацией редакционной политики, ориентированной на уникальность контента, адаптацию под различные платформы и активное взаимодействие с аудиторией.

Список литературы

1. Варганова, Е. Л. Постсоветские трансформации российских СМИ и журналистики / Е.Л. Варганова. — Москва : МедиаМир, 2013. — 277 с. — ISBN 978-5-91177-059-4. — EDN TGHKTD.
2. Градюшко, А. А. Платформизация в цифровой журналистике: новые стратегии медиапроизводства // Труды БГТУ. — Сер. 4: Принт- и медиатехнологии. — 2023. — № 1 (267). — С. 34-40.
3. Кононов, Н. В. Я, редактор. Настольная книга для всех, кто работает в медиа / Н.В. Кононов. — Москва : МИФ, 2021. — С. 55-59.
4. Мессенджеры для СМИ: только инструмент или новый канал дистрибуции? // mediatoolbox.ru — URL: <http://mediatoolbox.ru/blog/messendzheryi-dlya-smi-tolko-instrument-ili-novyiy-kanal-distributsii/> (дата обращения: 02.09.2024).
5. Halvorson, Kristina Content Strategy for the Web / Kristina Halvorson, Melissa Rach. — Indianapolis : New Riders, 2012. — С. 54-61. — ISBN 0321808304.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОГО КИНЕМАТОГРАФА: СТЕРЕОТИПИЗАЦИЯ И ФОРМИРОВАНИЕ МИРОВОЗЗРЕНИЯ

Наливайко Ю. Ю., канд. филол. наук, доц., ORCID 0009-0008-5072-568X,

Новикова В. С., ORCID 0009-0001-9121-0614

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ

y.nalivayko_dongu@mail.ru, novikova.valientina@internet.ru

Введение. Кино является неотъемлемой частью жизни современного общества. Влияние кинематографа на человеческую психику неоспоримо: фильмы и сериалы погружают нас в созданную автором реальность, из-за чего меняется настроение, эмоции и даже поведение реципиентов. Киноиндустрия формирует стереотипы, которые влияют на взаимоотношения в обществе [1].

Кино — это зеркало общества, отражающее его мысли, ценности, политическую и экономическую ситуацию. Фильмы транслируют важные события, происходящие в государстве, и являются мощным инструментом, способным запечатлеть дух времени и отразить наиболее актуальные проблемы общества [2].

В российской социокультурной среде кино рассматривается как медиапродукт, способный формировать мировоззрение, а также отношение к тем или иным социальным проблемам. В то же время вопрос эффективности воздействия кинопродукции на человеческое сознание остается открытым, а кино как средство социального управления все чаще становится предметом споров и дискуссий. В связи с этим возрастает актуальность изучения восприятия кинопродукции обществом и степени влияния на него.

Целью работы является выявление отношения современного общества к российскому кинематографу, отслеживание динамики развития отечественной кинопродукции, а также изучение процессов стереотипизации, формируемых киноиндустрией.

Основная часть. У отечественного кинематографа сложилась определенная репутация: существует устоявшееся мнение о низком качестве, шаблонных сюжетах и пропагандистском характере российских кинокартин. Однако несмотря на это, в последние годы наблюдается положительная динамика роста популярности российской кинопродукции. Результаты нашего исследования, проведенного среди россиян в возрасте 17-45 лет, подтверждают эту тенденцию. Опрос проводился на платформе Телеграм, количество респондентов составило 150. 56 % респондентов уверены, что отечественный кинематограф за последние 5 лет изменился в лучшую сторону. В последние годы наметился рост количества

талантливых режиссеров, создающих качественные фильмы и сериалы, способные конкурировать с западными аналогами.

Однако следует отметить, что значительная часть государственного финансирования направляется на проекты, отвечающие политическим интересам. В результате фильмы и сериалы, транслируемые на федеральных каналах, часто отражают государственные нарративы и являются качественной профессиональной продукцией, тогда как независимые кинопроекты, выпускаемые без государственной финансовой поддержки на стриминговых платформах и относящиеся к андеграунду, зачастую не получают широкого охвата.

Наш опрос среди россиян с активной жизненной позицией позволил выявить интересную динамику восприятия современного отечественного кино. Согласно опросу, 50 % респондентов выражают положительное отношение к российскому кино, в то время как лишь 3 % имеют отрицательное мнение. Это свидетельствует о том, что, несмотря на критику, большая часть аудитории оценивает российское кино в позитивном или нейтральном ключе. Этот оптимизм подтверждается и тем, что 55 % опрошенных отмечают позитивные изменения в российском кинематографе за последние пять лет, а 42 % респондентов регулярно смотрят российские фильмы и сериалы.

Опрос также подчеркнул важность кинематографа как инструмента формирования общественного мнения. Большинство респондентов (52 %) уверены, что кино должно воспитывать и влиять на взгляды аудитории. 34 % считают, что кино лишь подтверждает уже существующие убеждения, и только 14 % опрошенных смотрят кино, чтобы расслабиться и хорошо провести время.

Исследование показало, что 85 % респондентов задумывались о социальных проблемах под влиянием кинематографа. Почти половина (47%) призналась, что их взгляды на жизнь менялись после просмотра фильмов или сериалов. Это подтверждает значимость кино как средства обращения к важным актуальным темам.

44% респондентов заметили улучшения в области сюжета и актуальности тем в отечественном кинематографе. Это также согласуется с мнением о том, что кино должно воспитывать определенные ценности. Опрос показал, что большинство опрошенных (60-66 %) считают важным, чтобы кино воспитывало уважение к традициям и обычаям государства, заботу о природе, доброту и терпимость. Также в топ входят такие ценности, как здоровый образ жизни, толерантность, забота о слабых, стремление к свободе и независимости.

Согласно опросу, только 29 % респондентов верят в полное совпадение сюжета художественного фильма с историческими событиями. Это указывает на формирование правильного восприятия фильма как художественной формы трактовки исторических событий.

Данная ситуация подчеркивает необходимость критического восприятия зрителями исторического контекста художественных произведений и использования дополнительных источников информации создателями фильмов для формирования комплексного представления о прошлом.

Также большинство респондентов отмечало, что в сфере сериалов завершился творческий кризис. Появление сценаристов и режиссеров, не имеющих широкого признания, привело к созданию произведений, отличающихся от привычного контента, который зачастую характеризовался низким качеством. В частности, успешные примеры отражения жизни общества в кризисные периоды на примере социального срез типичных его представителей, такие как сериал «Слово пацана», демонстрируют новый подход к сюжетам, который включает в себя элементы, ранее игнорируемые mainstream-продукцией.

Существуют андеграундные картины, которые не пользуются широкой популярностью, но предлагают высокое качество как визуального ряда, так и сюжетной формы. Например, адаптация комиксов, такого как «Майор Гром».

Интересно отметить, что отражение негативных аспектов социума в художественных фильмах не всегда отрицательно влияет на имидж страны. Примеры корейского и испанского кино, такие как «Игра в кальмара» и «Бумажный дом», несмотря на их критическое освещение некоторых проблем, способствовали росту интереса к соответствующим культурам. В России аналогичный эффект наблюдается у сериала «Слово пацана».

Также стоит обратить внимание на то, что при перечислении любимых российских фильмов и сериалов большинство опрошенных называли картины, не транслируемые по ТВ. Из наиболее часто повторяющихся: «Слово пацана», «Майор Гром», «Гоголь. Начало», «Лёд», «Смычок», «Черная молния», «Вампиры средней полосы», «Класс коррекции», «Т-34». И лишь два сериала, отмеченные респондентами, демонстрировались на российских телеканалах: «Кухня» и «Универ».

Заключение. Современное российское кино находится в стадии трансформации. С одной стороны, наблюдается рост качества продукции и появление новых талантов среди режиссёров, продюсеров, актёров. С другой стороны, проблемы финансирования затрудняют развитие кинематографа. Российское кино продолжает искать свою идентичность, стремясь сочетать традиции и современные тенденции при ориентировании на потребности разнообразной аудитории.

Список литературы

1. Мареева Т. П., Кожухова Е.С. Влияние киноискусства на жизнедеятельность человека // Научный журнал молодых ученых. — 2016. — №2 (7). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-kinoiskusstva-na-zhiznedeyatelnost-cheloveka> (дата обращения: 11.09.2024).

2. Мещерякова, А. С. Кино как форма взаимодействия и его возможности в современном мире // Гуманитарное знание и искусственный интеллект: стратегии и инновации: 4-й молодежный конвент УрФУ. — Екатеринбург, 2020. — С. 770-773. — URL: <https://elar.urfu.ru/handle/10995/95723> (дата обращения: 11.09.2024).
3. Тан Кэсинь. Влияние кинематографа на социум / Кэсинь Тан. — URL: <https://na-journal.ru/12-2023-kultura-iskusstvo/7502-vliyanie-kinematografa-na-socium> (дата обращения: 11.09.2024).

УДК 070:004.738.5

КОНВЕРГЕНТНОСТЬ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ СОВРЕМЕННОГО ЖУРНАЛИСТА: СЛИЯНИЕ ЖУРНАЛИСТИКИ И БЛОГЕРСТВА

Олешкевич В. В., канд. филол. наук, ORCID 0000-0001-6089-4075
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский университет промышленных технологий и
дизайна», г. Санкт-Петербург, РФ
o_valeri@mail.ru

Введение. Сейчас мы наблюдаем за тем, как профессия журналиста становится все более и более многогранна. Так, помимо сбора, обработки и предоставления информации журналист теперь может выступать редактором, монтажером и вообще выполнять свою работу под собственным брендом (пример Саши Сулим, Ксении Собчак, Василия Уткина служат яркими тому примерами), тем самым сближаясь с блогерами.

Цель. Изучить процесс и признаки конвергентности журналистики и блогерства в современном медиамире. Рассмотреть вопрос о необходимости модернизации учебных дисциплин, в процессе которых студент-журналист может приобретать навыки работы в соцмедиа.

Основная часть. Несколько лет назад под многогранностью журналистских компетенций мы понимали авторскую, редакторскую, проектно-аналитическую, организационно-управленческую, социально-организаторскую и производственно-технологическую деятельности [1] в контексте работы СМИ. Сегодня же журналистская деятельность охватила различные медийные площадки, среди которых и те, что изначально не были предназначены для журналистики — социальные сети, видео- и фотохостинги.

В течение последних лет мы наблюдаем за тем, как СМИ уступают место блогам. Важно отметить, что мы говорим именно о СМИ и блогах, а не о журналистике и блогах. Ведь в последние годы социальные сети стали площадкой для журналистской деятельности, что оказало большое влияние на статистику посещаемости сайтов традиционных СМИ [2].

Поэтому важно говорить о том, что современному журналисту уже недостаточно знание базовых навыков создания качественного материала. Теперь выпускник, имея диплом журналиста, может претендовать на смежные профессии, которые тесно связаны с журналистской работой: копирайтинг, SMM, работа с digital-коммуникациями, контент-мейкер и не только. Именно поэтому при работе с современными студентами важно учитывать новые сферы, к которым может быть обращен студент-выпускник, и обращаться к тем компетенциям, которые помогут ему быть универсальным специалистом в нынешнем медиапространстве.

В связи с интернетизацией практически всех средств массовой информации (за исключением, быть может, локальных изданий), журналисту теперь выдвигаются новые требования: быть быстрым, но при этом понятным, грамотным и умеющим отделять свой творческий взгляд на ситуацию от фактологического [3]. Последнее все больше и больше удается с трудом, и причина тому — развитие журналистики в блогах.

Социальные сети включают в себя обилие возможностей, чтобы творить «авторскую журналистику». Под авторской журналистикой мы понимаем смесь аналитики и публицистики, когда журналист может комментировать и разбирать актуальные события, при этом выражать собственную оценку в открытой форме и при помощи любых средств (художественно-выразительных средств, мультимедийности, голосовом выражении и не только).

Блогинг сейчас является серьезным конкурентом традиционных СМИ. Сейчас блогер — лидер мнения. Он может сообщать новости, обозревать их, высказывать собственную позицию, относительно последних проблем, возникших в обществе. Таким образом, блогер сейчас предоставляет укомплектованный продукт — факт, мнение, оценку. Если журналист обязан предоставлять видение ситуации таким образом, чтобы читатель смог самостоятельно принять решение, относительно рассматриваемого вопроса, то блогер может открыто убеждать, отсюда появилось синонимичное название блогеров — инфлюенсеры (от англ. influence — «влиять») [4].

Свобода выражения мыслей в социальных медиа может рассматриваться как одна из важнейших причин, объясняющих переход журналистов из классических форм медиа и уход от классических представлений о профессии. Теперь журналист, помимо непосредственной работы корреспондентом в онлайн-СМИ может работать в качестве SMMщика, копирайтера, контент-мейкера. Эти профессии относятся, прежде всего, к сфере маркетинга, но при этом включают в себя множество компетенций, присущих и журналистам.

«Цели SMM и СМИ преследуют практически одинаковые, которые так или иначе пересекаются: это по своей сути создание читаемого интересного контента, которым пользователи хотели бы поделиться и

впоследствии, остались бы лояльны» [5]. Но это не значит, что SMM-сфера — это нечто обособленное от журналистского мира. Напротив, многие СМИ сейчас активно внедряют политику продвижения в социальных сетях с целью повышения узнаваемости и лояльности.

К тому же, социальные сети предоставляют множество возможностей прямого взаимодействия с аудиторией и ее вовлечения (например, стримы, опросники и тексты в режиме исчезающего контента, онлайн-переписка в личных сообщениях и не только). Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что журналист, будучи сотрудником редакции, может заниматься исключительно продвижением контента СМИ в социальных сетях — продумывать форму подачи материала, анализировать состояние аккаунта, взаимодействовать с читателями и не только. То есть журналист может выполнять обязанности SMM-специалиста и контент-мейкера.

Одним из главных трендов продвижения контента в социальных сетях является нативность. Современный человек научился игнорировать агрессивную рекламу, и брендам пришлось проработать стратегии по завоевыванию внимания аудитории. И наиболее действенным способом рекламирования себя сейчас является нативность [6]. Нативность представляет собой тематическую публикацию любого жанра с вкраплением рекламной информации. В качестве таковой публикации может выступать как текст в СМИ, так и пост в социальных сетях. При этом важно понимать, какие жанры лучше презентуют оценку рекламной продукции.

Заключение. Мы можем отметить, что работа с грамотным написанием медийного текста (как печатного, так и аудиовизуального) выходит далеко за пределы классических журналистских произведений. Поэтому современный студент-журналист уже в процессе обучения может представлять возможность реализации приобретенных навыков не только в традиционных СМИ, но и в сфере копирайтинга, SMM, авторского блогерства.

Список литературы

1. Свитич, Л.Г. Введение в специальность: Профессия: журналист: Учеб. пособие для студентов вузов. — М.: Аспект Пресс, 2011. — 255 с. — ISBN 978-5-7567-0602-4.
2. Молчанова, О.И. Специфика современных интернет-СМИ // Интернет-СМИ: проблемы, возможности, технологии, позиции. — 2012. — С. 97–105. — EDN XNGBXY.
3. Абдикеримова, Ж.Т. Формирование профессиональных компетенций журналиста как условие подготовки конкурентноспособного специалиста // Наука и инновационные технологии. — 2019. — № 1(10). — С. 109–114. — DOI 10.33942/sit011. — EDN ZXTPDZ.
4. Никитина, Л.С. Инфлюенсеры и лидеры мнений как эффективные инструменты современного интернет-маркетинга // Аллея науки. — 2018. — Т.1. — № 9(25). — С. 508-511. — EDN YNUDRZ.

5. Устинов, В.В. SMM-копирайтинг в журналистской деятельности // Медиасреда. — 2017. — № 12. — С. 276–281. — EDN ZGIFSR.
6. Никитина, О.О. Тренды SMM-продвижения и их влияние на решения бизнеса // Вестник Московского государственного лингвистического университета. — 2020. — №4(841). — С. 268–279.

УДК 791.43:070:004.738.5(049.32)

**КИНОРЕЦЕНЗИЯ В МЕДИАСРЕДЕ: ЖАНРОВАЯ СПЕЦИФИКА
(НА МАТЕРИАЛЕ СПЕЦИАЛИЗИРОВАННЫХ ИНТЕРНЕТ-
ИЗДАНИЙ: «FILM.RU», «KINOMANIA.RU», «KINO-TEATR.RU»
И «KINOREPORTER.RU»)**

Пьянзина И. В., канд. филол. наук, доц., ORCID 0009-0000-0586-9723,
Малоземова О. С.

ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Мордовский государственный
университет им. Н. П. Огарёва», г. Саранск, РФ
inn-pyanzina@yandex.ru

Введение. Обращаясь к жанру кинокритики в медиасреде, рецензенты, безусловно, реализовывают потребность в выражении своего отношения к фильму. Язык и стиль кинокритики в медийной сфере доступен широкой аудитории, которая не требует детального и сложного анализа. Анализ в кинокритике на специализированных сайтах кино часто сведен к краткой оценке и мнению критика не предполагает развернутых аргументов.

Основная часть. Сравним экспертные мнения о фильме «По Фрейду», представленные на таких специализированных сайтах, как «Film.ru», «Kinomania.ru», «Kino-teatr.ru» и «Kinoreporter.ru».

Рецензент специализированного интернет-издания «Kino-teatr.ru» Е. В. Визгалова выражает положительное отношение к фильму «По Фрейду». Она также отмечает великолепную игру Энтони Хопкинса и Мэттью Гуда, которые блистают в роли Зигмунда Фрейда и Карла Льюиса и создают ощутимый контраст между своими персонажами, демонстрируя незабываемую химию на экране. Через сложные физические движения и глубокие эмоциональные проявления актеры воплощают в жизнь психологические нюансы и драматическую интенсивность персонажей. Критик также отмечает профессионализм операторской работы. Захватывающий визуальный ряд: уличные сцены, сны и ретроспективные кадры, которые выходят за рамки гостиной, прекрасно проработаны, а образы войны придают фильму своевременное звучание. Встреча Льюиса и Фрейда побуждает зрителей заглянуть внутрь себя и столкнуться со своими страхами, особенно страхом перед войной.

Таким образом, по мнению Визгаловой, «По Фрейду» — это выдающийся фильм с блестящими актерскими работами и впечатляющей визуальной составляющей. Энтони Хопкинс и Мэттью Гуд завораживают своей игрой, а фильм оставляет зрителей не только завороженными, но и погруженными в размышления о своих собственных внутренних конфликтах [2].

В отличие от оценок своего коллеги, рецензент узкоспециализированного интернет-издания «Kinomania.ru» К. Л. Горячок высказывает резко негативное мнение о фильме «По Фрейду», подчеркивая его хаотичность и даже в некоторой мере пошлость. Он критикует перегруженность сюжетами и сценами, которая приводит к разваливанию основной сюжетной линии. Автор статьи также отмечает несочетаемость тем, связанных со Второй мировой войной, с диалогами психоаналитика и писателя, что делает фильм, по его мнению, несбалансированным и запутанным.

Автор отмечает попытку фильма стать просветительским, но критикует хаотичное смешение реальности и фантазии, которое оставляет зрителя в замешательстве. Он указывает на то, что образы Льюиса и Фрейда представлены как виртуальные и нереальные, что не является совсем целесообразным.

В заключение автор выражает разочарование по поводу фильма «По Фрейду», который не оправдал его ожиданий. Рецензент приходит к выводу о том, что фильм далек от того, чтобы быть оригинальным или просветительским, и что его лучше избегать зрителям, ожидающим глубоких размышлений о психоанализе или истории [1].

Рецензент интернет-издания «Film.ru» также пишет о том, что ожидания от кинокартины, которые заключались в том, что он будет захватывающим интеллектуальным поединком между титанами атеизма и веры, не оправдались. Напротив, фильм оставил зрителя разочарованным и неудовлетворенным.

Центральная дискуссия, по мнению М. Ершова, между Фрейдом и Льюисом, вопреки ожиданиям, оказывается лишеной интриги. Диалоги утомительны и искусственны, параллельные сюжетные линии, использованы для добавления глубины, только лишь усложняют повествование и утяжеляют сюжет.

Рецензент считает, что решение адаптировать пьесу, разворачивающуюся в пределах двух-трех комнат, было явно опрометчивым. Ограниченное пространство сдерживало развитие действия и создавало впечатление клаустрофобии у зрителей [4].

Автор рецензии также критикует выбор сюжета, считая поединок в красноречии не самым подходящим сюжетом для художественного фильма. Блестящая игра актеров, является единственной сильной стороной фильма. Но таланта Энтони Хопкинса и Мэттью Гуда оказалось недостаточно, чтобы спасти фильм от его скуки.

Рецензия является крайне негативной. По мнению М. Ершова, фильм не оправдывает ожиданий, страдает от слабых диалогов, запутанного и неудачного выбора сюжета. Даже при талантливом актерском составе фильм оставляет зрителя равнодушным и разочарованным.

В рецензии на сайте «Kinoreporter.ru» описывается атмосфера фильма «По Фрейду», а также дается оценка актерской игре и историческому контексту. По мнению эксперта, фильм рассказывает о встрече между Фрейдом и Льюисом, где они проводят интересный спор на теологическую тему. В рецензии подчеркивается, что фильм не предлагает однозначных ответов на вопросы веры и неверы, а вместо этого показывает персонажей с личными трагедиями и опытом. Фильм, по мнению, А. Горелой снят в камерной обстановке, что создает тяжелую атмосферу для него. Также рецензент считает, что вставные сцены с молодыми версиями Фрейда и Льюиса совсем не улучшают атмосферу фильма, а, напротив, делают ее еще более мутной. Однако, по мнению автора, эмоциональная связь между актерами Хопкинсом и Гудом замечательна и придает фильму необходимую драматическую напряженность. В рецензии отмечается, что в реальности Фрейд и Льюис никогда не встречались, а авторы фильма, вероятно, использовали вымысел лишь для создания оригинального сценария. Критик считает, что этот факт может вызвать как интерес, так и разочарование у зрителей, привыкших к точности исторических сценариев.

Таким образом, в рецензии, представленной на сайте «Кинотеатр.ру» дается положительная оценка фильму, восхваляя игру ведущих актеров Энтони Хопкинса и Мэттью Гуда, а также операторскую работу и визуальную составляющую картины. Рецензент Е. В. Визгалова считает фильм выдающимся и отмечает, что он побуждает зрителей к глубоким размышлениям. В противоположность этому мнению, две другие рецензии (на сайтах «Kinomania.ru» и «Film.ru») выражают крайне негативное мнение о картине. Рецензенты Ершов и Горячок критикуют фильм за перегруженность сюжетных линий, несбалансированность, искусственность диалогов и общую разочаровывающую атмосферу. Они считают, что картина не оправдывает надежд зрителей, ожидавших интеллектуального противостояния, и в целом оставляет аудиторию разочарованной и неудовлетворенной.

Заключение. В целом, фильм «По Фрейду» является интересным и мрачным экспериментом в жанре биографической драмы, который может вызвать неоднозначные реакции у зрителей. Лучшее решение — оставаться беспристрастным и наслаждаться интригующими диалогами и актерской игрой [3].

Список литературы

1. Последний сеанс Фрейда. — URL: <https://www.kinomania.ru/film/836013> (дата обращения: 12.09.2024).

2. «По Фрейду»: в Лондоне бывал — Бога (не) видал. — URL: <https://www.kino-teatr.ru/kino/art/pr/7278/> (дата обращения: 12.09.2024).
3. «По Фрейду»: Философия, теология и психоанализ в одном флаконе — URL: <https://kinoreporter.ru/po-frejdu-filosofiya-teologiya-i-psihoanaliz-v-odnom-flakone/> (дата обращения: 12.09.2024).
4. Тоскливая экранизация пьесы о встрече основателя психоанализа Зигмунда Фрейда и писателя Клайва Льюиса. — URL: <https://www.film.ru/articles/recenziya-na-film-po-freydu-retro-dramu-s-entoni-hopkinsom-i-mettyu-gudom> (дата обращения: 12.09.2024).

УДК 070

РОЛЬ ЖУРНАЛИСТИКИ В МУЗЫКАЛЬНОЙ РОК-КУЛЬТУРЕ ДОКЛАДА

Ржанова С. А., д-р культурологии, проф., ORCID 0000-0001-7856-7101
ФГБОУ ВО «Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева»,
г. Саранск, РФ
rzanova@mail.ru

Введение. Трансляция культурных ценностей через медиа признается многими исследователями [3; 6; 7]. Течение рок-культуры возникает стихийно примерно в середине 20 века, затрагивая актуальные и волнующие социальные темы. Для многих поколений это движение явилось не просто стилем музыки, но и целым образом жизни, социальным конструктом. Подобный общественный и культурный феномен всерьез начал волновать и интересовать журналистов. Так простое увлечение переросло в отдельное направление в музыкальной журналистике — рок-журналистику. Это направление начинает стремительно набирать обороты: издаются специализированные рок-издания, телепередачи, радиoprogramмы, публикуются статьи в отдельных газетах, освещающиеся не только мир музыки, но и то, как это явление отражается в обществе и проявляется в общественных настроениях.

Цель исследования — установление роли журналистики в рассмотрении проблем и тем, которые напрямую касались мира музыки и современного общества в целом. На основе контент-анализа материалов журнала «Rolling Stone» исследование места и роли направления рок в музыкальной культуре медиа.

Основная часть. Журнал «Rolling Stone» — музыкальный журнал, который начал издаваться в городе Сан-Франциско в 1967 году, стремительно быстро распространился в массы и стал одним из самых влиятельных и авторитетных изданий о музыке и музыкальной индустрии в целом.

В первом выпуске журнала сразу же просматривается будущая направленность и наполненность журнала: рецензии на выходы новых песен, интервью с музыкантами, информация из мира музыки, где обсуждаются тенденции рок-культуры. Музыканты начинают обращаться не только к миру внутренних переживаний, но и к внешним. Так, национальные и социальные темы активно освещаются в искусстве. Рок-культура изучается журналистами изнутри, приобретая тем самым более объективный характер и нейтральный способ подачи информации. Он избавляет рок-журналистику от излишнего официоза и формальности, делая материал живым и интересным, без негативно окрашенной лексики, которая была характерна подобным материал в определенный период развития рок-музыки. Так рок-журналистика продолжает оставаться достоверным и вечным отражением творческих исканий рок-поэтов и музыкантов.

Исследование рок-журналистики 20 века с вниманием на журнал «Rolling Stone» позволяет разносторонне и глубже изучить значимость и влияние данного журналистского жанра на формирование не только музыкальной рок-культуры, но и мнения общественности в целом. Отметим, что журналистика, поставленная на службу идеалам культуры, способна зафиксировать многие социально-коммуникативные процессы переходного общества, стать культурно-образовательным и социально значимым фактором в жизни современного общества.

Кроме СМИ нет другого средства, которое позволило бы универсально, оперативно удовлетворять потребности людей в социально-политической информации, более того, влиять на сознание и поведение людей, формировать их взгляды, стремления, идеалы, т. е. систему ценностей [5, с.3].

Стоит отметить, что карьера многих музыкальных журналистов началась именно с этого журнала, поскольку на последних страницах каждого выпуска главный редактор оставлял обращение к читателю, где призывал присылать свои материалы в их редакцию.

В 70-е годы 20 столетия «катящийся камень» оказывается на пике своего влияния, поскольку все именитые музыканты стремились оказаться на обложке журнала. В этот период «Rolling Stone» является изданием, которое воздействует на общество и транслирует тенденции, которые принимаются массами. Проведенный контент-анализ медиатекстов показал, что в основе многих такая базовая культурная особенность рок-культуры, как индивидуальность. Бесспорно, многие моменты в имидже и музыке были схожими, но далеко не идентичными. Например, в интервью с Рави Шанкармом, известным в мире индийским музыкантом, респондент делится своими мыслями: «И все-таки, в роке должна быть не только идея, но и индивидуальность, которая цепляет общество. Рокер должен запоминаться, а не только выделяться их серых масс» [1]. Такая концепция оксюморона, звучащая как «со всеми, но сам по себе», стала референсом рок- культуры и

самосознания в массмедийном пространстве. Происходило гиперболизированное идентифицирование себя с определенной группой и при этом возникало желание и стремление сохранить свою индивидуальность. Подобным образом и возникала возможность самовыражения только посредством идентификации с той или иной ролевой группой, выстраивающей свою модель поведения.

Несмотря на эпатаж и дух свободы, любовь и ценность семьи также транслировались на страницах журнала. Это выражалось не только в текстах, но и на самой обложке. Одним их ярких примеров такого проявления можно считать обложку выпуска, датируемого 1980 годом. На ней изображен Джон Леннон со своей женой Йоко Оно. Стоит учесть и тот факт, что песни группы The Beatles, лидером которой и являлся Джон Леннон, в основном имели любовный и романтический характер. Это можно назвать романтическими балладами о прекрасном женском образе и силе всепобеждающей любви. Так их репертуар описывался на страницах журнала. Сами участники группы также упоминали об этом неоднократно в своих интервью и признаниях журналистам. All you need is love (пер. с англ — «все, что тебе нужно, это любовь»), так называется один из мировых хитов музыкантов. К примеру, в 60-х годах активно начинает обирать обороты блюз. Страницы «Rolling Stone» изобилуют материалами об этом жанре. Так и зарождается блюз-рок: свобода и сдержанность, инновация и классика

Заключение. Результаты исследования дают сделать вывод о том, что рок-журналистика продолжала оставаться важным феноменом на протяжении всего минувшего столетия, способствуя сохранению, распространению и продвижению рок-наследия. Принцип свободы творчества и просто свободы составляет архетип рока и рок-культуры в целом. Происходит сознательное и бессознательно бойкотирование норм и правил, приписанных обществом. Это и порождает новое, отвергая старое. Культовым музыкальным изданием 20 века становится американский журнал «Rolling Stone», который занимался не только информированием читателей о музыкальных новинках, но и затрагивал многие культурные и волнующие темы, раскрывающиеся в интервью с известными и многогранными героями. Изначально журнал имел более пацифистскую направленность (об этом свидетельствует интервью с Джоном Ленноном и его изображение на одном из первых выпусков), а уже позднее, ближе к 70-м годам 20 столетия, отказавшись полностью от миролюбивых настроений в своем издании, «Rolling Stone» освещал панк-культуру. Цинизм и скандальность становятся ведущими темами в журнале.

Список литературы

1. Данилов А. «Роллинг Стоун»: критика и друзья / А. Данилов // Литературное обозрение. — 2005. — № 3. — С. 112–126.

2. Козлов Б. От RS к RS: биография журнала Rolling Stone / Б. Козлов // Статистика. — 2008. — № 4. — С. 45–59.
3. Медведев Д. Рок-публицистика: новые форматы в журналистике / Д. Медведев // Публицистика. — 2014. — № 6. — С. 13–27.
4. Ремизова Н. И. «Идеи рок-субкультуры в структуре журнала Rolling Stone / Н.И. Ремизова // Вестник Пермского университета. — 2018. — С. 110–116.
5. Ржанова С. А. Речевая культура как феномен массовой коммуникации / С. А. Ржанова. — Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2007. — 207 с.
6. Троицкий А. Гремучие скелеты в шкафу: Восток алеет : сборник статей / А. Троицкий. — Санкт-Петербург : Издательство ТИД Амфора, 2008. — 273 с.
7. Чернов В. Переходящий век: статистика и культурные ценности в XXI веке / В. Чернов // Журнал. — 2017. — № 4. — С. 67–81.

УДК 615.849

ИННОВАЦИОННЫЕ ПОДХОДЫ К ПОВЫШЕНИЮ МЕДИАГРАМОТНОСТИ НА НОВЫХ РОССИЙСКИХ ТЕРРИТОРИЯХ

Роевко Н. А.

ФГБОУ ВО «Мариупольский государственный университет имени А.И. Куинджи»,
г. Мариуполь, ДНР, РФ
n.roenko@mgumariupol.ru

Введение. Современные условия информационного общества предъявляют новые требования к образовательным системам. Медиаграмотность становится важнейшим навыком, необходимым для успешной навигации в потоке информации. Это особенно актуально для новых российских территорий, где информационные войны и манипуляции активно влияют на общественное сознание.

Целью данного исследования является рассмотрение инновационных подходов к формированию и повышению медиаграмотности студентов на новых российских территориях. Особое внимание уделяется практике Мариупольского государственного университета имени А.И. Куинджи.

Основная часть. В 2024 году медиаграмотность является ключевым навыком для любого современного человека, ведь цифровая информация и медийный контент играют значительную роль в формировании общественного мнения и восприятия реальности.

Новостные материалы часто транслируются через призму сенсационных скандалов, которые могут быть реальными, преувеличенными или полностью искаженными. Подобный контент зачастую привлекает большое внимание аудитории из-за эмоционального воздействия, однако смещает фокус внимания от действительно значимых тем [5]. У

пользователей отсутствует критическое мышление и необходимые навыки для работы с информацией, которые позволяют распознавать неправдивую и перекрученную информацию, не соответствующую действительности.

Нынешняя геополитическая ситуация, которая образовалась в Российской Федерации после начала проведения специальной военной операции, требует от общества модернизации всех сфер жизнедеятельности общества [4]. В том числе это касается популяризации темы медиаграмотности среди населения.

Медиаграмотность способствует развитию информационного общества за счёт совершенствования и усложнения коммуникационных технологий. Результат медиаобразования — медиакомпетентность — формирует новые запросы в информационном обществе, что делает контент более эффективным для восприятия аудиторией [2].

Формирование критического мышления и медиаграмотности у обучающихся высшего образования является приоритетной задачей, стоящей перед российской высшей школой. В данном контексте рассмотрим пример Мариупольского государственного университета имени А.И. Куинджи.

Обновление портфеля образовательных программ является одним из наиболее эффективных подходов на пути повышения медиаграмотности студентов. Так, в 2023 году, Мариупольский государственный университет имени А.И. Куинджи расширил перечень направлений подготовки бакалавриата и магистратуры [3]. Добавились новые направления подготовки, такие как: «Реклама и связи с общественностью», «Редактор средств массовой информации». Второй год подряд студенты новых медиаспециальностей обучаются по новейшим учебным планам, включающим модули по цифровым коммуникациям, фактчекингу и работе с информацией в условиях цифровой среды. Кроме этого, в учебные программы были интегрированы дисциплины, направленные на развитие критического мышления и медиаграмотности, что позволяет студентам глубже понять механизмы функционирования современных медиа.

Еще одним ключевым аспектом формирования медиаграмотности является максимальное освещение правдивой информации о событиях 2022 года, которые происходили в Мариуполе, а также роли в этом процессе Мариупольского государственного университета имени А.И. Куинджи.

В условиях информационной войны, украинские СМИ переполнены дезинформацией о деятельности, как они утверждают «фейкового МГУ», что может дезориентировать потенциальных абитуриентов и их родителей, а также действующих студентов университета. В соответствии с этим чрезвычайно важно, чтобы обучающиеся и другие заинтересованные лица обращались к проверенным источникам, таким как официальные ресурсы Мариупольского государственного университета имени А.И. Куинджи. Эти каналы предоставляют объективную информацию, отражая реальную

ситуацию. Кроме этого, руководство вуза активно сотрудничает с российскими медиа, делая официальные заявления на тему боевых действий и достижений университета за два года его существования.

В интервью журналисту Александру Малькевичу на стриме «Малькевич LIVE» исполняющий обязанности ректора Мариупольского государственного университета имени А.И. Куинджи Лариса Анатольевна Сиволап подробно рассказала о текущей работе высшего учебного заведения, поделилась планом развития университета на ближайшие несколько лет и перспективными векторами сотрудничества с российскими вузами.

В рамках развития проекта «Историческая медиашкола», который реализуется Министерством науки и высшего образования Российской Федерации с целью развития исторического образования и его популяризации среди молодежи, в 2024 году были созданы каналы «Историческая правда» в социальных сетях Telegram и Дзен. Данному каналу первый проректор вуза Дмитрий Валериевич прокомментировал на широкую аудиторию события, происходившие в городе после присоединения к России, исходя из личного опыта. За всю историю педагогической деятельности Дмитрий Валериевич не припоминает периодов, когда в систему высшего образования вкладывалось столько ресурсов, как в последние годы [1].

Практическая направленность в вопросе повышения медиаграмотности обучающихся высшего образования на новых российских территориях играет немаловажную роль, поскольку именно через практические навыки студенты могут эффективнее осваивать компетенции критического мышления и анализа медийного контента. Важным элементом такой практической подготовки является запуск работы Молодежной лаборатории «Лаборатория медиаграмотности и медиаследований».

Лаборатория медиаграмотности и медиаследований — это уникальный проект, реализуемый на площадке Мариупольского государственного университета имени А.И. Куинджи при поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации. Она является вспомогательным учебно-производственным структурным подразделением, осуществляющим научно-исследовательскую и практическую работу.

Деятельность лаборатории направлена на организационно-консультационное сопровождение учебных дисциплин, ориентированных на подготовку обучающихся в области медиаобразования и на формирование у них медиакультуры. Лаборатория также обеспечивает участие студентов в научных конференциях, тематических форумах и конкурсах, направленных на формирование у них медиаграмотности и последующую разработку авторских медиаследований.

Особое внимание уделяется привлечению всех сотрудников Лаборатории к научной работе, что позволяет разрабатывать передовые проекты в сфере медиа, создавать научные публикации и исследования, которые в перспективе способствуют повышению уровня медиаобразования у обучающихся.

Заключение. Повышение медиаграмотности на новых российских территориях является ключевым фактором в противодействии дезинформации и формировании критического мышления у студентов. Мариупольский государственный университет имени А.И. Куинджи демонстрирует успешный пример внедрения медиаграмотности в образовательный процесс и создания практических площадок, таких как Молодежная лаборатория «Лаборатория медиаграмотности и медиаследований», которые способствуют развитию медиакомпетенций у обучающихся. Эти инициативы помогают студентам эффективнее ориентироваться в современном медиaprостранстве и противостоять информационным вызовам.

Список литературы

1. 2 года освобождению Мариуполя [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://dzen.ru/a/ZktWtITzUzKpj8mM> (дата обращения: 11.09.2024).
2. Медиаграмотность в информационном обществе [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://scienceforum.ru/2021/article/2018024721?ysclid=lv1zx4xgh4842080672> (дата обращения: 11.09.2024).
3. Новые образовательные программы / Мариупольский государственный университет имени А.И. Куинджи: сайт. — URL: <https://mgumariupol.ru/component/content/article/17-novosti-priemnoj-komissii/154-novye-obrazovatelnye-programmy?highlight=WyJcdTA0M2ZcdTA0M2VcdTA0NDBcdTA0NDJcdTA0NDRcdTA0MzVcdTA0M2JcdTA0NGMiXQ==&Itemid=118> (дата обращения: 11.09.2024).
4. Смирнов, В. А. Гражданские установки российских студентов в контексте специальной военной операции / В. А. Смирнов // Высшее образование в России. — 2023. — Т. 32, № 8-9. — С. 9-23. — DOI 10.31992/0869-3617-2023-32-8-9-9-23. — EDN IMHDWW.
5. Стращенко, И. А. Проблемы и перспективы развития новой медиа-среды в информационной политике государства / И. А. Стращенко // Грани науки: теория и практика : сборник трудов Международной научно-практической конференции, Ростов-на-Дону-Мадрид, 01 июля 2019 года / Ответственный редактор: А.В. Авдеев. — Ростов-на-Дону-Мадрид: ООО «СФЕРА», 2019. — С. 132-138. — EDN HFGVTX.

ВЫБОР РЕЧЕВЫХ СТРАТЕГИЙ В ВЫСТУПЛЕНИЯХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ДЕЯТЕЛЕЙ

Рыбалка Ю. О., ORCID 0009-0000-4048-7990

ФГАОУ ВО «Волгоградский государственный университет», г. Волгоград, РФ
rybalka.journalist@gmail.com

Поиск возможностей и способов поддержания контакта с целевой аудиторией — одна из базовых профессиональных задач политического деятеля любого уровня. В процессе разработки тактики выступления политик может стремиться к достижению разных целей, однако реализовать ни одну из них невозможно без тщательного, осмысленного выбора речевой стратегии. В настоящее время исследователи вербальной коммуникации выделяют два сценария политического дискурса:

1. Благоприятный диалог (основная цель его ведения — кооперация).
2. Конфликтный диалог (он выстраивается на базе конфликта, столкновения взглядов, мнений позиций).

Выбор речевых стратегий во многом определяет направленность процесса коммуникации. Наиболее распространенными речевыми стратегиями, как правило, считаются:

- стратегии мистификации, они выстраиваются на основании поиска «тайной истины» и противопоставления себя другим [4];
- стратегии частичного сокрытия информации [4];
- стратегии анонимности, применяются для разделения или снятия ответственности за действия либо бездействие [4];
- стратегии конструирования образа оппонента;
- стратегии разрушения уже сложившегося образа оппонента.

Целесообразным считаем рассмотрение трёх базовых речевых стратегий политических фигур, в том или ином виде обнаруживаемых в классификациях исследователей:

1) условно позитивная стратегия (кооперативная, направленная на поиск общего позитивного взгляда на реалии окружающей действительности, достижение поставленных задач с учётом интересов всех сторон коммуникации) [1];

2) условно нейтральная, базовой целью которой не становится поиск общих позитивных или негативных точек соприкосновения, но является желание избежать взаимодействия с другими участниками коммуникации [1];

3) условно негативная, основанная на противопоставлении позиций, потребности самоутвердиться за счёт другого, стремлении действовать в

собственных интересах, невзирая на интересы других участников коммуникации.

Синтезированная в ходе исследования обобщенная классификация является универсальной для определения базовой направленности речевой стратегии политического лидера. Она открывает возможности для выявления дополнительных — общеизвестных или индивидуально разработанных — тактик ведения коммуникации с аудиторией. Так, например, условно негативная стратегия может включать разнообразные вербальные и невербальные тактики, применяемые в ходе выступления — тактику дискредитации оппонента посредством обвинений и насмешек, тактику дискредитации сторонников различающихся взглядов, независимо от их мотивов и убеждений, а также другие тактики [3].

Примером политической фигуры, часто придерживающейся в своих выступлениях условно позитивной или условно нейтральной речевых стратегий, является Губернатор Санкт-Петербурга Александр Дмитриевич Беглов. Выступления главы Северной столицы в большинстве случаев ориентированы на сплочение аудитории: политик грамотно расставляет акценты на значимых для петербуржцев деталях, формирует для аудитории тематические коммуникативные обстоятельства, где занимает позицию участника, не отличающегося от простого жителя города.

Выбора лишь общего направления речевой стратегии для выступления на политической арене недостаточно: для качественного воздействия на целевую и потенциальную аудиторию важно продумать нюансы, касающиеся эмоциональной сферы. Так, в грамотно составленной речи политического деятеля могут встречаться художественные приемы, позволяющие интегрировать в канву повествования важные смысловые конструкции в относительно простой, доступной и понятной форме. В частности, политическими лидерами применяются такие риторические приемы воздействия, как эпитеты, метафоры, иронии и другие.

Примечательно также, что помимо базовых средств художественной выразительности при реализации различных речевых стратегий политические лидеры задействуют потенциал фонетического уровня — замедляют или ускоряют темп речи, усиливают или снижают уровень громкости голоса, делают длительные паузы. Фактически в рамках выбора речевой стратегии политический лидер составляет комбинации приемов под решение конкретных задач. Ещё одним элементом насыщенной, следовательно, привлекательной для целевой аудитории политической речи, является применение средств выражения оценки: оно делает выступление наглядным и ярким.

Свидетельством релевантного выбора и эффективной реализации речевой стратегии можно считать:

- завоевание доверия публики;
- укрепление авторитета;

- расширение целевой аудитории, привлечение новой заинтересованной аудитории [2].

Политическая речь как средство влияния на предпочтения и настроение аудитории — действенный инструмент, позволяющий решать задачи разных масштабов: одерживать как небольшие (ситуативные) победы, так и достигать масштабных целей в серьезных коммуникативных обстоятельствах на крупных политических аренах. Отличительными особенностями политической речи можно назвать направленность на:

- обращение к актуальному контексту значимых событий общественно-политической жизни;
- стремление к завоеванию и удержанию власти;
- воздействие на разум и чувства целевой аудитории, расширение этой аудитории;
- демонстрацию определенной системы ценностей, привлечение к ней новых последователей.

Для реализации своих профессиональных задач при выборе речевой тактики политику следует помнить об этих составляющих, тщательно продумывать способы их органичного включения в тексты выступлений.

Пренебрежение выбором речевых стратегий при разработке текстов выступления политических лидеров, уделение речевым стратегиям недостаточного внимания может привести как к ситуационным коммуникативным (профессиональным) провалам, так и к ослаблению уже удерживаемых на политической арене позиций.

Список литературы

1. Дудченко, В.С. Трансформация конфликта / В.С. Дудченко // В контексте конфликтологии: диагностика и методология управления конфликтной ситуацией. — М.: Изд-во Института социологии РАН, 2001. — №3. — 176 с. — ISBN 5-89697-057-9.
2. Ухвачев, Г. И. Некоторые особенности политической речи / Г. И. Ухвачев, М.В. Куимова // Молодой ученый. — 2015. — № 10 (90). — С. 1046-1047. — ISSN: 2072-0297
3. Хабекирова, З.С. Стратегия дискредитации и приемы ее реализации в политическом дискурсе демократической оппозиции / З.С. Хабекирова // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. — 2011. — №2. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/strategiya-diskreditatsii-i-priemy-ee-realizatsii-v-politicheskom-diskurse-demokraticheskoy-oppozitsii> (дата обращения: 12.09.2024). — ISSN 2410-3489
4. Шейгал, Е. И. Семиотика политического дискурса : Монография / Е. И. Шейгал; Рос. акад. наук. Ин-т языкознания, Волгогр. гос. пед. ун-т. — Москва ; Волгоград : Перемена, 2000. — 367 с. — ISBN 5-88234-394-1

ПРОЦЕСС МЕТАФОРИЗАЦИИ В СПОРТИВНОЙ МЕДИАКОММУНИКАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ МЕДИАТЕКСТОВ РЕГИОНАЛЬНЫХ МЕДИА)

Сафонов Е. А.

ФГБОУ ВО «Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева»,
г. Саранск, РФ
evgeny_saf70@mail.ru

Введение. Процесс метафоризации заключается в переносе значений с одного объекта на другой на основе их сходства. Данный языковой прием способствует связыванию различных моделей, облегчая восприятие информации, тем самым насыщая текст экспрессивно-выразительной окраской. В спортивном дискурсе метафоризация считается связующим звеном между спортивной деятельностью и восприятием информации аудиторией.

По мнению Романовой Е. А., «под спортивным дискурсом понимается особый тип институционального дискурса, представляющий собой системы образов, языковых средств, объединенных общностью спортивной тематики и концептуальных доминант» [2, с. 75].

Средства массовой информации насыщают материалы профессиональными лексическими моделями для того, чтобы читатель смог погрузиться в атмосферу события. Поэтому метафоры прочно закрепились в спортивном лексиконе.

«По словам ученых, в современной журналистике, психолингвистике, политической лингвистике и других направлениях науки, так или иначе связанных с воздействующей силой языка, накоплен огромный опыт использования выразительных средств» [1, с. 32].

Цель исследования — изучение процесса метафоризации в спортивной медиакommunikации. На основе контент-анализа спортивных ресурсов и региональных медиа выявить метафорические модели в спорте.

Основная часть. В спортивной медиакommunikации метафоризация является одним из ключевых процессов формирования определенного контекста, эмоций и атмосферы. Метафоры помогают преобразовывать коммуникацию, делая ее более яркой и запоминающейся. Как правило, использование метафор характерно для спортивных комментаторов. С их помощью они насыщают свои репортажи динамикой и красками, что влияет на восприятие событий. К тому же они необходимы для понимания всех лингвистических нюансов из мира спорта через знакомые образы.

Каждый вид спорта разнообразен метафорическими концептами, которые формируются путем изучения исторических фактов, культуры,

разговорной лексики, заимствований и т. п. Одним из самых востребованных видов спорта, который известен обилием метафор, считается футбол. Богатая история, культурное наследие и большое количество разговоров о футболе формируют экспрессивно-выразительные формы, которые становятся элементами спортивной терминологии.

«При изучении спортивной терминологии основным способом разграничения терминологии является её рассмотрение по разным видам спорта. Внутри отдельного вида спорта терминология может структурироваться по наименованиям процессов (приёмов), оснащения, величин, признаков и свойств» [4, с. 122].

Образование метафор в спорте происходит путем наложения двух концептуальных сфер, среди которых можно выделить:

а) «спорт» — «война» («Колодин — *пушка* страшная», «Стеф Карри — лучший *снайпер*, которого мы когда-либо видели», «Шедевр Ямаля принес *обескровленной* Барселоне победу...», «Эль-Классико: бесконечная *война* «Реала» и «Барселоны», «Гарначо вывел «МЮ» вперед в финале Кубка Англии. Аргентинец *наказал оборону* «Ман Сити» за грубую ошибку», «Вьетнам *разгромлен*. Команда Карпина продолжает штамповать сухие победы»).

б) «спорт» — «история» («Сборная Испании не проигрывает на чемпионате Европы уже 12 лет. Последний раз «*красная фурия*» терпела поражение на Евро-2004»). В данном контексте «красной фурией» называют сборную Испании, которая ассоциируется с древнеримской богиней мести — Фурией.

в) «спорт» — «культура» («Олд Траффорд — *театр* мечты, но в этот раз не для «МЮ»).

«По словам некоторых исследователей, с целью анализа моментов спортивных состязаний нередко используются различные стилистические средства, в том числе и метафоры-образы, которые «сополагаются с содержательно-концептуальной информацией» [3, с. 83]. Благодаря таким метафорам тексты и репортажи становятся более эмоциональными, красочными и оценочными: «Месси получил желтую за *нырок*», что означает намеренное падение игрока с целью добиться штрафного удара в пользу своей команды; «Игнашевич *поиграл на нервах* Хиддинка. Основной защитник сборной приехал в отель за 37 минут до полуночи». Данная метафора передает эмоциональное напряжение; «Когда я увидел его рывок, у меня *отвисла челюсть*»; «Осторожен и хорошо *читает игру* — как Луний стал главным вратарем «Реала».

Процесс метафоризации в региональных медиа можно наблюдать в газетной периодике, сетевых изданиях и сообществах в социальных сетях. На примерах медиа Республики Мордовия мы проанализируем, насколько активно используются метафоры в медиатекстах.

Общественно-политическое издание «Столица С» часто публикует на своих страницах метафорические модели. Среди них можно выделить: а) «молодой хавбек ударом сходу вколотил *футбольный снаряд* в сетку»; б) «главный арбитр сразу указал на *точку*»; в) «20-летний форвард с линии вратарской вонзил *снаряд* в сетку»; г) «он *выскакивал* один на один с голкипером гостей»; д) «борьба за *приволжское золото* продолжается».

Ведущее спортивное интернет-сообщество «Футбол Мордовии» является информационно-аналитическим медиа. На страницах публикуются статистические данные и отчеты о соревнованиях. Также сообщество использует в своих материалах метафоры, среди которых можно выделить: а) «детские *футбольные баталии* выходят на финишную прямую»; б) «*сражения сильнейших* стартовали в конце августа»; в) «в Саранске с новой силой *закипают студенческие футбольные баталии*»; г) «Очень грубый фол. Едва не спровоцировал *войну на поле*»; д) «*замкнул прострел* на дальней штанге»

Заключение. Таким образом, процесс метафоризации в спортивной медиакommunikации крайне необходим для совершенствования материала. Метафоры придают материалу экспрессивно-выразительную окраску, тем самым облегчая восприятие информации. Важно отметить, что региональные медиа не уступают ведущим СМИ по количеству и качеству используемых метафор. Сетевые издания и сообщества в социальных сетях активно задействуют творческий потенциал для трансформации медиатекста, преобразовывая его в более профессиональный медиапродукт.

Список литературы

1. Пром, Н. А. Метафоры спортивного дискурса: функциональный аспект / Н. А. Пром, Е. В. Янкина, Н. И. Кохташвили // Вестник ТГПУ. — 2017. — № 6 (183). — С. 32–38.
2. Романова, Е. В. Личностно-семантическое пространство спортивного дискурса: аналитический обзор / Е. В. Романова // Научно-периодический журнал «Здоровье человека, теория и методика физической культуры и спорта». — 2017. — № 2 (5). — С. 49–86.
3. Санатина, М. В. Функции метафор в реализации профессиональной языковой личности футбольного комментатора (на материале русского языка) / М. В. Санатина // Вестник Челябинского государственного университета. — 2015. — № 15 (370). — С. 82–87.
4. Ширин, Б. А. Терминологический статус спортивной лексики / Б. А. Ширин // Central Asian Research Journal For Interdisciplinary Studies (Carjis). — 2021. — № 1. — С. 121–128.

НОВЫЙ СТАТУС СОЦИАЛЬНОЙ РЕКЛАМЫ В СОВРЕМЕННОМ МЕДИАПРОСТРАНСТВЕ

Соболева И. А., канд. филол. наук, доц., ORCID 0009-0001-5092-6747,

Давидкова Е. П., ORCID 0009-0009-8257-5871

ФГБОУ ВО «Луганский государственный педагогический университет»

г. Луганск, РФ

davidkova1704@mail.ru

Введение. В современном мире значимость рекламной коммуникации постоянно возрастает, причем рекламный процесс пронизывает все общественные ячейки, используя для этого самые разнообразные каналы.

Цель. В настоящее время детально исследованы многие аспекты рекламной коммуникации, при этом специфика дискурса социальной рекламы изучена в меньшей степени.

Основная часть. Во-первых, ранее считалось, что основное предназначение социальной рекламы — привлечь внимание к тем или иным социальным событиям и феноменам, как правило, неблагоприятным, так как социальная реклама показывает определенные изъяны общества, например, проблемы, связанные с экологией, наркоманией, курением, низкой рождаемостью, заботой о животных, отсутствием внимания к престарелым людям и т. д. Во-вторых, коммерческая реклама имеет большее распространение и в силу этого в большей степени попадает в поле внимания как отечественных, так и зарубежных исследователей. Однако современные социально-политические процессы в российском социуме обусловили активизацию различных жанров социальной рекламы (политической, патриотической и др.), привлекли внимание к этому виду массовой коммуникации самые широкие пласты россиян, особенно жителей новых регионов России. Все это в совокупности определяет необходимость изучать содержание, специфические формы и спектр новых выразительных возможностей динамично развивающейся современной социальной рекламы.

С филологической точки зрения, реклама, в том числе и социальная, есть определенная область практической деятельности, результатом которой является рекламный дискурс [4]. Дискурс рекламы — это способ, с помощью которого люди строят свои представления о мире. С дискурсивной точки зрения тексты социальной рекламы в общей сложности определяются специфичными признаками внешнего оформления и содержания, позволяющими выделять их в системе разных рекламных текстов. Им присущи глубокая и запоминающаяся визуальная составляющая, требующая расшифровки, иносказательность, метафоричность, выразительность простоты рекламного слогана,

характерная функциональная прагматическая направленность, например, нравственная назидательность, не связанная с непосредственным перлокутивным эффектом, и в своей общей совокупности дискурсы социальной рекламы занимают особое место [5].

Термин «социальная реклама» переводится с английского *public service advertising* или *public advertising* и определяется как общественная или некоммерческая реклама. В процессе усовершенствования рекламного дискурса формируется новый тип рекламы — социальный рекламный дискурс, под которым следует рассматривать корпус рекламных текстов, имеющих определенную специфику. Эти тексты не рекламируют товары и услуги (как в коммерческой рекламе), а обращают внимание на социальные проблемы и их решение [2].

Жанры социальной рекламы характеризуются рядом действенных языковых средств, которые апеллируют к чувствам людей и тем самым транслируют аксиологическую значимость ценностных доминант. Дискурсу социальной рекламы благодаря его многообразию, повторяемости, выразительности и эмоциональному эффекту свойственна значительная возможность воздействия на массового адресата, в формировании которого создается впечатление о независимости и самостоятельности в принятии тех или решений. Однако возникновение данных иллюзий заранее спрогнозировано создателями рекламных продуктов, поскольку кодируемое сообщение декодируется адресатом именно так, как это нужно адресату.

Традиционно выбор тематики дискурса социальной рекламы, привлекающей внимание создателей рекламы, предполагает наличие следующих особенностей его содержания:

1. Воздействие. Сообщение должно иметь непосредственное отношение к аудитории, затрагивать их жизнь и их интересы. Чем больше тематика соприкасается с интересами читателей (слушателей, зрителей), тем больше ее воздействие на сознание коллективного адресата. Своевременное изложение материала также увеличивает его ценность для массовой аудитории. Актуальность сообщения зависит от распространенности события, т. е. его географических или социальных масштабов, типичности.

2. Нестандартность решений. Непривычное имеет особенность приковывать внимание аудитории и способствует поддержанию живого интереса, необыкновенное нарушает привычное, предсказуемое и поэтому является центром внимания.

3. Конфликт или накал эмоций. Инцидент или разногласие является диалектическим источником хода событий. По существу, все происходящее — это урегулирование какого-либо противоречия или конфликта, то есть желаний, интересов, отношений. Драматичность любого события может быть представлена тремя стадиями: конфликт, мучительное ожидание и развязка. Внимание аудитории привлекает конфронтация

интересов, желаний и стремлений, как и контраст цвета в визуальном изображении. При желании любое событие можно преподнести в критическом состоянии [6].

В решении поставленной задачи — воздействовать на сознание коллективного адресата — дискурсивные технологии используют огромный набор выразительных языковых маркеров: экспрессивную лексику с мелиоративной или пейоративной семантикой, глаголы действия, различные речевые акты, в том числе, речевые акты экспрессивы и директивы. В целом языковые средства, используемые в дискурсе социальной рекламы, представляют собой речевые акты обращения к социальному адресату с целью побудить его пересмотреть свое поведение, прежде всего социальное. Наиболее значимыми из них выступают речевые акты директивы [7].

Графические особенности рекламных текстов, как правило, представлены использованием различных шрифтов и цветов, привлекающих внимание аудитории. Лексические средства выражения могут быть представлены использованием экспрессивно окрашенных слов или слов, которые коррелируют с шокирующими, резко негативными словами, либо наоборот, используются слова с положительной коннотацией, в зависимости от интенции создателей рекламы. Синтаксические особенности заключаются в применении простых предложений без обособленных обстоятельств и определений, а также могут быть использованы восклицательные конструкции, риторические вопросы и обращения.

Эффективное воздействие социальной рекламы сопряжено с использованием актуальной по отношению к получателю морально-эстетической системы, иначе говоря, жизнеспособность социальной рекламы требует, чтобы эстетические нормы составителя рекламы соответствовали эстетическим нормам адресата сообщения [3]. В социальной рекламе должна быть максимально эксплицитно выражена идея совершения нравственных и/или безнравственных поступков, то есть суть концептуальной оппозиции «хорошо — плохо» должна отчетливо актуализироваться не только вербально, но и носить явный визуальный образ.

Заключение. В целом социальная реклама представляет собой особую сферу дискурсивных практик, продуктом которых являются вербальные произведения — рекламные дискурсы; в своей совокупности они наделены характерными признаками языкового выражения и внешнего оформления, что позволяет отличить их от других рекламных дискурсов.

Емкая простота рекламного сообщения и красочная, как правило, требующая интерпретации получателем рекламного продукта визуальная сторона рекламы характеризуются функциональной прагматической направленностью убеждения социального адресата.

Таким образом, чутко реагируя на социальные и общественные изменения в социуме, язык вырабатывает особые дискурсивные речевые

практики, способствующие более гармоничному развитию отношений между людьми.

Список литературы

1. Агеев А.В. Социальная реклама. Теория и практика рекламной деятельности. — 2014 [Электронный ресурс] // Индустрия рекламы. URL: <http://adindustry.ru/doc/1132> (дата обращения: 05.03.2017). — ISBN 978-5-238-01544-6
2. Букина Ю.В. Слоган как неотъемлемый элемент англоязычной рекламной коммуникации / Ю. В. Букина // Филологические науки : Язык, речь, речевая коммуникация. — 2013. — Вып. 7. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.rusnauka.com/9_NND_2013/Philologia/7_131372.doc.htm. — ISBN 978-5-4220-0383-9.
3. Горелов И.Н. Невербальные компоненты коммуникации. / Отв. ред. В. Н. Ярцева; Предисл. В. И. Карасика. — Изд. 4-е. — М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. — 112 с. — ISBN 978-5-9710-6731-3.
4. Данилевская Н.В. О специфике текстов социальной рекламы в современном рекламном дискурсе (на материале медицинской профилактической литературы) / Вестник Пермского университета, 2012. — Вып. 4(20). — С.132-136.
5. Демьянков В.З., Кубрякова Е.С. Когнитивная лингвистика // Краткий словарь когнитивных терминов /. — М.: Филол. ф-т МГУ им. М.В. Ломоносова, 1996. — С. 53-55. — ISBN 5-89042-018-1.
6. Зяблова Н.Н. Дискурс и его отличие от текста [Текст] / Н. Н. Зяблова // Молодой ученый. — 2012. — №4. — С. 223-225.
7. Карасик В.И. О типах дискурса [Текст] // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: Сб. науч. тр. — Волгоград, 2000. — С. 5–20.

УДК 615.849

КОМПЕТЕНТНОСТНЫЙ ПОДХОД В ПОДГОТОВКЕ ЖУРНАЛИСТОВ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ И ПРАКТИЧЕСКАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ

Сомкин А. В.

ФГБОУ ВО «Мариупольский государственный университет имени А. И. Куинджи»,
г. Мариуполь, ДНР, РФ
a.somkin@mgumariupol.ru

Введение. В современном мире журналистика играет ключевую роль в формировании общественного мнения и распространении информации. Компетентностный подход в подготовке журналистов становится все более актуальным, так как он направлен на развитие не только теоретических знаний, но и практических навыков, необходимых для успешной профессиональной деятельности. В условиях стремительного развития технологий и изменения медиаландшафта журналисты должны обладать широким спектром компетенций, включая аналитическое мышление,

умение работать с большими объемами информации, навыки мультимедийной журналистики и соблюдение этических стандартов [1].

Цель данной работы заключается в изучении теоретических основ и практической реализации компетентного подхода в подготовке журналистов.

Основная часть. Компетентный подход в образовании представляет собой методологию, направленную на формирование у обучающихся комплекса знаний, умений, навыков и личностных качеств, необходимых для успешной профессиональной деятельности. Основные концепции компетентного подхода включают интеграцию теоретических знаний с практическими навыками, акцент на самостоятельное решение задач и развитие критического мышления [1].

Компетентный подход начал активно развиваться в середине XX века в ответ на потребности рынка труда и изменения в социально-экономической сфере. Первоначально он был внедрен в профессиональном образовании и подготовке кадров, но со временем его принципы стали применяться и в других областях образования. В 1970-х годах компетентный подход получил широкое распространение в США и странах Европы, где начались исследования и разработки образовательных программ, ориентированных на формирование компетенций. В последние десятилетия этот подход стал основой для модернизации образовательных систем во многих странах, включая Россию и Украину [1].

Компетентный подход включает несколько ключевых компонентов:

1. Знания: теоретическая база, необходимая для понимания профессиональной деятельности. Это включает в себя как общие знания, так и специализированные, относящиеся к конкретной области.

2. Умения: способность применять теоретические знания на практике. Это может включать аналитические умения, умение работать с информацией, навыки коммуникации и сотрудничества.

3. Навыки: практические действия, которые выполняются автоматически благодаря многократному повторению. Например, навыки работы с техническим оборудованием, написание текстов, проведение интервью.

4. Личностные качества: черты характера и личностные особенности, которые способствуют успешной профессиональной деятельности. Это может включать ответственность, инициативность, стрессоустойчивость, этичность и способность к саморазвитию [1].

Компетентный подход позволяет создать целостную систему подготовки специалистов, способных эффективно работать в условиях быстро меняющегося мира и решать сложные профессиональные задачи.

Методы и технологии обучения

Современные методы и технологии обучения журналистов включают в себя разнообразные подходы, направленные на развитие ключевых компетенций. Среди них можно выделить:

1. Проектное обучение. Студенты работают над реальными проектами, что позволяет им применять теоретические знания на практике и развивать навыки командной работы, исследования и анализа.

2. Интерактивные лекции и семинары. Использование мультимедийных презентаций, видеоматериалов и интерактивных заданий помогает сделать процесс обучения более увлекательным и эффективным.

3. Мастер-классы и воркшопы. Приглашение практикующих журналистов и экспертов для проведения мастер-классов позволяет студентам получить ценные знания и опыт из первых рук.

4. Симуляции и ролевые игры. Имитация реальных ситуаций, с которыми могут столкнуться журналисты, помогает студентам развивать навыки принятия решений и работы в стрессовых условиях.

5. Онлайн-курсы и вебинары. Дистанционные формы обучения позволяют студентам получать доступ к образовательным ресурсам и экспертам со всего мира [2].

Компетентностный подход в подготовке журналистов обладает рядом значительных преимуществ:

1. Практическая направленность. Студенты получают не только теоретические знания, но и практические навыки, которые они могут сразу применять в профессиональной деятельности. Это повышает их готовность к реальной работе и снижает период адаптации на рабочем месте.

2. Развитие критического мышления. Компетентностный подход способствует развитию аналитических и критических навыков, что особенно важно для журналистов, которые должны уметь оценивать информацию и делать обоснованные выводы.

3. Гибкость и адаптивность. Выпускники, подготовленные по компетентностному подходу, лучше адаптируются к быстро меняющимся условиям медиаиндустрии и могут эффективно работать в различных форматах и с разными типами медиа.

4. Междисциплинарность. Компетентностный подход часто включает элементы из различных дисциплин, что позволяет студентам получать более широкое и комплексное образование.

5. Этические стандарты. Важным аспектом является формирование у студентов высоких этических стандартов, что способствует повышению качества журналистики и доверия к медиа [3].

Несмотря на многочисленные преимущества, внедрение компетентностного подхода сталкивается с рядом вызовов и проблем:

1. Недостаток ресурсов. Реализация компетентностного подхода требует значительных ресурсов, включая квалифицированных преподавателей, современное оборудование и доступ к актуальным информационным ресурсам. Не все образовательные учреждения могут обеспечить такие условия [1].

2. Сопротивление изменениям. Преподаватели и администрация могут сопротивляться изменениям, связанным с внедрением новых методов

и технологий обучения. Это может быть связано с недостатком опыта или нежеланием выходить из зоны комфорта [2].

3. Оценка компетенций. Оценка компетенций студентов может быть сложной задачей, так как она требует комплексного подхода и использования различных методов оценки, включая практические задания, проекты и портфолио [3].

4. Интеграция теории и практики. Найти баланс между теоретическим обучением и практическими занятиями может быть сложно. Важно, чтобы студенты получали достаточное количество теоретических знаний, но при этом имели возможность применять их на практике [2].

5. Постоянное обновление программ: Медиаиндустрия быстро меняется, и образовательные программы должны постоянно обновляться, чтобы соответствовать современным требованиям. Это требует постоянного мониторинга и адаптации учебных планов [3].

Компетентностный подход в подготовке журналистов представляет собой эффективную методологию, но его успешная реализация требует значительных усилий и ресурсов. Важно, чтобы образовательные учреждения были готовы к этим вызовам и стремились к постоянному совершенствованию своих программ [1].

Заключение. Компетентностный подход в подготовке журналистов является эффективной методологией, направленной на формирование у студентов комплекса знаний, умений, навыков и личностных качеств, необходимых для успешной профессиональной деятельности. Этот подход позволяет интегрировать теоретические знания с практическими навыками, развивать критическое мышление и адаптивность, а также формировать высокие этические стандарты. Несмотря на существующие вызовы, такие как недостаток ресурсов и сложности в оценке компетенций, компетентностный подход демонстрирует значительные преимущества и потенциал для дальнейшего развития.

Список литературы

1. Каверина, О. Г. Специфика профессиональной подготовки будущих журналистов в контексте компетентностного подхода / О. Г. Каверина, Т. А. Сирота // Дидактика математики: проблемы и исследования. — 2020. — № 51. — С. 22-27. — EDN SUNAXH.
2. Компетентностный подход к формированию современного журналиста в условиях модернизации образования [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/kompetentnostnyy-podhod-k-formirovaniyu-sovremennogo-zhurnalista-v-usloviyah-modernizatsii-obrazovaniya> (дата обращения: 11.09.2024).
3. Репина, Е. Г. Компетентностный подход: фундаментальные положения и их практическая реализация в вузе / Е. Г. Репина // Педагогика высшей школы. — 2017. — № 2(8). — С. 23-28. — EDN YJMYGJ.

ТРАНСМЕДИЙНОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПОДКАСТОВ КАК ИНСТРУМЕНТА PR И РЕКЛАМЫ

Телепина К. А., Чишевич А. И.

ФГБОУ ВО «Мариупольский государственный университет
имени А. И. Куинджи», г. Мариуполь, ДНР, РФ
k.telepina@yandex.ru, a.chishevich@mgumariupol.ru

Введение. Подкастинг, современный феномен медиаккультуры, зародился в начале 2000-х годов и прошел путь от хобби до влиятельного сектора мирового медиапространства. Это произошло под воздействием нескольких ключевых факторов: доступности Интернета, распространения мобильных устройств и увеличения скорости передачи данных. Эти условия создали портативный и удобный канал передачи информации, знаний и развлечений, предоставляющий слушателям уникальную возможность создавать собственные аудиопотоки в соответствии со своими личными предпочтениями. Сегодня подкасты охватывают все мыслимые темы, от образовательных сериалов до развлекательных шоу, и становятся значительной частью ежедневного медиапотребления миллионов людей по всему миру. С каждым годом аудитория подкастов расширяется, что не остается незамеченным рынком маркетинга и рекламы. Исследования показывают, что подкасты привлекают лояльных слушателей, которые ценят глубину и качество контента. Эта аудитория очень привлекательна для студий звукозаписи, которые могут использовать подкасты для создания прочной связи между брендом и потребителем. В этом контексте подкасты оказываются эффективными инструментами укрепления своего имиджа и расширения влияния [2].

Основная часть. Подкасты, как и радио следующего поколения, обладают уникальной способностью создавать глубокие связи с аудиторией. В мире, ориентированном на контент, где конкуренция за внимание аудитории становится все более жесткой, звукозаписывающие компании могут использовать подкасты как мощный инструмент для продвижения своих услуг. Анализ потребления подкастов показывает, что у формата растет аудитория, которая ценит глубину и качество его контента. Подкасты делают их идеальным средством записи для студий звукозаписи, стремящихся связаться с аудиторией, предоставляют платформу для технических дискуссий о музыкальной индустрии и обмена опытом между музыкантами и инженерами.

Примеры успешных подкастов, созданных звукозаписывающими студиями, широко распространены. Некоторые студии используют подкасты для демонстрации навыков своих продюсеров и звукорежиссёров, акцентируя внимание на образовательном контенте. Такие подкасты служат

мастер-классами или интервью с профессионалами, подтверждая экспертизу студии в глазах потенциальных клиентов. Другие же студии делают упор на презентацию своей музыкальной продукции, предлагая эксклюзивные треки, беседы с артистами и обсуждения новинок в индустрии. Эти подкасты не только знакомят аудиторию с музыкой, но и увеличивают интерес к работам артистов.

Звукозаписывающие студии, включающие подкасты в свои маркетинговые стратегии, открывают новые горизонты взаимодействия с аудиторией, повышают узнаваемость и продвигают свои услуги. Подкасты позволяют студиям не только представить себя, но и продемонстрировать свою уникальную атмосферу и профессионализм.

Процесс создания подкаста требует тщательной подготовки и осознания потребностей целевой аудитории. Успех зависит от разработки концепции, отражающей ценности студии, а также от определения целей и целевой аудитории. Ведущие должны быть компетентными и харизматичными, чтобы привлечь внимание и укрепить связь с брендом. Качество звука также критично для успешного подкаста, и студии должны следовать высоким стандартам технического исполнения.

Качество звука имеет ключевое значение для успешного подкаста. Звукозаписывающие студии, стремящиеся к коммерческому использованию подкастов, должны внимательно относиться к техническим характеристикам производства, устанавливая высокие стандарты отрасли.

Профессиональное оборудование — это основа высокого качества звука. В то время как начинающие авторы могут обходиться простыми микрофонами и бесплатными программами, студиям необходимо инвестировать в качественные микрофоны, профессиональные аудиоинтерфейсы, студийные мониторы и специальное ПО, такое как ProTools или Adobe Audition. Важно также контролировать фоновый шум: студии должны уделять внимание звукоизоляции и акустической обработке, чтобы добиться чистоты записи. На этапе постпродакшена осуществляется улучшение звука, включая сведение и мастеринг, что включает балансировку громкости, удаление лишнего шума и акцентирование важнейших моментов контента [5].

Трансмедийное использование подкастов позволяет создать повествование вокруг бренда, которое выходит за рамки традиционных рекламных подходов. Подкасты также могут служить инструментом для укрепления отношений с клиентами. Через регулярное включение отзывов клиентов и интерактивные сессии, такие как АМА (Ask-Me-Anything), слушатели начинают воспринимать создателей контента как настоящих людей за брендом, что способствует построению доверительных отношений. Включение подкастов в комплексные PR-кампании основывается на принципах синергии различных трансмедийных элементов. Например, выпуск подкаста может сопровождаться тизерами в социальных сетях,

публикациями об анонсах эпизодов на сайте студии или эксклюзивными предложениями для подписчиков.

Анализ кампаний звукозаписывающих студий не может обойтись без учета влияния подкастов на SEO (Search Engine Optimization — оптимизация поисковой системы). Правильно оформленные и значимые для аудитории темы способствуют улучшению позиций студии в результатах поисковых систем, что напрямую ведет к повышению видимости бренда. Таким образом, детальный анализ воздействия поможет выявить наиболее эффективные аспекты подкаст-кампаний, избежать повторения ошибок и выстроить долгосрочную стратегию присутствия звукозаписывающей студии в аудиопространстве, укрепляя её позиции на рынке.

Изучение практических примеров является неотъемлемой частью анализа эффективности подкастов как средства PR и рекламы для звукозаписывающих студий. Рассмотрим конкретные кейс-стади, которые демонстрируют влияние подкастинга на рыночное положение и узнаваемость бренда студий.

В настоящее время, когда все больше людей предпочитают воспринимать информацию онлайн, создание подкастов становится популярным способом её распространения. Они могут быть посвящены различным темам: от музыки до науки и политики. Одной из главных особенностей подкастов является их доступность: они бесплатны и доступны для прослушивания в любое удобное время. Однако, несмотря на популярность этого формата, многие создатели сталкиваются с трудностями при создании и продвижении своих подкастов [3]. Приведем условный пример - подкаст, созданный звукозаписывающей студией А, который сумел привлечь широкую аудиторию благодаря интересным интервью с известными музыкантами и продюсерами. Общий тон подкаста был неформальным и увлекательным, что позволило слушателям почувствовать себя частью музыкальной индустрии. Студия умело использовала социальные сети для продвижения эпизодов, что привело к увеличению количества подписчиков на платформах стриминга и усилению маркетингового эффекта. В то же время, студия В запустила подкаст по очень узкой нише без предварительного исследования интересов целевой аудитории. Инвестиции в оборудование и маркетинг были сделаны, однако ожидаемого резонанса достигнуто не было из-за отсутствия подходящей стратегии вовлечения аудитории и продвижения контента [4].

Заключение. Исследование этих примеров подчеркивает важность всестороннего подхода к созданию подкастов, включающего в себя анализ интересов аудитории, профессиональное производство контента, и эффективное применение маркетинговых каналов. Также выявляется важность регулярной оценки результатов и готовности к быстрому внесению корректировок в стратегию в случае неудач.

Взгляд в будущее показывает, что подкасты продолжают укреплять свои позиции в маркетинговых и PR стратегиях подкаст студий. Внимание к деталям, инновационные подходы к созданию контента и сотрудничество с известными личностями и брендами могут усилить эффективность подкастов как инструмента достижения бизнес-целей [1]. Постоянное развитие технологий и аналитических инструментов приведет к появлению новых платформ для распространения и методов монетизации подкастов, что откроет дополнительные возможности для роста и развития звукозаписывающих студий в цифровую эпоху.

Список литературы

1. Авербах Е. Рождение звукового образа /Е. Авербах. — М.: Искусство, 1985. — 175 с.
2. Воинова, Е.А. Подкаст как новый формат публичной коммуникации в условиях цифровой медиасреды / Е.А. Войнова, Е.В. Синякова. — Текст : непосредственный // Социально-гуманитарные знания. — 2018. — №12. — С. 104–120.
3. Гагарина, А. Подкастинг сегодня и завтра / А. Гагарина — Текст : электронный // tvkinoradio, 24.12.2016. — URL: <https://tvkinoradio.ru/article/article9964-podkasting-segodnya-i-zavtra> (дата обращения 20.04.2020).
4. Драгун, Е.М. Инфотейнмент как явление современной медиаккультуры: специальность 24.00.01 «Теория и история культуры (культурология)» : диссертация на соискание ученой степени кандидата культурологических наук / Е.М. Драгун. — Москва, 2015. — 175 с.
5. Красильников И. М. Основы теории и практика компьютерной аранжировки музыкальных произведений / И.М. Красильников, С.Н. Завырылина // Электронные музыкальные инструменты: Пакет примерных программ для учреждений среднего профессионального образования. — Тольятти: «ПринтС», 2006. — С. 34–40.

УДК 378

ВОЕННЫЙ ОПЫТ ЛИТЕРАТУРНОГО ВОРОНЕЖА

Тулупов В. В., д-р филол. наук, проф.

ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет», г. Воронеж, РФ
vlvtul@mail.ru

Воронежская организация Союза писателей России и журнал «Подъем» в течение нескольких лет проводят литературно-патриотическую акцию «Линия фронта — линия слова», в ходе которой в городах и районных центрах области проходят встречи с читателями. Литераторы ставят целью расширить их знания по воронежской литературе о Великой Отечественной войне, ведь с нашим краем связаны многие имена писателей и журналистов, в творчестве которых тема той войны являлась одной из ведущих.

Это и Борис Васильев, добровольцем ушедший девятиклассником из школы № 28 г. на войну, это и Андрей Платонов, в годы войны корреспондент «Красной звезды», издавший тогда четыре сборника рассказов. Воронежские корни — у Егора Исаева и его поэм «Суд памяти» и «Даль памяти», у Григория Бакланова с его «Навеки девятнадцатилетними» и «Пядью земли», у Юрия Гончарова — автора повестей «Теперь — безымянные», «Дезертир», «Большой марш» и др.

В прифронтовом Воронеже продолжала выходить газета «Коммуна», около полугода издавалась газета «Красная Армия», в редакции которой работали Александр Твардовский, Александр Безыменский, Евгений Долматовский. Тогда же здесь развивалась литературная деятельность Ванды Василевской, журналистская деятельность Николая Бажана (редактировал газету «За Радянську Україну»), публицистическая деятельность Александра Корнейчука, поэтическая — Андрея Малышко. В Воронеже готовились к выпуску и печатались различные издания Советской Белорусской; активную творческую деятельность вели белорусские писатели Петрусь Бровка, Кондрат Крапива, Аркадий Кулешов, Петр Глебка [1].

С особым вниманием и почтением газета «Коммуна» относится ко всему, что связано с именем и творчеством выдающегося земляка — русского писателя Андрея Платонова, ведь на мемориальной доске, установленной на исконном родовом здании «Коммуны» на проспекте Революции начертано: «Здесь размещались редакция газеты „Воронежская коммуна“, где в 1919-1925 гг. сотрудничал писатель Андрей Платонович Платонов» [2].

Известный к началу Великой Отечественной войны писатель Андрей Платонов (уже опубликованы «Голубая глубина», «Епифановские шляпы», «Сокровенный человек» и др.) стал одним из первых военных корреспондентов. Он, «мужчина непризывного возраста, из Москвы эвакуированный», в августе ушел добровольцем на фронт рядовым, хотя уже в октябре стал корреспондентом «Красной звезды» в звании капитана. Платонов печатал корреспонденции и рассказы в газетах и журналах, его произведения выходили отдельными сборниками. Первый военный рассказ «Броня» был опубликован в сентябре 1942 г. (название не случайное: сверхпрочная броня, которую изобрел погибший моряк, символизировала характер народа). Затем пришло время таких известных произведений, как «Одухотворенные люди», «Мать» («Взыскание погибших») (этот короткий рассказ обошёл все прогрессивные газеты и журналы мира), «Смерти нет!», «В сторону заката солнца». Писатель участвовал в боях под Москвой, в Ржевской битве, на Прохоровском поле, служил на Украине и в Белоруссии. Он закончил войну в звании майора, демобилизовавшись лишь в феврале 1946-го по болезни.

Если говорить о методе работы фронтового корреспондента Платонова, то здесь показательны воспоминания его собрата по газете Павла Трояновского, написавшего в своей книге «На восьми фронтах»: «...Начало августа. Наши войска, выстояв на Курской дуге, уже сами идут вперед. Они на подступах к городу Кромы. Вместе с писателем Андреем Платоновым и корреспондентом Константином Бельхиным едем по дорогам наступления. Писатель с вещевым мешком за плечами любил вышагивать многие километры пешком, ездить только на попутных машинах. Пристанет к маршевой роте или команде выздоравливающих после ранения — и днями, неделями живет среди солдат и сержантов. Подолгу проводил он время на передовой, устраиваясь в блиндажах с командирами рот или командирами батальонов. Изучал фронтовой быт, солдатский язык, окопные песни, частушки, шутки. Ну, а когда вынуждала обстановка — вскидывал автомат и палил по врагу. А как Андрей Платонович писал свои фронтовые очерки, рассказы, а позднее и повести! От них пахло порохом, солдатским потом, махоркой. Словом, настоящей окопной жизнью» [3]. Нельзя не согласиться с мнением о том, что вся «фронтовая документалистика» Андрея Платонова — это «цельный сказ про “сокровенных людей”, отдающих свою душу и тело главному — “защите Отечества и сохранению самобытной жизни народа, какие бы грозы ни вторгались в дела земные”» [2].

Память о ратных подвигах — часть истории нашего народа, которую запечатлевают в том числе писатели и журналисты. Они и сегодня продолжают писать историю современности [4]. Тому свидетельство — первая книга памяти о героях-участниках СВО, чья судьба связана с конкретным регионом России, принадлежащая авторству Михаила Федорова и названная «Герои СВО. Воронежцы». В своем предисловии к ней губернатор Александр Гусев написал: «Многие жители Воронежской области сегодня оказывают посильную поддержку нашим Вооруженным Силам и непосредственно землякам, находящимся в зоне СВО. Спасибо вам за это, дорогие друзья! Но именно там, “за ленточкой”, такие слова, как “справедливость”, “патриотизм”, “братство”, в полной мере раскрывают свое значение. Именно там проявляются лучшие человеческие качества. Именно там обычные люди становятся настоящими героями.

Все собранные здесь рассказы о них — очень искренние и трогательные. Поэтому ценность издания — в его абсолютной достоверности» [5].

Список литературы

1. Новоселов, В. Слово опять на фронте. — URL: <https://podiemvrn.ru/slovo-opjat-na-fronte> (дата обращения 16.09.24).
2. Люди «Коммуны». Андрей Платонов на войне. — URL: https://communa.ru/kultura/lyudi_-kommuny-_andrey_platonov_na_voynе/ (дата обращения 16.09.24).

3. Бельский, А. Андрей Платонов — прозаик, военный корреспондент. — URL: <https://proza.ru/2022/12/11/556> (дата обращения 16.09.24).
4. Командировка на СВО. Воронежские и липецкие писатели совершили поездку по освобожденным районам ЛНР. — URL: <https://pechorin.net/articles/view/komandirovka-na-svo-voroniezhskii-i-lipietiskiie-pisatieli-soviershili-poiezdku-po-osvobozhdiennym-raionam-lnr> (дата обращения 17.09.24).
5. Герои СВО из Воронежа. — URL: <https://pisateli-rossii.ru/novye-knigi/geroi-svo-iz-voronezha/> (дата обращения 17.09.24).

УДК 070.19

ПУБЛИЦИСТИКА В «ТОЛСТЫХ» ЖУРНАЛАХ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Фарахшина О. М., ORCID 0000-0002-1332-0877,

Садовников М. А., ORCID 0009-0008-5090-2447

ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет»,
г. Ростов-на-Дону, РФ
farakhshina@inbox.ru

Введение. Публицистика остается высшей точкой профессионального мастерства любого журналиста. Научный интерес к публицистике не теряет своей актуальности и в XXI столетии. Причем данный объект находится в фокусе внимания как филологов, так и журналистов. Насчитывается множество подходов к трактовке данного феномена. Именно поэтому наблюдается размытие и расширение данной дефиниции в различных научных контекстах. Одни исследователи говорят о «перезагрузке» понятия в научном дискурсе [2], другие обращаются к вопросу трансформации публицистического текста в цифровую эпоху [7], вносят уточнения, касающиеся жанровых и наджанровых структур публицистики [6], фиксируют актуальные тенденции и трансформации, происходящие в отечественной публицистике [5].

В рамках нашего прикладного исследования под публицистикой мы понимаем «вид творческой деятельности, создающий представление о закономерностях процессов, протекающих в обществе, с помощью понятийно-образных средств, побуждающих аудиторию к активному восприятию реального мира» [3, с. 35]. Она характеризуется синкретичностью, ярко выраженным авторским началом, образной аналитичностью. Также стоит отметить, что смысловое ядро публицистики, по мнению исследователей, кардинально не меняется, так как глубинные, смысловые запросы аудитории никуда не исчезают, а порой, в контексте социально-исторических, геополитических трансформаций выходят на первый план и особенно актуализируются.

В качестве объекта исследования мы решили проследить, как на сегодняшний день публицистика представлена на страницах отечественных «толстых» журналов. В отечественной журналистской традиции «толстый» журнал «как уникальное, единственное в своем роде явление [1, с. 47] отличался целостностью, смысловым единством литературной и публицистической составляющей. Как точно определяют Т.А. Снигерева и А. В. Подчиненов, «”толстому” журналу в России было важно, чтобы читалась не только первая, беллетристическая часть, но и вторая, посвященная проблемам общественной и литературной жизни страны» [4, с. 14–15]. И в данном контексте небезынтересным представляется обратиться к феномену публицистики на страницах отечественных «толстых» журналов на современном этапе.

В качестве объектов исследования мы остановили свой выбор на двух «толстых» журналах, выходящих в России — «Дружба народов» и «Нева».

Цель исследования — проследить динамику публицистического контента в «толстых» отечественных журналах «Дружба народов» и «Нева» за последние 20 лет. В качестве метода мы использовали количественный (подсчет) и качественный (содержательный анализ материалов) метод исследования. Период исследования: с 2000 по 2023 гг. Выборка — сплошная.

Основанная часть. Перед представлением результатов предпринятых изысканий, обоснуем специфику выбора объектов исследования. Оба издания относятся к старейшим «толстым» журналам России (так, «Дружба народов» стала выходить с 1939 года, а «Нева» с 1955 года соответственно). Журналы выходят в Москве и Санкт-Петербурге, что позволяет говорить о двух традициях литературных «толстых» журналов. Наконец, оба издания на своих страницах дают публицистику, несмотря на то, что «Дружба народов» определяет себя как «литературно-художественный и общественно-публицистический журнал», а «Нева» — как «литературный журнал».

Итак, проведенный анализ выявил, что в процентном соотношении на долю публицистического контента в журнале «Дружба народов» за 2000–2023 гг. приходится 5 % от общего числа публикаций. Количество литературного и публицистического контента в журнале с 2000 по 2023 гг. распределяется следующим образом: на долю литературного контента приходится в общей сложности 2836 материалов, публицистики — 165 материалов.

Схожая ситуация наблюдается и в журнале «Нева»: здесь за исследуемый период публицистика занимает 4 % от общего числа материалов (собственно литературных текстов и критики). Количество литературного и публицистического контента в журнале с 2000 по 2023 гг. распределяется следующим образом: 2278 материалов из общего массива контента издания составляют литературные тексты и 84 материала — публицистические.

Не менее интересно и прослеживание динамики публицистического контента за последние двадцать лет на страницах исследуемых «толстых» журналов. Так, больше всего публицистических материалов в обоих журналах приходится на период с 2000-х по 2010-е годы. Например, в журнале «Дружба народов» в 2000 году мы обнаружили 23 текста, идентифицированных нами как публицистические, то есть в каждом номере журнала в среднем выходило по два публицистических материала. В выпусках журналов за 2001 и за 2002 год таких текстов было по 16 в каждом году, в 2004 году мы обнаружили 17 публицистических текстов в 12 выпусках журнала. С 2016 года число публицистических материалов в журнале «Дружба народов» не превышало 4 публикаций за год. Такая же ситуация наблюдается и в журнале «Нева». Так как данный журнал определяет свой тип как «литературный», публицистический контент составляет меньший процент от общего числа материалов издания. Однако, если в начале 2000-х годов на его страницах в среднем за календарный год выходило 7-10 публицистических материалов, а в середине 2010-х годов — по 5 публицистических текстов, то с 2017 года их число не превышает 1–3 материалов за год.

Заключение. Подводя итоги данного локального исследования, можно сделать следующие выводы. Во-первых, количество публицистического контента в современных отечественных «толстых» журналах значительно уступает контенту литературному. Во-вторых, действительно видна отрицательная динамика: в обоих проанализированных журналах количество публицистического материала с каждым годом снижается. И если на середину 2000-х годов приходится небольшой подъем в динамике, то начиная с середины 2010-х количество публицистики в обоих изданиях составляет незначительный процент от общего числа материалов. Отметим, что выбранные в качестве объекта исследования издания являются одними из виднейших представителей данного типа. «Толстый» журнал как тип претерпевает значительные трансформации, не утратит ли он своих специфических черт, которые выделяют его как феномен русской журналисткой традиции? — этот вопрос остается открытым.

Список литературы

1. Головин, Ю.А. Российский толстый литературно-художественный журнал как социокультурный феномен / Ю.А. Головин // Вестник МГУКИ. — 2010. — №2 (34). — С. 47–52.
2. Загидуллина, М.В. Публицистика 2.0: к определению понятия / М.В. Загидуллина // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. — 2018. — Т. 15. Вып. 2. — С. 220–235. — DOI: <https://doi.org/10.21638/11701/spbu09.2018.206>.
3. Кройчик, Л.Е. Публицистика смутного времени / Л.Е. Кройчик // Современные проблемы журналисткой науки : Ежегодный сборник научных статей. — Воронеж : Кварта, 2009. — С. 32–50.

4. Снигирева, Т.А. Феномен российского литературно-художественного журнала : учеб. пособие / Т.А. Снигирева, А.В. Подчиненов ; М-во науки и высш. образования Рос. Федерации, Урал. федер. ун-т. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2018. — 143 с.
5. Тертычный, А.А. Публицистика в современных российских СМИ: рефлексия и практика / А.А. Тертычный // Вестник РУДН. Серия: Литературоведение. Журналистика. — 2018. — Т. 23, № 1. — С. 95-102. — DOI 10.22363/2312-9220-2018-23-1-95-102.
6. Тулупов, Вл. Метод, стиль, жанр и наджанровые образования в публицистике // Вл. Тулупов, Е. Тюрина // Современные проблемы журналистской науки. Воронеж : Факультет журналистики ВГУ, 2020. — С. 157–166.
7. Фомичева, И.Д. Публицистика в эпоху интернета / И.Д. Фомичева // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. — 2013. — №5. — С. 94–111.

УДК 070

ПОПУЛИЗМ КАК СМЫСЛОВОЙ МЕХАНИЗМ КОГНИТИВНОГО ИНСТРУМЕНТАРИЯ УКРАИНСКОГО КОНФЛИКТА

Христенко К. М., ORCID 0009-0001-1411-9745

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ

k.khristenko.dongu@mail.ru

Введение. Информация вне технологической составляющей не обретает статус средства политического противостояния, переходящего в антагонистическую борьбу. Исключительно в контексте манипуляторных механизмов информация становится средством исполнения политических интересов [5, с. 107].

Когнитивный фундамент манипуляторных механизмов работы с информацией предполагают собой ряд поэтапных действий по ее интерпретации, обобщению и временному вбрасыванию (долгоиграющий временной период с определенной селективностью информационного вбрасывания), что в конечном итоге формирует общественное мнение в запрограммированном ключе [4, с. 394].

Целью для того, чтобы полноценный дискурс мог сформироваться, окрепнуть и быть принятым в качестве нормального суждения, является исключение альтернативных смыслов и «других», которые эти смыслы выражают [5, с. 109]. Это важно понимать, потому что построение дискурсов посредством исключения инаковости ограничивает то, что имеет смысл обсуждать, способы обсуждения и политические действия, вытекающие из этих дискуссий.

Основная часть. Наносимые когнитивные удары как элементы когнитивной войны постепенно и незаметно психологически истощают рецепторы информации, воздействуют на то, как мы ее обрабатываем и превращаем в знания, а также на смыслы и ценности человека, его

интерпретации физических событий, приводя его к иному желаемому типу поведения. Цель состоит в том, чтобы радикализировать общество и разобщить его, подорвать общественное доверие к государственным представителям, избирательным процессам, политикам и союзникам [5, с. 108].

В глобальном масштабе официальная украинская идеология, описывающая конфликт с Россией как борьбу между цивилизацией/ демократией и варварством/тиранией, доминирует в информационном пространстве, контролируемом западными корпоративными СМИ. Другие смыслы в дискурсе российского государства и украинской оппозиции исключены из глобальной публичной сферы, или, по крайней мере, из публичной сферы западного мира.

Именно поэтому в данном исследовании более детальный анализ официального украинского дискурса покажет, какие смыслы доминируют на мировой арене.

Популизм — один из самых обсуждаемых вопросов в современной политологической медиасреде. Несмотря на большое количество академических исследований, посвященных феномену популизма, до сих пор не существует четкого определения этого понятия.

Когда политики и общественные деятели сводят сложную социальную реальность, состоящую из множества конфликтующих интересов различных социальных групп, к простой дихотомии «хороших парней» и «плохих элит», мы называем это популизмом [1, с. 35–36].

В результате народ дискурсивно конструируется как однородный и рассматривается как носитель добра (хороший), а элита — как носитель зла (плохой). Опасность такого популистского упрощения реальности заключается в разрушении символического пространства, необходимого для коммуникации, переговоров и компромиссов. Это чревато самыми острыми социальными конфликтами [1, с. 22–28].

В чем именно заключается проблема популизма среди украинской политической элиты в условиях кризиса в российско-украинских отношениях? Насколько мы можем судить сегодня, популизм, проповедуемый президентом Украины Владимиром Зеленским, является популизмом шовинизма.

В этом транснациональном популистском проекте Украина рассматривается как неотъемлемая часть мирового сообщества цивилизаций, противостоящего варварской России.

В своих выступлениях Зеленский называет русских средневековыми людьми, которые не знают, что такое цивилизация. Остановить вторжение варваров в цивилизованный мир — с таким призывом он обращается к своей глобальной аудитории почти каждый день с начала специальной военной операции по созданию глобальной антироссийской коалиции. В речах Зеленского русские называются монстрами, уродами, извращенцами,

скотами, недочеловеками и т. д. Такая структура дискурса не означает, что между враждующими сторонами существует общность [1, с. 125].

После победы Евромайдана в 2014 году в Украине стал доминировать антироссийский популистский дискурс («мы — не они»). В 2024 году вытеснение альтернативных смыслов из поля политической репрезентации, подается как необходимость объединения общества перед лицом вражеской угрозы [1, с. 16].

Исходя из контентно-семантического анализа, можно выделить следующие смысловые точки, на которых держится целостность дискурсивных конструкций Зеленского:

1) все выступления Зеленского буквально содержат миф о борьбе с варварской цивилизацией. Украина — форпост цивилизованного мира, который борется с варварской Россией. Русские — средневековые люди, которые не знают, что такое цивилизация», «Украина остановит нашествие варваров» — фрагменты его выступлений в западном пространстве;

2) Украина представлена не только как форпост цивилизованного мира, но и как форпост демократического мира. Демократический мир в лице Украины борется не только с варварством, но и с тиранией. Другими словами, Россия в речи Зеленского — это тирания. То, что мы наблюдаем, — это борьба двух идей;

3) идея единства. По выражениям Зеленского, Украина абсолютно едина как часть одного целого-цивилизованного демократического общественного пространства. Если есть внутренние разногласия, это не значит, что у людей разные идеи, а значит, что эти люди просто представляют кремлевский нарратив, им за это платят.

Заключение. Речи Зеленского звучат на информационных платформах западных институтов, СМИ, университетов и аналитических центров. Другими словами, по крайней мере, западной общественности рассказывают описанное выше повествование, таким образом, нормализовав восприятие конфликта.

В свою очередь, западные потребители информации не имеют доступа к альтернативным смыслам, и все, что они могут извлечь из конструирования доступных дискурсов, — это то, что «мы — не они, а они — не мы».

Проанализировав же дискурсивные конструкции оппозиционеров, выявлены несколько смысловых узлов, которые систематически исключались из дискурса Зеленского. Анализ структуры дискурса оппозиции выявил несколько смысловых концептов, которые систематически исключались из дискурса Зеленского. Среди исключенных смыслов — Майдан как государственный переворот, резкий раскол украинского общества и восстание на Донбассе как результат Майдана, АТО («антитеррористическая операция») против Донбасса как преступление киевского режима против собственного народа,

преследование оппозиции и систематическое нарушение прав русскоязычных граждан Украины; установление полного контроля над Украиной со стороны неолиберальных центров мировой власти; невыполнение Украиной Минских соглашений.

Список литературы

1. Байша, Ольга Дискурсивный разлом социального поля: Уроки Евромайдана / Ольга Байша. — Москва : Издательский дом Высшей школы экономики, 2021. — 184 с. — ISBN 978-5-7598-2371-1.
2. Грейдина, Н.Л. Когнитивные основы манипуляторных технологий (на примере анализа отражения англоязычными СМИ военной спецоперации на Украине) / Н.Л. Грейдина // Вестник ЮУрГУ. Серия «Лингвистика». — 2022. — Т. 19, № 3. — С. 5–12.
3. Медушевский, А.Н. Когнитивная война: социальный контроль, управление сознанием и инструмент глобального доминирования. Часть 2 / А.Н. Медушевский // Вопросы теоретической экономики. — 2023. — № 3. — С. 92–107.
4. Христенко, К.М. Когнитивные войны как воздействие смысловых конструкций (на примере медиаосвещения украинского конфликта) / К.М. Христенко // Донецкие чтения 2023: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: Материалы VIII Международной научной конференции (Донецк, 25–27 октября 2023 г.). — 2023. — Т. 4, № 1. — С. 39–3395.
5. Христенко, К.М. Смысловой дискурс когнитивных войн: от социальной осцилляции к эмоциональным разностям (на примере медиаосвещения украинского конфликта) / К.М. Христенко // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. — 2023. — № 2. — С. 106–115.

УДК 070:177

ОСОБЕННОСТИ АВТОРСКОГО И ТЕЛЕВИЗИОННОГО ДОКУМЕНТАЛЬНОГО КИНО О ДОНБАССЕ

Чайка О. С., ORCID 0009-0000-5289-3347

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
oschaika@mail.ru

Введение. Современное документальное военное кино, как и любой другой вид документалистики, следует подразделять на авторское и телевизионное. Эта дифференциация характерна для мира киноискусства и связана с этапами развития языка кино и телевидения. Задачи, которые авторы решают с помощью неигровых фильмов о Донбассе, очевидны и находят своё отражение как в авторском документальном кино, так и в телевизионном. Однако исторически сложившаяся разница в организации и презентации информации в результате заметно влияет на внутреннюю тематическую и смысловую структуру документальных проектов, посвященных новой истории русского Донбасса.

Цель исследования состоит в изучении вопроса влияния общепринятых характеристик авторской и телевизионной документалистики на тематические и смысловые особенности неигрового кино о Донбассе.

Основная часть. Анализ документального кино о Донбассе показывает, что его авторы стремятся на экране продемонстрировать аудитории такие события и героев, которые способствуют сохранению и популяризации в обществе традиционных морально-нравственных ценностей. Среди них отмечаем чувство коллективной ответственности за свою Родину, единство русского народа перед общим врагом и дальнейшая консолидация, нравственное превосходство перед противником, стремление помогать нуждающимся, справедливость, вера в Победу и готовность сражаться за лучший мир для будущих поколений. Рассказывая о героях СВО и о мирных жителях Донбасса, авторы документальных фильмов показывают, что в нашей стране есть те, на кого можно равняться, кто способен выступить в роли нравственного ориентира в эпоху мирового противостояния концептов [2, с.394].

В авторском и телевизионном документальном кино много общего, ведь как пишет А.В. Степанян: «хронология авторского документального кино начинается с истоков кинематографии. Пройдя долгий путь от простой хроники до полнометражного авторского фильма, документальное кино с большого экрана переместилось на малый, обмениваясь накопленным опытом, средствами выразительности, методологией и т. д.» [1, с. 44].

Поэтому оценивая документальное телевизионное кино о донбасских событиях, мы учитываем то обстоятельство, что теледокументалистика потребляется бóльшим, чем в авторском кино, количеством зрителей за период показа проекта по причине массовости телеконтента и особенностей его распространения. Поэтому в таких фильмах мы часто видим некий обзор ситуации в целом, чтобы показать широкому зрителю, с чего всё началось и объяснить смысл сражения за Донбасс, которое по факту стало сражением за Русский мир. Примером таких лент могут служить работы *«Донбасс. Приказано выжечь»* специального корреспондента ВГТРК Ольги Курлаевой или *«Донбасс. За Родину!»*, подготовленного коллективом телеканала «Юнион» (ДНР). Фильмы военных корреспондентов также транслируются на ТВ, но часто они заранее трактуются самими авторами, чтоб дать широкой аудитории возможность понять глубину фильма. Например, в рамках телепрограммы «Специальный корреспондент» (ТК «Россия 1») А. Сладков рассказывал о своём фильме *«Террор против своих»*, а М. Фадеев в студии программы «Открытый эфир» (ТК «Звезда») рассказывал об особенностях проекта *«Призраки. Солдаты забытой войны»*. В результате одна из самых главных смысловых задач проектов всё равно сводится к широкомасштабной работе с телевизионной аудиторией,

которой необходимо показать всю суть происходящего на военно-политической арене.

Также важно учитывать, что зритель чаще попадает на подобный контент ситуативно, просто включая телеканал во время трансляции. Соответственно, чтобы приобщить аудиторию к просмотру, нужно внедрить в военный теледок элементы инфотеймента как способа организации материала, использовать простой и доступный для массовой аудитории телеязык, включить в фильм фактологическую и справочную информацию, а также расположить «крючки» внимания по всему материалу, а не только в начале и в конце.

Авторское документальное кино, в свою очередь, смотрят зрители, которые целенаправленно выбрали его для просмотра: включили на интернет-платформе, нашли фильм в социальных сетях или посетили соответствующий тематический кинофестиваль. Они готовы воспринимать более иносказательные формы, поскольку к подобному контенту пришли не спонтанно, а намеренно. Они глубже чувствуют действительность, чаще склонны к анализу и рассуждениям как о сюжете фильма, так и о его смыслах. Авторское кино также более удачно в плане самовыражения, поэтому ценности, демонстрируемые в таких фильмах, часто менее очевидны для зрителя, но в результате процесса познания воздействуют на него глубже, так как показаны на экране без учёта требований к телевизионному формату. Также авторы склонны чаще обращаться не только к актуальным инфоповодам, но и к более частным аспектам в рамках общего направления.

Поэтому авторский документальный военный фильм чаще посвящён более личным для автора и его целевой аудитории темам и героям и повествует, например, о тяжёлой участи детей на войне (*«Ника. Девочка, которой больше нет»* Р. Косарева), о подвигах отдельных групп лиц на фронте и в тылу (*«От фаната до солдата»* Е. Неучева, А. Ружицкого, Е. Габель, *«Горловский спецназ ЖКХ»* RT.doc, *«Якутские барсы»* А. Ербуловой), о метафизических смыслах спецоперации (*«Донбасс. Битва за правду»* С. Михеева, Р. Голованова), о полиэтнических аспектах сражения за Родину (*«Казачи»* О. Некишева, *«Битва за свободу»* RT.doc), о культурной фронтовой элите (*«Культурный фронт»* и *«Агитбригада»* О. Некишева), о самих военкорах и роли медиа на этой войне (*«Военкоры»* А. Сомова, Р. Гусарова, А. Мещерякова, *«Путь военкора»* В. Гузя) и о многом другом. К тому же авторское документальное кино больше работает с вертикалью, с философскими темами и их отражением в реальных событиях современности, с исчерпывающими познаниями о рассматриваемых предметах реальности. Такое кино больше цепляет, эмоционально вовлекает и порождает процесс осмысления и дальнейшего обсуждения того, что было продемонстрировано на экране.

Заключение. Конечно, есть общие темы и смыслы, которые раскрываются и в теле-, и в авторском документальном кино — это отдельные остросоциальные и актуальные для конкретного периода времени инфоповоды, например, освобождение того или иного значимого населённого пункта, решение бытовых проблем тыла и т. д., однако из-за специфики подготовки этих двух достаточно разных типов неигрового кино, скорость выхода в свет, аудитория и охваты таких продуктов разные. Определить, какой именно тип документального военного кино о Донбассе более оперативен или лучше влияет на морально-нравственную картину мира, сложно, поскольку каждый автор подобных проектов вносит весомый вклад в сражение за умы и сердца нашего народа, за включенность в современные события и готовность активно противостоять врагу на реальной линии фронта и на фронте медийном.

Опыт журналистов, военкоров, независимых авторов-блогеров, воплощенный в их авторских и телевизионных работах, позволяет приобщить аудиторию к просмотру документального кино и в результате оказывает высокое влияние на формирование гражданской системы взглядов, принципов, ценностей, идеалов, и убеждений.

Список литературы

1. Степанян А.В. Особенности авторского и телевизионного документального кино // Филологические науки/ А.В. Степанян // Вопросы теории и практики. — 2018. — №2–1. — С. 44–46.
2. Чайка О.С. Аксиологический потенциал документального кино о Донбассе: личностный аспект/ О.С. Чайка//Культура в фокусе научных парадигм. — 2023. — № 17. — 411с. — С. 392–397.

УДК 304.44

ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИЕ, ИСТОРИЧЕСКИЕ И ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ КОМПОНЕНТЫ В ПРОИЗВОДСТВЕ МЕДИАПРОДУКТОВ

Чумиков А. Н., д-р полит. наук, проф., ORCID 0000-0002-7208-9783
ФГБОУ ВО «Московский государственный лингвистический университет»,
г. Москва, РФ
chumikov@pr-club.com

Введение. Приоритетным требованием к содержанию медиапродукта принято считать наличие в нём проверенных фактов и недопустимость «фейков» — многозначного понятия, не имеющего чёткого научного и юридического определения. Выполнение данного требования обеспечивается государственными правовыми, корпоративными

этическими нормами, а также редакционными технологиями проверки фактов (фактчекинга). Однако эффективность медиапродуктов определяется главным образом актуальным смысловым воздействием, которое не находится в прямой связи с приводимыми фактами. В работе рассматриваются предпосылки и современная практика использования литературоведческих, исторических и лингвистических компонентов в целях формирования эффективных медиапродуктов.

Основная часть. Связка фактов и смыслов теоретически выглядит логичной и понятной. Факт (лат. “factum”, букв. «сделанное») трактуется как реальное и конкретное, а не вымышленное или абстрактное, событие или результат. Смысл есть сущность факта, переданная лексико-семантическими средствами. Однако в реальности присутствуют диспропорции и рассогласования, выражаемые в различных смыслах одного и того же факта, которые возникают в результате особенностей их лингвистического оформления и композиционного построения. Такие диспропорции интуитивно ощущались на протяжении многих десятилетий и даже столетий, но их постепенное структурирование в рамках гуманитарных наук; художественной и журналистской практики относится к XX-XXI вв.

Начиная с **литературоведческих предпосылок проблемы**, обратимся к критическим статьям Л. Н. Толстого, где он обращает внимание на существенное несовпадение художественных фактов и смыслов в произведениях искусства, воспринимаемых читателями и зрителями как выдающиеся. Так, в очерке «О Шекспире и о драме» (1903) писатель анализирует трагедию «Король Лир» и отмечает, что «выдуманность положений, не вытекающих из естественного хода событий и свойств характеров... усиливается ещё теми грубыми прикрасами, которые постоянно употребляются Шекспиром в тех местах, которые должны казаться особенно трагичными» [4, с.309].

Делая научно-психологический анализ подобных восприятий, Л. С. Выготский в исследовании «Психология искусства» (1925) разъясняет, что в принципе сюжет и фабула рассказа как правило не имеют прямых зависимостей. «Такое понимание развивалось с величайшими трудностями», и «долгое время исследование никак не могло различить эти две стороны и всякий раз путалось, когда пыталось устанавливать те или иные законы создания и восприятия рассказа». По мнению учёного, почти при всяком исследовании текста приходится сталкиваться с «чрезвычайно сильной общественной рационализацией... как предубеждением и предрассудком».

Рассматривая эти особенности на примере новеллы И. А. Бунина «Лёгкое дыхание», Л. С. Выготский прослеживает, как в результате чтения у нас создаётся впечатление, полностью противоположное тому, что дают события сами по себе. Данное явление учёный называет «законом уничтожения формой содержания» [1].

Фундаментальным инструментом смыслового воздействия медиапродукта является механизм **формирования исторической памяти**. Исследователи отмечают, что понятие «историческая наука» в своём абстрактном значении является нейтральным и понимается как источниковедение и система познаний о человеке и его деятельности. Однако в случае с термином «историческая память» или «коммеморация» (от фр. *commémorative* — памятный, мемориальный и англ. *Commemoration* — ознаменование, в память) имеет место другая трактовка. Коммеморация — это постоянно обновляемая памятная реальность, идеальная для конкретного времени, субъектов и столь же подлинная, как реальность событийная. Но речь идёт об актуализации лишь тех сторон прошлого, что имеют ценность для сегодняшнего дня. Это не столько историческая память, сколько политика памяти, практика выборочного изложения исторических знаний в определённых интересах [3, 5].

Механизм формирования исторической памяти — это непрерывный процесс, где всякое общество или его группа формируют свою идентичность посредством реконструкции собственного прошлого. Оно не просто фиксируется настоящим, а открывается им заново, моделируется в зависимости от обстоятельств современности. Происходит постоянная конкуренция между сообществами и государствами, когда *каждый субъект продвигает «свою» смысловую историческую модель, отличную от простого перечисления известных ранее или вновь открытых фактов*. И конструирует для потребителей желаемую историческую реальность в виде ориентации в настоящем, осмысления прошлого и прогнозирования будущего.

Даже сам отбор фактов для смыслового позиционирования ставится в зависимость от политической и экономической ситуации в той или иной стране и предполагает наличие у производителя контента позиции, транслируемой в дальнейшем в научно-образовательном и медийном поле. Скажем, для большинства граждан США очевидно, что именно их страна победила во Второй Мировой войне; для современной Украины — её «первородство» в становлении древнего российского государства. Объекты, мешающие «правильному» восприятию, — памятники, книги; названия улиц, городов и даже потребительских товаров удаляются из информационного, а затем и физического пространства.

Для формирования актуальных смыслов в современном политизированном медиапространстве широко используются **лексико-семантические средства**. Как отмечают А. М. Кушнир и В. В. Кафтан, языку отводится ведущая роль в ходе решения типичных для информационных войн задач логического и эмоционального убеждения целевых групп в принятии требуемой точки зрения. Терминология выступает теперь инструментом постправды, разъединяющим стороны конфликта [2].

Обращаясь к событиям российско-украинского противостояния 2022-24 гг., заслуживающим отдельного и глубокого анализа в будущем, упомянем наиболее очевидный аспект, связанный с терминологией этой военной кампании. Украинская власть и её СМИ определяли Россию в целом как «государство-террориста», что является исключительным историко-терминологическим прецедентом. Войну против России украинский истеблишмент и СМИ именовали «антитеррористической операцией» АТО). В то же время властные структуры и медиа РФ называли свои военные действия «специальной военной операцией» (СВО), а термин «акт терроризма» применяли по отношению к атакам украинской армии против гражданского населения.

Заключение. Приведённые примеры и выводы требуют изменений акцентов в современном журналистском образовании и практике, подразумевающих переход от приоритетности фактов и фактчекинга к пониманию комплексных технологий продуцирования смыслов, воздействующих на целевые аудитории через медиапродукты.

Список литературы

1. Выготский, Л. С. Лёгкое дыхание /Л.С. Выготский // Психология искусства. – М.: Искусство, 1986. – С. 146–158. ISBN 0302060000-168 КБ-7-2-86.
2. Кушнир, А. М. Особенности управления информационными войнами: очевидность и повседневность / А. М. Кушнир, В. В. Кафтан. // Вопросы теории и практики журналистики. – 2023. – Т. 12, № 3. – С. 525–543. DOI 10.17150/2308-6203.2023.12 (3). EDN: JCFSWO
3. Репина, Л. П. Культурная память и проблемы историописания (историографические заметки) / Л.П. Репина. Препринт WP6/2003/07 – М.: ГУ ВШЭ, 2003. – 42 с.
4. Толстой, Л. Н. О Шекспире и о драме // Толстой Л. Н. Собр. соч. в 20 т. – Т. 15. – М.: Худ. лит-ра, 1964. – С. 284–348.
5. Чумиков, А.Н. Позиционирование военной истории: коммеморация и интерпретация / А.Н. Чумиков // Наука. Общество. Оборона. – 2021. – Т. 9. – № 3(28). – С. 22–22 DOI: 10.24412/2311-1763-2021-3-22-22. EDN: HYWTHI

УДК 070

ПЕРИОДИКА САПЁРНЫХ АРМИЙ

Шашкова Е. В., канд. филол. наук, ORCID 0000–0002–8063–7671
ФГАОУ ВО «Омский государственный университет имени Ф.М. Достоевского»,
г. Омск, РФ
Shashkova-lenochka@list.ru

Введение. окопная журналистика — это особый вид периодики, возникший в условиях тяжелых боевых действий, когда информация рождалась в окопах, на передовой. окопные газеты создавались

непосредственно в условиях фронта, часто с использованием импровизированных средств и материалов. Распространение осуществлялось среди солдат, в госпиталях и на передовой. Эти издания были важным средством коммуникации и поддержания связи между бойцами, а также способствовали сохранению исторической памяти о войне.

Цель — выявить функциональное и содержательное своеобразие периодики сапёрных армий (на примере рукописного журнала «Красный сапёр»).

Основная часть. Создание и распространение окопной периодики в условиях военных действий требовало особых усилий и организации. Сапёры писали статьи, рисовали иллюстрации, создавали поэтические произведения, чтобы поддерживать боевой дух. Окопная журналистика становилась важным источником информации и духовного подъёма для солдат.

Журнал «Красный сапёр» — это рукописный журнал для сапёрных армий. Издание (№№1–3) выпускалось 150–м отдельным саперным батальоном 157–й стрелковой дивизии, №№ 4–7 — 83–м отдельным гвардейским саперным батальоном 76–й гвардейской стрелковой дивизии.

Записи всех пяти номеров представлены в тетрадах в линейку. Ответственный редактор — политрук В.Г. Завриев.

В первом номере журнала, выпущенном в декабре 1942 г., обозначены задачи издания: помощь солдатам в изучении сапёрного дела, в исправлении недочётов в работе сапёра, в предоставлении компетентной помощи при освоении передовой техники, чтобы стать мастерами своего дела. «На примерах передовых, знатных людей нашей части, умело применяющих технику и средства, приданные сапёрам, в сочетании с личным мужеством и храбростью, журнал будет стараться привить эти качества всем бойцам и командирам сапёрного батальона».

На страницах журнала подробно описаны особенности немецких и румынских мин, свойства взрывчатых веществ, представлены инструкции, как рассчитать расстояние по биноклю, размещены итоги дивизионных сборов и батальонных учений по сапёрному искусству и пр.

Журнал получился ярким и красочным: почти на каждой странице — рисунки цветными карандашами. Иногда это просто заглавные буквы или виньетки в конце текста, чаще — иллюстрации к изложенному материалу. Текст и иллюстрации в окопных СМИ призваны сплотить читателей, поднять и укрепить боевой дух солдат как на фронте, так и в тылу и, таким образом, стать выразителем послания, адресованного коллективному адресату [1, с.171].

Структура журнала заимствована из печатных изданий. В каждом номере — оглавление, передовая статья, постоянные рубрики.

В ходе проведенного контент-анализа выпусков мы определили основные рубрики и частотные тематические блоки.

Во всех пяти номерах журнала присутствует рубрика: «А знаешь ли ты?» (проверка знаний бойцов: 2–4 вопроса, ответы к которым предоставляются на предпоследних страницах, например, «Когда в России впервые появились инженерные войска?»); «Важные даты» (20 самых различных важных дат, например, дата смерти А.С. Пушкина); «Смехомёт» («Фронтовые частушки», «Дружеские шаржи на злобу дня»). В материалах рубрики «Наш боевой счёт» роты батальона отчитывались «на предмет обнаружения вражеских минных полей, на количество снятия вражеских мин, на количество их уничтожения путём подрыва и на количество использованных вражеских мин против него же». Приводился и общий батальонный «боевой счёт». Так, в ходе наступления под Сталинградом, с 10 по 20 января 1943 г. сапёрами батальона обезврежено 1863 мины.

Ни один номер не обходился без поэзии («В бой — играют трубы», ст. сержант М.М. Кочура, перевод с украинского В.Г. Завриева). Наибольшее количество стихотворных сочинений принадлежит перу В.Г. Завриева, бессменного редактора журнала.

Как и в «больших» печатных изданиях, в окопном журнале нашлось место для викторин и ребусов. Рубрика «А знаешь ли ты?» предлагала проверить свои знания сапёрного искусства и военной истории, например: «Какая сила тока допускается при проверке электродетонаторов, в течение какого срока?», «Кто и когда изобрёл взрывчатые вещества?» Ответы содержались тут же или в следующем номере.

Несмотря на тяжелую ситуацию, на фронте не забывали о праздниках, так в №3 поздравляют советских женщин с 8 Марта, подчёркивают их героизм и отвагу.

Передовая, как правило, составлена на основе публикаций центральных газет и посвящена советским праздникам и вождям.

Основную часть содержания составляют небольшие статьи — рассказы бойцов батальона о повседневной работе сапёров на войне: установка мин на переднем крае, разведка с целью определения минных полей противника, разминирование проходов и проводка пехоты и танков, строительство мостов, обеспечение переправ личного состава дивизии и техники через Оку и Днепр. Все статьи переписаны одним почерком и, скорее всего, редактированы. Несмотря на краткое изложение, в рассказах присутствуют ценные детали. Так, в начале 1943 г. три взвода сапёров «сняли свыше 500 противотанковых и противопехотных мин в наших минных полях и 538 противотанковых и 417 противопехотных мин противника». Среди доминантных тем: быт саперов, особенности саперной деятельности, технические особенности мин, подвиги саперов и пр.

Стоит отметить двоякий образ врага: в репортажах о переднем крае он представлен хорошо подготовленным и коварным противником, победить которого можно только умением и мужеством; в сатирической рубрике «Смехомёт» — смешным и жалким «фрицем», презренным и ничтожным.

В номерах журнала последовательно излагался боевой путь батальона с рисованными подробными картами, от обороны Одессы в 1941 г. до достижения советско-польской границы в июле 1944 г. Регулярно публиковались списки офицеров и рядовых бойцов, награждённых орденами и медалями.

В ходе проведенного анализа сохранившихся выпусков изданий саперных армий мы смогли обозначить их основные функции: информационная (передавали фронтовые новости, включая сообщения о перемещениях войск и ситуации на фронтах); просветительская (обучали пользованию военной техникой, борьбе с болезнями); морально–психологическая (поддерживали боевой дух солдат); рекреативная (предлагали юмористические и сатирические материалы, помогавшие солдатам отвлечься от тягот военной жизни).

Заключение. Окопные газеты были важным инструментом для поддержания боевого духа солдат, передачи информации о военных операциях, обмена опытом и налаживания связи между бойцами на передовой и их родными. Рукописный окопный журнал «Красный сапёр» — уникальный документ для исследования повседневной жизни и боевой деятельности сапёров на войне. В условиях современной напряженной геополитической ситуации эти документы эпохи вновь становятся актуальными и востребованными.

Список литературы

1. Нуриджанян Р.Г. Феномен парагвайских газет /Р.Г. Нуриджанян // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. — 2022. — №4 (48). — С. 56–63.

СОДЕРЖАНИЕ

Русский язык. Грамматика и словообразование

<i>Агаркова М. Д., Теркулов В. И.</i> Сложносокращённые прилагательные как разновидность аббревиатур	5
<i>Белых А. В.</i> Роль местоимений в когерентности текста в теории А. В. Бондарко	8
<i>Борозенец Д. И.</i> Построение семантического поля когнициии в панхронии: особенности объединения лексики	11
<i>Бровец А. И.</i> Дешифровка сложносокращённого слова как синхронный процесс	14
<i>Дмитриева О. И., Орлова Д. Г.</i> Динамика формирования словообразовательных типов в ходе неологизации русской глагольной лексики	16
<i>Емельянова К. Ю.</i> Функциональные разновидности абброконструкта вело-	19
<i>Кириченко Т. А., Теркулов В. И.</i> Абброконструкт сложносокращённых онимов в формальном и семантическом аспектах	22
<i>Лашко А. А., Теркулов В. И.</i> Семантика абброконструкта «бензо» и презентатива «бензиновый»	25
<i>Рязанова В. А.</i> Реализация прескриптивного и дескриптивного подходов в «Толковом словаре сложносокращённых слов русского языка»	28
<i>Смирнова И. Р.</i> Семантико-ономасиологическая типология неинициальных абброконструктов	30
<i>Станкус Е. Н.</i> Осознанность релятивных моделей дешифровки аббревиатур в повседневном общении	33
<i>Теркулов В. И.</i> Нормативный словарь сокращений и аббревиатур как лексикографический жанр	36
<i>Халабузарь А. О.</i> Основные принципы моделирования формальной эквивалентности аббревиатуры	39
<i>Шевчик А. С.</i> Морфемный анализ и семантические изменения: роль префиксального словообразования в современном русском языке	43

Русский язык. Актуальные проблемы лингвистики

Подсекция 1

<i>Авдийчук Е. Н.</i> Сакральная лексика современного поэтического субпространства в контексте дискурсивного подхода (на материале современной поэзии о войне на Донбассе)	46
<i>Ван Цзиншу.</i> Семантические особенности национально-ориентированной лексики в прозе Н. В. Гоголя	49
<i>Голубева А. А.</i> Вербализация образа винограда в творчестве О. Э. Мандельштама	53
<i>Калмыкова Д. А.</i> Обрядовый контекст в произведениях Н. В. Гоголя	56
<i>Карпенко А. В.</i> Языковая личность карточного игрока в контексте А. С. Пушкина	59
<i>Мальшева М. С.</i> Колоративное пространство любовной лирики И. А. Чернухина	62
<i>Стаценко А. С., Пешева Н. В.</i> Структурирование жанра как стилеобразующего элемента	65

Подсекция 2

<i>Адигинеева А. Б., Боколова С. Д.</i> Применение цифровых технологий в обучении профессиональному русскому языку	69
<i>Алексеевко О. Н.</i> К проблеме формирования речевой компетенции учащихся вуза	72
<i>Би Нань.</i> Обучение иностранных студентов употреблению деепричастий в научном дискурсе	75
<i>Бурляй А. С.</i> Особенности языковой личности в виртуальном пространстве социальных медиа	77
<i>Виноградова В. А., Стебунова А. Н.</i> Влияние сленга как социолингвистического фактора на языковые изменения	80
<i>Гладкая Н. В.</i> Социокультурный потенциал интернет-мема в условиях инстант-культуры	83
<i>Казанцева И. Г.</i> Устная научная монологическая речь как особый стилистический пласт русского литературного языка	85
<i>Колбасова Ю. Р., Соболева И. А.</i> Функциональный потенциал языковой нормы в формировании информационного пространства современного медиадискурса	88
<i>Кулиш С. В., Сторчак Л. В.</i> Деловое общение и его детерминанты	91
<i>Московская Т. В.</i> Молодежный сленг как лингвистический феномен, отражающий динамику жизни общества	94
<i>Суслова И. А.</i> Формирование лингвистических основ делового юридического дискурса	97
<i>Шашков И. А.</i> Перспективы сетевого дискурса: лингвоаксиологический аспект	99
<i>Щур Е. А.</i> Суггестивный потенциал русской эрратографии	102
<i>Юшкова Е. В., Стебунова А. Н.</i> Лексико-семантические особенности концепта <i>политика</i> в русском языке	105

Актуальные проблемы регионалистики

<i>Жулева М. И.</i> Представления о жизни ребенка (на материале областного словаря Б. А. Моисеева)	109
<i>Курмакаева Н. П.</i> Лингворегионознание как феномен и научное понятие	112
<i>Мозговой В. И.</i> Соответствие денотата и референта объекту номинации как условие гармоничности социальных отношений	115
<i>Панчехина М. Н.</i> О понятии «лингвокультурная идентичность» в лингворегионоведении	118
<i>Стебунова А. Н.</i> Образ политики в языковом сознании донецкой молодежи	120
<i>Шапошникова Т. Л., Гордиенко О. А., Мнацаканян Н. В.</i> Регионалистика в формате тематического детско-юношеского журнала регионального школьного технопарка (на материалах журнала «Квант Кубань-КубГТУ»)	123
<i>Шубина Н. Г., Зубахина А. А.</i> Антропонимическая составляющая годонимов Старого Оскола	126

Лингвистика войны: перспективы научного исследования языкового пространства военных конфликтов

<i>Боговая О. Ф., Косяк Е. Л.</i> Лингвистические приёмы публичного оправдания терроризма в условиях информационной войны на Донбассе	129
---	-----

<i>Евсеева М. Г.</i> Коннотирование концептов «война» и «мир» в русской фразеологии	132
<i>Епифанова Т. В.</i> К инвариантной характеристике военного дискурса	135
<i>Кайдаш М. А.</i> Дискредитация как коммуниктивная стратегия	138
<i>Соснина Л. В.</i> Имена собственные в политическом дискурсе как имиджевый ресурс	140

Общее, славянское и прикладное языкознание

<i>Борисова Л. П., Чебоксарова Ю. А.</i> Научные основы русского правописания в лингвистических этюдах А. П. Сумарокова	144
<i>Быкова Ю. В.</i> Функционирование топонимов в романе Е. Водолазкина «Лавр»	147
<i>Войлошникова В. Э., Зарицкая И. Н.</i> Концепция жанра в прикладной лингвистике	150
<i>Герцен А. С.</i> Тестирование искусственного интеллекта на опознавание маркеров времени и пространства в текстах обыденной коммуникации на примере Yagpt, Gigachat и Chatgpt	153
<i>Емельяненко А. В.</i> Иллюстрации автора художественного текста: экспрессивный потенциал креолизации (на материале творчества В. Г. Сутеева)	156
<i>Касьяненко Н. Е.</i> Роль аллюзий в произведениях Е. Г. Водолазкина	158
<i>Климова Т. В., Емельяненко А. В.</i> Лексема <i>коронавирус</i> в креолизованных текстах: суггестивный потенциал	161
<i>Могила Н. Н., Бурцева С. А., Перепелица А. С.</i> Интегрированное обучение и его роль при изучении русского языка в школе и вузе	164
<i>Могила Н. Н., Головка А. В.</i> Коллаборативное (совместное) обучение как метод стимулирования студентов при изучении лингводидактических дисциплин	168
<i>Могила Н. Н., Елисеев Н. А.</i> Коммуниктивно-информационные технологии и их роль при изучении лингвистических и прикладных дисциплин	171
<i>Могила С. А.</i> Особенности словообразования эмоционально-окрашенной лексики в текстах периодических изданий Донбасса	176
<i>Могила С. А., Юрчук К. А.</i> Сравнительный анализ языковой личности и речевого поведения мужчин и женщин	178
<i>Тисленкова И. А.</i> Скрытая коммуниктивная демонстративность одежды	181
<i>Титаренко Э. А.</i> Негативация значения украинизмов в современном разговорном и медийном дискурсе	184
<i>Яньшевская В. В.</i> Понятие о норме и её типах в содержании практических занятий по истории русского литературного языка	187
<i>Ярошенко Н. А.</i> Неономинии лица эпохи специальной военной операции	190
<i>Ярошенко Н. А., Менякина А. А.</i> Использование зооморфной метафоры при описании августовского кризиса 1991 года в романе А. А. Проханова «Последний солдат империи»	195

История русской литературы и теории словесности

<i>Ахметшин Р. Б.</i> Литературоведческий комментарий в истории чеховедения	198
<i>Белоконь С. А.</i> Жанровый синкретизм романа «Русские ночи» В.Ф. Одоевского	201
<i>Бочацкая А. А.</i> Эволюция русской литературы: историко-культурный контекст и литературные жанры от IX века до наших дней	204
<i>Вольвач А. В.</i> Ретроспектива повести В.Г. Распутина «Живи и помни» в условиях современных реалий	206

<i>Голушак О. А.</i> Смысловые лакуны в интерпретации поэтического текста	209
<i>Губарева М. А.</i> Темпоральность в контексте геопоэтики	212
<i>Даренский В. Ю.</i> Мотив остановленного времени в поэзии В. Шаламова	215
<i>Зайцева Е. В.</i> Достоевский в «Лекциях по русской литературе» Набокова	218
<i>Иванов К. Г.</i> Образ казачьего генерала Я. П. Бакланова — духовного лидера этапа «Второго Дона» в творчестве Н. Туроверова	221
<i>Квашина Л. П.</i> «Милость к падшим» в повести «Капитанская дочка» А. С. Пушкина	224
<i>Кобзарь Н. С.</i> <i>Кораблев А. А.</i> Роль текста и литературы в ранних произведениях В. Г. Сорокина	227
<i>Комин М. В.</i> Символика тополя в прозе Владислава Крапивина	229
<i>Кораблев А. А.</i> Контуры русской литературы в «Записках на манжетах» Михаила Булгакова	233
<i>Косолапова О. П.</i> Архитектура страха: как рождается ужас в литературных произведениях	236
<i>Куприянова А. А.</i> Историсофия леса в романах «Русский лес» Л. Леонова и «Имя твое», «Отречение» П. Проскурина	239
<i>Лардыгина О. А.</i> Модель одиночества «жертвы» в романе «Господа Головлевы» М. Е. Салтыкова-Щедрина	242
<i>Логвинова И. В.</i> Души живые и мертвые: Евангельский смысл повести В. Троицкой «Донецкое море»	245
<i>Майборода Н. В.</i> Герой фэнтези как носитель воспитательного потенциала произведения	248
<i>Орлова Т. С.</i> Тенденции в изучении романа «Анна Каренина» Л. Н. Толстого: женский образ	252
<i>Першина К. В.</i> Эстетическое завершение дневникового текста: теоретический аспект	254
<i>Петренко Н. В.</i> Проблема личности в творчестве Ф. М. Достоевского	257
<i>Серкина М. А., Подковальникова А. Н.</i> Аспекты психологизма в псевдоавтобиографической прозе Андрея Аствацатурова	260
<i>Торопыно Д. И., Никитина И. Н.</i> Иерархия ада в романе И. А. Гончарова «Обломов»	263
<i>Трухова Е. Н.</i> Сопоставительный анализ патриотической литературы времен лицейских лет А. С. Пушкина и современности	266
<i>Хомчак Е. Г., Волкова И. В.</i> Авторский универсум в романе «Обрыв» И. А. Гончарова	269
<i>Цыганкова Н. Б.</i> Постмодернистское произведение сквозь призму неориторики: опыт дискурсивного анализа поэмы Вен. Ерофеева «Москва-Петушки»	272
<i>Шаравин А. В., Старцева И. Л., Резаков Я. О.</i> Рассказ «Беседа с герпетологами» Ю. Трифонова: обретение творческой индивидуальности	275
<i>Шутов М. М., Штокалова С. В.</i> Донецкие страницы медицинского труэнтизма.....	278
<i>Якушкина И. В.</i> «Живоподобие» и высокий реализм: картина А. И. Лактионова «Вновь я посетил...» в экспозиции Донецкого республиканского художественного музея	281

<i>Ярошевич И. А.</i> Шахтерский труд и быт в драме «Хуртовина» С. Черкасенко	284
<i>Ярошевич И. А., Семенова И. Г.</i> Символика сакрального пространства вертепной драмы	287

Журналистика и медиакommunikации: вызовы и тренды

<i>Антоненко Ц. А.</i> Место военной журналистики в современном информационном пространстве новых медиа Донецкой Народной Республики	291
<i>Артамонова И. М., Букреева А. С.</i> Трансформация интернет-текста в аспекте прагматической адекватности	294
<i>Артамонова И. М., Павленко Э. Н.</i> Особенности кросс-медийности современных средств массовой информации	297
<i>Артамонова И. М., Назаренко А. И.</i> Фотожурналистика в контексте информационной войны	300
<i>Асташенко И. А.</i> Технологии применения политиками коммуникационного инструментария репутационного PR в период избирательных кампаний	303
<i>Байбатырова Н. М.</i> Трансформация регионального патриотического медиадискурса в новых социально-политических условиях (на примере Астраханской области)	306
<i>Безродный В. П., Титаренко Т. С.</i> Тенденции развития современной спортивной интернет-рекламы	309
<i>Болдырев С. М.</i> Манипулятивные телевизионные приемы новостного дискурса англоязычных телеканалов в 2014 г.	312
<i>Бондаренко Е. В.</i> Влияние медиасреды на восприятие населением социально-политических процессов современности	314
<i>Голодов А. Г.</i> Лингвистика войны. Вербальный аспект дискредитации СВО (на материале немецких СМИ)	317
<i>Грицай Л. А.</i> Советские фильмы сталинской эпохи как средство медиакommunikации и их роль в воспитании молодёжи	321
<i>Гудова Т. В.</i> Особенности подготовки медиаспециалистов на кафедре журналистики Донецкого государственного университета (на примере организации учебного процесса по дисциплине «Радиожурналистика»)	324
<i>Гулякина Е. В., Чудаков М. А.</i> Монополия четвертой власти: средства массовой информации и медиаправо	327
<i>Давшан И. И., Ботман А. И.</i> Инновационные методы измерения уровня медиаграмотности населения на новых территориях Российской Федерации	330
<i>Даренский В. Ю.</i> Русские концепты в информационной войне	333
<i>Дорощук Е. С.</i> Проблемное медиаполе культурной безопасности (на примере интернет-изданий Республики Татарстан)	336
<i>Журба Т. А., Чишевич А. И.</i> Поэтика цифровой эпохи: контент молодежных СМИ в условиях цифровизации	339
<i>Каика Н. Е., Байдак А. А.</i> Актуальные проблемы развития военной журналистики	341
<i>Каика Н. Е.</i> PR-инструментарий продвижения музея в условиях военного времени	344
<i>Карпенко И. И., Меринов В. Ю.</i> Галлюцинирование генеративного искусственного интеллекта: опасности и их предотвращение	348
<i>Клемёнова Е. Н., Зинченко Ю. О.</i> Анатолий Калинин — военный корреспондент... ..	351

<i>Князева Г., Найденова М. В.</i> Теоретические основы анализа информационно-коммуникативного пространства политики	354
<i>Кухаренко Е. А.</i> Медиаобраз ДНР как инструмент консолидации социума в формировании целостного восприятия территории	357
<i>Левкович В. А.</i> Медиагигиена: понятие и принципы	360
<i>Мисюрович К. Е., Чишев А. И.</i> Журналистика в новых регионах России: роль и значение для социально-экономического развития	363
<i>Москаленко Н. М.</i> Информационно-вещательный стиль в контексте медиариторики	365
<i>Наливайко Ю. Ю.</i> Стратегии мультиканальных СМИ и пабликов на примере медиаресурса «Лента.ру»	369
<i>Наливайко Ю. Ю., Новикова В. С.</i> Трансформация отечественного кинематографа: стереотипизация и формирование мировоззрения	373
<i>Олешкевич В. В.</i> Конвергентность в образовательном процессе современного журналиста: слияние журналистики и блогерства	376
<i>Пьянзина И. В., Малоземова О. С.</i> Кинорецензия в медиасреде: жанровая специфика (на материале специализированных интернет-изданий: «film.ru», «kinomania.ru», «kino-teatr.ru» и «kinoreporter.ru»)	379
<i>Ржанова С. А.</i> Роль журналистики в музыкальной рок-культуре доклада	382
<i>Роенко Н. А.</i> Инновационные подходы к повышению медиаграмотности на новых российских территориях	385
<i>Рыбалка Ю. О.</i> Выбор речевых стратегий в выступлениях политических деятелей	389
<i>Сафонов Е. А.</i> Процесс метафоризации в спортивной медиакommunikации (на примере медиатекстов региональных медиа)	352
<i>Соболева И. А., Давидкова Е. П.</i> Новый статус социальной рекламы в современном медиaprостранстве	395
<i>Сомкин А. В.</i> Компетентностный подход в подготовке журналистов: теоретические основы и практическая реализация	398
<i>Телепина К. А., Чишев А. И.</i> Трансмедийное использование подкастов как инструмента PR и рекламы	402
<i>Тулупов В. В.</i> Военный опыт литературного Воронежа	405
<i>Фарахшина О. М., Садовников М. А.</i> Публицистика в «толстых» журналах на современном этапе	408
<i>Христенко К. М.</i> Популизм как смысловой механизм когнитивного инструментария украинского конфликта	411
<i>Чайка О. С.</i> Особенности авторского и телевизионного документального кино о Донбассе	414
<i>Чумиков А. Н.</i> Литературоведческие, исторические и лингвистические компоненты в производстве медиапродуктов	417
<i>Шашкова Е. В.</i> Периодика сапёрных армий	420

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

**ДОНЕЦКИЕ ЧТЕНИЯ 2024:
ОБРАЗОВАНИЕ, НАУКА, ИННОВАЦИИ,
КУЛЬТУРА И ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОСТИ**

Материалы
IX Международной научной конференции,
15–17 октября 2024 г.,
г. Донецк

ТОМ 4
Филологические науки
Часть 1

под общей редакцией проф. *С. В. Беспаловой*

Дизайн обложки	<i>А. Ю. Гурина</i>
Технический редактор	<i>М. В. Фоменко</i>
Компьютерная верстка	<i>А. С. Бурляй</i>

Адрес оргкомитета:
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»,
ул. Университетская, 24, г. Донецк, 283001, ДНР, РФ.
E-mail: *science.prorector@donnu.ru*
